РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

А. ГРИБОЕДОВ

ГОРЕ ОТ УМА

●

А. СУХОВО-КОБЫЛИН

ПЬЕСЫ

●

А. ОСТРОВСКИЙ

ПЬЕСЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА·1974

Вступительная статья и
примечания
И. Медведевой

© Издательство «Художественная литература», 1974

Иллюстрации
Д. Бисти, А. Гончарова

© Издательство «Художественная литература», 1974

Г $\frac{7\text{-}5\text{-}164}{028\,(01)\text{-}74}$ Подп. изд.

ТРИ ДРАМАТУРГА

Что общего между драматургами, пьесы которых представлены в данном сборнике, между комедией «Горе от ума», драмой «Гроза», комедией-шуткой «Смерть Тарелкина»? Пестрокрасочная, раскидистая кисть Островского, казалось бы, несочетаема ни с ядовито-жесткой прорисовкой Сухово-Кобылина, сатира которого вызывает уже «не смех, а содрогание»[1], ни с лаконизмом глубокой живописи Грибоедова. А между тем тот факт, что трилогия («Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина») и пьесы Островского предварены здесь комедией «Горе от ума», имеет свой резон, и связь между всеми этими произведениями — налицо. В ней, в этой связи, и заключено то главное, что является характернейшим для русского театра, что обособляет его на мировой сцене. Особенность эта уже определилась в комедии восемнадцатого века, остро выявилась в «Недоросле» (1782) Фонвизина. Называя «Недоросля» и «Горе от ума» «истинно общественными комедиями», Гоголь считал, что «подобного выражения... не принимала еще комедия ни у одного из народов», так как Фонвизин и Грибоедов не ограничились осмеянием какого-либо одного человеческого порока, но обличили общественный строй, «двигнулись общественной причиной, а не собственной, восстали не противу одного лица, но против множества злоупотреблений, против уклоненья всего общества от прямой дороги» [2].

Для того чтобы огромная цель раскрытия существа русской действительности была достигнута, мало было изобразить картину этой действительности, нужно было фиксировать в ней психологический тип, а в нем черты, свойственные и всему человечеству.

Самодуры-деспоты; косные себялюбцы, ненавидящие все, что ведет к переменам; любители приятной жизни, погрязшие в безделии; недоросли разных калибров; раболепные лицемеры; дельцы-чиновники и их собратья

[1] Так писал о впечатлении от «Смерти Тарелкина» сам Сухово-Кобылин.
[2] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. в тринадцати томах, т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 400.

из мелких и крупных мошенников, на фоне которых вырисовываются их антиподы — разумники, мечтатели и фанатики правды, бескорыстные, самоотверженные,— таковы характеры, явленные в русской общественной комедии. Впервые они обозначились в комедиях Фонвизина и Грибоедова, а затем варьировались в пьесах крупнейших русских драматургов девятнадцатого века, восставших «против уклонения всего общества от прямой дороги».

Огромность задачи определила и приемы. Так, характеры, начиная с «Горе от ума», разрабатывались отнюдь не всегда в комедийном плане — чаще приемами сложного соединения, дающего комедийно-трагическую светотень (на сатирической основе). Создав свою комедию во всей сложности ее поэтики, Грибоедов отвоевал для русской драматургии полную свободу от жанровых условностей и стеснений (какие были утверждены для мировой сцены театром классицистским), как бы предуказав: необязательность наличия острой интриги, ловкого разворота пружины действия, четкого финального разрешения и определительности амплуа. Условным, емким в глазах драматурга стало само жанровое обозначение, и Грибоедов зачастую называл «Горе от ума» — «драматической картиной» и даже «сценической поэмой», имея в виду допущение жанровых элементов, казалось бы, совершенно чуждых комедии,— тонкие соединения и сплавы стилей.

Читая или видя на сцене «Горе от ума», не приходится замирать, ожидая развязывания узлов так называемой интриги, так как с самого начала все известно про Софию и Молчалина. Но ничего не знает про них Чацкий; он психологически не воспринимает очевидной истины, и на постепенном постижении ее, от сцены к сцене, и утверждено движение пьесы, ее неизменная увлекательность. Сила пьесы — не в интриге, не в завлекающем интересе к ней, а в нарастании интеллектуального и общественного антагонизма между Чацким и окружающим. Обличение зиждется не на событиях, происходящих в доме Фамусова, а как бы на исследовании изнутри этого дома — всей русской действительности (Москвы-Руси). Недаром Д. И. Писарев удивлялся глубине и объему этого исследования, какие обнаруживались в комедии Грибоедова: «Грибоедов в своем анализе русской жизни дошел до той границы, дальше которой поэт не может идти...» [1] Комические положения, разящая сатира в «Горе от ума» определены развитием сюжета от сцены к сцене и в то же время входят в самый состав изображения быта и истолкования характеров (причем некоторые из них даны лишь гротесковым наброском).

Исходя из характеристики Гоголя, мы не можем не задуматься над продолжением традиции истинно общественной комедии в русском театре девятнадцатого века и не увидать признаков этой традиции в пьесах Островского и Сухово-Кобылина.

В драмах и комедиях Островского, правда, сатира своеобразна; в ней нет ни яду, ни разящей остроты, и, несомненно, права критика, утверждав-

---

[1] Д. И. Писарев. Соч. в четырех томах, т. 3. М., Гослитиздат, 1956, с. 362.

шая, что обличение «темного царства» (Добролюбов) России в этих пьесах происходит как бы само собой, путем изображения быта и столкновения психологий. Театр Островского являет и разоблачение действительности, и мечту, то есть положительную идею («подкладку», как любил выражаться Достоевский), без которой нет истинного обличения.

Что касается трилогии Сухово-Кобылина, то здесь сатира на российскую бюрократию столь открыто-яростна, что пьесы предстают перед нами как особо изощренное продолжение традиции истинно общественной комедии, о которой говорил Гоголь. И автору, разумеется, стоило неимоверных усилий увидеть каждую из пьес трилогии в печати и на сцене. Русская цензура была здесь почти так же неумолима, как в отношении «Горя от ума».

Пьесы Островского и Сухово-Кобылина писаны в той свободной манере относительно жанровых условностей, какую укоренил в русской драматургии Грибоедов.

Вряд ли возможно определить, почему «Таланты и поклонники», одна из грустнейших пьес русского репертуара, именуется комедией, а «Бесприданница» — драмой и почему, в таком случае, «Гроза» не названа трагедией. Ведь трагические ситуации Ларисы и Катерины совершенно различны по своей драматической сути. Драматическая картина дремуче-меркантильного быта, какую дал Островский в своей первой репертуарной пьесе «Свои люди — сочтемся!», казалось бы, противоречит самой основе комедийного жанра; здесь решительно не до смеху. Четко комедийными положениями отличаются, пожалуй, лишь комедия «Лес» и трилогия о Бальзаминове.

Между тем не одни эти комедии, но и перечисленные драмы Островского принадлежат истинно общественному, обличительному театру.

Свирепо «двигнувшись» против «множества злоупотреблений» и «уклонений» департаментской России, Сухово-Кобылин ломает малейшие преграды комедийного жанра уже в первой пьесе своей трилогии. Пьеса «Свадьба Кречинского», вопреки всем законам комедии, кончается едва ли не торжеством порока и трагической безысходностью добродетели. Из этой трагической ситуации (великодушия Лидочки) вырастает тема пьесы, которая служит продолжением первой. Эта пьеса («Дело»), впрочем, уже именуется драмой, и финал ее надрывно-трагичен. Между тем, завершив драму «Дело», автор резко меняет регистр, для того чтобы сделать заключительную часть трилогии — гротескно-буффонной, и называет «Смерть Тарелкина» — комедией-шуткой, хотя не сомневается в том, что она вызовет не смех, а «содрогание» зрительного зала.

Все пьесы, которые можно считать достоянием истинно общественного русского театра, восходят к высоким замыслам, обнимающим Россию в целом, ее судьбы и неправедные пути высших слоев русского общества, о которых и говорит Гоголь.

Соотношение комедии «Горе от ума» с замыслом, который сам автор именует «великолепным», имеющим «высшее значение», нельзя рассматривать лишь в качестве факта творческой биографии Грибоедова. Все дело лишь

в доле тяготения художника к исходной теме «высшего значения». Для русской драматургии девятнадцатого века, принадлежащей к высокому роду общественной,— это тяготение является чрезвычайным, что и доказано комедией «Горе от ума», вместившей, по существу, основные философские, нравственные и политические проблемы века — всю русскую действительность.

Трилогия Сухово-Кобылина уже самой структурой своей, неразделимостью трех пьес (хотя и разноликих по стилю) говорит об обхвате, об обширности ведущей темы.

При обозрении полусотни «пьес жизни» вырисовывается тяготение Островского к объединению своих драм и комедий в циклы, или, как сам он выражался, «ряд» пьес, связанных даже и общим названием (письмо к Н. А. Некрасову 6 сентября 1857 г. о «ряде» с названием «Ночи на Волге»). Это тяготение — признак больших замыслов, объединяющих кажущуюся россыпь «пьес жизни» Островского.

«ГОРЕ ОТ УМА»

Александр Блок назвал «Горе от ума» — «гениальнейшей русской драмой» [1]. Превосходная степень в устах Блока — редкость; он не расточал своего восхищения с безразличием восторженных; слова его весомы и значительны.

Итак, поэт двадцатого века считал, что комедия Грибоедова, написанная в первую четверть века девятнадцатого,— высшее, что было и есть в русской драматургии (вспомним при этом, что сам Блок был неравнодушен к театру и писал для сцены).

Гениальная, а тем более «гениальнейшая» — эпитеты, говорящие о всемирном значении пьесы и о бесконечности воздействия ее во времени, а потому нас смущает суждение Блока; оно расходится с привычным для нас сопричислением «Горя от ума» к произведениям русской классики, хотя и великим и совершенным по языку и стиху, но специфически русским и ограниченным своею эпохой. Не стала ли комедия Грибоедова в наше время чем-то вроде музея, иллюстрирующего историю русского общества после Отечественной войны 1812 года? И не пришло ли время сознаться, что удивительные по своей силе и емкости стихи «Горя от ума» воспринимаются нами, как свод крылатых словечек вроде: «Счастливые часов не соблюдают»; «ну как не порадеть родному человечку» и т. п.? И вдруг... «гениальнейшая», да еще и не комедия, а «драма»!..

Надо полагать, что в сознание Блока врезалось прежде всех других афоризмов Грибоедова заглавие: «Горе от ума», или, как было задумано — «Горе — уму». Ведь в формуле этой — разгадка ведущего художественного образа, вся идейная суть пьесы. И не ведет ли эта формула к древнему изрече-

[1] А. Блок. Собр. соч. в восьми томах, т. 5. М.— Л., Гослитиздат, 1962, с. 168.

нию о том, что «во многой мудрости — много печали» [1], а также и к национальному источнику, к русским присловиям: «Сила — ума могила», «Сила ум ломит», и другим поговоркам в том же роде?.. А если обратиться к литературному предшествию темы «Горе — уму», то мы находим у Карамзина «Гимн глупцам» (1802) со следующими стихами:

Блажен не тот, кто всех умнее —
Ах, нет! он часто всех грустнее,—
Но тот, кто, будучи глупцом,
Себя считает мудрецом!..
. . . . . .
Он ест приятно, дремлет сладко,
Ничем в душе не оскорблен.
. . . . . .
Ему нет дела до правлений,
До тонких, трудных умозрений...

Блок явно понимал формулу комедии Грибоедова именно в ключе трагедии русского умника, так остро и сильно продолженную в романах Достоевского. Иначе что же он имел в виду, говоря о поколениях, которым следует «глубже задуматься и проникнуть в источник... художественного волнения» Грибоедова, «переходившего так часто в безумную тревогу»? [2]

Итак, Чацкий — личность, мятущийся мыслитель, герой того времени, «немного повыше прочих» (Грибоедов), из тех молодых людей, чье сердце «не терпит немоты»[3], а потому раскрывающий все сокровенно обдуманное даже и перед ничтожествами, «глупцами», как именует их Грибоедов (понимая здесь глупость в качестве немыслия, нежелания думать, осмыслять притом, что антагонисты-умники куда как хитры и деловиты). Потому немыслящие и злы на Чацкого, потому его «никто простить не хочет» [4], что мысль (а мысль сама по себе есть действие) является помехой спокойному процветанию. Госпожа Простакова говорила, что боится умников («Умниц-то ныне завелось много; их-то я и боюсь».— «Недоросль», д. III, явл. 8). Во времена Фонвизина Простаковы-Скотинины все же не имели покровительства в сфере власти. Создавалась иллюзия победы Правдиных и Стародумов. Однако уже к концу царствования Екатерины, испугавшейся призрака революции, Простаковы могли успокоиться и успокоить своих недорослей. Недаром Фамусов так восславил эту пору: «...Вот то-то, все вы гордецы!..» (д. II, явл. 2). Самое слово «умник» в декабристскую пору, к которой принадлежит комедия «Горе от ума», стало своего рода термином, определяющим протестующих вольнодумцев,— отщепенцев дворянского общества. Для Фамусова «умник» —

---

[1] Библия, Экклезиаст, 1, 18.

[2] А. Блок. Собр. соч. в восьми томах, т. 6. М.— Л., Гослитиздат, с. 290.

[3] «Московский телеграф», 1825, № 10, с. 4 второй пагинации.

[4] Ответ П. А. Катенину по поводу «Горя от ума».— А. С. Грибоедов. Сочинения в стихах. Л., «Советский писатель», 1967, с. 481.

синоним карбонария; он заявляет напрямик, что «умнику» не место в московском «свете» («Пускай себе разумником слывет...» — д. II, явл. 5). «Умники» были не в чести в «свете», и в мемуарах тех лет писали о нестерпимой запальчивости их громогласных речей.

Противостоящие «умникам» *бессловесные* являлись теперь в «свете» даже не из захолустных усадеб, а из своих *чуланчиков* под лестницей, где ютились (до времени).

Однако весомость грибоедовской антитезы Чацкий — Молчалин и самой постановки проблемы «горе — уму» в деспотствующей и бюрократической российской действительности была вполне осознана лишь в 1830—1870-х годах. Тогда именно и отмечено было, что ни общественной жизни, ни литературе не выбиться «из магического круга, начертанного Грибоедовым» [1].

* * *

В проекте предисловия к «Горю от ума» Грибоедов объяснил превращение своего высокого замысла (в первом начертании представлявшего «сценическую поэму» «высшего значения») в легкую комедию нравов своим честолюбием завзятого театрального деятеля, желанием слышать свои стихи со сцены. Но, разумеется, не в этом желании успеха, которое сам Грибоедов называет «ребяческим», была сила, толкнувшая его к переделкам ради приспособления к сцене, а, напротив, в слишком серьезном отношении к общественной роли пьес, в частности, комедии. Здесь было то, что ныне мы назвали бы общественным заказом или заданием. Комедия, исправляющая нравы, разоблачающая неправду и беззакония, почиталась в оппозиционных кругах второй половины 1810-х годов (когда и занялся ею Грибоедов) жанром, насущно необходимым, важнейшим. Недаром декабристу Улыбышеву «приснился» русский театр, в котором воцарилась «хорошая, самобытная комедия» [2]. Недаром Пушкин еще в лицее решает стать комедиографом и с 1817 по 1822 годы не перестает пробовать себя в жанре комедии (наброски комедии об игроке).

Как известно, появившаяся в 1824 году комедия «Горе от ума» более чем ответила чаяниям левого крыла русских театралов.

Обличение крепостнической и чиновной России в «Горе от ума» было столь решительным и резким, что и ближайшие друзья Грибоедова поразились его смелости, считая невероятным, «чтобы он, сочиняя свою комедию, мог в самом деле надеяться, что ее русская цензура позволит играть и печатать»[3]. Она и не позволила, разумеется, разрешив постановку всей комедии полностью

---

[1] И. А. Гончаров. Мильон терзаний (1872).— Собр. соч. в восьми томах, т. 8. М., Гослитиздат, 1955, с. 32.

[2] «Сон» («Un rêve»), статья А. Д. Улыбышева (на французском языке), в архиве общества «Зеленая лампа» (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), фонд 244, оп. 36, ед. хр. 32).

[3] «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину». СПб., 1911, с. 78.

лишь через тридцать пять лет после кончины автора. Однако распространение комедии в тысячах списков (до 40 000) позволило ей проникнуть во все уголки Российской империи, и пьеса возымела еще и привлекательность запрещенного плода. Именно смелостью охвата бытия Москвы-Руси, раскрытием глубин российской действительности и острейшей политической злободневностью был потрясен первый читатель. Причем соучастие этого читателя в разоблачениях обеспечено было простотой сюжета, тем, что русские беды и неправды раскрывались не в сложных странствиях и приключениях, а изнутри дома московского барина средней руки.

Комедия Грибоедова сразу же получила оценку именно политическую и в качестве произведения, пробуждавшего дух свободомыслия и истинного патриотизма, распространялась Северным и Южным тайными обществами. «Горе от ума» явилось как бы художественным воплощением самых радикальных политических и нравственных параграфов Устава Благоденствия («Зеленой книги»), и влияние разящих афоризмов комедии было огромным. Эта особая политическая функция комедии Грибоедова, в канун восстания декабристов, отразилась на ее литературной и сценической судьбах. Внимание и прогрессивной и реакционной критики сконцентрировалось не на трагической теме умника, не на антитезе мыслящего и угодливого, не на борьбе Чацкого с антиподами, а только на обличительном слове Чацкого. При этом критика исходила из восприятия «Горя от ума» как комедии, целиком принадлежащей классической школе. Тем самым обличитель — Чацкий, воспринимавшийся как персонаж, подобный Стародуму, занял на сцене амплуа резонера. «Кафедральность» Чацкого сама по себе создала на сцене некую странную несогласованность между любовными диалогами и громящими монологами (в чем автор вовсе не был виновен). Еще... в десятых годах двадцатого века царила традиция выспренно-назидательной, патетической декламации (Чацкий не играл, а декламировал), которую установил В. А. Каратыгин, первый Чацкий на большой (петербургской) сцене. «Играют не пьесу, а те публицистические статьи, какие она породила» [1],— писал Немирович-Данченко, работая над постановкой «Горе от ума» во МХАТе.

Уловив основной нерв комедии, Немирович-Данченко предостерегал от фальши в трактовке Чацкого и решительно отрицал несценичность комедии, несведенность ее любовной и общественно-политической ситуаций (об этой несведенности толковали почти все критики, кроме Гончарова, впервые оценившего цельность и глубину «Горя от ума» в своей замечательной статье «Мильон терзаний», 1872).

Восхищаясь «изумительным мастерством», с каким Грибоедов развертывает драматизм положения Чацкого, Немирович-Данченко едва ли не первый из мастеров сцены увидал героя таким, каким он был создан Грибоедовым: не персонажем, занимающим классическое амплуа резонера и вещаю-

[1] В. И. Немирович-Данченко. «Горе от ума» в постановке Московского Художественного театра. М.—Пб., 1923, с. 66.

щим истины, близкие автору, а героем драмы психологической, типом мыслящего молодого человека, искателя правды и справедливости, всегда гонимого общественной косностью; словом,— лицом, «страдательным, хотя и победительным в конечном счете», неизбежным «при каждой смене одного века другим... обличителем лжи и всего, что отжило, что заглушает новую жизнь, жизнь свободную» [1].

Такое понимание Чацкого раскрывало и совсем иное соотношение действующих лиц в пьесе.

* * *

Комедия «Горе от ума», с виду простая и легкая, поражает своей емкостью. Помимо антитезы и темы «горе — уму», комедия вмещает великое множество тем (строго подчиненных главной идейной формуле), и каждый персонаж несет свою тему. Комедийные темы-типы пьесы являются непреходящими не только для русской общественной жизни и не только для грибоедовской эпохи. Так, например, блюстителями установленного стандарта нравов и нравственности, всех поучающими, остаются Фамусовы, всем известные, знаменитые (*франц.* fameux). Репетиловы тоже вечны, это всем надоевшие разносчики новостей, повторяльщики чужих мыслей (*франц.* répéter), сентенций и секретных сообщений. Они-то и умеют превратить в пустую болтовню любую высокую, героическую мысль-дело.

Комедия вмещает и философскую тему, и общественно-политическую сатиру, и лирическую любовную тему, решенную не по трафарету, не в качестве комедийной интриги, приводящей к благополучному финалу, устраняющему добродетель и наказующему порок. Тема любовная развивается психологическими узлами, туго связанными и с проблемой мыслящей личности (в философском плане), и с политическим вольнодумством героя.

Обширный замысел «сценической поэмы», о котором Грибоедов говорит в наброске предисловия к несостоявшемуся изданию комедии, предполагал широкий экран эпохи и раздумий героя. В таком свободном произведении эти раздумья могли быть даны не диалогами и даже не монологами, а от автора, как это имеет место в романтических сценических поэмах, сблизивших трагедию и комедию с романом. Многое в этих произведениях, как пишет Грибоедов в своем проекте предисловия, «должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, но его поняли, все уже внятно, ясно и сильно. Для того с обеих сторон потребуется: с одной — дар, искусство; с другой — восприимчивость, внимание». Именно таковы взаимоотношения автора в «Горе от ума» с нами, читателями и зрителями. И хотя, развивая свою мысль в предисловии, Грибоедов отрицает возможность таких недоговоренностей в тексте комедии, однако в «Горе от ума» ему удается

[1] И. А. Гончаров. Мильон терзаний.— Собр. соч. в восьми томах, т. 8. М., Гослитиздат, 1955, с. 28, 30, 32.

применить этот метод романтиков множество раз и даже — в самой ответственной части, решающей успех спектакля,— в финальных сценах. Здесь зритель и читатель призваны именно угадывать и предполагать судьбы лиц, действовавших в пьесе, после финальных слов героя:

Бегу, не оглянусь...

Сложный клубок тем, развитых в комедии, объединенных вокруг главной, дал соединение комического с трагическим, и это основное свойство «Горя от ума».

В отношении Чацкого, героя некомедийного, романтического (по признакам трагического его противостояния свету и столь же трагического разрыва с ним), Грибоедов не захотел в полной мере отказаться от приемов когда-то задуманной им «сценической поэмы», замысла, затем трансформированного в комедию. Комедиограф виртуозно подчинил рассуждения Чацкого с самим собой, его размышления — общему классическому ходу и ритму пьесы, не прибегая к соответствующей ремарке, оставляющей героя в одиночестве. Характерно для четкой соразмерности построения пьесы, что Грибоедов ни разу не вывел своего Чацкого из игры даже в тех случаях, когда речь его явно оставалась втуне для окружающих. Обращены ли кому-нибудь его рассуждения о России и русской действительности: «А судьи кто?» и «Да, мочи нет: мильон терзаний...»? Да вовсе не обращены — это рассуждения с самим собой! Первый монолог Чацкий произносит в никуда, самому себе, причем Фамусов даже не делает вида, что слушает. В сцене танцев, затеянных в гостиной Фамусова, Чацкий одновременно вполне принадлежит этой гостиной (как один из гостей) и отъединен от нее *мильоном терзаний*, своими горестными раздумиями. Разумеется, и весь ход мыслей (об исторических корнях, о русском народе, все сарказмы Чацкого) вовсе не для ушей Софии, случайно к нему приблизившейся. Что монолог этот произносится в полном отъединении и рассеянии, можно понять из недоговоренного: *глядь*...

Хотя многосторонность и сложность темы пьесы Грибоедова, казалось бы, не могла быть вмещена в понятие комедии как жанра и Блок справедливо именует пьесу «драмой», тем не менее комедийная сущность остается непререкаемой. Сюжет ее заключается в беспрерывном сцеплении комических положений, хотя они и подчинены отнюдь не комедийной ситуации главных персонажей. Наиболее разительна в этом смысле комедийность положений Чацкого, героя с анализирующим, критическим и — тем самым — трагическим мышлением. Комизму положений, в которые неоднократно попадает Чацкий, подчинены и любовные изъяснения (трогательные своей глубиной, искренностью, лиризмом), и его размышления философские, политические, исторические. В соединении высокого и смешного, в подчиненности всего значительного и серьезного ходу обыденной жизни (со всеми ее подчас нелепыми и мелкими казусами) и состоит главный закон поэтики Грибоедова. Чацкий неизменно попадает в смешное положение уже тем, что отвечает на нравоучительные сентенции Фамусова, а не отмалчивается. Смешное усугубляет-

ся тем, что, с одной стороны, Чацкий, начав отвечать, углублен в свои мысли и философствует про себя, хотя и вслух. С другой стороны, диалог оказывается смешным потому, что Фамусов, совершенно неспособный воспринимать ход мыслей Чацкого, не слушает его, а подхватывает лишь отдельные слова (реплики Фамусова: «Ах, боже мой! он карбонари!.. Опасный человек!..» и т. п.). Комическими, несмотря на внутренний трагизм, являются положения Чацкого в сцене с Софией. Со всей пылкостью он изъясняется в любви в самые неподходящие минуты: во время обморока Софии из-за Молчалина, в то время, когда София, назначив свидание Молчалину, спешит к себе. В комическое положение попадает умный Чацкий и в самой встрече с Молчалиным у входа в комнату Софии, дверь которой только что была захлопнута перед носом влюбленного Чацкого.

Сложным случаем подчинения комическому началу является осмешнение положений Софии, «девушки не глупой» (Грибоедов). София в комическом положении перед Молчалиным и всезнающей Лизой, когда мечтательно рассказывает ей о том, как протекают их свидания с Молчалиным («Возьмет он руку, к сердцу жмет, из глубины души вздохнет. Ни слова вольного, и так вся ночь проходит, рука с рукой...»). Лиза не может удержаться от хохота, она-то знает, какова *душа* и *вольное слово* Молчалина. В столь же комическое положение поставил Грибоедов свою мечтательную героиню, когда она после обморока из-за пустякового ушиба свалившегося с лошади Молчалина начинает с пафосом объяснять своему любезному, на что она готова ради него,— а он пугается и своим испугом дает понять, что вовсе не желает ее жертв, а страшится злых языков, которые для него *страшнее пистолетов*.

Так Грибоедов решает задачу труднейшую, подчиняет комическим положениям своих некомедийных героя и героиню. Что касается комических положений Фамусова и каждого из его гостей, то здесь сцепление недоразумений, вызывающих смех, движет сцену за сценой. Сатирические картинки сцен третьего акта (съезд гостей) представляют собой как бы отдельные комедии или комедийные картинки. Но они отнюдь не разъяты, не выпадают из общей, единой комедийной цепи, но, сменяясь, приводят к общей для них развязке — клевете на Чацкого. Все эти сценки связаны с Чацким, именно он сам и нагнетает раздражение против него у каждого из гостей, выразившееся наконец в их общем злобном стрекотании (д. III, явл. 21).

Такова непрерывность и стройность движения комического, в сфере которого развивается трагическая тема Чацкого.

Этой динамике, при совершенной органичности соединения комического и трагического в «Горе от ума», и удивлялся Блок, называя произведение Грибоедова «непревзойденным, единственным в мировой литературе». И — «доселе... не разгаданным до конца...» [1].

---

[1] А. Блок. Собр. соч. в восьми томах, т. 6. М.—Л., Гослитиздат, 1962, с. 289.

ТРИЛОГИЯ СУХОВО-КОБЫЛИНА

Первая пьеса трилогии, единственного драматического (да и вообще художественного) создания Александра Васильевича Сухово-Кобылина, написана, когда автору было тридцать семь лет. Все, что до этого выходило из-под его пера, вряд ли имело отношение к литературе и лишь свидетельствовало о склонности автора к философии и математике, которыми он серьезно занимался, окончив курс в Московском, а затем в Гейдельбергском университетах [1].

Не менее примечательны и обстоятельства, в каких возник замысел и писалась трилогия; это был период страшного душевного потрясения и мучительных обстоятельств, связанных с загадочным убийством француженки Симон Деманш, любовницы Сухово-Кобылина, в течение многих лет — самого близкого ему человека. Дело с привлечением Сухово-Кобылина то в качестве обвиняемого, то свидетеля длилось семь лет, и равновесие светского человека и кабинетного ученого было потеряно. Была утрачена свобода (хотя пребывание в тюрьмах было недолгим, эпизодическим); обстоятельства порой доводили до отчаяния, но вместе с тем углубились и чувства, и взгляды. «Жизнь начинаю постигать иначе... Труд, труд и труд... Да будет это начало — началом новой эпохи в моей жизни...— писал Сухово-Кобылин в своем дневнике, будучи заключен в тюрьму.— Мое заключение жестокое — потому, что безвинное — ведет меня на другой путь и потому благодатное...» [2] В это тяжелое время в сознании и душевном строе Сухово-Кобылина и произошел некий сдвиг, пробудивший в нем художника, заставивший его посмотреть на мир глазами не только познающими, но сострадающими и разоблачающими, хотя, может быть, аспект видения и был слишком жестоким. Таким и оказался взгляд Сухово-Кобылина на русскую действительность, заново рассмотренную, со всеми ее *данностями*, которые затем запечатлелись в предуведомлении к драме «Дело».

Перед лицом департамента *какого ни есть ведомства* Сухово-Кобылин, независимый, казалось бы, владелец изрядных поместий, почувствовал самого себя, да и просто всех *частных лиц* — полнейшими *ничтожествами*.

Сила, как разглядел и осознал он, состояла отнюдь не в привилегированном дворянском сословии, но находилась в руках возглавлявших *какие ни есть ведомства* и департаменты. Чиновники опутали страну неодолимыми путами хищной своей власти, из цепких охватов которой выбраться было невозможно. И здесь, вместе с теми, кого Сухово-Кобылин именует *ничтожествами*, бились придавленные, безгласные и затравленные — *не лица*, то есть

---

[1] Сохранившиеся в архиве Сухово-Кобылина его стихотворные произведения и переводы не выходят за пределы тех упражнений, которыми занимались многие образованные молодые люди светского круга.

[2] Цит. по кн.: И. К л е й н е р. Драматургия Сухово-Кобылина. М., «Советский писатель», 1961, с. 18.

все эти *Тишки*, *Маврушки*, *Брандахлыстовы* и прочий нелюд — городской и крестьянский («...Чиновники эти стоят над безгласным народом, как темный лес,— простому рабочему человеку никогда не продраться через этот лес, никогда не добиться правды» [1]).

В дебрях хищничества явственно увидал Сухово-Кобылин нечисть разных мастей и калибров: бездельников, жадных до наживы, мошенников высшей квалификации, рыщущих в «свете» (Кречинский), и тех, кто, притаясь под сению департаментов, *каких ни есть ведомств*, расставили повсеместно хитроумные *капканы* и *удилища правосудия* для поборов и взяток *до истощения*, *догола* (Варравин).

Увидел Сухово-Кобылин среди пожирающих и оплетающих все живое— косяки мелочи, толкущейся около главной *силы*, увидел работающую на нее *подчиненность*, злополучных жуликов (Тарелкин), не гнушающихся никакой из возможных и фантастических подлостей, тех, кто, спасая жалкую жизнь (дабы не оказаться пожранным), сами превращаются в пожирателей, чтобы не быть под палкой, сами берут ее в руки, ополчаясь на слабых (Расплюев).

Увидел Сухово-Кобылин и департаментские *колеса*, *шкивы* и *шестерни* (Герц, Шерц, Шмерц).

Хищническая сфера мошенничества и лжи раскрылась художественному сознанию Сухово-Кобылина не в качестве отдельных сторон русской действительности, но как темная сила, воплощающая власть.

Отсюда — грандиозность замысла, фантасмагорический, получивший гротескно-сатирическое выражение образ удушения. Образ этот и был решен по-разному тремя пьесами трилогии, произведения монолитного, неразделимого, хотя и поделенного на три части.

В первой части трилогии («Свадьба Кречинского») мы видим мертвую хватку хищника, вторгшегося в наивный мирок, который тут же оказывает свою эфемерность. Эти наивные обрекаются на пытку и гибель во второй части трилогии (драма «Дело»). *Сила* утверждает свое единовластье и отторгает еще и того, кто осуществлял добычу, расставляя капканы (исполнитель, *приближенное лицо* — Тарелкин). *Подчиненность* (Тарелкин) осмеливается восстать против обманувшей его *силы* (последний монолог — д. V, явл. 11), что и составляет сюжет третьей части трилогии (комедия-шутка «Смерть Тарелкина»).

Изображение темной сферы удушителей, парализующих жизнедеятельность, не вызвало бы «содрогания», если бы не светотень.

Светотень эта дана в трилогии персонажами, с виду совсем заурядными (Муромский, его дочь Лидочка, Нелькин). Что касается Ивана Разуваева, то хотя автор и хотел объявить его устами народную «почвенную» правду, сделав из него колоритного умельца по части резонирования на темы добра и зла (даже почти старца житийного образца), персонаж этот в качестве поло-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 137.

жительного оказался слабее Муромского и серенького Нелькина. По существу хитро-практичного поведения своего, по ходу действия, Разуваев решительно напоминает купцов из гоголевского «Ревизора», которые так ловко подносили требуемую мзду городничему.

Удушающей *силе* стяжательства и департаментской *удавке* в трилогии — нет одоления. И сговор (Иван Разуваев) и борьба (Муромский) оказываются несостоятельными или приводят к трагической катастрофе. Невозможен и уход от недреманого ока *силы* в небытие (взбунтовавшийся Тарелкин). Лишь терпеливую нравственную стойкость автор рассматривает как внутреннюю победу над *силой*. Мысль эта определена образом Лидочки Муромской, персонажа первостепенного в первой и второй частях трилогии (недаром вторая часть первоначально была названа ее именем). Самоотверженный поступок Лидочки в финале «Свадьбы Кречинского» вдруг переосмысляет случившееся с нею, становится очевидной вся глубина подлинной любви, ее захватившей. Комедийный, анекдотический сюжет оказывается трогательной драмой, возвышает Муромскую над событиями, происходящими в драме «Дело». Лишенная отца, всего состояния, как бы выброшенная из жизни, она все же победительница. Она не сражается, но верит в правду, не стыдясь поношения («... такая беда не бесчестит и книзу не гнет,— подымает выше...» — д. IV, явл. 1).

* * *

Сюжеты и характеры пьес трилогии Сухово-Кобылина являются гротеском и былью одновременно. Шаржированный облик персонажей и ситуаций в той или иной мере присущ всем трем комедиям, равно как реалистическая документальность и портретность (типичность).

Фокус поэтики всей трилогии именно в этом сочетании.

Стиль начальной пьесы, хотя и устремлен к бытовой доскональности, содержит тем не менее и начала фантастической гиперболы, определившейся самим сюжетом и персонажами. Ведь в комедии «Свадьба Кречинского» речь идет не об обычном в светском обществе домогательстве руки богатой невесты и даже не о проделках авантюриста (категория «в свете» вполне терпимая). Здесь в тихую заводь порядочности вторгается отъявленный шантажист, шулер и вор. Причем задуманная афера с Лидочкой отнюдь не является случайным эпизодом для Кречинского. Жизнь его состоит из поиска и присвоения чужих денег («...В каждом доме есть деньги... надо только знать, где они лежат... гм! где лежат... где лежат...»— д. II, явл. 8). Таковы отношения Кречинского с *домами* светского круга, где он ведет *большую игру*, и не только карточную. За Кречинским — шайка, в которой орудует жулик Расплюев, всегда готовый на любое темное дело, и соответствующий слуга-вышибала (Федор).

Разностильность двух миров, явленных в пьесе, определена резким контрастом бытия и нравственных устоев. Какофония состоит из взрывов и срывов, из сочетания их с лирическим мотивом, как бы врывающимся в громыха-

нии страстей самых низменных (1—2 и 8 явления III действия и далее). Жестокому «демонизму» Кречинского здесь вторят то нежный голосок Лидочки, то клоунада Расплюева.

В драме «Дело» гиперболизм персонажей-символов обозначен еще в предуведомлении, в так называемых «Данностях», заменивших список действующих лиц. Гиперболичны или шаржированы сами имена чиновников *департамента какого ни есть ведомства* (библейский разбойник — Варрава — Варравин; стая экзотических птиц — Ибисов и Чибисов; неодушевленные предметы — Тарелкин, Шило; комическая антитеза: Шерц (*нем.* Scherz — шутка) и Шмерц (*нем.* Schmerz — скорбь).

Этот странный, зловредный мир сказочных чудищ распоряжается судьбами реальных людей, все тех же, что и в «Свадьбе Кречинского» — наивных простецов (Муромские, Нелькин, Атуева). Единоборство меж реальностью и фантасмагорией удушающих и составляет своеобразие обличительного пафоса драмы «Дело». Сочетанием реального и ареального проникнута вся пьеса. Здесь и типическое и сказочное.

Сюжет и обличительный пафос «Дела» несомненно связан с тем, что в течение семи лет автор был прикован к процессу об убийстве его подруги и познакомился с делопроизводством и вымогательствами в качестве жертвы, подобной Муромскому. Из личного опыта Сухово-Кобылин понял, насколько типичны такого рода дела, тянувшиеся годами. О подобных дознаниях с *капканами* и огромным делопроизводством писал даже историк Ключевский, рассказывая, как судебные бумаги вывозились из департамента на множестве подвод. Словом, будучи «чистыми сказками» [1], такие дела являлись и чистой былью.

Пьеса «Смерть Тарелкина» представляет собой развитие мотива последнего монолога Тарелкина в драме «Дело».

В качестве завершающей трилогию о беззаконии комедия-шутка построена на теме торжества квартального надзирателя. Этот своего рода апофеоз полицейской власти является, без сомнения, и своеобразной литературной репликой на цензурные предписания двум предшественникам Сухово-Кобылина — Гоголю и Островскому — по поводу финала в «Ревизоре» и в комедии «Свои люди — сочтемся!» (как известно, обе эти пьесы закончились прибытием жандарма; в последней уводили на расправу персонажа, совершившего «злодеяния» [2]). Здесь же, в комедии «Смерть Тарелкина», полицейские чины уже и вовсе распоряжаются всеми судьбами, предполагая постановить правилом — всякого подвергать аресту.

«Смерть Тарелкина» не что иное, как фарс, буффонный гротеск. Между тем любая сцена в данной пьесе в такой мере рисует действительность, что по этим зарисовкам с натуры можно изучать быт мещанства 1850-х годов (пока-

---

[1] В. О. Ключевский. Лекции по русской истории. СПб., 1902, ч. 3, с. 431.

[2] См. примечания к комедии Островского «Свои люди — сочтемся!».

зания прачки Брандахлыстовой и др. эпизоды), гражданское право и полицейскую систему того времени. С великим мастерством сочетается здесь сатирически-комедийно изображенная быль с небылицей, с гиперболой, буффонным шаржем. Главная тема, следствие по делу, затеянному Варравиным (*сила*), против его бывшего *приближенного* (Тарелкина), лишена малейшего правдоподобия даже в качестве сказочной. Затеяно дело о вышедшем из могилы беспаспортном вурдалаке, или оборотне, сгасосавшем насмерть самого себя (Тарелкина) и своего двойника (Копылова). Оборотень арестован и доставлен в *часть*, его допрашивают с пристрастием до полного *томления*; свидетели тоже доведены до полного *чистосердечия* при помощи *темной* и неоднократного *врезывания*. И хотя сам частный пристав поначалу удивлен белибердой дела об оборотне, разбирательство оказывается вполне соответствующим будням российской полицейской реальности, ибо реальность была еще более фантастической. Это явствует из самой логики допроса и выводов, которые здесь же изложены.

Частный пристав (Ох) и доставивший арестованного *квартальный надзиратель* (Расплюев) в диалоге второй сцены третьего действия подводят итоги допроса *оборотня* и свидетелей и приходят к выводу, что *оборотень* не один, «их целая шайка, целая партия». Стало — заговор, меры строгости потребны, хватать надо, необходимо учинить в отечестве нашем поверку всех лиц, «всякого подвергать аресту», дабы выяснить, «нет ли таких, которые живут, а собственно уже умерли, а между тем в противность закону живут».

* * *

Художественная значительность и своеобразие мастерства Сухово-Кобылина и состоит в изображении того психологического процесса, какой происходит с персонажами и внутри каждой пьесы, и на протяжении всей трилогии, когда действующие лица переходят из одной части трилогии — в другую (что и утверждает целостность, единство всей вещи). Сухово-Кобылин, разумеется, мечтал об единой, то есть трехсерийной постановке на сцене, но по цензурным причинам мечта была несбыточной. Зато он пытался внушить читателю понятие о единстве пьес трилогии и, публикуя две части [1], в дневнике своем записал, что хочет «всунуть в рот публике одно целое, а не два разрозненные» [2].

Психологическая трансформация происходит в пьесах трилогии согласно стилевой структуре персонажей то гротескно-шаржированная (Расплюев, Тарелкин), то в плане реалистическом.

Так, героиня трилогии Лидочка Муромская меняется на глазах зрителя от действия к действию и в «Свадьбе Кречинского», и в драме «Дело».

---

[1] В 1861 г., в Лейпциге.

[2] Цит. по кн.: И. Клейнер. Драматургия Сухово-Кобылина. М., «Советский писатель», 1961, с. 132.

Автор раскрывает сильный и горячий характер героини исподволь, поначалу явив в облике Лидочки заурядную пассивность, вялую послушность отцу и даже тетке (Атуевой, даме глупой, во все сующейся). Сквозь эту кротость и тихость, впрочем, уже и в первых сценах проблескивает некоторая экзальтация. К третьему действию уже очевидно, что Лидочка влюблена, любит. Тихая, робкая, она осмеливается на горячее признание Кречинскому. Ей мало формального предложения «руки и сердца». Она хочет иметь это сердце и эту руку в полном значении слов, пустых для претендующего на ее богатство жениха («Послушайте, Мишель; я хочу, чтоб вы меня ужасно любили... без меры, без ума (*вполголоса*), как я вас люблю» — д. III, явл. 3). Здесь уже все сказано; она ни перед чем не остановится и никогда не перестанет любить.

Трагический облик Лидочки в финальной сцене определен глубоким надрывом (но не испугом). Продолжая любить Кречинского, она осознает обман с его стороны и его преступную натуру.

В следующей пьесе — «Дело» — Лидочка появляется уже и физически преображенная мукой («Мне все кажется, что вы белокурее стали, светлее; на лице у вас тишина какая-то...» — говорит Нелькин — д. I, явл. 3).

Что касается Муромского, то он входит в драму «Дело» уже совсем не тем благодушным деревенским жителем, каким являлся в «Свадьбе Кречинского». Ведь «пять лет страданий, для которых нет человеческого слова», убили идиллического Муромского. Но и в драме «Дело» образ его не статичен. В состарившемся, измученном Муромском попеременно заметны подавленность, и отвращение (когда Разуваев убеждает его в необходимости сговора с департаментскими взяточниками), и горячность былого воина. Мы видим его преображенным в момент готовности к бою, к открытому обличению врага. Однако это усилие воли в слабом и благодушном человеке — последний психологический сдвиг, и он стоит Муромскому жизни. Зато ценою открытого сражения и гибели правда провозглашена: «... Нет у вас правды! Суды ваши — Пилатова расправа... Судейцы ваши ведут уже не торг — а разбой» (д. III, явл. 9).

Психологическая трансформация происходит с героем третьей пьесы трилогии, с Тарелкиным, в тот момент, когда им самим сооруженный капкан уничтожает несчастного Муромского. Пойманный бьется в припадке на руках Тарелкина, который в ужасе восклицает: «... Ну, что же это такое, господа! — что же это такое?» (д. V, явл. 7). Судя по этому возгласу, можно счесть Тарелкина потрясенным тем, что произошло с его несчастной жертвой. Но уже в десятом явлении Тарелкин не только оправился от волнения, он победоносно известил Варравина о смерти Муромского, как о счастливейшем исходе всех махинаций («... кончился... И концы в воду... Мертво и запечатано»). За страшными этими словами следует безобразнейшая сцена между Варравиным и его приближенным, когда последний оказывается начисто обманутым и обездоленным (он не получает своей доли) в той огромной сумме, которую удалось все же получить от Муромского. Бессильная ярость Тарелкина,

его жажда мести и служит сюжетом для третьей пьесы трилогии. Комедия-шутка «Смерть Тарелкина» предварена не только апофеозом мерзости, но и знаменитым монологом Тарелкина, завершающим драму «Дело».

Монолог Тарелкина в финале драмы «Дело» — не только жалоба обманутого начальством своего департамента. Это трагический итог службы *силе*, вопль маленького человека, ею раздавленного. Тарелкин — *по гроб полишинель* и в качестве такового является в следующей пьесе, посвященной его, Тарелкина, смешному и плачевному восстанию против *силы*. *Полишинель* и начинает с того, что положено ему по амплуа клоуна; он снимает парик, вынимает фальшивые зубы и восклицает: «Долой вся эта фальшь. Давайте мне натуру!.. Нет более Тарелкина.— Другая дорога жизни, другие желания, другой мир, другое небо!» («Смерть Тарелкина», д. I, явл. 1).

В «Примечаниях» к пьесе Сухово-Кобылин пишет: «Превращение это должно быть исполнено быстро, внезапно и сопровождаться изменением выражения лица и его очертаний».

Только что перед Лидочкой и ее тетушкой фанфаронивший Тарелкин, *руки* его превосходительства Варравина, на глазах у зрителя, вдруг, решительно, превращается в некое подобие Акакия Акакиевича из повести Гоголя «Шинель». Недаром Тарелкин — обладатель *тарантаса*, шинели с высоченным, смешным воротником, которую давно было пора сменить. *Тарантас* (в котором Тарелкин прячется от многочисленных своих кредиторов) символизирует его эфемерное (не по жалованию) бытие чиновника, и ему никогда не удается избавиться от этого старого друга («Думал я сим же днем спустить тебя на вшивом рынке... Нет, и этого не судила судьба (*надевает тарантас*)» (д. V, явл. 11). Тарелкин не однозначен, и Сухово-Кобылин своеобразно вводит в его характеристику некий штришок, который, не отменяя низости этой фигуры, напоминает о том, что и он человек.

Так же построен характер и другого подлеца из мелких, избитых. Психологическая трансформация Расплюева, которая происходит на глазах зрителя по ходу действия трилогии, всех трех его частей, является едва ли не самым большим достижением художественного мастерства Сухово-Кобылина.

В «Свадьбе Кречинского» Расплюев, мелкий мошенник на службе у крупного аферист, вызывает жалость, даже сочувствие, когда стонет под *палкой*, лупящей его то и дело за оплошки «в работе».

Избитый *кулачищем прямо в рожу* за шулерскую игру (а все для хозяина, который *велел украсть... обворовать!!!* но достать денег...), Расплюев пребывает в самом оплеванном виде. Но вот — многообещающее поручение Кречинского, и в Расплюеве *все косточки заговорили*, он мчится к Муромским, чтобы выманить у Лидочки драгоценную булавку. Он готов врать напропалую («...я привру... я охотно привру»). Он несется домой, как говорится, на крыльях и вручает Кречинскому бриллиант, не сомневаясь, что совершена кража и что обоим надо спасаться от полиции. Но Кречинский уходит один, велев слуге запереть Расплюева. И злополучный мечется в ужасе, видя себя уже

в *сибирке с бубновым тузом на спине* («Пусти, брат! Ради Христа- создателя, пусти!— умоляет он Федора.— Ведь у меня гнездо есть; я туда ведь пищу таскаю... Детки мои! Голы вы, холодны... Увижу ли вас? Ваня, дружок! (*плачет*)»). Эти слова о птенцах, о Ване (который и впрямь существует, судя по его появлению в «Смерти Тарелкина»), так сказать, вонзаются в сердца зрителя, если Расплюева играет, например, Игорь Ильинский. И вот зритель готов отождествить Расплюева с Мармеладовым или, по крайней мере, с капитаном Снегиревым у Достоевского. Ну запутался, ну жуликоват... но что делать маленькому человеку в руках у сильного... Но с Расплюевым совсем не то.

В драме «Дело» Расплюев, будучи в нетях, незримо присутствует, давая за пределами пьесы гнуснейшие показания против Лидочки Муромской. На этих-то показаниях и завязывается уголовное преследование Лидочки, якобы состоящей в преступной связи с Кречинским, пособницы его в мошеннических операциях. Именно путем доноса, услугой *силе* и меняется в корне жизнь и облик самого Расплюева. Он делается совсем другим человеком, вернее, вовсе теряет человеческий облик, взявши в свои руки *палку*, долго гулявшую по собственной его спине. В «Смерти Тарелкина» Расплюев, в должности полицейского, сам действует *палкой* самозабвенно, до *полного истомления* жертвы.

Палка — в трилогии является символом Расплюева, как *весы* и *меч* — символы Варравина, разбойной силы его департамента, а *тарантас* — Тарелкина. Символика *палки* как бы утверждена за Расплюевым в девятой и десятой сценах второго акта «Смерти Тарелкина», где частный полицейский пристав Ох, собравшись *привести в резон* квартального Расплюева, вывертывает *палку* из половой щетки и встречает ею слишком зазнавшегося и взалкавшего наград («... А это видишь! Если я тебя промеж плеч ею двину...»). Расходившийся и возмечтавший об орденах Расплюев стихает: «Ну, это другое дело (*косится на палку*)... Ваше высокородие — вы ее положите».— «Кого ее?» — спрашивает пристав Ох, а Расплюев отвечает: «Да вот барышню-то». Отдавши Расплюеву палку, пристав осведомляется: «Ты разве с нею знаком?» — «Ну не то что знаком, — отвечает Расплюев, ставя палку в угол,— а видал, а если и издали видал, то — верьте слову — для чувствительного человека и этого довольно».

Психологическая трансформация персонажей, при совершенно свободном передвижении их из одной пьесы в другую и третью, и определяет динамику трилогии.

* * *

Сухово-Кобылин не ограничил себя в своих трех пьесах «осмеянием какого-либо одного человеческого порока»... но обличил общественный строй, «двигнулся общественной причиной» (Гоголь).

Фантасмагорию трилогии Сухово-Кобылина, созданную гиперболизированной художественным воображением реальностью, нельзя вполне понять, не проецируя ее на большой экран русской литературы 1830—1860-х годов, на знаменательное тридцатилетие всяческого вскрытия глубин российской действительности. Трилогия Сухово-Кобылина явилась в атмосфере великих реалистических фантасмагорий: «Петербургских повестей», «Мертвых душ» и «Ревизора» Гоголя, «Двойника», «Белых ночей» Достоевского, «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина. Обличительную желчь и сатирическую соль стиля трилогии, быть может, и следует прежде всего сопоставлять именно со стилем щедринской сатиры.

В контексте этих сопоставлений с особой четкостью вырисовывается своеобразие трилогии Сухово-Кобылина.

О ПЬЕСАХ ОСТРОВСКОГО

Есть у Островского произведения, не принадлежащие тому классическому отстою его обширного наследия, который служит сегодняшнему репертуару, составляет обиход школьных программ и массовых изданий. Эти пьесы как бы за гранью главного, что, однако, не означает их второстепенности. Обозревая творческий путь драматурга, стремясь определить его поэтику, творческий размах, нельзя миновать его сказочные сюжеты, его исторические хроники, эти сценические стихотворные поэмы (с мастерским владением разнообразных ритмов). В них Островский стремится воплотить народные предания и мечту, исследовав глубинные истоки российской жизни, и обращает нас к источнику народности всей своей драматургии.

В пьесах этих Островский выражает свою политическую мысль, демократические воззрения, тогда как в комедиях и драмах на современные темы ему приходится приглушать свой голос гражданина, лавируя в сфере цензурных запретов. Между тем главнейшая тема Островского — противостояние российской безгласице и самодурству — оказывается ведущей в исторических хрониках в той же мере, как в «пьесах жизни» (Добролюбов).

Разве слова атамана Дубровина в комедии «Воевода (Сон на Волге)» (1865):

...душа моя не терпит,
Когда большой молодшего обидит,
Подвластного гнетет и давит властный,—

(д. IV, явл. 4)

не выражают главной мысли всех комедий и драм Островского, посвящены ли они событиям времени Грозного, сказочному сюжету или бытию чиновной мелкоты, современной автору?

Не укладывается ли вся идейная суть театра Островского в простейшую формулу стихов:

Неправый суд царит на белом свете.
В овечьем стаде волки пастухами.
Кто ж застоит за бедных, беззащитных?
Не мы, так кто ж? Нет власти — есть охота.

Охота на беззащитных — вот что в поле наблюдения Островского в его истинно общественных комедиях. Не борьба, а травля и право не только на жизнь затравленного, но и на его совесть, отнять которую — в интересах волка — пастуха:

... не бойся,
Что в виноватых правый попадется;
Не виноват — укажет виноватых,
Переловить, связать и запереть
Всех накрепко в сторожню, там рассудим.
(«Воевода», пролог, явл. 4)

Интерес Островского к исторической теме отнюдь не является уходом от действительности.

Совершенно напротив. В исторических разысканиях Островского (а для своих пяти исторических пьес драматург не пожалел трудов в архивах) — признак особо напряженного интереса к происходящему, к животрепещущим вопросам, возникшим в канун и после реформы 1861 года, к роли разночинной интеллигенции, народничеству, к земскому народоправству. Именно с этими современными проблемами связано внимание драматурга к исконным ресурсам русской гражданственности и народного самоутверждения. Именно этим сегодняшним интересом объясняется и выбор исторических сюжетов. Островский нисходит к таким событиям, исход которых решался снизу, усилиями народных масс, понятых и возглавленных. И характерной для политических воззрений Островского является его своеобразная интерпретация героики вождя нижегородского ополчения, Минина-Сухорука, в одноименной пьесе («Козьма Захарьич Минин-Сухорук», 1861). Акценты рассмотрения этой личности и самих событий у Островского не только не тождественны монархическому официозу, но они противостоят официозным. Островский стремился воплотить именно народные чаяния, народную волю. Именно народным избранником и выразителем народной воли видит Островский Минина, который говорит о себе:

Я к делу земскому рожден. Я вырос
На площади, между народных сходок.
Я рано плакал о народном горе...

И московский чиновник-досмотрщик видит в Минине мятежника («...с народом шепчет, а властей ругает...»). А когда Минину напоминают о том, что он в руках этих высших властей и что его могут заставить молчать, вождь ополчения ответствует: «Не замолчу... И говорить я буду по улицам, на площади, в избе, и пробуждать, как колокол воскресный, уснувшие сердца». Нисходя к традициям русской национальной гражданственности,

к идее народоправства, какою представлялась она, по народным преданиям, в пору так называемого Смутного времени, Островский мог сказать о своем отвращении к деспотическому строю, о вере в разумную силу народного волеизъявления.

Раздумия о становлении России, о национальном наследии приводят Островского, в том же русле демократических идей, к прямой постановке темы монархии, к теме реакционной роли боярства в Смутное время («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» — 1866), к теме *самодурства*, термин, самим Островским утвержденный в пьесе «В чужом пиру похмелье»), взятой в историческом разрезе. Характерно, что, обратившись к эпохе Ивана Грозного («Василиса Мелентьева», 1867), Островский сосредоточил свое внимание на патологическом своеволии тирана, нанесшем необратимый ущерб национальному правосознанию. Итак, похоже на то, что историческими, глубинными промерами Островский выверяет точность типизации в «пьесах жизни», в своем непрестанном обращении к животрепещущей современности.

* * *

«Я наблюдаю действительность,— сказал кинорежиссер Антониони в ответ на традиционный вопрос о его замыслах.— Мои планы и замыслы зависят от того, какая она сейчас, в каком направлении и как меняется» [1].

«Она», только она, причем — в своем необоримом движении, диктовала замыслы Островского. Именно потому драматург и создал не сумму пьес, а театр, как Антониони создает свой кинематограф. «Каждое время имеет свои идеалы, и обязанность каждого честного писателя (во имя вечной правды) разрушать идеалы прошедшего, когда они отжили, опошлились и сделались фальшивыми» [2]. Так говорил Островский уже на исходе жизни.

Но это вовсе не означало, что автор «Грозы» плелся за жизнью и не опережал ее на много лет своими прозрениями.

«Пьесы жизни» Островского принадлежат к большой литературе девятнадцатого века, которая дала неустранимые из нашего сознания образы страдания человечества, окованного могуществом капитала (создания Бальзака, Диккенса, Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина). Драматург по своему мышлению, восприятию мира, Островский брал эту тему в формуле борьбы двух начал: деспотствующих и подвластных. Именно этой борьбою и определены все сюжеты драм и комедий во всем их разнообразии: посвящена ли пьеса тем, кто одержим приобретательством («Свои люди — сочтемся!», «Бешеные деньги», «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Волки и овцы»), или речь идет о любви («Гроза», «Бесприданница»), или — о двурушничестве циника («На всякого мудреца довольно простоты»), о низости и о благородст-

[1] А. Караганов. У итальянских кинематографистов.— «Иностранная литература», 1972, № 9 (сентябрь), с. 258.

[2] А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XV. М., Гослитиздат, 1953, с. 154.

ве духа («Лес»), о слабости воли («Пучина»), о гордости униженных («Шутники»), или о столкновении искусства и жизни («Таланты и поклонники»).

Островскому органически присуща простота, незамысловатость сюжетов. Он не сочиняет их, а, взяв из жизни, лишь подвергает критическому рассмотрению («...Драматург не изобретает сюжетов... все наши сюжеты заимствованы. Их дает жизнь, история, рассказ знакомого, порою газетная заметка...» [1]). Согласно новым течениям, наблюдаемым духовным переменам в обществе, пьесы Островского сами собой делятся на три периода, которые, условно говоря, можно назвать циклами, и каждый из них представляет собой некую этапную единицу творческого пути драматурга.

Первый из этих циклов связан с 40-ми и 50-ми годами, с характерным для этого времени пробуждением общественного сознания. В пьесах Островского этой поры мы находим бескорыстных тружеников в неравной многообразной, не всегда победительной борьбе с теми, кто принадлежал к миру приобретательства, беспардонного карьеризма, силы косности («Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок» и как бы завершающая этот ряд комедия «Доходное место», 1856).

Следующий цикл комедий и драм Островского охватывает знаменательные 60-е годы, вводя в театр Островского тему протеста, революционную, демократическую мысль. Этот обширный, разнообразный и мощный по своему составу цикл комедий и драм Островского связан с литературным направлением «Современника» и имеет в лице Некрасова первого ценителя и критика. Этот цикл есть результат особо напряженной работы Островского — наблюдателя русской жизни. (В 1856 г. он странствует в верховье Волги, куда экспедиция морского ведомства командировала его в числе нескольких литераторов для изучения быта, нравов и ремесел края.) Характерно, что этот второй цикл пьес Островский начал со своих исторических раздумий, разысканий и свершений. Охват русской действительности в эту знаменательную эпоху у Островского огромен. Здесь и Москва, и Петербург, и захолустья. Здесь и помещики-баре, и именитые купцы, и бизнесмены того времени, и авантюристы, и люди искусства, всех слоев общества, и чиновная мелочь, тонущая в пучине быта. Здесь и отцы, торгующие дочерями, и мелкота, помешавшаяся на богатстве, и трагические персонажи, преданные высокой мечте, которые гибнут, не будучи в силах подчиниться рутине деспотствующих.

Третий цикл пьес Островского, обнимающий последнее пятнадцатилетие его творческой жизни (последней пьесой его является драма «Не от мира сего», 1885), есть результат наблюдений драматурга над торжествующей властью денег, проникающей во все поры организма страны; над деспотами уже не примитивного, а весьма усложненного характера, над деятелями и устроителями России, представляющими собой утонченную породу *самодуров* разного толка (от генерала Крутицкого до Мурова), над крупными дельцами последнего времени, каковы Кнуров или Васильков, над слиянием дворян-

[1] Д. В. Аверкиев. Дневник писателя. СПб., 1886, с. 258 (запись слов Островского).

ских, барственных замашек с хваткой денежных тузов (Паратов). Тогда же пришел в творческий оборот Островского и новый вариант «безгласных», давших себя раздавить до ползания, до помахивания хвостиком, до отчаяния. Комедия «На всякого мудреца довольно простоты» явилась пьесой, по смыслу своему как бы синтезирующей действительность 70-х и 80-х годов. Комедия «Лес», в свою очередь, знаменательна для нового общественного перелома, который приносит поток пьес, казалось бы, очень разных, но тем не менее охваченных единым замыслом, который современный исследователь остроумно именует своего рода «романом», каждая «глава» которого является драмой или комедией на фоне «широкого социального ландшафта предпринимательской, капитализирующейся России 70—80-х годов» [1]. Но каким бы сильным ни было тяготение Островского к циклам, к объединяющим темам, каждая пьеса его прежде всего есть произведение драматургии и создана для сцены. Так мыслил Островский-художник, так единственно и воплощал мир, хотя в центре внимания драматурга была не острота действия, а психология людей.

Островский сам подчеркивал это свое равнодушие к интригующей фабуле, именуя многие свои пьесы «картинами», что и проставлял в подзаголовках. Тем не менее переживания, психологические сдвиги, внутренняя борьба у персонажей Островского делают эти «картины» отнюдь не статичными, а напряженно воспринимаемыми зрителем, от сцены к сцене.

* * *

Казалось бы, в противостоянии деспотов и «безгласных» наличествует тот классический контраст, при котором острие обличения должно быть направлено именно на самодуров, что решает и торжество ими подавленных. Однако, как мы видели, уже Грибоедов покончил с этой высокой классической схемой, введя в психологию «добродетельных» персонажей черты противоречивые. Островский на пути освобождения от классической обличительной схемы делает следующий шаг, вообще стирая грань добродетели между своими антиподами. В самом деле, как не затрудниться зрителю в выборе (по принципу чисто этическому) между Подхалюзиным и его хозяином Большовым («Свои люди — сочтемся!»), между экономкой Улитой и ее тиранкой Гурмыжской («Лес»), между Паратовым и Карандышевым («Бесприданница»). Критерий обличения у Островского — иной. Он не только сатирически разоблачает самодура, но в порядке обличения показывает раны и уродства, нанесенные деспотизмом. Его «безгласные» вызывают у зрителя сострадание, боль (Катерина, Лариса), или отвращение (Подхалюзин, Улита), или раздумье над нравственным калекой (Глумов в комедии «На всякого мудреца довольно простоты», Бессудный в пьесе «Воевода»).

Островский в своих пьесах дает огромную галерею самодуров: от титу-

[1] Б. Алперс. Об Островском. — «Театр», 1972, № 7 (июль), с. 76.

лованных правителей (Иван Грозный) до примитивных: «чего моя левая нога пожелает», тех, о ком сама Аграфена Платоновна молвила, что самодур, дескать, «никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое» («В чужом пиру похмелье»), от купцов, царящих и властвующих над семьей и приказчиками, до утонченных, столичных штучек, изящно глумящихся над близкими, вроде важного господина Кочуева («Не от мира сего»), самодурство которого выходит за пределы российского толка, оно, так сказать, вполне западное. В большинстве пьес самодур не является двигателем драматического действия, а лишь его возбудителем. «Безгласные» находятся в динамике психологического становления от сцены к сцене, тогда как деспотствующие есть некая данность, как сама жизнь и положение их в жизни. Так, в комедии «Свои люди — сочтемся!» с первых своих реплик, с первого намека на мошеннический замысел решен характер Самсона Силыча Большова, и разве что только в финале обнаруживаются его недальновидность и ханжество. Но постепенно, от диалога к диалогу, раскрывает Островский изуродованность Подхалюзина и Липочки, обнаруживает, как эти персонажи из устрашенных (Большовым) и потрафляющих превращаются сами в деспотствующих.

Ярче, чем в других пьесах, обозначены действенные взаимоотношения самодуров с безгласными в драме «Гроза».

Неистовейшие самодуры города Калинова, *пронзительный* ругатель Дикой и Марфа Кабанова, столь же *пронзительная*, но под видом благочестия, являются на поле трагической игры уже разоблаченными в беседе Кулигина, Кудряша и Шапкина в первом же явлении первого акта. Самодуры города Калинова — это необратимая данность жизненного положения, а потому они статичны, хотя по ходу пьесы обнаруживаются их особые черты (например, злобная ревность Кабанихи к своей снохе Катерине), и в обширной портретной галерее самодуров эти — индивидуальны. Но динамика драмы определена не тем, что делают или говорят Дикой и Кабанова, а нарастанием чувства безысходности у Катерины, Тихона, Бориса. Это осознание безысходности, казалось бы, у неизменно вялого Тихона прорывается уже в финале, когда, падая на труп жены, он восклицает: «Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться!» Тихон — тип маленького человека, по социальному положению своему новый (в сравнении с гоголевским, но так же, как тот, раздавлен),— это тип тех раздавленных деспотствующими, кому только и остается, что пить горькую. Разновидность этого же типа Островский дал в облике Бориса. Что из того, что, в отличие от Тихона, Борис, молодой человек, порядочно образованный, что он неглуп и тянется к хорошему; так же как Тихон, он напрочь лишен главного: малейшей самостоятельности. Он обуян страхом и беспомощно теряется, только подумав о том, что окажется вне власти Дикого, им распоряжающегося.

Цинизм и бесшабашность характерны для сметливых, вольнолюбивых по натуре Варвары и Кудряша. Они отделываются от властвующих с легкомыслием отчаянных, но и отчаявшихся. В обрисовке характеров Варвары и Кудряша Островский не скрыл своей тревоги за будущее этих сбитых с пути,

аморальных по необходимости приспособиться и жить в известной мере — вопреки предписанному. Тип изуродованных страхом, подавленностью весьма разнообразен у Островского, и варианты его мы находим почти в каждой пьесе.

Один исковеркан непомерно задетым самолюбием, и ушибленность эта неизлечима даже любовью, счастьем (Карандышев в драме «Бесприданница»). Другой — от оскорбленного раз навсегда человеческого достоинства, от стыда за унижение (не так — за свое, как за унижение близких) делается шутом гороховым, каких немало находим в романах Достоевского. Таков в комедии «Шутники» Оброшенов. Среди подавленных и такие, кто в унижении своем сделался и сам первейшим подавителем или пустился во все тяжкие, чтобы добиться преуспевания и когда-нибудь стать на равную ногу со своими мучителями. Среди этой категории одна из фигур, наиболее удавшихся Островскому-сатирику,— Егор Глумов, сам себя перехитривший хитрец. Глумов умен, деятелен, своего рода талант. Он владеет пером и одновременно пишет проекты всеобщего в России усмирения и полицейского благоустройства для ретрограда (генерала Крутицкого) и сатирическую критику на эти проекты для либерала (сановника Городулина), для либеральной газеты; между тем, наедине с собой, Глумов предается своему дневнику, где издевается над тем и другим, над всем, что его окружает. Казалось бы, раскрытие тайны (дневник найден и предан огласке) должно бы привести Глумова к катастрофе. Ничуть не бывало; именно цинизм Глумова (воспитанный самодурами) устраивает последних как незаменимое качество.

Глумовы необходимы самодурам: они прожжены особым тавром податливости. Пример с Глумовым наглядно показывает, как сложна психологическая сатира Островского. Не менее сложным является сатирическое обличение в «Бесприданнице» и «Талантах и поклонниках». Ни Кнуров, ни Великатов отнюдь не являются злодеями,— напротив, деликатность, мягкость, если хотите, исключительная доброжелательность, присущи этим денежным тузам в отношении Ларисы и Негиной.

* * *

Поэтическому мышлению Островского свойственны синтез сюжетов или жизненных наблюдений (между тем и другим Островский ставил знак равенства), в той или иной мере подчиненных требованиям сегодняшней сцены. Причем замысел свой Островский стремился осуществить не в одном поэтическом измерении, а в различных по их характеру и поэтике (стилю, жанру).

Ярким примером этого служит уже упоминавшаяся волжская тема, связанная с экспедиционной поездкой на Волгу, та «большая вещь», о которой в 1857—1858 годах идет переписка с Некрасовым. Островский обещает дать в «Современнике» «целый ряд пьес под общим заглавием «Ночи на Волге»[1].

[1] Письмо к Н. А. Некрасову от 25 сентября 1857 г.—А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XIV. М., Гослитиздат, 1953, с. 66.

Этот «ряд» не целиком вырисовывается из писем Некрасову и сводится, видимо, к реальному осуществлению только трех пьес, некоей своеобразной трилогии: двух исторических хроник — «Минин-Сухорук» и «Воевода (Сон на Волге)» — и знаменитейшей драмы «Гроза». Свой замысел, как это видно опять же по письмам к Некрасову, уже по обстоятельствам житейским, Островский перебивает сочинениями, к теме отношения не имеющими; тема берется не разом, ее составные части создаются разновременно (в конце 50-х — начале 60-х годов), но ясно, что именно она является первенствующей в творческой мысли драматурга (лишь неблагоприятные обстоятельства, возможно, что и цензурные, мешают Островскому создать свое полотно «Ночи на Волге»).

Только этот замысел занимает его воображение. Островский вводит в тему «Ночей» и волжскую действительность, и события XVII века, стремясь к многообразному воплощению главного: духовной сути русского человека, взятого в своей характернейшей великорусской стихии в сфере Приволжского края. Суть эта со всей явностью сходства воплощена и в волжском воеводе XVII века — Шалыгине, и в кондовых волжанах, в купцах Диком и Кабановой, и в Катерине, с ее высокой мечтой, уходящей к корням народных верований и сказаний, и в деятельных борцах за народную правду и право: в вожде ополчения Минине и атамане волжской вольницы Дубровине (легендарном Худояре).

В первой же сцене первого акта «Грозы» Островский дает возможность своему зрителю или читателю различить черты народной вольницы времен стародавних и в озорном Кудряше (его разговор с Кулигиным и Шапкиным), и в тех невзначай выраженных прохожим мещанским людом города Калинова народных суждениях, которые и есть «глас народа». Он и является в сознании автора тем высшим судом, который в комедии «Воевода» или драме «Минин» уже слышен не под сурдинку, а гулко, хотя и с тем же риском быть услышану теми, кто бдительно надзирает за массами, боясь народного суда.

Ритмическое решение пьес «Ночи на Волге» соответствует сюжетам: бытовому, современному и героическому. Это проза и стихи; звучный пятистопный ямб, со многими вкраплениями народного песенного стиха и скоморошьего лада. Но и проза «Грозы» местами столь ритмична (приподнятая речь Катерины, сказовый строй ее мечтаний, которыми делится она с Варварой), что стихия прозы «Грозы» объединяется с ритмической речью «Минина» и «Воеводы», тем более что лексика и фразеология в «Ночах на Волге» является почти единообразной. Народный великорусский язык с его верхневолжскими диалектизмами, речь архаическая и тонко сделанные перемежения литературной современной речи характеризуют прозу «Грозы».

Другим примером своеобразного поэтического мышления Островского, его работы в разных измерениях над одной объединяющей темой — является «Весенняя сказка. Снегурочка» и осуществленный лишь наполовину замысел «сказки-феерии» «Иван-царевич» (в 1868 году Островский написал сценарий всех шестнадцати картин, но выполнил только — семь).

«Снегурочка» (1873) явилась не вдруг, замыслом особенным, будто бы к делу не идущим, посреди «пьес жизни» последнего периода творчества Островского. Она органически связана с одной из главных тем, поднятых в том последнем цикле, который исследователь назвал «романом». Многие главы (пьесы) этого «романа» трактуют о любви, с ее высшей человеческой раскованностью, освобождением от мертвящего одиночества. Именно так Островский решает тему любви в драмах «Бесприданница», «Без вины виноватые», в пьесе «Не от мира сего» и в «Богатых невестах». (Характерно в этом смысле многолетнее душевное омертвение, заносчивая холодность у героини пьесы, Валентины Белесовой, а затем вдруг проснувшееся в ней чувство горячей любви, изменившей весь ее облик.) Тема эта как бы закреплена в абстрагированном народном образе девушки — Снегурочки, которая, полюбив, освободила себя от ледяных оков, но погибла.

Что касается незавершенной феерии об Иване-царевиче (а, согласно народной русской сказке, он непременно отождествляется с Иваном-дураком), то, по аналогии со сказкой о Снегурочке, следует искать злободневно-бытовой привод к этому замыслу среди пьес Островского 60-х годов, к концу которых и относится работа над феерией. И, думается, что здесь не без связи с комедийной трилогией о Бальзаминове, бегавшем в худенькой одежонке со своей Зацепы в департамент за сто двадцать в год, и возмечтавшем о *голубом плаще* и серых лошадках, и отправившемся ради того в заколдованные сады освобождать свою суженую, претерпевшем немало и, невзначай, зацепившем-таки *миллион* (в виде купчихи Белотеловой), как положено сказочному Иванушке-дурачку. А ведь сопоставление это сделал сам Островский в первой же пьесе трилогии о Бальзаминове («Праздничный сон до обеда») устами свахи Красавиной, которая в третьей картине говорит: «Ну, уж кавалер, нечего сказать! С налету бьет! Крикнул это, гаркнул: Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной» и т. д., вплоть до того, что Иван-дурак «подскочил на все двенадцать венцов, поцеловал королевишну... а та ему именной печатью в лоб и запечатала для памяти».

Не только общий контур Бальзаминова принадлежит русской народной поэзии, но и своеобразие этого характера, его простодушие, которое неизменно располагает к нему живые сердца, даже пройдохи Красавиной, которая не только из расчета заботится о женитьбе дурачка. (Здесь кстати заметим, что, вопреки уверениям некоторых исследователей, Островский менее всего хотел воплотить в образе Бальзаминова тип «паразитирующего» хапуги.) Бальзаминов — простофиля-мечтатель. Даже, почти ухватив пресловутый *миллион* (который, по его понятиям, равен не то тремстам, не то полутораста тысячам), Бальзаминов не может выбраться за пределы окутавшего его воображение *голубого плаща*. И силы богатства представляются бедняге преследующими его по пятам каменными львами, которых он когда-то видел на воротах роскошного барского дома.

Так Островский преображает народный образ для злободневной комедии. Такого рода опыты дают Островскому возможность быть народным при

любом сюжете, любой тончайшей теме, как бы далеки они ни казались от интересов широкого зрителя.

Подобно Пушкину, говорившему, что русскому языку следует учиться у просвирен, Островский всю жизнь стремился взять меткое словцо и речевой лад из живой стихии простонародного языка, благо словцо это и лад были на слуху у него с детства, проведенного в Замоскворечье. Со всею естественностью живого их существования (а не из книг) вошли в драматургию Островского и поговорка, и присловие, и обрядовый запев (масленичный, свадебный), и скоморошья погудка, и скорбный причет. Все это принадлежало жизни, которую воплощал драматург в своих комедиях и драмах, а мера, какую позволял он себе в россыпи поэтических и языковых сокровищ, определялась самою жизнью, многообразием ее. Вот почему в пьесах Островского из мещанского и купеческого быта с такой естественностью перебита истовая старорусская речь — рядскими глупостями, и коверканным говорком с «французскими» словечками, вроде: «пардон», «сувенир», «аматер» и т. п. Вот почему в языке купцов крупного размаха являются современные, торгово-промышленные термины, а барственная речь, слившись с департаментской, уже едва, едва сдобрена поместными диалектизмами, далеко не такими колоритными в сравнении, например, с речью грибоедовского Фамусова.

Между тем многообразную речь свою, язык своих пьес Островский стремился, не обедняя, заключить в жесткое русло общедоступной народности. Одним из признаков этого стремления является поговорочность заглавий, которую так любил Островский. Выразив главную мысль пьесы знакомым и понятным афоризмом, драматург добивался того, что широкий зритель сразу же оказывался увлеченным доказательством поговорки от сцены к сцене.

В своей «Записке» об устройстве русского национального театра в Москве Островский говорит, что «драматические представления делаются насущной потребностью... низших классов», что «драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы», что она развивает «народное самопознание» [1], которого и для самого себя так искал и жаждал Островский. Он писал: «Для того чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине... надобно еще знать хорошо свой народ, сойтись с ним покороче, сродниться. Самая лучшая школа для художественного таланта есть изучение своей народности, а воспроизведение ее в художественных формах — самое лучшее поприще для творческой деятельности» [2].

И. Медведева

---

[1] А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XII. М., Гослитиздат 1952, с. 122, 123.

[2] Там же, т. XIII, с. 137.

ГОРЕ ОТ УМА

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ, В СТИХАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казенном месте.
София Павловна, дочь его.
Лизанька, служанка.
Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.
Александр Андреевич Чацкий.
Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.
Наталья Дмитриевна, молодая дама } Горичи.
Платон Михайлович, муж ее }
Князь Тугоуховский и княгиня, жена его, с шестью дочерями.
Графиня бабушка } Хрюмины.
Графиня внучка }
Антон Антонович Загорецкий.
Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.
г. N*.
г. D*.
Репетилов.
Петрушка и несколько говорящих слуг.
Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.
Официанты Фамусова.

Действие в Москве, в доме Фамусова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откудова слышно фортопияно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька среди комнаты спит, свесившись с кресел. Утро, чуть день брезжится.

Лизанька

(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказ.
«Ждем друга».— Нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. Сказать им...
(Стучится к Софии.)
Господа,
Эй, Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша за́ ночь;
Вы глухи? — Алексей Степаныч!
Сударыня!.. — И страх их не берет!
(Отходит от дверей.)
Ну, гость неприглашенный,
Быть может, батюшка войдет!
Прошу служить у барышни влюбленной!
(Опять к дверям.)
Да расходитесь. Утро.— Что-с?

Голос Софии

Который час?

Лизанька

Все в доме поднялось.

София

(из своей комнаты)

Который час?

Лизанька

Седьмой, осьмой, девятый.

София

(оттуда же)

Неправда.

Лизанька

(прочь от дверей)

Ах! амур проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю: будет гонка,
Заставлю их играть.
(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Лиза и Фамусов.

Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.
(Останавливает часовую музыку.)
Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортопьяно;
Для Софьи слишком было б рано??

Лиза

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусов

Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так верно с умыслом.
(Жмется к ней и заигрывает.)
Ох! зелье, баловница.

Л и з а

Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

Ф а м у с о в

Скромна, а ничего кроме
Проказ и ветру на уме.

Л и з а

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Ф а м у с о в

Почти.

Л и з а

Ну, кто придет, куда мы с вами?

Ф а м у с о в

Кому сюда прийти?
Ведь Софья спит?

Л и з а

Сейчас започивала.

Ф а м у с о в

Сейчас! А ночь?

Л и з а

Ночь целую читала.

Ф а м у с о в

Вишь, прихоти какие завелись!

Л и з а

Все по-французски, вслух, читает запершись.

Ф а м у с о в

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтенье прок-та не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Л и з а

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти; разбудите, боюсь.

Ф а м у с о в

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Л и з а
(как можно громче)

Да полноте-с!

Ф а м у с о в
(зажимает ей рот)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь.

Л и з а

Боюсь, чтобы не вышло из того...

Ф а м у с о в

Чего?

Л и з а

Пора, судáрь, вам знать, вы не ребенок;
У девушек сон утренний так тонок;
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:
Всё слышат...

Ф а м у с о в

Все ты лжешь.

Голос С о ф и и

Эй, Лиза!

Ф а м у с о в
(торопливо)

Тс!
(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)

Л и з а
(одна)

Ушел... Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

ЯВЛЕНИЕ 3

Лиза, София со свечкою, за ней Молчалин.

София

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза

Конечно, вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется все мало?

София

Ах, в самом деле рассвело!
(Тушит свечу.)
И свет и грусть. Как быстры ночи!

Лиза

Тужите, знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню, что врала;
Ну что же стали вы? поклон, судáрь, отвесьте.
Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:
Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

София

Счастливые часов не наблюдают.

Лиза

Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

София
(Молчалину)

Идите, целый день еще потерпим скуку.

Лиза

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.
(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

ЯВЛЕНИЕ 4

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

Фамусов

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

Молчалин

Я-с.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пору вместе свел?

София

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг. Нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А все Кузнецкий мост и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевожу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!

Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь, как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристает, другой, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут...

София
(сквозь слезы)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели
Об воспитанье! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила,
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня; не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин...
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я, судáрь...

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по лéтам,
А пуще дочери, да сами добряки.
Дались нам эти языки!
Берем же побродяг, и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.

Ты, посетитель, что? ты здесь, судáрь, к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари;
В Москву переведен через мое содейство;
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть!
Шел в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно

София

Вот в чем, однако, случай весь:
Как давиче вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног...

Фамусов

Пожалуй, на меня всю суматоху сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог!

София

По смутном сне безделица тревожит;
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.

(Садится.)

София

Позвольте... видите ль... сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.

Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив и умен,
Но робок... Знаете, кто в бедности рожден...

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало все: луга и небеса.—
Мы в темной комнате. Для довершенья чуда
Раскрылся пол — и вы оттуда,
Бледны как смерть и дыбом волоса!
Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери,
Нас врознь — и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему — вы тащите с собой:
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!.. —
Проснулась.— Кто-то говорит...
Ваш голос был; что, думаю, так рано?
Бегу сюда — и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон; как погляжу,
Тут все есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно.
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил, за чем же? — говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да! их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным делам!
(Встает.)
Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее;
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее;
Повыкинь вздор из головы;
Где чудеса, там мало складу.—
Поди-ка ляг, усни опять.
(Молчалину.)
Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нес их для докладу,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, судáрь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накоплялось их;
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.
(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.)

ЯВЛЕНИЕ 5

София, Лиза.

Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва нехороша.

София

Что мне молва? Кто хочет, так и судит,
Да батюшка задуматься принудит:

Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор...
Ты можешь посудить...

Лиза

Сужу-с не по рассказам;
Запрет он вас,— добро еще, со мной;
А то, помилуй бог, как разом
Меня, Молчалина и всех с двора долой.

София

Подумаешь, как счастье своенравно!
Бывает хуже, с рук сойдет;
Когда ж печальное ничто на ум нейдет,
Забылись музыкой, и время шло так плавно;
Судьба нас будто берегла;
Ни беспокойства, ни сомненья...
А горе ждет из-за угла.

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни во́ веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звездами да с чинами,
А при звездах не все богаты, между нами;
Ну, разумеется, к тому б
И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он ба́лы;
Вот, например, полковник Скалозуб:
И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду,—
Мне все равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать, речист, а больно не хитер;
Но будь военный, будь он статский,
Кто так чувствителен, и весел, и остер,

Как Александр Андреич Чацкий!
Не для того, чтоб вас смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится...

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы? — Слезами обливался,
Я помню, бедный он, как с вами расставался.
— Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь.—
А он в ответ: «Недаром, Лиза, плачу,
Кому известно, что́ найду я, воротясь?
И сколько, может быть, утрачу!»
Бедняжка будто знал, что года через три...

София

Послушай, вольности ты лишней не бери.
Я очень ветрено, быть может, поступила,
И знаю и винюсь; но где же изменила?
Кому? чтоб укорять неверностью могли.
Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюбленным,
Взыскательным и огорченным!!
Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив,
Вот об себе задумал он высоко...
Охота странствовать напала на него.
Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать и ездить так далеко?

Лиза

Где носится? в каких краях?
Лечился, говорят, на кислых он водах,
Не от болезни, чай, от скуки,— повольнее.

София

И, верно, счастлив там, где люди посмешнее.
Кого люблю я, не таков:
Молчалин за других себя забыть готов,
Враг дерзости,— всегда застенчиво, несмело...
Ночь целую с кем можно так провесть!
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Из глубины души вздохнет.
Ни слова вольного, и так вся ночь проходит,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит.—
Смеешься! можно ли! чем повод подала
Тебе я к хохоту такому?

Лиза

Мне-с ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодой француз сбежал у ней из дому.
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить
И через три дни поседела.
(Продолжает хохотать.)

София

(с огорчением)

Вот так же обо мне потом заговорят.

Лиза

Простите, право, как бог свят,
Хотела я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

ЯВЛЕНИЕ 6

София, Лиза, слуга, за ним Чацкий.

Слуга

К вам Александр Андреич Чацкий.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 7

София, Лиза, Чацкий.

Чацкий

Чуть свет — уж на ногах! и я у ваших ног.
(С жаром целует руку.)
Ну, поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж, рады? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто не прошло недели,
Как будто бы вчера вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели,
Ни на́ волос любви! куда как хороши!
И между тем, не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Верст больше седьмисот пронесся,—ветер, буря;
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы рады? в добрый час.
Однако искренно кто ж радуется эдак?
Мне кажется, так напоследок,
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами.

София

Всегда, не только что теперь.—
Не можете мне сделать вы упрека.
Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужи, из далека —
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете! —
Ах! боже, мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам,
Или ваш батюшка с мадамой за пикетом;
Мы в темном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик,
дверь...

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь.
В седьмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

Чацкий

Помилуйте,— не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался — успел, а тот дал промах.
Все тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? все Английского клоба
Старинный, верный член до гроба?

Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю, как его зовут,
Куда ни сунься: тут как тут,
В столовых и в гостиных?
А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмами, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щелкал соловьем,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В Ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщем пятен?
Когда ж постранствуем, воротимся домой,
И дым отечества нам сладок и приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чацкий

А тетушка? все девушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдем.
Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки,
Числом поболее, ценою подешевле?
Не то, чтобы в науке далеки;
В России, под великим штрафом,
Нам каждого признать велят
Историком и географом!

Наш ментор, помните колпак его, халат,
Перст указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья!
А Гильоме, француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще?

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине,
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли?

Чацкий

Что ж, он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
А Гильоме!..— Здесь нынче тон каков?
На съездах, на больших, по праздникам
приходским
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским?

София

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

София

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий

По крайней мере, не надутый.
Вот новости! — я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен,
И говорлив; а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало, песенок где новеньких тетрадь

Увидит, пристает: пожалуйте списать.
А впрочем, он дойдет до степеней известных,
Ведь нынче любят *бессловесных.*

София
(в сторону)

Не человек, змея!
(Громко и принужденно.)
Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве, может быть?

Чацкий

Когда все мягко так? и нежно и незрело?
На что же так давно? вот доброе вам дело:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лицо святейшей богомолки!..
И все-таки я вас без памяти люблю.

Минутное молчание.

Послушайте, ужли слова мои все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду;
Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София

Да, хорошо — сгорите, если ж нет?

ЯВЛЕНИЕ 8

София, Лиза, Чацкий, Фамусов.

Фамусов

Вот и другой!

София

Ах, батюшка, сон в руку.
(Уходит.)

Фамусов
(ей вслед вполголоса)

Проклятый сон.

ЯВЛЕНИЕ 9

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую София вышла).

Фамусов

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

Обнимаются.

Здорово, друг, здорово, брат, здорово!
Рассказывай, чай, у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

Садятся.

Чацкий
(рассеянно)

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам, людям молодым, другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты;
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдован!

Чацкий

Ах! нет, надеждами я мало избалован.

Фамусов

«Сон в руку» — мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал...

Чацкий

Я? — Ничуть!

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, все пустое.

Чацкий

Я верю собственным глазам;
Век не встречал, подписку дам,
Что б было ей хоть несколько подобно!

Фамусов

Он все свое. Да расскажи подробно,
Где был? Скитался столько лет!
Откудова теперь?

Чацкий

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.
(Встает поспешно.)
Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! Через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду,
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.
(В дверях.)
Как хороша!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Фамусов
(один)

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват. Какого ж дал я крюку!
Молчалин давиче в сомненье ввел меня.
Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель,
Отъявлен мотом, сорванцом!
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Фамусов, слуга.

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь,
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же.— На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй — ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день... Нет, нет,
В четверг я зван на погребенье.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать, ни сесть.
Но память по себе намерен кто оставить
Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить;
Богат и на богатой был женат;
Переженил детей, внучат;
Скончался, все о нем прискорбно поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему! —
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши: в четверг, одно уж к одному,
А может, в пятницу, а может, и в субботу,
Я должен у вдовы, у докторши, крестить.
Она не родила, но по расчету
По моему: должна родить.

ЯВЛЕНИЕ 2

Фамусов, слуга, Чацкий.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ко.

Чацкий

Вы заняты?

Фамусов
(слуге)
Поди.

Слуга уходит.

Да, разные дела на память в книгу вносим:
Забудется того гляди.

Чацкий

Вы что-то не весёлы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашел загадку,
Не весел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне вприсядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас;
Я только что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может, нездорова?

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна,—
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни,
По крайней мере, искони
Отцом недаром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я, во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цугом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся — тупеем не кивнут.
Вельможа в случае — тем паче:
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб,
Старик заохал, голос хрипкой:
Был высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдруго́рядь — уж нарочно,—

А хохот пуще; он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? по-нашему — смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
Зато, бывало, в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние,— ну-тка!

Чацкий

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Как посравнить да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть, как кружево, плели.
Прямой был век покорности и страха,
Всё под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю;
Его не возмутим мы праха;
Но между тем кого охота заберет,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?
А сверстничек, а старичок
Иной, глядя на тот скачок
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай, приговаривал: ах! если бы мне тоже!
Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.

Фамусов

Ах! Боже мой! он карбонари!

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живет...

Фамусов

Да он властей не признает!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам...

Фамусов

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чацкий

Я наконец вам отдых дам...

Фамусов

Терпенья, мочи нет, досадно.

Чацкий

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу,
Уж так и быть, я не поплачу.

Фамусов

И знать вас не хочу, разврата не терплю.

Чацкий

Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чацкий

На что ж? я их не оскорблю.

Фамусов
(скороговоркой)

Вот рыскают по свету, бьют баклуши.
Воротятся, от них порядка жди.

Чацкий

Я перестал...

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чацкий

Длить споры не мое желанье...

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНИЕ 3

Слуга
(входит)

Полковник Скалозуб.

Фамусов
(ничего не видит и не слышит)

Тебя уж упекут
Под суд, как пить дадут.

Чацкий

Пожаловал к вам кто-то на́ дом.

Фамусов

Не слушаю, под суд!

Чацкий

К вам человек с докладом.

Фамусов

Не слушаю, под суд! под суд!

Чацкий

Да обернитесь, вас зовут.

Фамусов
(оборачивается)

А? бунт? ну так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

Фамусов
(встает)

Ослы! сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошел же, торопись.

Слуга уходит.

Пожало-ста, судáрь, при нем остерегись:
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахватал;
Не по летам и чин завидный,
Не нынче-завтра генерал.
Пожало-ста, при нем веди себя скромненько...
Эх! Александр Андреич, дурно, брат!
Ко мне он жалует частенько;
Я всякому, ты знаешь, рад.
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое!
Он, может быть, и рад бы был душой,
Да надобности сам не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Ведь Софья молода. А впрочем, власть господня.
Пожало-ста, при нем не спорь ты вкривь и вкось
И завиральные идеи эти брось.

Однако нет его! какую бы причину...
А! знать, ко мне пошел в другую половину.
(Поспешно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий

Как суетится! что за прыть!
А Софья? — Нет ли впрямь тут жениха какого?
С которых пор меня дичатся, как чужого!
Как здесь бы ей не быть!!
Кто этот Скалозуб? отец им сильно бредит.
А может быть, не только что отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб.

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с,
Прошу покорно, здесь теплее;
Прозябли вы, согреем вас;
Отдушничек отвёрнем поскорее.

Скалозуб
(густым басом)

Зачем же лазить, например,
Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу!
Сергей Сергеич, дорогой,
Кладите шляпу, сденьте шпагу;
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

Садятся все трое, Чацкий поодаль.

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:
Позвольте нам своими счесться,—
Хоть дальними,— наследства не делить;
Не знали вы, а я подавно,—
Спасибо, научил двоюродный ваш брат,—
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служа́щие чужие очень редки;
Все больше сестрины, свояченицы детки;
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли,
к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличились с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да! счастье, у кого есть эдакий сынок!
Имеет, кажется, в петличке орденок?

Скалозуб

За третье августа; засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть — так хват;
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость!.. читать!.. а после — хвать!..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты;
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

Фамусов

Да, чем кого господь поищет, вознесет!

Скалозуб

Бывает, моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале.

Фамусов

Помилуйте, а вам чего недостает?

Скалозуб

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полком два года поводили.

Фамусов

В погонь ли за полком?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

Скалозуб

Нет-с, ста́рее меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;
Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу:
Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь;
В Москве ведь нет невестам перевода;
Чего? плодятся год от года;
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера,
На все свои законы есть:
Вот, например, у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячки две родовых —
Тот и жених.
Другой хоть прытче будь, надутый всяким чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в се́мью не включат. На нас не подиви,
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.
Да это ли одно? Возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать,— изволь,
Дверь отперта для званых и незваных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнехонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей — сынков и вну́чат,
Журим мы их, а если разберешь,—
В пятнадцать лет учителей научат!

А наши старички?? — Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово — приговор,—
Ведь столбовые всё, в ус никого не дуют,
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их... беда!
Не то чтоб новизны вводили,— никогда,
Спаси нас боже!.. Нет. А придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и... разойдутся.
Прямые канцлеры в отставке — по уму!
Я вам скажу: знать, время не приспело,
Но что без них не обойдется дело.
А дамы? — сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи́ всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай бог терпение,— ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом!
Присутствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочек кто видал, всяк голову повесь!
Его величество король был прусский здесь;
Дивился не путем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам.
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой,
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

По моему сужденью,
Пожар способствовал ей много к украшенью.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли крехтят:
С тех пор дороги, тротуары,
Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома новы́, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов
(Чацкому)

Эй, завяжи на память узелок;
Просил я помолчать, не велика услуга.
(Скалозубу).
Позвольте, батюшка. Вот-с — Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти — так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой,
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все так же осуждают.

Чацкий

А судьи кто? — За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забыты́х газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?

Не тот ли, вы к кому меня еще с пелен,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменил борзые три собаки!!!
Или вон тот еще, который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружен умом в Зефирах и в Амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется — враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным,
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!! —
Мундир! один мундир! Он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть,
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали,—
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Фамусов
(про себя)

Уж втянет он меня в беду.
(Громко.)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Скалозуб, Чацкий.

Скалозуб

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским,
к гвардионцам;
Их золоту, шитью дивятся, будто солнцам!
А в Первой армии когда отстали? в чем?
Все так прилажено, и тальи все так узки,
И офицеров вам начтем,
Что даже говорят, иные, по-французски.

ЯВЛЕНИЕ 7

Скалозуб, Чацкий, София, Лиза.

София
(бежит к окну)

Ах, боже мой! упал, убился!
(Теряет чувства.)

Чацкий

Кто?
Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чацкий

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откудова?

Чацкий

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза

(хлопочет около барышни)

Кому назначено-с, не миновать судьбы:
Молчалин на́ лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он об землю и прямо в темя.

Скалозуб

Поводья затянул. Ну жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он — грудью или в бок?
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же, без Скалозуба.

Чацкий

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.

Чацкий бежит и приносит. Все следующее — вполголоса, — до того, как София очнется.

Стакан налейте.

Чацкий

Уж налит.
Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. Смотри,
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чацкий

Гляди в окно,
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Л и з а

Да-с; барышнин несчастен нрав:
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Ч а ц к и й

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

С о ф и я

(с глубоким вздохом)
Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.
(Торопко и громко.)
Где он? что с ним? Скажите мне.

Ч а ц к и й

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

С о ф и я

Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Ч а ц к и й

Прикажете мне за него терзаться?

С о ф и я

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Ч а ц к и й

Чтоб оставались вы без помощи одне?

С о ф и я

На что вы мне?
Да, правда, не свои беды́ — для вас забавы,
Отец родной убейся — все равно.
(Лизе.)
Пойдем туда, бежим.

Л и з а

(отводит ее в сторону)
Опомнитесь! куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

София в окошко высовывается.

Чацкий

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.

Чацкий

Желал бы с ним убиться...

Лиза

Для компаньи?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНИЕ 9

София, Лиза, Чацкий, Скалозуб, Молчалин (с подвязанною рукою).

Скалозуб

Воскрес и невредим, рука
Ушиблена слегка,
И впрочем все фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради бога.

Скалозуб

Ну, я не знал, что будет из того
Вам ирритация [1]. Опро́метью вбежали. —
Мы вздрогнули. — Вы в обморок упали,
И что ж? — весь страх из ничего.

София
(не глядя ни на кого)

Ах! очень вижу: из пустого,
А вся еще теперь дрожу.

---

[1] Ирритация — волнение (от *франц.* une irritation).

Чацкий
(про себя)

С Молчалиным ни слова!

София
(по-прежнему)

Однако о себе скажу,
Что не труслива. Так, бывает,
Карета свалится, подымут: я опять
Готова сызнова скакать;
Но все малейшее в других меня пугает,
Хоть нет великого несчастья от того,
Хоть незнакомый мне,— до этого нет дела.

Чацкий
(про себя)

Прощенья просит у него,
Что раз о ком-то пожалела!

Скалозуб

Позвольте, расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух,—
Жоке́ не поддержал, считал он, видно, мух.
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах! Александр Андреич, вот,
Яви́тесь вы вполне великодушны:
К несчастью ближнего вы так неравнодушны.

Чацкий

Да-с, это я сейчас явил
Моим усерднейшим стараньем,
И прысканьем, и оттираньем;
Не знаю для кого, но вас я воскресил.
(Берет шляпу и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же, кроме Чацкого.

София

Вы вечером к нам будете?

Скалозуб

Как рано?

София

Пораньше: съедутся домашние друзья
Потанцевать под фортопияно.
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

Скалозуб

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

София

Прощайте.

Скалозуб

(жмет руку Молчалину)

Ваш слуга.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 11

София, Лиза, Молчалин.

София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
Зачем же ей играть и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Л и з а

Ударюсь об заклад, что вздор,
И если б не к лицу, не нужно перевязки;
А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех, того гляди, подымет Чацкий вас,
И Скалозуб, как свой хохол закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

С о ф и я

А кем из них я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу.
Молчалин, будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
При них не смела я дохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть.

М о л ч а л и н

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

С о ф и я

Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была в окошко к вам прыгну́ть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно? — пусть шутят их; досадно? — пусть бранят.

М о л ч а л и н

Не повредила бы нам откровенность эта.

С о ф и я

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

М о л ч а л и н

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Л и з а

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кабы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим,
Куда как верится охотно!
И Александр Андреич,— с ним

О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитесь-ка в рассказах:
Улыбочка и пара слов,
И кто влюблен — на все готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.
(Целует ей руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слез;
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда бог Чацкого принес!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 12

Молчалин, Лиза.

Молчалин

Веселое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее
По должности, тебя...
(Хочет ее обнять.)

Лиза

От скуки!
Прошу подальше руки!

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа —

Снаружи зеркальце, и зеркальце внутри,
Кругом всё прорезь, позолота;
Подушечка, из бисера узор;
И перламутровый прибор:
Игольничек и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ и для других причин,
С духами стекляночки: резеда и жасмин.

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не сниму;
Приди в обед, побудь со мною;
Я правду всю тебе открою.
(Уходит в боковую дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 13

София, Лиза.

София

Была у батюшки, там нету никого.
Сегодня я больна и не пойду обедать.
Скажи Молчалину и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.
(Уходит к себе.)

ЯВЛЕНИЕ 14

Лиза

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви до смерти трушу,—
А как не полюбить буфетчика Петрушу!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Чацкий, потом София.

Чацкий

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие маневров и мазурки!
Судьба любви — играть ей в жмурки,
А мне...

Входит София.

Вы здесь? я очень рад.
Я этого желал.

София
(про себя)

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно, не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, ну́жды нет:
Кого вы любите?

София

Ах! боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие, родные.

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда все решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы...

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен; а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин, например...

София

Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий
(держит ее)

Постойте же!
(В сторону.)
Раз в жизни притворюсь.
(Громко.)
Оставимте мы эти пренья,
Перед Молчалиным не прав я, виноват;
Быть может, он не то, что три года назад;

Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов;
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иной по армии, иной плохим поэтом,
Иной... Боюсь назвать, но признаны всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый,
Но есть ли в нем та страсть? то чувство?
пылкость та?
Чтоб, кроме вас, ему мир целый
Казался прах и суета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем и всем его делам
Душою — вы, вам угожденье?
Сам это чувствую, сказать я не могу;
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Не пожелал бы я и личному врагу.
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно, смирен, все такие не резвы́;
Бог знает, в нем какая тайна скрыта;
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита.
Быть может, качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;
Не грешен он ни в чем, вы во сто раз грешнее.
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее,
Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос.
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату,
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остеречься;
Пущусь подалее простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по́ свету, забыться и развлечься.

С о ф и я
(про себя)

Вот нехотя с ума свела!
(Вслух.)
Что притворяться?

Молчалин давиче мог без руки остаться,
Я живо в нем участье приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору;
Но, может, истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту.
Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презреньи к людям так нескрыту?
Что и смирнейшему пощады нет!.. чего?
Случись кому назвать его:
Град колкостей и шуток ваших грянет!
Шутить! и век шутить! как вас на это станет!

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни — смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это все относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий
(с жаром)

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел:
При батюшке три года служит,
Тот часто бе́з толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.
И между прочим
Веселостей искать бы мог;
Ничуть: от старичков не ступит за порог;
Мы ре́звимся, хохочем;
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет...

Чацкий

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!
(В сторону.)
Она его не уважает.

София

Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль — смысл этого всего?
(В сторону.)
Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он, наконец: уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства,
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит,—
Вот я за что его люблю.

Чацкий
(в сторону)

Шалит, она его не любит.
(Вслух.)
Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозуб? вот загляденье:
За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой...

София

Не моего романа.

Чацкий

Не вашего? кто разгадает вас?

ЯВЛЕНИЕ 2

Чацкий, София, Лиза.

Лиза
(шепотом)

Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаныч будет.

София

Простите, надобно идти мне поскорей.

Чацкий

Куда?

София

К прихмахеру.

Чацкий

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацкий

Пускай себе...

София

Нельзя, ждем на́ вечер гостей.

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой.
Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,
К вам в комнату на несколько минут;
Там стены, воздух — все приятно!..
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты две,
Потом, подумайте, член Английского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.

София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий, потом Молчалин.

Чацкий

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нем только мало,
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

Входит Молчалин.

Вот он, на цыпочках, и не богат словами;
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!
(Обращается к нему.)
Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за́ день, нынче, как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положённый час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы не встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная,— притом
Чиновные и должностные —
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче,
От рождества и до поста,
И летом праздники на даче.
Ну, право, что́ бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать, и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах — я от веселий прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите. Впрочем, тут не вижу преступленья;
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделенья;
Переведен сюда...

Чацкий

Хорош!
Пустейший человек из самых бестолковых!

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец!
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть:
Не сочинитель я...

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты;
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий

(почти громко)

С такими чувствами, с такой душою,
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

ЯВЛЕНИЕ 4

Вечер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещенных комнат. Слуги суетятся, один из них, главный, говорит:

Эй, Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щеток и свечей!
(Стучится к Софии в дверь.)
Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.

Расходятся, остается один Чацкий.

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Наталья Дмитриевна, молодая дама.

Наталья Дмитриевна

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу...
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы;
Неужли так меня три года изменили?

Наталья Дмитриевна

Я полагала вас далёко от Москвы.
Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Дмитриевна

Надолго?

Чацкий

Как случится.
Однако кто, смотря на вас, не подивится!
Полнее прежнего, похорошели страх.
Моложе вы, свежее стали;
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Дмитриевна

Я замужем.

Чацкий

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитриевна

Мой муж — прелестный муж, вот он сейчас войдет,
Я познакомлю вас, хотите?

Чацкий

Прошу.

Наталья Дмитриевна

И знаю наперед,
Что вам понравится. Взгляните и судите!

Чацкий

Я верю, он вам муж.

Наталья Дмитриевна

О нет-с, не потому;
Сам по себе, по нраву, по уму.
Платон Михайлыч мой единственный, бесценный!
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно был бы он московским комендантом.

ЯВЛЕНИЕ 6

Чацкий, Наталья Дмитриевна, Платон Михайлович.

Наталья Дмитриевна

Вот мой Платон Михайлыч.

Чацкий

Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба!

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат!

Чацкий

Платон любезный, славно.
Похвальный лист тебе: ведешь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:
Московский житель и женат.

Чацкий

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть-таки запятья:
На флейте я твержу дуэт
А-мольный...

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус! в мужьях всего дороже!

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомянь!
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой к занятьям склонен разным,
Которых нет теперь — к ученьям и смотрам,
К манежу... иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здоровьем слаб! Давно ли?

Наталья Дмитриевна

Все рюматизм и головные боли.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Будь чаще на коне. Деревня летом — рай.

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч город любит,
Москву; за что в глуши он дни свои погубит!

Чацкий

Москву и город... Ты чудак!
А помнишь прежнее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так...

Наталья Дмитриевна

Ах! мой дружочек!
Здесь так свежо, что мочи нет;
Ты распахнулся весь и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

Платон Михайлович
(хладнокровно)

Сейчас.

Наталья Дмитриевна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозной там ветер дует сзади!

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, бога ради,
От двери дальше отойди!

Платон Михайлович
(глаза к небу)

Ах, матушка!

Чацкий

Ну, бог тебя суди;
Уж, точно, стал не тот в короткое ты время;
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович
(со вздохом)

Эх! братец! славное тогда житье-то было.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же, князь Тугоуховский и княгиня с шестью дочерьми.

Наталья Дмитриевна
(тоненьким голоском)

Князь Петр Ильич, княгиня! боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

Громкие лобызания; потом усаживаются и осматривают одна другую с головы до ног.

1-я княжна

Какой фасон прекрасный!

2-я княжна

Какие складочки!

1-я княжна

Обшито бахромой.

Наталья Дмитриевна

Нет, если б видели мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна

Какой эшарп[1] cousin[2] мне подарил!

4-я княжна

Ах! да, барежевый!

5-я княжна

Ах! прелесть!

6-я княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! — Кто это в углу, взошли мы, поклонился?

Наталья Дмитриевна

Приезжий, Чацкий.

Княгиня

От-став-ной?

Наталья Дмитриевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитриевна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда. Живее!

Князь

(к ней оборачивает слуховую трубку)

О-хм!

Княгиня

К нам на́ вечер, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитревны знакомого: вон он!

[1] Эшарп — шарф (от *франц.* une echarpe).
[2] Двоюродный брат *(франц.)*.

Князь

И-хм!
(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает.)

Княгиня

Вот то-то, детки:
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер?

Наталья Дмитриевна

Нет.

Княгиня

Бо-гат?

Наталья Дмитриевна

О нет!

Княгиня
(громко, что есть мочи)

Князь, князь! Назад!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка

Ах! grand' maman![1] Ну кто так рано приезжает!
Мы первые!
(Пропадает в боковую комнату.)

Княгиня

Вот нас честит!
Вот первая, и нас за никого считает!
Зла, в девках целый век, уж бог ее простит.

Графиня внучка
(вернувшись, направляет на Чацкого двойной лорнет)

Мсье Чацкий! вы в Москве! как были, всё такие?

[1] Бабушка *(франц.)*.

Чацкий

На что меняться мне?

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком?
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и множество других гостей. Между прочим Загорецкий. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч. София от себя выходит; все к ней навстречу.

Графиня внучка

Eh! bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente[1].

Загорецкий

На завтрашний спектакль имеете билет?

София

Нет.

Загорецкий

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другой вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору — все взято,

[1] А! добрый вечер! Наконец-то и вы! Вы не торопитесь, и мы всегда вас с удовольствием поджидаем *(франц.)*.

К директору,— он мне приятель,—
С зарей в шестом часу, и кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног,
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он хилый,
Мне друг, известный домосед;
Пусть дома просидит в покое.

София

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

Являются еще кое-какие. Тем временем Загорецкий отходит к мужчинам.

Загорецкий

Платон Михайлыч...

Платон Михайлович

Прочь!
Поди ты к женщинам, лги им и их морочь;
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат,
(Чацкому)
рекомендую!
Как эдаких людей учтивее зовут,
Нежнее? — человек он светский,
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоныч Загорецкий.
При нем остерегись: переносить горазд,
И в карты не садись: продаст.

Загорецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы;
Окроме честности, есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох, нет, братец! у нас ругают
Везде, а всюду принимают.

Загорецкий мешается в толпу.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Хлёстова.

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница?.. Мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь — света преставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку,—
Вели их накормить ужо, дружочек мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!
(Села.)
Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг,
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все кошечьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое племя!
Черт сущий; в девичьей она;
Позвать ли?

София

Нет-с; в другое время.

Хлёстова

Представь: их, как зверей, выводят напоказ,
Я слышала, там... город есть турецкий...
А знаешь ли, кто мне припас?
Антон Антоныч Загорецкий.

Загорецкий выставляется вперед.

Лгунишка он, картежник, вор.

Загорецкий исчезает.

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих ара́пченков на ярмонке достал;
Купил, он говорит, чай, в карты сплутовал;
А мне подарочек, дай бог ему здоровье!

Чацкий
(с хохотом Платону Михайловичу)

Не поздоровится от эдаких похвал!
И Загорецкий сам не выдержал, пропал.

Хлёстова

Кто этот весельчак? Из звания какого?

София

Вон этот? Чацкий.

Хлёстова

Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? Какой тут смех?
Над старостью смеяться грех.
Я помню, ты дитёй с ним часто танцевала.
Я за уши его дирала, только мало.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Фамусов.

Фамусов
(громогласно)

Ждем князя Пётра Ильича,
А князь уж здесь! А я забился там, в портретной.
Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?
Нет; кажется, что нет.— Он человек заметный —
Сергей Сергеич Скалозуб.

Хлёстова

Творец мой! оглушил, звончее всяких труб!

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и Скалозуб, потом Молчалин.

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.
(Подводит к Хлёстовой.)
Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлёстова
(сидя)

Вы прежде были здесь... в полку... в том...
в гренадерском?

Скалозуб
(басом)

В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянском мушкетерском.

Хлёстова

Не мастерица я полки-то различать.

Скалозуб

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу;
Курьезный вист у нас. За нами, князь! прошу.
(Его и князя уводит с собою.)

Хлёстова
(Софии)

Ух! я точнехонько избавилась от петли;
Ведь полоумный твой отец:
Дался ему трех сажень удалец,—
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли!

Молчалин
(подает ей карту)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.
(Встает.)

Молчалин

Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более наперстка,
Я гладил все его: как шелковая шерстка!

Хлёстова

Спасибо, мой родной!

Уходит, за ней Молчалин и многие другие.

ЯВЛЕНИЕ 13

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я напугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все — народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник знаменитый
Тут был, как громовой отвод.
Молчалин! — Кто другой так мирно всё уладит!
Там моську вовремя погладит,
Тут в пору карточку вотрет,
В нем Загорецкий не умрет!
Вы давиче его мне исчисляли свойства,
Но многие забыли? — да?
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 14

София, потом г. N.

София
(про себя)

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть; завидлив, горд и зол!

Г. N.
(подходит)

Вы в размышленье.

София

Об Чацком,

Г. N.

Как его нашли по возвращеньи?

София

Он не в своем уме.

Г. N.

Ужли с ума сошел?

София
(помолчавши)

Не то чтобы совсем...

Г. N.

Однако есть приметы?

София
(смотрит на него пристально)

Мне кажется.

Г. N.

Как можно, в эти леты!

София

Как быть!
(В сторону.)
Готов он верить!
А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Г. N., потом г. D.

Г. N.

С ума сошел!.. Ей кажется... вот на!
Недаром? Стало быть... с чего б взяла она!
Ты слышал?

Г. D.

Что?

Г. N.

Об Чацком?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

С ума сошел!

Г. D.

Пустое...

Г. N.

Не я сказал, другие говорят.

Г. D.

А ты расславить это рад?

Г. N.

Пойду осведомлюсь; чай, кто-нибудь да знает.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 16

Г. D., потом Загорецкий.

Г. D.

Верь болтуну!
Услышит вздор и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загорецкий

Ну?

Г. D.

С ума сошел!

Загорецкий

А, знаю, помню, слышал,
Как мне не знать? Примерный случай вышел;
Его в безумные упрятал дядя-плут...
Схватили, в желтый дом, и на́ цепь посадили.

Г. D.

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загорецкий

Так с цепи, стало быть, спустили.

Г. D.

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако, чур! секрет.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 17

Загорецкий, потом графиня внучка.

Загорецкий

Который Чацкий тут? — Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком.
Вы слышали об нем?

Графиня внучка

Об ком?

Загорецкий

Об Чацком; он сейчас здесь в комнате был.

Графиня внучка

Знаю.
Я говорила с ним.

Загорецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший...

Графиня внучка

Что?

Загорецкий

Да, он сошел с ума.

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в одно вы слово.

ЯВЛЕНИЕ 18

Те же и графиня бабушка.

Графиня внучка

Ah! grand' maman! вот чудеса! вот пово!
Вы не слыхали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот мило!..

Графиня бабушка

Мой *т*руг, мне уши залошило;
Скаши покромче...

Графиня внучка

Время нет!
(Указывает на Загорецкого.)
Il vous dira toute l'histoire[1].
Пойду спрошу...
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 19

Загорецкий, графиня бабушка.

Графиня бабушка

Что? что? уж нет ли здесь пошара?

Загорецкий

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

Графиня бабушка

Как, Чацкого? кто свел в тюрьму?

Загорецкий

В горах изранен в лоб, сошел с ума от раны.

Графиня бабушка

Что? К фармазанам в клоб? Пошел он
в *п*усурманы?

Загорецкий

Ее не вразумишь.
(Уходит.)

[1] Он вам расскажет все подробно *(франц.)*.

Графиня бабушка

Антон Антоныч! Ах!
И он *п*ешит, все в страхе, впопыхах.

ЯВЛЕНИЕ 20

Графиня бабушка и князь Тугоуховский.

Графиня бабушка

Князь, князь! Ох, этот князь, по *п*алам, сам чуть *т*ышит!
Князь, слышали?

Князь

А-хм?

Графиня бабушка

Он ничего не слышит.
Хоть, мо*ш*ет, видели, здесь полицмейстер *п*ыл?

Князь

Э-хм?

Графиня бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И-хм?

Графиня бабушка

Тесак ему да ранец.
В сол*т*аты! Шутка ли! переменил закон!

Князь

У-хм?

Графиня бабушка

Да!.. в *п*усурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? Глух, мой отец; достаньте свой ро*ш*ок.
Ох! глухота *п*ольшой порок.

ЯВЛЕНИЕ 21

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна, графиня внучка, княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб, потом Фамусов и многие другие.

Хлёстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна

Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович

Ну все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов
(входя)

О чем? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл!
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, и ни́весть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я — он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитриевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему.

Графиня внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгну́л!
Чай, пил не по летам.

Княгиня

О! верно...

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна

Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий
(с жаром)

Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкартачных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге Институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут!
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!! — У них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два;
А книги сохранят так; для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы да сжечь.

Загорецкий

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так все равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так; он жалости достоин;
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре.

Хлёстова

Три, судáрь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моем календаре...

Хлёстова

Всё врут календари.

Фамусов

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Хлёстова

Нет! триста! — уж чужих имений мне не знать!

Фамусов

Четыреста, прошу понять.

Хлёстова

Нет! триста, триста, триста.

ЯВЛЕНИЕ 22

Те же и Чацкий.

Наталья Дмитриевна

Вот он.

Графиня внучка

Шш!

Все

Шш!

(Пятятся от него в противную сторону.)

Хлёстова

Ну, как с безумных глаз
Затеет драться он, потребует к разделке!

Фамусов

О господи! помилуй грешных нас!
(Опасливо.)

Любезнейший! Ты не в своей тарелке!
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.
(Подходит к Софье.)
Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.
(Делает знаки Софии.)
Гм, Софья! — Не глядит!

София
(Чацкому)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначащая встреча.
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал округ себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал — и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. Посмотришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...
Он рад, но мы не рады.
Умолк. И тут со всех сторон
Тоска, и оханье, и стон.
Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя

Урок, который им из детства натвержен.
Куда деваться от княжен!
Я одаль воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад,—
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую—
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям,
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в параллель
С национальным — странно что-то!
Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель?*
Ужли *сударыня!!*» — забормотал мне кто-то.
Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«*Сударыня!* ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!»
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый;
Но все оставили меня.
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург — во всей России то,
Что человек из города Бордо
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжен вселять участье;
И в Петербурге и в Москве,

Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей, по несчастью, голове
Пять, шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять,—
Глядь...

Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу, справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева, на одном же плане, комната Молчалина. Ночь. Слабое освещение. Лакеи иные суетятся, иные спят в ожидании господ своих.

ЯВЛЕНИЕ 1

Графиня бабушка, графиня внучка, впереди их лакей.

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка
(покуда ее укутывают)

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцевать.

Графиня бабушка

Поетем, матушка, мне, прафо, не под силу,
Когда-нибуть я с пала та в могилу.

Обе уезжают.

ЯВЛЕНИЕ 2

Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна; один лакей около их хлопочет, другой у подъезда кричит:

Карета Горича.

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, Попошь, что́ так уныло?
(Целует мужа в лоб.)
Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на ба́лах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за́ полночь, подчас
Тебе в угодность, как ни грустно,
Пускаюсь по команде в пляс!

Наталья Дмитриевна

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.
(Уходит с лакеем.)

Платон Михайлович
(хладнокровно)

Бал вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж, иному на роду...

Лакей
(с крыльца)

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович
(со вздохом)

Иду, иду.
(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий и лакей его впереди.

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

Лакей уходит.

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! обнялись! Пустое.
В повозке так-то на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,

Все что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно.
И едешь час, и два, день целый, вот резво́
Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,
Все та же гладь, и степь, и пусто, и мертво...
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

Л а к е й возвращается.

Готово?

Л а к е й

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Ч а ц к и й

Пошел, ищи, не ночевать же тут.

Лакей опять уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Ч а ц к и й, Р е п е т и л о в (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Р е п е т и л о в

Тьфу! оплошал.— Ах, мой создатель!
Дай протереть глаза; откудова? приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher![1]
Вот фарсы мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствия, приметы;
Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою
И растянулся во весь рост.
Пожалуй, смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,

[1] Мой милый! *(франц.)*

Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом
И разразит меня господь...

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело;
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга...

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом,
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!

Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцовщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье прийти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! — Всю ночь не рыщу напролет.

Чацкий

Вот нынче, например?

Репетилов

Что? ночь одна не в счет!
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай, в клубе?

Репетилов

В Английском. Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседанья.
Пожалоста, молчи, я слово дал молчать.
У нас есть общество, и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз...

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взáшеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну об матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах, Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало;
Поедем-ка сейчас; мы, благо, на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!! Уж на меня нисколько не похожи.
Что за́ люди, mon cher! сок умной молодежи!

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит! Ну, полно,
без прелюдий,
Решись, а мы!.. у нас... решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим — подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим...

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых, князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со́ смеху морит!

Век с англичанами, вся áнглийская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другой — Воркулов Евдоким;
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«*А, нон лашьяр ми, но, но, но*»[1].
Еще у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь, что сказать;
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелыч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты, однако, отыскать
Его *отрывок*, *взгляд* и *нечто*,
Об чем бишь *нечто?* — обо всем;
Все знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? Навряд...
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,

---

[1] Ах, не покидай меня, нет, нет, нет (от *итал.* «A, non lasciur mi, no, no, no»).

Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру — простят...

Лакей
(у подъезда)

Карета Скалозуба.

Репетилов

Чья?

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Скалозуб (спускается с лестницы).

Репетилов
(к нему навстречу)

Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой; куда же? сделай дружбу.
(Душит его в объятиях.)

Чацкий

Куда деваться мне от них!
(Входит в швейцарскую.)

Репетилов
(Скалозубу)

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу,
Знакомы вы?
(Ищет Чацкого глазами.)
Упрямец! ускакал!
Нет ну́жды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас, без отговорок:
У князь-Григория теперь народу тьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу, сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых, напоят шампанским на убой,
А во-вторых, таким вещам научат,
Каких, конечно, нам не выдумать с тобой.

Скалозуб

Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикнете, так мигом успокоит.

Репетилов

Все служба на уме! Mon cher, гляди сюда:
И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как, может быть, никто и никогда.
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я—
К нему в зятья
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!
Он на Фонтанке жил, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку?
Боялся, видишь, он упреку
За слабость будто бы к родне!
Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?
Секретари его все хамы, все продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты — души мытарства;
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что радикальные потребны тут лекарства,
Желудок дольше не варит.
(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил место Скалозуба, который покудова уехал.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Репетилов, Загорецкий.

Загорецкий

Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
Такой же я, как вы: ужасный либерал!
И оттого, что прям и смело объясняюсь,
Куда как много потерял!..

Репетилов
(с досадой)

Все врозь, не говоря ни слова;
Чуть из виду один, гляди — уж нет другого;
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.

Загорецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Сейчас столкнулись мы; тут всякие турусы,
И дельный разговор зашел про водевиль.
Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.
Мы с ним... у нас... одни и те же вкусы.

Загорецкий

А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загорецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загорецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загорецкий

А кстати, вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Репетилов

Дичь.

ЯВЛЕНИЕ 7

Репетилов, Загорецкий, князь и княгиня с шестью дочерями; немного погодя Хлёстова спускается с парадной лестницы; Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах.

Загорецкий

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я княжна

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я княжна

Про это знает целый свет.

3-я княжна

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачковы.

4-я княжна

Ах! вести старые, кому они новы?

5-я княжна

Кто сомневается?

Загорецкий

Да вот не верит...

6-я княжна

Вы!

Все вместе

Мсье Репетилов! Вы! Мсье Репетилов, что вы!
Да как вы! Можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов
(затыкает себе уши)

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора,
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чацкий!!! Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова
(с лестницы)

Княгиня, карточный должок.

Княгиня

За мною, матушка.

Все
(друг к другу)

Прощайте.

Княжеская фамилия уезжает и Загорецкий тоже.

ЯВЛЕНИЕ 8

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.

Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Что́ наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил; а впрочем,
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
Изволил вовремя явиться!
Молчалин, вон чуланчик твой,
Не нужны проводы; поди, господь с тобой.

Молчалин уходит к себе в комнату.

Прощайте, батюшка; пора перебеситься.
(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 9

Репетилов с своим лакеем.

Репетилов

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.
(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Последняя лампа гаснет.

Чацкий
(выходит из швейцарской)

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами,
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?
Чье это сочиненье?
Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют—
И вот общественное мненье!

И вот та родина... Нет, в нынешний приезд
Я вижу, что она мне скоро надоест.
А Софья знает ли? Конечно, рассказали,
Она не то чтобы мне именно во вред
Потешилась, и правда или нет —
Ей все равно, другой ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит.
Но этот обморок, беспамятство откуда??
Нерв избалованность, причуда,—
Возбудит малость их и малость утишит...
Я признаком почел живых страстей.— Ни крошки:
Она, конечно бы, лишилась так же сил,
Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

София

(над лестницей во втором этаже, со свечкою)

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась! нет ее! неужели в виденьи?
Не впрямь ли я сошел с ума?
К необычайности я точно приготовлен;
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его

(с крыльца)

Каре...

Чацкий

Сс!

(Выталкивает его вон.)

Буду здесь, и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,
Чем медлить,— а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется.

(Прячется за колонну.)

ЯВЛЕНИЕ 11

Чацкий спрятан; Лиза со свечкой.

Лиза

Ах! мочи нет! робею!
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, бог с нею.
И Чацкий, как бельмо в глазу;
Вишь, показался ей он где-то здесь внизу.
(Осматривается.)
Да! как же! по сеням бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.
(Стучится к Молчалину.)
Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

ЯВЛЕНИЕ 12

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин (потягивается и зевает), София (крадется сверху).

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Кто б отгадал,
Что в этих щечках, в этих жилках
Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках!

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто не доест
И не доспит до свадьбы.

Молчалин

Какая свадьба? С кем?

Лиза

А с барышней?

Молчалин

Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволочим.

Лиза

Что вы, судáрь! да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянет!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.
Мой ангельчик, желал бы вполовину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а свижусь — и простыну.

София
(в сторону)

Какие низости!

Чацкий
(за колонною)

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:
Во-первых, угождать всем людям без изъятья —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, судáрь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалин

Пойдем любовь делить плачевной нашей крали.
Дай обниму тебя от сердца полноты.

Лиза не дается.

Зачем она не ты!
(Хочет идти, София не пускает.)

София

(почти шепотом; вся сцена вполголоса)

Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

Молчалин

Как! Софья Павловна...

София

Ни слова, ради бога,
Молчите, я на все решусь.

Молчалин

(бросается на колена, София отталкивает его)

Ах! вспомните! не гневайтеся, взгляньте!..

София

Не помню ничего, не докучайте мне.
Воспоминания! как острый нож оне.

Молчалин

(ползает у ног ее)

Помилуйте...

София

Не подличайте, встаньте.
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
Солжете...

Молчалин

Сделайте мне милость...

София

Нет. Нет. Нет.

Молчалин

Шутил, и не сказал я ничего, окроме...

София

Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме
И погублю себя и вас.

Молчалин встает.

Я с этих пор вас будто не знавала.
Упреков, жалоб, слез моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете.

София

Иначе расскажу
Всю правду батюшке, с досады...
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите.— Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,
Чем даже днем, и при людях, и въяве;
В вас меньше дерзости, чем кривизны души.
Сама довольна тем, что ночью всё узнала;
Нет укоряющих свидетелей в глазах,
Как давиче, когда я в обморок упала,
Здесь Чацкий был...

Чацкий
(бросается между ими)

Он здесь, притворщица!

Лиза и София

Ах! Ах!..

Лиза свечку роняет с испугу; Молчалин скрывается к себе в комнату.

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же, кроме Молчалина.

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишней причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх, и стыд,—
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

София
(вся в слезах)

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! боже мой! сюда бежит весь дом!
Ваш батюшка, вот будет благодарен.

ЯВЛЕНИЕ 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг со свечами.

Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побольше, фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна! страмница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать ни взять она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало, я с дражайшей половиной
Чуть врозь — уж где-нибудь с мужчиной!
Побойся бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!
Все это заговор, и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий
(Софии)

Так этим вымыслом я вам еще обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеретесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего...
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как недосмотрел? и как ты недослышал?
В работу вас, на поселенье вас.
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, все от твоих проказ;

Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в и́збу, марш, за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю;
Еще дни два терпение возьми:
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, суда́рь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта;
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот
И оглашу во весь народ:
В сенат подам, министрам, государю.

Ч а ц к и й
(после некоторого молчания)

Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё еще мне объяснить хотят,
Растерян мыслями... чего-то ожидаю.
(С жаром.)
Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили в смех?
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки — все противно,—

Я с вами тотчас бы сношения пресек
И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?..
(Насмешливо.)
Вы помиритесь с ним по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей -
Высокий идеал московских всех мужей.—
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, судáрь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами, наконец,
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой — и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором,—
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок! —
Карету мне, карету!
(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Кроме Чацкого.

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:
Безумный! что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

1822—1824

СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО

КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр Константиныч Муромский — зажиточный ярославский помещик, деревенский житель, человек лет под шестьдесят.
Лидочка — его дочь.
Анна Антоновна Атуева — ее тетка, пожилая женщина.
Владимир Дмитрич Нелькин — помещик, близкий сосед Муромских, молодой человек, служивший в военной службе. Носит усы.
Михаил Васильич Кречинский — видный мужчина, правильная и недюжинная физиономия, густые бакенбарды; усов не носит; лет под сорок.
Иван Антоныч Расплюев — маленький, но плотненький человечек; лет под пятьдесят.
Никанор Савич Бек — ростовщик.
Щебнев — купец.
Федор — камердинер Кречинского.
Тишка — швейцар в доме Муромских.
Полицейский чиновник.
Слуги.

Действие происходит в Москве.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Утро. Гостиная в доме Муромских. Прямо против зрителя большая дверь на парадную лестницу; направо дверь в покои Муромского, налево — в покои Атуевой и Лидочки. На столе, у дивана, накрыт чай.

ЯВЛЕНИЕ 1

А т у е в а *(выходит из левой двери, осматривает комнату и отворяет дверь на парадную лестницу)*. Тишка! эй, Тишка!

Т и ш к а *(за кулисами)*. Сейчас-с. *(Входит в ливрее, с широкой желтой перевязью, нечесаный и несколько выпивши*[1]*.)*

А т у е в а *(долго на него смотрит)*. Какая рожа!..

Молчание.

Отчего головы не чесал?

Т и ш к а. Никак-с нет, Анна Антоновна, я чесал.

А т у е в а. И рожи не мыл?..

Т и ш к а. Никак нет, мыл; как есть мыл. Как изволили приказать, чтоб мыть, так завсегда и мою.

А т у е в а. Колокольчик немец принес?

Т и ш к а. Принес, сударыня; он его принес.

А т у е в а. Подай сюда да принеси лестницу.

Тишка несет колокольчик и лестницу.

Ну, теперь слушай. Да ведь ты глуп: ты ничего не поймешь.

---

[1] Автор находит непзбежным заметить, что предосудительное во всяком случае состояние Тишки нисколько не есть грубо-пьяный вид, который, к сожалению, нередко воспроизводится и на сцене, а только некоторая приятная настроенность организма, выражающаяся усердием исполнить свой долг, плоды которого, однако, бывают горьки, певучестью речи, едва заметным поискиванием равновесия и, главное, невозмущаемым спокойствием духа супротив вспыльчивости и трезвой раздражительности Анны Антоновны.

Т и ш к а. Помилуйте, сударыня, отчего же не понять? Я милости вашей все понимаю.

А т у е в а. Коли приедет дама, ты звони два раза.

Т и ш к а. Слушаю-с.

А т у е в а. Коли господин, ударь один раз.

Т и ш к а. Слушаю-с.

А т у е в а. Коли так, какая-нибудь дама или женщина — не звонить.

Т и ш к а. Можно-с.

А т у е в а. Коли магазинщик или купец какой, тоже не звонить.

Т и ш к а. И это, Анна Антоновна, можно.

А т у е в а. Понял?

Т и ш к а. Я понял, сударыня, я оченно понял... А докладывать ходить уж не прикажете?

А т у е в а. Как не докладывать? непременно докладывать.

Т и ш к а. Так перво прикажете звон сделать, а потом уж доложить?

А т у е в а. Этакий дурак! Вот дурак-то! Ну как же можно, глупая рожа, чтобы сперва звонить, а потом доложить!

Т и ш к а. Слушаю-с.

А т у е в а. Ну, лезь прибивай.

Тишка с молотком и колокольчиком лезет по лестнице.

Стой... так!

Т и ш к а *(наставив гвоздь с колокольчиком)*. Так-с?

А т у е в а. Повыше.

Т и ш к а *(подымаясь еще)*. Так-с?

А т у е в а. Повыше, тебе говорю.

Т и ш к а *(вздергивает руку кверху)*. Так-с?

А т у е в а *(торопливо)*. Стой, стой... куда?.. ниже!

Т и ш к а *(опускает руку вниз)*. Так-с?

А т у е в а *(начинает сердиться)*. Теперь выше! Ниже!! Выше!!! Ниже!! Ах ты, боже мой! А, да что́ ты, дурак, русского языка не понимаешь?..

Т и ш к а. Помилуйте, как не понимать!.. Я понимаю-с, я оченно, сударыня, понимаю.

А т у е в а *(нетерпеливо)*. Что̀ ты там болтаешь?..

Т и ш к а *(снимает колокольчик вовсе с места и поворачивается к Атуевой)*. Я, сударыня, на тот счет, как вы изволите говорить, что я не понимаю, то я, сударыня, очень, очень понимаю.

А т у е в а. Что̀ ж, ты прибьешь или нет?

Т и ш к а. Как, матушка, приказать изволите.

А т у е в а *(теряет терпение)*. Аааа-ах ты, боже мой!.. Да тут никакого терпенья не хватит! ты пьян!!!

Т и ш к а. Помилосердуйте. Я только, сударыня, о том докладываю, что вы изволите говорить, что я не понимаю, а я оченно, сударыня, милости вашей понимаю.

А т у е в а *(складывая крестом руки)*. А! ты, разбойник, со мною шутку шутишь, что ли?.. Что ж, ты нарочно туда влез разговоры вести... а? Прибивай!..

Т и ш к а. Где милости вашей...

А т у е в а *(выходит совершенно из себя и топает ногою)*. Прибивай, разбойник, куда хочешь прибивай... ну постой, постой, пьяная бутылка, дай мне срок: это тебе даром не пройдет.

Т и ш к а *(немедленно наставляет гвоздь в первое попавшееся место и колотит его со всей мочи)*. Я понимаю... я оченно... Матушка... барын... ту, ту, ту... уууx!!! *(Свертывается с лестницы; она падает)*.

Шум. Вбегают с л у г и.

А т у е в а *(кричит)*. Боже мой!.. Батюшки!.. Он себе шею сломит.

Т и ш к а *(очутившийся на ногах, улыбается)*. Никак нет-с, помилуйте.

Слуги подставляют лестницу и устраивают колокольчик.

ЯВЛЕНИЕ 2

Т е ж е и М у р о м с к и й, в халате, с трубкою, показывается из двери направо.

М у р о м с к и й. Чтó это? что вы делаете?

А т у е в а. Ничего не делаем. Вот Тишка опять пьян.

М у р о м с к и й. Пьян?

А т у е в а. Да! Воля ваша, Петр Константиныч: ведь он с кругу спился.

Т и ш к а. Помилуйте, батюшка Петр Константиныч! Изволят говорить: пьян. Чем я пьян? Когда б я был пьян, где б мне с этакой махинницы свалиться да вот на ноги стать?.. Стал, сударь, гвоздь вгонять, обмахнулся, меня эдаким манером и вернуло.

М у р о м с к и й *(смотрит на него и качает головою)*. Вернуло, тебя вернуло?.. Пошел, болван, в свое место.

Тишка выходит с крайнею осторожностию; слуги выносят лестницу.

ЯВЛЕНИЕ 3

Муромский и Атуева.

Муромский *(смотря вслед уходящему Тишке)*. Разумеется, пьян... Да что̀ тут за возня у вас?

Атуева. Колокольчик навешивали.

Муромский *(с беспокойством)*. Еще колокольчик! Где? что такое?.. *(Увидев навешенный колокольчик.)* Что́ это? здесь? в гостиной!..

Атуева. Да.

Муромский. Да что́ ж, здесь в набат бить?..

Атуева. Нынче везде так.

Муромский. Да помилуйте, ведь это глупость! ведь это черт знает что такое!.. А, да что и говорить!.. *(Ходит.)* Тут человеческого смысла нет... Ведь это всякий раз себе язык прикусишь!..

Атуева. И, полноте, батюшка, пустяки выдумывать! Отчего же тут язык прикусить?.. Пожалуйста, уж оставьте меня: я лучше вас знаю, как дом поставить.

Молчание. Муромский ходит по комнате. Атуева пьет чай.

Петр Константиныч! Надо будет вечеринку дать.

Муромский *(остановясь против Атуевой)*. Вечеринку? какую вечеринку? О какой вы вечеринке говорите?

Атуева. Обыкновенно о какой. Будто не знаете! ну балик, что ли... вот как намедни было.

Муромский. Да ведь вы мне говорили, что вот последняя будет, уж больше не будет.

Атуева. Нельзя, Петр Константиныч, совсем нельзя: приличия, свет того требуют.

Муромский. Хорош ваш сахар — свет: требует!.. Да, как же, провались он в преисподнюю... требует!.. у кого? у меня, что ли, требует?.. Полно вам, сударыня, егозить! Что вы это как умом рехнулись?

Атуева. Я умом рехнулась?..

Муромский. Да! Вытащили меня в Москву, пошли затеи, балы да балы, денежная трата всякая, знакомство... суетня, стукотня!.. Дом мой поставили вверх дном; моего казачка Петрушку — мальчик хороший был — сорокой одели. Вот этого дурака Тишку, башмачника, произвели в швейцары, надели на него епанчу какую-то; вот *(указывает на колокольчик)* колоколов навесили! звон такой идет по всему дому!..

Атуева. Разумеется, звон. Я вам говорю, сударь: у всех людей так...

Муромский. Матушка! ведь у людей дури много — всего не переймете!.. Ну что вы тут наставили! *(показывает на вазу с карточками)* какую кружку? какое благо собираете?

Атуева. Это?.. Визитные карточки.

Муромский *(покачав головою)*. Поголовный список тараторок, болтунов...

Атуева. Визитные-то карточки?

Муромский. Праздношатаек, подбродяг всесветных, людей, которые, как бухарцы какие, слоняются день-деньской из дому в дом и таскают сор всякий, да не на сапогах, а на языке.

Атуева. Это светские люди?

Муромский. Да!

Атуева. Ха, ха, ха! и смех и горе!..

Муромский. Нет! горе.

Атуева. Ну что вы, Петр Константиныч, судите да рядите: ведь вы свету не знаете?

Муромский. И знать его не хочу!

Атуева. Ведь вы век целый торчали у себя в Стрешневе.

Муромский. Торчал, сударыня, торчал. Не вам жаловаться; на мое торчанье балики-то даете.

Атуева. Это, сударь, ваш долг.

Муромский. Балы-то давать?

Атуева. Ваша обязанность.

Муромский. Балы-то давать?!!

Атуева. У вас дочь невеста!

Муромский. Сзывать людей. *(Машет руками.)* Сюда! Сюда!.. И они же, благодетели, наедут, объедят, обопьют да нас же на смех подымут!..

Атуева. Так с мужиками толковать лучше?

Муромский. Лучше. Когда с мужиком толкуешь, так или мне польза, или ему, а иное дело — обоим. А от вашего звону кому польза?

Атуева. Нельзя же все для пользы жить.

Муромский. Нельзя?.. Надо!

Атуева. Мы не нищие.

Муромский. Так будем нищие... *(Махнув рукой.)* Да что с вами говорить!

Атуева. А вам бы вот забиться в захолустье да там и гнить в болоте с какими-нибудь чудаками!

Муромский. Э, матушка! такие же чудаки, как и мы.

Атуева. Ну уж не знаю. Понатерпелась я от них муки на прошедшем нашем бале! Ваша Степанида Петровна такой чепец себе взбрякала... сама-то толстая, сидит на диване, что на самую

ведь средину забилась. Как взгляну, так мне сердце-то и щемит, так и щемит!..

Муромский. Что ж? она прилично была одета; она женщина хорошая.

Атуева. Да что в том, сударь, что хорошая? Об этом не спрашивают... Прилично!.. Да о ней всякий спрашивал, кто, говорят, такая? Просто, я хоть бы сквозь землю провалилась.

Муромский. Что ж тут худого, что спрашивают, кто такая? Я тут худого не вижу. А вот что худо: девочка молоденькая — чему она учится? что слышит? Выйдет в двенадцатом часу из спальни — пойдет визитные карточки вертеть... Вот тебе и занятие! Потом: гонять по городу; там в театр, там на бал. Ну какая это жизнь? К чему вы ее готовите? чему учите? а? вертушкой быть? шуры-муры, коман ву порте ву?[1]

Атуева. Так как же, по-вашему, надо ее воспитывать? Чему учить?

Муромский. Делу, сударыня, порядку.

Атуева. Так возьмите немку.

Муромский. В своем доме занятию...

Атуева. Чухонку!

Муромский. Экономии...

Атуева. Экономку!.. шлюху!!

Муромский *(расставив руки)*. Помилосердуйте, сударыня!..

Атуева. Что? правда-то глаза колет?.. то-то. А вы скажите-ка мне решительно, хотите дать вечеринку или нет?

Муромский. Не хочу!

Атуева. Так я на свои деньги дам: свое состояние имею!

Муромский. Давайте! Я вам не указчик!

Атуева. Из ваших капризов не сидеть же девочке в углу, без кавалеров. Вам вот только чтоб расходов не было. Без расходов, сударь, девочку замуж не отдашь.

Муромский. Вона!.. эка ведь им гиль в голову села: без расходов девочку замуж не отдашь! Сударыня! когда знают, что девочка скромная, дома хорошего, да еще приданое есть, так порядочный человек и так женится; а с расходами да с франдыбаченьем вашим так отдашь, что после наплачешься.

Атуева. Так, по-вашему, и упечь ее за какого-нибудь деревенского чучелу?

Муромский. Не за чучелу, сударыня, а за человека солидного...

Атуева *(перебивая его)*. Да, чтоб солидный человек ее в

---

[1] Как вы поживаете? (от *франц.* comment vous portez-vous?)

деревне и уморил? Уж вы насильно отдайте, свяжите по рукам и по ногам...

Муромский. Переведите-ка, матушка, дух.

Атуева. Что-с?..

Муромский. Духу, духу возьмите!..

Атуева. Что же вы это, сударь...

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Лидочка, очень разряженная, подходит к отцу.

Лидочка. Здравствуйте, папенька!

Муромский *(повеселев)*. Ну вот и она. Кралечка ты моя! *(Берет ее за голову и целует.)* Баловница!

Лидочка *(подходит к тетке)*. Здравствуйте, тетенька!

Муромский. Ну, что же ты делала, с кем танцевала вчера?

Лидочка. Ах, папа, много!..

Атуева. Мазурку с Михаилом Васильевичем!

Муромский. С Кречинским?

Лидочка. Да, папа.

Муромский. Помилуй, матушка! ему бы пора и бросить.

Атуева. Отчего это?

Муромский. Ну, уж человек в летах: ему ведь под сорок будет.

Атуева. С чего вы это взяли? лет тридцать с небольшим.

Лидочка. А как он ловко танцует!.. это чудо!.. особливо вальс.

Атуева. И молодец уж какой!

Муромский. Не знаю, что вам дался этот Кречинский. Конечно, мужчина видный,— ну приятный человек; зато, говорят, как в карты играет!

Атуева. И, мой отец, всего не переслушаешь. Это ваш все Нелькин жужжит. Ну он где слышит, где бывает? Ну кто нынче не играет? Нынче все играют.

Муромский. Игра игре рознь. А вот Нелькин карт в руки не берет.

Атуева. А вот вам Нелькин дался! Вы бы его в свете посмотрели, так, думаю, другое бы сказали. Ведь это просто срамота! Вот вчера выхлопотала ему приглашение у княгини — стащила на бал. Приехал. Что ж, вы думаете? Залез в угол, да и торчит там, выглядывает оттуда, как зверь какой: никого не знает. Вот что значит в деревне-то сидеть!

М у р о м с к и й. Что делать! застенчив, свету мало видел. Это не порок.

А т у е в а. Не порок-то, не порок, а уж в высшем обществе ему не быть. Ведь непременно подцепит Лидочку вальсировать! Танцует плохо, того и гляди, ляпнется он с нею со всего-то маху,— ведь осрамит!

М у р о м с к и й *(вспыхнув)*. Сами-то... широко очень плывете... Не ляпнуться бы вам со всего-то маху...

А т у е в а. Ну уж не ляпнусь.

М у р о м с к и й *(уходя)*. Посередь-то высшего общества не сесть бы в лужу.

А т у е в а. И в лужу не сяду!

М у р о м с к и й *(уходя)*. То-то, не сядьте.

А т у е в а. Не сяду... не сяду.

ЯВЛЕНИЕ 5

Т е ж е без Муромского.

Л и д о ч к а. Что это, тетенька, вы все папеньку сердите!

А т у е в а. Не могу, право, не могу. Вот дался ему Нелькин!

Молчание.

Лида! а что ты это с Кречинским говорила за мазуркой? Вы что-то очень говорили?

Л и д о ч к а *(нерешительно)*. Так, тетенька.

А т у е в а. По-французски?

Л и д о ч к а. По-французски.

А т у е в а. До смерти люблю. Вот сама-то я не очень, а ужасно люблю. Ну, а ты теперь порядочно?

Л и д о ч к а. Да, порядочно, тетенька!

А т у е в а. А какой у него — хороший выговор?

Л и д о ч к а. Да, очень хороший.

А т у е в а. У него это как-то ловко выходит, и он этак говорит часто, часто, так и сыплет! А как он это говорит: parbleu [1], очень хорошо! Отчего это ты, Лидочка, никогда не говоришь parbleu?

Л и д о ч к а. Нет, тетенька, я иногда говорю.

А т у е в а. Это очень хорошо! Да что ты такая скучная?

Л и д о ч к а. Тетенька! я, право, не знаю, как вам сказать...

А т у е в а. Что, милая, что?

Л и д о ч к а. Тетенька! он вчера за меня сватался.

---

[1] Черт возьми *(франц.)*.

А т у е в а. Кто? Кречинский? Неужели? Что ж он тебе говорил?

Л и д о ч к а. Право, тетенька, мне как-то совестно... только он говорил мне, что он меня так любит!.. *(Останавливается.)*

А т у е в а. Ну ты что ж ему сказала?

Л и д о ч к а. Ах, тетенька, я ничего не могла сказать... я только спросила: точно ли вы меня любите?

А т у е в а. Ну а еще что?

Л и д о ч к а. Я больше ничего не могла сказать.

А т у е в а. То-то я видела, что ты все какую-то ленту вертела. Что ж? Неужто ты ему так-таки ничего больше и не сказала? Ведь я же тебе говорила, как надо сказать.

Л и д о ч к а. Да, тетенька, я ему сказала: parlez à ma tante et à papa [1].

А т у е в а. Ну, вот так. Ты, Лидочка, хорошо поступила.

Молчание.

Л и д о ч к а. Ах, тетенька, мне плакать хочется.

А т у е в а. Плакать? Отчего? Разве он тебе не нравится?

Л и д о ч к а. Нет, тетенька, очень нравится. *(Кидается ей на шею и плачет.)* Тетенька, милая тетенька! я его люблю!..

А т у е в а. Полно, мой друг, полно! *(Отирает ей платком глаза.)* Ну что же? Он человек прекрасный... знакомство большое... Ведь он всех знает?

Л и д о ч к а. Всех, тетенька, всех; со всеми знаком: он на бале всех знает... Я только боюсь папеньки: он его не любит. Он все говорит, чтоб я вышла за Нелькина.

А т у е в а. И, мой друг, это все вздор. Ведь отцу потому хочется за Нелькина, что он вот сосед, живет в деревне, имение рядом, что называется, борозда к борозде: вот почему ему хочется за Нелькина.

Л и д о ч к а. Папенька говорит, что он очень добрый.

А т у е в а. Да, как же! И, моя милая, в свете все так: кто глуп, тот и добр; у кого зубов нет, тот хвостом вертит... А если выйдешь за Кречинского — как он дом поставит, какой круг сделает!.. Ведь у него вкус удивительный...

Л и д о ч к а. Да, тетенька, удивительный!..

А т у е в а. Как он наш солитер [2] обделал — это прелесть! Вот лежала вещь у отца в шкатулке; а ведь теперь кто увидит, все просто в восхищении... Я вот переговорю с отцом.

---

[1] Поговорите с моей тетушкой и отцом *(франц.)*.

[2] С о л и т е р — крупный бриллиант (от *франц.* solitaire).

Л и д о ч к а. Он мне говорил, тетенька, что ему надо ехать из Москвы.

А т у е в а. Скоро?

Л и д о ч к а. На днях.

А т у е в а. Надолго?

Л и д о ч к а. Не знаю, тетенька.

А т у е в а. Так, стало, ему надо ответ дать?

Л и д о ч к а *(со вздохом)*. Да, непременно надо.

А т у е в а. Ну, так я с отцом переговорю.

Л и д о ч к а. Тетенька! не лучше ли, чтобы он сам? Вы знаете, какой он ловкий, умный, милый... *(Задумывается.)*

А т у е в а *(обидясь)*. Ну, делай, как хочешь. Ведь я тебе не мать.

Л и д о ч к а. Ах, тетенька, что вы это? Не оставляйте меня. Вы мне — мать, вы мне — сестра, вы мне — всё. Вы знаете, что я его люблю... *(целует ее)* как я его люблю... *(Останавливается.)* Ах, тетенька, какое это слово — люблю!

А т у е в а *(усмехаясь)*. Ну, полно, полно.

Л и д о ч к а. Я даже не знаю, что со мною делается. У меня сердце бьется, бьется и вдруг так и замрет. Я не знаю, что это такое.

А т у е в а. Это ничего, мой друг, это пройдет... Вот, никак, отец идет. Мы сейчас и за дело.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Муромский.

М у р о м с к и й. Ну что вы? Вот тащит меня ваш Михаил Васильич на бег. Ну что мне там делать? До рысаков я не охотник.

А т у е в а. Ну что ж? Вы хоть людей посмотрите.

М у р о м с к и й. Каких людей? лошадей едем смотреть, а не людей.

А т у е в а. Что это, Петр Константиныч, ничего вы не знаете! Там теперь весь бомонд[1].

М у р о м с к и й. Да провались он, ваш бом... *(Здоровый удар звонка.)* Ай!.. Ах ты, черт возьми! что за попущение такое! Я этому Тишке все руки обломаю: терпенья нет. Матушка, я вам говорю *(указывая на колокольчик)*, извольте эти звонки уничтожить.

---

[1] Б о м о н д — избранное общество (от *франц.* beau monde).

А т у е в а. Нельзя, Петр Константиныч, воля ваша, нельзя: во всех домах так.

М у р о м с к и й *(кричит)*. Да что же вы, в самом деле? Ну, не хочу, да и только!

А т у е в а. Ах, батюшка, что вы это кричите? Господи! *(Указывая на дверь, тихо.)* Чужих-то людей постыдились бы.

Муромский оглядывается.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Н е л ь к и н, входит, раскланивается и жмет Муромскому руку.

М у р о м с к и й. Где же вы это, Владимир Дмитрич, пропали? Я уж стосковался по вас.

Н е л ь к и н. Да, Петр Константиныч *(махает рукой)*, загулял совсем: все вот балы... *(Оглядываясь на дверь.)* Ну, Анна Антоновна, какой вы резкий колокольчик-то повесили... ого!..

М у р о м с к и й. Ну вот, видите: не я один говорю.

Н е л ь к и н. А впрочем, Петр Константиныч, я вам скажу: вчера на бале, у княгини, тоже того... *(вертит головой)* только что подымаюсь на лестницу... освещено, знаете, как день; дома-то я не знаю; прислуги гибель — все это в галунах... подымаюсь, знаете, на лестницу, да и посматриваю: куда, мол, тут? Как звякнет он мне над самым ухом, так меня как варом обдало! Уж не чувствую, как меня в гостиную ноги-то вкатили.

А т у е в а. Зато они вас хорошо и вкатили...

М у р о м с к и й *(перебивая)*. А я вам, сударыня, говорю, что вы меня этими колоколами выгоните из дому.

Н е л ь к и н. Да вы, Петр Константиныч, как собираетесь в Стрешнево?

А т у е в а. И не собираемся, батюшка! Разве после масленицы, а прежде— что в деревне-то делать?

М у р о м с к и й. Да, вон видишь! Что в деревне делать? Толкуй вот с ними!.. Распоряжение, сударыня, надобно сделать к лету — навоз вывезти: без навозу баликов давать не будете.

А т у е в а. Так что же у вас Иван-то Сидоров делает? Неужели же он и навоз-то на воза покласть не может?

М у р о м с к и й. Не может.

А т у е в а. Не знаю — чудно, право... Так неужели сам помещик должен навоз накладывать?

М у р о м с к и й. Должен.

А т у е в а. Приятное занятие!

Муромский. Оттого все и разорились.

Атуева. От навозу.

Муромский. Да, от навозу.

Атуева. Ха, ха, ха! Петр Константиныч, вы, батюшка, хоть другим-то этого не говорите: над вами смеяться будут.

Муромский. Я, матушка, об этом не забочусь, что...

Такой же удар колокольчика. Все вздрагивают. Муромский перегибается назад и вскрикивает пуще прежнего.

Ай!.. Ах, царь небесный! Да ведь меня всего издергает. Я этак жить не могу... *(Подходя к Атуевой.)* Понимаете ли, сударыня, я этак жить не могу! Что ж, вы меня уморить хотите?..

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Кречинский, входит бойко, одет франтом, с тростью, в желтых перчатках и лаковых утренних ботинках.

Кречинский. Петр Константиныч, доброе утро! *(Поворачивается к дамам и раскланивается.)* Mesdames! *(Идет, жмет им руки.)*

Нелькин *(стоя в отдалении, в сторону)*. Во! ни свет ни заря, а уж тут...

Кречинский что-то рассказывает с жестами и шаркает.

Скоморох, право, скоморох. Что тут делать? забавляет, нравится...

Дамы смеются.

Во!.. О женщины! Что вам, женщины, нужно? желтые нужны перчатки, лаковые сапоги, бакенбарды чтоб войлоком стояли и побольше трескотни!

Кречинский идет к углу, кладет шляпу и палку, снимает перчатки и раскланивается молча с Нелькиным.

Ах, Лидия, Лидия! *(Вздыхает.)*

Кречинский *(показывая на колокольчик)*. Анна Антоновна! а это что у вас за вечевой колокол повесили?

Атуева *(робко)*. Вечевой? как вечевой?

Кречинский. Громогласный какой-то.

Муромский *(идет к Кречинскому и берет его за руку)*. Батюшка, Михайло Васильич! отец родной! спасибо, от души спасибо! *(К Атуевой.)* Что, Анна Антоновна, а? Да я уж и сам чувствую, что не в меру.

Кречинский. Что такое?

Муромский. Помилуйте! как что? Да ведь это напущение адское! болен сделался. Именно вечевой. Вот здесь как вече какое собирается.

Кречинский *(идет к колокольчику, все идут за ним и смотрят)*. Да, велик, точно велик... А! да он с пружинкой, à marteau...[1] знаю, знаю!..

Нелькин *(в сторону)*. Как тебе колоколов не знать: это по твоей части.

Атуева *(утвердительно)*. Это мне немец делал.

Кречинский. Да, да, он прекрасный колокольчик; только его надо вниз, на лестницу... его надо вниз.

Муромский. Ну вот оно! как гора с плеч... *(Отворяет дверь на лестницу.)* Эй, ты, Тишка! епанча! пономарь пустой колокольни! поди сюда!..

Является Тишка.

Поди сюда! сымай его, разбойника!

Тишка снимает колокольчик и уносит.

Кречинский *(очень развязно)*. Лидия Петровна! как вы отдохнули после вчерашнего бала?

Лидочка. У меня голова что-то болит.

Кречинский. А ведь чудо как было весело!

Лидочка. Ах, чудо как весело!

Кречинский *(бойко)*. Ну, Петр Константиныч, а какая Лидия Петровна была хорошенькая, да какая свеженькая, да какая миленькая... просто залюбоваться надо!

Лидочка *(несколько смутясь)*. Михайло Васильич! остерегитесь: вы ведь себя немного хвалите.

Муромский. Как себя? Вота!..

Лидочка. Разумеется, папенька! Ведь Михайло Васильич весь мой туалет придумывал. Мы ведь его с тетенькой к совету брали.

Муромский. Что ты? неужели? Скажите, батюшка! Как это вас на все станет? И дело вы всякое знаете, и пустяк всякий знаете!

Кречинский. Что делать, Петр Константиныч! такой уж талант. А вот теперь не угодно ли пожаловать на двор да обсудить мой талант по другой части. *(Берет Муромского под руку.)*

Муромский. Что, что такое? Куда на двор?

Кречинский *(любезничая)*. А забыли?

Муромский. Право, не знаю.

---

[1] С молоточком *(франц.)*.

Кречинский. А я вот даром что туалеты советую, а помню. А бычка-то?

Муромский. А, да, да, да! Ну что ж? Вам его привели из деревни?

Кречинский. Да, уж он тут. Он у вас на дворе с полчаса бунтует.

Муромский *(берет шапку)*. Любопытно, любопытно взглянуть.

Кречинский. Mesdames, мы сейчас. *(Берет развязно Муромского под руку и уводит.)*

ЯВЛЕНИЕ 9

Атуева, Лидочка и Нелькин.

Атуева *(указывая на уходящего Кречинского)*. Вот что называется, Владимир Дмитрич, светский человек!.. Charmant, charmant[1].

Нелькин. Да, он человек, того... разбитной, веселый... Ну, а уж хорошего о нем мало слышно.

Атуева. Где, батюшка, слышно? в какой щели слышно?

Нелькин. Страшный, говорят, игрок.

Атуева *(с досадой)*. Ну уж вы, батюшка, с вашими рассказами и понаскучили мне... извините меня. Кроме сплетней городских, ничего от вас и не слышно. Ведь вы Москву не знаете: ведь что вам первый встречный скажет, то и несете. Так, батюшка, жить в городе нельзя. Вы человек молодой; вы должны осмотрительно говорить, да и в знакомстве быть поразборчивее. Ну с кем вы это намедни в театре сидели? Кто такой?

Нелькин. Это так, Анна Антоновна, один здешний купец.

Атуева. Купец?! Извольте, вот с купцом знакомство свели!

Нелькин. Помилуйте, Анна Антоновна! он очень богатый купец... у него дом какой!..

Атуева. А что, что у него дом? И у мещанина дом. Разве купец вам компания? да и в публике! Ну теперь из высшего общества-то кто вас увидит, вот вас принимать-то и не станут.

Нелькин. Да ведь я, Анна Антоновна, за этим не гонюсь.

Лидочка *(вспыхнув)*. К чему же вы это говорите? Кто ж за этим гонится?

Нелькин *(спохватясь)*. Лидия Петровна! позвольте: я это так сказал, уверяю вас; я не хотел что-нибудь сказать...

---

[1] Очаровательно, прелестно *(франц.)*.

А т у е в а. Ну хорошо, хорошо! Бог с вами, мой отец! а вы уж лучше перестаньте о людях дурное говорить. Таков свет, батюшка: хороши вы, так скажут, что не в меру глуп; богаты — урод; умны — объявят негодяем или чем и краше того. Таков уж свет. Бог с ними! что человек есть, то он и есть.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же, Кречинский и Муромский входят скоро.

М у р о м с к и й. Любезный мой Михайло Васильич! *(Берет его за руку.)* Благодарю, благодарю! Да того... мне, право, совестно.

К р е ч и н с к и й. Полноте, пожалуйста!

М у р о м с к и й. Ей-ей, совестно... Как же это? Лида, Лидочка!..

Л и д о ч к а. Что, папенька?

М у р о м с к и й. Да вот, смотри, ведь мне Михайло Васильич бычка-то подарил...

Л и д о ч к а *(ласкаясь к отцу)*. Что ж, хорош, папенька?

М у р о м с к и й *(зажмуривается)*. Уди-ви-тельный!.. Вообрази себе: голова, глаза, морда, рожки!.. *(Опять зажмуривается.)* Удивительный... Так он из вашего симбирского имения?

К р е ч и н с к и й. Да, из моего симбирского имения.

М у р о м с к и й. Так у вас в Симбирске имение!

К р е ч и н с к и й. Да, имение.

М у р о м с к и й. И скотоводство хорошее?

К р е ч и н с к и й. Как же, отличное.

М у р о м с к и й. Вы и до скотины охотники?

К р е ч и н с к и й. Охотник.

М у р о м с к и й. О господи! и насчет укопу таки тово...

К р е ч и н с к и й *(усмехаясь)*. Таки тово.

М у р о м с к и й. А вот уж до деревни, кажется, нет...

К р е ч и н с к и й *(горячо)*. Кто вам сказал? Да я обожаю деревню... Деревня летом — рай. Воздух, тишина, покой!.. Выйдешь в сад, в поле, в лес — везде хозяин, все мое. И даль-то синяя и та моя! Ведь прелесть.

М у р о м с к и й. Вот так-то я сам чувствую.

К р е ч и н с к и й. Встал рано, да и в поле. В поле стоит теплынь, благоухание... Там на конный двор, в оранжереи, в огород...

М у р о м с к и й. А на гумно?

К р е ч и н с к и й. И на гумно... Все живет; везде дело, тихое, мирное дело.

Муромский *(со вздохом)*. Именно тихое, мирное дело... Вот, Анна Антоновна, умные-то люди как говорят!

Кречинский. Занялся, обошел хозяйство, аппетиту добыл — домой!.. Вот тут что нужно, Петр Константиныч, а? скажите, что нужно?

Муромский *(весело)*. Чай, решительно, чай.

Кречинский. Нет, не чай: нужнее чаю, выше чаю?

Муромский *(в недоумении)*. Не знаю.

Кречинский. Эх, Петр Константиныч! вы ли не знаете?

Муромский *(подумав)*. Право, не знаю.

Кречинский. Жена нужна!..

Муромский *(с увлечением)*. Правда, совершенная правда!

Кречинский *(продолжая)*. Да какая жена? *(Смотрит на Лидочку.)* Стройная, белокурая, хозяйка тихая, безгневная. Пришел, взял ее за голову, поцеловал в обе щеки... «Здравствуй, мол, жена! давай, жена, чаю!..»

Атуева. Ах, батюшка! Вот манеры-то? Этак? жене-то хоть и не причесываться.

Кречинский. Полноте, Анна Антоновна! Жены не сердятся, когда им мужья прически мнут; когда не мнут — вот обида.

Муромский смеется.

А самовар уж кипит. Смотришь, вот и старик отец идет в комнату; седой как лунь, костылем подпирается, жену благословляет; тут шалунишка внучек около него вьется,— матери боится, а к дедушке льнет. Вот это я называю жизнь! Вот это жизнь в деревне... *(Оборачиваясь к Лидии.)* Что ж, Лидия Петровна, вы любите деревню?

Лидочка. Очень люблю.

Атуева. Да когда же ты деревню любила?

Лидочка. Нет, тетенька, я люблю. Я, Михайло Васильич, очень люблю голубей. Я их сама кормлю.

Кречинский. А цветы любите?

Лидочка. Да, и цветы люблю.

Атуева. Ах, мой создатель! теперь она все любит.

Кречинский. Однако мы заболтались. *(Смотрит на часы.)* Уж час, Петр Константиныч! Нам пора; опоздаем. Да вы принарядитесь: народу ведь гибель будет.

Муромский *(в духе)*. А что?.. Ну что ж, пожалуй, и мы тряхнем деревенщиной... Отказать-то нельзя: человек любезный.

Лидочка *(подбегая к отцу)*. И точно, принарядитесь, папашенька, право, принарядитесь. Что вы в самом деле стариком

прикинулись!.. Ангельчик вы мой *(целует его)*... пойдемте... душенька моя... *(еще целует)*.

Кречинский *(почти в то же время)*. Браво, Лидия Петровна, браво!.. так его, так... хорошенько... Что он, в самом деле...

Муромский *(смеется и ласкает дочь)*. Я-то прикинулся... а?.. какова шалунья?..

Лидочка его уводит. Нелькин выходит за ними в покои Муромского.

ЯВЛЕНИЕ 11

Атуева и Кречинский.

Кречинский *(осматривается)*. Как же вам, Анна Антоновна, нравится моя картина деревенской жизни?

Атуева. Неужто вы точно любите деревню?

Кречинский. Кто? я? что вы! Да я нарочно.

Атуева. Как нарочно?

Кречинский. Да почему же не повеселить старика?

Атуева. Да это ему такое удовольствие, когда деревню хвалят.

Кречинский. Вот видите! А я желаю, Анна Антоновна, чтоб вы узнали истинную причину моих слов.

Атуева. Какую же это причину?

Кречинский. Анна Антоновна! Кто вас не оценит, кто не оценит воспитания, какое вы дали Лидии Петровне?

Атуева. Вот, Михайло Васильич, представьте себе, а Петр Константиныч все бранит меня.

Кречинский. Кто? старик-то? Ну, Анна Антоновна, его извинить надо: ведь он хозяин; а эти хозяева, кроме скотных дворов и удобрений, ничего не видят.

Атуева. А ведь действительно, он мне вот нынче утром говорил, что все разорились оттого, что о навозе не хлопочут.

Кречинский. Ну так и есть! видите, какие понятия! Теперь ваш дом ведь прекрасный дом. В нем все есть; одного нету— мужчины. Будь теперь у вас мужчина, знаете, этакий ловкий, светский, совершенный comme il faut [1],— и дом ваш будет первый в городе.

Атуева. Я это сама думаю.

Кречинский. Я долго жил в свете и узнал жизнь. Истинное счастие — это найти благовоспитанную девочку и разде-

[1] Приличный человек хорошего тона *(франц.)*.

лить с ней все. Анна Антоновна! прошу вас... дайте мне это счастие... В ваших руках судьба моя...

А т у е в а *(жеманно)*. Каким же это образом? Я вас не понимаю.

К р е ч и н с к и й. Я прошу руки вашей племянницы, Лидии Петровны.

А т у е в а. Счастие Лидочки для меня всего дороже. Я уверена, что она будет с вами счастлива.

К р е ч и н с к и й *(целуя у Атуевой руки)*. Анна Антоновна! как я благодарен вам!

А т у е в а. Вы еще не говорили с Петром Константинычем?

К р е ч и н с к и й. Нет еще.

А т у е в а. Его согласие необходимо.

К р е ч и н с к и й. Знаю, знаю. *(В сторону.)* Оно мне колом в горле стало.

А т у е в а. Как вы говорите?

К р е ч и н с к и й. Я говорю... благословение родительское— это такой... как бы вам сказать?.. камень, на котором все строится.

А т у е в а. Да, это правда.

К р е ч и н с к и й. Как же нам с ним сделать?

А т у е в а. Я, право, в нерешимости.

К р е ч и н с к и й. А вот что: теперь, кажется, минута хорошая; я сейчас еду на бег: меня там теперь дожидается все общество; с князем Владимиром Бельским у меня большое пари. А вы его задержите здесь, да и введите в разговор. Скажите ему, что я спешил, боялся опоздать, что меня там все дожидаются. Да к этому-то и объясните мое предложение. *(Берет шляпу.)*

А т у е в а. Хорошо, понимаю.

К р е ч и н с к и й *(жмет ей руку)*. Прощайте! Поручаю вам судьбу мою.

А т у е в а. Будьте уверены; я все сделаю. Прощайте! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 12

Кречинский один, потом Нелькин.

К р е ч и н с к и й *(думает)*. Эге! Вот какая шуточка! Ведь это целый миллион в руку лезет. Миллион! Эка сила! Форсировать или не форсировать — вот вопрос! *(Задумывается и расставляет руки.)* Пучина, неизведомая пучина. Банк! Теория вероятностей— и только. Ну, а какие здесь вероятности? Против меня: папаша— раз; хоть и тупенек, да до фундаменту охотник. Нелькин — два. Ну этот, что говорится, ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец. Те-

перь за меня: вот этот вечевой колокол — раз; Лидочка — два и... да! мой бычок — три. О, бычок— штука важная: он произвел отличное моральное действие.

Нелькин выходит из боковой двери и останавливается. Кречинский надевает шляпу.

Как два к трем. Гм! надо полагать, женюсь... *(утвердительно)* женюсь! *(Уходит.)*

Нелькин *(в изумлении)*. Женюсь?!! Господи! не во сне ли я! На ком? на Лидии Петровне... Ну нет. Хороша ягодка, да не для тебя зреет... Давеча уж и голубя пустил... «Жена, говорит, нужна жена», и черт знает чего не насказал. Остряк! лихач! разудаль проклятая!.. А старика все-таки не сшибешь: он, брат, на трех сваях сидит, в четвертую уперся, да вот я помогу; так не сшибешь. Что ты нам с парадного-то крыльца рысаков показываешь,— мы вот на заднее заглянем, нет ли там кляч каких. Городская птица — перед кармазинный, а зад крашенинный. Постой, постой, я тебя отсюда выкурю! У тебя грешки есть; мне уж в клубе сказывали, что есть...

Муромский *(за кулисою)*. Напиши, сейчас напиши!

Нелькин *(уходя)*. То есть всю подноготную дознаю, да уж тогда прямо к старику: что, мол, вы, сударь, смотрите? себя-то берегите.

Муромский *(показывается в дверях)*. Владимир Дмитрич! у нас, что ли, обедаешь?

Нелькин *(из дверей)*. У вас, Петр Константиныч, у вас. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 13

Муромский, во фраке, со шляпою в руке, входит скоро, с озабоченным видом; потом Атуева.

Муромский. Я их знаю: им только повадку дай — копейки платить не будут. *(Идет к двери и кричит.)* Кондратий! Слышишь? так и напиши: всех в изделье! Михаил Васильич! Где же он? Я так и знал. *(Опять идет к двери.)* Ты Акиму-то напиши. Я и его в изделье упеку. Он чего смотрит? Брюхо-то ростит! Брюхо на прибыль, а оброк на убыль — порядок известный... Михайло Васильич!

Входит Атуева.

Вот вам, сударыня, и московское житье!

Атуева. Что такое?

Муромский. А вот что: по Головкову семь тысяч недоимки!

А т у е в а. Серебром?

М у р о м с к и й. Во, во, серебром! *(Кричит.)* Что вы! совсем уже рехнулись!

А т у е в а. Да что ж у вас Иван Сидоров-то делает?

М у р о м с к и й. А вот вы съездите к нему, да и спросите *(пискливо)*: что ты, Иван Сидоров, делаешь?.. У — вы!! *(Оборачивается.)* Михайло Васильич! Да где же он?

А т у е в а. Он уехал, заспешил так; говорит: опоздаю.

М у р о м с к и й. На бег уехал?

А т у е в а. Да, на бег. Его там все дожидаются: рысаки, члены. У него пари какое-то...

М у р о м с к и й. Ну, я его там найду.

А т у е в а. Мне с вами надо словечко сказать: вы останьтесь.

М у р о м с к и й. Во! теперь останьтесь. Что я вам как пешка дался: то ступай, то не езди.

А т у е в а. Мне до вас дело есть.

М у р о м с к и й. Дело? какое дело? Опять пустяки какие-нибудь.

А т у е в а. Вот увидите. Положите-ка шляпу. Я сейчас имела продолжительный разговор с Михайлом Васильичем Кречинским.

М у р о м с к и й. Да вы всякий день с ним имеете продолжительные разговоры — всего не перескажете.

А т у е в а. Очень ошибаетесь. Я удивляюсь, что вы ничего не понимаете.

М у р о м с к и й. Ни черта не понимаю.

А т у е в а. Однако человек ездит каждый день... прекрасный человек, светский, знакомство обширное...

М у р о м с к и й. Ну, он с ним и целуйся.

А т у е в а. У вас, сударь, дочь.

М у р о м с к и й *(смотря в потолок)*. Я двадцать лет знаю, что у меня дочь; мне ближе знать, чем вам.

А т у е в а. И вы ничего не понимаете?

М у р о м с к и й. Ничего не понимаю.

А т у е в а. Ох, господи!

М у р о м с к и й *(спохватясь)*. Что такое? уж не сватовство ли какое?

А т у е в а. А разве Лида ему не невеста?

М у р о м с к и й. Уж он человек в летах.

А т у е в а. Разумеется, не молокосос.

М у р о м с к и й. Да Лидочка за него не пойдет.

А т у е в а. Не пойдет, так не отдадим, а если пойдет — что вы скажете?

М у р о м с к и й. Кто? я?

А т у е в а. Да.

Муромский. Скажу я... *(посмотря на нее и скоро)* таранта!

Атуева. Что ж это такое таранта?

Муромский. Бестолковщина, вздор, сударыня!

Атуева. Не вздор, сударь, а я у вас толком спрашиваю.

Муромский. А толком спрашиваете, так толком надо и подумать.

Атуева. Что ж тут думать? Вы думаньем дочь замуж не отдадите.

Муромский. Так что ж? Очертя голову, первому встречному ее и нацепить на шею? Надо знать, кто он такой, какое у него состояние...

Атуева. Что ж, у него пачпорт спрашивать?

Муромский. Не пачпорт, а знать надо...

Атуева. А вы не знаете? Ездит человек в дом зиму целую, а вы не знаете, кто он такой. Видимое, сударь, дело: везде принят... в свете известен... князья да графы ему приятели.

Муромский. Какое состояние?

Атуева. Ведь он вам сейчас говорил, что у него в Симбирске имение, да и бычка подарил.

Муромский. Какое имение? имение имению рознь.

Атуева. Да уж видно, что хорошее имение. Вон его нынче целое общество дожидается: без имения общество дожидаться не будет.

Муромский. Вы говорите, а не я.

Атуева. Да что ж вы-то говорите?

Муромский. Какое у него имение?

Атуева. Да что вы, батюшка, ко мне пристали?

Муромский *(нетерпеливо)*. А вы что ко мне пристали?

Атуева. Что вы, батюшка, кричите? Я не глухая. Вы мне скажите, Петр Константиныч, чего вам-то хочется?.. Богатства, что ли?.. У Лидочки своего-то мало? Что это у вас, мой отец, за алчность такая? Копите — а все мало. Лишь бы человек был хороший.

Муромский. А хороший ли он?

Атуева. Могу сказать: прекрасный человек.

Муромский. Прекрасный человек! а послушаешь, так в карты играет, по клубам шатается, должишки есть.

Атуева. Может, и есть; а у кого их нет?

Муромский. Кто в долгу, тот мне не зять.

Атуева. Право? Ну так поищите.

Муромский. Что ж делать! поищу!

Атуева. Уж сами и поищите.

Муромский. Сам и поищу.

А т у е в а. А дочери в девках сидеть?

М у р о м с к и й. Делать нечего: сидеть. Не за козла же ее выдать.

А т у е в а. Ну Михайло-то Васильич козел, что ли?

М у р о м с к и й. Переведите, матушка, дух!

А т у е в а. Что-о-о?

М у р о м с к и й. Духу, духу возьмите.

А т у е в а. Что же это, сударь! я вам шутиха досталась, что ли? Говорить-то вам нечего... то-то.

М у р о м с к и й. Нечего?.. мне говорить нечего?.. Так я вам вот что скажу: вам он нравится и Лидочке нравится, да мне не нравится — так и не отдам.

А т у е в а *(горячась)*. Ну вот, давно бы так: вот оно и есть! Так, по вашим капризам, дочери несчастной быть?.. Отец!.. Что же вы ей такое? злодей, что ли?

М у р о м с к и й *(запальчиво)*. Кто это злодей? я, что ли?.. я-то?..

А т у е в а *(так же)*. Да, вы, вы!..

М у р о м с к и й. Нет, так уж вы!..

А т у е в а *(указывая на него пальцем)*. Ан вы!..

М у р о м с к и й *(указывая на нее пальцем)*. Нет, вы...

А т у е в а. Ан вы!.. Что же вы меня пальцем тычете?..

ЯВЛЕНИЕ 14

Т е ж е и Л и д о ч к а, вбегает.

Л и д о ч к а. Тетенька, тетенька!..

А т у е в а *(с тем же жаром)*. Нету, нету моего терпения!.. Делай, матушка, как хочешь.

Л и д о ч к а. Что это, что, папенька?

М у р о м с к и й *(присмирев)*. Ничего, мой дружочек; мы так с теткой говорили...

А т у е в а *(с новым жаром)*. Что тут — дружок? какой дружок! Вы дружку-то своему скажите, что́ вы такое говорили... Что ж вы стихли?

М у р о м с к и й. Я, сударыня, не стих, мне стихать нечего.

Л и д о ч к а. Тетенька! милая тетенька! пожалуйста, прошу вас!..

А т у е в а. Да что ты меня, матушка, уговариваешь? Ведь я не дура... Ну что же вы, сударь, стали? спрашивайте!.. Ведь он ответу ждет!

Лидочка смотрит на обоих и начинает плакать.

Муромский. Ну вот я и спрошу: скажи мне, Лида, пойдешь ли ты замуж против моей воли?

Лидочка. Я, папенька?.. Нет... нет!.. никогда!.. *(Бросается к Атуевой на шею.)* Тетенька! видите?.. *(Сквозь слезы.)* Я, тетенька, в монастырь пойду... к бабушке... мне там лучше будет... *(Плачет.)*

Муромский. В монастырь?.. Господь с тобой!.. что ты это!.. *(Хлопочет около нее.)* Ну вот, погоди, мы подумаем... *(Обтирает ей слезы.)* Не плачь... мы подумаем... Господи! что это такое?..

ЯВЛЕНИЕ 15

Те же и Кречинский, быстро входит.

Муромский. О боже мой! Михайло Васильич!

Кречинский *(развязно)*. Ну, Петр Константиныч, бегмы прогуляли... *(Останавливается.)*

Муромский шепчется с Лидочкой.

(Тихо, Атуевой.) Что такое?

Атуева. Да вот все говорит: хочу подумать.

Кречинский. А вы рассердились?

Атуева *(поправляет чепец)*. Нет, ничего.

Кречинский. Петр Константиныч! скажите, что это у вас?.. Позвольте с вами поговорить откровенно; ведь это лучше. Я человек прямой: дело объяснится просто, и никто из нас в претензии не будет. Ведь это ваш суд, ваша и воля.

Муромский. Да мы это промеж себя; у нас так, разговор был совсем о другом.

Кречинский *(смотря на всех)*. О другом? не думаю и не верю... По-моему, в окольных дорогах проку нет. Это не мое правило: я прямо действую. Вчера я сделал предложение вашей дочери, нынче я говорил с Анной Антоновной, а теперь и сам перед вами.

Муромский. Но ведь это так трудно, это такая трудность, что я попрошу вас дать нам несколько времени поразмыслить.

Кречинский. А я полагал, что вы имели время раздумать.

Муромский. Нет. Мне Анна Антоновна только что сообщила...

Кречинский. Да я не об этом говорю: я уже несколько месяцев езжу к вам в дом,— и вы имели время раздумать...

Муромский. Нет, я ничего не думал.

К р е ч и н с к и й. Вина не моя, а ваша. Вольно вам не думать, когда вы знаете, что без особенной цели благородный человек не ездит в дом и не компрометирует девушку.

М у р о м с к и й. Да, конечно...

К р е ч и н с к и й. Поэтому я буду просить вас не откладывать вашего решения. На этих днях мне непременно надо ехать. Я об этом говорил Лидии Петровне.

М у р о м с к и й *(в нерешимости)*. Как же это, я, право, не знаю.

К р е ч и н с к и й. Что вас затрудняет? мое состояние?

М у р о м с к и й. Да, ну и о состоянии.

К р е ч и н с к и й. Да вы его видите: я не в щели живу. Я поступаю иначе: о приданом вашей дочери не спрашиваю.

М у р о м с к и й. Да что ее приданое! она ведь у меня одна.

К р е ч и н с к и й. И я у себя один.

М у р о м с к и й. Все это так, Михайло Васильич, согласен; только, знаете, в этих делах нужна, так сказать, положительность.

К р е ч и н с к и й. Скажу вам и положительность: мне своего довольно; дочери вашей своего тоже довольно. Если два довольно сложить вместе, в итоге нужды не выйдет.

М у р о м с к и й. Нет, разумеется, нет.

К р е ч и н с к и й. Так вы богатства не ищете?

М у р о м с к и й. Нет, я богатства не ищу.

К р е ч и н с к и й. Так чего же? Вы, может быть, слышали, что мои дела расстроены?

М у р о м с к и й. Признаюсь вам, был такой разговор.

К р е ч и н с к и й. Кто же из нас, живучи в Москве, не расстроен? Мы все расстроены! Ну, сами вы устроили состояние с тех пор, как здесь живете?

М у р о м с к и й. Куда, помилуйте! омут!

К р е ч и н с к и й. Именно омут. Нашему брату, помещику, одно зло — это город.

М у р о м с к и й. Великую вы правду сказали: одно зло — это город.

К р е ч и н с к и й. Я из Москвы еду.

М у р о м с к и й. Неужели в деревню?

К р е ч и н с к и й. Да, в деревню.

М у р о м с к и й. Вы разве любите деревню?..

К р е ч и н с к и й *(с движением)*. Эх, Петр Константиныч! есть у вас верное средство, чтоб вокруг вас все полюбили деревню! *(Берет Лидочку за руку.)* Друг друга мы любим, горячо любим, так и деревню полюбим. Будем с вами, от вас ни шагу; хлопотать вместе и жить пополам.

Л и д о ч к а. Папенька! милый папенька!..

Кречинский. Помните, что я говорил давеча: седой-то старик со внуком — ведь это вы...

Лидочка. Папенька, папенька! ведь это вы...

Приступают к нему.

Муромский *(попячиваясь)*. Нет, нет, позвольте! Как же это?.. позвольте... я и не думал...

Атуева. Ничего вы, Петр Константиныч, больше не придумаете: это, батюшка, судьба, воля божия!..

Муромский *(поглядев на всех и вздохнув)*. Может, и действительно воля божья! Ну, благослови, господь! Вот, Михайло Васильич, вот вам ее рука, да только смотрите...

Кречинский. Что?

Муромский. Вы сдержите слово о седом-то старике.

Кречинский *(подводя к нему Лидочку)*. Вот вам порука! Что? верите?

Муромский. Дай-то господи!

Кречинский. Анна Антоновна! *(Подводит к ней Лиду.)* Благословите нас и вы.

Атуева. Вот он же меня не забыл. *(Подходит к Кречинскому и Лидочке.)* Дети мои! будьте счастливы.

Лидочка *(целуя ее)*. Тетенька, милая тетенька! Боже мой! Как мое сердце бьется...

Атуева. Теперь ничего, мой друг! это к добру.

Муромский *(подходит к Лидочке и ласкает ее)*. Ну, ты, моя душенька, не будешь плакать? а?

Лидочка. Ах, папенька! как я счастлива!

Кречинский. Ну, Петр Константиныч, а какой мы скотный двор сделаем в Стрешневе. Увидите, ведь я хлопотун.

Муромский *(весело)*. Ой ли?

Кречинский. Ей-ей! Слушайте меня *(говорит будто по секрету)*: всю тирольскую заведем.

ЯВЛЕНИЕ 16

Те же и Нелькин, входит и останавливается у двери в изумлении.

Муромский. Да ведь она того... нежна очень...

Кречинский *(целуя руки у Лидочки)*. Нет, не нежна.

Муромский. Право, нежна.

Нелькин *(подходит быстро)*. Что? что это? Кто нежна?

Кречинский *(оборачивается к Нелькину)*. Скотина!

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Квартира Кречинского.

ЯВЛЕНИЕ 1

Утро. Кабинет, роскошно убранный, но в большом беспорядке; столы, бронза. С одной стороны сцены бюро, обращенное к зрителю; с другой — стол. Федор медленно убирает комнату.

Федор. Эх, хе, хе, хе, хе! *(Вздыхает глубоко и медленно.)* Вот какую нанесло... вот какую нелегкую нанесло — поверить невозможно. Четвертый день уж и не топим; и покои холодные стоят, а что делать, не топим... *(Помолчав.)* А когда в Петербурге-то жили — господи, боже мой! — что денег-то бывало! какая игра-то была!.. И ведь он целый век все такой-то был: деньги — ему солома, дрова какие-то. Еще в университете кутил порядком, а как вышел из университету, тут и пошло и пошло, как водоворот какой! Знакомство, графы, князья, дружество, попойки, картеж. И без него молодежь просто и дыхнуть не может. Теперь: женский пол — опять то же... Какое количество у него их перебывало, так этого и вообразить не можно! По вкусу он им пришелся, что ли, только просто отбою нет. Это письма, записки, цыдулии всякие, а там и лично. И такая идет каша: и просят-то, и любят-то, и ревнуют, и злобствуют. Ведь была одна такая,— такая одна была: богатеющая, из себя, могу сказать, красоточка! Ведь на коленях перед ним по часу стоит, бывало, ей-ей, и богатая, руки целует, как раба какая. Власть имел, просто власть. Сердечная! Денег? Да я думаю, тело бы свое за него три раза прозакладывала! Ну нет, говорит, я бабьих денег не хочу; этих денег мне, говорит, не надо. Сожмет кулак — человек сильный — у меня, говорит, деньги будут; я, говорит, гулять хочу. И пойдет и пойдет! Наведет содом целый, кутит так, что страхи берут! До копейки все размечет... Ведь совсем истерзалась и потухла, ей-ей. Слышно, за границей и померла... Было, было, батюшки мои, все было, да быльем поросло... А теперь и сказать невозможно, что такое. Имение в степи было — фию! ему и звания нет; рысаков спустили, серебро давно спустили; даже одёжи хватили несколько... Ну просто как омут какой: все взяла нелегкая! Хорошие-то товарищи, то есть бойцы-то, поотстали, а вот навязался нам на шею этот Расплюев. Ну что из него толку-то? что, говорится, трем свиньям корму не раздаст...

Звонят.

Во! ни свет ни заря, а ты уж корми его, колоды ему подбирай, как путному. «Мне, братец, нельзя, я, говорит, в таком обществе играю». А какое общество?.. Вчера отправился куда-то, ухватил две колоды, то есть что есть лучшего подбора... Ну, может быть, и поработали... Дай-то господи!..

Звонят.

Эх, хе, хе, хе! пойти впустить.

ЯВЛЕНИЕ 2

Расплюев и Федор.

Расплюев *(небрежно одетый, расстроенный, с измятою на голове шляпою)*. Что ж? ты уж и пускать не хочешь, что ли?

Федор. Виноват, Иван Антоныч, недослышал.

Расплюев *(идет прямо к авансцене и останавливается, задумавшись)*. Ах ты, жизнь!

Федор *(в сторону)*. Что-то не в духе.

Расплюев. Боже ты мой, боже мой! что ж это такое? Вот, батюшки, происшествие-то! Голова, поверите ли? Вот что... *(Показывает руками.)* Деньги... карты... судьба... счастье... злой, страшный бред!.. Жизнь... Было времечко, было состояньице: съели, проклятые... потребили все... Нищ и убог!..

Федор *(подходит к Расплюеву)*. Что ж, Иван Антоныч, была игра, что ли?

Расплюев *(смотрит на него долго)*. Была игра,— ну, уж могу сказать, была игра!.. *(Садится.)* О-о-ох, ой, ой, ой! Боже ты мой, боже мой!..

Федор. Да что это вы? Разве что вышло?

Расплюев *(посмотрев ему в глаза и плюнув)*. Тьфу!.. вот что вышло!

Молчат.

Ну что делать! каюсь... подменил колоду... попался... Ну, га, га, го, го, и пошло!.. Ну, он и ударь, и раз ударь, и два ударь. Ну, удовольствуй себя, да и отстань!.. А это, что это такое? Ведь до бесчувствия! Вижу я, дело плохо! приятели-то разгорелись, понашпарют; я было и за шляпу... Ты Семипядова знаешь?

Федор. Что-то не припомню-с!

Расплюев. Богопротивнейшая вот этакая рожа. *(Показывает богопротивнейшую рожу.)* Ведь и не играл... Как потянется из-за стола, рукава заправил. «Дайте-ка, говорит, я его бок-

сом». Кулачище вот какой! *(Показывает, какой кулак.)* Как резнет! Фу-ты, господи!.. «Я, говорит, из него и дров и лучины нащеплю». *(Расставил руки.)* Ну и нащепал...

Федор *(наставительно)*. Иван Антоныч! в карты, сударь, играть — не лапти плесть. Вот и поучили!

Расплюев. Какое ж ученье?.. Собаки той нет, которая бы этакую трепку вынесла: так это уж не ученье. Просто денной разбой.

Федор. Гм... разбой? В чужой карман лезете, так — как не резнуть: всякий резнет...

Расплюев. А уж какая силища! Ннну!.. Бывал я в переделах — ну, этакой трепки, могу сказать, не ожидал. Бывало, и сам сдачи дашь, и сам вкатишь в рыло,— потому — рыло есть вещь первая!.. Ну нет, вчера не то... нет, не то!

Из боковой двери, в халате, показывается Кречинский. Расплюев не замечает его.

У него, стало, правило есть: ведь не бьет, собака, наотмашь, а тычет кулачищем прямо в рожу... Ну, меня на этом не поймаешь: я, брат, ученый; я сам, брат, сидел по десять суток рылом в угол, без работы и хлеба насущного, вот с какими фонарями... *(показывает, какие фонари)* так я это дело знаю...

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Кречинский.

Кречинский *(подходя к Расплюеву, сурово его осматривает)*. Ты опять продулся?

Расплюев. Я продулся? С чего вы это взяли?

Кречинский. Уж я слышу. Ты мне не финти, пустая голова!

Расплюев. Чем же я пустая голова? За что вы меня каждодневно ругаете? Господи! что за жизнь такая!

Кречинский. Эх ты, простоплёт, колесо холостое! Мели воду-то, мели: помолу не будет. *(Помолчав.)* Стоишь ли ты хлеба? На харчи-то себе выработал ли, а? Осел!! ведь я не из человеколюбия тебя держу; ведь я не член благотворительных обществ. Так за мой хлеб мне надо деньги. Их и подавай! черт возьми! понял? Что уткнул нос-то в землю? Говори, где был вчера?

Расплюев. Даааа! я... как их... вот тут... *(Тыкает пальцем.)*

Кречинский. Денег принес?

Расплюев. Нет, не принес.

Кречинский. Так подай, что взял намедни на игру.

Расплюев *(расставя руки)*. Лишен, всего лишен!

Кречинский. Как лишен!

Расплюев. Отняли, все отняли!

Кречинский *(перебивая)*. Чурбан!.. Вижу, и деньги взяли, и поколотили. *(Сердито.)* Эх! тряхнул бы тебя так, чтобы каблуки-то вылетели. *(Начинает в беспокойстве ходить по комнате.)*

Расплюев *(жалобно)*. Не беспокойтесь, Михайло Васильич: их уж нет — вылетели. Уж тряхнули! Довольно будет. А уж какая, я вам скажу, силища — ну-уу!! Я, говорит, его боксом!.. Гм! боксом!

Кречинский в задумчивости ходит по комнате. Молчание.

Михайло Васильич! позвольте, однако, спросить, что это такое бокс?

Кречинский. Тебе бы знать надо. А вот это *(делает рукою жест)*... это-то и есть, Иван Антоныч, бокс... английское изобретение.

Расплюев *(делает жест)*. Так это бокс!.. английское изобретение!.. Ах, боже мой! *(Качает головою.)* Скажите... а?.. Англичане-то, образованный-то народ, просвещенные мореплаватели...

Кречинский. Надо мне достать денег! непременно, во что бы то ни стало, надо денег и денег!

Расплюев *(равнодушно)*. А не знаю, Михайло Васильич, денег нет, и достать их негде. *(Задумывается, вдруг вытягивает голову.)* Ну, не ожидал!.. *(Поднимает палец.)* Англичане... образованный народ... мореплаватели... а?

Кречинский *(продолжая ходить)*. Как ты говоришь?

Расплюев. Я говорю: образованный-то народ, англичане-то! а?

Кречинский. Да ты совсем уж ум потерял. Ему о деле говорят, а он черт знает что мелет! Слушай! Я весь тут, весь по горло: денег, просто денег. Ступай и достань во что ни стало. Все будущее, вся жизнь, все, все зависит от каких-нибудь трех тысяч рублей серебром. Ступай и принеси. Слышишь: душу заложи... да что душу... укрядь, а принеси!! Ступай к Беку, к Шпренгелю, к Старову, ко всем жидам: давай проценты, какие хочешь... ну, сто тысяч положи, а привези мне деньги! да смотри, не являйся с пустыми руками. Я те, как курицу, задушу... Чтоб были... Дело

вот в чем: я женюсь на Муромской... Знаешь? Богатая невеста. Вчера дано слово, и через десять дней свадьба.

Расплюев *(обомлев)*. Мих... Мих... Михайло Васильич! что вы говорите?

Кречинский. У меня в руках тысяча пятьсот душ,— и ведь это полтора миллиона,— и двести тысяч чистейшего капитала. Ведь на эту сумму можно выиграть два миллиона! и выиграю,— выиграю наверняка; составлю себе дьявольское состояние, и кончено: покой, дом, дура жена и тихая, почтенная старость. Тебе дам двести тысяч... состояние на целый век, привольная жизнь, обеды, почет, знакомство — всё.

Расплюев *(кланяется, трет руки и смеется)*. Двести тысяч... обеды... Хе, хе, хе... Мих...

Кречинский. Только для этого надо денег: надо дотянуть нашу канитель десять каких-нибудь дней. Без трех тысяч я завтра банкрут! Щебнев, Гальт подадут ко взысканию, расскажут в клубе, выставят на доску,— и все кончено!.. Понял ли!.. *(в запальчивости берет его за ворот)* понял ли, до какой петли, до какой жажды мне нужны деньги? Выручай!..

Расплюев. Михайло Васильич! Батюшка! от одних слов ваших все мои косточки заговорили!.. Иду, иду... ой... ой... ой... *(Схватывается.)* Боже мой... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Кречинский *(один, ходит по комнате)*. Ну, я думаю, он это дело обделает: он на это таки ловок — обрыщет весь город. Эти христопродавцы меня знают... Неужели не найдет! а?.. Боже! как бывают иногда нужны деньги!.. *(Шевелит пальцами.)* Какие бывают иногда минуты жизни, что решительно все понимаешь... *(Думает.)* А коли их нет? коли Расплюев не принесет ни копейки? а? коли этот сытый миллион сорвется у меня с уды от какой-нибудь плевой суммы в три тысячи рублей, когда все сделано, испечено, поджарено — только в рот клади... Ведь сердце ноет... *(Думает.)* Скверно то, что в последнее время связался я с такой шушерой, от которой, кроме мерзости и неприятностей, ничего не будет. Порядочные люди и эти чопорные баре стали от меня отчаливать: гм, видно, запахло!.. Пора кончить или переменить декорации... И вот, как нарочно, подвертывается эта благословенная семейка Муромских. Глупый тур вальса завязывает самое пошлейшее волокитство. Дело ведено лихо: вчера дано слово, и через десять дней я женат! Делаю, что называется, отличную партию! у меня дом, положение в свете, друзей и поклонников куча... Да что

и говорить! *(радостно)* игра-то какая, игра-то! С двумястами тысяч можно выиграть гору золота!.. Можно? Должно! Просто начисто обобрать всю эту сытую братию! Однако к этому старому дураку я в дом не перееду. Нет, спасибо! Лидочку мне надо будет прибрать покрепче в руки, задать, как говорится, хорошую дрессировку, смять в комок, чтоб и писку не было; а то еще эти писки... Ну, да, кажется, это будет и не трудно: ведь эта Лидочка — черт знает что такое! какая-то пареная репа, нуль какой-то!.. а самому махнуть в Петербург! Вот там так игра! А здесь что? так, мелюзга, дребедень...

ЯВЛЕНИЕ 5

Федор *(входит)*. Михайло Васильич! купец Щебнев... Прикажете просить?

Кречинский *(остановясь)*. Вот она, действительность-то? Э, дуралей! сказал бы, что дома нет.

Федор. Нельзя, Михайло Васильич! Ведь это народ не такой: он ведь спокойно восемь часов высидит в передней,— ему ведь все равно.

Кречинский. Ну проси.

ЯВЛЕНИЕ 6

Щебнев и Кречинский.

Щебнев одет по моде, с огромной золотой цепью, в бархатном клетчатом жилете и в весьма клетчатых панталонах.

Кречинский *(развязно)*. Здравствуйте, Тимофей Тихомирыч!

Щебнев. Наше почтение, Михайло Васильич! все ли в добром?..

Кречинский. Да что-то не так здоровится.

Щебнев. Маленько простудились?

Кречинский. Должно быть.

Щебнев. По вчерашней игре с вами счетец есть. Прикажете получить?

Кречинский. Ведь я вам вчера сказал, что доставлю к вам лично.

Щебнев. Да это точно так, Михайло Васильич; только, право, нам деньги нужны. Так сделайте одолжение, прикажите получить.

К р е ч и н с к и й. Право, по чести вам говорю, теперь у меня денег нет. Я ожидаю денег с минуты на минуту и доставлю вам немедленно, будьте покойны.

Молчание.

Ну, что в клубе делается?

Щ е б н е в. Ничего-с.

К р е ч и н с к и й. Кто вчера после меня играл?

Щ е б н е в. Да все те же. Так как же, Михайло Васильич? Уж вы сделайте одолжение.

К р е ч и н с к и й. Однако странный вы человек, Тимофей Тихомирыч! Ну судите сами, могу я разве вам отдать, если у меня денег нет? ну просто нет. Кулаком, что ли, мне их из стола вышибить?

Щ е б н е в. Так-с... как вам угодно... как вам угодно... так вы не обидитесь, Михайло Васильич, если мы нынче... того... по клубу... занесем в книжечку?

К р е ч и н с к и й *(с беспокойством)*. Как в книжечку? то есть в книгу запишете?

Щ е б н е в. Да-с. Да ведь это уж дело обыкновенное.

К р е ч и н с к и й. Как обыкновенное? Это значит человека осрамить, убить на месте... Ведь об этом нынче будет знать весь клуб, а завтра — весь город!..

Щ е б н е в. Да уж конечно-с. Это дело обыкновенное.

К р е ч и н с к и й *(вскакивая со стула)*. Обыкновенное для вас, да необыкновенное для меня. Я всю жизнь свою расплачивался честно и аккуратно и на вас, именно на вас, милостивый государь, ждал по три месяца деньги. Помните?..

Щ е б н е в. Это точно-с, Михайло Васильич! мы вам завсегда благодарны. А уж вы теперь не беспокойте себя, сделайте одолжение, прикажите получить. А то что ж делать? Необходимость.

К р е ч и н с к и й. Да какая же необходимость? Позвольте... разве вы теряете право записать меня в книгу завтра и послезавтра? Ведь вы его не теряете?..

Щ е б н е в. Да, это точно так-с.

К р е ч и н с к и й. Так зачем же нынче?

Щ е б н е в. Да так уж порядок требует-с: получения нет,— ну, мы и в книжечку.

К р е ч и н с к и й. Да что вы, в самом деле? Разве я вам в платеже отказываю? Я прошу вас из чести подождать два, три дня. Ведь я ждал же на вас деньги три месяца.

Щ е б н е в. Это истинно... это точно так. А уж теперь, право,

Михайло Васильич, прикажите лучше сделать расчетец. Ей-ей, нужда!

Кречинский. Да камень вы этакой, черт возьми! Или вы нарочно пришли дурака разыгрывать, что я вам не могу вдолбить в голову, что теперь, сию минуту, у меня денег нет и отдать их не могу!.. не имею никакой возможности! *(Наступая на Щебнева.)* Поняли!..

Щебнев *(встав)*. Что же, Михайло Васильич, горячиться изволите? Дело обыкновенное... *(Кланяется.)* Как вам угодно... *(Помолчав, раскланивается и уходит к двери.)* Наше почтение-с!.. Однако я нынче вечером, едучи в клуб, заверну к вам по дороге; а вы уж, сделайте одолжение, прикажите приготовить.

Кречинский. Что приготовить?

Щебнев. То есть опять насчет денег. Наше почтение-с. *(Хочет уйти.)*

Кречинский *(быстро берет его за руку)*. Стойте! Этак делать нельзя. Ведь я сел с вами играть как с порядочным человеком. Порядочный человек, сударь, без нужды не душит другого, без крайности бревном другого не приваливает. За что же вы меня душите? за что? Что я вам сделал? Ну скажите, что я вам сделал?

Щебнев. Как вам угодно.

Кречинский *(кротко)*. Послушайте! Ведь если б вы были тоже без денег, как и я, ну, конечно, иное дело; а ведь вы капиталист, у вас деньги лежат в ломбарде; вам они сейчас не нужны; ведь я вам ничего не сделал; я сам их ждал на вас, тогда как вы на них проценты брали.

Щебнев. Помилуйте! что вы?.. Ей-ей!

Кречинский. Ну, да не в том дело. За что же вы меня так безжалостно жмете! долбней по голове приканчиваете... за что?..

Молчание.

Щебнев. Наше вам почтение, Михайло Васильич! *(Вздыхает, кланяется и проползает тихо в дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ 7

Кречинский *(ему вслед)*. Жид! *(Помолчав.)* Запишет! Как пить даст, запишет; влепит своим хамским почерком имя мое в книгу, и как гром какой разразится по Москве весть! и кончено, и все кончено! Свадьба пошла на фуфу; от этого проклятого мил-

лиона остается дым какой-то, чад, похмелье и злость... да, злость!.. *(Сложа руки.)* Ну, признаюсь, не советовал бы я... *(Махнув рукою.)* Вздор и пустяки!.. Не пришлось бы вот мне, с кульком за плечами, улепетнуть за заставу, в предупреждение вот этого... *(Берет себя за ворот, помолчав.)* Побродяга, а? фу!.. тяжело!! *(Скидает с себя халат.)* Душно!.. *(Начинает ходить в волнении.)* Все, все зависит от Расплюева... а?.. *(Садится к бюро, берет лист бумаги и пишет карандашом.)* Сосчитать, что тут надо?.. Тому — полторы; ну, это *(показывает на дверь)* — тысячу двести. Ну, теперь тому волку — непременно тысячу: несытую-то глотку заткнуть, а то ведь ревет... ха-а! горло-то вот какое... Ну, мелочных — пятьсот... шестьсот. *(Считает.)* Да тут просто никаких денег не хватит.

Федор *(у двери)*. Михайло Васильич, извозчик пришел! Он там, сударь, просит денег.

Кречинский. В шею!.. *(Продолжает считать.)* То есть вот как: три тысячи серебром повернуть некуда: как капля в море... А свадьба-то, свадьба? Да на что же я свадьбу-то сделаю? Ведь тут расходы, неизбежные расходы!.. Всякому дураку подарки давай; всякий скот на водку просит. Тут эти букеты, конфекты, дичь всякая, какие-то бессмысленные корзинки... дурь безмерная... и все деньги, все деньги!.. *(подумав)* деньги.

Федор *(входит)*. Михайло Васильич, прачка пришла: денег просит.

Кречинский *(считая)*. В шею!

Федор. Михайло Васильич, вон дровяник тоже часа два стоит.

Кречинский *(подымая голову)*. Да ты с ума сошел, что ли? дела не знаешь?.. Что ты лезешь ко мне с пустяками?

Федор. Воля ваша! никаких даже средств нет... я уж всячески...

Кречинский *(приподымаясь со стула)*. Ну!

Федор исчезает в дверь. В передней слышен шум голосов, потом все умолкает. Молчание.

ЯВЛЕНИЕ 8

Расплюев входит, поворачивает прямо в угол, кладет шляпу и медленно снимает перчатки.

Кречинский *(встает, смотрит на него внимательно, потом поворачивается, медленно складывает руки и смотрит в партер)*. А?.. так и знал! *(Потупляет голову.)* А?! *(Ерошит себе*

волосы.) А?!! *(Медленно подходит к Расплюеву со сжатыми кулаками; тот пятится за кулисы, Кречинский берет его обеими руками за ворот.)*

Расплюев *(оробев)*. Михайло Васильич, позвольте... залог требуют... под зало...

Кречинский начинает его сильно качать взад и вперед.

Кречинский *(редко)*. Да ведь я... тебе... приказал... достать... мне... денег...

Расплюев. Залогов... залогов... *(У него замирает дух.)* Мих... Мих...

Кречинский. Ведь я тебе, разбойнику, велел украсть... *(запальчиво)* обворовать!!! *(душит его)* и достать мне денег!..

Расплюев кричит; Кречинский толкает его на диван и останавливается, с изменившимся лицом, в углу сцены.

А?.. он говорит: нет денег! Врет!.. В каждом доме есть деньги... непременно есть... надо только знать, где они... где лежат... *(задумывается и шевелит пальцами)* гм! где лежат... где лежат...

Расплюев *(медленно поднимается на ноги и осматривает свой сюртук)*. Вона!.. *(Ищет на полу пуговицы.)* Так это, стало, в двадцать четыре часа по две трепки. Ведь этак жить нельзя *(поднимает пуговицу)*, этак всякая собака со двора сбежит... *(поднимает другую)*, вот теперь — пудель, верная собака, и тот сбежит. *(Ищет.)* Ну, положим, та была бокс — английская... ну, эта какая? это уж, кажется, самодельщина!

Кречинский *(ударив себя в голову)*. А!!!

Расплюев *(увидев еще пуговицу)*. А, а, а!!! *(Идет и поднимает.)* Эх, куда махнула! *(Кладет в карман.)* Ишь, горячий какой налетел...

Кречинский. Что тут делать... что тут делать?

Расплюев. Первое — не дерись...

Кречинский садится за бюро, Расплюев — на другом конце сцены ищет пуговиц. Молчание.

Боже мой! Родятся люди в счастии, в довольстве, во всех приятностях жизни и живут себе, могу сказать, пиршествуют. Ну, народится же такой, барабан,— и колотят его с ранней зари и до позднего вечера!.. Вот как видите! *(Становится пред публикой.)*

Ну, народись я худенький, тоненький, хиленький, ведь не жить бы... ей-ей, не жить! Вот как скажу: от вчерашней трепки, полагаю, не жить; от докучаевской истории *(утвердительно)* не жить; от попойки третьего года, в Курске, то есть ни, ни, ни, ни под каким видом... и вот — невредим, жив и скажу: ну, дайте только пообедать да задать, что называется, храповицкого, то есть как встрепанный... *(Останавливается и смотрит на Кречинского, который открывает ящик в бюро.)* А денег-то, брат, нет.

Кречинский открывает другой.

И тут нет...

Третий ящик.

да уж нет... а дерешься!.. что, взял?

Кречинский начинает в нем рыться.

Ну, что он роется? что он роется в старом хламе? Денег ищет... голубчик! ведь я знаю, что́ там: там ничего нет. Старые заемные письма, неплоченные счеты.

Кречинский вынимает булавку довольно большой величины.

Вот стразовую побрякушку ухватил... она грош стоит...

К р е ч и н с к и й *(вдруг вскрикивает)*. Баа! Эврика!..

Р а с п л ю е в. Ого! *(прижимается к стене)* дурь понес... видно, жутко... *(вздыхает)* нужда не свой брат.

К р е ч и н с к и й *(держа в руке булавку)*. Эврика!.. Эврика!..

Р а с п л ю е в. Родители!.. да он спятил!.. ей-ей, спятил...

К р е ч и н с к и й *(вдруг задумывается и говорит медленно)*. Эврика... значит по-гречески... нашел!..

Р а с п л ю е в. По-гречески?! фии-ю... *(Покачав головою.)* Покончилось наше земное странствие... Голубчик!.. Свезут тебя, друга милого, в Преображенскую и посадят тебя, раба божия, на цепуру. *(Опять покачав головою.)* И покончилось наше земное странствие.

Кречинский в глубокой задумчивости водит пальцем туда и сюда и произносит неясные слова. Расплюев следит за ним.

Плоховато... плоховато... Однако не качнул бы он меня с безумных-то глаз... вишь, мне судьба какая. Уберусь я от него подобру-поздорову... да и голо стало. *(Берет шляпу и пробирается на цыпочках к двери.)* Дединьки мои, дединьки!.. *(Уходит.)*

Кречинский. Так ли?.. Верно ли?.. *(Трет себе лоб.)* Не ошибаюсь ли? *(Опять думает.)*

Расплюев и Федор показываются в дверях.

Расплюев. Посмотри, брат, какие колена строит...

Кречинский. Так, так и так... *(вскакивает)* браво!.. ура! нашел, решительно нашел!..

Расплюев *(спрятавшись за дверь)*. Важно!.. Каково коленцо!.. ведь это что? Я тебе говорю: рехнулся, до фундаменту рехнулся!..

Федор *(подходит робко и смущенно)*. Батюшка Михайло Васильич! что вы? Выкушайте стакан воды. Что с вами, батюшка? Или лодеколоню извольте? Ну что вы, батюшка! Не в этаких переделах бывали... выберемся и отсюда... слово скажите, на себе вынесу...

Кречинский *(вслушиваясь, ласково)*. Что ты, Федор, что ты? я ничего... *(Громко.)* Гей, Расплюев!

Расплюев вздрагивает всем телом.

Ступай, знаешь, к этому... как его?.. к Фомину,— вот на Петровке, и закажи сейчас бальный букет, самый лучший, чтоб весь был из белых камелий... понимаешь? чтоб только одни белые были. Ступай и привези сию минуту.

Расплюев *(жалобно показывает Федору на Кречинского)*. А что я тебе говорю, Федор? а? копейки сущей нет, а он, голубчик, целковых в пятьдесят букет ломит! *(Ходит взад и вперед.)* Ох, ох, ох! батюшки мои, батюшки. Что делать-то, Федорушка? что нам, сиротинкам, делать?

Кречинский *(походив, останавливается)*. Ну что ж? Ты еще здесь? У тебя, может, уши заложило? Я ототкну! слышал ли?.. *(идет на него)* слышал ли, что приказано?

Расплюев *(отступая от него к стене)*. Ми... Ми... Михайло Васильич! помилуйте! да на какие деньги? копейки сущей нет. Помилуйте! что вы? Да на что я вам куплю букет?

Федор. Ступайте, Иван Антоныч, ступайте! Слышите, что барин приказывает? Ступайте.

Расплюев. Да на что я куплю? где деньги? копейки сущей нет.

Кречинский *(берет со стола свои часы с цепью)*. Вот тебе деньги... Чтоб через полчаса был у меня вот здесь на столе. Слышал?.. Ну!..

Расплюев уходит.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же без Расплюева.

Кречинский. Теперь, теперь, да, теперь надо написать письмо к Лидочке, чтоб было готово. Время дорого: за дело! *(Садится и начинает писать у бюро.)*

Федор *(в сторону, посматривая искоса на Кречинского)*. Врет Иван Антоныч: не рехнулся барин; соколом сидит барин, а не рехнулся. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 10

Кречинский (один).

Кречинский *(пишет письмо; останавливается)*. Не то! *(Рвет бумагу, опять пишет.)* Не туда провалил. *(Еще рвет, опять пишет.)* Эка дьявольщина! Надо такое письмо написать, чтобы у мертвой жилки дрогнули, чтобы страсть была. Ведь страсть вызывает страсть. Ах, страсть, страсть! где она? *(Усмехается.)* Моя страсть, моя любовь... в истопленной печи дров ищу... хе, хе, хе! А надо, непременно надо... *(Сочиняет письмо, перечитывает, марает, опять пишет.)* Вот работка: даже пот прошиб. *(Отирает лицо и пробегает письмо.)* Гм... м... м... м... Мой тихий ангел... милый... милый сердцу уголок семьи... м.... м... м... нежное созвездие... черт знает, какого вздору!.. черт в ступе... сапоги всмятку, и так далее. *(Запечатывает и надписывает адрес.)* А вот что: мой тихий ангел! пришлите мне одно из ваших крылышек, вашу булавку с солитером *(пародируя)*, отражающим блеск вашей небесной отчизны. Надо нам оснастить ладью, на которой понесемся мы под четырьмя ветрами: бубновым, трефовым, пиковым и червонным, по треволненному житейскому морю. Я стану у руля, Расплюев к парусам, а вы будете у нас балластом!.. А этот... Расплюев нейдет... экая...

ЯВЛЕНИЕ 11

Кречинский и Расплюев (входит).

Кречинский. А... ну, вот он...

Расплюев *(с букетом в руке. Несет его бережно; к публике, показывая на букет)*. Двадцать пять серебряных рублей за веник! тьфу!

Кречинский. Эй, сюда, покажи. *(Смотрит.)* Хорош, ладно. Сдачи сколько?

Расплюев *(с сокрушением)*. Сдачи? пятидесятирублевая. *(Подает ему деньги.)*

Кречинский. Теперь ты слушай да подбери, братец, губы — дело резкое. Вот, видишь, это письмо к моей невесте, Лидии Петровне Муромской, вот тут сейчас на бульваре... знаешь?..

Расплюев *(оживает)*. Знаю, Михайло Васильич, знаю. Вот только за угол повернуть, большой белый домина с подъездом.

Кречинский. Ну да. Теперь скоро час?

Расплюев *(подпрыгивая к часам)*. Первого сорок пять минут.

Кречинский. Ну да. Старика теперь дома нет: об эту пору он всегда таскается по городу на своих доморощенных клячах. Ты отправляйся и отдай букет Лидии Петровне лично. Поздравь от меня с добрым утром, этак, половчее, повальяжнее, отрекомендуйся... понимаешь? Да уберись хорошенько. Надень мой сюртук... Федор!

Федор входит.

Подай ему мой сюртук!.. Если старик дома, букет отдай, а записки ни-ни. Я прошу в ней, между прочим, чтоб она прислала мне ее солитер, что я обделывал в булавку... помнишь?

Федор подает Расплюеву сюртук.

Расплюев *(надевает и оправляется)*. Знаю, помню; двадцать карат — тридцать тысяч стоит.

Кречинский. Я пишу ей, что вчера был у меня о нем спор с князем Бельским и состоялось о нем большое пари.

Расплюев. Тс, тс, тс, тс...

Кречинский. Получи вещь и принеси аккуратнейшим образом. *(Грозит ему.)* Об этом пари можешь и сам приврать что-нибудь.

Расплюев. Я привру, Михайло Васильич, я охотно привру.

Кречинский. Или нет, не ври: у тебя во вранье всегда передел бывает. Беги; а получа вещь — лети! Берегись старика; остальное пойдет как по маслу... Понял?

Расплюев *(вполголоса)*. Понял, Михайло Васильич *(подымая брови и палец, значительно)*, понял! лечу!.. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 12

Кречинский (один).

Кречинский. Понял, понял... Ничего, дурак, не понял. Он думает, что я красть хочу, что я вор. Нет, брат: мы еще честью дорожим; мы еще вот в этом кармане *(показывает на голову)* ресурсы имеем. Однако к делу! *(Кричит.)* Федор! гей! Федор!

Федор врывается в дверь с маху.

Где ты сидишь? спишь?

Федор. Я вот, сударь, только что...

Кречинский. Ну?! Двух ног мало, подставь третью!.. На вот деньги. Первое — истопить комнаты. Да ты смотри: ты с радости так нажаришь, как в пёкле: так это еще рано. Во-вторых, у меня нынче вечером для шести персон чай: невеста с ее родными, господин Нелькин и, может, еще кто-нибудь. Чтоб все было отлично...

Федор. Слушаю-с. Десерт прикажете?

Кречинский. Чтобы все было отлично. Зажги карсели, канделябров не зажигать; убрать комнаты; накурить духами. Транспаранты везде. Прием семь часов...

Федор. Ливреи прикажете?

Кречинский. Ливрей не нужно. Услуга в черных фраках: галстуки и жилеты белые; да гардины опустить — опустить гардины. А то у вас что порядочный человек вечер делает, что купчиху замуж отдают — все равно.

Федор. Слушаю-с. *(Уходит скоро.)*

ЯВЛЕНИЕ 13

Кречинский (один).

Кречинский. Теперь надо мне две этакие бумажки, чтобы капля в каплю были. Постой, постой! *(Роется в бюро.)* Та, та, та. Заемные письма! всего лучше! *(Накладывает их одно на другое и режет ножницами пополам.)* Чудесно! *(Напевает из «Волшебного стрелка».)*

Что бы было без вина?
Жизнь печалями полна.
Вся тоской покрыта (bis).

Эх, «Вошебный стрелок»! врешь, братец, не то, пой так:

Что бы было без ума?
Жизнь печалями полна,
Наготой покрыта,
С ним *(т. е. с умом)* несчастье лишь обман.
Коль сегодня пуст карман,
Завтра мы богаты (bis).

(Кончает самой невероятной руладой.)

И как дойдешь до богаты, закатывай рулады, какие хочешь, неси дичь страшную: все хорошо, все ладно... Все — ум, везде — ум! В свете — ум, в любви — ум, в игре — ум, в краже — ум!.. Да, да! вот оно: вот и философия явилась. А как Расплюева таскал, ведь философии-то не было: видно, и она, Сократова дочь, хорошую-то почву любит... Только... как бы Расплюев чего не подпакостил: уж полчаса, если не более. А теперь, в эту минуту, в эту великую минуту, мы переходим Рубикон, причаливаем к другому берегу или проваливаем в омут!.. Да, вот она! вот она, решительная минута!

Слышен шум. Расплюев вбегает в шубе запыхавшись. Кречинский вскакивает и идет к нему навстречу.

ЯВЛЕНИЕ 14

Расплюев, за ним Федор, снимает с него шубу.

Кречинский. Что, Расплюев, виктория?

Расплюев. Виктория, Михайло Васильич, виктория! Вот она, на уде, хватила! *(Держит высоко булавку и передает ему.)*

Кречинский *(весело)*. Ну, Расплюев, перейден Рубикон!

Расплюев *(припрыгивая)*. Перейден!

Кречинский. Рубикон!

Расплюев. Рубикон!

Кречинский. Дурак!

Расплюев. Дур... ну нет, не дурак, нет, Михайло Васильич! вот как обделал — удивительно. Приезжаю... приезжаю-с, этак спрашиваю: что барин, мол, дома? Нет, говорят, дома; говорю: барышня дома? Говорят, дома. Где, говорю? Говорят, у себя. Говорю, доложи; говор...

Кречинский. Ну это видно: гениально... *(Отходит к бюро.)*

Расплюев подходит к Федору и рассказывает ему с жестами. Кречинский рассматривает обе булавки.

Как одна! *(Завертывает их отдельно каждую в приготовленные бумажки.)* Не сорвется! *(Кладет их в бумажник, к Расплюеву.)* Ну, Расплюев! Теперь бежать!!!

Расплюев *(поворачиваясь к нему, быстро)*. Бежать?!! Что ж? я готов бежать...

Кречинский. Бери, захватывай, что можно. Живо, скорей!.. *(Федору.)* Давай одеваться!

Расплюев *(бегает по комнате)*. Федор, бери, захватывай, братец, что можно. Живо! *(Схватывает какие-то вещи, бежит мимо Кречинского и падает.)*

Кречинский *(одевается)*. Скорей, братец, скорей! чемодан давай сюда, чемодан!

Расплюев бежит в другую комнату и несет чемодан.

Стой! нельзя.

Расплюев останавливается как вкопанный.

Если за нами пошлют фельдъегеря, ведь сейчас догонит.

Расплюев. Кто? Курьер? Курьер сейчас нагонит.

Кречинский. Нас сцапают, и по Владимирке.

Расплюев. Уж коли сцапают, так по Владимирке.

Кречинский. Так что ж с ней делать?

Расплюев. Да, Михайло Васильич, что ж с ней делать?

Кречинский. Федор!

Расплюев. Федор!

Кречинский. Подай мне шубу!

Расплюев. Подавай Михайлу Васильичу и мне шубу!

Кречинский *(надевает быстро шубу)*. Нет, любезный, тебе не шубу, а, по всякой справедливости, серую сибирку с бубновым тузом на спине! *(Уходит; в дверях, Федору.)* Федор, не выпускать его отсюда никуда, слышишь?

Федор. Слушаю, сударь! *(Становится у двери и затворяет ее под нос Расплюеву.)*

ЯВЛЕНИЕ 15

Расплюев останавливается как вкопанный.

Расплюев. Стойте! Что вы? Михайло Васильич!.. *(Во весь голос.)* Михайло Васильич!.. Да куда ж он? Постой, пусти, пусти, пусти, говорят! Что ты? *(толкает Федора от двери)* да что ж ты?

Федор *(отводя его рукой)*. Извольте, сударь, остаться. Слышали, не приказано-с.

Р а с п л ю е в *(потерявшись)*. Как?! Да это... это, стало, разбой!.. измена! ай, измена!!! *(Идет опять к двери и толкает его.)* Пусти, пусти, разбойник! пусти, говорю!..

Федор запирает дверь на ключ.

Ах, батюшки светы! Режут, ох, режут!.. Караул! Карау... *(Притихает.)* Шш... что я? На себя-то? сейчас налетят орлы... *(Стихает.)* Пусти меня, Федорушка! Пусти, родимый! Тебе ведь все равно; ну что тебе мою грешную душу губить? Ведь сейчас полиция придет, сейчас хватятся! Как старик вернется, так и хватятся. Кто, скажут, приезжал? Скажут, приезжал Иван Антоныч. Ну, скажут, его, мошенника, сюда и подавай. Барин большой, богатый; вот меня этак... *(берет себя за ворот)* на буксир, да к генерал-губернатору, да в суд, да и скомандуют по нижегородской дороге! Ох, ох, ох, ох, ох! *(Садится на чемодан и плачет.)* Федорушка! Разве тебе радость какая или добыча будет, если меня в непутном-то месте отстегают?..

Ф е д о р. Помилосердуйте, Иван Антоныч! дворянина? что вы!..

Р а с п л ю е в. Какой я дворянин? Все это пустяки, ложь презренная. Пиковый король в дворяне жаловал — вот-те и все. Федор, а Федор! Пусти, брат! Ради Христа-создателя, пусти! Ведь у меня гнездо есть; я туда ведь пищу таскаю.

Ф е д о р. Что вы это? Какое гнездо?

Р а с п л ю е в. Обыкновенно, птенцы; малые дети. Вот они с голоду и холоду помрут; их, как паршивых щенят, на улицу и выгонят. Ведь детище — кровь наша!..

Ф е д о р. Да полно вам, Иван Антоныч, право, себя тревожить. Ну куда барину уйти?

Р а с п л ю е в. Как куда? Да на все четыре ветра.

Ф е д о р. Ну такой ли он человек, чтобы ему уйти. Он и здесь цел будет. Поехал дело какое делать, а не ушел.

Р а с п л ю е в. Нет, ушел, непременно ушел. Что ему, о нас, что ли, думать? Ведь эта вещь, говорят, сорок тысяч стоит,— вот какая вещь! Да чего тут? Сам-то я как влез с этой проклятой вещью в сани да как понюхал свежего воздуха, ну, так меня и позывает! Да ведь тем и устоял только, что думаю себе: ну, куда, мол, мне? куда? ведь он орел: как шаркнет за мною, так только пищи!.. А ему теперь что? везде дорога, везде тепло. Катит себе...

Ф е д о р. Да какой ему расчет бежать, да еще и с краденой вещью? Дураку надо бежать, а не ему!

Р а с п л ю е в. Так, по-твоему, с нею лучше по городу шататься?

Ф е д о р. Да какая ж она краденая?

Р а с п л ю е в. Ведь мы ее обманом у Муромской взяли. Что с нею больше делать? Марш, да и только!

Ф е д о р. Ну... заложить поехал.

Р а с п л ю е в. Заложить? Да ведь ныне вечером ее надо отдать, а то через полицию возьмут, да и в сибирку посадят. Так этого не захочется. Нет, брат, ушел, просто ушел! Уйдем, Федор, и мы!

Ф е д о р. А мне что? я при своем месте.

Р а с п л ю е в. Ведь в тюрьме умрешь.

Ф е д о р. А за что? я ничего не знаю: мету комнаты, сапоги чищу, знать не знаю и ведать не ведаю — вот и ответ. Да, впрочем, оно дело темное; может, Михайло Васильич и отлучился куда. Кто его знает?

Р а с п л ю е в. Отлучился?.. стало, бежал?!! *(Берет себя за голову и суется по комнате.)* Ох, ох, ох! *(Останавливается и собирается с духом.)* Ну, Федор, спросят — смотри: ведь ты сам, братец, видел, как я ему ее отдал.

Ф е д о р. Чего-с?..

Р а с п л ю е в *(кричит)*. Я говорю, что ты видел, как вот здесь, на этом самом месте, я отдал булавку этому разбойнику, твоему барину.

Ф е д о р. Ну, Иван Антоныч, позвольте: вы в евто дело меня не вводите. Мне, сударь, не стать: я сапоги чищу, комнаты мету, а ваших делов я не знаю.

Р а с п л ю е в *(с ужасом)*. Иуда!.. Как не знаешь? Да ведь я сию минуту вот при тебе ему отдал.

Ф е д о р. Помилуйте! Почем мне знать, что вы ему отдали. Вы нешто говорили мне, что вы ему отдали?

Р а с п л ю е в. Ах, Хам! Хам! *(Бьет себя по лбу.)* Зарезал!! Ааа! чертова шайка! Вижу, вижу... Так вы меня под обух!.. Нет, постой! *(Наступает на него в азарте.)* Пусти, говорю, пусти, бездушник! *(Подбирается к нему.)* Слышишь, говорю: пусти! *(Кидается на него; борются молча и пыхтят.)*

Федор подбирает Расплюева под себя.

Ф е д о р. Эх, брат, врешь, Иван Антоныч! эх, брат, врешь! Ишь, ишь вертишься... постой... постой... *(Душит его.)*

Р а с п л ю е в *(тяжело дышит)*. Ох, ох, ох! Оставь! смерть моя... смерть!.. Оставь... ах, батюшки... батюшки...

Ф е д о р *(потискивая Расплюева)*. Не приказано, так сиди смирно...

Р а с п л ю е в *(вырывается, отходит к сцене и оправляется)*.

У, ах, тьфу, тьфу! А! *(к публике)* что бы вы думали? ведь он, дурак, рад до смерти задушить. *(Подумав.)* А, третья! Ей-ей, третья! *(Складывает руки.)* Судьба! *(Громче.)* Судьба! за что гонишь? За что гон... *(Взглянув на Федора.)* Нет, каков леший! рожа, рожа-то какая! Стал опять в дверях, как столб какой; ему и нуждушки нет.

Федор равнодушно на него смотрит. Расплюев посматривает по сторонам.

Ох, ох, ох, ох, ох! А время идет! идет время! И сюда, может, уж идут! А я в западне! Молчать должен, ждать беды! Тюрьмы!! наказания ждать и молчать!! Господи боже! как томит сердце!.. ноет как! вот здесь какая-то боль, духота!!! Детки мои! голы вы, холодны... Увижу ли вас?.. Ваня, дружок! *(Плачет. Удар звонка.)* Ай!.. вот они!.. вот они!.. Полиция в доме, полиция!! *(Мечется по комнате. Еще удар звонка. Федор идет отворять.)* Идут!!! Ух!! ух!! *(Кидается в отчаянии на чемодан.)*

ЯВЛЕНИЕ 16

Те же и Кречинский, входит быстро; Федор идет за ним и что-то говорит ему тихо.

Кречинский *(в духе)*. Ха, ха, ха! Ну и очень хорошо сделал. *(Расплюеву.)* Что, брат? вы, кажется, с Федором-то погрелись? Что ж, ничего: оно от скуки можно. Только вот что худо: все ты, Иван Антоныч, торопишься: в свое время все, братец, будет; это закон природы — и полиция будет, и Владимирки не минешь,— в свое время все будет; об этом тебе хлопотать нечего. *(Отходит к бюро и развязывает пачку.)* А теперь вот возьми да займись покуда делом. *(Отдает ему пачку денег.)* Сочти вот деньги да разложи, братец, на кучи. Отдать надо. Это наша обязанность, священный долг. А булавку *(кладет ее на стол)* вот надо вечером возвратить тому, кому принадлежит. Вот как честные люди делают. Эх, ты!

Расплюев *(совершенно растерянный, подходит к столу)*. То есть просто ничего не вижу *(трет себе лоб)*: пестрота какая-то. *(Делает жест.)* Фу! Деньги... это деньги... а вот это... булавка... точно, булавка! *(Берет деньги и начинает считать.)* Сто... двести... четыреста... девятьсот... четырнадцать... тьфу! *(Кладет и начинает считать опять деньги на столе; к публике.)* Вот вам скажу, был здесь в Москве *(вздыхает)* профессор натуральной магии и египетских таинств господин Боско: из шляпы вино лил красное и белое *(всхлипывает)*; канареек в пистолеты заряжал; из

кулака букеты жертвовал, и всей публике,— ну, этакой теперь штуки, закладываю вам мою многогрешную душу, исполнить он не мог; и выходит он, Боско, против Михайла Васильича мальчишка и щенок.

Кречинский *(пишет у стола)*. Ну довольно! считай! а то ведь ты рад воду толочь. У него какая-то чувствительность: ведь пень целый, кажется, а сейчас и размякнет.

Расплюев *(в восторге)*. Господи боже мой! какое масло разливается по сердцу, какой аромат оступает меня со всех сторон! жасмины какие-то пахнут, и вообще полагать надо, что такую теперь чепуху порю, что после самому стыдно будет.

Кречинский. Ха, ха, ха! я думаю.

Расплюев. Смейтесь, смейтесь! Что вам? Вам ведь только и смеяться в жизни... что вам? Вы вон как вертите; всем вертите, просто властвуете! А вы вот в мою шкуру-то влезьте, так иное дело. Да! Вы вон Федора спросите: я без вас потерялся совсем; помрачился ум; сижу вот тут... *(указывая на чемодан)* да волком и вою.

Кречинский. Послушай, ведь я дожидаюсь... это долго будет?

Расплюев. Что ж, Михайло Васильич, неужели и порадоваться-то нельзя. *(Разбирает деньги.)* Вот они, родимые-то! Голубчики, ласточки мои! Вот это: пеструшечки пучок, другой, третий... а вот это малиновки: пучок, другой, трррретий, четверррр...тый... ха, ха, ха! хи, хи, хи! Господи боже мой! Ну, чего бы я не сделал, чего бы не свершил для этакого благополучия!.. *(Садится и считает.)*

Молчание.

Кречинский *(надев шляпу и шубу, подходит к Расплюеву)*. Ну, чадушко, кончил?

Расплюев *(торопливо)*. Сейчас... сейчас... сейчас.

Кречинский *(берет одну пачку)*. Эти деньги я отвезу сам; а вот эти *(отдает ему остальные деньги)* развези ты — да часы мне выручи. Вот записка, кому и сколько надо отдать. Смотри: исполнить аккуратным образом.

Расплюев *(берет деньги и завертывает их бережно в бумагу)*. Михайло Васильич... как же это? Ведь эти деньги от Бека, от Никанора Савича.

Кречинский. Да, от Бека.

Расплюев. А булавка-то... Стойте... *(Рассматривает булавку.)* Да ведь это моя крестница! Ведь это та самая, что я получил от Лидии Петровны? а?

К р е ч и н с к и й. Ну разумеется; ее нынче вечером надо Лидии Петровне возвратить. *(Берет булавку из рук Расплюева и запирает в бюро.)*

Р а с п л ю е в *(берет шляпу)*. Как разумеется? Черт тут разумеет! Как же это? а? И деньги и булавка! *(Федор накидывает ему шубу.)*

К р е ч и н с к и й. Гончая ты собака, Расплюев, а чутья у тебя нет... Эхх ты!

Уходят.

З а н а в е с о п у с к а е т с я.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Кречинского. Вечер. Все освещено и убрано.

ЯВЛЕНИЕ 1

Ф е д о р, в черном фраке, белом галстуке, жилете и перчатках, ставит лампы и обмахивает мебель. Р а с п л ю е в входит, завитой, во фраке и в белых перчатках.

Р а с п л ю е в. Ха, ха, ха... ха, ха, ха... ха, ха, ха... ой, довольно... ха, ха, ха!.. Вот как разобрало!.. *(Кладет шляпу.)* Как представлю себе эту подлую рожу, как сидит он, христопродавец, со стеклышком; караулит его; хранит Иуда за семью замками кусок хрусталя, в два гроша меди; так меня... ха, ха, ха!.. и разбирает... фу... *(оправляется)* небось руки трет, шесть тысяч серебром дал! ведь куш какой! Он думает: Кречинский, мол, лопнет, и солитер мой... А, Федор? А Михайло Васильич ведь Наполеон? Подай-ка мне карандаш.

Федор подает ему карандаш.

Постой, запишу! Так Эврика или Эдрика, как он говорил-то?

Ф е д о р. Кажется, Эврика.

Р а с п л ю е в. Ну, так ин будь Эврика. Первая легавая собака, какая будет, назову Эврика. Фио! эй ты, Эврика! хорошо, ничего. Вот он, Федор, кричал-то, что нашел, ан он точно нашел.

Ф е д о р. То-то и есть, Иван Антоныч! а вы вот хоть сейчас его взять и в желтый дом вести.

Р а с п л ю е в. Что делать, братец, пас. А ты знаешь, как он эту вещь обделал?

Ф е д о р. Почем мне знать! Признаться вам сказать, дураком не был, а тут и ума не приложу; мерекаю и так и этак, ну нет: просто разум не берет.

Р а с п л ю е в. А вот я тебе разгадаю, братец, разга-а-даю!.. Только смотри, дело вот какое: секретнейшее.

Ф е д о р. Помилуйте!

Р а с п л ю е в. Вот видишь... *(Поправляет фрак и делает жест пальцами.)* Как взял он это дело себе в голову, как взял он дело, кинул так и этак... Ну, говорит, Расплюев, выручай. Я, говорю, готов, Михайло Васильич, на все готов. Вот, говорит, что: прозакладывай ты, говорит, Расплюев, свою душу, а достань мне от Муромских их солитер, что я ныне, по осени, отдавал оправлять в булавку; помнишь, говорит, вот по той модели, что у меня в бюро валяется. Я этак и задумался.

Ф е д о р. Вы-то!

Р а с п л ю е в. Да, я-то. Трудновато, говорю, трудновато. Однако отправился и, как ястреб какой, через четверть часа тащу его на двор: вот, мол, он, голубчик! Он, например, берет его и модель-то берет... слышишь, модель-то, по которой уделывали... да в бумажник обе и запустил.

Ф е д о р. В бумажник!..

Р а с п л ю е в. В бумажник! Ведь вор-человек; побрякушки не бросил... а?.. а вот она и дело сделала... Взял он их да прямо в Киселев переулок, к Никанору Савичу Беку бац! Денег, говорит, давай, жид, денег. Денег? какие у меня деньги? Денег нема. А под залог — ма? Под залог, говорит, ма. А сколько ты мне, например, говорит, Иуда, дашь денег под это детище?.. Того так и шелохнуло, и рот разинул: загорелись глаза, лихорадка так и треплет. Туда, сюда, на стекло, на вески, вертит, пробует... Ну, видит, вещь первая... Четыре...— Четыре!.. Собачий ты, говорит, сын, ведь она десять стоит... а?.. Что ты, дурака, что ли, нашел? Подай назад; не хочу!..— Тот разгорелся, из рук-то выпустить не может; вырвал да опять в бумажник. Семь дашь? *(Пискливым голосом.)* Нет, не могу, не могу: пять! — Хочу семь! — Ни! — Ну, шесть! — Ни! — Ну, прощай, да, смотри, не поминай лихом; мне Шпренгель восемь даст. Дрожит Хам, трепещет; взалкал волчьим-то горлом: ведь хищник! Ух!.. бери, говорит. По рукам, что ли? По рукам!.. Давай, говорит, сургуч да коробку. «Как коробку?» Да видимое дело, что коробку. Мы туда его, голубчика, уложим собственноручно; а я вот печати наложу, так и сохранно будет, а тебе, говорит, Иуда, этакое сокровище не дам... слышишь?.. Ого!..

Ф е д о р. Так, так, так! *(Кивает головой.)*

Р а с п л ю е в *(продолжает)*. Побежал перепелкою за коробкою; тащи, говорит, и деньги... Тащит и деньги. Вот, говорит, смотри! Вытянул из бумажника, да уж не ту, а модель-то, модель... Ведь это что? вертит ему в глазах-то... ведь это Бразилия целая... а? Голконда... а?

Ф е д о р. О, господи!

Р а с п л ю е в *(с жаром)*. А у него глаза-то кровью, кровью-таки и налились! Раз, два... бултыхнули в коробку, наложили печати... тот ему деньги; этот ему коробку... Приехал, да как хлыснет мне на стол вот какую пачку!.. На, говорит, получи, да Михайла Васильича помни!..

Ф е д о р *(складывая руки)*. Ах ты, господи!

Оба стоят в благоговении. Молчание.

Р а с п л ю е в *(в необыкновенном духе)*. Наполеон, говорю, Наполеон! великий богатырь, маг и волшебник! Вот объехал, так объехал; оболванил человека на веки вечные... человека?.. нет; ростовщика оболванил — и великую по себе память оставит.

Ф е д о р *(расставив руки)*. Ну, точно, обделано дело. Господи! вот дело обделано.

Р а с п л ю е в. Да как еще обделано — диво! Деньги тут, и солитер тут; нынче вечером мы его с благодарностью... *(С внутренним увлечением.)* Под семью печатями и за семью замками лежит стекло, и привалил его жид своим нечестивым туловищем! И следа нет! следа-то нет! По клубу уплатит сполна; свадьбу справит лихо; возьмет миллион, да и качнет; то есть накачает гору золота и будет большой барин, велик и знатен, и нас не забудет... а? Федор?.. ведь не забудет?

Ф е д о р. Хорошо, как не забудет.

Р а с п л ю е в. Он мне двести тысяч обещал.

Ф е д о р. Когда обещал, так хорошо. Хохлы говорят: обещал пан кожух дать, так и слово его тепле.

Р а с п л ю е в. Что-оо? Откуда ты сыскал эту поговорку? Обещал; разумеется, обещал.

Звонок.

Вот, никак, Михайло Васильич изволит звонить... Он и есть. *(Подымает благоговейно руки.)* Великий богатырь, маг и волшебник! *(Почтительно идет ему навстречу.)*

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Кречинский.

Кречинский *(входит и кладет шляпу)*. Экой день... а?.. Дай стул, Федор: устал!.. А?.. первый раз в жизни устал; видно, старо стало... Ну, у вас здесь все исправно? *(Садится. Расплюев и Федор стоят перед ним.)*

Федор. Все исправно, Михайло Васильич, по приказанию, все исправно.

Кречинский *(осматривает гостиную)*. Вижу. Хорошо. Вот сюда еще карсель. Экой важный апартамент какой; хоть какому жениху не стыдно. *(Расплюеву, строго.)* Ну, ты все исполнил?

Расплюев. Все, Михайло Васильич, все, как приказали, все, до ниточки. Угодно вам расписки получить?

Кречинский. Вестимо; не на веру же. *(Берет у него расписку и читает.)* Гм!.. хорошо... Федор!.. На, запри в бюро...

Расплюев. Вот и часы ваши, Михайло Васильич, и цепочка. Все тут. *(Передает ему.)* Извольте видеть, как все уделано.

Кречинский *(берет часы)*. Ладно!.. Фу, устал!.. *(Надевает на себя часы.)* В клубе пообедал отлично. Давно такого аппетита не было. Был там этот дурак Нелькин. Как уставился на меня, словно сова какая. Смотри, мол, брат, смотри; проглядел невесту; теперь на меня глаза пялить нечего; с меня, приятель, взятки гладки; я подковы гну...

Расплюев. Я тоже, Михайло Васильич, исполнив приказания, завернул в Троицкой...

Кречинский. Ага, не позабыл?

Расплюев. Как же, помилуйте!.. Вхожу, этак, знаете, сел посреди дивана, подперся так... Гм! говорю: давай ухи; расстегаев, говорю, два; поросенка в его неприкосновенности! Себе-то не верю: я, мол, или не я?.. Подали уху единственную: янтари этак так и разгуливают. Только первую ложку в рот положил, как вспомню о Беке, как он болтуна высиживает, да как фукну... так меня и обдало!.. Залил все, даже вот жилетку попортил... ей-ей! какая досада.

Кречинский. Ну, хорошо, хорошо... Слушай: когда приедут гости, ты мне займи разговором старика: болтай ему там черт знает что; а я останусь с бабами и сверну эту свадьбу в два дня. Да ты, смотри, не наври чего. Ты ведь, пожалуй, сдуру-то так брехнешь...

Расплюев *(жалобно)*. Отчего же брехнуть? зачем брех-

нуть? Кажется, я все дело делаю, а вам вот никогда не угодно мне и одобрение дать.

Кречинский. Да черт тебя одобрит? видишь, какой пень уродился!.. *(Задумывается.)* Постой... исправно ли ты принарядился?

Расплюев. А я, Михайло Васильич, из Троицкого завернул к французу, завился — а-ла мужик... Вот извольте видеть, перчатки — полтора целковых дал... белые, белые, что есть белые...

Кречинский. Совсем не нужно.

Расплюев. Как же, помилуйте! как же-с! без белых перчаток нельзя; а теперь вот в ваш фрак нарядился... извольте взглянуть.

Кречинский. Ха, ха, ха!.. хорош, очень хорош. Смотри, пожалуй! а? целая персона стала. *(Повертывает его.)*

Расплюев. Что же, Михайло Васильич, отчего же не персона? Ведь это все деньги делают: достатку нет, обносился, вот и бегай; а были б деньги, так и сам бы рассылал других да свое неудовольствие им бы оказывал.

Кречинский. Ну, ну, ну, хорошо, хорошо. Теперь на ноги живо! Федор!

Федор вбегает.

Чтоб все было отлично, чинно, в услуге без суматохи и без карамболей под носами; два официанта у приемной, сюда еще карсель; зеленый стол вот здесь. *(Смотрит на часы.)* Сейчас гости! Конец — и делу венец! Постой, постой! Эй, Федор! Там в коридоре я видел портрет какого-то екатерининского генерала... Вот этакая рожа. *(Делает гримасу.)* Сейчас обтереть, принесть и повесить над моим бюро. Это для генеалогии.

Несут карсель, стол, портрет, ставят и вешают. Звонок.

Ну, вот они. Я иду принять; а ты, Расплюев, садись вот здесь, на диване, этак повальяжнее; возьми газету... газету, дурак, возьми... развались!.. Эх ты, пень!.. *(Уходит.)*

Расплюев. Ну вот видите, вот опять корить пошел; а говорит: хорош, хорош. Ты мне, брат, двести тысяч обещал. Да.

ЯВЛЕНИЕ 3

Муромский, Атуева, Лидочка, Кречинский и Расплюев. Кланяются и жмут друг другу руки.

Муромский *(осматриваясь)*. Какая у вас прекрасная квартира!

Атуева. Да, прекрасная, прекрасная квартира! Какой у него вкус!.. во всем, во всем...

Лидочка. Да, очень хороша.

Кречинский. Для меня, mesdames, она только с этой минуты стала хороша. *(Целует у Лидочки руку.)*

Атуева. Как он всегда мило отвечает! Какой, право, милый человек... Знаете что, Михайло Васильич? я об одном жалею.

Кречинский *(вежливо)*. О чем это, Анна Антоновна?

Атуева. Что я не молода: право, я бы в вас влюбилась.

Кречинский. Ну, стало, мне надо жалеть, что я не стар.

Лидочка. Это только не комплимент мне.

Атуева. Лидочка! да ты ревнива?

Кречинский *(берет у Лидочки руку и целует)*. За то, что вы ревнивы, целую вашу ручку; а несправедливой быть нехорошо.

Лидочка. Отчего же несправедливой?

Кречинский. Я сказал: мне надо жалеть; а между тем, что надо и что есть,— большая разница.

Лидочка *(отходит в сторону и манит Кречинского)*. Михайло Васильич! послушайте.

Кречинский. Что такое?

Лидочка. Секрет. *(Отводит его еще.)* Вы меня любите?

Кречинский. Люблю.

Лидочка. Очень?

Кречинский. Очень.

Лидочка. Послушайте, Мишель; я хочу, чтоб вы меня ужасно любили... без меры, без ума *(вполголоса)*, как я вас люблю.

Кречинский *(берет ее за обе руки)*. И душою и сердцем.

Лидочка. Нет, я хочу сердцем.

Кречинский *(в сторону)*. Да какая она миленькая бабеночка будет!

Атуева *(подкрадываясь к ним)*. О чем вы тут советуетесь?

Лидочка. Так, одно дело есть.

Атуева. Пари держу, о платье.

Лидочка. Проиграете, тетенька!

Атуева. Так о чем же?

Кречинский *(показывая на сердце)*. О том, что под платьем, Анна Антоновна!

Атуева. Как что под платьем? *(Отводя Лидочку.)* Что же это ты, матушка, с ним о белье-то говоришь?

Лидочка *(смеется)*. Нет, тетенька, не о белье. *(Говорит ей на ухо.)*

Кречинский *(подбегая к Муромскому)*. Петр Констан-

тиныч! что же вы не садитесь? сделайте одолжение! Какие вам кресла — с высокою спинкою или с низкой? Кресла, Иван Антоныч, кресла!

Расплюев тащит кресла.

Муромский. Нет, я вот здесь на диване: здесь вот хорошо. *(Садится.)*

Кречинский. Позвольте мне вам представить доброго приятеля и соседа, Ивана Антоновича Расплюева.

Расплюев *(оставив кресла, раскланивается и конфузится)*. Честь... честь... имею...

Муромский *(встав)*. Ах, очень приятно. *(Жмет Расплюеву руку и садится на диван.)*

Расплюев берет стул и садится на самый кончик, подле Муромского, Кречинский — с другой стороны сцены, с дамами.
Подают чай. Молчание.

Муромский *(берет чашку)*. В военной службе изволите служить или в статской?

Расплюев *(берет чашку)*. В стс... в ст... в воен... в статской-с... в статской-с...

Муромский *(очень вежливо)*. Жить изволите в Москве или в деревне?

Расплюев. В Москве-с, в Москве, то есть иногда... а то больше в деревне.

Муромский. Скажите, в какой губернии имеете поместье ваше?

Расплюев. В Симбирской-с, в Симбирской.

Муромский. А уезд какой?

Расплюев *(скоро)*. Какой уезд?

Муромский *(кивая головою)*. Да-с.

Расплюев. Как бишь его *(нагибается и думает)* того... то есть ох... как его?.. *(В сторону.)* Да я в этом захолустье ни одного уезда не знаю. *(Вслух и пощелкивает пальцем.)* Вот так на языке и вертится... Эх... господи... Михайло Васильич! да как его уезд-от?

Кречинский. Какой уезд?..

Расплюев. Да наш уезд.

Кречинский. А! в Ардатовском.

Расплюев *(делает жест рукою Муромскому)*. Ну вот!..

Муромский. В Ардатовском?

Расплюев *(прихлебывает чай и кивает утвердительно головою)*. Симбирской губернии, Ардатовского уезда-с.

Муромский. Да Ардатовский уезд в Нижегородской губернии.

Расплюев *(фыркнув в чашку)*. В Нижегородской? Как в Нижегородской? Ха, ха, ха, ха!.. Михайло Васильич! что ж это такое? Они говорят, что Ардатовский уезд в Нижегородской губернии... ей-ей! ха, ха, хе, хе!..

Кречинский *(нетерпеливо)*. Да нет! их два: один Ардатов Нижегородской губернии, другой Симбирской.

Расплюев *(делает рукой к Муромскому)*. Ну вот!..

Муромский *(делает рукою жест)*. Да, точно, именно: один Ардатов в Нижегородской, а другой в Симбирской.

Расплюев *(делая также жест)*. Один-то Ардатов в Нижегородской, а другой — в Симбирской. *(Оправляется.)*

Муромский. Извините, извините, ваша правда. *(Молчание.)* Скажите, а предводителем у вас кто?

Расплюев. А? *(В сторону.)* Да это дурак какой-то навязался? Что ж это будет? *(Махнув рукою.)* Эх, была, не была!.. *(Вслух.)* Бревнов.

Муромский. Как-с?

Расплюев. Брррevнов-с!

Муромский. Не знаю... не имею чести знать...

Расплюев *(в сторону)*. Я думаю, что не знает.

Муромский. И хороший человек?

Расплюев. Предостойнейший! мухе — и той зла не сделает.

Муромский. В наше время это редкость.

Расплюев. Гм! Редкость! нет, Петр Константиныч, решительно скажу, таких людей нет.

Муромский. Ну, однако...

Расплюев *(горячо)*. Уверяю вас, нет. Поищите!..

Муромский *(с участием)*. Вы, как заметно, имели от людей и огорчения в жизни.

Расплюев. Имел! *(Поправляя на себе фрак.)* Такие, могу сказать, задавались мне огорчения в жизни, что с иного, могу сказать, все бы обручи полетели,— и вот невредим, жив и...

Муромский *(со вздохом)*. Бывает, все бывает в жизни... А как у вас земля?

Расплюев. А что земля! земля ничего.

Муромский. У вас там должен быть чернозем? точно: ведь Симбирская черноземная губерния.

Расплюев. Да, да, да, как же! чернозем,— удивительный чернозем, то есть черный, черный... у! вот какой!

Муромский. И, скажите, урожаи должны быть отличные?

Расплюев. Урожай? да я в этом захолустье обобрать хлеб не могу... *(хохочет)*, ей-ей, не могу.

Муромский. Неужели?

Расплюев. Право, не могу. Да мне черт с ним! мне его даже не жалко... *(Хохочет.)*

Муромский *(тоже смеется)*. А степные-то помещики каковы? Скажите: умолот как у вас бывает?..

Расплюев *(в сторону)*. Да он нарочно... *(Подняв глаза.)* Господи, что ж это будет?.. *(Обтирает пот.)* Ну... об умолоте я вам не скажу ничего, потому...

Кречинский *(оборачиваясь)*. Помилуйте, Петр Константиныч! да что вы его спрашиваете? Ведь он только по полям с собаками ездит; ведь он по хозяйству ни в зуб толкнуть...

Муромский. Скажите, Михайло Васильич, имение ваше в Симбирской губернии, а родственники ваши живут в Могилевской губернии.

Кречинский. Симбирское — это у меня материнское имение.

Муромский. А! понимаю. А матушка ваша как была урожденная?

Кречинский *(протяжно)*. Колховская.

Муромский. А, старинный род.

Кречинский. Вот портрет моего старика деда, то есть отца моей матери.

Муромский *(смотрит на портрет)*. А, да, вот.

Кречинский. Вот, Иван Антоныч его знал по соседству. *(Подмаргивает Расплюеву и выходит с дамами в боковую дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Расплюев и Муромский.

Расплюев. А... да, да, как же, как же, еще мальчиком... как теперь вижу: добрейший был старик, почтенный,— этакой, знаете, был тучный, и вот как две капли воды он. *(Со вздохом.)* Ах, ах, ах...

Муромский. Он уж умер?

Расплюев. Где ж, помилуйте! он... *(показывая на портрет)* да он давно умер.

Муромский *(помолчав)*. Ну нет, милостивый государь, попробовали бы вы похозяйничать у нас в Ярославской губернии, так другое бы заговорили: у нас агрономия нужна; без агрономии ничего не сделаешь.

Расплюев. Неужели без агрономии ничего не сделаешь?

Муромский. Посудите сами: у нас, сударь, земля белая, холодная, без удобрения хлеба не дает.

Расплюев *(с удовольствием)*. Неужели так-таки и не дает? Что ж это она?

Муромский. Да, не дает. Так тут уж поневоле примешься за всякие улучшения, да и в журналы-то заглянешь... Вот пишут, какие урожаи у англичан, так — что ваши степные.

Расплюев *(горячо)*. Англичане! хе, хе, хе! Помилуйте! да от кого вы это слышали? Какая там агрономия? все с голоду мрут — вот вам и агрономия. Ненавижу я, сударь, эту нацию...

Муромский. Неужели?

Расплюев. При одной мысли прихожу в содрогание! Судите: у них всякий человек приучен боксу. А вы знаете, милостивый государь, что такое бокс?

Муромский. Нет, не знаю.

Расплюев. А вот я так знаю... Да! у них нет никакой нравственности! любовь к ближнему... гм, гм, нет, уж как с малолетства вот этому научат *(делает жест рукой)*, так тут этакого ближнего любить не будешь. *(Поправляет на себе фрак.)* Нет, уж тут любви нет. Впрочем, и извинить их надо; ведь они потому такими и стали, что у них теснота, духота, земли нет, по аршину на брата не приходится: так поневоле стали друг друга в зубы поталкивать.

Муромский. Однако все изобретения; теперь фабрики, машины, пароходы...

Расплюев. Да помилуйте! это голод, это, батюшка, голод: голодом все сделаешь. Не угодно ли вам какого ни есть дурня запереть в пустой чулан, да и пробрать добре голодом,— посмотрите, какие будет штуки строить! Петр Константиныч! посмотрите вы сами, да беспристрастно, батюшка, беспристрастно. Что у нас коровы едят, а они в суп... ей-ей! Теперь это...

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Нелькин, весьма расстроенный, входит скоро и осматривается.

Муромский. А, Владимир Дмитрич, друг милый! насилу-то! *(Расплюеву.)* Честь имею представить: Владимир Дмитрич Нелькин, наш добрый сосед и друг нашего дома. *(Оборачиваясь к Нелькину.)* Иван Антоныч Расплюев.

Раскланиваются.

Расплюев. Я уже имел честь...

Нелькин. Имел эту честь и я...

Муромский. Что ж вы, Владимир Дмитрич, так поздно?

Нелькин. Задержало одно дело.

Муромский. Полно, батюшка, в восемь часов вечера какие дела!..

Нелькин. Петр Константиныч, такое дело, просто горит *(осматривается)*, жжет — вот какое дело!

Расплюев. Да я вижу, Владимир Дмитрич деловой человек-с; а деловой человек—все равно что ртуть.

Муромский. Послушайте-ка, Владимир Дмитрич, как Иван-то Антоныч англичан режет.

Расплюев. Язвительная, язвительная-с нация, никакого благородства, никакого...

Нелькин. Вы? Вы находите?

Расплюев *(весело)*. Нахожу-с, нахожу-с.

Нелькин. Ха, ха, ха!

Расплюев. Ха, ха, ха, ха, ха! Признаюсь!.. ха, ха, ха!

Нелькин. Как вас зовут?

Расплюев. Иван Антоныч.

Нелькин. Фамилия ваша?

Расплюев. Расплюев.

Нелькин *(подходит к нему и берет его за пуговицу)*. Где нет зла, господин Расплюев? Где его нет?

Расплюев. О нет! я не этого мнения: зло надо искоренять, надо, непременно надо.

Нелькин *(не замечая)*. Где и какое зло — вот вопрос. Вот, например, подлость и мошенничество в сермяге, в худом сюртучишке подьячего жалки, гадки, да неопасны. Вот страшно, когда подлость в тонком фраке... в белых перчатках... чужим добром сытая... катит на рысаках, раскланивается в обществе, входит в честный дом, на дуван подымает честь... спокойствие!.. все!.. Вот что страшно!

Расплюев. А что вы думаете, Петр Константиныч, ведь действительно это, как они говорят, бывалое дело, уверяю вас! Я вот вам расскажу: пример, сударь, был...

Нелькин. Да примеров много! Вот что страшно! Что мудреного, что под сермягою — черная рубаха; нет! вот как под фраком-то *(показывая на фрак Расплюева)* черная рубаха... грязь...

Расплюев *(в сторону)*. Куда он воротит? все фрак да фрак... *(Поправляет фрак, несколько сконфузясь.)* А вот, скажу вам, этакие выходцы и часто с нами, барсуками, такие-то штуки отливали. Каторжник, сударь: уйдет он от себя да к нам перелет-

ной пташкой и явится,— и куда тебе! таким фоном разгуливает, тон задает...

Нелькин *(смотря на него пристально)*. Задает?

Расплюев. Задает-с.

Нелькин *(указывая на него)*. Мошенник-то тоны задает. Ха, ха, ха!

Муромский весело смеется.

Расплюев *(старается смеяться)*. Да, представьте себе, мошенник-с — и вдруг тоны задает, ведь потеха-с. *(В сторону, сжав губы.)* Так бы тебя и перервал... *(Встряхивается.)*

Нелькин *(говорит редко)*. Да, говорят, бывало. Ну, еще страшнее, Петр Константиныч, когда на нашей родной стороне свои бездельники, русские, своих родных братьев обкрадывают и грабят, как басурманов...

Муромский. Вот вопрос-то! эк он их цепляет!

Нелькин *(в сторону)*. Что ж это такое? Он совсем ослеп! Что делать? *(Муромскому, решительным тоном.)* Петр Константиныч! мне надо вам два слова сказать.

Муромский *(встает)*. Что, батюшка, что? *(Отходит в сторону.)*

Нелькин. Где вы?

Муромский. Что-о-о? Недослышу, братец!

Нелькин. Я спрашиваю, где вы?

Муромский. Как где? здесь, ну вот здесь.

Нелькин. Где здесь?

Муромский *(рассердившись)*. Фу-ты, пропасть! ну, здесь! Да что это, братец, с тобою ладу нет? Ну разве ты не знаешь, что мы теперь у Кречинского, у Михайла Васильича, в его дому... Ну?

Нелькин. Вы в дому воров!

Муромский. У, у! что ты, спятил... с ума сошел!..

Нелькин. Не я с ума сошел, а вы ослепли!.. Ведь у вас крадут дочь; вы не видите?.. а?..

Муромский *(отводит его в сторону)*. Ну послушай, Владимир Дмитрич, ведь этих слов говорить нельзя: про моего будущего зятя говоришь ты это. Опомнись, братец!

Нелькин. Опомнитесь вы! Ведь вы стоите на краю пропасти. Осмотритесь: вас подымают на фуфу! у вас крадут дочь!.. в вашу семью, в вашу честную семью, как змея, ползет картежник, разорившийся шулер и вор!..

Расплюев *(вслушавшись)*. Шулер и вор? это не о нас ли?

Муромский. Однако послушайте, сударь! Какое же вы имеете право?..

Нелькин. Стало имею... Слушайте меня...

Муромский. Что такое?

Нелькин. Где ваш солитер?

Муромский. Какой солитер? Это Лидочкина булавка?

Нелькин. Именно!

Муромский. У нее.

Нелькин. Верно вы знаете?

Муромский. Верно.

Нелькин. Ее у дочери вашей нет.

Муромский. Ну вот, вот и вышло вранье.

Нелькин. Стойте, Петр Константиныч, стойте! я вам говорю: солитера вашего в доме вашем нет. Он в других руках.

Муромский. Где ж он?

Нелькин. У ростовщика! в залоге!..

Муромский. Пустяки... Помилуйте!.. я его вчерашнего дня еще видел...

Нелькин. Вчера — не нынче.

Муромский. Послушай, Владимир Дмитрич...

Нелькин *(перебивая его)*. А я вам говорю, что ваш солитер заложен Кречинским у ростовщика!..

Расплюев *(вслушиваясь)*. Плоховато, плоховато! пойти шепнуть... *(Уходит.)*

Муромский. Как же он попал к Кречинскому?

Нелькин. Да разве вы не знаете, что нынче утром он его взял?

Муромский. Взял?.. Как взял?..

Нелькин. Да вот этот *(указывает на Расплюева)* за ним ездил.

Муромский. Кто это? Расплюев?

Нелькин. Да, Расплюев.

Муромский. Как так?

Нелькин. Нынче утром приезжаю я к вам, и уж он тут, сидит с Анной Антоновной. Смотрю, Лидия Петровна выносит ему вещь. Так меня и толкнуло... Ба! думаю, тут нет ли штуки: ну, как этакую вещь просить? да я бы, кажется, ее и в руки не взял... Он с нею в сани... Я за ним... туда, сюда... мотал, мотал по городу-то, и вот до сего часа...

Муромский. Ну... ну, что ж?..

Нелькин. Ну, я вам говорю: заложил ее ростовщику Беку.

Муромский. Да быть не может: тут что-нибудь не то.

Нелькин. Да я сейчас от него.

Муромский. От ростовщика?..

Нелькин. От ростовщика. Хотите, поедемте, он все скажет.

Муромский *(в замешательстве)*. Что ж это такое?.. Господи!.. Что это такое? Лида! Лида! Лидочка!..

Лидочка *(вбегает из соседней комнаты с кием в руках)*. Ах, папа, что вы?

Муромский. Поди сюда! *(Вполголоса.)* Скажи мне, Лида, твой солитер цел... а?..

Лидочка. Цел, папа, цел. Ах, папа, ну можно ли? зачем вы меня отрываете от партии? Я играю с Мишелем, и он мне все поддается... так весело, что чудо.

Нелькин. Вы ошибаетесь, Лидия Петровна: он пропал!..

Лидочка. Как пропал?

Нелькин. Ведь вы его отдали...

Лидочка. Так что же? *(Смотрит на него с удивлением.)* Нынче поутру, папа, я отослала его Мишелю: он держал о нем пари.

Муромский. Что?.. что?..

Лидочка. Он держал пари с князем Бельским, о каратах там, что ли, уж я не знаю.

Нелькин *(Муромскому)*. Ложь!

Лидочка. Боже мой! да он у него: он мне сейчас говорил, что он у него!..

Муромский *(с беспокойством)*. Ну?

Лидочка. Ну что же, папа? Он мне его и отдаст.

Нелькин. Ну, не думаю...

Лидочка *(вспыхнув)*. Что вы говорите? Как вы, сударь, можете?..

Нелькин. Лидия Петровна! ради бога, не гневайтесь на меня. Что ж мне делать? Виноват ли я? Я готов умереть за вас... муки вынести... но я должен, честию моею клянусь, должен!..

Лидочка *(в испуге)*. Боже мой! что это такое? Папенька! мне страшно! *(Прижимаясь к Муромскому.)* Папенька, папенька!

Муромский. Полно, мой друг, полно! Я сам не знаю, что это такое?

ЯВЛЕНИЕ 6

Атуева, за нею Кречинский и Расплюев выходят скоро.

Атуева. Что ты, дружок? что ты? что с тобой? *(Нелькину.)* Это вы, батюшка? Что вы тут плетете? Чего нанесли? Опять сплетни да рассказы.

Молчание. Все в замешательстве. Кречинский смотрит на всех внимательно.

Муромский *(нерешительно)*. Пожалуйста, Михайло Васильич, того... мы хотим... поговорить семейно, одну минуту.

Кречинский. Семейно? Ну что ж, извольте: я семье вашей не чужой.

Муромский. Да оно, конечно; только я бы попросил вас.

Нелькин. Да что тут, Петр Константиныч! начистоту так начистоту: милостивый государь! мы говорим о солитере.

Кречинский. О каком солитере, Петр Константиныч?

Муромский. Да о том солитере, что вы нам обделали в булавку. Вы его нынче... у дочери моей взяли?

Кречинский. Взял. Ведь она вам говорила, что взял.

Муромский. Ну, теперь он у вас или нет?

Кречинский. Ага... Вот что... *(Обводит всех глазами и смотрит долго на Нелькина, потом повертывается к Муромскому.)* Так вот что! Скажите мне, с кем я и где я?.. Скажите мне, какой глупец, какой враль... или какой бездельник...

Суматоха.

осмелился...

Нелькин порывается к Кречинскому, Атуева его удерживает.

Дальше, говорю я вам,— я вам сорву голову!..

Нелькин *(кричит)*. Нет, я вам ее сорву...

Кречинский *(делает быстрое движение к Нелькину и вдруг удерживается; голос его дрожит)*. Петр Константиныч... солитер Лидии у меня... понимаете ли? я говорю вам: у ме-ня!..

Муромский. Да я никогда не имел мысли. Ну вот пришел он, говорит, что я дочь свою топлю, что вы нас обманываете, что солитер взят вами и заложен ростовщику... ну, судите сами...

Кречинский. Ааа... теперь понимаю... Ну, а если он солгал... а?.. ну, а если он, как под... извините... сказал вам подлейшую ложь?.. что тогда?!

Муромский разводит руками в замешательстве.

Тогда: я хочу... Слышите, хочу!.. чтоб вы по шее выгнали его вон из дому... даете мне в этом слово?.. а?.. Возьмите же ее! *(Берет из бюро булавку.)* Возьмите ее! *(Отдает Лидочке булавку, другую руку протягивает к Муромскому.)* Петр Константиныч! теперь ваше слово.

Лидочка *(отталкивает булавку)*. Нет... не мне...

Булавку берет Атуева. Все кидаются к ней. Общая суматоха, шум. Все говорят почти вместе.

Нелькин. Что это? Не может быть! я вам говорю! не может быть.

Атуева *(показывает булавку Нелькину)*. Ну вот она! видите, батюшка, вот она!..

Кречинский. Петр Константиныч! ваше слово, говорю я; я требую, я хочу!..

Муромский *(потерявшись и расставив руки)*. Даю! *(Нелькину.)* Вот, сударь, что значит вранье! *(Смотрит на булавку.)* И сомнения нет: она!

Нелькин *(как бы опомнясь)*. Боже мой! где я? Кто это играет мною? *(Подходит к Лидочке и берет ее за рукав.)* Лидия Петровна! выслушайте!

Кречинский. Прочь! *(Отряхивает Лидочке платье.)* Ты ее мараешь!..

Нелькин *(берет себя за голову)*. Боже мой! что же это? Боже мой!..

Муромский *(Нелькину)*. Да кто же вам такой вздор сказал? где вы его слышали?..

Кречинский *(перебивая его)*. Позвольте, позвольте! Теперь уж расспросам не место. Разговоры кончены. Здесь дело, сударь, а не рассказы... Ваша ли это вещь?

Муромский *(оторопев)*. Моя.

Кречинский *(указывая Нелькину на дверь)*. Вон!..

Муромский *(Нелькину)*. Что ж вам больше здесь делать? Ступайте вон.

Нелькин *(берет шляпу и подходит к Кречинскому)*. Я к вашим услугам...

Кречинский указывает на дверь. Нелькин подступает к нему ближе и кричит.

Сию минуту... и насмерть!..

Суматоха. Муромский, Лидочка, Атуева, Расплюев обступают Кречинского, Нелькин стоит один. Говорят почти вместе.

Лидочка. Нет, нет, никогда! я не хочу. *(Нелькину.)* Подите, подите!

Атуева. Подите, батюшка, господь с вами, подите.

Муромский. Оставьте, господа, прошу вас!

Кречинский *(выходит из группы)*. Что-о-о-о? *(Складывая руки.)* А, вот что!.. Сатисфакция... Какая? В чем? В чем? я вас спрашиваю? Вы хотите драться... Ха, ха, ха, ха... Я же дам вам в руки пистолет и в меня же будете целить?.. Впрочем, с одним условием извольте: что на всякий ваш выстрел я плюну вам в глаза. Вот мои кондиции. Коли хотите, хоть завтра; а нынче... гей! кто тут?

Расплюев. Гей! кто тут? Вот так-то лучше.

Входит Федор и за ним двое слуг.

Кречинский. Возьмите его за ворот и вышвырните за ворота.

Нелькин. Боже мой! Сон это? Жив я? *(Щупает себя, горько.)* Правда, правда! где ж твоя сила? *(Растерянный выходит вон.)*

Расплюев *(затворяя за Нелькиным дверь)*. Адью!! хи-хи-хи! Вот чего захотел! *(Отходит в сторону.)* Помилуйте! Этак бы по миру идти! Поищи правду-то, милый; ты еще молод, поищи!

Молчание. Муромский в замешательстве; Лидочка стоит недвижима; Атуева посматривает на Муромского гневно.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же, кроме Нелькина.

Кречинский *(помолчав)*. Ну, довольны вы, Петр Константиныч?

Муромский. Совершенно, совершенно доволен. Помилуйте! просто с ума сошел.

Кречинский. Ну и я доволен. Что ж, теперь и мы можем кончить.

Муромский *(с недоумением)*. Как кончить?

Кречинский. Как кончают. У нас вышла пасквильная история; я вами же скомпрометирован. С этим пятном какой же я муж вашей дочери? Петр Константиныч! я должен возвратить вам ваше слово, а вам, Лидия, ваше сердце. Возьмите его, будьте счастливы и... забудьте меня...

Лидочка. Что вы хотите сказать?.. Мишель! что вы говорите? Я не понимаю вас. Сердце назад не отдается; мое сердце — ваше... Папенька! что же вы молчите? Ради бога! что же вы молчите? Виноваты мы. *(В отчаянии.)* Папенька! мы виноваты!..

Муромский *(торопясь)*. Да, я... да помилуйте, Михайло Васильич, что вы? Я никогда... он совсем полоумный. Ну можно ли обращать внимание на его слова?

Кречинский. А как же вы-то поступаете? а? Если мог оскорбить меня этот сплетник, вы-то сами насколько меня оскорбили? Вам завтра придут сказать, что я картежник, что я шулер, и вы все это будете слушать, наводить справки.

Муромский. Михайло Васильич! что вы?

К р е ч и н с к и й. Знаю я эти мещанские правила. Но знайте и вы, что моя гордость их не допускает. Я или верю человеку, или не верю; середины тут нет. Не солитеры мне ваши нужны и не деньги ваши. Деньгами вашими я выхлестну всякому глаза.

Л и д о ч к а *(берет его за руку)*. Мишель! ради бога! Если вы меня еще сколько-нибудь любите...

М у р о м с к и й. Михайло Васильич! прошу вас, простите меня; простите меня, прошу вас...

К р е ч и н с к и й *(задумывается, в сторону)*. Он бросился теперь к Беку.

Л и д о ч к а. Вы молчите? вы оскорблены? Я знаю, у вас в сердце нет ни прощенья, ни жалости... Чего хотите вы? мы на все готовы...

К р е ч и н с к и й *(с движением берет ее за руки)*. Ах, какое у вас сердце, Лидия! какое доброе сердце!.. Стою ли я его?..

Л и д о ч к а. Мишель! не грешно ли вам?..

К р е ч и н с к и й. Ну, Петр Константиныч! давайте руку.

М у р о м с к и й. Ну, вот так-то. *(Жмет ему руку.)* Ну вот так-то.

К р е ч и н с к и й. Слушайте: свадьбу делаем завтра, чтоб всем сплетням положить конец.

М у р о м с к и й. Хоть завтра.

К р е ч и н с к и й. И сейчас в Стрешнево.

М у р о м с к и й. Да, именно в Стрешнево.

К р е ч и н с к и й. Нелькина вы больше на глаза к себе не пустите.

М у р о м с к и й. Бог с ним! что мне с ним теперь делать?

К р е ч и н с к и й. Даете мне слово, клятву?

М у р о м с к и й. Что хотите, я на все согласен. У меня в голове вот что. *(Показывает круговорот.)* Мне ведь одно... вот она... *(Изменившимся голосом.)* У меня ведь только...

К р е ч и н с к и й *(посмотрев на часы)*. Однако десять часов: вам пора домой. *(К Лидочке.)* Лидия, вы расстроены!

Л и д о ч к а. Нет, ничего. *(Берет его за руку.)* Вы все забыли... а? скажите — да!

К р е ч и н с к и й *(держа ее руку)*. Да, сто раз да! Все забыл... помню одно только — вы принадлежите мне; завтра вы моя собственность... Вы моя...

Л и д о ч к а. Да, ваша, Мишель, ваша! Скажите мне еще раз, что вы меня любите!

К р е ч и н с к и й *(смотрит на нее)*. Вы не верите?

Л и д о ч к а. Это не оттого; а мне хочется еще раз слышать

это слово: в нем что-то особенное!.. я не знаю... страх и боль какая-то.

Кречинский *(с беспокойством)*. Боль?.. Отчего же это?

Лидочка. Не бойтесь... эту боль не отдам я ни за какие радости. Ну что же? скажите: любите?..

Кречинский *(шепотом)*. Люблю...

Лидочка *(берет его за руку и другою закрывает глаза)*. Знаете, Мишель, вот у меня сердце совсем замерло... не бьется. Скажите: это любовь?

Кречинский. Нет, мой ангел, это ее половина.

Лидочка *(улыбаясь)*. Половина?.. Какой вы обманщик... когда я теперь уж готова за нее все отдать...

Кречинский целует ее руку.

Да, все, все... *(вполголоса)* весь мир.

Кречинский *(поцеловав еще руки у Лидочки, Муромскому)*. Ну, Петр Константиныч! вам пора домой.

Муромский. Ну что ж! мы хоть сейчас.

Кречинский. Ступайте, ступайте, да, пожалуйста, уложите Лидочку в постель: ей надо отдохнуть. Лидия! завтра вы будете свежи, румяны, хороши, как невеста... *(Подумав.)* Или нет: я лучше сам отвезу вас и все устрою.

Муромский, Атуева и Лидочка собираются.

Расплюев *(Кречинскому)*. Именно, Михайло Васильич, вы все это сами лучше устройте.

Кречинский *(отводит Расплюева в сторону)*. Ты смотри, останься здесь. Да коли этот Нелькин толкнется, ты его прими да хоть бревном навали... понимаешь?.. а покуда я вернусь, не выпускай... смотри!..

Расплюев. Будьте покойны, будьте покойны: я этого перепела накрою.

Кречинский. А там все в моих руках. У Муромских его не пустят. Я это улажу сам: он туда не влезет.

Муромский. Ну, Михайло Васильич, едемте; мы готовы.

Кречинский. Едемте, едемте. *(Быстро берет шляпу. Порывистый удар звонка; все останавливаются как вкопанные.)* А? что? что это? а? *(Кричит.)* Гей! люди! Кто это? Не принимать никого... слышите?

Шум, еще удар колокольчика. Голоса.

Гааа! Вот оно!

Входит слуга.

Что такое? Кто тут?

Федор. Господин Нелькин... с ним еще кто-то. Кричит, чтоб отперли двери.

Голоса: «Отоприте двери! отоприте двери...»
Еще несколько ударов в колокольчик.

Кречинский *(порывисто)*. Так он хочет, чтоб я его убил на месте?

Отламывает ручку у кресла. Муромский и Лидочка ухватывают его за руку.

Лидочка. Мишель! Мишель!..

Муромский. Михайло Васильич, ради бога, успокойтесь! Что вы?

Окружают Кречинского.

Кречинский *(Расплюеву)*. Поди, выгони его по шее.

Расплюев *(бежит к двери)*. Сию минуту. *(Ворочается от двери, к Кречинскому.)* Михайло Васильич! да он, пожалуй, там сам-пят! их, пожалуй, там пять человек!

Кречинский *(наступая на него)*. Пошел! умри, когда приказываю.

Расплюев. Умри, умри! Михайло Васильич! помилуйте! Разве это легкое дело умирать?

Шум продолжается. Слышны голоса: «Отоприте двери! ломи!..»

Кречинский *(вырываясь от Муромского и Лидочки, бежит к двери)*. Пустите меня: без меня это не кончится. *(Сжав зубы.)* Я его убью, как собаку.

Федор. Михайло Васильич! частный пристав приказывает нам отпереть двери.

Кречинский *(забывшись)*. Стой, не отпирать!! Первый, кто с места, я ему разнесу голову! *(Держит в руках ручку, останавливается.)* Полиция! *(Глухим голосом.)* А! *(Кидает в угол ручку от кресла.)* Сорвалось!!! *(Отходит в сторону.)* Отоприте...

Шум. Отпирают двери.

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Нелькин вбегает и бросается к Лидочке; Бек вбегает за ним в шубе, ищет глазами Кречинского, бросается к нему и становится против него, раскинув руки; в дверях показывается полицейский чиновник.

Бек. Вот он, разбойник! разбойник! Ох ты, разбойник; стекло заложил! под стекло деньги взял, разбойник! *(Бегает.)*

Кречинский стоит покойно, сложа руки.

Берите его: вот он! берите, берите же!

Лидочка *(пронзительно взвизгивает)*. Ай!!!

Нелькин, Муромский и Атуева кидаются к ней. Кречинский хочет также к ней подойти.

Бек. Стой, стой! Куда, разбойник? ах, разбойник!

Расплюев прячется за Кречинского.

Полицейский чиновник. Никанор Савич, успокойте себя, сделайте одолжение, успокойте себя! *(Кречинскому.)* Позвольте узнать ваше имя и фамилию?

Кречинский. Михайло Васильевич Кречинский.

Полицейский чиновник *(Расплюеву)*. Ваше имя и фамилия?

Расплюев *(совершенно потерявшись)*. М...и...хайло ва...ч...а? Михайло Васильич...а?

Кречинский смотрит ему в глаза.

Я...у... у... ме... ня... нет фамилии... я так... без фамилии.

Полицейский чиновник. Я у вас спрашиваю ваше имя и фамилию.

Расплюев. Да, помилуйте, когда я без фамилии...

Кречинский *(спокойно)*. Его зовут Иван Антонов Расплюев.

Полицейский чиновник отходит к другой группе и говорит тихо с Муромским почти до конца пьесы. Кречинский делает движение.

Бек *(кричит)*. Стой, стой! Держи, держи его! Ай! ай! держи! *(Становится пред ним, расставив руки.)*

Полицейский чиновник. Никанор Савич! я вас прошу! успокойтесь!

Бек *(кричит)*. Да ведь это зверь! ведь он зверь! уйдет! Держи! Моих шесть тысяч за стекло выдано, за фальшивую булавку!.. Подлог!.. В тюрьму его, в тюрьму!..

Л и д о ч к а *(отделяется от группы, переходит всю сцену и подходит к Беку)*. Милостивый государь! оставьте его!.. Вот булавка... которая должна быть в залоге: возьмите ее... это была *(заливается слезами)* ошибка!

М у р о м с к и й и А т у е в а. Лидочка, что ты? Лидочка!

Б е к. А? что, сударыня? *(Смотрит на булавку.)* Она, она! а? Господи! девушка-то! доброта-то небесная! ангельская кротость...

Лидочка закрывает лицо руками и рыдает.

К р е ч и н с к и й *(в сторону, стоя к публике)*. А ведь это хорошо! *(Прикладывает руку ко лбу.)* Опять женщина!

А т у е в а. Батюшка Петр Константиныч! что ж нам-то делать?

М у р о м с к и й. Бежать, матушка, бежать! от срама бегут!

Лидочка стремительно выходит вон, за нею Нелькин, Муромский и Атуева.

З а н а в е с о п у с к а е т с я.

1854

ДЕЛО

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

К ПУБЛИКЕ

Писано в 1862 году

Предлагаемая здесь публике пиеса «*Дело*» не есть, как некогда говорилось, *Плод Досуга*, ниже, как ныне делается *Поделка литературного Ремесла*, а есть в полной действительности сущее, из самой реальнейшей жизни с кровью вырванное *дело*.

Если бы кто-либо — я не говорю о классе литераторов, который так же мне чужд, как и остальные четырнадцать, но если бы кто-либо из уважаемых мною личностей усомнился в действительности, а тем паче в возможности описываемых мною событий, то я объявляю, что я имею под рукою факты довольно ярких колеров, чтобы уверить всякое неверие, что я ничего невозможного не выдумал и несбыточного не соплел. Остальное для меня равнодушно.

Для тех, кто станет искать здесь сырых намеков на лица и пикантных пасквильностей, я скажу, что я слишком низко ставлю тех, кто стоит пасквиля, и слишком высоко себя, чтобы попустить себя на такой литературный *проступок*.

Об литературной, так называемой, расценке этой Драмы я, разумеется, и не думаю; а если какой-нибудь Добросовестный из цеха Критиков и приступил бы к ней с своим казенным аршином и клейменными весами, то едва ли такой официал Ведомства Литературы и журнальных Дел может составить себе понятие о том равнодушии, с которым я посмотрю на его суд... Пора и этому суду стать публичным. Пора и ему освободиться от литературной бюрократии. Пора, пора публике самой в тайне своих собственных ощущений и в движениях своего собственного нутра искать суд тому, что на сцене хорошо и что дурно. Без всякой литературной Рекомендации или другой какой Протекции, без

всякой Постановки и Обстановки, единственно ради этих внутренних движений и сотрясений публики, Кречинский уже семь лет правит службу на русской сцене, службу, которая вместе есть и его суд. Я благодарю публику за такой лестный для меня приговор, я приветствую ее с этой ее зачинающеюся самостоятельностию,— и ныне мое искреннее, мое горячее желание состоит лишь в том, чтобы и это мое «Дело» в том же трибунале было заслушано и тем же судом судимо.

Марта 26 д. 1862 г.
Гайрос.

P. S. протекло шесть лет! но мое желание не могло исполниться, и теперь я с прискорбием передаю печати то, что делал для сцены.

1868 г. Февраля 21 д.
Кобылинка.

ДАННОСТИ

Со времени расстроившейся свадьбы Кречинского прошло шесть лет.

Действие происходит в Санкт-Петербурге, частию на квартире Муромских, частию в залах и апартаментах какого ни есть ведомства.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

I. НАЧАЛЬСТВА

Весьма важное лицо. Здесь всё, и сам автор, безмолвствует.

Важное лицо. По рождению князь; по службе тайный советник. По клубу приятный человек. На службе зверь. Есть здоров, за клубничкой охотится, но там и здесь до пресыщения, и потому геморроидалист.

II. СИЛЫ

Максим Кузьмич Варравин. Правитель дел и рабочее колесо какого ни есть ведомства, действительный статский советник, при звезде. Природа при рождении одарила его кувшиным рылом. Судьба выкормила ржаным хлебом; остальное приобрел сам.

Кандид Касторович Тарелкин. Коллежский советник и приближенное лицо к Варравину. Изможденная и всячески испитая личность. Лет под сорок. Одевается прилично; в белье безукоризнен. Носит парик, но в величайшей тайне; а движения его челюстей дают повод полагать, что некоторые его зубы, а может быть, и все, благоприобретенные, а не родовые. Говорит как Демосфен, именно тогда, когда последний клал себе в рот камни.

Иван Андреевич Живец. Этот совершил карьеру на поле чести. Получив там несколько порций палкою и от этого естественно выдвинувшись вперед, он достиг обер-офицерского звания. Теперь усердствует Престол-Отечеству как экзекутор.

III. ПОДЧИНЕННОСТИ

Чибисов. Приличная, презентабельная наружность. Одет по моде; говорит мягко, внушительно и вообще так, как говорят люди, которые в Петербурге называются теплыми, в прямую супротивность Москве, где под этим разумеются воры.

Ибисов. Бонвиван, супер и приятель всех и никого.

Касьян Касьянович Шило. Физиономия корсиканского разбойника. Клокат. Одет небрежно. На всех и на вся смотрит зло. От треволнений и бурь моря житейского страдает нравственною морскою болезнию, и от чрезмерной во рту горечи посредь речи оттягивает, а иногда и вовсе заикается.

Чиновники: Герц, Шерц, Шмерц } колеса, шкивы и шестерни бюрократии.

Чиновник Омега. Имеет и состояньице, и сердце доброе; но слаб и в жизни не состоятелен.

IV. НИЧТОЖЕСТВА, ИЛИ ЧАСТНЫЕ ЛИЦА

Петр Константинович Муромский. Та же простота и непосредственность натуры, изваянная высоким резцом покойного М. С. Щепкина. В последние пять лет поисхудал, ослаб и поседел до белизны почтовой бумаги.

Анна Антоновна Атуева. Нравственно поопустилась; физически преуспела.

Лидочка. Как и на чьи глаза? Для одних подурнела; для других стала хороша. Побледнела и похудела. Движения стали ровны и определенны; взгляд тверд и проницателен. Ходит в черном, носит плед Берже и шляпку с черной густой вуалеткой.

Нелькин. Вояжировал [1] — сложился. Утратил усики, приобрел пару весьма благовоспитанных бакенбард, не оскорбляющих, впрочем, ничьего нравственного чувства. Носит сзади пробор, но без аффектации.

Иван Сидоров Разуваев. Заведывает имениями и делами Муромского; прежде и сам занимался коммерцией, торговал, поднялся с подошвы и кое-что нажил. Ему теперь лет за шестьдесят. Женат. Детей нет; держится старой веры; с бородою в византийском стиле. Одет, как и все приказчики: синий двубортный сюртук, сапоги высокие, подпоясан кушаком.

V. НЕ ЛИЦО

Тишка. И он познал величия предел! После такой передряги спорол галуны ливрейные, изул штиблеты от ног своих и с внутренним сдержанным удовольствием возвратился к серому сюртуку и тихим холстинным панталонам.

---

[1] Вояжировал — путешествовал (от *франц.* voyager).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира Муромских; гостиная. Три двери: одна направо — в комнату Лидочки и Атуевой, другая налево — в кабинет Муромского, третья прямо против зрителей — в переднюю. Бюро; диван; у окна большое кресло.

ЯВЛЕНИЕ 1

Атуева пьет чай, входит Нелькин.

Нелькин *(кланяясь)*. Доброе утро, Анна Антоновна!

Атуева. Здравствуйте, здравствуйте.

Нелькин *(осматриваясь)*. Не рано ли я?

Атуева. И нет; у нас уж и старик встает.

Нелькин. А Лидия Петровна еще не встала?

Атуева. Это вы по старине-то судите; нет, нынче она раньше всех встает. Она у ранней обедни, сейчас воротится.

Нелькин *(садится)*. Давно мы, Анна Антоновна, не видались,— скоро пять лет будет.

Атуева. Да, давно. Ну где ж вы за границей-то были?

Нелькин. Много где был, а все тот же воротился. Все вот вас люблю.

Атуева. Спасибо вам, а то уж нас мало кто и любит... одни как перст остались. Доброе вы дело сделали, что сюда-то прискакали.

Нелькин. Помилуйте, я только того и ждал, чтобы к вам скакать,— давно б вы написали, видите — не замешкал...

Крепко обнимаются; Атуева утирает слезы.

Ну полноте — что это все хандрите?

Атуева. Как не хандрить?!

Нелькин. Да что у вас тут?

Атуева *(вздыхая)*. Ох,— нехорошо!

Нелькин. Да что ж такое?

Атуева. А вот это Дело.

Нелькин. Помилуйте, в чем дело? Какое может быть тут дело?

Атуева. Батюшка, я теперь вижу: Иван Сидоров правду говорил — изо всего может быть Дело. Вот завязали, да и на поди; проводят из мытарства в мытарство; тянут да решают; мнения да разногласия — да вот пять лет и не знаем покоя; а все, знаете, на нее.

Нелькин. На нее? Да каким же образом на нее?

Атуева. Всякие, видишь, подозрения.

Нелькин. Подозрения?! В чем?

Атуева. А первое, в том, что она, говорят, знала, что Кречинский хотел Петра Константиновича обокрасть.

Нелькин *(покачав головою)*. Она-то!

Атуева. А второе, говорят, в том, что будто она в этом ему помощь оказала.

Нелькин *(подняв глаза)*. Господи!

Атуева. А третье, уж можно сказать, самое жестокое и богопротивное, говорят, в том, что и помощь эту она оказала потому, что была, видите, с ним в любовной интриге; она невинная, видите, жертва,— а он ее завлек...

Нелькин. Так, стало, этот подлец Кречинский...

Атуева *(перебивая)*. Нет, не грешите.

Нелькин. Нет уж, согрешу.

Атуева *(перебивая)*. Позвольте... в самом начале теперь дела...

Нелькин *(перебивая)*. Неужели вы от этой болезни еще не вылечились?

Атуева. От чего мне лечиться? — дайте слово сказать.

Нелькин *(махая руками)*. Нет,— не говорите.

Атуева *(вскочив с места)*. Ах, создатель!.. *(Берет из бюро бумагу.)* Так вот нате, читайте.

Нелькин *(вертит бумагу)*. Что читать?

Атуева. А вот это письмо, которое по началу Дела писал Кречинский к Петру Константиновичу.

Нелькин. Кречинский?!! Письмо! Так разве вы меня выписали из-за границы, чтоб Кречинского письма читать. Знаете ли вы, что я этого человека ненавижу. Он Каин! Он Авеля убил!!

Атуева. Да не он убил! Читайте!

Нелькин *(читает)*. «Милостивый государь Петр Кон-

стантинович! — Самая крайняя нужда заставляет меня...» *(Останавливается.)* Ну так и есть; опять какая-нибудь штука.

А т у е в а. Думали мы, что штука; да не то вышло... Читайте, сударь.

Н е л ь к и н *(читает сначала равнодушным голосом, но потом живо и с ударением)*. «Милостивый государь Петр Константинович! — Самая крайняя нужда заставляет меня писать к вам. Нужда эта не моя, а ваша — и потому я пишу. С вас хотят взять взятку — дайте; последствия вашего отказа могут быть жестоки. Вы хорошо не знаете ни этой взятки, ни как ее берут; так позвольте, я это вам поясню. Взятка взятке рознь: есть *сельская*, так сказать, пастушеская, аркадская взятка; берется она преимущественно произведениями природы и по стольку-то с рыла,— это еще не взятка. Бывает *промышленная* взятка; берется она с барыша, подряда, наследства, словом, приобретения, основана она на аксиоме — возлюби ближнего твоего, как и самого себя; приобрел — так поделись.— Ну, и это еще не взятка. Но бывает *уголовная*, или *капканная* взятка,— она берется до истощения, догола! Производится она по началам и теории Стеньки Разина и Соловья Разбойника; совершается она под сению и тению дремучего леса законов, помощию и средством капканов, волчьих ям и удилищ правосудия, расставляемых по полю деятельности человеческой, и в эти-то ямы попадают без различия пола, возраста и звания, ума и неразумия, старый и малый, богатый и сирый... Такую капканную взятку хотят теперь взять с вас; в такую волчью яму судопроизводства загоняют теперь вашу дочь. Откупитесь! Ради бога, откупитесь!.. С вас хотят взять деньги — дайте! С вас их будут драть — давайте!.. Дело, возродившееся по рапорту квартального надзирателя о моем будто сопротивлении полицейской власти, о угрозе убить его на месте и о подлоге по закладу мною вашего солитера, принимает для вас громовой оборот. Вчера раскрылась передо мною вся эта каверза; вчера сделано мне предложение учинить некоторые показания касательно чести вашей дочери. Вы удивитесь,— но представьте себе, что я не согласился! Я отвечал, что, может, и случилось мне обыграть проматывающегося купчика или блудно расточающего родовое имение дворянина, но детей я не трогал, сонных не резал и девочек на удилище судопроизводства не ловил. Что делать? У всякого своя логика; своей я не защищаю; но есть, как видите, и хуже. Примите и пр.

Михаил Кречинский».

А т у е в а. И что ж, вы полагаете, Петр-то Константиныч послушался?

Нелькин *(отдавая письмо)*. Естественно, не поверил.

Атуева *(запирает письмо в бюро)*. Именно. Эге, говорит, это новая штука; тех же щей, да погуще влей — ну и не поверил; правые, говорит, не дают, виновные дают. Я было к нему пристала; так он знаете как: а вы, говорит, заодно с Кречинским-то, что ли? Ну что ей могут сделать? Я тут, говорит, отец, так мой голос первый; а вышел-то его голос последний; потому, говорят, он свое детище обвинять не станет.

Нелькин. Так все же я понять не могу, каким образом это развилось?

Атуева. Очень просто; как только Кречинский на эту штуку не пошел, они Расплюева подвели; этот как им надо, так и показал.

Нелькин. Что же Расплюев показал?

Атуева. А, видите, что была, говорит, любовная интрига; что шла она через него; что он возил и записочки, и даже закутанную женщину к Кречинскому привозил; но какую женщину — он не знает... Только, видите, поначалу все это тихо было; мы уехали в деревню и ровно ничего об этом не знали; сперва одного из наших людей вытребовали, потом другого; смотрим, и весь дом забрали; расспрашивали, допрашивали — ну можете себе представить, какая тут путаница вышла.

Нелькин. Да еще как путать-то хотели.

Атуева. Стало быть, и пошло уже следствие об Лидочке — а не о Кречинском, потому на нем только одна рубашка осталась. Однако от людей наших ничего особенного они не добились, а выбрался один злодей, повар Петрушка, негодяй такой; его Петр Константиныч два раза в солдаты возил — этот, видите, и показал: я, говорит, свидетель! Смотрим, и Лидочку вытребовали — а зачем, мы еще не знаем; а он все упрямится, да так-таки упрямится, да и только; твердит одно: пускай ее спросят, она дурного не сделала.

Нелькин. Что ж, конечно.

Атуева. Ну, делать нечего, приехали и мы из деревни. Да как узнал он, что ей очные ставки хотят дать; да очные ставки с Петрушкой, да с Расплюевым, да с Кречинским; да как узнал он, о чем очные-то ставки,— так тут первый удар ему и сделался. Тут только увидел, что правду ему Кречинский писал. Вот он, батюшка мой, туда, сюда. Взял стряпчего, дал денег — ну уладили... Только я вам скажу, как дал он денег, тут и пошло; кажется, и хуже стало; за одно дает, а другое нарождается. Тут уж и все пошло: даст денег, а они говорят, мы не получали; он к стряпчему, а стряпчий говорит, я отдал; вы им не верьте — они — воры; а стряпчий-то себе половину. Тут и дальше, и няню-то, и ту спра-

шивали; и что спрашивали? Не хаживал ли Кречинский к барышне ночью; да не было ли у барышни ребенка...

Нелькин *(всплеснув руками)*. Ах, боже мой?!!

Атуева. Так она, старуха, плюнула им в глаза да антихристами и выругала. Да уж, было!.. Я вам говорю: что было, так и сказать нельзя. Следствие это одно тянули они восемь месяцев — это восемь месяцев таких мучений, что словами этого и не скажешь.

Нелькин. Что ж вы ни к кому не обратились? — ну просили бы...

Атуева. Как уж тут не обратиться — только вот беда-то наша; по городу, можете себе представить, такие пошли толки, суды да пересуды, что и сказать не могу: что Лидочка и в связи-то с ним была, и бежать-то с ним хотела, и отца обобрать — это все уж говорили; так что и глаза показать ни к кому невозможно было. Потом в суд пошло, потом и дальше; уж что и как, я и не знаю; дело накопилось вот, говорят, какое *(показывает рукою)*; из присутствия в присутствие на ломовом возят — да вот пять лет и идет.

Нелькин *(ходит по комнате)*. Какое бедствие — это... ночной пожар.

Атуева. Именно пожар. А теперь что? — разорили совсем, девочку запутали, истерзали, да вот сюда на новое мучение и спустили. Вот пять месяцев здесь живем, последнее проживаем. Головково продали.

Нелькин. Головково продали?!

Атуева. Стрешнево заложили.

Нелькин *(с ужасом)*. Так что ж это будет?

Атуева. А что будет, и сама не знаю.

Нелькин. Ну что ж теперь дело?

Атуева. А что дело?.. Лежит.

Нелькин. Как лежит?

Атуева. Лежит как камень — и кончено! А мы что? Сидим здесь, как в яме; никого не знаем: темнота да сумление.— Разобрать путем не можем, кого нам просить, к кому обратиться. Вот намедни приходит к нему один умнейший человек; Петр, говорит, Константиныч, ведь ваше дело лежит. Да, лежит.— А ему надо идти. Да... надо, говорит, идти. Ну, стало, ждут.

Нелькин. Чего же ждут?

Атуева. Обыкновенно чего... *(показывает пальцами)* денег.

Нелькин. А-а-а-а!

Атуева. А он все жмется: да как-нибудь так, да как-нибудь этак. Этот человек говорит ему: Петр Константиныч, я че-

стен! Я только для чести и живу: дайте мне двадцать тысяч серебра — и я вам дело кончу! Так ка́к вспрыгнет старик; чаем себя обварил; что вы, говорит, говорите, двадцать тысяч? да двадцать тысяч что? да и пошел считать,— а тот пожал плечами, поклонился, да и вон... Приходил это сводчик один, немец, в очках и бойкий такой: я, говорит, вам дело кончу — только мне за это три тысячи серебром; и знаете, так толково говорит: я, говорит, ваших денег не хочу; отдайте, когда все кончится, а теперь только задатку триста рублей серебром. Есть, говорит, одно важное лицо — и это лицо точно есть — и у этого лица любовница — и она что хотите, то и сделает; я вас, говорит, сведу,— и ей много, много, коли браслетку какую. Тут Лидочка поднялась; знаете, фанаберия этакая: как, дескать, мой отец да пойдет срамить свою седую голову,— ну да и старик-то уперся; этак, говорит, всякий с улицы у меня по триста рублей серебром брать станет,— ну и не сладилось.

Нелькин. Чему тут сладиться?

Атуева. Вот теперь отличный человек ходит — ну и этот не нравится; а какой человек — совершенный комильфо, ну состояния, кажется, нет; и он хочет очень многим людям об нас говорить — и говорит: вот вы увидите.

Нелькин. Да это Тарелкин, который вчера вечером у вас сидел, как я приехал?

Атуева. Ну да.

Нелькин. Да он за Лидией Петровной ухаживает?

Атуева. Может быть; что ж, я тут худого не вижу. Он... хорошо... служит и всю знать на пальцах знает. Даже вот у окна сидит, так знает, кто проехал: это вот, говорит, тот,— а это тот; что ж, я тут худого не вижу. А то еще один маркер приходит.

Нелькин. Как маркер?!

Атуева. А вот что на бильярде играет.

Нелькин. Что же тут маркер может сделать?

Атуева. А вот что: этот маркер, мой батюшка, такой игрок на бильярде, что, может, первый по всему городу.

Нелькин. Все же я не вижу...

Атуева. Постойте... и играет он с одним важным, очень важным лицом, а с кем — не сказал. Только Тарелкин-то сказал — это, говорит, так. А играет это важное лицо потому, что доктора велели: страдает он, видите, геморроем... желудок в неисправности — понимаете?

Нелькин. Понимаю.

Атуева. Этот теперь маркер во время игры-то всякие ему турусы на колесах да историйки и подпускает, да вдруг

и об деле каком ввернет,— и, видите, многие лица через этого маркера успели.

Нелькин. Ну нет, Анна Антоновна,— это что-то нехорошо пахнет.

Атуева. Да вы вот вчера приехали из-за границы, так вам и кажется, что оно нехорошо пахнет,— а поживете, так всякую дрянь обнюхивать станете.

Нелькин *(вздохнувши)*. Может, оно и так... Скажите-ка мне лучше, что Лидия Петровна? Она очень похудела; какие у нее большие глаза стали — и такие мягкие; знаете, она теперь необыкновенно хороша.

Атуева. Что ж хорошего, что от худобы глаза выперло?

Нелькин. Она что-то кашляет?

Атуева. Да. Ну, мы с дохтуром советовались — это, говорит, ничего.

Нелькин. Как она все это несет?

Атуева. Удивляюсь,— и какая с ней вышла перемена, так я и понять не могу. Просьб никаких подавать не хочет; об деле говорить не хочет — и вы, смотрите, ей ни слова; будто его и нет. Знакомых бросила; за отцом сама ходит и до него не допускает никого!! В церковь — так пешком. Ну, уж это я вам скажу, просто блажь,— потому — хоть и в го́ре, а утешения тут нет, чтобы пехтурой в церковь тащиться...

Нелькин. Ну уж коли ей так хочется — оставьте ее.

Атуева. И оставлю — а блажь. Был теперь у нас еще по началу Дела стряпчий и умнейший человек — только бестия; он у Петра Константиныча три тысячи украл.

Нелькин. Хорош стряпчий.

Атуева. Ну уж я вам говорю: так умен, так умен. Вот он и говорит: вам, Лидия Петровна, надо просьбу подать. Ну хорошо. Написал он эту ей просьбу, и все это изложил как было, и так это ясно, обстоятельно,— принес, сели мы, стали читать. Сначала она все это слушала — да вдруг как затрясется... закрыла лицо руками, да так и рыдает...

Нелькин *(утирая слезы)*. Бедная — да она мученица.

Атуева. Смотрю я — и старик-то: покрепился, да за нею!.. да вдвоем!.. ну я мигнула стряпчему-то, мы и перестали. Потом что бы вы думали? Не хочу я, говорит, подавать ничего. Я было к ней: что ты, мол, дурочка, делаешь, ведь тебя засудят; а она с таким азартом: меня-то?!! Да меня уж, говорит, нет!.. Понимаете? Ну я, видя, что тут и до греха недалеко,— оставила ее и с тех пор точно вот зарок положила: об деле не говорить ни полслова — и кончено.

Нелькин. Ну, а об Кречинском?

А т у е в а. Никогда! Точно вот его и не было.

Н е л ь к и н *(взявши Атуеву за руку)*. Она его любит!!! А об этом письме знает?

А т у е в а. Нет, нет; мы ей не сказали.

Н е л ь к и н *(подумавши)*. Так знаете ли что?

А т у е в а. Что?

Н е л ь к и н. Бросьте все; продайте все; отдайте ей письмо; ступайте за границу, да пусть она за Кречинского и выходит.

А т у е в а. За Кречинского? Перекреститесь! Да какая же он теперь ей партия? Потерянный человек.

Н е л ь к и н. Для других потерянный — а для нее найденный.

А т у е в а. Хороша находка! Нет, это мудрено что-то... а по-моему, вот Тарелкин — почему бы ей не партия — он, видите, коллежский советник, служит, связи имеет, в свете это значение.

Н е л ь к и н. Полноте, Анна Антоновна,— посмотрите на него: ведь это не человек.

А т у е в а. Чем же он не человек?

Н е л ь к и н. Это тряпка, канцелярская затасканная бумага. Сам он бумага, лоб у него картонный, мозг у него из папье-маше — какой это человек?! Это особого рода гадина, которая только в петербургском болоте и водится!

ЯВЛЕНИЕ 2

Т е ж е. Входит Л и д о ч к а, в пледе, в шляпке, в руке у нее большой ридикюль и просвира.

Л и д о ч к а. Ах, Владимир Дмитрич! Здравствуйте! *(Жмет ему руку.)*

Н е л ь к и н *(кланяясь)*. Здравствуйте, Лидия Петровна.

Л и д о ч к а. Как я рада! — Ну — вы чаю не пили? Вот мы вместе напьемся, а вы моему старику ваши путешествия расскажите. Здравствуйте, тетенька. *(Подходит к ней и целует ее в лоб.)* Что, отец встал?

А т у е в а. Встал.

Л и д о ч к а. А я как спешила... боялась опоздать,— ему пора чай давать,— он любит, чтобы все было готово... *(Снимает скоро шляпку, кладет просвиру и ридикюль.)*

А т у е в а. Тишка, эй, Тишка!

Т и ш к а входит.

Накрывай чай.

Л и д о ч к а. Тетенька — вы знаете, я сама ему чай накрываю,— *(Тишке)* не надо, Тихон, подай только самовар...

Тишка уходит.

А т у е в а. Самодуришь, матушка!

Л и д о ч к а *(собирая чай)*. Тетенька, я уже несколько раз вас просила — оставьте меня; если это мое желание...

А т у е в а. Ну делай, сударыня, как хочешь.

Л и д о ч к а. Владимир Дмитрич, давайте сюда к окну стол и большое кресло.

Несут стол и придвигают кресло.

Вот так... подушку...

Нелькин подает ей подушку.

Так — ну теперь чай. *(Накрывает скатерть, собирает чай.)*

Тишка ставит самовар.

Постойте, ему вчера хотелось баранок — посмотрите, там у меня в мешке...

Нелькин подает ей баранки — она заваривает чай.

А т у е в а. Что ж, матушка, ты эти баранки сама купила?

Л и д о ч к а *(заваривая чай)*. Да, тетенька *(улыбается)*, сама.

А т у е в а *(Нелькину)*. Видите! Сама баранки на рынке покупает! — это она мне назло...

Н е л ь к и н *(унимая ее)*. Полноте, что вы!

ЯВЛЕНИЕ 3

Т е ж е и М у р о м с к и й, выходит из своего кабинета в халате.

М у р о м с к и й *(Лидочке)*. Здравствуй, дружок. *(Целует ее. Увидя Нелькина.)* Ба, ба, ба... уж здесь; вот так спасибо, обнимемся, любезный.

Обнимаются.

Н е л ь к и н. Как здоровье ваше, Петр Константиныч?

М у р о м с к и й. Помаленьку; а ты вчера к нам сюрпризом явился. Ты по пароходу?

Н е л ь к и н. По пароходу-с.

М у р о м с к и й. Ну что же, рассказывай, где был, что видел?

Л и д о ч к а *(подходя к отцу)*. Нет! Позвольте, папенька, позвольте! *(Ведет его к чайному столу.)* Сначала садитесь, а то чай простынет — вот здесь *(усаживает отца)*, вот подушка — что, хорошо?

М у р о м с к и й *(усаживаясь и смотря на дочь)*. Хорошо, мой ангел, хорошо!

Л и д о ч к а. Вот так — я вот подле вас... *(садится)* а вы, Владимир Дмитрич, напротив.

Нелькин садится.

Вот вы теперь и рассказывайте — да, смотрите, так, чтоб весело было. *(Наливает чай.)* Ну, папа, чай, думаю, отличный, сама выбирала.

М у р о м с к и й. Вот спасибо, а мне нынче чаю что-то хочется. *(Пьет.)* Я уж у себя в комнате поджидал: что-то, мол, моей Лидушечки не слышно? Слушаю — ан и запела... птичка ты моя *(целует ее)*, голубушка... *(Пьет чай.)* Славный, Лидушечка, чай, славный.

Л и д о ч к а. Ну я очень рада.

Муромский ищет чего-то.

А... вот она! *(Подает ему просвиру.)*

М у р о м с к и й. Ах, ты — мой ангел... *(Нелькину.)* Прочитай-ка, брат; ты, я думаю, живучи у бусурманов-то, давно этого не читал. *(Передает ему просвиру.)*

Н е л ь к и н *(читает)*. О здр...авии...ра...ба...бо...жия... Пе...тра.

М у р о м с к и й. Поверишь ли: вот она мне от ранней обедни каждый день это носит. А? *(Разламывает просвиру и дает половину Нелькину.)*

Л и д о ч к а *(разливая чай)*. Что ж, папа, каждый день за ранней обедней я вынимаю о здравии вашем часть и молюсь богу, чтобы он сохранил мне вас цела и здрава... Бог милосерд, он мою молитву видит да вас своим покровом и покроет,— а вы вот кушаете чай, да и видите, что ваша Лидочка за вас уж богу помолилась. *(Целует его.)*

А т у е в а. Стало, вместе с бедными дворянками просвиру-то подаешь.

Л и д о ч к а. Не могу вам, тетенька, сказать — потому там нет ни бедных, ни богатых, ни дворянок.

М у р о м с к и й. Полно вам, Анна Антоновна, ее пилить. Ведь она дурного дела не делает. *(Нелькину.)* Поверишь ли, я вот только утром подле нее часок и отдохну,— а если б не она, да я бы, кажется, давно извелся. Что, она переменилась?

Нелькин. Нисколько.

Муромский. Ну нет; похудела.

Нелькин. Так — немного... мне все кажется, что вы белокурее стали, светлее; на лице у вас тишина какая-то, будто благодать божия на вас сошла.

Лидочка. Полноте; это вы грех говорите... рассказывайте лучше папеньке, что видели, где были.

Муромский. И в самом деле рассказывай — где ж ты был?

Нелькин. Много потаскался, глядел, смотрел,— ну и поучился.

Лидочка. Не верьте, папаша, а вы вот спросите-ка его о Париже, что он там делал? — Отчего он там зажился?

Нелькин *(смеясь)*. Ну, что ж делал, Лидия Петровна,— приехал, поселился скромно, au quartier Latin[1].

Муромский. Что ж это?

Нелькин. В Латинском квартале.

Муромский. Там, стало, и гризеточки по-латыне говорят — а?

Нелькин *(не слушая)*. С Сорбонной познакомился...

Муромский. А это кто ж такая?

Нелькин. Тамошний университет.

Муромский. Сорбонна-то? *(Грозя ему пальцем.)* Врешь, брат; не актриса ли какая?

Нелькин. Помилуйте!

Муромский. То-то. Да ты малый-то важный стал; поубрался, похорошел.

Тишка *(входит)*. Петр Константиныч! Иван Сидоров приехал.

Атуева. Ну, вот он!

Муромский. Насилу-то,— зови.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Иван Сидоров, одет по-дорожному.

Муромский. Здравствуй, что ты это как замешкал?

Иван Сидоров *(высматривает образ и молится; потом кланяется всем по очереди)*. Здравствуйте, батюшко Петр Константинович *(кланяется)*, здравствуйте, матушка Анна Антоновна *(кланяется)*, здравствуйте, матушка наша барышня *(кланяется)*.

Лидочка. Здравствуй, Иван Сидоров.

---

[1] В Латинском квартале *(франц.)*.

Иван Сидоров. Позвольте, барышня вы наша, ручку поцеловать. *(Подходит и целует у нее руку — она целует его в лоб.)* Добрая, добрая наша барышня.

Лидочка. Ну что Марья Ильинишна, здорова?

Иван Сидоров. А что ей, сударыня, делается? Слава богу, здорова. Вот вы что-то поисхудали.

Муромский. Ну что у нас там?

Иван Сидоров. Слава богу. Вы, сударь, как здоровьем-то?

Муромский. Ничего. Ну что хлеб?

Иван Сидоров. Рожь убрали. Рожь всю убрали — вот замолотная ведомость вашей милости.

Лидочка. Владимир Дмитрич, пойдемте к тетеньке — папенька теперь и без нас наговорится.

Муромский. Да, ступайте, ступайте.

Атуева, Лидочка и Нелькин выходят в дверь направо.

ЯВЛЕНИЕ 5

Муромский и Иван Сидоров.

Муромский. Ну что, с головковцами совсем простился?

Иван Сидоров. Простился, сударь, да уж хоть бы и не прощаться. Ей-ей; у меня так и нутро все изныло; а они сердечные так и ревут — да уж такая судьба крестьянская.

Муромский *(вздыхая)*. Да. Испокон века за нами стояла вотчина, а вот пришлось откупщику за полцены отдать. Что ж там, все расплаты-то исполнил?

Иван Сидоров *(вздыхая)*. Как же, сударь, исполнил; да вот вашей милости достальные привез. *(Вытягивает из-за пазухи кожаный мешок и вынимает из него пачку.)* Вот и счет; угодно будет проверить?

Муромский *(вынимая из кармана ключ)*. На-тко вот, положи их в конторку; вечерком поверим...

Иван Сидоров запирает деньги в бюро.

Иван!.. я уж Стрешнево заложил.

Иван Сидоров *(возвращая ему ключ)*. Господи!!

Муромский. А что делать?! просто съели — как есть съели! Господи, творец милосердный! *(Крестится и вздыхает.)*

Иван Сидоров *(также вздыхая)*. Все в руках господних, батюшка,— в руках господних!

Муромский. Что ж теперь делать, Иван? Я и ума не приложу.

Иван Сидоров. Господь вразумит, что делать, а нет, так и сам сделает. Ты только веруй да спокоен будь.

Муромский *(вздыхая)*. Господи батюшко; жил, жил; хлопотал, трудился; все устроил; дочь вырастил; только бы мне ее, мою голубушку, озолотить да за человека выдать; и вот налетело воронье, набежали воры, запалили дом, растащили достояние — и сижу я на пепелище, хилый, да вот уголья перебираю...

Иван Сидоров. Не крушися, мой отец,— ей, не крушися; все в руках господних! Случалось и мне на моем веку, и тяжко случалось. Иное дело, посмотришь, и господи, напасть какая; кажется, вот со всех сторон обложило, а бог только перстом двинет — вот уж и солнышко...

Муромский. Дай бы господи!

Иван Сидоров. Был однова со мной такой-то случай: был я молод, жил у купца в приказчиках; скупали мы кожи, сало,— ну, скотиной тоже торговали. Однако умер хозяин — что делать? Дай, мол, сам поторгую — сам хозяин буду. Деньжонки были кое-какие; товарища приискал; люди дали; поехали в Коренную. Ходим мы, батюшко, с товарищем по ярмарке день; ходим два — нет товара на руку; все не по силам; а сами знаете, барыши брать, надо товар в одних руках иметь. Ходили, ходили — купили лубки! По десяти рублев начетом сотню; сколько было, все купили. Товар приняли, половину денег отдали, а остальные под конец ярмарки. Обыкновенно — лубки, товар укрывать. Живем. Погода стоит вёдряная; жар — терпенья нет; на небе — ни облачка; живем... Ни одного лубка не покупают! Тоска взяла! Ярманка на отходе; товарищ спился!.. Утро помолюсь — вечер помолюсь — и почину не сделал!.. Пятого числа июня праздник богоматери коренныя... Крестный ход... народу куча... несут икону... Мать!! Помоги!!! Прошел ход — смотрю: от Старого Скола товар показался!!! Туча — отродясь не видывал; я к лабазу — от купца Хренникова бежит приказчик: лубки есть? — Есть.— Почем цена? — Сто рублей сотня.— Как так? — Да так.— Ты с ума сошел? — Еще сутки, так бы сошел.— Ты перекрестись! — Я крестился! вы хорошо пожили; ели, пили, спали сладко? А я вот — пузом на поларшина земли выбил...— Повертелся, повертелся, ведь дал,— да к вечеру и расторговались... Так вот: все в руках господних! Господь труд человека видит и напасть его видит — ой, видит.

Муромский. Так-то это так... только мне теперь, Иван, круто приходит: пять месяцев я здесь живу, последнее проживаю — а дело ни с места!

Иван Сидоров. Стало, ждут. Что, сударь, делать, приехал, так дай. Зачем ты, отец, сюда-то толкнулся?

Муромский. Судейцы насоветовали.

Иван Сидоров. Волки-то сыромахи — эк, кого послушал! Чего они тебе сделают?

Муромский. Как чего? Засудят; дочь мою, кровь мою засудят, чести лишат.

Иван Сидоров. Не можно этому, сударь, быть, чтоб честного человека кто чести лишил. При вас ваша честь.

Муромский. Ты этого, братец, не понимаешь: честь в свете.

Иван Сидоров *(покачав головою)*. О, боже мой — свет, что вам, сударь, свет?.. Вавилонская любодеица — от своей чаши опоила вас! Кто в вашем-то свете господствует — соблазн; кто властвует — жены. Развожжали вы, сударь, ваших баб — вот оно у вас врозь и поехало; разъезжают они по балам да по ассамблеям — плечи голые, груди голые, стыд позабывают да мужскую похоть распаляют; а у похоти очи красные, безумные. Ну, суди ты, батюшко, сам: чего тут от света ждать? Если жена этакое сокровенное да всем на площади показывает, стало, студа-то у нее и нет,— а жена бесстудная чья посуда — сам знаешь... Прости меня, отец,— я правду говорю; мне на это снование безумное смотреть болезно. Что ваши жены? Ни они рукодельем каким, ни трудом праведным не занимаются; опустел дом, печь стоит холодная; гоняют по городу, сводят дружбу со всяким встречным — вот, по слабоумию своему, и набегают. А винность-то чья? Ваша, батюшко. Вы закона не держитесь; закон забыли. Дом — дело великое; у нас в дому молятся; а ваш-то дом шинком стал, прости господи. Кому поесть да попить — сюда! Кто празднословить мастер, плясать горазд — сюда! Цимбалы да пляски — Содом и Гомор!

Муромский. Нет, Иван, ты этого не понимаешь.

Иван Сидоров. Ну оно, может, что по-вашему-то и не понимаю; я, батюшко, вас люблю, я у вас пристанище нашел; я ваши милости помню и весь ваш род. Для вас я готов и в огонь и в воду — и к Ваалову-то идолу и к нему пойду.

Муромский. Спасибо тебе, спасибо... Кто ж это, идол-то Ваалов?

Иван Сидоров. А кумир-то позлащенный, чиновник-то, которому поклониться надо!

Муромский. Да; надо поклониться — вот... не обошло и меня...

Иван Сидоров. Всякому, батюшко, своя череда. Ведь и на мою долю тоже крепко хватило. *(Покрутив головою.)*

Муромский. А до тебя когда ж хватило?

Иван Сидоров. Да уж тому десятка два годов будет;

прислали меня сюда от общества, от миру, своя братия. Уже по какому делу, не про то речь, а только правое дело, как свято солнце — правое. Сложились мы все — кому как сила — и сирота и вдова дала — всяк дал; на, говорят, Сидорыч, иди; ищи защиту. Ну, батюшко, я вот в этот самый город и приехал; а про него уже и в Писании сказано: тамо убо море... великое и пространное — идеже гадов несть числа!.. Животные малые с великими!.. корабли переплывают... ведь оно точно так и есть.

Муромский. Именно так.

Иван Сидоров. Приехавши в этот город, я к одному такому животному великому и направился. Звали его Антон Трофимыч Крек — капитальнейшая была бестия!

Муромский. Кто ж тебе его указал?

Иван Сидоров. А само, сударь, дело указало. Прихожу: живет он в палатах великих; что крыльцо, что двери — боже мой! Принял; я поклон, говорю: ваше, мол, превосходительство, защитите! А он сидит, как зверь какой, суровый да кряжистый; в разговор вошел, а очами-то так мне в пазуху и зазирает; поговорил я нескóлько да к столу — и выложил, и хорошо, сударь, выложил; так сказать: две трети, и то такой куш составило, что вы и не поверите. Он это и пометил — стало ведь набитая рука. Как рявкнет он на меня: мужик, кричит, мужик!.. Что ты, мужик, делаешь? За кого меня принимаешь! — А?.. Я так на колени-то и сел. Да знаешь ли ты, козлиная борода, что я с тобою сделаю? Да я те, говорит, туда спущу, где ворон и костей твоих не зазрит... Стою я на коленях-то да только и твержу — не погубите! — за жандармом, кричит, за жандармом... и за звонок уже берется... Ну, вижу я, делать нечего; встал — да уж все и выложил; и сертук-то расстегнул: на вот, мол, смотри. Он и потишел. Ну, говорит, ступай, да вперед помни: я этого не люблю!.. Вышел, сударь, я — так верите ли: у меня на лбу-то пот, и по вискам-то течет, и с носу-то течет. Воздел я грешные руки: боже мой! Зело искусил мя еси: Ваалову идолу принес я трудовой рубль, и вдовицы лепту, и сироты копейку и на коленях его молить должон: прими, мол, только, кумир позлащенный, дар мой.

Муромский. Ну и взял?

Иван Сидоров. Взял, сударь, взял.

Муромский. И дело сделал?

Иван Сидоров. И дело сделал. Как есть,— как махнул он рукой, так вся сила от нас и отвалилась.

Муромский. Неужели как рукой снял?

Иван Сидоров. Я вам истинно докладываю. Да что ж тут мудреного? Ведь это все его воинство; ведь он же их и напустил.

Муромский. Пожалуй.

Иван Сидоров. Верьте богу, так. Да вы слышали ли, сударь, какой в народе слух стоит?

Муромский. Что такое?

Иван Сидоров. Что антихрист народился.

Муромский. Что ты?

Иван Сидоров. Истинно... и сказывал мне один старец. Ходил он в дальние места, где нашей, сударь, веры есть корень. В тех местах, говорит он, до верности знают, что антихрист этот не то что народился, а уже давно живет и, видите, батюшко, уже в летах, солидный человек.

Муромский. Да возможно ли это?

Иван Сидоров. Ей-ей. Видите — служит, и вот на днях произведен в действительные статские советники — и пряжку имеет за тридцатилетнюю беспорочную службу. Он-то самый и народил племя обильное и хищное — и все это большие и малые советники, и оное племя всю нашу христианскую сторону и обложило; и все скорби наши, труды и болезни от этого антихриста действительного статского советника, и глады и моры наши от его отродия; и видите, сударь, светопреставление уже близко

Слышен шум.

(оглядывается и понижает голос), а теперь только идет репетиция...

За дверью опять шум и голоса.

Муромский. Что за суматоха такая; никак, приехал кто? Пойдем ко мне.

Уходят в кабинет Муромского.

ЯВЛЕНИЕ 6

За дверью шум, голоса. Тарелкин, несколько расстроенный, в пальто с большим, поднятым до ушей, воротником, быстро входит и захлопывает за собою дверь.

Тарелкин *(прислушиваясь)*. Негодяй!.. как гончая гонит... в чужое-то место... а? *(В дверь кто-то ломится — он ее держит.)*

Голос за дверью. Да пустяки!.. я не отстану... ну не отстану!..

Тарелкин *(запирает дверь на ключ)*. Какое мучение!..

Тишка *(входит из боковой двери)*. Вас, сударь, просит этот барин к ним выйти.

Тарелкин *(сконфуженный)*. Скажи ему, что некогда... занят.

Тишка. Они говорят, чтоб вы вышли; а то я, говорит, силой войду.

Тарелкин. Ну что ж, а ты его не пускай.

Тишка уходит.

Это называют... дар неба; жизнь! Я не прочь: дай мне небо... жизнь, но дай же мне оно и средства к существованию.

Тишка *(входит)*. Опять, сударь, требуют.

Тарелкин *(сжав кулаки)*. У-у-у-у!! Скажи ему, чтобы он шел!..

Тишка. Я говорил.

Тарелкин. Ну что ж?

Тишка. Да хоть до завтра, а я, говорит, его не выпущу.

Тарелкин. А у вас есть задняя лестница?

Тишка. Есть.

Тарелкин. Как же он меня не выпустит?! Ну — ты ему так и скажи.

Тишка уходит.

Голос *(за дверью)*. Слушайте; где б я вас ни встретил, я вас за ворот возьму...

Тарелкин. Хорошо, хорошо.

Голос. Я вас на дне помойной ямы достану, чтобы сказать вам, что вы: свинья... *(Уходит.)*

Тарелкин. Ах, анафема... в чужом-то месте... *(Прислушивается.)* Никак, ушел?.. Ушел!.. Какова натурка: сказал другому свинью —и удовлетворен пошел, точно сытый... Фу... *(Оправляется.)* Истомили меня эти кредиторы; жизнь моя отравлена; дома нет покоя; на улице... и там места нет!! Вот уж какое устройство сделал *(поднимает воротник)*... тарантасом назвал... да как из засады какой и выглядываю *(выглядывает)*... так пусть же кто посудит, каково в этой засаде жить!! *(Откидывает воротник, снимает тарантас и вздыхает.)* Ох, охо, ох!.. *(Выходит в переднюю.)*

ЯВЛЕНИЕ 7

Муромский входит, за ним Иван Сидоров.

Муромский *(осматриваясь)*. Да кто же тут?

Тарелкин входит.

Ах, это вы, Кандид Касторович?

Тарелкин. Я — это я. Идучи в должность, завернул к вам пожелать доброго утра.

Муромский. Очень благодарен. *(Осматриваясь.)* С кем это вы так громко говорили?

Тарелкин. Это?.. *(указывая на дверь)* а так... пустой один человек... мой приятель.

Муромский. Что же такое?

Тарелкин *(мешаясь)*. Да вот... так... знаете... малый добрый... давно не видались... ну... так и сердится; и престранный человек... изругал ругательски, да тем и кончил.

Муромский. Неужели?

Тарелкин *(оправляясь)*. Право. Потому — очень любит, а видимся-то редко, так и тоскует; я, говорит, тебя на дне... *(ищет)* как его... морском... достану — такой ты сякой — да так и срезал.

Муромский. Нехорошо.

Тарелкин. Скверно!.. Вот у нас, у русских, эта ходкость на бранные слова сожаления достойна; в этом случае иностранцам надо отдать преимущество; и скажет он тебе — и все это скажет, что ему хочется, а этого самого и не скажет, а наш русский по-медвежьему-то так те в лоб и ляпнет. Позвольте, почтеннейший, кофейку спросить.

Муромский. Сделайте милость. *(Идет к двери. Тарелкин его предупреждает, высовывается в дверь и приказывает Тишке.)*

Иван Сидоров *(отводя Муромского в сторону)*. Кто ж это, сударь, такой?

Муромский. Здешний чиновник, коллежский советник Кандид Касторыч Тарелкин...

Иван Сидоров. Понимаю, сударь, это здешний жулик.

Муромский. Тссссс... Что ты!.. *(показывает на мундир и ленточки)* видишь!

Иван Сидоров. Они по всем местам разные бывают. А где служит-то?

Муромский. А там, братец, и служит, где дело, у Максима Кузьмича Варравина.

Иван Сидоров. А знакомство он с вами сам свел?

Муромский. Сам, сам.

Иван Сидоров. Так это подсыл.

Муромский. Неужели?

Иван Сидоров. Всенепременно. Так чего же лучше: вы у него и спросите.

Муромский. А как спросить-то?

Иван Сидоров. Просто спросите.

Муромский. Вот! Вдруг черт знает что спросить. Спроси лучше ты: тебе складнее.

Иван Сидоров *(усмехаясь)*. Да тут нешто хитрость какая — извольте. *(Подходит к Тарелкину и кланяется.)* Батюшко, Кандид Касторыч, позвольте, сударь, словечко спросить.

Тарелкин. Что такое?

Иван Сидоров. Вы, батюшко, ваше высокоблагородие, простите меня — мы люди простые...

Тарелкин *(посмотрев ему в глаза и приосанясь)*. Ничего, братец, говори; я простых людей люблю.

Иван Сидоров. Ну вот и благодарение вашей милости. *(Понизив голос.)* Дело-то, батюшко, наше у вас?

Тарелкин *(тоже понизив голос)*. У нас.

Иван Сидоров. Его-то превосходительство, Максим Кузьмич, ему голова, что ли?

Тарелкин. Он голова, я руки, а туловище-то особо.

Иван Сидоров. Понимаю, сударь; господь с ним, с туловищем.

Тарелкин *(в сторону)*. Не глуп.

Иван Сидоров. И они все могут сделать?

Тарелкин. Все.

Иван Сидоров. А как их видеть можно?

Тарелкин. Когда хотите.

Иван Сидоров *(глядя ему в глаза)*. Мы-то хотим.

Тарелкин *(в сторону)*. Очень неглуп. *(Вслух.)* У него прием всегда открыт.

Иван Сидоров. Так они примут-с?

Тарелкин. Отчего не принять?.. С удовольствием примут...

Тишка подает ему кофе.

Иван Сидоров. Ну вот и благодарение вашей милости *(кланяется)*, я барину так и скажу.

Тарелкин. Так и скажи *(смакует кофе)*... с удовольствием... мол... примет... хе, хе, хе...

Иван Сидоров отходит в сторону.

Люблю я простой, русский ум: ни в нем хитрости, ни лукавства. Вот: друг друга мы отроду не видали, а как на клавикордах сыграли. *(Подслушивает.)*

Иван Сидоров *(Муромскому)*. Ну вот, батюшко, видите, примет!

Муромский. Кого примет? Что примет?

Иван Сидоров. Обыкновенно что. Сами сказали: примет, с удовольствием, говорит, примет.

Муромский. Сам сказал?

Иван Сидоров. Сами сказали. Вы их поблагодарите.

Тарелкин *(в сторону)*. Э... да это птица! Я б ему прямо Станислава повесил. *(Поставив чашку.)* Петр Константинович! Вы, кажется, заняты; а мне в должность пора. Мое почтение-с.

Муромский *(подходя к нему)*. Батюшко Кандид Касторыч... как я благодарен вам за ваше... к нам... расположение. *(Протягивает ему руку.)*

Тарелкин *(развязно кланяется и несколько теснит Муромского)*. За что же, помилуйте; я всегда готов. *(Берет его обеими руками за руку.)*

Муромский *(жмет ему руку)*. За ваше... это... участие... это...

Тарелкин *(в сторону)*. Тьфу... подавись ты им, тупой человек. *(Уходит в среднюю дверь.)* Мое почтение-с.

Иван Сидоров *(быстро подходит к Муромскому)*. Да вы, сударь, не так.

Муромский *(с досадою)*. Да как же?

Иван Сидоров. Вы дайте.

Муромский *(с испугом)*. У-у-у... Что ты?!

Иван Сидоров *(подбежав к двери, кричит)*. Ваше высокородие!.. *(Быстро ворочается — к Муромскому, тихо.)* Где у вас деньги-то? Пожалуйте...

Муромский. После, братец, после бы можно. *(Отдает ему деньги.)*

Иван Сидоров *(подбежав к двери кричит)*. Ваше высокородие!! *(Берет со стола листок бумаги и завертывает деньги.)*

Муромский *(скоро подходит к Ивану Сидорову)*. Что ты!! Что ты!

Иван Сидоров. Да как же, сударь? — ехать хотите — а колес не мажете!.. *(Кричит.)* Ваше высокородие!! Кандид Касторович!!! *(Идет к двери.)*

Тарелкин *(входит)*. Что вам надо — вы меня зовете?

Иван Сидоров *(сталкивается с ним и подает ему пакет, тихо)*. Вы, ваше высокородие, записочку обронили.

Тарелкин *(с удивлением)*. Нет. Какую записочку?

Иван Сидоров *(тихо)*. Так точно — обронили. Я вот сейчас поднял.

Тарелкин *(щупая по карманам)*. Да нет, братец, я никакой записочки не знаю.

Муромский *(в замешательстве)*. Творец милосердый — да он мне историю сделает...

Иван Сидоров *(смотрит твердо Тарелкину в глаза)*. Да вы о чем беспокоитесь, сударь? Вы обронили, мы подняли *(с ударением)*, ну — и извольте получить!

Тарелкин *(спохватясь)*. А — да, да, да! *(Берет пакет и быстро выходит на авансцену.)* О-о-о, это птица широкого полета!.. Уж не знаю, на него ли Станислава или его на Станиславе повесить. *(Кладет деньги в карман.)* Ну,— с этим мы дело сделаем... *(Раскланивается и уходит. Иван Сидоров его провожает, Муромский стоит в изумлении.)*

Тарелкин и Иван Сидоров *(кланяются и говорят вместе, голоса их сливаются)*.

Благодарю, братец, благодарю. Всегда ваш слуга. Мое почтение, мое почтение.

Помилуйте, сударь, обязанность наша. Мы завсегда готовы. Наше почтение, завсегда, завсегда готовы.

ЯВЛЕНИЕ 8

Муромский и Иван Сидоров.

Иван Сидоров *(запирает за Тарелкиным дверь)*. Вы мне, сударь, не вняли, что говорил поблагодарить-то надо.

Муромский. Да как это можно так рисковать. Другой, пожалуй, в рожу даст.

Иван Сидоров. В рожу?! Как же он, сударь, за мое добро мне в рожу даст?

Муромский. Ведь не судеец же какой — а все-таки лицо.

Иван Сидоров. О боже мой! Да вы разумом-то внемлите: вот вы говорите, что они лицо.

Муромский. Вестимо лицо: коллежский советник, делами управляет.

Иван Сидоров. Слушаю-с. А сапожки по их званию лаковые — изволили видеть?

Муромский. Видел.

Иван Сидоров. А перчаточки по их званию беленькие — изволили видеть?

Муромский. Видел.

Иван Сидоров. А суконце тоненькое английское; а воротнички голландские, а извозчик первый сорт; а театры им по скусу; а к актрисам расположение имеют — а вотчин у них нет,— так ли-с?

Муромский. Так.

Иван Сидоров. Чем же они живут?

Муромский. Чем живут?.. Чем живут?! Ну — государево жалованье тоже получают.

Иван Сидоров. Государева, сударь, жалованья на это не хватит; государево жалованье на это не дается Честнóй человек им жену прокормит, ну, матери кусок хлеба даст, а утробу свою на эти деньги не нарадует. Нет! Тут надо другие. Так вот такому-то лицу, хоть будь оно три лица, и все-таки вы, сударь, оброчная статья.

Муромский *(с досадою)*. Стало уж, по-твоему, все берут.

Иван Сидоров. Кому как сила.

Муромский. Ну, все ж таки знатные бары не берут; ты меня в этом не уверишь...

Иван Сидоров. А на что им брать-то? Да за что им брать-то?

Муромский. Так вот я к ним и поеду.

Иван Сидоров. Съездите.

Муромский. Вот говорят, этот князь — справедливый человек, нелицеприятен — и нрава такого, что, говорит, передо мной все равны.

Иван Сидоров. Да как перед хлопушкой мухи. Что мала — муха, что большая — все единственно.

Муромский. Вот увижу.

Иван Сидоров. Ничего, батюшко, не увидишь. Стоишь ты перед ним с твоим делом; искалечило оно тебя да изогнуло в три погибели, а он перед тобою во всех кавалериях, да во всей власти, да со всеми чиноначалиями, как с неба какова, и взирает... Так что тут видеть? По-моему: к большим лицам ездить — воду толочь. А коли уж малые лица на крюк поддели, да сюда приволокли — так дай.

Муромский. Все вот дай! Деньги-то не свои, так куда легко,— они у меня не богомерзкие какие, не кабацкие, не грабленые.

Иван Сидоров. Знаю, мой отец, знаю. Что делать?! Дадим, да и уедем; почнем опять хлопотать — боронить да сеять. Господь пособит — все вернем.

Муромский (*с досадою*). Я не знаю, кому дать? Сколько дать?

Иван Сидоров. Да уж кому давать, как не этому Варравину — ведь дело у него,— слышали: он голова, а этот руки.

Муромский. Стало, к нему и ехать?

Иван Сидоров. К нему, сударь, к нему. Только когда у него будете, вы помечайте: сначала он поломается, а потом кидать станет; куда кинет — значит, так и есть. Вы не супротивничайте и спору не заводите: Неокентаврий владеет нами; власть его, а не наша.

Муромский. Так когда же ехать-то?

Иван Сидоров. Да хоть завтра. Я вот забегу к Кандиду Касторычу; теперь он человек свой — так пускай его предупредит и дело устроит (*берет шапку и хочет уйти*), а без этого соваться нельзя.

Муромский. Да нет, постой... Вот что: завтра праздник, завтра и в лавках не торгуют.

Иван Сидоров *(кланяясь)*. В лавках, сударь, не торгуют, а в присутственных местах ничего, торгуют. (*Уходит.*)

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зала канцелярии. Столы и чиновники. У самой авансцены стол с бумагами, за которым сидит Тарелкин; далее в глубине театра другие столы. Направо дверь в кабинет начальника, налево дверь в прихожую; прямо против зрителей дверь в прочие комнаты канцелярии отворена — видны еще столы и еще чиновники. Некоторые из них пишут, другие козируют [1].

ЯВЛЕНИЕ 1

Тарелкин, Чибисов, Ибисов, Шило, Омега, Герц, Шерц, Шмерц и другие чиновники.

Тарелкин *(сидит за своим столом и напевает арию из «Elisir»)*. Ci-e-lo-si-pu-o-mo-sir...

Ибисов *(с другого стола)*. Тарелкин, вы вчера в Итальянской-то были?

Тарелкин *(качает головой и заливается)*. Si-si-si-si-non-ci-e-do.

Ибисов. Какой шанс у человека!.. И Максим Кузьмич был?..

Тарелкин *(та же игра)*. Si-si-si-non-ci-e-eeee — тьфу, опять не вышло!

---

[1] Козируют — болтают (от *франц.* causer).

И б и с о в. Как, бывало, Сальви валял эту арию в Москве — так мое почтение. Вы что там ни толкуйте, а Марио до него далеко.

Т а р е л к и н *(поет и машет ему рукою)*. Si-si-non-cie...

И б и с о в. Нет, далеко.

Т а р е л к и н *(остановясь)*. Да замолчите.

И б и с о в. Я свое мнение имею.

Т а р е л к и н. Что ваше мнение? У вас сколько чувств?

И б и с о в. Пять.

Т а р е л к и н. А тут шесть надо.

Чиновники смеются.

Ш и л о *(с своего места)*. Прибавьте на бедность седьмое, чтобы так дел не вести.

Т а р е л к и н *(посмотрев на него через плечо)*. Каких там дел?

Ш и л о. Да вот хоть бы дело Муромских: пять лет тянут! Пять месяцев здесь лежит. Ведь со слезами просят — пощадите, батенька!

Ч и б и с о в *(перебивая)*. А какое это дело?

И б и с о в. А об девочке — помните? О противузаконной связи одной помещичьей дочери с каким-то губернским секретарем. Оно идет к докладу.

Ш е р ц *(таинственно, на ухо Шиле)*. До крайности щекотливое дело. Максим Кузьмич сами рассматривают.

Ш м е р ц *(с другой стороны та же игра)*. А Тарелкин записку составляет.

Ш и л о *(громко)*. Кандид Касторыч, вы составили записку по делу Муромских?

Т а р е л к и н *(поет и бьет такт)*. Не состааааа-вил... не состааааа... не состааааа-вил...

Ибисов также подхватывает. Хор.

(Остановясь.) Откуда?

И б и с о в. Постойте, постойте... из «Гугенотов»!

Т а р е л к и н. Так.

Ш и л о. Ведь это сущий вздор.

Т а р е л к и н. «Гугеноты»-то?!!

Ш и л о. Нет, свои гугеноты — доморощенные. Ведь это избиение Муромских ровно ни на чем не основано. Вся интрига девочки с Кречинским — чистое предположение.

И б и с о в. Ну, этого не говорите.

Ш и л о. Я дело видел.

И б и с о в. А я вам скажу, что интрига была, она с ним и бежать собиралась; я это вернейшим образом знаю; они и брил-

лианты захватили. Видите, у князя есть гувернантка, которой ихняя-то гувернантка все это и рассказывала.

Ш и л о. Да у них гувернантки не было.

И б и с о в. Была, Кастьян Кастьянович, была.

Ш и л о *(с нетерпением)*. Да из дела, сударь, видно.

Т а р е л к и н. Толкуйте там — вас не переговоришь. У вас это болезнь; вам бы на воды ехать — полечиться... *(Зевает.)* Нет, представьте себе, господа, сижу я вчера у Максима Кузьмича в ложе, лорнирую этак — и что же: во втором ярусе над бельэтажем — кто бы вы думали? — Оранженьский! — а, каков идол?

И б и с о в. Зато у него дом повыше второго яруса?

Ш и л о. А все вор и грабитель.

Т а р е л к и н. Что это, дружище, все у вас воры да грабители,— не сломили бы они вам шею?

Ш и л о. У меня, сударь, шеи нет, а голова есть — так не страшно. Вот у кого головы нет, а шея есть — ну тому рисково.

Т а р е л к и н. Вот кунсткамера какая!

Ш и л о. А вы заметили, в кунсткамере есть животные, у которых все тело — шея; вот их-то пресмыкающимися и зовут.

Т а р е л к и н *(отходит и в сторону)*. Собака.

ЯВЛЕНИЕ 2

М а к с и м К у з ь м и ч В а р р а в и н, с бумагами, показывается из боковых дверей направо. По канцелярии водворяется тишина; все садятся и принимаются за дело. Максим Кузьмич подходит к столу, отдает бумаги, делает замечания и наконец достигает стола Тарелкина.

Т а р е л к и н *(встает)*. Ваше превосходительство — дело есть.

Максим Кузьмич садится на его место, раскрывает дело и листует; Тарелкин ему указывает, разговор идет вполголоса.

В а р р а в и н. Ну что?

Т а р е л к и н *(тихо)*. От Муромских гонец... Готово!..

В а р р а в и н. Как медленно... *(Листует дело.)*

Т а р е л к и н *(докладывает тихо)*. Что делать! Истинное мучение: и дочь-то любит, и деньги-то любит; и хочется и колется...

В а р р а в и н. Надо через третьи руки.

Т а р е л к и н. Ни, ни. Сам, говорит, или ничего.

В а р р а в и н. Вот как!

Т а р е л к и н. Третьего лица, говорит, не хочу. Украдет.

Варравин. Так он эту азбуку знает?

Тарелкин. Знает. Он все мытарства прошел. Как порассказал мне его управляющий. Боже мой, чего с ним не делали: давал он через третье лицо; третье лицо хватило его на полкуша. Стал сам давать — хуже. Кому даст — тот болен; на его место новый — мнение пишет. А тут еще какой случай вышел...

Варравин. Укажите!

Тарелкин *(спохватясь)*. Ах — да!.. *(листует дело, указывает и продолжает тихо)* изволите видеть: по вопросу о незаконной связи дочери с Кречинским выискался один артист, да и отмочалил *(говорит громко)* мнение; принимая, говорит, во внимание то и то, а с другой стороны обращая внимание на то и то, мнением полагаю *(тихо)* пригласить врачебную управу для медицинского, говорит, освидетельствования... хи, хи, хи...

Варравин. Кого?!

Тарелкин *(в духе)*. Да ее!

Варравин. Дочь! — ха, ха, ха,— ну? *(Оба тихо смеются.)*

Тарелкин. Ну и взяли, что хотели!..

Варравин. Вздор!.. как можно!..

Тарелкин. Да почему же? Ведь это мнение. За мнение никто не отвечает. Помилуйте! И за решение — и за то взыску нет!

Варравин. Этого в деле нет.

Тарелкин. Я знаю, что нет. С него, чтоб не согласиться, взяли раз, а чтоб и в деле не было — взяли два.

Варравин. Ну?

Тарелкин. Ну и раздели! на полсостояния хватили.

Варравин *(качая головой)*. Тссссс...

Тарелкин. Помилуйте! — и то умеренно!.. он бы все отдал.

Варравин. Так сколько же теперь?..

Тарелкин. Особенной массы нельзя! Взяли... *(думает)* десять...

Варравин. По такому делу? Одна дочь! Вся жизнь. Тридцать!

Тарелкин. Нету!

Варравин. Достанет.

Тарелкин. Где достать?

Варравин. Дочери лишится.

Тарелкин. Хоть кожу сдерите.

Варравин. Имение заложит.

Тарелкин. Заложено.

Варравин. Ну продаст.

Тарелкин. Продано.

Варравин *(с беспокойством)*. Неужели?

Тарелкин. Верно.

Варравин. Так что ж они это делают?!

Тарелкин. Вам известно, каковы люди: лишь бы силы хватило — не спустят!

Варравин *(сетует)*. Как же он теперь?

Тарелкин. Добавочные взял, имение продал — ну, тысчонок двадцать пять у него, надо быть.

Варравин. Ну делать нечего — двадцать пять.

Тарелкин. Ему тоже жить надо, долги есть.

Варравин. Долги подождут.

Тарелкин. Ждут, ваше превосходительство, да не долги. Вот я, видите, в мундире здесь сижу *(показывает на стол)*, а вон там *(указывает на прихожую)* уж наведываются. А частный человек что? Частный человек — нуль! ха!

Варравин. Меньше двадцати тысяч дело не кончится. Только скорее. *(Встает.)*

Тарелкин. Все готово. Дожидаются.

Варравин. Так вот что: князь сейчас едет в комитет, чиновников я распущу по случаю праздничного дня; следовательно, через час и его приму. *(Встает.)*

Тарелкин *(громко)*. Слушаю, ваше превосходительство.

Варравин *(громко)*. Вы сейчас и известите. *(Идет в кабинет.)*

В эту минуту двери кабинета размахиваются настежь; показывается князь; Парамонов ему предшествует; по канцелярии пробегает дуновение бури; вся масса чиновников снимается с своих мест и, по мере движения князя через залу, волнообразно преклоняется. Максим Кузьмич мелкими шагами спешит сзади и несколько бочит так, что косиною своего хода изображает повиновение, а быстротою ног — преданность. У выхода он кланяется князю прямо в спину, затворяет за ним двери и снова принимает осанку и шаг начальника. Чиновники садятся.

Варравин *(остановясь посреди залы и посмотрев на часы)*. Господа! Нынче праздник — можете кончить. До завтра. *(Кланяется и уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Шум. Чиновники подымаются и быстро убирают бумаги. Во все продолжение этого явления залы канцелярии постепенно пустеют. Тарелкин, Чибисов, Ибисов, Герц, Шерц, Шмерц, чиновник Омега и Шило, со шляпами в руках, составляют группу у авансцены.

Ибисов. Кандид Касторыч, едем вместе *(подмаргивая)* туда...

Тарелкин. Нельзя, душа,— дело есть.

Голос Варравина *(за кулисою)*. Тарелкин!!

Тарелкин *(повертясь на каблуках)*. Я!! *(Бежит в кабинет.)*

Ибисов. А?! Каков мой Кандид!

Омега. Да! Расцвел, как маков цвет! Вот: ни состояния, ни родства, а каково: Станислава хватил.

Шерц. В коллежские советники шаркнул.

Шмерц. Двойной оклад взял.

Омега. Чем вышел, это удивление.

Чибисов. В рубашке родился, господа.

Омега. Стало, по пословице: не родись умен, а родись счастлив.

Шило. Это глупая пословица — по-моему, это по стороне бывает. Вы заметьте: вот в Англии говорится: не родись умен, а родись купец; в Италии: не родись умен, а родись певец; во Франции: не родись умен, а родись боец...

Шмерц. А у нас?

Шило. А у нас? Сами видите *(указывает на дверь, где Тарелкин)*: не родись умен, а родись подлец.

Чибисов *(с усмешкою)*. Изболели вы, батенька?

Шило. Изболел-с.

Ибисов. И много ведомств перешли.

Шило. В двух отказали — теперь в третьем.

Чибисов. Что же?

Шило. Откажут.

Ибисов. Ну, тогда-то как?

Шило. Хочу к купцу идти.

Чибисов. В приказчики — сальными свечами торговать.

Шило. Сальными свечами, да не сальными делами.

Чибисов *(берет Ибисова под руку)*. Пойдем, брат, прочь. *(Тихо.)* С удовольствием бы повесил.

Ибисов. А я бы веревку купил.

Уходят.

Омега *(подходит к Шиле и, взявши его за руку)*. Кастьян Кастьянович, не зудите их; они вам зло сделают,— плюньте.

Шило. Пробовал! *(Заикнувшись.)* Слюны не хватает...

Омега. Вы теперь куда?

Шило. Куда? *(Заикнувшись.)* А на мою аттическую квартиру.

Омега. Почему же аттическую?

Шило. А она *(та же игра)* не топленная.

Омега. Так не хотите ли ко мне — пообедаем вместе.

Ш и л о. Хочу!.. Ведь я через день обедаю, а мне каждый день хочется.

О м е г а. Чудесно!.. А вы что любите?

Ш и л о. Эва... все! Только бы костей не было... я пробовал... *(Заикнувшись.)* Не съешь...

Смеются, берутся под руки и уходят.

ЯВЛЕНИЕ 4

Т а р е л к и н *(выходит из кабинета, держа двумя пальцами ассигнацию, и показывает ее)*. Благодетель!.. Чем обрадовал; мне ее на извозчика мало. *(Сует ее со злобою в портмоне.)* Вот толкуют о приказном племени: зачем, говорят, это крапивное племя развели; а этому племени что? Он чай вприкусу пьет; погулять — идет в полпивную; обедать — так съест на двадцать пять копеек серебром — уж и сыт. Ну, а я-то? Аристократ-то? Ведь в полпивную не пойдешь; обедать — все-таки у Палкина; да мне другой раз на перчатки три целковых надо; выходит — петля! Я только долгами и живу, от долгов и околею... Боже мой — ну когда же такая каторга кончится? Ведь вот, и тут ничего не будет,— ничего! Оберет он меня, каналья, оберет как липку; как обирал — так и оберет. Хоть бы в щель какую, в провинцию забиться; только бы мне вот Силу да Случай, да я таким бы взяточником стал, что с мертвого снял бы шкуру; право, бы снял — потому нужда! Так вот что удивительно: нет вот мне ни Силы, ни Случая. *(Задумывается.)*

ЯВЛЕНИЕ 5

В а р р а в и н выходит из кабинета. Т а р е л к и н.

В а р р а в и н. Что ж, вы еще не повестили?

Т а р е л к и н. Сейчас, сейчас; ведь это вот здесь, недалеко. *(Садится и пишет.)* А у нас, ваше превосходительство, опять язва завелась.

В а р р а в и н. Кто такой?

Т а р е л к и н. Вот этот Шило, что недавно поместить изволили; его выгнать надо; он мне проходу не дает.

В а р р а в и н. А вы зачем с ним вяжетесь?

Т а р е л к и н. Помилуйте; он карбонарий, он ничего не признает. Кричит по всей канцелярии об этом деле,— ну, что же мне делать? *(Выходит в прихожую.)*

Варравин *(один, расставляет стулья, укладывает бумаги и садится за стол Тарелкина)*. Удивления достойно, что это за времена настали: или умен — ну, так такая ракалия, что двух дней держать нельзя; или уж такая дрянь, что, как старая ветошь, ни на что не годен.

Тарелкин входит.

Признаться сказать, хороши и вы-то стали! Ну, на что вы годитесь? Истрепались да измотались — ни одного из вас человеком сделать нельзя. Нет, в мое время был у нас Антон Трофимыч Крек —так человек!.. Из себя был плотный, плечистый, неуклюжий, что называется худо скроен, да крепко сшит. Говорил мало; а если скажет что, точно гвоздем пришьет. Жил он довольно, а и заметить было нельзя; только раз на выходе из бани как хлыстнет его апоплексия — так только вот что сделал *(кривит рот и делает гримасу)*, и весь тут!..

Тарелкин. Я об нем, ваше превосходительство, очень много слышал.

Варравин. То-то, слышал. А ныне что вы за чиновники? Глисты какие-то; худые да больные; скрипит да кашляет, да весь протух; руку ему пожмешь, так точно мокрую плеть какую. Нет, в наше время как, бывало, Антон Трофимыч всю пятерню тебе представит, так задумаешься. Только тебе ее сунет, а сам-то и жмет,— так как около тарантаса и ходишь. Вот так делал дело — не вам чета. Встанет в четыре часа, фукнет в кулак и сядет; да, как бык какой, так и прет. Никого не боялся, несказанное вершил,— ну и состояние оставил: домино какой на острове, да что наличности, да что безличности. А вы что? Белоручки, перчаточники, по театрам шататься, шалберить да балагурить, а деньги чтоб силой в карман лезли... Нет, дружище, без работы не придут. Так что же выдумал: вы мне, говорит, чины-то дали, а состояния, говорит, не дали.

Тарелкин. Ваше превосходительство, я не в том смысле.

Варравин. Знаю я прежде вас, в каком вы смысле. Состояние?! А что, вы как думаете,— оно мне даром пришло — а? Пóтом да кровью пришло оно мне! Голого взял меня Антон Трофимыч Крек, да и мял... и долго мял, пусто ему будь. Испил я из рук его чашу горечи; все терпел, ничем не брезгал; в чулане жил, трубки набивал, бегал и в лавочку — да! А как повесил он мне на шею Анну, так с каждого получения четыре пая положит, бывало, в черновое, да только глазами в тебя вопрет — и слов-то не было.

Парамонов *(входит)*. Ваше превосходительство, проситель — желает видеть.

Варравин. Допусти.

Парамонов уходит.

Ступайте себе; да не подслушивайте — не надо!

Тарелкин также уходит; Варравин окладывает себя кипами бумаг.

ЯВЛЕНИЕ 6

Варравин, уткнувшись в бумаги, пишет.
Муромский входит.

Муромский. Позвольте себя представить — ярославский помещик, капитан Муромский.

Варравин *(продолжая писать)*. Мое почтение.

Молчание.

Муромский *(несколько постоявши)*. Наслышан будучи о вашей справедливости, прошу принять участие.

Варравин *(пишет и указывает на стул)*. Садитесь.

Муромский садится; молчание.

Едва ли в чем могу быть полезен.

Муромский. Благосклонный ваш взгляд всегда полезен.

Варравин *(пишет)*. Ошибаетесь. В ведомстве нашем ход делопроизводства так устроен, что личный взгляд ничего не значит. *(Поворачиваясь к Муромскому и закрывая бумаги.)* Впрочем... в чем состоит просьба ваша?

Муромский *(очень мягко)*. Вам, конечно, известно дело о похищении у меня солитера губернским секретарем Кречинским.

Варравин *(помягче)*. Оно находится у нас на рассмотрении и несколько залежалось. Не взыщите. Дел у нас такое множество, что едва хватает сил. Со всех концов отечества нашего стекаются к нам просьбы, жалобы и как бы вопли угнетенных собратов; дела труднейшие и запутаннейшие. Внимание наше, разбиваясь на тысячи сторон, совершенно исчезает, и мы имеем сходство с Титанами, которые, сражаясь с горами, сами под их тяжестью погибают. *(Оправляется с удовольствием.)*

Муромский. Потому-то я и стремлюсь обратить внимание ваше.

Варравин. По мере сил, сударь, по мере сил.

Муромский. Дело по существу простое, но от судопроизводства получило такую запутанность, что я даже не могу порядком вам передать...

Варравин. Прошу.

Муромский. Извольте видеть: дочь моя получила в свете склонность к этому Кречинскому; и хотя мне то было прискорбно, но — я на брак их согласился. Это и была моя ошибка! *(Вздыхает.)*

Варравин *(также вздыхает.)* Верю...

Муромский. Кречинский, нуждаясь в деньгах, взял у дочери моей солитер под предлогом показать его знакомым; и дочь моя оный ему вручила по детскости и большой к нему привязанности... *(Вздыхает.)*

Варравин *(также вздыхает.)* Верю...

Муромский. Немедленно за сим Кречинский произвел у ростовщика Бека фальшивый залог, так что получил возможность возвратить камень этот моей дочери тем же днем. Стало, мы тут, как младенцы какие, ровно ничего и не подозревали... *(Вздыхает.)*

Варравин. Верю...

Муромский. Только в эту минуту один близкий мне человек предупредил меня, а вскоре явился и сам ростовщик, у которого в залоге оказался камень подложный,— следовательно, все и открылось. Видя это, я всякие сношения с Кречинским прервал. Вот и все дело; и, поверите ли, такая простота и с нашей стороны натуральность по учиненному следствию является обнесенной всякими зазорными подозрениями.

Варравин. Верю, почтеннейший, верю... однако замечу, что некоторые обстоятельства дела вы опустили.

Муромский. Клянусь вам богом...

Варравин. Положение дела вашего по фактам следствия остается запутанным и, могу сказать, обоюдоострым. С одной стороны, оно является совершенно естественным и натуральным, а с другой — совершенно неестественным и ненатуральным.

Муромский *(расставя руки)*. В чем же неестественным и ненатуральным, ваше превосходительство?

Варравин. А во-первых, спрашиваю: можно ли, чтобы дочка ваша такую драгоценную вещь отдала чуждому ей лицу без расписки и удостоверения? Ибо есть дамы, и я таковых знаю, которые и мужьям своим того не доверяют.

Муромский. Не могла ничего предполагать, ваше превосходительство.

Варравин *(продолжая)*. Во-вторых: по какой таинственной причине дочь ваша повторительно и собственноручно отдала камень этот ростовщику Беку и тем самым во второй раз вас его лишила, а себя явила участницею похищения.

Муромский. Хотела его спасти.

Варравин. Кого?— Преступника. Воспрещено законом!

Муромский. Да ведь он ей жених.

Варравин. Ну нет; по-моему бы, ей от него, этак *(делает жест)* с ужасом! а не выручать. Согласитесь: ростовщику Беку вы заплатили деньги единственно ради этого соучастия дочки вашей с Кречинским. Ведь это факт. Вы как думаете?

Муромский. Положим, что факт; но ведь я этих денег не ищу.

Варравин. Вы не ищете, но закон-то? он неумолим!.. и ищет.

Муромский. Что же, ведь и закон неопытность принимает в соображение — она ребенок.

Варравин. По метрикам оказалась на девятнадцатом году.

Муромский. Так точно.

Варравин. Уголовное совершеннолетие.

Муромский. Уголовное?.. Побойтесь бога! За то, что девушка из беды жениха выручает; да она кровь отдаст; примите в соображение ее привязанность, увлечение!

Варравин *(с усмешкой)*. Ну вот вы сами и поймались.

Муромский *(тревожно)*. Где?.. Как?.. Я ничего не сказал.

Варравин. Сказали... Вы не беспокойтесь; вы всегда скажете то, что нам нужно. *(Лукаво.)* Увлечение, говорите вы,— ну оно нами во внимание и принято. Степень этого увлечения мы теперь и хотим определить по закону.

Муромский *(смешавшись)*. Так позвольте... я... я... не в том смысле.

Варравин. А в каком?.. А вам известно показание двух свидетелей об увлечении-то?.. Да напрямик, что-де между дочкой вашей и Кречинским была незаконная связь!..

Муромский *(со страданием)*. Пощадите!.. Пощадите... это клевета, это подвод... их купили... эти два свидетеля выеденного яйца не стоят.

Варравин. Присяжные, сударь, показания. Сила!.. А тут как бы игралищем судьбы является и факт собственного сознания.

Муромский *(с жаром)*. Никогда!..

Варравин. Дочь ваша, отдавая ростовщику солитер, сказала: это моя ошибка!.. Слышите ли? *(Поднимая палец.)* Моя!!

Муромский. Нет — она не говорила: моя ошибка!.. *(Бьет себя в грудь.)* Богом уверяю вас, не говорила!.. Она сказала: это была ошибка... то есть все это сделалось и случилось по ошибке.

В а р р а в и н. Верю, но вот тут-то оно и казустно: все свидетели, бывшие при этой сцене, отозвались незнанием, окроме четырех. Четыре эти разделились на две равные стороны: два... и два... утверждая противное. Свидетель Расплюев и полицейский чиновник Лапа показали, что она употребила местоимение моя...

М у р о м с к и й *(перебивая)*. Не употребила! Не употребила! хоть в куски меня изрежьте — не употребила!..

В а р р а в и н. Так точно: вы, сударь, и госпожа Атуева утвердились в показании, что она сказала: это была ошибка, опустив будто существенное местоимение моя... где же истина, спрашиваю я вас? *(Оборачивается и ищет истину.)* Где она? где? Какая темнота!.. Какая ночь!.. и среди этой ночи какая обоюдоострость!..

М у р о м с к и й *(с иронией)*. Темнота... Среди темноты ночь, среди ночи обоюдоострость... *(Пожав плечами.)* Стар я стал,— не понимаю!..

В а р р а в и н *(с досадою)*. А вот поймете. *(Твердо.)* В глазах, сударь, закона показания первых двух свидетелей имеют полную силу. Показание госпожи Атуевой, как тетки-воспитательницы, не имеет полной силы, а ваше собственное никакой.

М у р о м с к и й. Почему так жестоко?..

В а р р а в и н. Потому, сударь, что вы преданы суду за ложное показание о бычке тирольской породы, которого получили от подсудимого в дар! Помните?

М у р о м с к и й. Помню. *(Покачивая головой.)* Стало, по вашему закону, шулеру Расплюеву больше веры, чем мне. Жесток ваш закон, ваше превосходительство.

В а р р а в и н *(улыбаясь)*. Извините, для вас не переменим. Впрочем... пора кончить; я затем коснулся этих фактов, чтобы показать вам эту обоюдоострость и качательность вашего дела, по которой оно, если поведете туда, то и все оно пойдет туда... а если поведется сюда, то и все... пойдет сюда...

М у р о м с к и й *(с иронией)*. Как же это так *(качаясь)* и туда и сюда?

В а р р а в и н. Да! И туда и сюда. Так, что закон-то при всей своей карающей власти, как бы подняв кверху меч *(поднимает руку и наступает на Муромского,— этот пятится)*, и по сие еще время спрашивает: куда же мне, говорит, Варравин, ударить?!

М у р о м с к и й *(с испугом)*. Боже милостивый!..

В а р р а в и н. Вот это самое весами правосудия и зовется. Богиня-то правосудия, Фемида-то, ведь она так и пишется: весы и меч!

Муромский. Гм... Весы и меч... ну мечом-то она, конечно, сечет, а на весах-то?..

Варравин *(внушительно)*. И на весах, варварка, торгует.

Муромский. А, а, а... Понял...

Варравин. То-то *(с иронией)*, а говорите, стар стал — не пойму...

Муромский. Уж я и не знаю, излагать ли мне вам мои опровержения.

Варравин. Достопочтеннейший, к чему? был и я молод, любил и я диспутоваться; теперь минуло; познал я жизнь; познал я и существенность. Вы старину-то вспомните... простую, задушевную... Вот время-то было! об нем и в стихах так складно сказано:

Там, где сердце нараспашку,
Наголо, как в старину!..

Муромский *(живо)*. Нараспашку?! Наголо?! *(В сторону.)* Вот оно!.. Кидать стал. *(Вслух.)* То есть как же это наголо?

Варравин. А в старину не диспутовались; поговорят легонько, объяснятся нараспашку, да и устроят дело наголо! *(Делает жест.)*

Муромский *(с ужасом)*. Наголо!..

Варравин. Да. Наголо!..

Муромский *(в сторону)*. Вот он антихрист, действительный статский советник. *(Вслух.)* Ах, ваше превосходительство. Отцы вы наши! Благодетели!.. В старину легко было дело-то устраивать. В старину мы жили в палатах, приказные — в комнатах; ныне мы живем в комнатах, а приказные — в палатах.

Варравин. Ну, а сколько б, вы думали, в старину взял бы приказный с вас за это дело?

Муромский *(шелохнувшись)*. Я, право, не знаю. Я по этим торгам — неопытен.

Варравин. Ну, вы для шутки.

Муромский. Право, неопытен.

Варравин. Ах, боже мой *(настойчиво)* — ну, шутите.

Муромский *(нерешительно)*. Тысчонки бы три взял.

Варравин *(ему на ухо)*. Тридцать тысяч! *(Повертывается и отходит.)*

Муромский *(вздрогнув)*. Как!.. как вы это сказали?

Варравин. Да, тридцать тысяч и ни копейки бы меньше приказный этот не взял. Да, слышите: не на ассигнации, а на серебро.

Муромский. На серебро!!! Силы небесные — да ведь это сто тысяч — это гора!!! Состояние! Жизнь человеческая! Сто тысяч... Да помилуйте, за что ж бы он их взял? Ведь и дело-то в сущности пустое.

Варравин. Однако.

Муромский. Если б тут степь какая, громадина была в спорности или заводина какой — железноделательный — а то ведь что? — только одно мнение, так — фу — воздух.

Варравин. Положим, что и воздух... только воздухом-то этим вас поистомило. А старинные, сударь, люди так не рассуждали... Старинные люди говорили: первое благо в мире — это мое спокойствие.

Муромский *(с особенною мягкостью)*. Да, это так, ваше превосходительство... Но не сто же тысяч, ваше превосходительство!..

Варравин *(так же с мягкостью)*. Согласен!.. Согласен!.. Время все изменяет: ныне люди и помягче стали.

Муромский *(с любопытством)*. То есть как же это?

Варравин *(смотря ему в глаза)*. Утверждают... Философы... будто они на... на двадцать процентов мягче стали...

Муромский *(в сторону скоро считает)*. Десять копеек — три тысячи...

Варравин *(продолжает)*. Теплоты душевной стало, говорят, более...

Муромский *(та же игра)*. Да, десять копеек — еще три тысячи... шесть тысяч долой...

Варравин. Сочувствия к нуждам ближнего — все это развилось, усилилось.

Муромский *(та же игра)*. Стало, двадцать четыре тысячи серебром.

Варравин. Вот это самое они прогрессом и называют.

Муромский *(вслух)*. По чести, ваше превосходительство, приказный бы этого не взял.

Варравин *(нежно)*. Взял бы, достопочтеннейший. Взял бы...

Муромский *(твердо)*. Нет, он бы этого не взял.

Варравин *(сухо)*. Как вам угодно. *(Берет со стола бумаги.)*

Муромский *(мягче)*. Право... того... а я бы полагал... десять.

Варравин *(кланяясь и резко)*. Имея по должности моей многосложные занятия, прошу извинить. *(Уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ 7

Муромский (один).

Муромский *(подумавши)*. Двадцать четыре тысячи — это — это — восемьдесят четыре тысячи начетом! Где я их возьму? Их у меня нет, видит бог, нет... Что же, стало, Стрешнево продавать? Прах-то отцов — дедов достояние... а дочь по миру... Так нет! Не отдам!.. Еду! К кому ни есть еду! Лбом отворю двери, всю правду скажу! *(Стихает.)* Кротко, складно скажу, Лидочку с собой возьму; не камни же люди; за правого бог! *(Уходит скоро.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Варравин выходит из одних дверей, Тарелкин из других.

Тарелкин. Каков, ваше превосходительство, уперся! Ну, я от него такой невежливости не ожидал.

Варравин *(с досадою)*. И что же! Вздумал предложение делать на третью долю.

Тарелкин. Однако таки предложение сделал. Эх, ваше превосходительство! махнуть бы вам рукой.

Варравин. Я сказал, нельзя.

Тарелкин. Он вот ехать хочет.

Варравин. Куда?

Тарелкин. Не знаю. Не камни, говорит, люди; за правого бог.

Варравин *(соображая)*. Я полагаю, он бросится к князю.

Тарелкин. Другой дороги нет, как к князю.

Варравин *(думает)*. А как обставлено у вас это дело; все ли исправно?

Тарелкин. В величайшем порядке.

Варравин. Распутие-то мне приготовлено ли?

Тарелкин. В лучшем виде. Я за этим, по приказу вашему, особое наблюдение имел и даже своевременно с тятенькой списывался.

Варравин. Ну, что же тятенька?

Тарелкин. Он развалил их на три партии.

Варравин. Так.

Тарелкин. Одни пошли на выпуск: оправдать и от суда освободить.

Варравин. Так.

Тарелкин. Вторые — оставить Муромскую относительно любовной связи в подозрении. Третьи — обратить дело

к преследованию и постановлению новых решений, не стесняясь прежними.

Варравин. Ну вот и хорошо, вот и распутие! Вот когда мне три путя вы уготовали — да когда к ним подведешь начальство, так куда хочешь, туда его и поворачивай!

Тарелкин. Кроме этих мнений, и солисты оказались.

Варравин. Пускай.

Тарелкин. И одно мнение по новой формуле.

Варравин. По какой это?

Тарелкин. А не не-веро-ятно!..

Варравин. А — да! В каком же смысле?..

Тарелкин. Изволите видеть: относительно незаконной связи Муромской с Кречинским вопрос подвинут далее, а именно, что при такой-де близости лиц и таинственности-де их отношений *(поднимая палец)* не не-веро... ятно... что мог оказаться и ребенок...

Варравин. Н-да, это можно.

Тарелкин. Очень можно, а старику куда щекотливо кажется; так вот его как шилом в бок — так и подымает.

Варравин *(подумав)*. Гм... подымает... это хорошо!.. Ну, стало, пусть его к князю и едет. Хорошо бы, если бы его так направить, чтобы он явился к нему утром, ранехонько, пока тот по залам разминается да содовую пьет...

Тарелкин. Это можно, ваше превосходительство.

Варравин. Да чтоб он в самую содовую попал!.

Тарелкин. В самую содовую и попадет!..

Варравин. А если попадет, то он неизбежно там напорется... и как только тот по своей натуре на него крикнет, так он опять у нас и будет.

Тарелкин. Будет, ваше превосходительство, непременно опять здесь будет.

Варравин. Так и делайте. *(Хочет идти.)*

Тарелкин *(принимая просительную позу)*. Ваше превосходительство.

Варравин *(вспыхнув)*. Как?.. Опять?!

Тарелкин *(та же игра)*. Сил нет!

Варравин. Да вы на смех!

Тарелкин. Помилуйте *(показывая на горло)*, я воооот как сижу.

Варравин. Да вы что показываете мне? Разве это новое; вы целый век вооот как *(тот же жест)* сидите.

Тарелкин. Будьте милостивы, выкупите меня разочек; не морите измором, ради бога! Я совершенно потерялся, жизнь в горечь обратилась; ведь меня на улицах, как зайца, травят...

Варравин. Кто вас травит?

Тарелкин. Кто?—Кредиторы. Вы как думаете — я кругом должен, я и дворнику и ему должен. Как только сунусь на улицу — пырь мне в глаза—кто?—Кредитор. Я уж куда попало; в переулок, так в переулок, в магазин, в лавку, раз в полпивную вскочил; ну что, помилуйте, ведь себя компрометируешь. А портной, да к тому же немец... так совершенно остервенился! У меня, изволите видеть, кухарке приказ строжайший: дома нет и кончено — хоть тресни... Так верите ли богу, намедни силою ворвался. Слышу — ломятся, а у меня этак трюмо,— ну я, делать нечего, залез туда, скорчился и сижу... Так что же: поискал он меня да подметил, видно, как харкнет за трюмо-то — прямо мне в рожу!..

Варравин. Ну!..

Тарелкин. Ну и плюнул. Ха! что возьмешь-то? Вышел, подлец, в сени, да, не говоря дурного слова, и кухарке в рожу... ну помилуйте, ну, ей-то за что?

Варравин *(берет со стола бумаги)*. Однако как же можно?

Тарелкин. Ну судите сами, ваше превосходительство, как же это можно? Так я к тому говорю: что же это за существование? Всякий и говорит-то тебе с омерзением. Ну помилуйте, это, почитай, первая вещь, до которой каждый добивается; ты что хочешь себе думай, а почтение мне окажи.

Варравин *(уходя в кабинет)*. Ну это конечно, я с этим согласен, а почтение он таки окажи.

Тарелкин *(следуя за ним)*. Да! А почтение ты мне, подлец, все-таки окажи...

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Муромских. Утро. Декорация первого акта, посреди комнаты стоит стол с бумагами.

ЯВЛЕНИЕ 1

Лидочка сидит за пяльцами. Иван Сидоров выходит из кабинета и поспешно перебирает на столе бумаги.

Лидочка. Чего ты ищешь, Сидорыч?

Иван Сидоров. Да вот, сударыня, записку, что писарь переписывал. Мы вот там *(указывает на кабинет)* с Кандид Касторычем весь кабинет изрыли.

Л и д о ч к а. Да вот она. *(Встает и отдает ему бумагу.)* Что вы делаете?

И в а н С и д о р о в. С Кандидом Касторычем совет держим, сударыня; едет папенька ваш к князю подать эту записку; так толкуют теперь, как с этим лицом говорить надо.

Л и д о ч к а. Ах, Иван Сидоров, а мне сдается, что это добром не кончится; у меня какая-то тоска... Сердце ноет... Ну что же, папенька ездил к этому чиновнику?

И в а н С и д о р о в. Ездил, сударыня.

Л и д о ч к а. Ну что же?

И в а н С и д о р о в. Не сошлись. Да по правде сказать, как и сойтиться? Ведь не то что взять хотят — а ограбить. Народ все голь, живет хищением; любого возьмите: получает он от царя тысячу, проживает пять, да еще нажить хочет — так как тут сойтиться? Вот около нашей вотчины один, сударыня, судеец самым сверхъестественным грабительством — миллион нажил; купил пятьсот душ вотчину, два завода поставил. Так что ж? теперь, видите, пятьдесят тысяч рублей доходу получает, и стал уж он большой барин. Вот вы и судите, матушка, что́ один такой нечестивец на всю землю нашу соблазну делает!

Л и д о ч к а. Да, страшный свет.

И в а н С и д о р о в. Теперь, матушка, из них всякий не то что на прожиток взять или бы благодарность какую; бог бы с ним, мы за это не стоим; а смотрит, чтобы сразу так цапнуть, чтобы, говорит, и себе было, и детки бы унаследовали. Ну и стало оно грабительство крупное, маховое; сидят они каждый на своем месте, как звероловы какие, да в свои силки скотинку божию и подкарауливают. Попадет кто — они вот этою сетью *(указывает на записку)* опутают — да уж и тешатся.

Л и д о ч к а. Точно сетью!.. Ах, Сидорыч, как у меня сердце-то ноет.

И в а н С и д о р о в. Как ему и не ныть, матушка. Было на землю нашу три нашествия: набегали татары, находил француз, а теперь чиновники облегли; а земля наша что? и смотреть жалостно: проболела до костей, прогнила насквозь! продана в судах, пропита в кабаках, и лежит она на большой степи неумытая, рогожей укрытая, с перепою слабая.

Л и д о ч к а. Правда твоя. Я так иногда думаю: всего бы лучше мне умереть; все бы и кончилось — и силки бы эти развязались.

И в а н С и д о р о в. Что вы это, матушка, бога гневите. Посылает бог напасть, посылает силу, посылает и терпение.

Л и д о ч к а. Нет, Сидорыч, я уж слышу: ослабли мои силы, истощилось терпение, истомилась я! — только об том и молю я бога, чтоб прибрал бы он к себе мою грешную душу... Смотри —

если я умру, похороните вы меня тихонько, без шума, никого не зовите, ну — поплачьте промеж себя... чего мне больше... *(Плачет.)*

Муромский *(из кабинета)*. Иван Сидоров, а — Иван Сидоров!

Иван Сидоров *(торопливо)*. Извините, сударыня. Сейчас, сейчас! *(Бежит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ 2

Лидочка *(одна)*. Я бы только хотела одного: чтобы и он приехал,— чтобы и он заплакал. Ведь он любил меня... по-своему... нет! не любил он меня. Почему бы ему не прийти да не сказать, что вот ему деньги нужны! Боже мой — деньги! Когда я ему всю себя отдавала... и так рада была, что отдавала... *(Плачет и кашляет.)* Вот надеюсь, что у меня чахотка — а все пустое, никакой чахотки нет; а как бы хорошо мне умереть... благословить бы всех... Ведь вот что в смерти хорошо, что кто-нибудь — и ребенок и нищий, а всякого благословить может, потому отходит... я бы и его благословила... я бы сказала ему: вот моими страданиями, чахоткой... этой кровью, которая четыре года идет из раненой груди, я искупила все, что сделано,— и потому что искупила — благословляю вас... Я протянула бы ему руку. Он бросился бы на нее, и целый поток слез прошиб бы его и оросил бы его душу, как сухую степь, какую заливает теплый ливень!.. А моя рука уж холодная... Какие-то сумерки тихо обступили меня, и уже смутно слышу я: «ныне отпущаеши, владыко, рабу твою с миром» — я бы сказала ему еще раз... Ты... Мишель... прости... вот видишь там... *(горько плачет)* в такой дали, какую я себе и представить не могу, об тебе... об твоем сердце... буду я... мо... молиться. *(Плачет.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Муромский во фраке и орденах выходит из кабинета, за ним Иван Сидоров, держа в руках записку, свернутую в трубку и перевязанную ленточкой, шляпу и перчатки; наконец Атуева и Тарелкин, занятые разговором.

Муромский. Лида,— а — Лида,— где же ты?

Лидочка *(оправляясь)*. Я здесь, папенька.

Муромский. Прощай, дружок. Да ты это что? а? Ты плакала?..

Лидочка. Кто, я? Нет, папенька. А вы это что в параде?

Муромский. О-о-о-х, мой друг,— вот ехать надо.

Лидочка. Ехать — куда?

М у р о м с к и й. Да вот, решили к князю ехать; просить, подать вот записку.

Л и д о ч к а. Так постойте. *(Уходит в свою комнату.)*

Т а р е л к и н *(обертываясь к Муромскому)*. Петр Константинович, не медлите, прошу вас — не медлите. Я вам говорю, теперь самый раз; он теперь свободен, никого нет, и вам будет ловко на досуге объяснить все эти обстоятельства.

А т у е в а. Ну разумеется: не ахти какая радость об таком деле, да еще при людях толковать.

Т а р е л к и н. Именно — ведь я для вас же советую.

Л и д о ч к а входит.

М у р о м с к и й. А ты что это?

Л и д о ч к а. Я с вами.

Т а р е л к и н *(в сторону)*. Ах, коза проклятая!.. — да она все испортит.

М у р о м с к и й *(Тарелкину)*. Она вот со мной.

Т а р е л к и н. Невозможно, невозможно. *(Муромскому, значительно.)* Им неприлично.

А т у е в а. Полно, матушка, видишь, говорят, нельзя.

М у р о м с к и й. Ты, мой дружок, простудишься...

Л и д о ч к а. Нет, папенька, не простужусь *(решительно)* — а впрочем, вы знаете, я вас без себя никуда не пущу.

М у р о м с к и й. Да, ангел ты мой...

Л и д о ч к а. Ведь я с вами только в карете; кто же мне запретит, папенька, с вами в карете быть.

Т а р е л к и н. Да,— так вы наверх к князю не взойдете.

Л и д о ч к а *(посмотрев на Тарелкина)*. Не беспокойтесь — не взойду!

Т а р е л к и н. Ну, этак можно — ступайте, ступайте.

Муромский берет шляпу и бумагу и уходит с Лидочкой; Атуева и Иван Сидоров провожают его за двери.

ЯВЛЕНИЕ 4

Т а р е л к и н и А т у е в а, возвращаясь.

А т у е в а. Ну, вот так-то; насилу-то протолкали; и вам спасибо, добрейший Кандид Касторыч!.. Ну что, право; живет, живет, а ни на что не решается. Вот теперь и мне как будто легче стало.

Входит И в а н С и д о р о в.

Ну что? Вы что думаете?

Т а р е л к и н. Я, сударыня, ничего не думаю.

А т у е в а. Да нет; я спрашиваю, что — успех-то будет? а?

Т а р е л к и н. Никакого.

А т у е в а. Как же никакого?

Т а р е л к и н. Так полагаю-с.

А т у е в а. Так неужели такому лицу нельзя объяснить свое дело? Ну, я сама поеду и объясню.

Т а р е л к и н. Объяснить вы можете.

А т у е в а. Уж я вас уверяю. Да и в просьбе-то всю подноготную пропишу.

Т а р е л к и н. И подноготную прописать можете.

А т у е в а. Так подать не могу?

Т а р е л к и н. Еще бы; даже приемные дни назначены.

А т у е в а. Ну вот видите — сами говорите, приемные дни. Вот я сама и поеду.

Т а р е л к и н. Вот вы и поехали. Введут вас в зал, где уж торчит человек тридцать просителей; вы садитесь на кончик стула и дожидаетесь...

А т у е в а. Отчего же, сударь, на кончик? я и во весь стул сяду.

Т а р е л к и н. Ну нет — во весь стул вы не сядете.

А т у е в а. Сяду. Я не экономка какая. Мой отец с Суворовым Альпийские горы переходил.

Т а р е л к и н. Положим даже, что он их с Аннибалом переходил, а все-таки во весь стул не сядете, ибо — дело, сударыня, имеете!.. Выйдет он сам!.. за ним чиновники,— заложит он этак руку за фрак. *(Закидывает руки и протяжно.)* Что вам угодно?

А т у е в а. А я ему тут все и выскажу.

Т а р е л к и н *(сохраняя позу)*. Положим.

А т у е в а. Да так выскажу, что у него кровь в голову хватит.

Т а р е л к и н. Не полагаю. Его сиятельство страдает геморроем; а от рассказов этих у них оскобина,— зубки болят-с. Ведь это вам так кажется; а в сущности все одно да то же. Пятьсот просителей — и все тот же звон.

А т у е в а *(с жаром)*. Тот, да не тот.

Т а р е л к и н. А он в самом-то пылу и спросит *(тот же голос)*: записку имеете?

А т у е в а. А я ему и записку.

Т а р е л к и н. Он примет, да чиновнику и передаст: вам поклон *(кланяется)*, значит, кончено; к другому — а их до полусотни, у всякого записка — воз; да по почте получен — другой; да всяких дел — третий; да у него в час заседение; да комитетов два; да званый обед на набережной; да вечером опера, да после бал, да в голове уж вот что... *(делает жест)*, так он вашу-то просьбу

с прочими отдаст секретарю: рассмотрите, мол, и доложите... Понимаете... А секретарь передаст сделать справки — мне.

Иван Сидоров *(тихо, Атуевой)*. И предаст тя соперник судии.

Тарелкин. А я отдам столоначальнику.

Иван Сидоров. И предаст тя судия слузе́...

Тарелкин. Вот вы туда же и попали...

Иван Сидоров *(покачав головою, тихо, Атуевой)*. Не изыдеши оттуда, до́ндеже не отдаси последний кодрант.

Атуева *(раскинув руки)*. Не понимаю!!

Тарелкин. А секретарь-то, ведь он тоже власть.— А я-то, я ведь тоже власть; а у меня столоначальник — ведь и он власть!..

Атуева. Так, стало, от столоначальника до князя по всем и бегать.

Тарелкин. Зачем же так себя беспокоить,—в существе достаточно только к столоначальнику.

Атуева. Ну! не верю!

Тарелкин. Извольте, мы вам на счетах выложим. *(Ивану Сидорову.)* Дай-ко, брат, нам счеты. *(Иван Сидоров подает счеты.)*

Тарелкин *(становится в позу и кладет на счетах)*. В отечестве нашем считается, милостивая государыня, две столицы и сорок девять губерний...

ЯВЛЕНИЕ 5

Муромский и Лидочка входят.

Тарелкин *(увидавши их, срывается с своего места)*. Что? что такое?

Муромский *(размахнув руками с сокрушением)*. Нет,— не принимает.

Тарелкин. Как не принимает, когда я вам говорю, что принимает.

Муромский. Мне курьер сказал.

Тарелкин. Да вы курьеру-то сунули?

Муромский. Как же, как же.

Тарелкин. И говорит — не принимает?

Муромский. Говорит — не принимает.

Тарелкин *(трет себе лоб)*. Это удивительно. А вы сколько ему сунули?

Муромский. Полтинничек.

Тарелкин *(хлопнув по счетам)*. Ну, так вот отчего и не принимает. Ну помилуйте: ну можно ли такому курьеру полтинник давать?

Муромский *(с досадою)*. А сколько же такому курьеру давать?

Тарелкин. Пяти- или десятирублевую.

Муромский *(с ужасом)*. Тридцать пять рублей!

Тарелкин. Да вы на ассигнации считаете.

Муромский. Да ведь я ассигнациями оброк-то беру.

Тарелкин *(с досадою)*. Позвольте: у вас никто не спрашивает, получаете ли вы оброк и как вы его получаете: ассигнациями, медью или даже куньими деньгами. Вы поймите это. Вам надо дело сделать — так ли-с? Вы зачем сюда приехали?

Муромский. Ну вы знаете.

Тарелкин. И скоро ехать хотите?

Муромский. Да если этак еще дней десять помаячу,— так и в гроб лягу.

Тарелкин. Опять не туда: до вашей смерти опять никому дела нет.

Лидочка *(с испугом)*. Ах, боже мой! Что вы...

Тарелкин *(Лидочке)*. Позвольте, сударыня,— не об этом. *(Берет Муромского за руку и подводит к окну.)* Посмотрите, много на Невском народу?

Муромский. Много.

Тарелкин. Кому из них дело, что вы из хлопот ваших умереть можете.

Муромский *(смотря в окно и покачав головою)*. Да,— никому обо мне дела нет...

Тарелкин. Ну, вы сделайте опыт: крикните в окно, что, мол, я денег даю,— но смотрите, что будет? *(Хохочет.)*

Муромский *(в сторону)*. Тьфу, провались ты, проклятый человек.

Иван Сидоров. Справедливо говорят.

Тарелкин *(в духе)*. Да помилуйте—это ясно, как дважды два. *(Атуевой.)* Вам чего день стоит?

Атуева. Целковых двадцать стоит.

Тарелкин *(с форсом)*. И вы думаете, что курьер-то и не знает, что вам двадцать целковых день стоит? а? Он, бестия, знает. Ну вы дайте ему десять, а десять-то у вас в кармане останется. Ведь здесь все так.

Иван Сидоров. Справедливо говорят-с.

Тарелкин *(продолжая)*. Здесь у людей даром ничего не берут, нахрапом или озорством каким,— никогда. Здесь все по доброй воле, и даже, скажу вам по справедливости,— пополам. Вам чего дело стоит — двести рублей, ну — сто дайте, сто себе возьмите.

Муромский *(Атуевой)*. Это, кажется, Кречинский писал, промышленная.

Атуева. Да, да.

Муромский *(Тарелкину)*. Это, стало, по правилу: «возлюби ближнего, как самого себя».

Тарелкин. Именно — все наполовину. Согласитесь сами: всегда выгодно свой собственный расход купить за полцены.

Иван Сидоров. Выгодно, сударь, выгодно.

Тарелкин *(продолжая)*. Ну — и для расчета просто; всякий из своего дела видит, сколько дать.

Иван Сидоров. Хитро сделано.

Муромский. Ну — делать нечего... поедем, Лида. *(Взявши шляпу, поднимает руки к небу.)* Боже мой!.. вот пытка-то.

Идут к двери.

Тарелкин. Ступайте, Петр Константинович; ступайте, пока есть время... или нет, постойте.

Муромский и Лидочка останавливаются.

Я вас лучше сам свезу, а то вы опять не дойдете.

Иван Сидоров. Именно, ваше высокоблагородие,— опять не дойдут.

Муромский *(уходя)*. Ну и прекрасно; вот и мне как будто покойнее.

Уходит с Лидочкой и Тарелкиным, Атуева и Иван Сидоров их провожают.

Перемена декораций. Пространная комната. По стенам стулья, столы, на одном из них серебряный поднос с кувшином содовой воды и кружка. Налево от зрителей вхожая дверь, направо дверь в покои начальствующего лица, прямо против зрителей дверь в канцелярию.

ЯВЛЕНИЕ 6

У средних дверей на стуле сидит курьер Парамонов, нюхает табак, тихо сморкается и чистит нос. Глубокая тишина. Чибисов входит с бумагами, на цыпочках.

Чибисов *(шепетом)*. Ну что?

Парамонов *(вертит головою)*. Нет еще.

Чибисов. А уж поздно.

Парамонов. Кто ж его знает. Все еще ходит да воду пьет *(показывает на кружку)*; стало, не готов.

Ибисов *(входит с бумагами)*. Ну, Парамоныч, как? Можно, что ли?

Парамонов *(нюхая табак)*. Тсссс...

Ибисов *(тихо)*. Эка штука... А у меня дело спешное.

Парамонов. Попробуйте.

Ибисов. Чего пробовать,— я у тебя, братец, спрашиваю.

Парамонов. Видите — ни души нет; один, как буря, ходит.

Ибисов. Стало, еще не готов.

Парамонов *(шепотом, но открывая сильно рот)*. Не го-то-в,— говоря-т вам, не го-то-в!!

ЯВЛЕНИЕ 7

Тарелкин и за ним несколько чиновников входят с бумагами.

Чибисов и Ибисов *(машут руками и удерживают)*. Не готов... Господа,— не го-то-в!!

Тарелкин *(отводя Парамонова в сторону)*. Ну что?.. Как он нынче?

Парамонов. И-и-и-и... туча тучей!..

Тарелкин. Хорошо!!! Смотри, я просителя впущу,— ты его не тронь... пускай попросит... *(дает ему в руку)* понимаешь...

Парамонов *(подщурив глаз)*. Попарить, что ль, надо,— ай не гнется? Давайте,— мы попарим...

ЯВЛЕНИЕ 8

Из дверей направо показывается князь в утреннем богатом костюме. Он движется медленно, погруженный в задумчивость, и слегка потирает желудок. Чиновники с глухим шумом теснятся в двери канцелярии; слышны голоса: «ах господа, ох... господа!», наконец вся их масса проталкивается к двери.

Парамонов их припирает.

Князь *(становясь посреди залы)*. А-а-а-а — что это такое?

Парамонов. Чиновники, ваше сиятельство.

Князь. А-а-а-а — что они?

Парамонов. Не желают беспокоить ваше сиятельство.

Князь. А-а-а-а — хорошо. *(Наливает кружку содовой воды, пьет и медленно уходит. Парамонов садится.)*

Муромский показывается из вхожих дверей во фраке, перчатках, при орденах и с запиской, перевязанной ленточкой. Явно смешан.

Парамонов *(показывает ему на стул)*. Обождите здесь.

Муромский садится, тяжело дышит и вертит в руках записку; Парамонов искоса его осматривает и продолжает нюхать табак и чистить нос. Князь показывается снова в дверях; Муромский быстро встает, несколько раз кланяется.

Князь. Варравин!.. Варравин!!

Варравин вбегает и кланяется; Парамонов выходит.

А-а-а-а — что это такое?

Варравин *(сохраняя наклоненное положение тела)*. Проситель, ваше сиятельство,— вероятно, проситель; нынче приемный день, ваше сиятельство.

Муромский *(подходя ближе и перебивая Варравина)*. Я... я... Муромский, ваше превосход... ваше сиятельство — отставной капитан, помещик Муромский.

Князь. А-а-а-а — что вам угодно?

Муромский. Мое дело... то есть —не мое дело, а дело о похищении у меня солитера находится на рассмотрении вашего сиятельства.

Князь. А-а-а-а... Мы его рассмотрим.

Муромский. Я желаю, я прошу у лица вашего защиты вашего сиятельства.

Князь. А-а — я защиты, сударь, делать не могу; я могу только рассматривать дело.

Муромский. Рассмотрите, ваше сиятельство, богом умоляю вас, рассмотрите. Вопиющее дело!

Князь *(Варравину)*. Удивляюсь: вот не встретил ни одного просителя, чтобы не кричал о вопиющем деле.

Муромский. Кто страдает, тот и стонет, ваше сиятельство.

Князь *(взглянув на Муромского)*. Может быть, записку имеете? *(Протягивает руку.)*

Муромский. Имею; только я из дальней деревни затем собственно и приехал, чтобы лично объяснить вам мои невинные страдания.

Князь. Объясняйте: только дело — и не страдания. Мы их не рассматриваем; на то есть врачебная управа.

Муромский. Имею я, ваше сиятельство, единственную дочь,— и пять лет тому назад проживал я с моим семейством в Мо-

скве; имел круг знакомства; словом, держал дом, какой фамилии моей надлежало.

Князь поднимает глаза к небу и потирает желудок.

И дочь моя всегда вела себя так, что, могу сказать, ежечасно молил я господа бога...

К н я з ь. Молитва относится, сударь, к богу — а не к делу; объясняйте дело!

Молчание. Муромский сконфузился и трет себе лоб.

Ну-с извольте же... *(Варравину.)* Что же это такое?

М у р о м с к и й *(в замешательстве)*. О... Когда... а... Теперь... а...

В а р р а в и н. Извольте объяснять их сиятельству ваше дело.

М у р о м с к и й *(судорожно)*. Теперь... когда... ваше сиятельство, мною было... предложение Кречинского принято, то дочь моя, будучи уже невестой... уже невестой... действительно отдала ему этот камень, для того будто, чтобы показать его знакомым; ну только возьми он этот камень да и заложи ростовщику Беку,— то есть не этот камень, а подложный, ваше превосходительство,— изволите понимать — подложный... Ну я, видя это, ростовщику Беку деньги отдал. То есть я деньги-то отдал после, а тут дочка моя настоящий-то камень ему отдала; ну — и он не ищет, и я не ищу; только тут и взялась полиция, да и ввернула нам следствие об этом подлоге.

К н я з ь. Подлог, сударь, воспрещен законом. Где подлог, там и следствие. На что вы жалуетесь? Вам с дочкой оправдаться нужно, а вы жалуетесь.

М у р о м с к и й. В чем же невинному человеку оправдываться?

К н я з ь. Невинному, сударь, и оправдываться; а виновный у меня не оправдается — за это я вам отвечаю. Продолжайте.

М у р о м с к и й. При допросе Кречинский показал, что это было и совершалось ошибкою — да мне что Кречинский; только так и дочь моя сказала: «это была ошибка»; а бывший при этом случае полицейский донес, что будто она сказала: «это моя ошибка» — из этого и произошло все дело; моя, говорят, так, стало, ты!.. Несчастную эту девушку и заподозрили: кто говорит в соучастии, а кто говорит в знании о намерении совершения преступления.

К н я з ь *(отдувается)*. Фу-у-у!..

В а р р а в и н *(тихо князю)*. Не дурно ли себя чувствовать изволите?

К н я з ь. Тяжело...

М у р о м с к и й *(ободрившись)*. Так тяжело, ваше сиятельство, что и сказать нельзя!.. стало, все и следствие ведено теперь о любовной будто связи моей дочери с Кречинским. Подвели и свидетелей: моего повара Петрушку да Расплюева, бродягу,— они дочь мою и оговорили. Поступило в суд. Ну, там вертели и наконец решили оставить, говорит, Муромскую в подозрении будто в незаконной связи. Помилуйте, ваше сиятельство,— лучше ее повесить.

К н я з ь *(вздыхает и трет желудок)*. Фу-у-у!..

В а р р а в и н *(тихо князю)*. Не прикажете ли чего?

К н я з ь. И сам не знаю, давно этак не случалось.

М у р о м с к и й *(расставив руки)*. С тех пор как свет стоит, не случалось!.. Много в нем неправды бывало — ну этакого случая не найти!.. Вот как фокус какой: из ничего составилось дело, намоталось само на себя, да нас как... мух каких в эту паутину и запутало... благоволите выслушать далее.

Князь трет себе желудок.

В а р р а в и н *(тихо)*. Соды бы.

К н я з ь *(указывает на стакан)*. Третий пью; не бык же я!

М у р о м с к и й. Бык?! а — да! Так точно о быке была речь, но и здесь ничего нет. Положим, ваше сиятельство, до скотины-таки я охотник...

К н я з ь. Кто же тут до скотины охотник?!!

М у р о м с к и й. Я-то,— я, ваше сиятельство.

К н я з ь *(Варравину)*. Он говорит, что он до скотины охотник.

М у р о м с к и й. Так точно,— однако не мог же я на тирольского этого быка дочь сменять?! Следователи мне запрос, где, говорят, этот бык? я, чтобы кончить такие пустяки, ответил — съел, мол, я его!.. Так ехидство какое! Взяли да залпом мне временное отделение в вотчину и наслали,— ну и оказался этот бык жив!..

К н я з ь *(наливает себе стакан)*. Что это! У него дочь *(пьет)*; дочь он будто сменял на быка — сомнительно *(пьет)*; быка съел — верю; а бык жив! *(хлопает кружкой по столу)* — не верю! приказная штука! не верю!..

М у р о м с к и й *(с напором)*. Жив!! Ваше сиятельство!..

К н я з ь. Жив!! А... Тьфу! *(Плюет.)*

М у р о м с к и й. Этим самым быком я им и попался в лапы. Быка отдали они на особенное попечение местной власти, а меня предали суду за лживое, говорят, показание...

Князь. У меня лоб трещит — я ничего не понимаю.

Муромский. И я тоже, ваше сиятельство, ничего не понимаю.

Князь. Вот те раз!..

Муромский расставляет руки и трясет головою, они смотрят друг на друга.

Ну, стало, вы кончили?

Муромский *(заступая ему дорогу)*. Помилуйте — это только начало болезням! Когда поступило дело в палату, то она это решение отвергла...

Князь *(тоскует)*. Да он меня уморит,— я умру!..

Муромский *(настойчивее и громче)*. Решение это отвергла, ибо, говорит, нет законного основания, а мою оговорку: «запамятованием за старостью лет» приняла,— что ж, я и благодарен, а сенат опять взошел, сначала, говорит, обратить к преследованию — это значит опять на четыре года; а потом пошел на разногласия. Составилось по этому бедственному делу девять различных мнений, и из всего этого, как я имел честь доложить вам, возрос целый омут; так меня с дочерью туда и засосало; пять лет живем мы с нею под судом; потеряли честь, потеряли достояние, протомились до костей — пощадите! Дочь-то, ваше сиятельство! освободите от этого пасквиля дочь! Ну, судите милостиво, зачем моей дочери бежать да меня обкрадывать, когда я сам ее замуж отдавал. У вас у самих дети; вы сердцем внемлите; тут надо сердцем ощутить.

Князь. Мы, сударь, обязаны не ощущать, а судить.

Муромский. Без этого и судить нельзя.

Князь. А вот попробуем. *(Хочет идти.)*

Муромский *(заступая ему дорогу)*. Что ж попробуете? Невинную девушку загубите. Годы! Золотые годы отымете, честь в комок сомнете и видите *(указывает вверх)*... богу ответ дадите!..

Князь *(посмотрев на потолок)*. Ну при этом, полагаю, вы кончили.

Муромский. Нет, не кончил.

Князь. Ну, так извините, я кончил! *(Кланяется Муромскому и идет в двери; Варравин также кланяется и смотрит Муромскому в глаза.)*

Муромский *(взволнованный идет за князем)*. Ваше сиятельство!.. Ваше сиятельство... позвольте, позвольте... умоляю вас,— возвратите мне дочь! *(Берет его за рукав.)* Прошу вас, избавьте нас от этого мучения...

Князь *(остановившись и обернувшись)*. От чего мне вас избавить?

Муромский. Я вам говорю: от ваших судов и от вашего губительного судопроизводства.

Князь. Я тут ничего не могу — это закон.

Муромский. Да что вы все говорите — закон, закон, вы посмотрите, в чьих он руках?— вон у палача в руках законто — кнут?

Князь *(вспыхнув)*. А-а-а-а — какое вы имеете право так рассуждать?

Муромский. Имею! — и неотъемлемое.

Князь *(с иронией)*. Вот как! — какие же у вас на него, господин капитан, патенты?

Муромский. А вот они! *(Показывает свои волосы.)* Да вот мое сердце *(показывает на сердце)*; да мои терзания... слезы... истома... разорение всей моей семьи — вот мое право — да есть еще и выше!!

Князь. И еще!.. не довольно ли?

Муромский. Нет, не довольно! Дочь я свою защищаю!! Вот мое право, вот мои патенты; вы их читать-то умеете?

Князь *(голос несколько дрожит)*. Хорошо, даже красноречиво; только я просительского красноречия, сударь, не признаю.

Муромский. Отчего же так?

Князь. Оттого, что тут плута от честного не отличишь.

Муромский. Не отличите?

Князь *(несколько улыбаясь)*. Нет-с, не отличу.

Муромский *(резко)*. Так вы места вашего не занимайте.

Князь вздрагивает, Варравин пошатывается несколько в сторону.

Князь. А — вы так думаете?

Муромский. Так.

Князь *(горячась)*. Ну, а я так думаю, что с вашими патентами и порядочные бывают пройды.

Муромский *(также вздрогнув)*. Кто?!!

Князь. Позвольте, позвольте; не горячитесь — вы, я вижу, в военной службе служили — этак: суворовский солдат — знаю,— знаю — так мы вас в бараний рог согнем; мы вот из дела-то посмотрим, что вы за лицо и как вела себя ваша дочка в этом невинном происшествии: путно или беспутно.

Муромский *(забывшись)*. Моя дочь!.. беспутно!.. *(Подступая.)* За что же вы нас оскорбляете, ваше превосходительство,— за что?!! Разве за то, что я люблю свое дитя, а вы своих по целым неделям не видите?

Князь. Как... как?!

М у р о м с к и й. Или за то, что мне вот под Можайском *(указывает на голову)* проломили прикладом голову, когда я, простой армейский капитан, принимал француза на грудь, а вас тогда таскала на руках французская мамка!..

К н я з ь *(наступая на Муромского)*. Позвольте — вы с ума сошли?

В а р р а в и н *(его удерживает)*. Ваше сиятельство, ваше сиятельство — сделайте милость — у них головная рана — они в голову ранены...

М у р о м с к и й. Нет, чиновник, я в сердце ранен! Дочь я свою защищаю, мою честную дочь, преданную публичному поруганию суда, так вы меня слушайте! Я не виноват, что ваше сановнинское сердце любит Анну да Станислава, а детей не любит.

К н я з ь. А знаете ли вы, что я вас в полицию отправлю?

М у р о м с к и й. Знать ничего не хочу. Кровь моя говорит во мне, а кровь не спрашивает, что можно сказать и чего нельзя. Я ведь не петербургская кукла; я вашей чиновничьей дрессировки не знаю. Правду я говорю,— она у меня горлом лезет, так вы меня слушайте! Нет у вас правды! Суды ваши — Пилатова расправа. Судопроизводство ваше — хуже иудейского! Судейцы ваши ведут уже не торг — это были счастливые времена — а разбой! Крюком правосудия поддевают они отца за его сердце и тянут... и тянут... да потряхивают: дай, дай... и кровь-то, кровь-то так из него и сочится. За что меня мучают, за что? За что пять лет терплю я страдания, для которых нет человеческого слова...

К н я з ь. А — коли так: эй! курьер!!

В а р р а в и н *(удерживая князя)*. Ради бога... ваше сиятельство... вы видите... *(Показывает на голову.)*

К у р ь е р входит.

М у р о м с к и й *(ничего не замечая)*. Пусть слышит меня и курьер; пусть он пойдет в трактир, в овощную лавку, ну — в непотребный дом! и пусть там — ну хоть там расскажет, что нашелся хоть один дворянин на Руси, которого судейцы до тех пор мучили, пока не хлынула у него изо рта правда вместе с кровью и дых... *(ему становится дурно — он качается)* дыханием!!

К н я з ь *(вне себя кричит)*. Гей, курьер!.. веди его вон... Тащи его... Тащи...

М у р о м с к и й. Не беспокойтесь, ваше сиятельство,— я и сам иду. *(Выходит, покачиваясь. Парамонов его провожает.)*

ЯВЛЕНИЕ 10

Т е ж е, кроме Муромского. К н я з ь остается несколько минут в неподвижности и смотрит вслед Муромскому; В а р р а в и н, сзади его, с признаками полного изумления.

К н я з ь *(помолчав)*. Каков?! *(Молчание. Сильным жестом указывает на дверь, в которую вышел Муромский.)* Ведь это бунт! — Каковы гуси! вот мы говорим провинция,— нет вон как в провинции-то поговаривают. Да он сумасшедший, он помешан...

В а р р а в и н. Сами изволите видеть.

К н я з ь. Его бы надо взять да в съезжий дом отправить. С чего ты это вздумал меня удерживать?.. Хороши эти приемные дни! Как, помилуйте, всякий с улицы! Его превосходительство справедливо говорит — драка будет... *(Вдруг схватывается и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 11

В а р р а в и н *(один)*. Ну... адвокат! отчитал рацею!.. каково прибрал. Пилатова расправа... иудейское судопроизводство... а, иудейское... ну и заплати... Мы за словами не погонимся. *(Подумав.)* Только... вот что: не вышло бы тут какой разладицы; не очень ли он его-то сиятельство раздражил?.. Теперь, пожалуй, этот пойдет колобродить; подай, скажет, дело; да что это за дело, что проситель некоторым образом из собственной шкуры вон вылез? Пойдет он его вертеть; взойдет ему на ум самая противуестественная блажь — а ты, говорит, исполни!..

ЯВЛЕНИЕ 12

В а р р а в и н и к н я з ь.

К н я з ь *(остановясь в дверях)*. Эй! Максим Кузьмич!.. эй...

В а р р а в и н. Что такое, ваше сиятельство?

Князь делает утвердительный знак.

Неужели?..

К н я з ь. Да!.. *(Входит.)*

В а р р а в и н. А я все боялся, что он вас обеспокоил.

К н я з ь. Да нет, братец, нисколько: оно к лучшему вышло.

В а р р а в и н. К лучшему! — Как благополучно.

К н я з ь. Ей-ей. Ведь какая штука: вчера в клубе вот какую стопу соды хватил — ну ничего.

Варравин. Этот факт надо будет, ваше сиятельство, доктору сообщить.

Князь. Непременно. Он в другой раз так и пропишет: на вечер принять соды, а поутру просителя. *(Хохочет.)*

Варравин *(тоже смеется)*. Очень, очень благополучно.

Князь. Однако скажите вы мне, что это за дело? Подперли его там в суде-то, что ли? Ведь там порядочная орда.

Варравин. Конечно, вымогательства с их стороны бывают; но вашему сиятельству известно, что решения их без рассмотрения вашего никакой существенности не имеют. Так что же — пускай их пишут, ведь они вреда не причиняют.

Князь. То-то, чтоб они у меня вреда не причиняли! Никак!.. Так что ж, он помешан, что ли? Он под Можайском в голову ранен?

Варравин. В голову,— и рана-то давняя. Оно и заметно: несвязность в речах и черножелчие.

Князь. Именно; это тонко вы заметили: несвязность в речах и черножелчие. Да покажите мне это дело; оно у вас готово?

Варравин. Готово, ваше сиятельство.

Князь. Так изложите его вкратце.

Варравин. Изволите видеть: человек он вот какой, состояние большое; одна дочь; ну, можете себе представить, как он ее держал при этаком характере.

Князь. Воображаю.

Варравин. Ну, а к девочке-то и подделался один франт, некто Кречинский, молодчина, косая сажень в плечах...

Князь. А, да — я его в клубе видал; он игрок.

Варравин. А следовательно, и легко себе представить можете, какие тут результаты.

Князь. Воображаю: отец полоумный, а дочь беспутная.

Варравин. После этих результатов Кречинский подобрался и к бриллиантам, заложил их; ростовщика надул самым необычайным образом.

Князь. Так. Это я в клубе слышал.

Варравин. Дошло до полиции, и по рапорту квартального возникло следственное дело; а квартальный этот, изволите видеть, сам присутствовал при ужаснейшей сцене; Кречинский чуть его не убил, ибо силач необыкновенный и характера самого буйного.

Князь. Так что ж капитан-то на приступ лезет?

Варравин. Ну, уж характер такой; а к тому же чванство. Мою, говорит, дочь не тронь.

Князь. Вот как.

Варравин. Я, мол, сам большой барин...

Князь. Капитан-то?

Варравин. А тут еще какое обстоятельство вышло: девочка эта, как заметно, страстно врезалась в Кречинского; ну сами судите, ваше сиятельство, при таких сношениях ведь девчонка этакая всю свою душонку отдаст...

Князь. Воображаю!

Варравин. В самую минуту этой катастрофы она, видите, в совершенном отчаянии как бросится к квартальному, с рыданием даже: «*это*, говорит, *моя ошибка*»!..

Князь. А-а-а-а-а! Это квартальный так и показал?

Варравин. Так и показал. Сами изволите понимать, что значит у такой начитавшейся всяких французских романов девочки слово ошибка!

Князь. Как же, братец, знаю — une faute[1]. Так это дело очевидное, тут и читать нечего.

Варравин. А отец-то, изволите видеть, услышавши это, как ухватит ее — да и сам-то вне себя — от этого, говорит, срамму бежать, да и утащил ее за собою.

Князь. Куда ж, братец, этот самодур из своего-то дома ее утащил?

Варравин. Не из своего дома, ваше сиятельство, а все это происходило и совершилось на квартире у Кречинского.

Князь. У молодца-то! От часу не легче. Стало, отец застал ее, что называется en flagrant délit, — на месте преступления — хе, хе, хе...

Варравин. Должно быть. А отец-то показывает, что он ее сам к Кречинскому привез.

Князь *(с удивлением)*. Сам! не может быть!

Варравин. Извольте в деле посмотреть.

Князь. Так он, братец, с дурью... Его надо в желтый дом, а — молодца с девочкой — строжайше... строжайше!.. Пребезнравственная история. Так извольте вы мне эти существенные факты из дела выбрать и составить по оному мое мнение — и построже.

Варравин. Впрочем, ваше сиятельство, я опять-таки заметить должен, что для составления формального мнения по делу юридических доказательств нет.

Князь. А что мне эта меледá — юридические доказательства. А на результаты-то обращено ли при следствии внимание?

Варравин. Какие результаты, ваше сиятельство?

---

[1] Ошибка, погрешность. Здесь: нравственное падение *(франц.)*.

К н я з ь. Какие?!? Обыкновенно какие бывают результаты, когда какой-нибудь хватина, косая сажень в плечах, сойдется с дамским чувствительным сердцем.

В а р р а в и н. А... понимаю, ваше сиятельство.

К н я з ь. Разве у вас следователи этого не разъяснили?

В а р р а в и н *(припоминая)*. В деле есть постановление, что мамка Муромской, Семенова, отказалась сделать показания.

К н я з ь. Отказалась; почему не принудили?

В а р р а в и н. Воспрещено законом.

К н я з ь. Воспрещено?

В а р р а в и н. Как же, ваше сиятельство, воспрещено.

К н я з ь. А — ну... делать нечего. Однако если был ребенок, так надо обнаружить, где он? — Ну где же он? *(Молчание.)* Тут, стало, кроется другое преступление... а?! *(Поднимает значительно брови.)* Так вы извольте в мнении проставить, что вопрос этот по запирательству мамки не разъяснен — и все дело... *(думает)* все дело обратить *(с решительностью)* к переследованию *(машет рукой)* и к строжайшему... строжайшему...

В а р р а в и н *(в сторону)*. Боже мой—он все изгадит! *(Вслух.)* Ваше сиятельство — позвольте заметить: дело пять лет идет.

К н я з ь *(остановившись)*. Пять лет... а хоть десять! Мне нужна истина...

В а р р а в и н. А между тем сами же изволите взыскивать за медленность делопроизводства.

К н я з ь *(посмотрев строго на Варравина)*. Да что вы ко мне пристали?.. *(вертит пальцем)* ни, ни, ни... сказал к переследованию, и кончено!.. *(Строго.)* Составьте мнение, и сей же час. *(Смотрит на часы.)* О боже! что это? Двенадцать часов, а у меня заседание да комитет. Давайте бумаги к подписанию; только поменьше, и сейчас, сейчас!..

В а р р а в и н. Слушаю; я самонужнейшие представлю.

К н я з ь. Да, да... Гей, курьер!..

П а р а м о н о в вбегает.

Карету! Просителей вон! Нынче не могу — занят.

Князь и Парамонов уходят в разные двери.

Я В Л Е Н И Е 13

В а р р а в и н, один, потом Т а р е л к и н.

В а р р а в и н *(с досадою)*. К переследованию?! Какой тут смысл?! А ты, говорит, пиши. Нынче всякий по-своему, просто хаос, смешение языков. *(Качая головой.)* Последние времена на-

стали. *(Вздыхает.)* А... Изгажено дело. *(Отворяя дверь в канцелярию.)* Тарелкин!

Тарелкин входит.

Дело Муромских изгажено.

Тарелкин *(с ужасом)*. Как?

Варравин. Этот помещик того наговорил князю, что лучше содовой воды подействовало; ну, он теперь стал на дыбы, да так и ходит. Приказал все дело обратить к преследованию. Пишите бумагу.

Тарелкин. Что же с Муромским-то делать?

Варравин. Приказал; вы его нрав знаете.

Тарелкин. Однако это всегда в ваших руках было.

Варравин. И приступу нет. Один раз так на меня глянул, что я и отступился; черт, мол, с тобой.

Тарелкин. Вот не угодно было согласиться на первое предложение Муромского.

Варравин. Я сказал, нельзя. Пойдет к преследованию.

Тарелкин. Он умрет, вот увидите, скоро умрет. А дочка, за это отвечаю, — гроша не даст, у нее, видите, на все принципы.

Варравин и Тарелкин *(вместе)*. Тс... ах... *(Тоскуют. Молчание.)*

Тарелкин. Стало, так он со своими деньгами домой и поедет.

Варравин. Так и поедет.

Тарелкин. Это невыносимо!.. Сколько лет... что забот... что хлопот; *(в сторону)* меня кредиторы завтра же за ворот возьмут. *(Вслух.)* Это невыносимо.

Варравин *(думает)*. Азартный человек — опасен. Если взять, а дела ему не сделать — он, пожалуй, скандал сделает. В нем совсем нет той скромности, как вот прочие просители. Ведь придет теперь проситель, точно овца господняя; что ты хочешь, то с ним и делай. А он так нет. Его князь в полицию хотел отправить — за помешанного принял.

Тарелкин. Неужели?.. За помешанного... Гм. Ваше превосходительство! — да если он помешанный... *(Смотрят внимательно друг на друга.)* Ведь это уж лучше овцы господней...

Варравин *(думает)*. Н-да.

Тарелкин. Ведь ему веры нет, как хочешь кричи...

Варравин *(про себя)*. Есть для таких случаев оборот... разве попробовать!.. *(Думает.)*

Тарелкин. Ей-богу, ваше превосходительство, ведь он так уедет...

Варравин *(решаясь)*. Хорошо!.. Пусть так!.. *(Тарелкину.)* Сей же час пишите мнение об обращении дела к преследованию.

Тарелкин. Слушаюсь-с. *(Садится и быстро начинает писать.)*

Варравин. Пишите резко. Его сиятельству так угодно... Сначала как обыкновенно, потом идите так: «а потому принимая на вид: первое...»

Тарелкин *(пишет)*. Первое...

Варравин. И проставьте здесь оные четырнадцать пунктов о подозрении в любовной связи — знаете — из особого мнения...

Тарелкин. Знаю, ваше превосходительство. Ведь их тятенька составляли.

Варравин. Ну да. Засим идите так (*диктует*): «и поставить следственной комиссии на вид обнаружить причины запирательства мамки Семеновой, и если потребуется, то приступить по закону,— к медицинскому освидетельствованию подсудимой».

Тарелкин *(пишет)*. Подсудимой.

Варравин *(собирает бумаги)*. И тотчас в переписку, чтобы к докладу завтра было готово. Слышите?

Тарелкин *(продолжает писать)*. Слышу-с.

Варравин *(подходя к нему ближе и вполголоса)*. Между тем завтрашний же день утром вызовите к себе поверенного Муромских; да в глаза ему этим пунктом и пырните!.. Смотри, мол, борода, вот что грозит! Жизнь и смерть! Деньги!.. Двадцать пять тысяч, как один рубль. Чтоб тотчас были! Без проволочек и шатаний... *(Идет в канцелярию.)*

Тарелкин *(в сторону)*. Как же это! *(Думает.)* Пишем мнение,— дело идет к преследованию; с начальством сладить не можем,— а деньги дай! *(Прилежно пишет.)* Не понимаю...

Варравин *(отворивши дверь в залу канцелярии)*. Господа! Бумаги к подписанию его сиятельства; только самонужнейшие и скорее.

Тарелкин *(останавливается писать и думает)*. Не понимаю... *(Махнув рукою.)* А, были бы деньги... *(Прилежно принимается писать во все продолжение следующей сцены.)*

Шум. Входит толпа чиновников с кипами бумаг, которые они от тесноты держат над головами и таким образом обступают Варравина. Вся сцена идет быстро.

Чибисов *(сдавая Варравину бумаги)*. Три бумаги по комитету, ваше превосходительство, да три отношения весьма спешные,— непременно надо.

Варравин *(быстро их пробегая)*. М-м-м-м-ма так, знаю... хорошо. *(Берет их на руку.)*

Ибисов *(сдавая ему бумаги)*. Согласно вашему приказанию — весьма спешные.

Варравин *(пробегая)*. М-м-м-м-м... Хорошо, м-м-м-м... *(Берет их на руку.)*

Герц *(скоро)*. Ваше превосходительство, у меня весьма спешные бумаги.

Варравин. Самонужнейшие?

Герц *(складывая ему бумаги)*. Самонужнейшие.

Шерц *(также складывая ему бумаги)*. Самонужнейшие, ваше превосходительство.

Все чиновники *(вместе насыкаются с бумагами)*. Самонужнейшие.

Варравин *(кричит)*. Тише! Что вы! Стойте! *(Топает.)* Больше ни одной бумаги не приму,— кончено!

Шмерц *(вывертывается из канцелярии и сваливает на Варравина целую кипу)*. Самонужнейшие, ваше превосходительство!..

Варравин. Ай!! *(Исчезает под бумагами и кричит глухим голосом.)* Стойте!! Вы моей смерти хотите!..

Чибисов и Ибисов бросаются к нему и его поддерживают. Картина.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Квартира Муромских. Утро.

ЯВЛЕНИЕ 1

Лидочка сидит у окна за пяльцами, подле нее Нелькин; в другом углу комнаты Атуева. Молчание. Входит Муромский в халате, осматривает всех и начинает бродить по комнате.

Муромский *(остановясь против Атуевой)*. Ну... что же вы думаете?

Атуева. Ничего не думаю; дивлюсь только, зачем же мы сюда приехали?

Муромский *(разведя руками)*. Ну — об этом уж говорили... делать нечего, не вытерпел.

Атуева. Теперь придумывайте сами.

Муромский. Да вы-то промеж себя что-нибудь да советовались?

Атуева. Какое тут советование. Она вот нарочно не говорит со мною ни слова,— тем и кончили.

Муромский. Я послал Ивана Сидорова Тарелкина проведать.

Атуева. Чего тут посылать? После такого пассажа ему двери укажут, да тем и кончат.

Муромский *(смущенно)*. Что ж... теперь делать?

Атуева. Я не знаю.

Муромский *(со страданием)*. Да вы меня, сестрица, не мучьте... я право... тово... как в тумане. *(Делает жест.)*

Атуева. Вот точно ребенок. Накутил, да теперь и ходит за советом. Вам бы о дочери-то подумать, чем такую горячку.

Лидочка и Нелькин быстро встают.

Лидочка. Тетенька, оставьте отца! Что вы его попрекаете! Неправда, отец хорошо сделал.

Муромский. Да что, мой друг, я сделал; я и сам не знаю, как это сделалось.

Лидочка. Поверьте, папенька,— все, что лучшего делается,— сам не знаешь, как делается. Пожалуйста, не думайте обо мне, а думайте о том, что выше меня,— о вашей чести; о том, что выше чести,— о вашей честности,— да так и действуйте. Я давно говорю: бросьте сделки, оставьте подсылы, перестаньте честной головою бесчестному туловищу кланяться. Лучше будет!..

Нелькин. Вы посмотрите, разве мало честных людей страдает? Разве мало их гниет по острогам, изнывает по судам? Разве все они должны кланяться силе, лизать ноги у насилия? Неужели внутри нас нет столько честности, чтобы с гордостью одеться в лохмотья внешней чести, которую располосовал в куски этот старый шут — закон, расшитый по швам, разряженный в ленты и повесивший себе на шею иудин кошель!..

Атуева. Это что, батюшка, за трагедия такая? Все это французские романы да слова.

Лидочка. Нет, тетушка, не слова это; а это голос чистой совести, который, поверьте, сильнее, чем весь этот гам бездушной толпы, от которой, слышите вы, я отрекаюсь навеки!.. Пускай я пойду по́ миру, пойду нищая, да честная... и всегда скажу, всем скажу — мой отец хорошо сделал.

Муромский *(плачет и обнимает ее)*. Друг ты мой, дитя мое!..

Лидочка *(целуя отца и держа его в руках)*. Не плачьте, папенька, не крушитесь; смотрите, я покойна. Я знаю: вина этой беды не во мне, не в сердце моем; а такая беда не бесчестит и книзу не гнет — а подымает выше... и на такую гору, где уже ничье жало не язвит...

Муромский. Так чего же ты, дружок, хочешь? Какой конец?

Лидочка *(с жаром)*. Конец унижениям... Конец поклонам... Я хочу видеть вас твердого и гордого в несчастии.

Атуева. А тебя и засудят.

Лидочка. Пускай.

Атуева. Что ж с тобою будет?

Лидочка. Со мною все уж было — со мною ничего не будет!!

Муромский. Так, стало, ехать в деревню?

Нелькин. Нет! Ехать и требовать правду.

Атуева. Я говорю — романы да слова. Ну что вы, сударь, говорите-то? Ну где она в свете правда? Где вы ее найдете?

Нелькин. Ну, а если ее точно в свете нет, так пусть ему и будет стыдно — а не мне...

ЯВЛЕНИЕ 2

Иван Сидоров входит, кладет шапку на стул и останавливается у дверей.

Муромский. Ну вот и он. *(Идет к нему.)* Ну — что скажешь?

Иван Сидоров. Был, батюшка, видел.

Муромский. Кого?

Иван Сидоров. Да Кандида Касторыча.

Муромский. Ну что?

Иван Сидоров. Да позвольте, сударь *(отводит его в сторону)*, круто, круто что-то повели.

Муромский *(с беспокойством)*. Что такое? *(Нелькину.)* Владимир Дмитрич, подойди сюда.

Нелькин подходит.

Иван Сидоров. Видите, государи; его-то сиятельство разлютел так, что и на́ поди; теперь они и обращают все дело сызнова, на новое преследование и, видите, самым строжайшим образом.

Муромский *(голос его дрожит)*. Господи милосердый...

Нелькин. Да верно ли?

Иван Сидоров. Он мне и черновое и беловое казал; идет, говорит, в доклад.

Нелькин. Ну пускай их следуют: делать нечего, пускай следуют.

Иван Сидоров. А вы знаете ли, как следовать-то будут?

Атуева подходит к Ивану Сидорову. Лидочка остается одна в стороне и плачет.

Нелькин. Ну как же? Нынче, слава богу, пытки нет.

Иван Сидоров. Ан вот есть. Ведь яд-то какой? А потому принять, говорит, все меры к открытию истины...

Нелькин. Пожалуй.

Иван Сидоров *(продолжает и тычет пальцем)* ...и если, говорит, обстоятельства потребуют, то пригласить врачебную управу к медицинскому освидетельствованию.

Атуева, Муромский *(вместе)*. Боже мой!!

Нелькин. Что, что такое? Я не понимаю!!

Иван Сидоров. Да Лидию Петровну в управе хотят свидетельствовать!

Нелькин *(у него вырывается крик)*. Ах!! Так это целый ад!! Петр Константинович *(махнув руками)*, отдавайте все!..

Иван Сидоров. Позвольте, государи,— что за попыхи. По-моему, они этого сделать не могут. Закона нет.

Нелькин. Ха-ха-ха,— закона... О чем стал говорить — о какой гнили... *(Муромскому.)* Вам больше делать нечего: отдавайте!! Что вы боретесь,— отдавайте все!..

Лидочка *(подходит к ним)*. Что же это значит? Скажите мне?

Муромский *(в затруднении)*. Да вот, друг мой...

Нелькин *(перебивая его)*. Стойте!.. и ни шагу! *(Лидочке.)* Здесь никто... никто вам этого сказать не может.

Лидочка. Мы вот сейчас говорили...

Нелькин *(в самом расстроенном виде)*. Не-е-ет, теперь не то!.. Теперь... лопнули все границы, заглохнула совесть, ослеп разум; вы в лесу!.. На вас напали воры,— над вами держат нож — о нет!.. *(Закрывая лицо руками.)* Сто ножей!!! Отдавайте, Петр Константинович, отдавайте все,— до рубашки, до нитки, догола!!

Муромский *(вынимает из бюро деньги)*. Да вот они... *(Кладет их на стол.)* Пропадай они — чертово семя!..

Нелькин *(Сидорову)*. Сколько назначали?

Иван Сидоров. Тридцать тысяч.

Атуева. Как тридцать — говорили ведь двадцать.

Иван Сидоров *(пожав плечами)*. Хлопнул кулаком по столу: жизнь и смерть... Подавай, говорит, тридцать тысяч как один рубль!

Нелькин. Когда везти?

Иван Сидоров. В четыре часа чтоб были...

Нелькин *(Муромскому)*. Сколько тут?

Муромский. Двадцать.

Нелькин *(ощупывая карманы)*. Что делать? Что делать?

Муромский *(расставя руки)*. Я не знаю.

Общее молчание.

Лидочка. Владимир Дмитрич — у меня там есть бриллианты... тысячи на три.

Нелькин. Давайте!

Лидочка выходит.

Атуева. Постойте, постойте — у меня тоже есть вещи... Постойте. *(Скоро выходит.)*

Лидочка *(приносит несколько экранов[1] и кладет их на стол)*. Вот они... только, пожалуйста, тут маменькино кольцо— я его не отдам.

Муромский *(отыскивает кольцо и отдает его дочери)*. Вот оно! Это я ей, покойнице, подарил... когда она... тебя мне *(рыдает)* подарила...

Лидочка бросается к отцу на шею, оба плачут.

Атуева *(приносит также вещи и экраны и кладет их в кучу)*. Вот... все... бог с ними... ведь для нее же берегла.

Все толпятся около стола, суматоха, разбирают вещи.

Муромский. Да что... много ли тут?.. Как набрать такую сумму?.. Вот тут двадцать; да тех хоть три, двадцать три; да вот у сестрицы на две — двадцать пять; ну вот, стало, пяти тысяч все нет.

Молчание.

Нелькин *(шарит по карманам)*. О боже мой!.. Как нарочно, весь истратился... У кого занять? *(Думает.)* Кто меня здесь знает?.. Меня никто не знает!..

Иван Сидоров *(в продолжение этого разговора отходит в сторону, вытягивает из-за пазухи ладанку, достает из нее*

---

[1] Экраны — ларцы для драгоценностей (от *франц.* écrin).

билеты и подходит к Муромскому). Сколько вы, батюшка, нехватки-то сказали?

Муромский *(расставя руки).* Пять тысяч!..

Иван Сидоров *(подает ему билеты).* Так вот, сударь, теперь, должно быть, с залишком будет.

Муромский. Что это? Ломбардные билеты! Какие же это билеты?

Иван Сидоров. По душе, батюшка Петр Константинович, по душе.

Муромский *(рассматривая билеты).* Неизвестные...

Иван Сидоров. Неизвестные, сударь,— все равно что наличность; еще лучше, в кармане-то не ершатся.

Муромский. Стало, братец, это твои деньги.

Все обращаются к Ивану Сидорову.

Иван Сидоров. Так точно. Что же, батюшка, мы люди простые; коли уж пошло на складчину — ну и даешь, сколько сердце подымет. Мое вот все подняло; что было, то и подняло.

Муромский *(тронутый).* Добрый же ты человек... хороший человек.

Лидочка *(быстро подходит к Ивану Сидорову).* Иван Сидоров!.. Обними меня!..

Иван Сидоров *(обнимает ее).* Добрая наша... честная наша... барышня...

Лидочка *(тихо, Муромскому).* Ему надо расписку дать.

Муромский. Да, мой друг, да.

Лидочка садится и пишет; Муромский, Иван Сидоров и Атуева считают деньги.

Нелькин *(оставшись один посреди комнаты).* Боже мой! А я-то?.. у меня ничего нет... мне не за что и руку пожать!

Лидочка. Владимир Дмитрич! Вам грешно так говорить.

Иван Сидоров *(продолжая считать деньги).* Ничего, сударь,— вы после отдадите.

Нелькин. Когда же я отдам?.. Кому?!

Иван Сидоров. Поживете — так случится. Вы тогда за меня отдайте; а теперь я за вас.

Нелькин *(с увлечением).* Дай руку, Сидорыч,— отдам, братец,— отдам. *(Жмет ему руку.)*

Иван Сидоров *(тихо, Лидочке).* Сударыня, не надо... не надо.

Лидочка. Что не надо, Сидорыч?

Иван Сидоров. А бумажку-то, что пишете.

Лидочка. Да это расписка.

Иван Сидоров. Знаю, сударыня: что бумагу-то марать; Христос с нею, с распискою.

Лидочка. Так порядок требует.

Иван Сидоров. Ну нет, сударыня, порядок так не требует. Когда б вы их у меня просили — ну точно, оно было бы порядок; а ведь вы их, матушка, не просили; так что же вам? — дал я грош, дал я тысячу — это все единственно. Раздерите ее, сударыня, право, раздерите, а то обидно будет.

Лидочка рвет расписку.

Вот так; а по-нашему сказать надо: бог дал, бог и взял — буди имя господне благословенно... (*Обращаясь к Муромскому.*) Ну вот, батюшка, и слово благое на ум взошло. С ним да и в путь! (*Помогает Муромскому собирать деньги и вещи.*)

Муромский (*собирается слабо и рассеянно*). Господи... господи... твоя воля...

Иван Сидоров. Не тужи, мой отец,— не тужи... посмотри, господь все вернет — вот помяни ты мои слова, что все вернет.

Муромский. Да ведь, Иванушка... не грабленые...

Иван Сидоров. Знаю, мой отец, знаю... Вернет — ты только веруй...

Муромский. Да ты смотри, свои-то деньги в Стрешневе получи... слышишь...

Иван Сидоров. Слушаю, батюшка, получу.

Муромский. Лес, что ли, Бельковский продай.

Иван Сидоров. Там, сударь, видно будет,— а теперь мне надо к Кандиду Касторычу добежать да известить, что вы в четыре часа будете.

Муромский. Хорошо, хорошо... (*Завернув вещи, показывает на них.*) Как же это, братец? — вот бриллианты-то ведь ему же... тово... их не везти так?

Иван Сидоров. Как можно. А вы вот заедете к ювелиру да ему и отдадите. Ведь копеек десять, больше не скинет.

Муромский. Так ты сперва со мною ступай,— а то я, брат, плохо... в-и-и-и-жу... да и на уме-то у меня что-то темно стало... (*Трет себе голову.*)

Лидочка (*взявши его за руку*). Папенька! Что с вами?.. Папенька!..

Муромский. Нет, ничего, мой друг... я ничего... (*Собирается.*)

Лидочка. Голубчик вы мой... (*помогает ему*) не беспокойте себя... ради бога, не беспокойте... ну для меня. (*Обнимает его.*) Иван Сидоров, ты, смотри, с нами.

Муромский. Да, брат, с нами... с нами...

Иван Сидоров. Слушаю, матушка, с вами. *(Берет вещи, шапку и отворяет им двери. Лидочка ведет отца под руку. Атуева поддерживает его с другой стороны. Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Нелькин *(один. Смотрит им вслед и закрывает себе лицо; потом быстро выходит на авансцену)*. Боже мой!.. *(Ударив себя в грудь.)* Сердце пустое — зачем ты бьешься?! Что от тебя толку, праздный маятник? колотишься ты без пользы, без цели? *(Показывает на место, где стоял Иван Сидоров.)* Простой мужик и полезен и высок — а я?! Месть! Великую месть всякой обиде, всякому беззаконию затаю я в сердце!.. Нет, не затаю — а выскажу ее всему православному миру! На ее угольях накалю я клеймо и влеплю его прямо в лоб беззаконию!! *(Хочет идти.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Нелькин. Лидочка вбегает.

Лидочка. Владимир Дмитрич... Владимир Дмитрич, вы здесь?

Нелькин *(бросаясь к ней)*. Здесь! Здесь! Что вы?

Лидочка. Дайте мне гофманские капли...

Нелькин. А что? Что случилось?!! *(Ищет капли.)*

Лидочка. Нет, нет, ничего не случилось — а я боюсь только! — он очень слаб.

Нелькин *(подает ей)*. Вот они! Это ничего; бог даст, ничего.

Лидочка *(уходя)*. Вы не уходите, пожалуйста! Вы нас не оставляйте...

Нелькин. Господь с вами!.. Я ли вас оставлю?.. Да что я могу для вас? Видите, какое я создание — какая судьба! Вот и теперь, ну на что я вам годен?

Лидочка. Да неужели же только одни деньги нужны; вы нас любите? Правда ли?

Нелькин. О, правда! святая, чистейшая правда!.. Этою любовью я весь горю, я полон ею, ею только и живу...

Лидочка протягивает ему руку, он покрывает ее поцелуями, они выходят вместе.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Комната канцелярии. Дверь в кабинет отворена.

ЯВЛЕНИЕ 1

Тарелкин *(один. Стоит у авансцены и в раздумье, посмотрев на часы)*. Еще несколько минут, и ввалит он к нам с полным возом. Признаться, вижу я дело горячее — хватил тридцать!.. А он и сдался! Стало, дело-то сделал я, ей-богу, я,— а не он!

Варравин также в раздумье проходит всю сцену, уставляется на Тарелкина и, постоявши несколько минут, удаляется обратно.

Стало, по-настоящему, по истине от всего куша половина мне!.. Не даст... Да что тут — отрежу ему начистоту, так и даст... В этих случаях что нужно? Характер — да; характер и больше ничего. *(Трет руки.)* Пятнадцать тысяч!.. Ведь я богат! Как подумаешь, как это странно; был беден, ведь как беден: нет той сумы нищенской — ну — старых панталон, которые были бы беднее меня — и вдруг имею состояние — богат. И слово-то какое увесистое, точно оно на вате: богат. Приятно! Нет, что ни говори, а я уважаю этот закон природы; именно закон природы: потому многочисленные опыты показывают — был беден, ничего не имел — и вдруг богат...

Варравин проходит снова по сцене и, постоявши, удаляется.

Рассвирепеет же и он! ой, ой, ой, рассвирепеет, — а я в отставку — да мне что?.. Всего я насмотрелся, всего и напробовался... Рвал я цветы на берегах Мойки, вил я венки на берегах Фонтанки — вкусил и сластей невских! Цветы эти оказались то самое терние, которое Левиафан безвредно попирал ногой; от венков вот что осталось *(поднимает парик и показывает совершенно лысую голову)*; от сластей невских вставил моржовые зубы! Бог с ним, это величие. Укачу в матушку-Москву — город тихий, найму квартирку у Успенья на Могильцах, в Мертвом переулке, в доме купца Гробова, да так до второго пришествия и заночую.

Варравин показывается опять, слышен шум в передней; Тарелкин кидается к нему.

Ваше превосходительство! Он!.. Он!! приехал!..

Варравин *(очень спокойно)*. Ну что же? Примите его, одержите, да мне и доложите.

Тарелкин. Слушаю-с.

Варравин. Да смотрите, как я приказывал, позовите сейчас экзекутора!.. *(Уходит в кабинет.)*

Тарелкин *(бросается к своему столу, садится и листует бумаги)*. На какого черта ему экзекутор? Зачем ему эта скотина экзекутор?.. Не понимаю...

ЯВЛЕНИЕ 2

Входит Муромский, несколько согнувшись, тяжело дышит, боковой карман у него туго набит. Тарелкин углубляется в бумаги и, выворотя белки, следит.

Муромский *(подходя к Тарелкину)*. Кандид Касторыч,— а Кандид Касторыч — это я!..

Тарелкин. Ах, боже мой, а я за делами вас и не заприметил.

Муромский. Все в трудах... Можно, что ли?

Тарелкин. Занят — повремените... не угодно ли... *(Указывает ему на стул.)*

Муромский медленно садится и осматривается. Тарелкин углубляется в бумаги. Молчание.

Муромский. Батюшка, извините меня — нельзя ли стаканчик водицы? что-то тяжело, горло пересыхает; все вот жажда мучит.

Тарелкин. Отчего же, помилуйте, сейчас... *(Встает, в сторону.)* Точно перед операцией, все воду пьет. *(Уходит.)*

Муромский *(один)*. Вот чем кончилось! Боже мой! все... все... даже и бриллианты!! Выходит, что Михайло-то Кречинский мне пророчество писал...

Тарелкин *(входит с стаканом воды)*. А! Петр Константинович, мы ли вам не служим?

Муромский *(пьет и обтирает себе лицо)*. Благодарю вас, благодарю.

Тарелкин *(собирая бумаги в кучу)*. Я вот сейчас пойду с докладом и об вас скажу — да вы, смотрите, недолго *(на ухо)*, он уж все сделает — будьте покойны.

Муромский. Хорошо, хорошо.

Тарелкин. Ведь у него дел-то гора целая. *(Потряхивая бумагами.)* Видите! *(Идет в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Муромский *(один, слабым голосом)*. Господи *(осматривается)*, как Даниил, вверженный в ров львиный... вот она, волчья-то яма. *(Достает из кармана бумажник и вынимает бумагу.)* Ей-ей,— точно пророчество писал... *(Читает с выражением и ударением.)* ...но бывает уголовная или капканная взятка,— она берется до истощения, доголà... *(осматривает себя)* доголá... производится она по началам и теории Стеньки Разина и Соловья Разбойника; совершается она под сению и тению дремучего леса законов... *(осматривает обстоящие его шкафы и читает)* свод законов... свод законов... так!.. *(продолжает)* помощию и средством капканов, волчьих ям и удилищ правосудия, и в эти-то ямы *(опять осматривается)* попадают без различия пола, возраста и звания, ума и неразумия, старый и малый, богатый и сирый...

Тарелкин *(выходя с бумагами)*. Пожалуйте.

Муромский складывает бумагу, кладет в бумажник и плетется в кабинет.

(Один.) Опять об экзекуторе? Что же он такое сделать-то хочет?.. *(Думает.)* Нет, стало, глуп, не понимаю... однако позвать надо. *(Уходит в среднюю дверь.)*

Сцена минуту или две остается пустою. Глубокая тишина.

ЯВЛЕНИЕ 4

Тарелкин входит, за ним экзекутор Живец.

Тарелкин *(продолжая разговор)*. Не знаю, право, не знаю. Говорил Максим Кузьмич, что его превосходительству угодно сделать это экономическим путем.

Живец. Я не прочь! Я от экономического пути не прочь! Как его превосходительству угодно. *(Направляется к кабинету.)*

Тарелкин *(заступая ему дорогу)*. Нет,— обождите.

Живец. А что?

Тарелкин. У них проситель.

Живец. А — ну! это не по моей части... *(Начинает ходить по комнате.)* И действительно, от этих подрядов, друг мой, Кандид Касторыч, одно только нарекание; верите ли, одно нарекание...

Тарелкин *(посматривая в кабинет)*. Очень верю, очень верю.

Живец. Ей-ей. Ведь оно только нарядно смотрит, что вот подрядчик! а в сущности он, Иуда, выеденного яйца не стоит... так-то, дружище!

Тарелкин *(та же игра)*. Очень верю, очень верю.

Живец. Жить нечем! Потому это у них как: у каждого подрядчика свое место, другой уж и не суйся —ты, говорит, там, а я, говорит, здесь; у них эти места ведь по рукам разобраны. Хорошо. Вот я этак, по должности-то, смотрю, да и вижу, что он без малого рубль на рубль хватил; ведь хорошо? Так что же; норовит он, бестия, дюжину персиков тебе на подносе поднести или малины к светлому празднику. Ну судите сами,— служил я в военной службе — что ж мне малина?.. У меня дети, что же мне малина?.. Ведь я не млекопитающее?..

Тарелкин *(идет в кабинет и останавливается против Живца)*. Ну нет... Вы млекопитающее. *(Проходит.)*

Живец *(оскорбившись)*. Я?.. Млекопитающее! — ну а ты свинья!...

Тарелкин *(подойдя к двери кабинета)*. Ваше превосходительство! Экзекутор Живец.

Варравин *(из кабинета)*. Очень хорошо. *(Раскланиваясь в дверях с Муромским.)* Будьте уверены — я рассмотрю ваше дело с полным вниманием *(кланяется)*, с полным вниманием. *(Уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ 5

Муромский, Тарелкин и Живец.

Тарелкин *(тихо, Муромскому)*. Ну что, батюшка?

Муромский. Обещал.

Тарелкин. Ну,— вы все объяснили?

Муромский. Да, объяснил...

Тарелкин. Передали все?

Муромский. Как следует.

Тарелкин. Ну так и будьте покойны — все будет сделано в лучшем виде *(кланяется)* — в лучшем виде.

Муромский *(тоже кланяется)*. Дай бог, дай бог. *(Выходя на авансцену.)* Как будто и полегче стало... лишь бы мне ее, мою горлинку, душу-то мою увидеть спокойную... *(Покачав головою.)* Господи! слепота человеческая!.. вот: копил, копил, про нее ведь копил; а вот куда... последнее свез... ну их, деньги!.. Будь они прокляты — от них все вышло. *(Медленно уходит.)*

Живец *(Тарелкину)*. Теперь можно?

Тарелкин *(в духе)*. Теперь можно, можно.

Живец направляется в кабинет.

ЯВЛЕНИЕ 6

Варравин выходит из кабинета и сталкивается с экзекутором. Тарелкин и Живец.

Варравин. Что вы?

Живец. Изволили требовать.

Варравин. А — да; погодите. Гей! Курьер!

Тарелкин *(бежит к двери)*. Гей! Курьер! Парамонов!

Парамонов входит.

Варравин *(держит в руках пакет)*. Вороти этого просителя. Скорей!

Парамонов бежит за Муромским.

Тарелкин *(в испуге)*. Ваше превосходительство! Максим Кузьмич! Что вы?

Варравин смотрит в упор на Тарелкина и остается неподвижен; Живец наблюдает за обоими; в дверях показываются Муромский и Парамонов.

ЯВЛЕНИЕ 7

Варравин, Тарелкин, Живец, Муромский и Парамонов.

Муромский *(Парамонову)*. Ты... тово... ошибаешься, друг... это не меня.

Парамонов *(тесня собою Муромского)*. Их превосходительство изволят требовать!..

Муромский *(мягко)*. Да не меня,— братец, не меня...

Парамонов. Пожалуйте; пожалуйте,— их превосходительство...

Муромский. Да ты ошибся, братец...

Варравин *(перебивая Муромского)*. Позвольте! Я вас требую.

Муромский *(с изумлением)*. Меня?!

Варравин. Да,— вас! Вы оставили у меня в кабинете вот этот пакет с деньгами *(показывает пакет)*,— так ли-с?

Муромский *(вздрогнувши)*. Я?.. Нет... Ах, как нет!.. Оставил... то есть — может быть... позвольте... я не знаю... что же вам нужно?

Варравин. Мне нужно заявить ваш поступок вот,— при свидетелях.

Муромский. Так что же это? *(Осматривается.)* Западня?!

Варравин. Вы меня хотели купить, так ли-с?

Муромский *(совершенно смешавшись)*. Да позвольте; тут, стало, недоумение какое... извините... простите меня! ведь это вот они мне сказали. *(Указывает на Тарелкина.)*

Тарелкин *(также смешавшись)*. Что вы? Что вы?.. Ваше превосходительство! Я вот вам Христом распятым клянусь — ни-ни; никогда! Я их и в глаза не видал...

Варравин *(не обращая внимания на Тарелкина)*. Так знайте, что я денег не беру! Вы меня не купите! Вот они, ваши деньги! *(Кидает ему пакет на пол.)* Возьмите их! И убирайтесь вон с вашим пасквильным делом!

Муромский. Не о пасквильном деле я прошу — позвольте... *(Наступая на Тарелкина.)* Что это? — а? Да как же вы могли...

Тарелкин *(потерявшись)*. Помилуйте! — что вы меня путаете! Ваше превосходительство! что же они меня путают!?

Варравин *(перебивая его)*. Угодно вам взять эти деньги, или я прикажу вот экзекутору.

Живец порывается к деньгам; Варравин его держит за руку; Муромский поднимает пакет.

Я вас могу представить всей строгости законов — и только ваши лета — извольте идти! *(Указывает на дверь.)*

Муромский *(ощупавши пакет, выбегает на авансцену)*. Что это? А? Где же деньги?.. *(Развертывает пакет и быстро смотрит деньги.)*

Варравин стоит с правой стороны, Тарелкин с левой, Живец позади Муромского, все смотрят на него с напряженным вниманием.

Варравин Извольте идти, или я прикажу вас вывести.

Живец, Тарелкин *(переглянувшись и вместе)*. А-а-а-а!— вот оно!

Муромский *(забывшись, с силою)*. Так где же деньги, я говорю?! Их тут нет! *(щупает пакет.)* Нет... Нет!.. Их взяли!!! Помогите!! Добрые люди!.. Помогите!! *(Обращаясь к Тарелкину.)* Помог... *(Останавливается, обращаясь к Живцу.)* Помогит... а-а-а-а-а! *(ударив себя по голове)* капкан!!!

Они обступают его ближе.

Варравин. Идите вон, я вам говорю! Я имею власть...

Муромский *(взявши себя за голову и совершенно забывшись)*. Разбой... Муромские леса!.. Разбой...

Варравин *(голос его дрожит)*. Опомнитесь,—что вы?— Опомнитесь...

Муромский. Что это?.. а?.. *(приходя в себя)* здесь... здесь... грабят!.. *(Поднимая голову.)* Я вслух говорю — грабят!!!

Варравин *(Тарелкину)*. Да что они? Они, кажется, припадкам подвержены.

Тарелкин *(потерявшись)*. Ничего, ничего, ничего не знаю; вы меня, Максим Кузьмич, не путайте — ради бога, не путайте... я ничего не знаю.

Муромский. Да кто же тут *(осматриваясь)*, тут все одна шайка... *(Вдруг выпрямляется.)* Стойте!!! *(К Живцу.)* Ведите меня к государю!

Живец и Тарелкин *(обступают его, машут руками и унимают)*. Ш-ш-ш-т-т-т... успокойтесь... милостивый государь... успокойтесь... что вы? ш-ш-ш-т-т-т...

Муромский *(стремительно выступая вперед)*. Я требую... ведите меня к моему государю!.. Давайте сюда жандармов!.. полицейских!.. по улице!.. без шапки!.. Мы сообщники!! Мы воры!!! *(Хватает Варравина за руку и тащит его.)* Пойдем!!

Варравин *(рвется у него)*. Что вы... что вы?

Муромский *(тащит его)*. Пойдем!! Мы клятвопреступники... куйте нас! Слово и дело!! куйте нас вместе *(его голос слабеет)*... к государю!! я ему скажу... Отец!.. Всех нас отец... Милостивый мой, добросердый... Государь!! *(У него занимается дух.)* Ва... ва... ше, ва... ше. *(Качается. Тарелкин его поддерживает.)*

Тарелкин. Петр Константинович, батюшка, Петр Константинович — не тревожьтесь, мы все устроим...

Муромский *(силится говорить)*. Ва... ше... ве... л... ич... *(Кидает пакет с деньгами в Варравина и опускается на руки Тарелкина.)*

Деньги рассыпаются по полу. Молчание. Варравин наблюдает Муромского. Живец подвигается к деньгам.

Варравин *(оттирая Живца)*. Позвольте, позвольте...

Живец *(жмется к деньгам)*. Нет, позвольте, ваше превосходительство, позвольте,— моя обязанность.

Варравин *(схвативши деньги)*. Позвольте!

Живец *(ухватясь также за пакет)*. Позвольте!!

Муромский *(срывает с себя ордена и галстук и бросает ими в Варравина)*. А-а-а... *(Лишается чувств на руках Тарелкина.)*

Варравин *(в азарте тащит пакет к себе)*. Позвольте, говорю я вам! Я вам приказываю, как начальник!

Живец *(та же игра)*. Долг службы...

Они стоят близко друг к другу у авансцены, голоса их шипят.

Тарелкин *(держа на руках Муромского, жалобно)*. Господа, господа,— ну — во имя Христа... *(Укладывает Муромского на стул.)*

Варравин *(порывая пакет к себе)*. Прошу...

Живец *(то же)*. Прошу...

Варравин. Я должен сосчитать.

Живец *(указывая на его карман)*. Вот тут-то сосчитайте...

Варравин. Что вы осмеливаетесь?..

Живец. И не осмеливаюсь... Не дам! Сам власть имею.

Варравин. Угодно вам молчать?

Живец. Почему же? *(Запускает руку в деньги и тащит пук ассигнаций.)*

Варравин. Что вы делаете?

Живец. Молчу. А как бы вы думали? *(Сует деньги в карман.)* Вот так-то. Ева!

Тарелкин *(оттащивши Муромского на стулья, подбегает к Варравину и Живцу; они расходятся)*. Ну, что же это такое, господа! — что же это такое?

Варравин *(оправив пакет, кидает его на пол; Живцу)*. Извольте, сударь, стоять здесь,— и ни с места.

Живец *(застегивается на все пуговицы)*. Слушаю, ваше превосходительство, будьте покойны.

Варравин *(Тарелкину)*. А вы извольте послать тотчас за полицейским — и сдать ему просителя за повреждением умственных способностей. Понимаете меня?.. Чтоб он вот здесь же принял от экзекутора просителя и деньги для доставления по месту жительства.

Тарелкин *(умоляющим голосом)*. Ваше превосходительство...

Варравин *(качает головой и кричит)*. Для доставления по месту жительства...

Тарелкин *(Живцу)*. Иван Андреич!

Живец. Кто, батюшка, млекопитающее-то?

Парамонов *(вбегая)*. Ваше превосходительство. Их превосходительство и их сиятельство!

Тарелкин *(несколько присев)*. Боже мой! Сам Страшный суд!!

Варравин *(грозно)*. Молчать!! *(Живцу.)* Стойте тут,— и ни с места!! *(Кидается навстречу важным лицам.)*

Живец *(оправляя мундир, несколько нараспев)*. Да,— я, батюшка, службу знаю...

ЯВЛЕНИЕ 8

Важное лицо и князь входят.

Важное лицо *(увидев Муромского)*. Эттто что?! Что такое?

Варравин *(раскинув руки)*. Самый необыкновенный случай, ваше превосходительство. Пришел, как по всему заметно, проситель; объясняется как-то странно, не в чистоте сознания; я его по обязанности службы принял, и вдруг — он оставляет мне вот этот конверт с деньгами; случился экзекутор; послали курьера его воротить, и как стал я ему выговаривать, действительно с некоторою резкостью...

Важное лицо *(перебивая его)*. Напрасно.

Варравин. Что делать, ваше превосходительство,— не вытерпел.

Важное лицо *(с нетерпением)*. Напрасно!!

Варравин. Ваше превосходительство!.. пощадите... обидно... Тридцать лет служу! Никто взяточником не называл... *(Бьет себя в грудь.)*

Князь. Я, ваше превосходительство, его положение понимаю, и, по моему мнению, этого бы просителя строжайше... *(Подходит к Муромскому и его осматривает.)*

Важное лицо. Продолжайте.

Варравин *(оправляясь)*. В эту самую минуту ему вот здесь, при чиновниках, сделался припадок и дурнота...

Князь. Э-э-э,— да это тот самый капитан, который ко мне являлся.

Варравин. Тот самый, ваше сиятельство.

Князь. Так бы вы и говорили. Он, ваше превосходительство, и ко мне приходил,— и у меня шум сделал.

Важное лицо. Так что же он такое?

Князь. Вероятно, как бывало в старину: Бурцев, буйный забияка... Впрочем, он под Можайском в голову ранен, и рана-то давняя — так у него, знаете, бессвязность этакая в речах и... и... *(смотрит на Варравина)*... и...

Варравин. И черножелчие, ваше сиятельство.

Князь. А, да! — и черножелчие.

Важное лицо. Что же здесь курьеры делают? Почему пускают всякого с улицы? курьер!!

Вбегает курьер.

Ты что делаешь? — а?

Курьер молчит.

Варравин. Конечно, оплошность, ваше превосходительство.

Важное лицо. Оплошность,— а ты знаешь ли, что я оплошностей не терплю.

Варравин. Осмеливаюсь доложить, что, впрочем, и заметить было невозможно.

Важное лицо. А он смотри.

Варравин. Даже наружность почтенная.

Важное лицо. А он смотри!!

Варравин. Приемный день-с.

Важное лицо. А он... околотили вы мне руки с этими приемными днями... Ну, однако, избавьте меня от этих сцен.

Молчание.

Уберите его.

Варравин *(Тарелкину)*. Уберите просителя! Курьер! *(Показывает глазами на Муромского.)*

Тарелкин и Парамонов его подымают.

Муромский *(открывает глаза)*. Ва... ва... ва... *(бьет себя в грудь)* ва...

Важное лицо. Да он не в своем виде! *(Тарелкину.)* Что, от него пахнет?

Тарелкин *(обнюхивает Муромского)*. Пахнет, ваше превосходительство.

Важное лицо. Чем?

Тарелкин *(смешавшись)*. Не, не, не... могу...

Важное лицо *(с нетерпением)*. Чем?!!

Тарелкин. А-а-а-а... *(смешавшись)* рыбой...

Живец *(быстро вывертывается из-за Варравина, подходит к Муромскому и обнюхивает его)*. Спиртуозностию, ваше превосходительство.

Важное лицо. Ну так. *(Махнув рукой.)* Несите.

Живец *(проходя мимо Тарелкина, тихо)*. Кто, батюшка, млекопитающее-то? *(Становится опять у пакета с деньгами.)*

Муромского выносят.

Варравин. Ваше превосходительство! благоволите допросить экзекутора, как очевидца при этом необычайном событии.

Важное лицо. Да я тут никакого и события не вижу! Сорвался человек с цепи, пришел и сделал шум; ну что же тут? *(Живцу.)* Вы здесь были?

Живец *(навытяжке)*. Здесь, ваше превосходительство,— по долгу службы.

Важное лицо. Знаю. Ну, вы при этом находились?

Живец. По долгу службы должен всегда быть в видимости.

Важное лицо *(с нетерпением)*. Знаю!! Я спрашиваю — как это произошло.

Живец. Это произошло здесь, в канцелярии,— их превосходительство изволили выйти и требовать просителя — и, упрекнувши их в дании денег,— возвратили — бросимши оные деньги на пол — чем по долгу службы стал здесь и при них нахожусь, как по силе присяги закон повелевает.

Важное лицо. Эк заладил. Хорошо. *(Варравину.)* Кажется, ревностный.

Варравин. Весьма, ваше превосходительство, весьма.

Важное лицо. Это хорошо.

Живец. Находясь в военной службе, более привык исполнять распоряжения начальства, чем собственные свои.

Важное лицо *(перебивая его)*. Хорошо. Только отстань.

Варравин. Относительно самого события какое распоряжение угодно сделать?

Важное лицо. Обыкновенно — по форме; пусть он по форме и отрапортует.

Князь. А там — не нарядить ли следствие, ваше превосходительство?

Важное лицо. Пожалуй, и следствие,— по форме.

Князь. И строжайше, строжайше.

Важное лицо и князь хотят идти.

Варравин *(заступая дорогу)*. Ваше превосходительство! Ваше сиятельство! А деньги-то. Сделайте милость.

Важное лицо. Ну что же деньги,— возьмите их да при рапорте и представьте.

Варравин. Нет, ваше превосходительство, я до них не коснусь. Извольте их счесть и опечатать; ибо сумма в неизвестности; так, по крайней мере, я и мои подчиненные будем вне нарекания.

В а ж н о е л и ц о. Ну это так. Вот это я люблю. *(Князю.)* Деликатно.

К н я з ь. Деликатно.

В а ж н о е л и ц о *(Живцу)*. Сочти.

Живец считает деньги.

А вам, ваше сиятельство, не угодно ли будет принять их и приобщить к делу. *(Уходит в кабинет.)*

Ж и в е ц *(сосчитав деньги, с крайней осторожностью кладет их в пакет и держит четырьмя пальцами)*. Тысяча триста пятьдесят рублей, ваше сиятельство.

К н я з ь. Хорошо. Несите ко мне; а вы *(Варравину)* нарядите следствие — и строжайше! *(Уходит в кабинет. Живец несет перед ним деньги.)*

В а р р а в и н *(провожая его)*. Слушаю, а предложение, согласно приказанию вашему, об обращении этого дела к переследованию готово.

К н я з ь. Ну, стало, все в порядке. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 9

В а р р а в и н *(думает)*. Да, все в порядке... только... у меня от этих порядков дух захватило... Гм, гм... Следствие?! Пожалуй, помещик-то и при следствии такой же жар окажет! Или, может быть, к тому времени и поохолодает; потому он преспокойно показать может, что я-де действительно деньги эти на столе по неосмотрительности оставил, а что действительный статский советник Варравин принял их за подкуп, в том не виновен. Да если и горшее предположить: оставят в подозрении — эка штука? Я много кого оставил — все здоровы, еще и кланяться приказывают; доживают свой век в своих вотчинах и хорошими христианами умирают, в должном раскаянии, посреди семейства... Что ж, уберусь в свою и я... княжеская была... Сахарный завод поставлю — помещик буду, звание почетное... Конечно, не сановник — а все же почетное.

ЯВЛЕНИЕ 10

В а р р а в и н; входит Т а р е л к и н.

В а р р а в и н *(в волнении идет к нему)*. Ну!.. что там?!

Т а р е л к и н *(снимая тарантас — сухо и небрежно)*. Где там, ваше превосходительство?

Варравин. Ну там,— у Муромских?

Тарелкин *(та же игра)*. Там?.. Да ничего нет...

Варравин. Что-нибудь да делается?

Тарелкин. Ничего не делается!.. Уж сделалось!..

Варравин. Следствие нарядить приказано...

Тарелкин. Наряжайте что другое — а не следствие...

Варравин *(не понимая)*. Да в уме ли вы?

Тарелкин *(подняви палец кверху)*. Удивлен!! *(На ухо Варравину.)* Как по мановению совершается.

Варравин. Что же такое?

Тарелкин *(с увлечением)*. Умер!!!!

Варравин. Умер!!?! Кто?.. Как?! Проситель?!

Тарелкин. Не довезли до дому — в карете и кончился.

Варравин. И кончился!!

Тарелкин *(делает жест)*. И концы в воду... Мертво и запечатано!..

Варравин. Т-с-с-с!.. *(Приостановясь.)* Какой необыкновенный случай... *(Медленно крестится.)* Дай бог ему царство небесное.

Тарелкин *(вздохнув)*. Что же? Дай бог ему царство небесное... Я не прочь... Ну — мне-то, горемыке, что?.. а? *(С форсом.)* Кто тут радел, кто действовал?.. Кто его отсюда вот *(показывает место)* на своих плечах выволок?.. Вы вот упоминаете, что на своем веку набивали трубки, бегали и в лавочку — ну, а такой товар на себе таскать изволили — ась?! Так я вот о чем прошу: извольте меня оценить: ни, ни, ни... Извольте оценить... Я отсюда без того не выйду — оцените!

Варравин *(в замешательстве)*. Что вы ко мне пристали? Как мне вас оценить?

Тарелкин *(азартно)*. Как? Помилуйте! — дети знают, да еще при таком окончании дела, где не токмо концы в воду, а все крючки и петельки потонули. *(Дерзко.)* Мое участие на половину простирается.

Варравин *(вспыхнув)*. На половину... *(В сторону.)* Вот я тебя выучу! *(Вслух.)* Что ж, на половину, так на половину... Скажите, что все вами сделано — и тут не спорю.

Тарелкин. Нет, я не в том смысле. Я насчет полученной суммы.

Варравин *(стиснув зубы)*. Гм!.. полученной?.. От кого же полученной?

Тарелкин. А — от покойника.

Варравин *(усмехаясь)*. Вы шутите — ведь я при вас ему ее возвратил.

Тарелкин. Как возвратили?!!!

Варравин. И за счастие считаю, что на этот поступок решился.

Тарелкин. Отцы мои! Что вы сказали?!!!

Варравин *(с иронией)*. Я говорю: какое счастие, что я от покойника денег не принял... а?..

Тарелкин *(потерявшись)*. Не приняли!! Вы не приняли!!! Не может быть!.. *(Бросается на колени.)* Матенька, ваше превосходительство, друг, душа, благодетель — простите... Богом умоляю, простите — я беден — я ведь это от бедности — у меня долги — я гол — мне есть хочется...

Варравин. Полноте, Тарелкин,— что за малодушие — встаньте!.. *(поднимает его)* вы себя компрометируете. Судите сами: *(с злобной усмешкою)* прими я от него деньги, ведь всю жизнь попрекать себя должен,— совесть бы замучила.

Тарелкин *(оправляясь)*. А-а — так вы не взяли; ха,ха,ха, и не взяли оттого, что вас бы совесть замучила... ха, ха, ха! *(Заливается громким хохотом.)*

Варравин *(стиснув зубы)*. Смеетесь теперь,— не плакать бы после! *(Подступает к нему и говорит на ухо.)* Ведь я тихой смертью изведу... знаете...

Тарелкин *(останавливается)*. Нет,— я ничего.

Варравин *(та же игра)*. Ведь я из бренного-то тела таким инструментом душу выну, что и не скрипнет... *(Сверкнув глазами.)* Понимаете?

Тарелкин *(оробев)*. Да помилуйте — что вы — я ничего...

Варравин. То-то! *(К публике, мягко и тихо.)* Ей-ей. Как оставил он у меня на столе эти деньги — так точно кто меня под руку толкнул... *(Отступает с ужасом.)* Я и не взял... *(Посмотрев искоса на Тарелкина.)* Просто бог спас — его великая милость... *(Уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ 11

Тарелкин *(один. Долго посмотревши на все четыре стороны)*. Дело! Люблю!! Всякую глупую башку учить надо. Мало того: по-моему, взять *(берет шляпу)*, да кулаком в ослиную морду ей и сунуть *(сует кулаком в шляпу)* — дурак, мол, ты, искони бе чучело — и по гроб полишинель!! *(Надевает помятую шляпу и оборачивается к кабинету.)* А! Ограбил. Всех ограбил!.. Я говорил, что оберет он меня, оберет как липку — и обобрал!! *(Поворачивается и становится против тарантаса.)* Ну что же теперь, старый друг?.. А? Ну пойдем... пойдем опять по миру, гольем шитые, мишурою крытые, отхватывать наш чиновничий пляс. Думал

я сим же днем спустить тебя на вшивом рынке... Нет, и этого не судила судьба. *(Надевает тарантас.)* Эх — мечты, мечты! Провалитесь вы в преисподнюю... *(Берет тросточку, напяливает перчатки и подходит к авансцене.)* Мечтал я, когда был молод... прокатить по Невскому в коляске Баховой; мечтал, когда был зрел, схватить чин да кавалерию, подцепить какую-нибудь воронопегую купчиху в два обхвата мерою и ее свиным, сонным жиром залить раны и истомы служебные. Мечтал вот тут хоть копейку сущую заручить на черный день — нет! нет! и нет!! говорит судьба. Зачем ты, судьба, держишь меня на цепи, как паршивую собаку? Зачем круг меня ставишь сласти да кушанья, а меня моришь голодом да холодом? Зачем под носом тащишь в чужой карман деньги, сытость, богатство? Проклята будь ты, судьба, в делах твоих! Нет на свете справедливости, нет и сострадания: гнетет сильный слабого, объедает сытый голодного, обирает богатый бедного! Взял бы тебя, постылый свет, да запалил бы с одного конца на другой, да, надемши мой мундиришко, прошелся бы по твоему пепелищу: вот, мол, тебе, чертов сын. *(Поднимает воротник тарантаса, застегивается и уходит, махая тросточкой.)*

Занавес опускается.

1861

СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА

КОМЕДИЯ-ШУТКА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Николаю Дмитриевичу Шепелеву

Любезный Друг.

Не вместе ли с тобою еще юношами жили мы на высотах Альбано, в памятной нам Locanda Emiliana и зачитывались Гоголем до упаду.

Не твое ли чуткое артистическое чувство предрекло Кречинскому серьезный успех еще тогда, когда он писался *шутки ради*, и не от тебя ли слышал я тогда же первое и, могу с правом сказать, *единогласное* одобрение.

И теперь — несколько недель тому назад, озабоченный спешною отделкой «Смерти Тарелкина» — не к тебе ли обратился я за советом и не твоими ли верными указаниями Артиста наведен я на поправки, которые дали этой Пиесе целость и вложили в нее Логику Мотивов.

Право — старая наша дружба лишнего не сделала, когда она мне шепнула сделать тебе это посвящение и поставить *в головах* этой третьей и последней моей Пиесы твое, близкое мне, Имя.

Тебе преданный *А. Сухово-Кобылин.*

1869 г. февраля 20-го. Москва.

К ЧИТАТЕЛЮ

Всякое, думаю, беспристрастие признает, что Судьба моих двух Пиес не могла обольстить меня на дальнейшую деятельность для сцены. По крайней мере, так влияли на меня события, сопровождавшие их появление,— и многое из набросанного a la prima[1] так в своих зародышах и замерло.

Деятельность моя перешла в другие, высшие сферы, где, как и в верхних слоях Атмосферы, больше благодетельной для Духа Тишины и Свободы.

Однако, издавая в свет мои драматические опыты, мне хотелось, даже и в смысле аффирмации[2], удержать за ними столько и Действительности и Диалектике любезное число *Три:*

Немцы говорят:

Ein Mal ist kein Mal.
Drei Mal ist Ein Mal[3].

Мы, Русские, говорим: без Троицы и дом не строится, а потому:

Собравши несколько давно написанных мною сцен, втуне лежавших и имеющих своим Мотивом последний Монолог Тарелкина в Драме «Дело», я, скрепя сердце, связал их, как говорится, на живую нитку, озаглавил шуткою в 3-х Действиях и в таком полувыработанном виде не без робости передаю их Публике, прося ее отнестись к ним снисходительно.

Если сцены эти доставят ей несколько минут простого, веселого смеха и тем дадут случай на время забыть ту *Злобу*, которая, по словам Писания, каждому *Дневи довлеет*, то я сочту себя вполне удовлетворенным.

31 октября 1868 года
Кобылинка

---

[1] Раньше *(итал.)*.

[2] А ф ф и р м а ц и я — утверждение, укрепление (от *франц.* affirmation).

[3] Один раз — не в счет, три — за один сойдет (буквальный перевод: один раз — ни разу, три раза — один раз) *(нем.)*.

В случае воспроизведения пиесы «Смерть Тарелкина» на сцене, автор находит нужным заметить следующее.

Пиеса по своему шутливому характеру должна играться живо, весело, громко — avec entrain [1]. Особливо *текст* должен быть выучен твердо и произносим явственно и *рельефно*, в противном случае при довольно сложном движении лиц на сцене *слова*, то есть самая суть дела, могут оставаться для зрителей неуловимыми, так что вместо действительной жизни пред ними будет совершаться известного рода *суматоха*.

Костюмировка лиц широкая и произвольная. Некоторые роли могут быть слегка шаржируемы. Например: мещанка Брандахлыстова, помещик Чванкин, мушкатеры Качала и Шатала и вся группа кредиторов, костюмы которых не подлежат никакому контролю и — как это бывает у ростовщиков — зависят от принимаемого ими в залог носильного платья. Роль Брандахлыстовой *(в случае нужды)* может быть исполнена мужчиной.

Того, кто будет исполнять роль Тарелкина-Копылова, автор просит обратить внимание на двукратное превращение *на сцене*, то есть *в глазах публики*, Тарелкина в Копылова. Превращение это должно быть исполнено быстро, внезапно и сопровождаться изменением выражения лица и его очертаний. Это дело мимики и задача для художника. Здесь, для примера, можно указать на французского комика Левассора, который очень разработал этот момент искусства и этим приобрел весьма большую репутацию. Игру своих лицевых мускулов он, как известно, довел до той подвижности, что даже по произволу переменяет форму своего носа и при помощи парика, бороды и усов почти мгновенно принимает формы самых разнородных типов.

В заключение автор почитает себя вправе протестовать самым энергичным образом против тех из актеров, которые являются перед публикой, не выучивши роль, и потому дозволяют себе изменять текст самым безобразным образом. Для автора, добросовестно трудившегося над своим произведением, приемы эти прямо возмутительны. Публика должна остановить актера, уклоняющегося от текста; и на всех сценах образованного мира такие небрежности преследуются ею *неумолимо*. И поделом.

---

[1] С увлечением (*франц.*).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Максим Кузьмич Варравин
Капитан Полутатаринов — военная шинель надета в рукава, зеленые очки и костыль. } одно лицо.

Кандид Касторович Тарелкин } одно лицо.
Сила Силич Копылов

Антиох Елпидифорович Ох — частный пристав.

Иван Антонович Расплюев — исправляющий должность квартального надзирателя. Пораздобрел и приобрел некоторую осанку.

Чибисов
Ибисов } чиновники.
Омега

Флегонт Егорыч Попугайчиков — купец.

Помещик Чванкин.

Крестьян Крестьянович Унмеглихкейт — доктор.

Людмила Спиридонова Брандахлыстова — прачка. Колоссальная баба лет под 40.

Мавруша — кухарка.

Пахомов — дворник.

Качала
Шатала } мушкатеры [1] богатырских размеров.

Ванечка — сын Расплюева, писарь.

Кредиторы Тарелкина:

1-й кредитор
2-й кредитор } азартного свойства.

3-й кредитор — пиявкообразный человечек сутяжного свойства.

4-й кредитор — дюжая натура, с большими усами и крокодилообразным телом.

Еще кредиторы ad libitum [2]. Все они одеты в самые фантастические шубы и шинели.

Чиновники.

Дети Брандахлыстовой.

---

[1] Мушкатерами назывались прежде полицейские солдаты.

[2] По желанию, на выбор *(лат.)*.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната: в средине дверь в прихожую, направо дверь в кухню и на черный выход, налево постель за ширмами; беспорядок. Т а р е л к и н входит, неся с собой всякое имущество. Сильно озабочен; расставляет мебель.

ЯВЛЕНИЕ 1

Т а р е л к и н *(один)*. Решено!.. не хочу жить... Нужда меня заела, кредиторы истерзали, начальство вогнало в гроб!.. Умру. Но не так умру, как всякая лошадь умирает,— взял, да так, как дурак, по закону природы и умер. Нет,— а умру наперекор и закону и природе; умру себе в сласть и удовольствие; умру так, как никто не умирал!.. Что такое смерть? Конец страданиям; ну и моим страданиям конец!.. Что такое смерть? Конец всех счетов! И я кончил свои счета, сольдировал долги, квит с покровителями, свободен от друзей!.. Случай: на квартире рядом живут двое: Тарелкин и Копылов. Тарелкин должен,— Копылов не должен. Судьба говорит: умри, Копылов, и живи, Тарелкин. Зачем же, говорю я, судьба; индюшка ты, судьба! Умри лучше Тарелкин, а живи счастливый Копылов. *(Подумав.)* Решено!.. Умер Тарелкин!.. Долой старые тряпки! *(Снимает парик.)* Долой вся эта фальшь. Давайте мне натуру! Да здравствует натура! *(Вынимает фальшивые зубы и надевает пальто Копылова.)* Вот так! *(Отойдя в глубину сцены, прилаживает пару бакенбард; горбится, принимает вид человека под шестьдесят и выходит на авансцену.)* Честь имею себя представить: отставной надворный советник Сила Силин Копылов. Вот и формуляр. *(Показывает формуляр.)* Холост. Родни нет, детей нет; семейства не имею; никому не должен — никого знать не хочу; сам себе господин! Вот моя квартира, имущество!.. О вы, простите вы все!.. Прощайте,

рыкающие звери начальники,— прощайте, Иуды товарищи!.. Приятели мои, ямокопатели, предатели,— прощайте! Кредиторы мои, грабители, пиявки, крокодилы... прощайте! Нет более Тарелкина. Другая дорога жизни, другие желания, другой мир, другое небо!! *(Прошедшись по комнате.)* От теории перехожу к практике. Сейчас из Шлиссельбурга. Похоронил копыловские кости; дело устроил; бумаги получил: там покончено!.. Теперь здесь, по Петербургу, надо устроить мою собственную, официальную несомненную смерть. Для этого извещена полиция; приглашены сослуживцы; окна завешены; в комнате царствует таинственный мрак; духота и вонь нестерпимые... В гробу моя кукла, увитая ватой, в моем мундире, лежит, право, недурно... С сурьезом и достоинством! Однако от любопытных глаз надо еще подбавить вони. *(В дуxе, кричит.)* Мавруша!! Разбойница Мавруша,— где ты?

ЯВЛЕНИЕ 2

Тарелкин, Мавруша входит.

Мавруша. Чего вам?

Тарелкин. Ты понимаешь ли, верный друг Мавруша, какую я бессмертную штуку играю?

Мавруша. Чего?

Тарелкин. Нет — никогда твой чухонский мозг этой высоты не поймет... Ступай, купи еще тухлой рыбы.

Мавруша. Еще! Что ж мало?

Тарелкин. Да — не хватает — ступай!

Мавруша уходит.

(Ей вслед.) Скорее ступай.

ЯВЛЕНИЕ 3

Тарелкин (один).

Тарелкин *(ходит по комнате)*. Все так... да... эту рыбу надо накласть в мою куклу в такой мере, чтобы их как поленом по лбу... Нет! *(соображает)* этого мало. Я хочу, чтобы начальство похоронило меня на собственный счет! Хочу, чтобы эта бессмертная смерть мне не стоила медной полушки — так и будет! Все пойдет как по маслу,— надо только это хорошенько обставить. Мавруша свой урок знает; вот уже месяц, как вся варравинская интимнейшая переписка вот здесь *(указывает)*, у меня под сюр-

туком!! Он уже ее хватился, ищет и на меня злится. Следовательно, при первой вести он явится сюда во всей ярости и будет спешить похоронами, чтобы тотчас обыскать мою квартиру — ха, ха, ха, ха!.. А-а-а-а! — Это ты, разбойник, вогнал меня живого в гроб! ты уморил меня голодом. Нет тебе пощады. Мы бьемся по смерть. Ценою крови — собственной твоей крови, выкупишь ты эти письма. Или нет! Ценою твоих денег, ворованных денег,— денег, которые дороже тебе детей, жены, самого тебя. Деньги эти я тихонько, усладительно, рубль за рублем, куш за кушем потяну из тебя с страшными болями; а сам помещусь в безопасном месте и смеяться буду — и сладко буду смеяться, как ты будешь коробиться и корчиться от этих болей. Боже! Какая есть бесконечная сладость в мести. Каким бальзамом ложится месть на рдеющую рану... *(Вынимает из-под жилета пачку писем.)* Вот они, эти письма *(хлопает по пачке)*, лежат на самом сердце, его греют! Это моя плоть и кровь! Это злейшие, ехиднейшие из всех дел варравинских, букет, который самому сатане можно поднести в знак любви и уважения. *(Бережно запрятывает бумаги под жилет и застегивается.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Тарелкин. Мавруша входит.

Тарелкин *(идет ей навстречу)*. Скорей, скорей, Мавруша,— они скоро будут — время дорого... *(Берет рыбу и заслоняет себе нос.)* Фу, черт возьми! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 5

Мавруша (одна), потом Тарелкин.

Мавруша. Вишь, черт, что задумал... Помоги, говорит, мне,— а потом и надует — ведь такой уж плут родился!.. *(Прибирает комнату.)*

Тарелкин *(возвращается)*. Ну, смотри же, старая,— не наври чего — говори мало; сиди себе да вопи,— одно тверди: ничего, мол, нет — жил честно — умер убого! Понимаешь? Денег, мол, нет; хоронить нечем; а уж портится; видите, мол, вонь какая,— что тут делать? — а руками-то этак. *(Делает жест. Мавруша его передражнивает.)* Так!.. *(Думает.)* А Варравину-то говори: полиция, мол, придет,— имущество захватит,— бумаги остались, и их захватит; нехорошо. Поняла?..

Мавруша. Поняла, сударь, поняла.

Тарелкин. Ну ступай. *(Слышен шум.)* Они — ей-богу, они *(как будто робко)* — ну *(решительно)* слышишь — только их вонью-то ошибет, так ты их вот сюда и веди, чтобы они попусту около гроба не толклись. Поняла?

Мавруша. Поняла, сударь, поняла. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Тарелкин (один).

Тарелкин *(припрятываясь за ширмы)*. Так... вот они... *(слушает)* в добрый час... их много... говорят... *(Слушает.)* Шумят... *(Слушает.)* Что такое!.. батюшки... *(в волнении)* что такое — открыто! открыто...

Слышен вопль Мавруши.

Боже мой... мы погибли... *(Прячется за ширмы.)*

ЯВЛЕНИЕ 7

Варравин, за ним толпа чиновников, посреди их Мавруша.

Мавруша *(голосит и причитает)*. Сюда, отцы мои... сюда... ох... ох... ох...

Варравин *(останавливаясь на пороге)*. Фу, черт возьми, какая вонь.

Чиновники *(входят, заткнув нос, снимают калоши)*. Фу,— фу,— нестерпимо.

Чибисов. Одной минуты пробыть нельзя!..

Мавруша *(голосит)*. Сюда пожалуйте, отцы наши, сюда, су-да-ри-ки... ох...

Варравин. Да отчего же такая пронзительная вонь?

Мавруша *(та же игра)*. Отциии моии, как вони... то не... быть... умер — бедно ооох... Гроб купилааа, хоооронить-то и нечем. Вооот он, голубчиииик, и воняет!..

Варравин. Неужели ничего нет и хоронить нечем?

Мавруша *(та же игра)*. Ниичего, батюшка, нееет. Полиция прийийдет — все схватит — бууумаги похватает — а бумаги какие — сам-то все...е их пряааатывал... ох...

Варравин *(с поспешностию)*. А бумаги после него остались?

Мавруша. Остались, свет, остались.

Варравин. Покажи.

М а в р у ш а. Когда казать. Теперь ли казать. Хоооронить надо. Воняет, голубчиииик, воняет.

В а р р а в и н *(в сторону)*. В самом деле похоронить... Пропали у меня секретнейшие бумаги,— стало, украдены — украдены кем?! Им!! И вдруг умер! Нет ли тут еще какой-нибудь мерзости?! Делать нечего — похоронить его — и потом отыскать, во что бы то ни стало, отыскать эти бумаги!.. *(Обращаясь к чиновникам.)* Господа,— что же нам делать? Видите: почти скандал; похоронить нечем; — пожалуй, в городе узнают — скажут: с голоду умер; — товарищи оставили; — начальство не пеклось; — нехорошо — даже и публика не оправдает.

Ч и н о в н и к и. Да, да, не оправдает.

В а р р а в и н. Так вот что, господа. Сделаем христианское дело; поможем товарищу — а? Даже и начальство наше на это хорошо взглянет. Нынче все общинное в ходу, а с философской точки, что́ же такое община, как не складчина?

Ч и б и с о в. Да, господа, их превосходительство справедливы,— это и журналы доказывают: община есть складчина, а складчина есть община.

Ч и н о в н и к и. Да, да, это так.

Ч и б и с о в *(торжественно)*. Итак, складчина! Община! Братство!! *(Пробирается к двери и ищет калоши.)*

И б и с о в *(тот же тон)*. Так, так!.. Доброхотна дателя любит бог. *(Показывает пальцем наверх, пробирается к двери; та же игра.)*

Т р е т и й ч и н о в н и к. Прекрасно!.. Прекрасно и тепло!.. От общего сердца! *(Та же игра.)*

Ч е т в е р т ы й ч и н о в н и к. С миру по нитке — бедному рубашка. *(Та же игра — общее бегство.)*

В а р р а в и н *(припирает дверь и удерживает чиновников)*. Господа, что же вы?! Постойте. Вы не так! Нет, вы не так. *(Поймавши Чибисова и Ибисова за руки, выводит их к авансцене с прочими чиновниками.)* Господа,— послушайте меня, ведь мы одна семья — не так ли? *(Встряхивая их за руки.)* Мы одна семья?

Ч и б и с о в и И б и с о в *(привскакивая от боли)*. Так! так! Мы одна семья!

В а р р а в и н. Наш меньший брат в нужде. *(Встряхивая их за руки.)* Ведь мы люди теплые?

Ч и б и с о в и И б и с о в *(привскакивают и коробятся от боли.)* Да, да, черт возьми,— мы люди теплые.

В а р р а в и н. Итак!! Задушевно — нараспашку!!

Ч и б и с о в и И б и с о в *(вырываются от него)*. Да, да, задушевно! нараспашку!

Все бегут.

Варравин *(поймавши их)*. Нет, нет, опять не так. *(В сторону.)* Экие аспиды, не поддаются! *(Вслух.)* Позвольте, господа, мы вот так это устроим. *(Собирает чиновников около себя.)* Ведь вы готовы на доброе дело?

Чиновники. Готовы, готовы.

Варравин. Ведь на доброе дело вы охотно возьмете деньги у другого, то есть в чужом кармане?

Чиновники. В чужом кармане? Охотно, очень охотно.

Варравин *(нежно)*. Итак, возьмите друг друга легонько за ворот. *(Чиновники берут друг друга за ворот.)* Так, хорошо. *(Расставляет их попарно.)*

Омега *(подбегая)*. Ваше превосходительство! меня некому за ворот взять?

Варравин. Ну сами себя возьмите.

Омега *(кланяется)*. Слушаю-с. *(Отходит и берет сам себя за ворот.)*

Варравин *(осматривая чиновников)*. Хорошо, господа, хорошо! *(Нежно.)* Теперь возьмите каждый у другого бумажник.

Шум и свалка; чиновники тащат друг у друга бумажники.

(Любуясь на картину.) Прекрасно! По-братски! Вот истинная община! Ну, отсчитайте теперь по три рубля, но не более трех рублей! Не более!

Чиновники *(кричат)*. Господа, по три... Но не более, не более! *(Отсчитывают деньги.)*

Варравин их получает и выходит на авансцену.

Варравин *(к публике)*. Какая теплота, какой жар!.. даже удерживать надо... *(Тронут.)* Эти пожертвования меня всегда сильно трогают. *(Чиновникам.)* Теперь, господа, возвратите бумажники.

Чиновники возвращают бумажники.

Вот так. Благодарю вас. Позвольте мне сказать вам мое сердечное, задушевное спасибо. Вы сделали прекрасное дело — вы сделали доброе дело. Меньший брат умирает в нищете — и вы вдруг... Благодарю вас! Я тронут — я плачу — плачьте и вы!

Все плачут.

Обнимите друг друга.

Обнимают друг друга.

Омега *(подбегая к Варравину)*. Ваше превосходительство, мне некого обнять.

Варравин *(утирая слезу)*. Ее обнимите. *(Показывает Маврушу.)*

Омега обнимает Маврушу.

Мавруша. Что ты, нечестивец, бесстыдник... Что ты?! Отстань...

Варравин *(Мавруше)*. Подойди сюда, бедная женщина! Ты сирота?

Мавруша *(вопит)*. Да, батюшка, сударь, сирота! Крууууглая сирота.

Варравин. Ты одна осталась? *(Укладывает деньги в бумажник.)*

Мавруша. Одна, батюшка, одна, как перстик, одинохонька. *(Протягивает руку.)*

Варравин *(кладет деньги в карман)*. Так знай, мой друг!.. есть добрые люди *(показывает на небо)* и небо! *(Чиновникам, с чувством.)* Идем, господа, идем! Похороним Тарелкина!!

Чиновники *(все в духе, подходят к Мавруше и хлопают ее по плечу)*. Да, есть добрые люди и небо. *(Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Мавруша стоит недвижно, Тарелкин выбегает из-за ширм.

Тарелкин *(бросается на Маврушу и обнимает ее)*. Да, Маврушенька, есть добрые люди и небо!!

Мавруша *(вырываясь от него)*. Да провалитесь вы все! Что я вам шутиха досталась?

Тарелкин *(радостно)*. Хорошо, Маврушенька, хорошо; необычайно хорошо; ура!! Как гора с плеч! Век свой твоих услуг не забуду.

Мавруша. Ой ли? Обманете!

Тарелкин. Ей-ей не обману. *(Ходит по комнате и думает.)* Теперь Варравин кончит разом и справит похороны во мгновение ока. Он до бумаг-то рвется; а ты его поводи... не скоро давайся — ну, а потом и отдай... Черт с ним... они гроша не стоят; хорошие я прибрал. И поэтому ты и клянись ему насмерть, что-де, окроме этих бумаг, никаких не было. Я, мол, за верное знаю. Смекаешь?

Мавруша. Слушаю-с.

Тарелкин. Теперь ступай — да подложи еще рыбки.

Мавруша уходит.

ЯВЛЕНИЕ 9

Тарелкин (один).

Тарелкин. Как сообразить мои дальнейшие поступки? Куда направить путь? Где пригреть местечко? Долго ли выжидать и потом как нагрянуть? Каким приемом выворотить из Варравина деньги? *(Весело.)* Какими кушами, большими и малыми? а? Я думаю так, сначала малыми, а потом и качай и качай — ха! ха! ха! *(Ходит. Шум. Прячется за ширмы.)*

ЯВЛЕНИЕ 10

Варравин входит. Тарелкин за ширмами.

Варравин *(постоявши в раздумье)*. Умер! Несомненно умер, ибо и протух!.. Нет вести, которая принесла бы мне такое удовольствие, скажу, такую сладость...

Тарелкин *(за ширмами в сторону)*. Тек-с.

Варравин. Точно с моих плеч свалилась целая гора грязи, помоев и всякой падали.

Тарелкин *(в сторону)*. Merci!

Варравин. Точно после долгих лет томительной жажды я вдруг потянул в себя прозрачную, ключевую воду — и освежился. Самая бездельная и беспокойная тварь убралась в свою дыру.

Тарелкин *(в сторону)*. Полно, так ли?..

Варравин. Самая омерзительная жаба ушла в свою нору; самая ядовитая и злоносная гадина ополэла свой цикл и на указанном судьбою месте преткнулась и околела!.. Умер!.. Самая гнилая душа отлетела из самого протухлого тела; как не вонять — по-моему, он мало воняет — надо бы больше.

Тарелкин *(в сторону)*. Благодарю; не ожидал! Каково напутственное слово?! Так нет! Постой; я свое скажу.

Варравин. Теперь все готово — все приказано — все поряжено: ломовой извозчик, дроги, могила... На две сажени глубины приказал яму вырыть — туда его, разбойника *(делает жест)* — и концы в воду!!

Тарелкин. Концы в воду? Ой ли? Посмотрим. *(Импровизирует.)*

Варравин-генерал
Мне напутствие сказал;
Но, увы, не угадал,
Каков будет тут финал.

Варравин *(кричит)*. Эй ты — где ты там! Ты, женщина!..

ЯВЛЕНИЕ 11

Варравин, Мавруша входит, Тарелкин за ширмами.

Варравин. Поди сюда, глупая баба.

Мавруша *(подходит)*. Слушаю, батюшка.

Варравин. Знаешь ли, кто я?

Мавруша. Не знаю, батюшка.

Варравин. Я генерал.

Мавруша. Слушаю, батюшка, вашу милость.

Варравин. Знаешь ли, что такое генерал?

Мавруша. Не знаю, батюшка, ваша милость.

Варравин. Генерал — значит, что я могу тебя взять и в ступе истолочь.

Мавруша *(став на колени)*. Пощадите, батюшка, ваше сиятельство.

Варравин. Показывай тотчас, где его бумаги.

Мавруша. Пожалуйте, ваше сиятельство,— все, что вам угодно,— все покажу.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 12

Тарелкин, выходя из-за ширм.

Тарелкин. Поищи; ничего, для моциону, поищи,— ха, ха, ха! *(Ходит по комнате и трет руки.)* При мне мое сокровище! *(Хлопает себя по груди.)* Неразлучно, несомненно, нетленно. *(Подходит к двери.)*

Тишина.

(Прислушивается.) Чу... идут. *(Уходит за ширмы.)*

ЯВЛЕНИЕ 13

Варравин и Мавруша входят.

Варравин. Нет — ничего нет!.. Непостижимо. Когда я знаю, положительно знаю, что он, непременно он выкрал у меня эти бумаги!.. Он мне даже однажды как-то странно и дерзко намекнул на подобное обстоятельство. Может, это, говорит, годится для отопления будущей квартиры — а! Это был такой мошенник, которого, кажется, живого мало разнять на части.

ЯВЛЕНИЕ 14

Варравин, Расплюев быстро входит, за ним Шатала и Качала становятся у дверей.

Расплюев. Вашему превосходительству честь имею явиться — что приказать изволите?

Варравин. Кто вы?

Расплюев. Исправляющий должность квартального надзирателя Иван Расплюев.

Варравин. Почему не приняты вами меры к сохранению имущества покойного?

Расплюев. Все меры приняты.

Варравин. Какие?

Расплюев. На дворе поставлен часовой; двое хожалых, двое добросовестных — сам здесь с полным рвением... Все цело — не извольте беспокоиться.

Варравин. Смотрите — это на вашей ответственности.

Расплюев. Строжайшие меры приняты! Изволите видеть — вон там *(указывает на дверь)* один добросовестный к имуществу покойного только руку протянул — так я его так-то по ней цапнул, что он и по сей час поднявши лапку ходит. Изволите посмотреть. *(Указывает на дверь.)*

Варравин. А служанка жалуется, что расхитили имущество,— пропали, говорит, бумаги покойного.

Расплюев. Она врет — позвольте опросить.

Варравин. Опроси.

Расплюев *(Мавруше)*. Какие бумаги пропали? Какое имущество расхитили — говори.

Мавруша. Бумаги, батюшка, бумаги; вот, что их милости пишут,— те самые.

Варравин в раздумье отходит в сторону.

Расплюев. Поди сюда! *(Отводит Маврушу в противную сторону сцены и подставляет ей кулак под самый нос.)* У тебя сколько зубов осталось — говори сколько, старая хрычовка,— я все решу.

Мавруша *(громко)*. Не знаю, батюшка, не знаю, я это так сказала — я никого видóм не видала и слыхóм не слыхала.

Расплюев *(Варравину)*. Изволите видеть, ваше превосходительство. Ничего, говорит, не видала и не слыхала. Ведь это уж такое племя. Оно без меры врать будет; а если теперь с первых разов его шарахнешь, то оно уже и совсем другие ноты поет.

Варравин *(думает)*. Странно... ну делайте свое распоряжение; выносите тело — да живее — что его долго держать.

Расплюев. Сию минуту, вынесем, ваше превосходительство. *(Мушкатерам.)* Эй, мушкатеры, тащи его!

Шатала, Качала и за ними Расплюев — быстро уходят.

ЯВЛЕНИЕ 15

Варравин, потом Тарелкин.

Варравин *(в задумчивости)*. Ну куда бы могли они у него запропаститься? Теряюсь,— всего жду,— все подозреваю. Страшусь одного: взял он их да в страховом письме к его высокопревосходительству и отправил... гм...

Тарелкин *(выходит из-за ширм и говорит не своим голосом)*. Сетовать изволите, ваше превосходительство, слугу потеряли, потерю ощутили.

Варравин. Да-с; товарища, сослуживца потерял — вы его знали?

Тарелкин. Знал,— так, по соседству. Искать что-то изволите?

Варравин. Да. Формальные безделушки кое-какие.

Тарелкин. Конечно. В жизни все годится. Что же, нашли?

Варравин. Нет, не нашел.

Тарелкин. Достойно сожаления. А бывает. Кажется, иное близко, а оно далеко, а иное далеко, а оно близко. *(Хлопает себя по груди. В сторону.)* Что, крокодил? На моей улице праздник.

Варравин. Как вы говорите?

Тарелкин. Говорю я, ваше превосходительство, бывает так: око видит, да зуб неймет, а иногда и так: зуб-то и ймет, да око не видит.

Шум. Шатала и Качала в глубине театра несут гроб.

Ах, вот и его выносят. Дозвольте, ваше превосходительство, старому знакомому прощальное, напутственное слово сказать.

Варравин. Извольте.

Тарелкин *(торжественно)*. Органы порядка — остановитесь.

Мушкатеры останавливаются.

Милостивые государи. Ваше превосходительство! Итак, не стало Тарелкина! Немая бездна могилы разверзла пред нами черную пасть свою, и в ней исчез Тарелкин!.. Он исчез, извелся, улетучился — его нет. И что пред нами? Пустой гроб, и только... Вели-

кая загадка, непостижимое событие. К вам обращаю я мое слово, вы, хитрейшие мира сего,— вы, открыватели невидимых миров и исчислители неисчислимых звезд, скажите нам, где Тарелкин?.. гм... *(Поднимая палец.)* То-то!..

Да, почтенные посетители, восскорбим душами о Тарелкине!.. Не стало рьяного деятеля — не стало воеводы передового полку. Всегда и везде Тарелкин был впереди. Едва заслышит он, бывало, шум совершающегося преобразования или треск от ломки совершенствования, как он уже тут и кричит: вперед!! Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед знаменем; когда объявили прогресс, то он стал и пошел перед прогрессом — так, что уже Тарелкин был впереди, а прогресс сзади! Когда пошла эмансипация женщин, то Тарелкин плакал, что он не женщина, дабы снять кринолину перед публикой и показать ей... как надо эмансипироваться. Когда объявлено было, что существует гуманность, то Тарелкин сразу так проникнулся ею, что перестал есть цыплят, как слабейших и, так сказать, своих меньших братий, а обратился к индейкам, гусям, как более крупным. Не стало Тарелкина, и теплейшие нуждаются в жаре; передовые остались без переду, а задние получили зад! Не стало Тарелкина, и захолодало в мире, задумался прогресс, овдовела гуманность...

Но чем же, спросите вы, воздали ему люди за такой жар делания?.. Ответ,— нет, не ответ,— скажу: ирония перед вами! Простой гроб, извозчик, ломовые дроги и грошовая могила... Однако — глядите, у этого убогого гроба стоит сановник *(указывает на Варравина)* — он властный мира сего — он силою препоясан. Что же говорит нам его здесь присутствие? Ужели лицемерием, или хитростию, или своекорыстною целию приведен он сюда и у этого гроба между нами поставлен? О нет! Своим присутствием он чтит в чинах убожество, в орденах нищету, в мундире слугу — слугу, который уносит с собою даже и в могилу собственные, сокровеннейшие интимнейшие его превосходительства...

В а р р а в и н *(с движением)*. Что такое?!!

Т а р е л к и н *(продолжает)*. Слезы... *(Варравину.)* Я о слезах ваших говорю, ваше превосходительство.

Варравин делает утвердительный знак и медленно выходит.

Итак, почтим этот пустой, но многознаменательный гроб теплою слезою и скажем: мир праху твоему, честный труженик на соленом поле гражданской деятельности. *(Кланяется и отходит на авансцену.)*

Р а с п л ю е в *(мушкатерам)*. Несите.

Гроб уносят. За ним выходят чиновники.

ЯВЛЕНИЕ 16

Расплюев и Тарелкин.

Расплюев *(надевши треуголку)*. Именно — вы справедливо, государь мой, заметили: душа бессмертна.

Тарелкин *(в духе; берет его за руки)*. А,— не правда ли? Бессмертна, то есть мертвые не умирают.

Расплюев. Так, так! Не умирают!! *(Подумавши.)* То есть как же, однако, не умирают??!

Тарелкин *(твердо)*. Живут... но, знаете, там *(указывая)* — далеко!!

Расплюев. Да — далеко!! ну так. Скажите, звание его какое было?

Тарелкин. О, почтенное. Коллежский советник. Ну, знаете, он у Варравина все дела делал.

Расплюев. Скажите! Отчего же похороны, можно сказать, в такой убогости... Что даже вот... и закусить нечего. Ведь это уже и религия наша обыкновенно предписывает.

Тарелкин. Ну, что делать — добродетелен был,— прост.

Расплюев *(с увлечением)*. Так! Понимаю... Знаете, что я вам скажу: добродетель-то в свете не вознаграждается.

Тарелкин. Так! Так! Не вознаграждается! Да кто вознаграждать-то будет? Люди? Вы их видели?

Расплюев. Видел.

Тарелкин. Сердце-то у них какое, видели?

Расплюев. Видел. Волчье!

Тарелкин. Именно волчье. *(Берет Расплюева за руку.)* А что, вы, стало, страдали?

Расплюев *(подмигивает публике)*. Таки бывало. А вы?

Тарелкин. Паче песка морского!

Расплюев. Что вы? Да в гражданской службе, знаете... этого... не бывает — особенно в чинах.

Тарелкин. Нет — в чинах оно больнее выходит!

Расплюев *(с удивлением)*. Больнее??! Однако не публично, а так промеж себя?

Тарелкин. Ну, разумеется: знает бог да я!..

Расплюев *(фыркает)*. Пффу!! Так расскажите, пожалуйста. Кем? Как? По какому случаю? Это меня интересует.

Тарелкин. Да что тут: я полагаю, ведь после похорон-то закусить не откажетесь.

Расплюев. Признаюсь — не без удовольствия. Должность-то наша собачья; так вот только тем и душу отведешь, что

закусишь этак в полной мере да с просвещенным человеком покалякаешь.

Тарелкин. Так не угодно ли после церемонии на закуску ко мне?

Расплюев. Да какая церемония? На извозчике-то свезти да в яму зарыть. Это у меня, государь мой, и мушкатеры справят, а я только зайду, вот тут одному дворнику надо зубы почистить, а там и к вам. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 17

Тарелкин (один).

Тарелкин. Провидение! Благодарю тебя. И как все это легко и благополучно совершилось. Теперь одно: благоразумие. Вон отсюда! Завтра сдаю квартиру и в путь! В глушь! В Москву! Там и притаюсь — пока все это совершенно смолкнет и успокоится... Сейчас укладываюсь! *(Берет чемодан.)* Сейчас! Сейчас!

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Чемоданы, ящики — все уложено; посреди комнаты накрыта закуска.

ЯВЛЕНИЕ 1

Тарелкин (один).

Тарелкин *(сидит в креслах)*. Да, я теперь только понимаю счастие, сердцем чувствую, носом слышу. Вот оно... *(Осматривается вокруг себя.)* Тишина, покой,— независимость!! Вот счастье!.. Нет начальства,— нет кредиторов,— даже друзей нет, чтобы отравить минуту отдохновения. Лихое дело справил. Одним махом стряхнул старые грехи, в прах полетели цепи, уплачены долги, и сама природа актом моей смерти подмахнула так: получено сполна! А здесь, при мне, вот тут, на самом сердце, запасный капитал. *(Вынимает бумаги.)* Собственноручные варравинские бумаги... Петля, в которой сидит его проклятая голова. Годик, другой — все будет тихо,— а там и предъявлю — и зло предъявлю, черт возьми. Ему и в голову войти не может, что я жив. Ха, ха, ха!

ЯВЛЕНИЕ 2

Расплюев входит; Тарелкин убирает стол.

Тарелкин. Добро пожаловать.

Расплюев. Мое почтение.

Тарелкин. Что же вы так задержались?

Расплюев. Нельзя было. Пришлось до кладбища промолоть,— сам генерал Варравин провожали. *(Ставит в угол шпагу и треуголку.)*

Тарелкин *(указывая на закуску)*. Вот не угодно ли?

Расплюев *(трет руки и подходит к столу)*. Не прочь, сударь,— не прочь.

Тарелкин *(ставит вино и водку)*. Чем бог послал.

Расплюев *(рассматривая с удовольствием закуску)*. Он недурно послал. *(Берет хлеб и селедку. Вздыхает.)* Эх, эх, эх — слабости человеческие. *(Пропускает все и запивает вином.)*

Тарелкин. Сыру не угодно ли?

Расплюев *(переходя к сыру)*. Мы — и сыру. *(Берет хлеб, отламывает кусок сыру, пропускает все и опоражнивает бутылку.)*

Тарелкин *(в сторону)*. Что за пасть такая?

Расплюев *(жует)*. Именно... справедливо вы давеча в вашей речи упомянули, что душа-то та бессмертна.

Тарелкин *(осматривая на свет пустую бутылку)*. Бессмертна... сударь,— бессмертна...

Расплюев *(берет еще сыру)*. И знаете,— что с ее стороны обязательно: ни она ест, ни она пьет. *(Жует.)*

Тарелкин *(обирает пустые тарелки)*. Да, действительно обязательно.

Расплюев *(жует)*. Ну, если бы таперь душа да еще кушать попросила, так что бы это было... Ложись да умирай.

Тарелкин. Точно, умирай. *(Хочет налить ему в рюмку.)*

Расплюев *(подставляя стакан)*. Нет, вот стакан. *(Пьет.)* Эх ты, валяй, гуляй, душа-девица.

Тарелкин *(приносит еще хлеба)*. Что за пасть такая. Да это бездонная яма! Куда ж это у него проваливается?

Расплюев пропускает ломоть.

Еще!.. Что тебя, прорвало, что ли? *(Вслух.)* Скажите, как вы себя чувствуете?..

Расплюев. Ну — скажу вам, еще ничего не чувствую.

Тарелкин. Неужели?

Расплюев. Натура такая: орга́н. *(Наливает стакан водки.)*

Тарелкин. Это водка.

Расплюев. Водка — так водка. *(Выпивает.)* У меня это, батюшка, под одним номером.

Тарелкин смотрит на пол.

Вы чего ищете?

Тарелкин. А я смотрю — может, у вас днище выперло,— так не проходит ли насквозь?

Расплюев *(встряхиваясь на стуле)*. Нет, сударь!.. У меня крепко,— не пройдет. Вы слыхали, у Паганини хорош был инструмент?

Тарелкин. Слыхал.

Расплюев. Ну, у меня лучше.

Тарелкин. Верю.

Расплюев. Об этом инструменте расскажу вам, государь, гисторию: прихожу я этто в трактир; спросил калач, чаю; вот у меня инструмент мой и заиграл; песни такие — ну! стало, мол, работы просит. Делать нечего: подай, говорю, ветчины порцию, икорки порцию, водки по препорции,— думаю, так, мол, червяка этого я тем и заморю.— Съел. Представьте себе, милостивый государь, не берет!

Тарелкин. Тссссс...

Расплюев. Хорошо, думаю; отвалил еще хлеба, сыру спросил, хересу выпил; а меня, милостивец, еще злее на еду позывает. Фу-ты, мол, штука какая? Давай, говорю, блинов! Пропустил десяток, послал другой в погоню — только зуб разгорается,— третий! Хоть ложись да умирай — не берет!!

Тарелкин. Необычайно!!

Расплюев. Вижу, дело плохо — все хляби мои стало, мол, разверзлись; и приказал, сударь, я подать по-нашему, по-русски: аржанова хлеба коврижину, три сельдины — по полену каждая, да квасу жбан — перекрестился — восчувствовал этак, съел; ну, будто и завязало. Так у меня тут *(хлопает себя по брюху)* огнь неугасимый и червь неутолимый.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же; входит Людмила Спиридонова.

Людмила. Скажите, отцы, Сила Силич Копылов здесь, что ли, проживает?

Расплюев *(ест)*. Здесь, касатушка, здесь.

Тарелкин. Что тебе, матушка, нужно?

Людмила. Так, и где ж мне их найтить-то?

Тарелкин. Да вот он — я.

Людмила. Что ж мне это сказали, что вы померли?

Тарелкин. Нет,— это шутки, это глупые шутки.

Людмила. Н-да! Ну, я очинно рада. А то куда ж бы мне мою головушку приклонить. Ну что ж, вы Людмилушку-то помните, а?

Тарелкин. Какую Людмилушку?

Людмила. Людмилу Спиридонову; соблазнители вы!

Расплюев и Тарелкин смеются.

Тарелкин *(рисуется и припоминает)*. Амалия... ну Розалия... была, кажется, одна Капалия... ну Людмилы, нет — Людмилы не помню. Да она из балета или из школы?

Людмила. По протомойству.

Тарелкин *(с презрением)*. По протомойству?!! Нет, я по протомойству никого не знаю.

Людмила. Ну, а сердце-то ваше не вещует?

Тарелкин. Ну нет; не вещует.

Людмила. Так вот она.

Тарелкин. Неужели? Вот те раз! Да это чудовище какое-то! Нет, черт с тобой,— я такой женщины не понимаю.

Людмила. Ой ли? Вот как! Не понимаешь? А детей видеть хочешь?

Тарелкин. Какие дети? Что ты? У меня никогда детей не было.

Людмила *(Расплюеву)*. Вот они каковы, ваше благородие: наплодят, да опосля и знать тебя не хотят. *(Отворяя дверь.)* Эй, дети, сюда!

Вбегают двое ребятишек.

Тарелкин. Что это? Боже мой!..

Людмила. Ну, детки, вот ваш тятенька... Что, хорош — а? Ну не взыщите — каков ни есть — к нему.

Ребятишки бросаются на Тарелкина,— он от них отбивается.

Тарелкин. Прочь, прочь, бесенята, прочь!! *(В отчаянии.)* Как, вся жизнь!! С прачкой?!! Нет!! Никогда.

Людмила *(припадает к нему и нежничает)*. Ну полно, Силич,— давай на мировую, ведь не впервóй. Ах! Силич! Силич! Ндруг! постарел же ты... айиньки постарел. Тебя и не признаешь; облез, как колено голое. Да здесь взаправду в Питере воды такие *(махнув рукой)*, так куда ж тут быть жиру или доброй сытости.

Знаешь, Силич, как я только тебя увижу, так во мне две перемены бывает: одна от моей пламенной горячности, а другая от твоей жестокой холодности. *(Ласкается.)* Силич, ндруг.

Тарелкин. Ступай вон, гадкая баба,— вон! Я тебя не знаю,— вон! И щенят возьми,— а то я их в окно выкину.

Людмила *(Расплюеву)*. Вот, мой отец, слышали? Будьте свидетели! Вот как он свое исчадие прогоняет. Я вам, ваше благородие, просьбу подам — вы его, зверя, укротите.

Расплюев. Приходи в часть. Там частному приставу и подашь.

Людмила. Ну, так прощайте, ваше благородие. *(Берет детей.)* Я сейчас и подам... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Расплюев, Тарелкин, Варравин переодет; в военной поношенной шинели, парик, густые усы, зеленые очки; резкий, военный тон; хромает и подпирается костылем; толпа кредиторов. Шум и голоса; стучатся в дверь.

Тарелкин. Кто там? Кто это там?

Кредиторы и с ними Варравин, шумно входят.

Что вам надо?

1-й кредитор. Скажите на милость, где же Кандид Тарелкин?

2-й кредитор. Где коллежский советник Тарелкин?

Варравин *(не своим голосом)*. Где этот мошенник Тарелкин? *(Стукает костылем.)*

Тарелкин *(в сторону)*. Э... э... э... Это мои кредиторы. Какие рожи... *(Вслух.)* Он умер, голубчики, умер.

1-й кредитор. Ах, разбойник,— он нарочно.

2-й кредитор. Я не согласен, я требую.

Варравин. Зарезал. Без ножа, а кинжалом ударил.

3-й кредитор *(пискливо)*. Вот оно!.. Где же у нас законы? Ведь это грабеж!!

4-й кредитор *(притряхивая всем телом)*. Этто... бес... чест... но!!

1-й кредитор *(кричит)*. А я вам говорю, что я его на дне преисподней сыщу!..

2-й кредитор *(кричит)*. Ну что вы бессмыслицу говорите. Какая преисподняя?.. Ну где там по преисподней нам за ним охотиться.

1-й кредитор. Однако могу же я искать мою собственность, где я хочу.

2-й кредитор. Да отыскивайте; мне начхать на вашу собственность.

1-й кредитор. А я на вашу плюю. *(Плюет и растирает ногой.)* Видите!..

1-й и 2-й кредиторы *(горячатся, и вместе)*. Как! кому! я... я!..

Варравин *(разнимает их)*. Оставьте, господа. Вы не то. Подавай нам *(стучит костылем)* его имущество!

Кредиторы *(кричат)*. Вот это так! Подавай нам его имущество?!

Тарелкин *(затыкая себе уши)*. Все, все взяла полиция.

1-й кредитор. Стало, и имущество пропало? Это — это катастрофа!!

3-й кредитор *(к публике)*. Ну, я спрашиваю: где же у нас законы?

4-й кредитор *(та же игра)*. Эттто... бес... чест... но!!

2-й кредитор. Ну, пойдемте в полицию,— одно спасение полиция.

Все кредиторы *(кричат)*. В полицию! В полицию!

Тарелкин *(их провожая)*. В полицию! В полицию!

Расплюев *(встает из-за стола и выходит на авансцену)*. Это так, в полицию! Одно спасение полиция!..

4-й кредитор *(простоявши немного)*. Этто... бес... чест... но!!! *(Быстро повертывается и уходит.)*

Тарелкин выпроваживает кредиторов и припирает за ними дверь.

ЯВЛЕНИЕ 5

Расплюев и Тарелкин.

Расплюев. Ну-ну. Накутил же этот Тарелкин — прах его возьми... Вот зрелище-то будет, когда эти кредиторы в части сразятся. Боже мой! Ино так выходит: их куча, а именьишка на два алтына, так они вцепятся в какой-нибудь кусок — да так *(делает жест)* и таскают... Однако Тарелкин этот, стало, прожженная была персона. Ишь ты, умел пожить, умел вовремя и дух испустить... Куда б ему теперь? Не миновать бы беды горючей! И из службы бы выгнали — и раздели бы — и в сибирке бы насиделся. А теперь что ему: слава богу, лежит себе вверх брюшком и лапочки сложил. Все тихо — все довольны... Даже вон его превосходительство генерал Варравин могилку посетили — ведь почет какой: этакой вельможа и вдруг соблаговолил бренное твое тело до могилки проводить; а что тело? Навоз, потроха одни.

Имуществом интересовались; с похорон сейчас со мною в часть; все до ниточки пересмотрели.

Тарелкин. Что ж, искал чего?

Расплюев. Да нет. Я полагаю так, одно воспоминание. У вельмож это бывает.

Тарелкин *(с иронией)*. Стало, сердцем-то очень нежен.

Расплюев. Я полагаю — так.

ЯВЛЕНИЕ 6

Расплюев, Тарелкин, Варравин.

Варравин *(переодетый входит, в сторону)*. Там ничего нет; бумаги, стало, здесь! *(Осматривая комнату.)* Непременно здесь.

Расплюев. Почтеннейший, чего вам?

Варравин. Скажите: неужели Тарелкин так-таки умер?

Тарелкин *(расставляя руки)*. Умер.

Варравин. Умер? — умер? — скажите, однако, как же так?

Тарелкин. Законом природы и волею богов.

Варравин *(покачав головой)*. Ай, ай, ай, ай, ай!..

Тарелкин *(присматриваясь к нему)*. Разве вы знали покойного — царство ему небесное.

Варравин. Как же, знал. Вот свинья-то была.

Расплюев. Однако вы, стало, его близко знали?

Варравин. Ну как же, приятели были.

Тарелкин *(с удивлением в сторону)*. Приятели??! Это что за птица? Отродясь не видывал.

Тарелкин и Варравин осматривают друг друга.

(В сторону.) Да это жулик какой-нибудь?

Варравин *(в сторону)*. Что за мошенническая рожа.

Тарелкин *(Варравину)*. Однако, милостивый государь, замечу вам, о мертвых говорить так нельзя.

Варравин. Ну как же прикажете свинью-то назвать?

Тарелкин. Как вы разумеете?

Варравин. А вот как: если у вас где-нибудь — в хлеве или подвале — свинья, и так, не большая и не сытая,— но вообще свинья — околеет,— то ведь вы не скажете, что у меня, мол, в подвале человек дух испустил.

Расплюев *(хохочет)*. Однако он это хорошо вонзил.

Варравин. Итак, представьте себе, господин квартальный поручик, что этот подлец Тарел...

Тарелкин. Нет, нет, позвольте.

Варравин. Что-ооо? Что позволять-то? Я оскорблен, оскорблен на самом сокровеннейшем дне моей души, а вы мне не даете сколько-нибудь облегчить себя!.. Да кто же вы сами-то — после этого; позвольте спросить? — а?

Тарелкин. Кто я? *(Показывая на Расплюева.)* Вы вот у кого спросите —

Расплюев делает утвердительный жест.

а вы-то кто?

Варравин. Я кредитор покойного.

Тарелкин. Да у него никогда такого кредитора не было!..

Варравин. А как вы, сударь, смеете? Я — я капитан — капитан Полутатаринов, я — видите? *(показывает хромую ногу)* кавказский герой,— я Шамиля брал.

Тарелкин *(горячится)*. А я все-таки говорю...

Расплюев. Шшшш — господа! не шуметь... *(Варравину.)* Продолжайте.

Варравин. Итак, представьте себе, милостивый государь, этот негодяй, вероятно, уже чувствуя, что скоро умрет, назанимал у знакомых денег, вещей,— что только мог,— а вот у меня самым предательским образом выманил часы, и превосходнейшие — верите ли, брегет.

Тарелкин *(в сторону)*. Он, бездельник, на меня, как на мертвого, лжет.

Варравин. Взял он у меня эти часы и говорит: в театр, братец, еду; цепочка есть, а часов-то нет; одолжи,— я ему по дружбе — верите ли, только по дружбе...

Тарелкин *(в сторону, сжав кулаки)*. Вот ярость! Знать, что врет, и не мочь сказать — ты врешь!.. *(С иронией.)* Ну, и вы ему так и одолжили?

Варравин. Да, и одолжил. И что же он, ракалия и сын всякого ракалии, сделал? Часы взял; сам умер; и я — как рак на мели! А потому и состою его кредитором на сумму двести рублей серебром. Но теперь где же эти часы? *(Осматривает комнату.)* В полиции их нет; стало, здесь,— непременно, здесь. А потому позвольте мне все эти закоулки обшарить; не засунул ли он их из одной лишь пакости куда-нибудь в щель, или не оставил ли разбойник промеж книг, бумаг, документов. Все возможно! *(Ходит по комнате и осматривает.)* Все возможно!!!

Расплюев. Так! это мое правило: всему верь, ибо все возможно! *(Указывая на дверь.)* Там кое-какой хлам еще остался — посмотрите...

В а р р а в и н. Прошу вас на все это наложить строжайший арест.

Р а с п л ю е в. Вот так уж лишнее.

В а р р а в и н. Как?

Р а с п л ю е в. Да и без того по копейке на рубль не хватит.

В а р р а в и н *(с жаром)*. Так! И не удивлен! Верите ли — какой он был от природы или уже по рождению пройда! Верите ли, что он на то только и бил, чтобы занять и потом естественно, чувствуя, что ему умереть надо, то, следовательно, не отдать. Всемилосердый господи! Если бы он теперь мне в лапу попался, да я бы его, мошенника, в лапшу искрошил...

Т а р е л к и н *(с негодованием)*. Однако позвольте!

В а р р а в и н *(Расплюеву)*. Верите ли, благородный человек, что по этим обстоятельствам ему неоднократно и в рожу-то плевали.

Т а р е л к и н *(теряя терпение)*. Да это невыносимо.

В а р р а в и н. Вот выносил же.

Т а р е л к и н. Вы, наконец, мое нравственное чувство оскорбляете.

В а р р а в и н. Что-оо? Нравственное чувство? А это что за настойка? На каких ягодах? Деликатесы какие? Нравственное чувство. Нет — вот он ракалия — так все чувства оскорблял.

Т а р е л к и н. Какие же чувства оскорблял покойник?

В а р р а в и н. Все, говорю вам, все! Зрение, ибо рожа его была отвратительна. Слух, ибо голос его дребезжал, как худая балалайка. Осязание, ибо кожу его по самые оконечности рук покрывал ослизлый и злокачественный пот! Обоняние, ибо от него воняло дохлым мясом.

Т а р е л к и н. Лжете, сударь, никогда.

В а р р а в и н. Пахло, сударь, пахло.

Т а р е л к и н *(отбежав в сторону)*. Да что за сатана такая??! Откуда навязался?

В а р р а в и н *(Расплюеву)*. Так видите, благородный человек,— все чувства! Все. И этот бандит у кого пронырством, у кого силою...

Р а с п л ю е в *(перебивая)*. Стойте!! Дело — хитрейшего свойства! Эти приметы, что вы с такою ясностию изложили, приходятся как раз на Силу Копылова.

В а р р а в и н. Как так? Благодетельный человек, что вы говорите?

Т а р е л к и н. Как на меня?.. Как вы смеете? Какое основание? Где право?..

Р а с п л ю е в *(с важностию)*. Позвольте, позвольте. Вы у меня не ораторствуйте — горла не драть!

Варравин. Та, та, та! Позвольте, благодетель, позвольте. Мы рассмотрим. А у меня вот предчувствие, что я свои бумаги, то бишь — часы, отыщу — непременно отыщу.

Расплюев *(подпирается в боки и становится насупротив Тарелкина)*. Первое — лицо. *(Варравину.)* Ну что? По-моему, лицо, можно сказать, неприятное.

Варравин. Гм! — лицо? Скажите, что это рожа, что это рыло — но лицом — нет, лицом не зовите — вы меня возмущаете!

Расплюев *(та же поза)*. Почти, почти.

Тарелкин. Мало ли непривлекательных наружностей. Это не доказательство.

Варравин. А голос — слышите ли голос.

Расплюев. Худая балалайка — так! так!!

Варравин. Так,— совершенно так!

Расплюев *(та же поза)*. Вы его как бы Рафаелевой кистью описали.

Варравин *(жмет руку Расплюеву)*. Благодарю.

Тарелкин *(старается говорить басом)*. Позвольте, господа,— позвольте, что за опрометчивость.

Варравин *(взявши его за руку)*. Руки потные и ослизлые.

Расплюев *(в духе)*. Запах?

Подходят оба и нюхают Тарелкина.

Варравин, Расплюев. А чем пахнет?

Расплюев. Будто пресность какая.

Варравин. Да. Но ведь это близко.

Расплюев. Очень близкие признаки. Хитрое обстоятельство.

Тарелкин *(с жаром)*. Однако, милостивый государь: не угодно ли принять на вид более фундаментальные приметы. *(Варравину)*. Что вы воздухом и запахом стали доказывать! *(Расплюеву.)* Покойный Тарелкин имел прекрасные волосы и превосходнейшие зубы; а я — как видите, и без волос *(показывает совершенно лысую голову)*, и без зубов *(открывает рот)* а... а... а... а...

Расплюев. Ну вот это так — это так!.. Молодец, Сила Силич, срезал. *(Варравину.)* Что, милостивый государь? Стало, домой идти.

Варравин. Нет,— я иду далее и говорю: дайте ему волосы и дайте ему зубы... и тогда...

Расплюев. Э... э... Капитан — зарапортовался. Ни, ни. Воспрещено и воспрещаю!.. Волосы и зубы в паспорте стоят, их, брат, колом не выворотишь,— а Антиох Елпидифорыч так говорит: их и царь не дает — их, говорит, дает природа... Да...

Тарелкин *(берет его за руки)*. Прекрасно сказано!..

Кланяются и жмут руки.

Скажу более: их дает бог!..

Расплюев *(в форсе)*. Го, го, го *(поднимает палец)* — высоко пошло!

Варравин *(несколько сбитый)*. Что ж? Может быть; может быть. Однако мы вот тово *(ищет)* — авось-либо господь бог и поможет... как бы этого право... *(Открывает комод.)*

Тарелкин *(подбегая)*. Как вы, сударь, смеете здесь рыться?

Варравин. Ба, ба, ба! *(Вытаскивает из комода парик и зубы.)* А это что?

Расплюев *(смотрит с удивлением)*. Парик и зубы!

Тарелкин *(бросаясь на него)*. Как вы можете...

Варравин *(увертываясь)*. Да это не те ли, которые в паспорте стоят. Ха, ха, ха...

Расплюев. Ха, ха, ха... Казусная штука... Что ж нам делать?

Варравин. А что делать — взять да на него и напялить.

Расплюев. Прехитрое обстоятельство — согласен!..

Варравин. Милостивец, соблаговолите. *(Ставит стул.)* Пожалуйте.

Тарелкин. Что за вздор — что за глупые шутки — я не хочу...

Расплюев. Ну мы подержим. *(Берет Тарелкина и сажает силою на стул.)* Вот так! *(Варравину, держа Тарелкина на стуле.)* Пожалуйте, батюшка, полотенце.

Варравин. Вот, благодетель, вот. *(Подает ему полотенце.)*

Расплюев *(крутит ему руки за спинку стула)*. Мы подержим, мы подержим.

Тарелкин. Ой, ой, ой, легче!

Варравин *(надевает и поправляет на нем парик)*. Как мы ему только зубы-то вставим?

Расплюев. А ничего. Вы ему рот-то пальчиком раскройте — ведь сами видели — не укусит.

Варравин *(оперирует)*. Именно, благодетель, не укусит.

Расплюев. А как уже вставите, то имейте осторожность — потому уже укусит.

Тарелкин произносит неясные звуки в то время, когда Варравин вставляет ему зубы.

Варравин *(отходит и осматривает Тарелкина)*. Боже мой! Что это?! Я глазам своим не верю!

Расплюев. Что, что, что такое?

Варравин. Да это Тарелкин!!

Расплюев *(в страхе)*. Неужели? Как Тарелкин; да вы его верно знали?

Варравин. Как свои пять пальцев.

Расплюев. О ужас! стойте! знаете ли, что Тарелкин умер, несомненно умер и мною в землю зарыт; генерал Варравин похороны справлял — сомнение невозможно!

Варравин. Да это он! — я вам говорю — он!..

Тарелкин. Ну полноте, господа,— прошу вас; ну развяжите мне руки — прошу. Ну что же? — ну случайное сходство.

Расплюев. Да, да — стало, действительно случайное сходство.

Варравин. Однако мой вам совет — этого субъекта не выпускать и аресту подвергнуть.

Тарелкин *(стараясь высвободить руки)*. Как вы можете? Осмельтесь только — голова ваша не уцелеет.

Варравин *(Расплюеву)*. Превосходно бы сделали. Я, батюшка, сам служил. Бывало, мимо меня никому ходу не было. Туда его, и кончено... и потому я могу сказать, положа руку на сердце *(кладет руку на сердце)*: мимо меня ни одна бестия не проскочила. *(Расплюеву.)* Спросите у него вид.

Расплюев. Подайте вид.

Тарелкин. Сделайте одолжение — вот мой вид на столе.

Варравин *(передавая Расплюеву вид)*. Вот он — смотрите. *(Расплюев читает.)*

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Качала с пакетом в руке.

Качала *(подавая Расплюеву пакет)*. Ваше бродие, из части бумага.

Расплюев *(Качале)*. Погоди. *(Варравину.)* Нет, это так. *(Указывает.)* Отставной надворный советник Сила Копылов. Так... Верно!.. *(Принимая пакет от Качалы.)* Давай сюда из части бумагу. *(Распечатывает и читает.)* Что это? Что такое? Не пойму! *(Читает.)* Никак не пойму. *(Читает.)* Описать имущество проживавшего в третьем квартале скоропостижно умершего надворного советника Силы... Силы... Коп... Коп... Ко-пы-ло-ва!! *(Смотрит на всех.)* Что?.. а?.. что!..

Качала. Ён, ваше бродие, помер.

Расплюев *(кричит)*. Что? а?

Качала *(кричит)*. У Шлиссельбурхе помер. Как жил, так и помер.

Расплюев. Да вот он, сидит на стуле!!!

Качала. Не могим знать, ваше бродие.

Варравин *(в сторону, хлопнув себя по лбу)*. А-а-а — мошенник,— это он!!! *(Расплюеву.)* Берегитесь!.. это... эт-то ужасно!!!

Расплюев *(жмется к Варравину)*. А что? а?.. я ничего не понимаю.

Тарелкин рвется на стуле и старается освободиться. Расплюев наталкивает на него Качалу.

Держи, держи его, бездельника!..

Качала упирается, Расплюев берется за бумаги. Варравин тоже читает.

Нет сомнения. Копылов умер. Умер от апоплексии! Умер в деревне Разгильдяевке, взрезан и в землю зарыт!! *(Хлопает по бумаге.)*

Варравин. Ужасно!

Расплюев. Таперь опять это. Тарелкин умер! Умер — и мною!! — *(бьет себя в грудь)* мною в землю зарыт!!! Таперь этот-то: кто же он?!!

Варравин. Стойте! Я знаю, кто он! Это... это величайшая опасность жизни.

Расплюев *(оробев)*. Что вы говорите?

Качала *(тоже робея)*. С нами хрестная сила!

Варравин. Слушайте меня, но только крепитесь.

Расплюев крепится.

Знаете ли вы, что такое вуйдалак?

Расплюев. Нет.

Варравин. Вудкоглак?

Расплюев. Нет.

Варравин. Упырь?

Расплюев. Нет.

Варравин. Мцырь?

Расплюев. Нет! Нет! Нет! — но вижу — ужасно!!

Варравин *(показывая на Тарелкина)*. Видите ли — во-первых, он уже мертвый.

Расплюев *(смущенно)*. Понимаю.

Варравин. Похоронен и в землю зарыт.

Расплюев. Понимаю.

Варравин. Но, естественно, он хочет жить.

Расплюев. Естественно.

Варравин. И что же — он покидает теперь свое жилище, могилу — там что,— и ходит.

Расплюев *(вздрагивая)*. Бррр...

Варравин. Но питаться злаками или чем другим не может, ибо это уже будет пищеварение; а какое же у него там, черт, пищеварение; а потому и питается он теплою... человеческою крррровью — потому готовое кушанье.

Расплюев *(хватает себя за голову)*. О боже мой! это... это целый ад... *(Подходит к авансцене.)* Верите ли, морррроз так по всем жилам и дерет.

Варравин *(подходя в это время тихо к Тарелкину)*. Теперь, змея, ты у меня в руках!..

Тарелкин *(с ужасом)*. Варравин!!

Варравин *(шипит)*. Я-я-а-а-а!! *(Тем же ходом, берет стул и ставит его перед Расплюевым.)* Теперь садитесь.

Расплюев садится.

У него, стало, хобот.

Расплюев. Фу а!!!

Варравин. Хобот как жало скорпиона и крепости адамантовой.

Расплюев. Фу а! бррр!..

Варравин. Подкараулив теперь вас, он избирает в голове вашей место *(выбирает у него в голове место)*, да хоботом-то как кокнет *(кокает Расплюева по голове костылем)*. Ну, стало, и этим самым повергает вас в беспамятство — понимаете, в беспамятство.

У Расплюева занимается дух, он делает знак, что понимает.

и начинает он из вас сосать... сосать... крррровь сосать...

Тарелкин с отчаянием рвется.

Расплюев. Ай, ай, держи!

Качала *(жмется к Расплюеву)*. Ух, ух!..

Варравин *(бросается к Тарелкину и затягивает ему руки. Тихо)*. Отдай, злодей, мои бумаги!

Тарелкин. Не отдам!!

Варравин *(затягивая ему крепче руки)*. Берррегись! *(схватив шляпу и костыль, поднимает руки кверху; и вслух)* боже праведный! Упаси мои косточки.

Расплюев *(ухватываясь за него)*. Стойте — стойте, я вас не выпущу.

Варравин *(указывая на Тарелкина)*. Держите его — берегите,— это птица редкая; со дня сотворения мира не было!.. Какая честь, полиции честь — вам честь!

Расплюев. Не оставляйте нас.

Варравин *(уходя)*. Вам крест — непременно крррест!!!

Расплюев *(уцепившись за Варравина)*. Нет, нет — я вас не выпущу!!

Варравин *(рвется)*. Не имеете права!..

Расплюев *(его держит)*. Имен... именем полиции вам приказываю... Качала! Шатала! — Сюда! Саркань ты мне этого зверя — саркань!! Я ему первый допрос при вас вкачу.

Качала и Шатала накидывают на Тарелкина петлю.

Крути его! крути!

Они крутят.

В мою голову крути! Еще!..

Тарелкин. Ох, ох,— разбойники — что вы?

Расплюев. Ага — голос подал! Говори, анафема,— кто ты?

Тарелкин *(в сторону)*. Пропала моя головушка... *(Опускает голову.)*

Расплюев. Ну же, говори.

Тарелкин. Что мне говорить? Я вам говорил — я Копылов.

Расплюев. Врешь, адская душа! Он умер. Вот бумаги — умер, выпотрошен и в землю зарыт! *(Качале.)* Крути!..

Тарелкин. Ой-ой-ой,— ну, я Тарелкин — ой, Тарелкин!

Расплюев *(с силою)*. Врешь — Тарелкин — сам генерал Варравин — что ты, анафема, морочишь. *(Качале.)* Крути!

Тарелкин *(кричит)*. Ай, батюшки, ай... я... я... оба.

Варравин *(Расплюеву)*. И оба мертвые.

Расплюев *(хватая себя за голову)*. Это, это ужасно! *(Вдруг вскакивает.)* Цепей и кандалов!! Тут преступление!.. Нет,— нет, тут два преступления!

Варравин *(подхватывая)*. Нет, тут три преступления!.. *(Поднимает высоко шляпу.)* К начальству!.. Да!..

Расплюев *(также махая шляпою)*. Так!! К начальству!!

Схватываются с Варравиным под руки и стремительно выбегают вон, махая шляпами; за ними Качала и Шатала тащат Тарелкина, прикрученного веревкою к стулу.

Занавес опускается.

Перемена декораций. Частный дом. Зал. Столы. Прямо против зрителя вхожая дверь. Направо дверь в темный коридор. Налево дверь в присутствие.

ЯВЛЕНИЕ 8

О х сидит у стола, перед ним стоит графинчик. Р а с п л ю е в.

Р а с п л ю е в *(вбегая)*. Где частный пристав? Где?

О х. Я здесь, здесь.

Р а с п л ю е в. Ччч... честь имею явиться.

О х. Ну.

Р а с п л ю е в. Я вне себя.

О х. Как?

Р а с п л ю е в. Я весь в воспалении.

О х. Говори, что.

Р а с п л ю е в. У нас в квартире жили двое.

О х. Ну?

Р а с п л ю е в. Как следует жили, умерли и в землю зарыты.

О х. Ну,— туда их!..

Р а с п л ю е в. Двое эти один! — и этот один жив?!

О х *(плюет)*. Вот всегда так соврет, что как обухом по лбу.

Р а с п л ю е в. Есть воля ваша.

О х. Да ты, может, натощак так врешь,— так вон выпей водки. *(Наливает ему водки.)*

Р а с п л ю е в *(с жаром)*. Что водка? Меня выше водки подняло.

О х *(пьет)*. Выше водки?! стало, действительно необыкновенное дело! *(Встает.)*

Р а с п л ю е в *(с возрастающим жаром)*. Со дня сотворения мира не было!

О х. Рассказывай.

Р а с п л ю е в. Извольте себе представить. Выходец с того света — оборотень, вуйдалак, упырь и мцырь — взят!.. Мною взят! Я весь в воспалении.

О х. Да где же он взят?

Р а с п л ю е в. На квартире умершего Тарелкина и умершего Копылова.

О х. Откуда же этот оборотень явился?

Р а с п л ю е в. Из земли вырос,— с неба свалился, из двух мертвых один живой вылупился,— теряюсь,— помрачился ум,— как в тумане хожу.

О х. Да где же он. Заарестован?

Р а с п л ю е в. Здесь — скручен канатом и взят! Вот тут — вон *(указывает)* в секретной и сидит!.. Можете представить эту честь — мне честь — полиции честь — награды — кресты...

О х. Да ты, кажется, спятил.

Р а с п л ю е в. Я взял — я! При сильнейшем сопротивлении *(бьет себя в грудь)*, с опасностью жизни!..

О х. Сядь.

Р а с п л ю е в *(вышедши на авансцену)*. Я Шамиля взял!!!

О х *(толкает его на стул)*. Сядь, говорю, ты угорел!

Р а с п л ю е в *(вскакивает)*. Крррест мне — крррест — Георгиевский...

О х *(прерывая его)*. О, проклятый болтун! ступай к черту! *(Высовывает его в дверь.)*

Р а с п л ю е в *(в дверях)*. Это мое убеждение!..

Ох захлопывает дверь.

ЯВЛЕНИЕ 9

О х (один).

О х *(думает)*. Стало, действительно, что называется, казус!.. Жили двое *(думает)* — оба умерли — убиты, что ли? Явился один — и этот один жив — черт возьми — даже лоб трещит! Гм! — такая досада... ничего от него толком не отберешь... *(Думает.)* Как бы мне его в резон ввести — а... постой! *(Вывертывает ручку из половой щетки.)* Вот так хорошо будет... *(Отворяет дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ 10

О х и Р а с п л ю е в.

Р а с п л ю е в *(вламываясь)*. Это... это мое убеждение *(бьет себя в грудь)*, крррест...

О х *(грозя палкой)*. А это видишь! Если я тебя промеж плеч ею двину, то твое убеждение *(показывает на потолок)* вон куда вылетит.

Р а с п л ю е в *(стихает)*. Ну, это другое дело... *(Косится на палку.)* Это другое дело...

О х *(строго)*. По службе, черт возьми!.. Знаешь! Руки по швам!..

Расплюев вытягивается.

Докладывай начальству. *(Опирается на палку. Поза.)*

Р а с п л ю е в *(руки по швам)*. Сего числа и дня арестован мною бродяга, беспаспортный вуйдалак, при сильнейшем сопротивлении... *(оживляясь)* с опасностью жизни... *(Бьет себя в грудь.)*

О х *(подымая палку)*. А это?

Р а с п л ю е в. Что ж? Человека обидеть можно... *(Докладывает.)* Арестовав, имею честь представить.

О х. Снабжен ли видом?

Р а с п л ю е в *(подавая бумаги)*. Извольте усмотреть — вид умерший.

О х *(рассматривает бумаги)*. Да; так! Смотри, чтоб не ушел.

Р а с п л ю е в. Все предосторожности взяты. Изначала я ему хитростию схватил рученьки, да полотенчиком и затянул; а потом сарканил; да так закрутил, что заревел; при всей лютости,— а заревел.

О х *(помахивая палкою)*. Так! так! Хорошо!

Р а с п л ю е в *(сторонясь от палки)*. Ваше высокородие — вы ее положите.

О х. Кого ее?

Р а с п л ю е в. Да вот барышню-то.

О х *(отдавая ему палку)*. Ты разве с нею знаком?

Р а с п л ю е в *(ставит палку в угол)*. Ну, не то что знаком, а видал; а если и издали видал, то — верьте слову — для чувствительного человека и этого довольно.

О х. Так это его имущество досматривал генерал Варравин?

Р а с п л ю е в. И его — и не его. Потому этот вуйдалак таперь на две половины разбился — одна выходит Тарелкин, а другая Копылов.

О х. Что-о-о? Откуда ты этой белиберды набрался?

Р а с п л ю е в. По учиненному дознанию. Свидетельское показание имею, что чиновники эти не померли,— никогда, а самым жесточайшим образом засосаны насмерть!!

О х *(с удивлением)*. Засосаны насмерть?!! Как так?!

Р а с п л ю е в. Так точно. По этой части сведения собраны мною в полнейшем виде.

О х. Говори.

Р а с п л ю е в *(ставит стул)*. Извольте сесть; я вам объясню в подробности. *(Усаживает Оха и становится против него.)* Извольте видеть: во-первых, у него хобот — хобот длины необычайной,— на конце хобота сосок,— сосок как жало скорпиона и крепости адамантовой. Таперь кой скоро жертву свою он заприметит, то он с крайнею лютостию хобот этот и выпустит — в рукав или в платок носовой — это все одно — и медленно, медленно избирает в голове вашей место *(ищет)*, надо бы мне что-нибудь твердое. *(Осматривается.)*

О х. Да вон палка.

Р а с п л ю е в. Именно, ваше высокородие, палка! *(Берет палку. В сторону.)* Постой, старый черт, я тебя по плеши-то

съезжу... *(Вслух.)* И избирает он в голове вашей самое слабое место, да вдруг как кокнет. *(Кокает его по голове.)*

О х. Ай!

Р а с п л ю е в. Ну — уже и начинает с необычайной свирепостью сосать!.. крррровь сосать до самой смертной кончины!!

О х *(трет себе голову)*. Однако это довольно явственно.

Р а с п л ю е в. Ну как же. Мне вот так-то капитан Полутаритинов два раза толковал и обещался к следствию явиться; я, говорит, это самое и при следствии покажу. Стало, такой уж обязательный человек. Он меня с арестантом даже вот сюда, до самой части проводил; берегите, говорит,— штука редкая; со времени сотворения мира не было, чтобы полиция и оборотня взяла.

О х. Гм! Н-да, две смерти, обе скоропостижные; — неизвестное лицо — оборотень ли, вуйдалак ли, то ли, сё ли, а все-таки следствие; — стало, тут, кроме добра, ничего нет.

Р а с п л ю е в. Капитан этот говорит так: что больших награждений ожидать надо; так уж, сделайте милость, скорее доложите начальству — потому злейший преступник — я ни за что не отвечаю.

О х. Разумеется, доложить начальству, без него далеко не уедешь!

Р а с п л ю е в. Так вот и извольте объяснить ему, что, мол, ваше превосходительство, подчиненный мой, исправляющий должность надзирателя, Расплюев самолично взял, представил в часть с опасностью жизни — при сильнейшем сопротивлении — этакое исчадие природы — лютейшего злодея.

О х. Ну можно и так доложить: более, мол, происходит от тщания в выборе подчиненных, которым, мол, в таком случае ничего более не остается делать, как исполнять свои обязанности.

Р а с п л ю е в. Как вам будет угодно.

О х. Конечно, брат, как мне будет угодно. Давай шляпу и шпагу. Еду сейчас к начальству.

К а ч а л а *(входит)*. Ваше высокородие — действительный статский советник Варравин.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Варравин.

В а р р а в и н. Что такое,— я слышу, у вас необыкновенное происшествие?

О х. Точно так, ваше превосходительство.

В а р р а в и н. Арестовано будто какое-то таинственное лицо и с большим шумом.

Ох *(нерешительно)*. Мы сами в недоумении.

Варравин. Что же?.. Сверхъестественное?..

Ох. Стало, сверхъестественное, ваше превосходительство,— ведь бывает?

Варравин *(утвердительно)*. И скажу вам, часто бывает. Вот теперь касательно оборотней и вуйдалаков, это несомненно. С ними одна трудность — это его схватить да взять.

Расплюев *(хлопнув руками)*. Вот оно! Ваше превосходительство! Благодетель! Отец! Взял, ей-богу, взял, при сильнейшем сопротивлении *(бьет себя в грудь)*, с опасностью жизни.

Варравин. Неужели!.. Это удивительный факт; расскажите.

Расплюев. Вашему превосходительству известно, что служивший при вас чиновник Тарелкин помер и совершенно законным образом в землю зарыт. Сами давеча присутствовать изволили?

Варравин. Ну, как же, при мне, в моих глазах!..

Расплюев. Проживавший на той же квартире чиновник Сила Копылов опять одновременно и скоропостижно умер!! *(Поднимает палец.)*

Варравин. Тссс... и этот умер! Что ж, действительно умер?..

Расплюев. Помилуйте,— не только умер, а его еще взрезали, кишки выпустили, опять зашили, а там такую ему в брюхе смятку сделали, что он ее до второго пришествия не раскусит. Так это уже не смерть, а шабаш!..

Варравин. Действительно, шабаш.

Ох. И что же, ваше превосходительство,— на квартире этих померших чиновников полиция по своей деятельности открывает...

Расплюев *(перебивая Оха)*. Нет, я, ваше превосходительство,— я открываю.

Ох *(строго Расплюеву)*. Полиция — говорю я вам!

Расплюев *(жалобно)*. Я, ей-богу, я! Ваше превосходительство, что же они у бедного человека последний кусок хлеба отымают.

Варравин. Оставьте его рассказывать.

Расплюев. Открываю я третьего, неизвестно кто, неизвестно откуда. Дознаю; оказывается, что это жесточайший злодей, вуйдалак, который для собственного пропитания — обоих этих чиновников засосал насмерть!! Что же мне тут делать?

Варравин. Вы его и арестовали?

Р а с п л ю е в. Ваше превосходительство: как Суворов Прагу — штурмом взял! Сопротивление было жесточайшее, но к моему благополучию случился тут капитан Полутатаринов, кавказский этакой герой, который сам Шамиля брал; человек неустрашимый — он мне и помог. Он-то, знаете, необычайно опытен и благоразумен, ну а я человек простой — стало, горяч. Я-то рвусь, а он-то меня держит и говорит: вещь единственная, вы, говорит, в истории будете,— крест дадут. Он все знает,— ученый этакой муж.

В а р р а в и н. А-а-а — так он ученый?

Р а с п л ю е в. Помилуйте: зеленые очки — вот какие, как фонари, так и горят. Сейчас видно — профессор.

В а р р а в и н. Ну, Расплюев, молодец! Редкий случай. Вот что дорого: взял и не выпустил.

Р а с п л ю е в. Ваше превосходительство, зубами держал. Ей-богу! Пропадай, мол, мое все; лишь бы начальство было довольно.

В а р р а в и н. Да это геройский поступок.

Р а с п л ю е в. Уж как вам угодно судите! Вот вам моя голова — вот и плечи.

В а р р а в и н. Что же вы хотите теперь делать?

О х. Еду к начальству.

В а р р а в и н. Гм.

О х. Все это происшествие донесу в подробности.

В а р р а в и н. Гм.

О х. Пускай оно само и распоряжается.

В а р р а в и н. Гм... Стало, вы хотите такой редкости себя лишить и свое счастие отдать другому...

Р а с п л ю е в *(перебивая его)*. Помилуйте, что вы?

О х. Нет, не хотим.

В а р р а в и н. Как же? Так я вас не понимаю. Ведь тут следствие,— неизбежное следствие.

О х. Точно так.

В а р р а в и н. Ну, стало, начальство и распорядится; оно и пришлет вам на шею какого-нибудь амура по особым поручениям в манжетах, вот от которого фиалками-то пахнет — знаете?

О х *(вздыхает)*. Знаю, ваше превосходительство.

В а р р а в и н. Вы у него в передней сидеть и будете. Хватали-то вы,— а схватит-то он. Вы как думаете?

О х *(вздыхая)*. Бывало, ваше превосходительство.

В а р р а в и н. Для дурачков и будет!.. Этих случаев, сударь, веками дожидаются. Это всякому лакомый кус. Тут награды, кресты, чины.

Расплюев. Ну так! Вот слово в слово, что говорил капитан Полутатаринов.

Варравин. Да всякий то же скажет.

Расплюев *(складывая руки)*. Отец, отец, научите, что делать?

Варравин *(наставительно)*. А поначалу не шуметь. Дело держать в секрете. Понимаете?

Ох. Понимаю.

Расплюев. А-а-а-а!..

Варравин. Донесите легонько,— оказалось-де лицо: вида — подозрительного; происхождения — неизвестного; паспорт — фальшивый; прикажут произвести исследование — вы и следуйте; начинайте с маленьких да меленьких — тихонько да легонько, а там и развивайте, и подымайтесь выше да шире, шире да выше, да когда разовьется да запутается — так тут и лови! Только хватай да руки подставляй; любое выбирай: хочешь честь или хочешь есть.

Расплюев *(в восторге)*. У-у... слова! Золотые слова!!

Ох *(тоже увлекшись)*. Верно судить изволите.

Варравин. А сначала себя не продавать; никак! Главное, слушайте меня. *(Понизив голос и отводя их в сторону.)* Опасайтесь воды.

Ох. Воды? как воды?

Варравин. Да! вода имеет для этих злодеев разрывную силу; никакие замки и кандалы не стоят,— и может случиться несчастие... уйдет!..

Расплюев. Нет, уж лучше я лягу да умру!

Варравин. А потому не давать воды ему ни капли.

Расплюев. Слушаю. Вот как, ваше превосходительство! Маковой росинки во рту не будет.

Варравин. Так. Тогда он не могши по своей натуре умереть — постоянно будет в томлении.

Расплюев. Так его в томлении держать и буду!..

Ох. Однако, ваше превосходительство, долго ли держать его в томлении?

Варравин. Там видно будет.

Расплюев. Да о чем вы, Антиох Елпидифорыч, беспокоитесь? Качай его, злодея, да и только. Вы прикажите мне — я заморю.

Варравин. Молодец, ей-богу, молодец.

Расплюев *(кричит)*. Рады стараться, ваше превосходительство.

Варравин *(хлопает его по плечу)*. Молодец! А я с своей стороны обещаю вам в этом принять участие и устроить так, что

самое это следствие будете производить вы да он, и никто более. Понимаете?.. Прощайте!

Ох и Расплюев низко кланяются.

Надо начать с малого и кончить торжеством!.. *(Уходит.)*

Ох и Расплюев подобострастно его провожают.

ЯВЛЕНИЕ 12

Ох и Расплюев.

Ох *(в духе)*. Ну, Расплюев, исполать! Необычайную ты вещь удрал.

Расплюев *(в восторге)*. Дединьки мои! Дединьки, отведите мою душеньку! Так все нутро и ходит; то замрет — а то опять вспыхнет... Что сказал? Генерал-то что сказал!.. Ушам не верю!.. Ну, если мне крест-то дадут?!!

Ох. Да ты знаешь ли еще, какую следователь власть имеет?

Расплюев *(несколько будто приуныв)*. Нет, не знаю я, какую следователь еще власть имеет!

Ох *(внушительно и редко)*. Следователь может всякого, кто он ни будь, взять и посадить в секрет!..

Расплюев *(начинает перебирать плечами)*. Здрррр... ааствуй, милая, хорошая моя — чернобровая... похожа на меня. *(Зло проходится трепаком; в финале кричит.)* Ура!! Все наше!.. Всякого теперь могу взять и посадить в секрет... Понимаю... Понимаю! Вот что, Антиох Елпидифорыч, такую бы я задал им переборку...

Ох. И зададим...

Расплюев. По первому разу купца Попугайчикова за ворот и туда!.. Уж очень у меня на этого Попугайчикова руки чешутся; потому, подлец, всякую совесть потерял; и в ус не дует. Вы ему приказывать изволили, а он смеется. Нет, говорит, шалишь; прошло ваше время! А в чем же, Антиох Елпидифорыч, наше время прошло?

Ох *(подстегивая шпагу)*. Врешь, купец Попугайчиков, не прошло еще наше время!..

Расплюев подает ему треуголку — оба выходят в необычайном духе.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната частного дома.

ЯВЛЕНИЕ 1

Расплюев (один).

Расплюев *(кладет на стол бумагу)*. Великий день! *(Хлопает по бумаге.)* Вот и предписание!.. Я следователь, я!.. Строжайшее следствие буду производить я!.. Подробнейшее розыскание произведу я. Все мышиные норки, все лазейки буду выворачивать наружу — я. Гм... а давно ли по этим лазейкам и норкам сам я свету божьего бегал... вот этих петличек *(указывает на свои петлички)* дрожал — а теперь меня дрожать будут!.. Раболепствовать будут!..

ЯВЛЕНИЕ 2

Расплюев; входит Ох.

Ох. Ну что ты?

Расплюев. Да так, Антиох Елпидифорович, удостоился вот чести, звания — так рассуждаю...

Ох. То-то рассуждаю,— ты у меня смотри... своего места не забывать! *(Грозит ему пальцем.)* Понимаешь?!

Расплюев. Помилуйте! Никогда.

Ох. Я тебе говорю,— у меня одно: деятельность и повиновение — повиновение и деятельность, только и знай.

Расплюев. Слушаю, Антиох Елпидифорович.

Ох. Другие, пожалуй, требуют еще преданности. Ну, преданности мне не надо. Потому если я тебя из службы выгоню да с голоду уморю — так ты мне предан будешь.

Расплюев. Это так, это точно так. Я завсегда говорю: палка хорошо — уж как хорошо; ну голод, по-моему, лучше. Голодом вы все сделаете; голодом вы и сердце тронете.

Ох. Трону.

Расплюев. Я вам про себя скажу. Отчего я человеком стал? Голод пронял. Доложу вам — желудок мой особой конструкции: не то что волк, а волкан, то есть три волка. Он каши-то меру просит, а ему подают наперсток,— вот я и взалкал. Да как взалкал,— до исступления. Хожу по улицам да зубами и щелкаю... буду, мол, усерден, буду и ревностен,— только душу-то вы мою, святые угодники и архистратиги, из этого ада изведите... Вот они меня и извели да к вам и пристроили.

О х. Ну — то-то, у меня смотри.

Р а с п л ю е в. Вы видите — собою жертвую, с какого побоища вуйдалака доставил.

О х. Ну,— ты его допрашивал?

Р а с п л ю е в. Упражнялся.

О х. Ну что ж?

Р а с п л ю е в. Сначала вертелся — а потом и сознался. Умер, говорит, а теперь опять живу. Потом опять говорит — умереть рад, но не могу.

О х. Что же — и он это чистосердечно говорит?

Р а с п л ю е в. Помилуйте, как же не чистосердечно: ведь другой уж день не поим, так тут всякое чистосердечие наружу полезет. Наконец показал, что их целая шайка.

О х. Стало, заговор.

Р а с п л ю е в. Я вам докладывал и теперь докладываю: меры строгости потребны, хватать надо.

О х. Скоро едешь.

Р а с п л ю е в. Однако — когда сам арестант показывает: целая, говорит, партия — будто и генерал Варравин тоже из оборотней.

О х. Что ты говоришь!

Р а с п л ю е в. Ей-ей показывает. Был, говорит, змеею. Жало при себе имеет и яд жесточайшей силы. Вы, говорит, его освидетельствуйте,— генерала-то...

О х. Ну что же?

Р а с п л ю е в. Будем свидетельствовать, ха, ха, ха!

Оба хохочут.

Все наше! Всю Россию потребуем.

О х *(весело смеется и машет руками)*. Что ты, что ты!..

Р а с п л ю е в. Я-а-а теперь такого мнения, что все наше отечество это целая стая волков, змей и зайцев, которые вдруг обратились в людей, и я всякого подозреваю; а потому следует постановить правилом — всякого подвергать аресту.

О х. Еще бы!

Р а с п л ю е в. Да-с. Правительству вкатить предложение: так, мол, и так, учинить в отечестве нашем поверку всех лиц: кто они таковы? Откуда? Не оборачивались ли? Нет ли при них жал или ядов. Нет ли таких, которые живут, а собственно уже умерли, или таких, которые умерли, а между тем в противность закону живут.

О х. Пожалуй, и оказалось бы.

Р а с п л ю е в. Вот так пошла бы ловля!.. С одних купцов что можно взять!..

О х. Не хуже бы холеры было.

Р а с п л ю е в. Что холера? Что вы говорите: холера. Холера болезнь, и то вона какую жатву доставила — по сей час поминают; а здесь оборотни, сосуны, вуйдалаки, то есть преступление: Сибирь и кандалы.

О х. А затребовал ли ты помещика Чванкина по поводу переписки с арестантом?

Р а с п л ю е в. Непременно.

О х. Хорошо. А купца Попугайчикова?

Р а с п л ю е в. Тронул. Явится.

О х. Свидетели тут?

Р а с п л ю е в. Кое-кто явился.

О х. Ну начинай! Да ты смотри — правило: при допросах ничему не верь.

Р а с п л ю е в. А я вот на это слаб; всему верю.

О х. Не верь, говорю. Я вот как: приди ты и скажи, вон, мол, Шатала пришел; так что ж? — ведь я не поверю; я пойду и посмотрю.

Р а с п л ю е в. А я не так. Вы мне вот скажите, что вон его превосходительство обер-полицимейстер на панели милостыню просит — ведь я поверю. Взять, мол, его! Я так за ворот и сгребу.

О х *(машет руками)*. Обера-то! Что ты, что ты!..

Р а с п л ю е в. Не могу. Нрав такой.

О х. А ты себя сдерживай.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, входит К р е с т ь я н К р е с т ь я н о в и ч У п м е г л и х к е й т.

К р е с т ь я н К р е с т ь я н о в и ч. А а... а... Антиоха Елпидифорыч — это... это у вас арестанта больна... тоскуй!..

О х. Да, у него что-то в желудке; этакое — томление...

К р е с т ь я н К р е с т ь я н о в и ч. Это страданий спинной мозга.

О х *(иронически)*. Ну так!! *(В сторону.)* Попал пальцем в нёбо.

К р е с т ь я н К р е с т ь я н о в и ч. Эта спинной мозга близка эта шелюдка. Спинной мозга воспалений, ну и шелюдка воспалений. Как пошар, так пошар. Ево надо водолечений.

О х и Р а с п л ю е в *(машут руками)*. Что вы, что вы, Крестьян Крестьянович, совсем уж спятили; мы свои головы потеряем.

Крестьян Крестьянович. Мой голофа никогда теряй.

Ох. Ни, ни. Никак!..

Крестьян Крестьянович. Я вам гавару — польза будит.

Ох. Запрещаю.

Крестьян Крестьянович. Не имейте какой праф. Я доктор.

Ох. А я следователь — и имею секретнейшие причины.

Крестьян Крестьянович. А ну это дело десятый. Может быть, ошень фажный преступник.

Ох. У — вот какой.

Крестьян Крестьянович. Политический.

Ох. Больше.

Крестьян Крестьянович. Что ж, больши политический преступник?

Ох. Мцырь.

Крестьян Крестьянович *(содрогнувшись)*. Шерт возьми! Што такая, Антиох Елпидифорыч? — мой не знай.

Ох. И дай бог никогда не знать.

Крестьян Крестьянович. Это — это фрей масон?

Ох. Хуже; а главное зловреднее.

Крестьян Крестьянович. Ай, ай, ай,— ну, батушка, я ему микстур писуй.

Ох. Нельзя.

Крестьян Крестьянович. Ну — пилюлька.

Ох. Пилюльку можно.

Крестьян Крестьянович. Што такой ему писуй... *(думает)* ну Salis... Salis... нет, нет... *(думает)* ну Extractum... Extractum... нет, нет — ну assa foetida — это такой — я ему хочит Тейфельсдрек, это... навоз! Да, шертово навоз!!

Ох. Ну и чудесно. Если чертово, то ему по нутру придется. А дело в том, Крестьян Крестьянович, вы пропишите так, чтобы на случай видно было, что медицина свою помощь подала.

Крестьян Крестьянович. А — карашо,— карашо.

Ох. Ну а там, что выйдет, ведь она за это не ответствует.

Крестьян Крестьянович *(с особенным убеждением)*. О нет!.. Никогда медицин отвечай... никогда!.. Никогда. *(Уходит.)*

Ох *(Расплюеву)*. Ну, Иван Антонович, начинай.

Расплюев *(кричит в канцелярию)*. Эй, Ванечка, сюда!..

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Ванечка с бумагами входит и садится за особый стол.

Расплюев. Ты смотри у меня, рассобачий сын, не зевать; сло́ва — и того не проронить; грошей не собирать — а то я тебя!.. Эй, Качала! Кто там явился?

Качала. Мещанка Брандахлыстова, ваше бродие.

Расплюев. Ну, давай сюда Брандахлыстову.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, входит Людмила Спиридонова.

Расплюев *(Людмиле)*. Как звать?

Людмила *(робко)*. Ась!

Расплюев *(кричит)*. Как звать?

Людмила. Людмилой, сударики, Людмилой Спиридоновой.

Расплюев. Ну, ты, Людмила Спиридонова, Силу Копылова знала?

Людмила. Знала.

Расплюев. А Кандора Тарелкина знала?

Людмила. Нет, не знала.

Расплюев. Ну, таперь тебе Силу-то Копылова оказывали? — Ты его видела?

Людмила. Видела.

Расплюев. Признаешь ли ты его?

Людмила. Признаю.

Расплюев. Ну, стало, это он?

Людмила. И он, сударики, и не он.

Расплюев *(Оху, значительно)*. Вот оно! *(Ванечке.)* Пиши.

Людмила *(продолжает)*. Его как звать-то?

Расплюев. Сила Силин Копылов.

Людмила. Ну он.

Расплюев. А с виду?

Людмила. А с виду не он.

Расплюев *(Оху)*. Вот оно... Прикажите записать.

Ох. Непременно. *(Ванечке.)* Пиши.

Расплюев. Хорошо, кумушка. Теперь вот что: имеем мы на Силу Копылова подозрение, что он оборотень.

Людмила. Оно, сударики, можно; от него все станется. Ономнясь своих детей не признал; подлец человек — стало, все станется.

Р а с п л ю е в. Ты с ним жила?

Л ю д м и л а. Жила.

Р а с п л ю е в. Ну что, он обрачивался?

Л ю д м и л а. Завсегда.

Р а с п л ю е в. Бо что же он оборачивался?

Л ю д м и л а. В стену.

Р а с п л ю е в. Как же он в стену оборачивался?

Л ю д м и л а. А как я на постель полезу, так он, мошенник, рылом-то в стену и обернется. Так вот я с ним одиннадцать годков и мучилась; глаза выплакала, с разбойником; глаз, бывало, не сомкну, все плачу, а он дрыхнет себе, да и только, горой его раздуй; а теперь, жеребец, и от меня отрекся, и от детей-то отрекся, кормить не хочет; это не мои, говорит, дети. Чьи ж, мол, эти дети, коли не твои? Укажи, чьи? Так не указывает.

Р а с п л ю е в. Ну, таперь ты, видя, что он эвдаким манером в стену-то обертывался, и не робела с ним спать-то.

Л ю д м и л а. Робела, сударики, робела, так делать-то мне что? Мое дело женское.

Р а с п л ю е в *(Оху)*. В показаниях сбилась, с преступником в сожительстве, не прикажете ли подвергнуть аресту?

О х. Ничего, подвергнуть.

Л ю д м и л а. Ах, отцы мои, благодетели, что вы, побойтесь бога, у меня дети есть, их кормить надо.

О х. И, милая,— их соседка накормит.

Л ю д м и л а. Соседка? Да у меня соседка такая стервотинка, что она их нарочно уморит.

О х. Не уморит,— а уморит, так отвечать будет. Мы никому не спустим.

Л ю д м и л а. Ну, разве что отвечать-то будет...

Ее уводят.

Я В Л Е Н И Е 6

Т е ж е и помещик Ч в а н к и н.

Ч в а н к и н *(входит с большим форсом)*. Что это, а? а? Скажите, скажите мне, кто здесь командует?

Р а с п л ю е в. Господин частный пристав.

Ч в а н к и н *(ходит)*. А! — частный пристав — частный пристав — а как он смел, частный пристав, меня беспокоить, а? как он смел?

Р а с п л ю е в. Да вот извольте объясниться с ними. *(Указывает на Оха.)*

Чванкин *(запальчиво)*. Нет, я спрашиваю: как же он смел? Да знает ли он, кто я? а? Да я... я сам власть имею, а? Я помещик Чванкин!! Да у меня в Саратовской губернии двести душ! да у меня в Симбирской губернии двести душ! Да у меня черт знает где черт знает сколько душ! Да я... Да он... *(Ходит по комнате и колотит по столам.)*

Расплюев *(Оху)*. Что прикажете тут делать? Ничего не сообразишь.

Ох *(подмаргивая Расплюеву)*. Попроси их в темную.

Расплюев. Можно?

Ох. Можно. *(Ванечке.)* Пиши постановление, знаешь — там— по форме, сбивчивость речей... нечто тяготящее душу и прочее.

Чванкин *(вдруг повертывается к Расплюеву)*. Чью душу? Говорите, чью? — мою? Так знайте, что у меня в Саратовской губернии триста душ, да у меня в Симбирской губ...

Расплюев *(Качале и Шатале)*. Ну-тка в темную!

Мушкатеры подхватывают Чванкина под руки.

Чванкин *(кричит)*. Как в темную?! Стой! Вы! Эй! Стой! Зачем?.. Я протестую *(болтая ногами по воздуху)*, я адрес!! У подножия престола... я у подножия. *(Его голос замолкает в коридоре.)*

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и купец Попугайчиков, входит и кланяется.

Расплюев. Ваше имя?

Попугайчиков. Флегонт Егорыч-с.

Расплюев. Фамилия?

Попугайчиков. Попугайчиков-с.

Расплюев. Звание?

Попугайчиков. Торгуем-с.

Расплюев. Чем?

Попугайчиков. По винной части.

Расплюев. Ну, вы подсудимого знали?

Попугайчиков. Помилуйте, к чему нам знать?

Расплюев. Как же вам не знать.

Попугайчиков. Почем же нам знать?

Расплюев. Вы должны знать.

Попугайчиков. Что делать, не знал.

Расплюев *(помолчав)*. Ведь мы, батюшка, не отстанем.

Попугайчиков. Как угодно.

Расплюев *(Оху)*. Прикажете продолжать?

Ох. Продолжать.

Расплюев *(хлопнув по столу всей пятерней)*. Да вы знаете ли, какое дело следуем, а? Оборотень, вуйдалак, упырь и мцырь!! — взят! — сидит в кандалах — и показывает!! *(Опять хлопает.)* Так что же вы тут говорите...

Попугайчиков, посмотрев искоса на Расплюева, вынимает бумажку и подает Оху.

Ох *(продолжая читать бумаги и не смотря на Попугайчикова)*. Что это?

Попугайчиков. Благодарность-с.

Ох. Какая?

Попугайчиков. Двадцатипятирублевая.

Ох. Не могу.

Попугайчиков. Сделайте милость.

Ох. Не могу.

Попугайчиков. Не обижайте, ваше высокородие.

Ох. Не могу, говорю я вам,— рад бы, но не могу.

Попугайчиков *(вздохнув)*. Извольте-с. *(Достает другую бумажку)*.

Ох. Послушай, Флегонт Егорыч, ты меня знаешь?

Попугайчиков. Помилуйте!

Ох. Ну — то-то; я, братец, без хитростей,— меньше ста рублей ни копейки.

Попугайчиков. Обижаете, Антиох Елпидифорыч.

Ох. Какая же обида?

Попугайчиков. Обижаете.

Ох. Ну веришь ли ты богу?.. Веришь ли?

Попугайчиков. Верю.

Ох. Ну, не могу.

Попугайчиков. За что такая обида?

Ох. Какая же обида? Обиды нет. Обида — произвол; а тут какой же черт произвол, когда моя необходимость... Ну не могу.

Попугайчиков *(вздыхает)*. Быть, стало, по-вашему. *(Отдает сотенную и подходит к другому столу. Ванечке.)* Ну ты, гнида, где расписаться?

Ванечка *(подает ему перо)*. Вот-с вам, Флегонт Егорыч,— вот и перышко — мы вам, сударь, в лучшем виде, Флегонт Егорыч-с! Сделайте милость... Флегонт Егорыч...

Попугайчиков. Ишь, крапивное семя, туда же! *(Дает ему деньги и уходит.)*

Расплюев *(Качале)*. Ну кто там еще?

Качала. Дворник Пахомов.

Расплюев. Давай Пахомова.

Ох выходит.

ЯВЛЕНИЕ 8

Расплюев и дворник. Мушкатер его вводит силою.

Расплюев *(дворнику)*. Подойди.

Пахомов стоит у дверей.

Подойди, говорят.

Мушкатер его подталкивает.

Да подойди к столу-то, черт! Не съест.

Пахомов подвигается.

Ну,— ты свидетель?

Пахомов. Я-то?

Расплюев *(передразнивает его)*. Да, ты-то.

Пахомов. Чаво-с?

Расплюев. О чтоб тебя... *(Внушительно.)* Свидетель ли ты?

Пахомов *(помявшись)*. Чаво-с?

Расплюев *(тычет ему кулаком в зубы)*. Свидетель ли ты?

Пахомов *(прибодрясь)*. Свидетель, сударь, свидетель.

Расплюев *(отходит к авансцене)*. Я вот только теперь начинаю силу чувствовать. *(Пахомову.)* Знал ли ты твоего жильца, надворного советника Силу Копылова?

Пахомов. Чаво-с?

Расплюев *(замахивается на него)*. А...

Пахомов. Знал, сударь, знал.

Расплюев. Ну! Таперь — скажи ты мне, не замечал ли ты — не оборачивался ли он во что?

Пахомов. Ась?

Расплюев *(становится против него и подпирается в боки)*. Бестия, каналия, протоканалия!! Что ж я этак долго около тебя ходить буду; мне ведь твоей братии, скотов, двадцать пять человек спросить надо — ракалия, разве меня хватит,— ведь меня не хватит!!

Пахомов *(робко)*. Как, сударь, вашей милости будет угодно.

Расплюев. Ой ли? Как мне угодно,— хорошо. Мне вот как угодно. Эй, Шатала!

Шатала подходит.

Стань ты вот здесь! *(Становит Шаталу сзади Пахомова.)* Таперь, как я ему вопрос дам, так ты мне его и резни,— и так ты мне его резни, чтобы у него ответ как пуля вылетел... Понимаешь?

Ш а т а л а. Как нам эвтова не понимать, ваше бродие. *(Насыкивается ударить Пахомова.)*

Р а с п л ю е в *(останавливает его за руку)*. Дурак! Стой! — ты не так, а вот когда я ему вопрос изделаю.

Ш а т а л а. Слушаю, ваше бродие.

Р а с п л ю е в *(ставши против Пахомова)*. Ну вот, сынок, ты таперь мне и объясни, что́ замечал ты особенного в твоем жильце, Силе Копылове?

П а х о м о в *(озираясь назад)*. Что... Я... заметил у Коп... *(получает в затылок удар и прикусывает язык)* ууу... ууу... батюшки...

Р а с п л ю е в *(Шатале, с сердцем)*. Осел! Ну что же ты ему самую таперь речь перебил? А? Я тебе что приказал... *(Подступает к нему со сжатыми кулаками.)* Ты, стало, моих слов не слушаешь — а?

Шатала смотрит на него во все глаза.

Постой, глупый бык,— я тебе эвту механику устрою... Эй, Качала,— поди сюда!

Качала подходит.

К а ч а л а. Чаво изволите, ваше бродие?

Р а с п л ю е в. Стань вот сзади эвтого быка. *(Становит его сзади Шаталы.)* Вот так *(поднимает ему руку)*, так! Как я тебе сигнал дам, так ты мне его в затылок и двинь... *(Шатале.)* Вот ты у меня, бычье рыло, и будешь знать, когда тебе следует свидетеля резнуть. *(Отходит в сторону и осматривает.)* Ну, вот, дружки, я вам механику и устроил... и устроил...

Мушкатеры стоят в позе; Расплюев ими любуется.

Теперь и отдохнуть можно. *(Садится на стул.)*[1] Пойдет машина сама собою. *(В духе разваливается на стуле и покачивается.)* Н-ну, приятель — объясни же мне, что́ заметил ты особенного в твоем жильце, Силе Копылове? *(Дает сигнал.)*

Качала режет Шаталу — Шатала Пахомова — Пахомов вскидывается на воздух и валится на Расплюева. Они падают один на другого и катятся по полу. Шум и смятение.

П а х о м о в. Ой, ой, ой... батюшки, у... би... ли... у... би... ли...

Р а с п л ю е в *(запыхавшись, приподнимаясь с трудом)*. Ох... стой... Ох — спину сломали... ооо... черти!! палачи! *(оправ-*

[1] Вдоль авансцены от правой руки зрителя к левой сначала стоит Качала, за ним Шатала, потом Пахомов; перед ним Расплюев на стуле.

ляется) вологоны проклятые, лукопёры... Ишь рыла-то здоровые уставили...

О х *(входит)*. Что это,— что такое?

Р а с п л ю е в. Помилуйте, Антиох Елпидифорыч,— вот дворника допрашиваю, так никак не соображусь.

П а х о м о в. Ох... о... у... би... ли... у... би... ли...

О х *(посмотрев на Пахомова, Шатале)*. Что же ты, дубовая башка, так дерешься?

Ш а т а л а. Их блродие изволили говорить: режь — я и резнул.

О х. Ты этак человека убьешь.

Ш а т а л а. Никак нет, ваше вшсокородие, я снароуку знаю; я его у самый загривок резнул. Мие их брродие строго приказывают; если ты, говорят, у меня человека убьешь,— так я тебя палками закатаю. Так я эфто у предмете имею.

П а х о м о в *(бросается на колени)*. Батюшка, ваше превосходительство, пощадите; я и так скажу, ей-богу, скажу; мне вот даже повернуть шею невозможно; я что угодно, то и скажу. *(Утирает кулаком слезы.)*

О х. А и в самом деле — ну вас, дураков, ступайте вы все к черту. *(Выгоняет мушкатеров. Пахомову.)* Ну, говори; только ты обстоятельно, братец, говори,— не вертись. Не видал ли ты — оборачивался ли Копылов в зверя или скота какого?

П а х о м о в. Нет, ваше высокородие, ей-богу, нет; в скота он не оборачивался.

Р а с п л ю е в. Врешь.

П а х о м о в *(с убедительностью)*. Ей-богу, не оборачивался; что хотите делайте, не оборачивался; вот в стену — в стену точно что оборачивался.

Р а с п л ю е в *(с жаром)*. А!.. Вот оно!..

О х. Каким образом?

П а х о м о в. А вот сойдет с лестницы — ну — иное дело — случится — в стену и обернется!

Р а с п л ю е в. В стену?.. Что ж тебе так это и видно?

П а х о м о в. Как же, ваше благородие, мне так это и видно.

Р а с п л ю е в. Что ж тебе видно?

П а х о м о в. А что лица-то не видно.

Р а с п л ю е в. Так тебе видно, что лица не видно?

П а х о м о в. Да-с.

Р а с п л ю е в. А где же лицо?

П а х о м о в. А в стене.

Р а с п л ю е в *(с жаром)*. Ай, ай,— а велика ли стена?

П а х о м о в. Как есть наша стена.

Р а с п л ю е в. Фу-ты, боже мой!.. Длина?

Пахомов. Двадцать пять сажен.

Расплюев. Вышина?

Пахомов. Пять сажен.

Расплюев *(Ванечке)*. Пиши!! *(К публике.)* Так вот мороз по всему и ходит. *(Оху.)* Изволите видеть, ваше высокородие, необыкновенно.

Ох делает утвердительный знак.

И какое согласие показания с Брандахлыстовою-то!.. Два свидетельские показания — полное доказательство!!

Ох. Да, да! *(Ванечке.)* Составь журнальное постановление,— а дворника под арест.

Пахомов *(на коленях)*. Ваше высокородие,— не погубите!..

Ох. Ни, ни. Нельзя, любезный.

Пахомов. Помилуйте, сударь, кто же будет улицу месть?

Ох. А у тебя есть жена?

Пахомов. Как жены не быть; жена есть.

Ох. Ну жена и выметет.

Пахомов. Где ж ей месть,— она не выметет.

Ох. А городовой придет,— да палку возьмет, вот она и выметет.

Пахомов. Ну разве городовой палку возьмет.

Его уводят.

Ох *(Качале)*. Ну — теперь впусти-ка этого помещика...

Качала осторожно отворяет дверь в темный коридор; Расплюев прячется за Оха.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, из темного коридора медленно входит Чванкин.

Чванкин *(осматриваясь)*. Господа... мое почтение. *(Раскланиваясь с Охом.)* Если вам угодно меня спросить, то я со всею готовностью. *(Раскланивается.)*

Ох. Да уж сделайте одолжение...

Чванкин. Я с удовольствием,— я даже с большим удовольствием. Вы бы мне прямо тотчас так сказали — и я бы тотчас с удовольствием... *(Ванечке.)* Миленький, дай мне перышко — надо будет ответики написать...

Расплюев. Ну — вы знали Тарелкина?

Чванкин *(с готовностью)*. Тарелкина? Нет, не знал.

Расплюев. А Копылова знали?

Ч в а н к и н. Копылова знал.

Р а с п л ю е в. Следствием открыто, что вы находились с подсудимым в странной и таинственностью облеченной переписке.

Ч в а н к и н. Какою же таинственностью: я с ним о девках переписывался.

Р а с п л ю е в. Как? Как?

Ч в а н к и н. Я у него трех девок купил.

Р а с п л ю е в. Трех? трех девок? Вы купили. *(Оху.)* Воспрещено законом.

О х. Строжайше... Продолжай.

Р а с п л ю е в. Когда и с какой целью дозволили вы себе купить у подсудимого девок, и главное в таком количестве?

Ч в а н к и н. А вот видите,— признаться, я сам недоумевал.

О х. Это не извинение,— мы этого не принимаем.

Р а с п л ю е в. Мы этого не принимаем.

О х *(Расплюеву)*. Молчи. *(Чванкину.)* Незнанием, сударь, законов никто да не отговаривается. Извольте показывать.

Ч в а н к и н. Жил я в Москве; приходят ко мне из моего симбирского имения мужики. Батюшка, говорят, барин, купите нам девок.— Где ж, мол, я вам, сиволапое стадо, девок куплю? — Да мы уже и сторговали.— И сторговали? — Говорят: сторговали.— Почем? — Да по двадцати по пяти рублев.— За сотню? — Помилуйте, говорят, за штуку.— Хороши? — Важные, говорят, девки... Ну, думаю, дешево!.. Как, скажите, целую этакую девку, как она есть... за двадцать пять целковых!..

Р а с п л ю е в *(с увлечением)*. Дешево!.. Целую этакую девку... *(Показывает как она есть.)* Я бы сам дал!!

Ч в а н к и н. Вот я их и спрашиваю: где ж, мол, такие девки продаются.

Р а с п л ю е в. Да, это интересно: где ж они продаются?

Ч в а н к и н. Мужики мне и говорят: а по соседству в княжой вотчине у управляющего Силы Силича Копылова. Я к Копылову письмо, он мне ответ,— так наша переписка и пошла.

О х. Переписка перепиской, а дело все-таки серьезное; девками торговать, сударь, не дозволено.

Ч в а н к и н. Нет, позвольте. Ведь это для тягол, это для тягольного счета.

О х. А мы вот увидим, для чьего счета. По этому обстоятельству неизбежно будет учинить местное дознание, так вы потрудитесь, во-первых, скрепить ваши показания.

Чванкин садится и скрепляет показания по листам.

Р а с п л ю е в *(постояв в раздумье)*. Эхма!! *(Хлопает себя по затылку.)* Дешево!!

О х *(Расплюеву)*. Очнись — облом! *(Чванкину.)* А во-вторых, сударь,— извольте дать подписочку о невыезде из города.

Ч в а н к и н *(продолжая скреплять листы)*. К чему же подписку; что за подписка; я и так из города никуда не поеду.

О х. Так уж форма.

Ч в а н к и н *(тверже)*. Я вам говорю, что не поеду, так вы можете верить. *(Встает.)* Кажется, между благородными людьми и благородного слова довольно. *(Берет шляпу и хочет идти.*

О х. Нельзя-с.

Ч в а н к и н. Однако, черт возьми, когда я говорю, так довольно!.. *(Скоро идет к дверям.)*

О х *(давая знак мушкатерам)*. Ей, Качала!..

Качала и Шатала подхватывают Чванкина под руки.

Ч в а н к и н. Что это?.. Стойте!.. опять в темную?!

О х. Да-с. Мы уж попросим опять. *(Мушкатерам.)* Несите в темную.

Чванкина несут в коридор.

Ч в а н к и н *(болтая ногами)*. Ну так я подписку, — я лучше подписку — стойте!.. окаянные!!

Его вносят в коридор.

Я даю подписку!! Две подписки!!

О х *(мушкатерам)*. Качала!.. Назад!..

Ч в а н к и н *(вырываясь из их рук)*. Я с удовольствием — я с большим, черт возьми, удовольствием... вам подписку дам... я хоть три подписки дам.

В а н е ч к а *(подавая ему перо)*. Извольте подписать.

Чванкин подписывает.

О х *(вздыхает)*. Все, сударь, форма; все форма.

Чванкин раскланивается и уходит.

Я В Л Е Н И Е 10

О х, Р а с п л ю е в, входит В а р р а в и н.

В а р р а в и н. Ну что у вас, господа, делается?

О х. Следствие производим, ваше превосходительство; два показания уже приобрели,— свидетели показывают!..

В а р р а в и н. Что же такое?

О х. Оборачивался!..

Варравин. Хорошо. *(Расплюеву.)* Ну что он?

Расплюев. В сильном, сильном томлении.

Варравин. Воды не давали?

Расплюев. Ни капли.

Варравин. И следовательно, тоска большая и силы нет?

Расплюев. Какая сила — чуть не околевает.

Варравин *(трет руки)*. Хорошо.

Расплюев. В последнее время при всей лютости, но ослаб. Сознался. Стал показывать, что у вас служил, только сбивчиво и все врет; искренности настоящей еще нет.

Варравин. Погоди, братец, она будет. *(Оху.)* Вы имейте в виду, что я как свидетель могу вам сделать очень важное касательно Тарелкина показание. Еще будучи в живых, он вдруг с глубоким огорчением объявил мне, как начальнику, что иногда он бывает зайцем!..

Ох. Собственное признание есть высшее всего мира свидетельство, говорит закон.

Варравин. Да! И что в этом виде собственные его кредиторы производят ему по улицам травлю — что, как он лично меня заверял, доставляет ему несказанные мучения...

Расплюев. Необычайно, ваше превосходительство. Вот, стало, уж имеем в деле два свидетельские показания, что арестант оборачивался, и к этому собственное пред лицом вашим признание...

Ох. По закону — полное доказательство!

Варравин. Стало, дело обставляется отлично!.. Теперь мне непременно надо спросить его по одному предмету. *(Оху.)* Прикажите подать его сюда.

Ох. Сейчас, ваше превосходительство. Ей, Качала! подать сюда арестанта.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же; мушкатеры вносят Тарелкина, привязанного по-прежнему веревкой к стулу.

Тарелкин *(слабым голосом)*. Воды... ох, воды...

Варравин *(отходя в сторону — Расплюеву)*. Допрашивайте.

Расплюев *(торжественно)*. Говори чистосердечно, кто ты таков?

Тарелкин. Ох — я Копылов.

Расплюев. Вздор.

Тарелкин. Ну, я признаюсь, я Тарелкин... только воды... ох... тоска какая...

Расплюев. И этому не верим. Ничему не верим.

Тарелкин. Да дайте мне воды; ну я что хотите скажу, только воды...

Расплюев. Говори — ты мцырь?

Тарелкин. Ну, мцырь.

Расплюев. Ты вуйдалак, упырь?

Тарелкин. Да, да... ох...

Расплюев. Кто твои сообщники?

Тарелкин. Весь Петербург и вся Москва.

Расплюев *(Оху)*. Вот оно!.. *(Вслух.)* Показывай поимянно — кто и кто?

Тарелкин. Мало ли их!..

Расплюев. Показывай, говорю!.. Ну главных зачинщиков показывай!

Тарелкин. Максим Варравин, экзекутор Живец, частный пристав Ох, квартальный поручик Расплюев.

Расплюев *(смешавшись)*. Вот те раз!.. *(Оху.)* Что же тут прикажете делать.

Варравин *(Расплюеву)*. Продолжай!..

Расплюев. Говори, что вы делали?

Тарелкин. Ох... людей морили... Вот вы теперь меня морите... ох...

Расплюев *(строго)*. Ты у меня не вертись... Кого вы уморили?

Тарелкин. Муромского уморили.

Расплюев. Что же, кровь высосали?

Тарелкин. Да, всю кровь высосали... да дадите ли вы мне воды — змеиные утробы... Что это... Какой жар стоит... Какое солнце печет меня... Я еду в Алжир... в Томбукту... какая пустыня; людей нет — всё демоны...

Варравин *(тихо, Оху и Расплюеву)*. Выйдите — я его сам допрошу.

Ох и Расплюев выходят в залу присутствия.

ЯВЛЕНИЕ 12

Варравин и Тарелкин.

Варравин *(подходя к Тарелкину)*. Я здесь! пустой человек!! Ты в моих руках — все открыто — все знаю — ты пропал!

Тарелкин *(тоскует)*. Ох... ох... мне все равно...

Варравин. Признайся, ты украл бумаги...

Молчание.

Отдай — в Сибири будешь...

Тарелкин *(поглядев на Варравина)*. Оттого и в Сибири не буду, что не отдам!!

Варравин. Умрешь.

Тарелкин. Умру,— а не отдам!..

Варравин. Томительно умрешь. Я жаждой уморю... Ей, Качала!

Качала входит.

Принеси, братец, мне стаканчик воды.

Тарелкин. О мучение какое... что это... жар какой...

Качала подает Варравину воду.

Варравин *(пьет)*. Хорошая вода. Что, братец, проточная или ключевая?

Качала. Ключевая, ваше превосходительство, прямо из реки.

Варравин. Хорошо, братец, ступай себе.

Тарелкин *(мечется)*. У... у... боже мой... какое мучение... *(Варравину.)* Нате вот!.. Возьмите их!.. *(вытаскивает из-под сюртука бумаги)* вот они... ваши бумаги... только воды... *(протягивает руку)* дайте... дайте...

Варравин *(берет бумаги)*. Постой... ты, пожалуй, обманешь... *(Рассматривает бумаги)*. Так; так; они! *(Дает ему воду.)* Ах, предатель,— ах, злодей.

Тарелкин пьет.

Ах, змея — доморощенная змея.

Тарелкин *(пьет)*. Максим Кузмич, куда же мне теперь деваться? *(Оправляется.)* Я лучше куда-нибудь уеду...

Варравин *(развязывая веревку)*. Ступай к черту, провались в ад,— только с глаз-то уйди.

Тарелкин *(встает и оправляется)*. Ну — матенька, ваше превосходительство, Максим Кузмич... ну не сердитесь — будьте отцом родным. *(Кланяется.)* Простите! Ну что делать; не удалось — ну ваша взяла... *(Смеется.)* Только ради самого создателя вы мне теперь помогите: бумаги-то, бумаги копыловские отдайте; куда мне без них! Формуляр-то его,— я тотчас в Москву и улизну.

Подходят оба к столу и роются в бумагах.

Варравин. Вот тебе формуляр — возьми! *(Дает ему формуляр.)*

Тарелкин. А аттестаты-то, аттестаты!..

Варравин. Вот тебе и аттестаты *(дает ему аттестаты)*, только провались.

Тарелкин. Я уйду; ей-богу, уйду... только, Максим Кузмич... *(становится в просительную позу)* — на дорогу-то... вы уж того...

Варравин *(с отчаянием сует руку в карман)*. На тебе, на!.. черт, дьявол, вурдалак проклятый!.. *(Дает ему деньги.)* Кровь ты мою высосал!! *(Проталкивает его к двери.)*

Тарелкин *(в глубине сцены снимает парик, вынимает зубы, горбится и принимает прежний вид Копылова. Потом обертывается и выходит на авансцену. Медленно окинув взглядом публику)*. Господа, вам не надо ли управляющего имением?.. имею вот аттестаты *(показывает аттестаты)*; об опытности и говорить нечего: прошел огнь и воду! Насчет честности — сами видели: за правду страдал!.. Удостоверение могу представить от любого общества сельского празднословия... но особенное чувствую влечение заняться винокуренной операцией — это уж просто натура говорит... Плодопеременные вам севообороты заведу, и с каким угодно удобрением: компосты ли захотите, или костяное, или жидкое, или, может быть, потверже любите — все могу! Или Либихов порошок, так своими руками сделаю. Одно слово, введу вам прогресс: рациональное хозяйство на вольнонаемном труде... так обделаю, что только ахать будете... Право, подумайте... Харрррроший случай!.. *(Подождавши.)* Что же? Нет!.. Не хотите? *(Обращаясь к одному из зрителей.)* Сделайте одолжение, милостивый государь, потрудитесь записать на случай мой адрес: его высокоблагородию — надворный советник-с — Силе Силичу Копылову — вот их превосходительству Максиму Кузмичу *(указывает на Варравина)*; они мне передадут-с. *(Раскланивается и убегает.)*

Варравин *(кричит ему вслед)*. Я тебе говорю: ступай прямо в пёкло,— там тебе не откажут — примут!..

Занавес опускается.

1869

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ!

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ЛИЦА:

Самсон Силыч Большов, купец.
Аграфена Кондратьевна, его жена.
Олимпиада Самсоновна (Липочка), их дочь.
Лазарь Елизарыч Подхалюзин, приказчик.
Устинья Наумовна, сваха.
Сысой Псоич Рисположенский, сряпчий.
Фоминишна, ключница } в доме Большова.
Тишка, мальчик }

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Большова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Л и п о ч к а *(сидит у окна с книгой)*. Какое приятное занятие эти танцы! Ведь уж как хорошо! Что может быть восхитительнее? Приедешь в Собрание али к кому на свадьбу, сидишь, натурально — вся в цветах, разодета, как игрушка али картинка журнальная; вдруг подлетает кавалер: «Удостойте счастия, сударыня!» Ну, видишь: если человек с понятием али армейской какой — возьмешь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!» Ах! *(с жаром)* оча-ро-ва-тель-но! Это просто уму непостижимо! *(Вздыхает.)* Больше всего не люблю я танцевать с студентами да с приказными. То ли дело отличаться с военными! Ах, прелесть! восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они ее отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаровательнее! Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо если улан али полковник какой разрисовывает — чудо! Любоваться мило-дорого! Ну, а прицепи-ка он еще саблю: просто ничего не увидишь любопытнее; одного грома лучше музыки наслушаешься. Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? Военный — уж это сейчас видно: и ловкость, и все; а штатский что? Так, какой-то неодушевленный! *(Молчание.)* Удивляюсь, отчего это многие дамы, поджавши ножки, сидят? Формально нет никакой трудности выучиться! Вот уж я на что совестилась учителя, а в двадцать уроков всё решительно поняла. Отчего это не учиться танцевать! Это одно только суеверие! Вот маменька, бывало, сердится, что учитель все за коленки хватает. Все это от необразования!

Что за важность! Он танцмейстер, а не кто-нибудь другой. *(Задумывается.)* Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный сговор: горят везде свечки, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье, тут вдруг заиграют вальс. А ну, как я перед ним сконфужусь! Ах, страм какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уж полтора года не танцевала! Попробую-ка теперь на досуге. *(Дурно вальсируя.)* Раз... два... три... раз... два... три...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Липочка и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна *(входя)*. Так, так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет ни заря, не поемши хлеба божьего, да уж и за пляску тотчас!

Липочка. Как, маменька? я и чай пила, и ватрушку скушала. Посмотрите-ка, хорошо? Раз, два, три... раз... два...

Аграфена Кондратьевна *(преследуя ее)*. Так что ж, что ты скушала? Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись!

Липочка. Что за грех такой! Нынче все этим развлекаются. Раз... два...

Аграфена Кондратьевна. Лучше об стол лбом стучи, да ногами не озорничай! *(Бегает за ней.)* Да что ж ты, с чего ж ты взяла не слушаться!

Липочка. Как не слушаться, кто вам сказал! Не мешайте, дайте кончить как надобно! Раз, два, три...

Аграфена Кондратьевна. Долго ль же мне бегать-то за тобой на старости лет! Ух, замучила, варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Липочка. Сейчас, сейчас, маменька! Последний кружок! Вас на то и бог создал, чтобы жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Раз, два...

Аграфена Кондратьевна. Как, ты еще пляшешь, да еще ругаешься! Сию минуту брось! Тебе ж будет хуже: поймаю за юбку, весь хвост оторву.

Липочка. Ну да рвите на здоровье! Вам же зашивать придется! Вот и будет! *(Садится.)* Фу... фу... как упаточилась, словно воз везла! Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.

Аграфена Кондратьевна. Постой, уж я сама оботру! Ишь уморилась! А ведь и то сказать, будто неволили. Коли уж матери не почитаешь, так стен-то бы посовестилась. Отец, го-

лубчик, через великую силу ноги двигает, а ты тут скачешь, как юла какая!

Л и п о ч к а. Подите вы с своими советами! Что ж мне делать, по-вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вот другой манер, кабы я была докторша! Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! Ах! какие вы, маменька, ей-богу! Право, мне иногда краснеть приходится от ваших глупостей!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей? Да неужто я затем тебя на свет родила, учила да берегла пуще соломинки?

Л и п о ч к а. Не вы учили — посторонние; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что ж? Родили вы — я была тогда что? ребенок, дитя без понятия, не смыслила обращения. А выросла да посмотрела на светский тон, так и вижу, что я гораздо других образованнее. Что ж мне, потакать вашим глупостям! Как же! Есть оказия.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Уймись! эй, уймись, бесстыдница! Выведешь ты меня из терпения, прямо к отцу пойду, так в ноги и брякнусь, житья, скажу, нет от дочери, Самсонушка!

Л и п о ч к а. Да, вам житья нет! Воображаю! А мне есть от вас житье? Зачем вы отказали жениху? Чем не бесподобная партия? Чем не капидон? Что вы нашли в нем легковерного?

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. А то и легковерного, что зубоскал. Приехал, ломался, ломался, вертелся, вертелся. Эка невидаль!

Л и п о ч к а. Да, много вы знаете! Известно, он благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают. Да как еще вы смеете порочить таких людей, которых вы и понятия не знаете? Он ведь не купчишка какой-нибудь. *(Шепчет в сторону.)* Душка, милашка!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Да, хорош душка! Скажите пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута за горохового. Ведь ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это ты назло матери под нос-то шепчешь.

Л и п о ч к а. Видимый резон, что не хотите моего счастия. Вам с тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну, как ты хочешь, так и думай. Господь тебе судья! А никто так не заботится о своем детище, как материнская утроба! Ты вот тут хохришься да разные глупости выколупываешь, а мы с отцом-то и дённо и нощно забо-

тимся, как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя поскорее.

Л и п о ч к а. Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Разве мне тебя не жаль, ты думаешь! Да что делать-то! Потерпи малость, уж коли много лет ждала. Ведь нельзя же тебе вдруг жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловят.

Л и п о ч к а. Что мне до ваших кошек! Мне мужа надобно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми; в целой Москве не могли выбрать жениха — всё другим да другим. Кого не заденет за живое: все подруги с мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вот один, так и тому отказали. Слышите, найдите мне жениха, беспременно найдите!.. Вперед вам говорю, беспременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие скверности? Владыко милосердный! не могу с духом собраться... Ах ты, собачий огрызок! Ну, нечего делать! Видно, придется отца позвать.

Л и п о ч к а. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нем разговаривать-то, а попробуйте-ка сами!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Так что же, я дура, по-твоему, что ли? Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос! Тьфу ты, дьявольское наваждение! Али ты думаешь, что я не властна над тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? Что ты прытче матери хочешь быть? У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах, матушки вы мои! Посконный сарафан сошью да вот на голову тебе и надену! С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу!

Л и п о ч к а. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот еще новости!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Молчи, молчи, таранта Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал господь утешение! Девчонка хабальная! Мальчишка ты шельмец, и на уме-то у тебя все не женское! Готова, чай, вот на лошадь по-солдатски вскочить!

Л и п о ч к а. Вы, я воображаю, приплетете скоро всех буточников. Уж молчали бы лучше, коли не так воспитаны. Все я скверна, а сами-то вы каковы после этого! Что, вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени? извести своими капризами?

(Плачет.) Что ж, пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю! *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна *(стоит и смотрит на нее)*. Ну, полно, полно!

Липочка плачет громче и потом рыдает.

Ну, полно ты, полно! Говорят тебе, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата.

Липочка плачет.

Липочка! Липа! Ну, будет! Ну, перестань! *(Сквозь слезы.)* Ну, не сердись ты на меня *(плачет)*... бабу глупую... неученую... *(Плачут обе вместе)*. Ну, прости ты меня... сережки куплю.

Липочка *(плача)*. На что мне сережки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами.

Аграфена Кондратьевна. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка *(сквозь слезы)*. Тогда и перестану, как замуж выду. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна. Выдешь, выдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня! *(Целуются.)* Ну, Христос с тобой! Ну, дай я тебе слезки оботру! *(Обтирает.)* Вот нынче хотела Устинья Наумовна прийти, мы и потолкуем.

Липочка *(голосом, еще не успокоившимся)*. Ах, кабы она поскорей пришла!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Фоминишна.

Фоминишна. Угадайте-ка, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволит жаловать?

Аграфена Кондратьевна. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадка, что ли, Фоминишна?

Липочка. Отчего ж ты у меня не спросишь? что я, глупее, что ли, вас с маменькой?

Фоминишна. Уж и не знаю, как сказать; на словах-то ты у нас больно прытка, а на деле-то вот и нет тебя. Просила, просила, не токмо чтобы что такое, подари хоть платок, валяются у тебя вороха два без призрения, так все нет, все чужим да чужим.

Аграфена Кондратьевна. Вот уж этого, Фоминишна, я до скончания не разберу.

Л и п о ч к а. Ишь она! Знать, пивца хлебнула после завтрака, налепила тут чудеса в решете.

Ф о м и н и ш н а. Вестимо так; что смеяться-то? Каково скончание, Аграфена Кондратьевна, бывает и начало хуже конца.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. С тобой не разъедешься! Ты коли уж начнешь толковать, так только ушами хлопай. Кто ж такой там пришел-то?

Л и п о ч к а. Мужчина али женщина?

Ф о м и н и ш н а. У тебя все мужчины в глазах-то прыгают. Да где ж это таки видано, что мужчина ходит в чепчике? Вдовье дело — как следует назвать?

Л и п о ч к а. Натурально, незамужняя, вдова.

Ф о м и н и ш н а. Стало быть, моя правда? и выходит, что женщина!

Л и п о ч к а. Эка бестолковая! Да кто женщина-то?

Ф о м и н и ш н а. То-то вот, умна, да не догадлива: некому другому и быть, как не Устинье Наумовне.

Л и п о ч к а. Ах, маменька, как это кстати!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Где ж она до сих пор? Веди ее скорей, Фоминишна.

Ф о м и н и ш н а. Сама в секунту явится: остановилась на дворе, с дворником бранится; не скоро калитку отпер.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Устинья Наумовна.

У с т и н ь я Н а у м о в н а *(входя)*. Уф, фа, фа! Что это у вас, серебряные, лестница-та какая крутая: лезешь, лезешь, насилу вползешь.

Л и п о ч к а. Ах, да вот и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Не больно спеши! Есть и постарше тебя. Вот с маменькой-то покалякаем прежде. *(Целуясь.)* Здравствуй, Аграфена Кондратьевна! Как встала, ночевала, все ли жива? бралиянтовая?

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Слава создателю! Живу — хлеб жую; целое утро вот с дочкой балясничала.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Чай, об нарядах все. *(Целуясь с Липочкой.)* Вот и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстела, изумрудная?.. Пошли, творец! Чего ж лучше, как не красотой цвести!

Ф о м и н и ш н а. Тьфу ты, греховодница! Еще сглазишь, пожалуй.

Л и п о ч к а. Ах, какой вздор! Это тебе так показалось, Устинья Наумовна. Я все хирею: то колики, то сердце бьется, как маятник; все как словно тебя подманивает али плывешь по морю, так вот и рябит меланхолия в глазах.

У с т и н ь я Н а у м о в н а *(Фоминишне)*. Ну, и с тобой, божья старушка, поцелуемся уж кстати. Правда, на дворе ведь здоровались, серебряная, стало быть, и губы трепать нечего.

Ф о м и н и ш н а. Как знаешь. Известно, мы не хозяева, лыком шитая мелкота; а и в нас тоже душа, а не пар!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а *(садясь)*. Садись, садись, Устинья Наумовна, что как пушка на колесах стоишь! Поди-ка, вели нам, Фоминишна, самоварчик согреть.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Пила, пила, жемчужная; провалиться на месте, пила и забежала-то так, на минуточку.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Что ж ты, Фоминишна, проклажаешься? Беги, мать моя, проворнее.

Л и п о ч к а. Позвольте, маменька, я поскорей сбегаю; видите, какая она неповоротливая.

Ф о м и н и ш н а. Уж не финти, где не спрашивают! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю, не пригожее ли будет подать бальсанцу с селедочкой.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром. Аль тебе жалко чужого добра? Да, как поспеет, вели сюда принести.

Ф о м и н и ш н а. Как же уж! Слушаю! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же без Фоминишны.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну что, новенького нет ли чего, Устинья Наумовна? Ишь у меня девка-то стосковалась совсем.

Л и п о ч к а. И в самом деле, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нет никакого.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Да ишь ты, с вами не скоро сообразишь, бралиянтовые. Тятенька-то твой ладит за богатого: мне, говорит, хотя Федот от проходных ворот, лишь бы денежки водились, да приданого поменьше ломил. Маменька-то вот, Аграфена Кондратьевна, тоже норовит в свое удовольствие: подавай ты ей беспременно купца, да чтобы был жалованный, да лошадей бы хороших держал, да и лоб-то крестил бы по-старинному. У тебя тоже свое на уме. Как на вас угодишь?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Фоминишна, входит, ставит на стол водку с закуской.

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не пойду. Затем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортопьянах, и танцевать! Нет, нет! где хочешь возьми, а достань благородного.

Аграфена Кондратьевна. Вот ты и толкуй с ней.

Фоминишна. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет; а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой.

Липочка. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоем купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка-то его, что ли, мне нужна?

Фоминишна. Не мочалка, а божий волос, сударыня, так-то-сь!

Аграфена Кондратьевна. Ведь и тятенька твой не оболваненный какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Липочка. Одно дело тятенька, а другое дело — муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу; слез недостанет, перцу наемся.

Фоминишна. Никак, ты плакать сбираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

Аграфена Кондратьевна. А кто ее дразнит? Сама привередничает.

Устинья Наумовна. Пожалуй, уж коли тебе такой апекит, найдем тебе и благородного. Какого тебе: посолидней али поподжаристей?

Липочка. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтоб не курносого, беспременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был по-журнальному. *(Смотрит в зеркало.)* Ах, господи! а сама-то я нынче вся, как веник, растрепана.

Устинья Наумовна. А есть у меня теперь жених, вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Липочка. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле, а брюнет.

Устинья Наумовна. Да, очень мне нужно на старости лет язык-то ломать по-твоему! как сказалось, так живет. И крестьяне есть, и орген на шее; ты вот поди оденься, а мы с маменькой-то потолкуем об этом деле.

Липочка. Ах, голубушка, Устинья Наумовна, зайди ужо ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдем, Фоминишна.

Фоминишна. Ох, уж ты мне, егоза!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аграфена Кондратьевна и Устинья Наумовна.

Аграфена Кондратьевна. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

Устинья Наумовна. Можно, бралиянтовая, можно.

Аграфена Кондратьевна *(наливает)*. Кушайка на здоровье!

Устинья Наумовна. Да ты бы сама-то прежде, яхонтовая. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Еще поспею!

Устинья Наумовна. Уах! фу! Где это вы берете зелье этакое?

Аграфена Кондратьевна. Из винной конторы. *(Пьет.)*

Устинья Наумовна. Ведрами, чай?

Аграфена Кондратьевна. Ведрами. Что уж по малости-то, напасешься ль? У нас ведь расход большой.

Устинья Наумовна. Что говорить, матушка, что говорить! Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да уж и выкопала жениха: ахнете, бралиянтовые, да и только!

Аграфена Кондратьевна. Насилу-то умное словцо вымолвила.

Устинья Наумовна. Благородного происхождения и значительный человек; такой вельможа, что вы и во сне не видывали.

Аграфена Кондратьевна. Видно, уж попросить у Самсона Силыча тебе парочку арабчиков[1].

---

[1] Арабчик — червонец.

Устинья Наумовна. Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и орген на шее, а умен как, просто тебе истукан золотой!

Аграфена Кондратьевна. Ты бы, Устинья Наумовна, вперед доложила, что за дочерью-то у нас не горы, мол, золотые.

Устинья Наумовна. Да у него своих девать некуды.

Аграфена Кондратьевна. Хорошо бы это, уж и больно хорошо; только вот что, Устинья Наумовна: сама ты, мать, посуди, что я буду с благородным-то зятем делать? Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.

Устинья Наумовна. Оно точно, жемчужная, дико сначала-то, ну а потом привыкнешь, обойдетесь как-нибудь. Да вот с Самсон Силычем надо потолковать, может, он его и знает, этого человека-то.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Рисположенский.

Рисположенский *(входя)*. А я к вам, матушка Аграфена Кондратьевна. Толконулся было к Самсону Силычу, да занят, вижу; так я думаю: зайду, мол, я к Аграфене Кондратьевне. Что это, водочка у вас? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, на здоровье! Садиться милости просим: как живете-можете?

Рисположенский. Какое уж наше житье! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна! Сами знаете: семейство большое, делишки маленькие. А не ропщу; роптать грех, Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Уж это, батюшка, последнее дело.

Рисположенский. Кто ропчет, значит, тот богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вот какая была история...

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшка? Я все позабываю.

Рисположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Рисположенский. Не умею вам сказать доподлинно: отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович так Псович! Что ж, это ничего! и хуже бывает, бралиянтовый.

Аграфена Кондратьевна. Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Рисположенский. Так вот, матушка Аграфена Кондратьевна, была история: не то чтобы притча али сказка какая, а истинное происшествие. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, кушай.

Рисположенский *(садится)*. Жил старец, маститый старец... Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне такой... необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей— мал мала меньше. Сам работать не в силах, жена тоже старуха старая, дети еще малые, а пить-есть надобно. Что было добра, под старость все прожили, поить, кормить некому! Куда деться с малыми ребятами? Вот он так думать, эдак думать — нет, сударыня ты моя, ничего уж тут не придумаешь. «Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от доброхотных дателей». День сидит — бог подаст, другой сидит — бог подаст; вот он, матушка, и возроптал.

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки!

Рисположенский. Господи, говорит, не мздоимец я, не лихоимец я... лучше, говорит, на себя руки наложить.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшка мой!

Рисположенский. И бысть ему, сударыня ты моя, сон в нощи...

Входит Большов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Большов.

Большов. А! и ты, барин, здесь! Что это ты тут проповедуешь?

Рисположенский *(кланяется)*. Всё ли здоровы, Самсон Силыч?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудел словно? Аль увечье какое напало?

Большов *(садясь)*. Простудился, должно быть, либо геморрой, что ли, расходился...

Аграфена Кондратьевна. Ну, так, Сысой Псович, что ж ему дальше-то было?

Рисположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после доскажу, на свободе как-нибудь забегу в сумеречки и расскажу.

Б о л ь ш о в. Что это ты, али за святость взялся! Ха, ха, ха! Пора очувствоваться!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну, уж ты начнешь! Не дашь по душе потолковать.

Б о л ь ш о в. По душе!.. Ха, ха, ха!.. А ты спроси-ка, как у него из суда дело пропало; вот эту историю-то он тебе лучше расскажет.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!

Б о л ь ш о в. А за что ж тебя оттудова выгнали?

Р и с п о л о ж е н с к и й. А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взял я одно дело из суда домой, да дорогой-то с товарищем и завернули, человек слаб, ну, понимаете... с позволенья сказать, хошь бы в погребок... там я его оставил, да хмельной-то, должно быть, и забыл. Что ж, со всяким может случиться. Потом, сударыня моя, в суде и хватились этого дела-то: искали, искали, я и на дом-то ездил два раза с экзекутором — нет как нет! Хотели меня суду предать, а тут я и вспомнил, что, должно быть, мол, я его в погребке забыл. Поехали с экзекутором — оно там и есть.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Что ж! Не токмо что с пьющим, и с непьющим бывает. Что ж за беда такая!

Б о л ь ш о в. Как же тебя в Камчатку не сослали?

Р и с п о л о ж е н с к и й. Уж и в Камчатку! А за что, позвольте вас спросить, за что в Камчатку-то сослать?

Б о л ь ш о в. За что! За безобразие! Так неужели ж вам потакать? Эдак вы с кругу сопьетесь.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги. Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети маленькие! Ну, говорит, бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и простил. Что ж! Дай бог ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; иногда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. Вот, к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Кушай, батюшка, на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдем-ка, чай, уж самовар готов; да покажу я тебе, есть у нас кой-что из приданого новенького.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. У вас, чай, и так вороха наготовлены, бралиянтовая.

Аграфена Кондратьевна. Что делать-то! Материи новые вышли, а нам будто не стать за них деньги платить.

Устинья Наумовна. Что говорить, жемчужная! Свой магазин, все равно что в саду растет.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Большов и Рисположенский.

Большов. А что, Сысой Псоич, с этим крючкотворством на своем веку много чернил извел?

Рисположенский. Хе, хе... Самсон Силыч, материал не дорогой. А я вот забежал понаведаться, как ваши делишки.

Большов. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, кровопийцы какие-то: только б вам пронюхать что-нибудь эдакое, так уж вы и вьетесь тут с вашим дьявольским наущением.

Рисположенский. Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня наущение? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал; потому что я, можно сказать, облагодетельствован вами и с ребятишками. А я еще довольно глуп, чтобы вам советовать: вы свое дело сами лучше всякого знаете.

Большов. Сами знаете! То-то вот и беда, что наш брат, купец, дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и на руку. Ведь вот ты теперь все пороги у меня обобьешь таскамшись-то.

Рисположенский. Как же мне не таскаться-то! Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался. Разве я не чувствую? Что ж я, в самом деле, скот, что ли, какой бессловесный?

Большов. Знаю я, что ты любишь — все вы нас любите; только путного от вас ничего не добьешься. Вот я теперь маюсь, маюсь с делом-то, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним! Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Рисположенский. Что ж, Самсон Силыч, не вы первый, не вы последний; нешто другие-то не делают?

Большов. Как не делать, брат, и другие делают. Да еще как делают-то — без стыда, без совести! На лежачих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему с своею образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно

куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредиторам-то старых сапогов пары три. Вот тебе вся недолга. Да еще и обманет-то кого: так, бедняков каких-нибудь пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им сделается!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, все это в наших руках.

Б о л ь ш о в. Знаю, что в наших руках; да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже! Я уж вас знаю! На словах-то вы прытки, а там и пошел блудить.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Да что вы, Самсон Силыч, помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж еще этого-то не знать! хе, хе, хе... Да такие ли я дела делал...

Б о л ь ш о в. Ой ли? Так какую ж ты механику подсмолишь?

Р и с п о л о ж е н с к и й. А там глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью... *(Пьет.)* Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать. Это уж первое дело.

Б о л ь ш о в. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Р и с п о л о ж е н с к и й. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые продажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Б о л ь ш о в. И то дело, чтобы оглядок не было.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Как на чужого-то закрепишь, так уж и придраться-то не к чему. Спорь после поди против подлинных-то бумаг.

Б о л ь ш о в. Только вот что беда-то: как закрепишь на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Б о л ь ш о в. А где ты его найдешь нынче? Нынче всякий норовит, как тебя за ворот ухватить, а ты совести захотел.

Р и с п о л о ж е н с к и й. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы нет: каков человек у вас приказчик?

Б о л ь ш о в. Который? Лазарь, что ли?

Р и с п о л о ж е н с к и й. Да, Лазарь Елизарыч.

Б о л ь ш о в. Ну, а на Лазаря, так и пускай на него; он малый с понятием, да и капиталец есть.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Что же прикажете, Самсон Силыч: закладную или купчую?

Б о л ь ш о в. А с чего процентов меньше, то и варгань. Как сделаешь все в аккурате, такой тебе, Сысой Псоич, магарыч поставлю, просто сказать угоришь.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы свое дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Б о л ь ш о в. Нет еще. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный; ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь. Ну, заложим мы дом, а потом что?

Р и с п о л о ж е н с к и й. А потом напишем реестрик, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну, и ступайте по кредиторам. Коли кто больно заартачится, так можно и прибавить, а другому сердитому и всё заплатить... Вы ему заплатите, а он — чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости, чтобы другим показать. Вот мол, так и так: ну, и другие, глядя на них, согласятся.

Б о л ь ш о в. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут: а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там, что хошь говори, а у меня дочь невеста, хоть сейчас из полы в полу да с двора долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту к черту. Да вот и Лазарь идет.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и П о д х а л ю з и н, входит.

Б о л ь ш о в. Что скажешь, Лазарь? Ты из городу, что ль? Как у вас там?

П о д х а л ю з и н. Слава богу-с, идет помаленьку. Сысою Псоичу! *(Кланяется.)*

Р и с п о л о ж е н с к и й. Здравствуйте, батюшка Лазарь Елизарыч! *(Кланяется.)*

Б о л ь ш о в. А идет, так и пусть идет. *(Помолчав.)* А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для меня сделал, учел бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там еще. А то торгуем, торгуем, братец, а пользы ни на грош. Али сидельцы, что ли, грешат, таскают родным да любовницам; их бы маленечко усовещивал. Что так, без барыша-то, небо коптить? Аль сноровки не знают? Пора бы, кажется.

Подхалюзин. Как же это можно, Самсон Силыч, чтобы сноровки не знать? Кажется, сам завсегда в городе бываю-с, и завсегда толкуешь им-с.

Большов. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзин. Известное дело-с, стараюсь, чтобы все было в порядке и как следует-с. Вы, говорю, ребята, не зевайте: видишь, чуть дело подходящее, покупатель, что ли, тумак какой подвернулся, али цвет с узором какой барышне понравился, взял, говорю, да и накинул рубль али два на аршин.

Большов. Чай, брат, знаешь, как немцы в магазинах наших бар обирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим. Так ли? А?

Рисположенский смеется.

Подхалюзин. Дело понятное-с. И мерять-то, говорю, надо тоже поестественнее: тяни да потягивай, только, только чтоб, боже сохрани, как не лопнуло; ведь не нам, говорю, после носить. Ну, а зазеваются, так никто виноват, можно, говорю, и просто через руку лишний аршин раз шмыгнуть.

Большов. Все единственно: ведь портной украдет же. А? Украдет ведь?

Рисположенский. Украдет, Самсон Силыч, беспременно, мошенник, украдет; уж я этих портных знаю.

Большов. То-то вот; все они кругом мошенники, а на нас слава.

Рисположенский. Это точно, Самсон Силыч, это вы правду говорить изволите.

Большов. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. *(Помолчав.)* Что, ведомости принес?

Подхалюзин *(вынимая из кармана и подавая)*. Извольте получить-с.

Большов. Дава-кась, посмотрим. *(Надевает очки и просматривает.)*

Рисположенский. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет, потом надевает очки, садится подле Большова и смотрит в газеты.)*

Большов *(читает вслух)*. «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского новерситета, от Губернских правлений, от Приказов общественного призрения». Ну и это мимо. «От Городской шестигласной думы». А ну-ткась, нет ли чего! *(Читает.)* «От Московской городской шестигласной думы сим объявляется; не пожелает ли кто взять в содержание ни-

жеозначенные оброчные статьи». Не наше дело: залоги надоть представлять. «Контора Вдовьего дома сим приглашает...» Пускай приглашает, а мы не пойдем. «От Сиротского суда». У самих ни отца ни матери. *(Просматривает далее.)* Эге! Вон оно куды пошло! Слушай-ка, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня, по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селивестров Плешков объявлен несостоятельным должником, должником; вследствие чего...» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вот те и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли и он нам?

Подхалюзин. Малость должен-с. Сахару для дому брали пудов, никак, тридцать, не то сорок.

Большов. Плохо дело, Лазарь. Ну, да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

Подхалюзин. Сумнительно-с.

Большов. Сочтемся как-нибудь. *(Читает.)* «Московский первой гильдии купец Антип Сисоев Енотов объявлен несостоятельным должником». За этим ничего нет?

Подхалюзин. За масло постное-с, об великом посту брали бочонка с три-с.

Большов. Вот сухоядцы-то, постники! И богу-то угодить на чужой счет норовят. Ты, брат, степенству-то этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! Вот и третий: «Московский второй гильдии купец Ефрем Лукин Полуаршинников объявлен несостоятельным должником». Ну, а этот как?

Подхалюзин. Вексель есть-с!

Большов. Протестован?

Подхалюзин. Протестован-с. Сам-то скрывается-с.

Большов. Ну! И четвертый тут, Самопалов. Да что они, сговорились, что ли?

Подхалюзин. Уж такой расподлеющий народ-с.

Большов *(ворочая листы)*. Да тут их не перечитаешь до завтрашнего числа. Возьми прочь!

Подхалюзин *(берет газету.)* Газету-то только пакостят. На все купечество мораль эдакая.

Молчание.

Рисположенский. Прощайте, Самсон Силыч, я теперь домой побегу: делишки есть кой-какие.

Большов. Да ты бы посидел немножко.

Рисположенский. Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время. Я уж к вам завтра пораньше зайду.

Б о л ь ш о в. Ну, как знаешь!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Прощайте!.. Прощайте, Лазарь Елизарыч! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Б о л ь ш о в и П о д х а л ю з и н.

Б о л ь ш о в. Вот ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь, что! Так вот даром и бери деньги. Как не деньги, скажет — видал, как лягушки прыгают. На-ка, говорит, вексель. А по векселю-то с иных что возьмешь! Вот у меня есть завалящих тысяч на сто, и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. Хошь за полтину серебра все отдам! Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбежались, некого и в яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, так сам не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь. Мне, говорит, и здесь хорошо, а ты проваливай. Так ли, Лазарь?

П о д х а л ю з и н. Уж это как и водится.

Б о л ь ш о в. Все вексель да вексель! А что такое это вексель? Так, бумага, да и все тут. И на дисконту отдашь, так проценты слупят, что в животе забурчит, да еще после своим добром отвечай. *(Помолчав.)* С городовыми лучше не связывайся: всё в долг да в долг; а привезет ли, нет ли, так слепой мелочью да арабчиками, поглядишь — ни ног, ни головы, а на мелочи никакого звания давно уж нет. А вот ты тут как хошь! Здешним торговцам лучше не показывай: в любой анбар взойдет, только и дела, что нюхает, поковыряет, поковыряет, да и прочь пойдет. Уж диви бы товару не было,— каким еще рожном торговать. Одна лавка москательная, другая красная, третья с бакалеей; так нет, ничто не везет. На торги хошь не являйся: сбивают цены пуще черт знает чего; а наденешь хомут, да еще и вязку подай, да магарычи, да угощения, да разные там недочеты с провесами. Вон оно что! Чувствуешь ли ты это?

П о д х а л ю з и н. Кажется, должен чувствовать-с.

Б о л ь ш о в. Вот какова торговля-то, вот тут и торгуй! *(Помолчав.)* Что, Лазарь, как ты думаешь?

П о д х а л ю з и н. Да как думать-с! Уж это как вам угодно. Наше дело подначальное.

Б о л ь ш о в. Что тут подначальное: ты говори по душе. Я у тебя про дело спрашиваю.

П о д х а л ю з и н. Это опять-таки, Самсон Силыч, как вам угодно-с.

Б о л ь ш о в. Наладил одно: как вам угодно. Да ты-то как?

П о д х а л ю з и н. Это я не могу знать-с.

Б о л ь ш о в *(помолчав)*. Скажи, Лазарь, по совести, любишь ты меня? *(Молчание.)* Любишь, что ли? Что ж ты молчишь? *(Молчание.)* Поил, кормил, в люди вывел, кажется.

П о д х а л ю з и н. Эх, Самсон Силыч! Да что тут разговаривать-то-с. Уж вы во мне-то не сумневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Б о л ь ш о в. Да что ж, что ты весь-то?

П о д х а л ю з и н. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

Б о л ь ш о в. Ну, так и разговаривать нечего. По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время: денег наличных у нас довольно, векселям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождешься, пожалуй, что какой-нибудь свой же брат оберет тебя дочиста, а там, глядишь, сделает сделку по гривне за рубль, да и сидит в миллионе и плевать на тебя не хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казнись, хлопай глазами-то. Вот я и думаю, Лазарь, предложить кредиторам-то такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по двадцати пяти за рубль. Как ты думаешь?

П о д х а л ю з и н. А уж по мне, Самсон Силыч, коли платить по двадцати пяти, так пристойнее совсем не платить.

Б о л ь ш о в. А что? Ведь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихим-то манером дельце обделать. Там после суди владыка на втором пришествии. Хлопот-то только куча. Домто и лавки я на тебя заложу.

П о д х а л ю з и н. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселя надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевести куда подальше. Станем хлопотать-с!

Б о л ь ш о в. Оно так. Да старенек уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

П о д х а л ю з и н. Помилуйте, Самсон Силыч, в огонь и в воду полезу-с.

Б о л ь ш о в. Эдак-то лучше! Черта ли там по грошам-то наживать! Махнул сразу, да и шабаш. Только напусти бог смелости. Спасибо тебе, Лазарь! Удружил! *(Встает.)* Ну, хлопочи! *(Подходит к нему и треплет по плечу.)* Сделаешь дело, аккуратно, так мы с тобой барышами-то поделимся. Награжу на всю жизнь. *(Идет к двери.)*

П о д х а л ю з и н. Мне, Самсон Силыч, окромя вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как жимши у вас с малолетства и видемши все ваши благодеяния; можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Контора в доме Большова. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Тишка *(со щеткой на авансцене)*. Эх, житье, житье! Вот, чем свет тут ты полы мети! А мое ли дело полы мести? У нас все не как у людей! У других-то хозяев, коли уж мальчишка, так и живет в мальчиках — стало быть, при лавке присутствует. А у нас то туда, то сюда, целый день шаркай по мостовой как угорелый. Скоро руку набьешь, держи карман-то. У добрых-то людей для разгонки держат дворника, а у нас он с котятами на печке лежит либо с кухаркой проклажается; а на тебе спросится. У других все-таки вольготность есть; иным часом проштрафишься што либо-о́што, по малолетствию тебе спускается: а у нас — коли не тот, так другой, коли не сам, так сама задаст вытрепку; а то вот приказчик Лазарь, а то вот Фоминишна, а то вот... всякая шваль над тобой командует. Вот она жисть-то какая анафемская! А уж это, чтобы урваться когда из дому, с приятелями в три листика али в пристенок сразиться — и не думай лучше! Да уж и в голове-то, правда, не то! *(Лезет на стул коленками и смотрит в зеркало.)* Здравствуйте, Тихон Савостьяныч! Как вы поживаете? Всё ли вы слава богу?.. А ну, Тишка, выкинь коленце. *(Делает гримасу.)* Вот оно что! *(Другую.)* Эвось оно как... *(Хохочет.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тишка и Подхалюзин (крадется и хватает его за ворот).

Подхалюзин. А это ты, чертенок, что делаешь?

Тишка. Что! известно что! пыль стирал.

Подхалюзин. Языком-то стирал! Что ты за пыль на зеркале нашел? Покажу я тебе пыль! Ишь ломается! А вот я тебе заклею подзатыльника, так ты и будешь знать.

Тишка. Будешь знать! Да было бы еще за что?

Подхалюзин. А за то, что за что! Поговоришь, так и увидишь, за что! Вот пикни еще!

Тишка. Да, пикни еще! Я ведь и хозяину скажу, не что́ возьмешь!

Подхалюзин. Хозяину скажу!.. Что мне твой хозяин... Я, коли на то пошло... хозяин мне твой!.. На то ты и мальчишка, чтоб тебя учить, а ты думал что! Вас, пострелят, не бить, так и добра не видать. Прахтика-то эта известная. Я, брат, и сам огни, и воды, и медные трубы прошел.

Т и ш к а. Знаем, что прошел.

П о д х а л ю з и н. Цыц, дьяволенок! *(Замахивается.)*

Т и ш к а. На-кась, попробуй! нешто не скажу, ей-богу, скажу!

П о д х а л ю з и н. Да что ты скажешь-то, чертова перечница!

Т и ш к а. Что скажу? А то, что лаешься!

П о д х а л ю з и н. Важное кушанье! Ишь ты, барин какой! Поди-ткась! Был Сысой Псоич?

Т и ш к а. Известно, был.

П о д х а л ю з и н. Да ты, чертенок, говори толком! Зайти, что ль, хотел?

Т и ш к а. Зайти хотел!

П о д х а л ю з и н. Ну, так ты сбегай на досуге.

Т и ш к а. Рябиновки, что ли?

П о д х а л ю з и н. Да, рябиновки. Надо Сысоя Псоича попотчевать. *(Дает деньги.)* Купи полштофа, а сдачу возьми уж себе на пряники. Только ты, смотри, проворней, чтобы не хватились!

Т и ш к а. Стриженая девка косы не заплетет. Так начну порхать — живым манером.

Тишка уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

П о д х а л ю з и н *(один)*. Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то? Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, положим, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чем буду? Мне-то куда деться? В проходном ряду пылью торговать? Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани. Как теперь это дело рассудить надо? Товаром, что ли? Вот векселя велел продать *(вынимает и считает)*: тут, должно быть, попользоваться будет можно. *(Ходит по комнате.)* Говорят, надо совесть знать! Да, известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть! Самсон Силыч купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так, для препровождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идет. А мне что его жалеть. Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я с ним сделал, да не приходится! Хм! Ведь залезет эдакая фантазия в голову человеку!

Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и, можно сказать, каких в свете нет, а ведь этот жених ее теперича не возьмет, скажет, денег дай! А денег где взять? И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! *(Ходит молча.)* А понабравши деньжонок, да поклониться Самсону Силычу: дескать, я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу кругом себя ограничить на этот предмет. Отчего не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Да при всем том, как заложили мне Самсон Силыч дом и лавки, так и закладной-то можно пугнуть. А знамши-то характер Самсона Силыча, каков он есть, это и очень может случиться. У них такое заведение: коли им что попало в голову, уж ничем не выбьешь оттедова. Все равно как в четвертом году захотели бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали — нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своем: взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по них или так взойди им в голову — завтра же под венец, и баста, и разговаривать не смей. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого спрыгнуть можно.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Подхалюзин и Тишка.

Тишка *(входит со штофом)*. Вот он я пришел!

Подхалюзин. Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здесь?

Тишка. Там наверху. Да и стракулист идет.

Подхалюзин. Так ты поставь водку-то на стол, да и закусочки достань.

Тишка ставит водку и достает закуски, потом уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Подхалюзин и Рисположенский.

Подхалюзин. А, наше вам-с!

Рисположенский. К вам, батюшка Лазарь Елизарыч, к вам! Право. Думаю, мол, мало ли что, может, что и нужно. Это водочка у вас? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. Что-то руки стали трястись по утрам, особенно вот правая: как писать что,

Лазарь Елизарыч, так все левой придерживаю. Ей-богу! А выпьешь водочки, словно лучше. *(Пьет.)*

Подхалюзин. Отчего же это у вас руки трясутся?

Рисположенский *(садится к столу)*. От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка.

Подхалюзин. Так-с! А я так полагаю, оттого, что больно народ грабите. За неправду бог наказывает.

Рисположенский. Эх, хе, хе... Лазарь Елизарыч! Где нам грабить! Делишки наши маленькие. Мы, как птицы небесные, по зернышку клюем.

Подхалюзин. Вы, стало быть, по мелочам?

Рисположенский. Будешь и по мелочам, как взять-то негде. Ну, еще нешто, кабы один, а то ведь у меня жена да четверо ребятишек. Все есть просят, голубчики. Тот говорит — тятенька, дай, другой говорит — тятенька, дай. Одного вот в гимназию определил: мундирчик надобно, то, другое. А домишко-то эвоно где!.. Что сапогов одних истреплешь, ходимши к Воскресенским воротам с Бутырок-то.

Подхалюзин. Это точно-с.

Рисположенский. А зачем ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого в мещане припишешь. Иной день и полтины серебром домой не принесешь. Ей-богу, не лгу. Чем тут жить? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)* А я думаю: забегу, мол, я к Лазарю Елизарычу, не даст ли он мне деньжонок что-нибудь.

Подхалюзин. А за какие же это провинности-с?

Рисположенский. Как за какие провинности! Вот уж грех, Лазарь Елизарыч! Нешто я вам не служу? По гроб слуга, что хотите заставьте. А закладную-то вам выхлопотал!

Подхалюзин. Ведь уж вам заплачено! И толковать-то вам об одном и том же не приходится!

Рисположенский. Это точно, Лазарь Елизарыч, заплачено. Это точно! Эх, Лазарь Елизарыч, бедность-то меня одолела.

Подхалюзин. Бедность одолела! Это бывает-с. *(Подходит и садится к столу.)* А у нас вот лишние есть-с; девать некуда. *(Кладет бумажник на стол.)*

Рисположенский. Что вы, Лазарь Елизарыч, неужто лишние? Небось шутите?

Подхалюзин. Окромя всяких шуток-с.

Рисположенский. А коли лишние, так отчего ж бедному человеку не помочь. Вам бог пошлет за это.

Подхалюзин. А много ли вам требуется?

Рисположенский. Дайте три целковеньких.

Подхалюзин. Что так мало-с?

Рисположенский. Ну, дайте пять.

Подхалюзин. А вы просите больше.

Рисположенский. Ну, уж коли милость будет, дайте десять.

Подхалюзин. Десять-с! Так, задаром?

Рисположенский. Как задаром! Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь сквитаемся.

Подхалюзин. Все это буки-с. Улита едет, да когда-то она будет. А мы теперь с вами вот какую материю заведем: много ли вам Самсон Силыч обещали за всю эту механику?

Рисположенский. Стыдно сказать, Лазарь Елизарыч: тысячу рублей да старую шубу енотовую. Уж меньше меня никто не возьмет, ей-богу, вот хоть прицените подите.

Подхалюзин. Ну так вот что, Сысой Псоич, я вам дам две тысячи-с за этот же самый предмет-с.

Рисположенский. Благодетель вы мой, Лазарь Елизарыч! С женой и с детьми в кабалу пойду.

Подхалюзин. Сто серебром теперь же-с, а остальные после, по окончании всего этого происшествия-с.

Рисположенский. Ну вот, как за эдаких людей богу не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная может не чувствовать этого. Я вам в ножки поклонюсь, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Это уж на что же-с? Только, Сысой Псоич, уж хвостом не вертеть туда и сюда, а ходи в аккурате: попал на эту точку — и вертись на этой линии. Понимаете-с?

Рисположенский. Как не понимать! Что вы, Лазарь Елизарыч! Маленький, что ли, я! Пора понимать!

Подхалюзин. Да что вы понимаете-то? Вот дела-то какие-с! Вы прежде выслушайте. Приезжаем мы с Самсоном Силычем в город, и эрестрик этот привезли, как следует. Вот он пошел по кредиторам: тот не согласен, другой не согласен; да так ни один таки и нейдет на эту штуку. Вот она какая статья-то.

Рисположенский. Что вы это говорите, Лазарь Елизарыч! А! Вот поди ж ты! Вот народ-то!

Подхалюзин. Как бы нам теперича с этим делом не опростоволоситься! Понимаете вы меня али нет?

Рисположенский. То есть насчет несостоятельности, Лазарь Елизарыч?

Подхалюзин. Несостоятельность там сама по себе; а насчет моих-то делов.

Рисположенский. Хе, хе, хе... То есть дом-то с лавками... эдак... дом-то... хе, хе, хе...

Подхалюзин. Что-о-с?

Рисположенский. Нет-с, это я так, Лазарь Елизарыч, по глупости, как будто для шутки.

Подхалюзин. То-то для шутки! А вы этим не шутите-с! Тут не то что дом, у меня теперь такая фантазия в голове об этом предмете, что надо с вами обширно потолковать-с! Пойдемте ко мне-с. Тишка!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Тишка.

Подхалюзин. Прибери тут все это. Ну, пойдемте, Сысой Псоич!

Тишка хочет убирать водку.

Рисположенский. Постой, постой! Эх, братец, какой ты глупый! Видишь, что хотят пить, ты и подожди... ты и подожди. Ты еще мал, ну так ты будь учтив и снисходителен. Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Подхалюзин. Пейте, да только поскореича, того гляди, сам приедет.

Рисположенский. Сейчас, батюшка Лазарь Елизарыч, сейчас! *(Пьет и закусывает.)* Да уж мы лучше ее с собой возьмем.

Уходят. Тишка прибирает кое-что; сверху сходят Устинья Наумовна и Фоминишна. Тишка уходит.

Фоминишна. Уж пореши ты ее нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, девка-то измаялась совсем, да ведь уж и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражнивается. Я уж это по себе знаю. Я по тринадцатому году замуж шла, а ей вот через месяц девятнадцатый годок минет. Что томить-то ее понапрасну! Другие в ее пору давно уж детей повывели. То-то, мать моя, что ж ее томить-то!

Устинья Наумовна. Сама все это разумею, серебряная,— да нешто за мной дело стало; у меня женихов-то что борзых. Да ишь ты, разборчивы они очень с маменькой-то.

Фоминишна. Да что их разбирать-то! Ну, известное дело, чтоб были люди свежие, не плешивые, чтоб не пахло ничем, а там какого ни возьми, все человек.

Устинья Наумовна *(садясь)*. Присесть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской; с раннего утра словно отымалка какая мычуся. А ведь и проминовать ничего нельзя, везде,

стало быть, необходимый человек. Известное дело, серебряная, всякий человек — живая тварь: тому невеста понадобилась, той жениха хотя роди, да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит? — все я же. Отдувайся одна за всех Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что уж так, видно, устроено, от начала мира эдакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходят и нас за труды: кто на платье тебе материи, кто шаль с бахромой, кто тебе чепчик состряпает, а где и золотой, где и побольше перевалится — известно, что чего стоит, глядя по силе возможности.

Фоминишна. Что говорить, матушка, что говорить!

Устинья Наумовна. Садись, Фоминишна, ноги-то старые, ломаные.

Фоминишна. И, мать! некогда. Ведь какой грех-то: сам-то что-то из городу не едет, все под страхом ходим; того и гляди, пьяный приедет. А уж какой благой-то, господи! Зародится же ведь эдакой озорник!

Устинья Наумовна. Известное дело: с богатым мужиком, что с чертом, не скоро сообразишь.

Фоминишна. Уж мы от него страсти-то видали! Вот на прошлой неделе, ночью, пьяный приехал: развоевался так, что на́-поди. Страсти, да и только! Посуду колотит... «У! — говорит,— такие вы и эдакие, убью сразу!»

Устинья Наумовна. Необразование!

Фоминишна. Уж и правда, матушка! А я побегу, родная, наверх-то, Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна. Ты, как пойдешь домой-то, так заверни ко мне, я тебе окорочек завяжу. *(Идет на лестницу.)*

Устинья Наумовна. Зайду, серебряная, зайду.

Подхалюзин входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Устинья Наумовна и Подхалюзин.

Подхалюзин. А! Устинья Наумовна! Сколько лет, сколько зим-с!

Устинья Наумовна. Здравствуй, живая душа! Каково попрыгиваешь?

Подхалюзин. Что нам делается-с. *(Садится.)*

Устинья Наумовна. Мамзельку, коли хочешь, высватаю!

Подхалюзин. Покорно благодарствуйте,— нам пока не требуется.

Устинья Наумовна. Сам, серебряный, не хочешь, приятелю удружу. У тебя ведь, чай, знакомых-то по городу, что собак.

Подхалюзин. Да, есть-таки около того-с.

Устинья Наумовна. Ну а коли есть, так и слава тебе господи! Чуть мало-мальски жених, холостой ли он, неженатый ли, вдовец ли какой — прямо и тащи ко мне.

Подхалюзин. Так вы его и жените?

Устинья Наумовна. Так и женю. Отчего ж не женить? И не увидишь, как женю.

Подхалюзин. Это дело хорошее-с. А вот теперича я у вас спрошу, Устинья Наумовна, зачем это вы к нам больно часто повадились?

Устинья Наумовна. А тебе что за печаль! Зачем бы я ни ходила. Я ведь не краденая какая, не овца без имени. Ты что за спрос?

Подхалюзин. Да так-с, не напрасно ли ходите-то?

Устинья Наумовна. Как напрасно? С чего это ты, серебряный, выдумал! Посмотри-ка, какого жениха нашла. Благородный, крестьяне есть, и из себя молодец.

Подхалюзин. За чем же дело стало-с?

Устинья Наумовна. Ни за чем не стало! Хотел завтра приехать да обзнакомиться. А там обвертим, да и вся недолга.

Подхалюзин. Обвертите, попробуйте,— задаст он вам копоти.

Устинья Наумовна. Что ты, здоров ли, яхонтовый?

Подхалюзин. Вот вы увидите!

Устинья Наумовна. До вечера не дожить! Ты, алмазный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул.

Подхалюзин. Уж об этом-то вы не извольте беспокоиться, вы об себе-то подумайте, а мы знаем, что знаем.

Устинья Наумовна. Да что ты знаешь-то?

Подхалюзин. Мало ли что знаем-с.

Устинья Наумовна. А коли что знаешь, так и нам скажи; авось язык-то не отвалится.

Подхалюзин. В том-то и сила, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна. Отчего ж нельзя, меня, что ль, совестишься, бралиянтовый? Ничего — говори, нужды нет.

Подхалюзин. Тут не об совести дело. А вам скажи, вы, пожалуй, и разболтаете.

Устинья Наумовна. Анафема хочу быть, коли скажу — руку даю на отсечение.

Подхалюзин. То-то же-с. Уговор лучше денег-с.

Устинья Наумовна. Известное дело. Ну, что же ты знаешь-то?

Подхалюзин. А вот что-с, Устинья Наумовна: нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с?

Устинья Наумовна. Да что ты, белены, что ль, объелся?

Подхалюзин. Ничего не объелся-с! А если вам угодно говорить по душе, по совести-с, так это вот какого рода дело-с: у меня есть один знакомый купец из русских, и они оченно влюблены в Алимпияду Самсоновну-с. Что, говорит, ни дать, только бы жениться; ничего, говорит, не пожалею.

Устинья Наумовна. Что ж ты мне прежде-то, алмазный, не сказал?

Подхалюзин. Сказать-то было нечего, по тому самому, что и я-то недавно узнал-с.

Устинья Наумовна. Уж теперь поздно, бралиянтовый!

Подхалюзин. Уж какой жених-то, Устинья Наумовна! Да он вас с ног до головы золотом осыплет-с, из живых соболей шубу сошьет.

Устинья Наумовна. Да, голубчик, нельзя! Рада бы я радостью, да уж я слово дала.

Подхалюзин. Ну, как угодно-с! А за этого высватаете, так беды наживете, что после и не расхлебаете.

Устинья Наумовна. Ну, ты сам рассуди, с каким я рылом покажусь к Самсону-то Силычу! Наговорила им с три короба, что и богат-то, и красавец-то, и влюблен-то так, что и жить не может: а теперь что скажу? Ведь ты сам знаешь, каково у вас чадочко Самсон-то Силыч; ведь он, не ровён час, и чепчик помнет.

Подхалюзин. Ничего не помнет-с.

Устинья Наумовна. Да и девку-то раздразнила; на дню два раза присылает: что жених да как жених?

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастия-с. Хотите две тысячи рублей и шубу соболью, чтобы только свадьбу эту расстроить-с? А за сватовство у нас особый уговор будет-с. Я вам говорю-с, что жених такой, что вы сроду и не видывали; только вот одно-с: происхождения не благородного.

Устинья Наумовна. А они-то разве благородные? То-то и беда, яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит. Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна, конечно, дай ей бог доброго здоровья, жалует по-княжески, а происхождения-то небось хуже нашего. Отец-то, Самсон Силыч, голицами торговал на Балчуге; добрые люди Сам-

сошкою звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не понёвница — из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в принцессы норовит. А все это денежки. Вот я, чем хуже ее, а за ее же хвостом наблюдай. Воспитанья-то тоже не бог знает какого: пишет-то, как слон брюхом ползает, по-французскому али на фортопьянах тоже сям, тям, да и нет ничего; ну а танец-то отколоть — я и сама пыли в нос пущу.

Подхалюзин. Ну вот видите ли, за купцом-то быть ей гораздо пристойнее.

Устинья Наумовна. Да как же мне с женихом-то, быть, серебряный? Я его-то уж больно уверила, что такая Алимпияда Самсоновна красавица, что настоящий тебе потрет; и образованная, говорю, и по-французскому, и на разные манеры знает. Что ж я ему теперь-то скажу?

Подхалюзин. Да вы и теперь то же ему скажите, что, мол, и красавица, и образованная, и на всякие манеры, только, мол, они деньгами порасстроились, так он сам откажется!

Устинья Наумовна. А что, ведь и правда, бралиянтовый! Да нет, постой! Как же! Ведь я ему сказала, что у Самсона Силыча денег куры не клюют.

Подхалюзин. То-то вот, прытки вы очень рассказывать-то! А почем вы знаете, сколько у Самсона Силыча денег-то, нешто вы считали?

Устинья Наумовна. Да уж это кого ни спроси, всякий знает, что Самсон Силыч купец богатейший.

Подхалюзин. Да! Много вы знаете! А что после того будет, как высватаете значительного человека, а Самсон Силыч денег-то не даст? А он после всего этого вступится да скажет: я, дескать, не купец, что меня можно приданым обманывать! Да еще, как значительный-то человек, подаст жалобу в суд, потому что значительному человеку везде ход есть-с: мы-то с Самсоном Силычем попались, да и вам-то не уйти. Ведь вы сами знаете: можно обмануть приданым нашего брата — с рук сойдет, а значительного человека обмани-ка поди, так после и не уйдешь.

Устинья Наумовна. Уж полно тебе пугать-то меня! Сбил с толку совсем.

Подхалюзин. А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с.

Устинья Наумовна. Так ты, яхонтовый, говоришь, что две тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзин. Точно так-с. Уж будьте покойны! А надемши шубу-то соболью, Устинья Наумовна, да по гулянью пройдетесь: другой подумает, генеральша какая.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. А что ты думаешь, да и в самом деле! Как надену соболью шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то в боки, так ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются так, что пожарной трубой не зальешь; жены-то с ревности вам все носы пообборвут.

П о д х а л ю з и н. Это точно-с!

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Давай задаток! Была не была!

П о д х а л ю з и н. А вы, Устинья Наумовна, вольным духом, не робейте!

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Чего робеть-то? Только смотри: две тысячи рублей да соболью шубу.

П о д х а л ю з и н. Говорю вам, из живых сошьем. Уж что толковать!

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Ну, прощай, изумрудный! Побегу теперь к жениху. Завтра увидимся, так я тебе все отлепартую.

П о д х а л ю з и н. Погодите! Куда бежать-то! Зайдите ко мне — водочки выпьем-с. Тишка! Тишка!

Входит Т и ш к а.

Ты смотри, коли хозяин приедет, так ты в те поры прибеги за мной.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Т и ш к а *(садится к столу и вынимает из кармана деньги)*. Полтина серебром — это нынче Лазарь дал. Да намедни, как с колокольни упал, Аграфена Кондратьевна гривенник дали, да четвертак в орлянку выиграл, да третёвось хозяин забыл на прилавке целковый. Эвось, что денег-то! *(Считает про себя.)*

Голос Ф о м и н и ш н ы за сценой: «Тишка, а Тишка! Долго ль мне кричать-то?»

Что там еще?

«Дома, что ли-ча, Лазарь?»

Был, да весь вышел!

«Да куда ж он делся-то?»

А я почем знаю: нешто он у меня спрашивается! Вот кабы спрашивался — я бы знал.

Ф о м и н и ш н а сходит с лестницы.

Ф о м и н и ш н а. Да ведь Самсон Силыч приехал, да, никак, хмельной.

Тишка. Фю! попались!

Фоминишна. Беги, Тишка, за Лазарем! голубчик, беги скорей!

Тишка бежит.

Аграфена Кондратьевна *(показывается на лестнице)*. Что, Фоминишна, матушка, куда он идет-то?

Фоминишна. Да, никак, матушка, сюда! Ох, запру я двери-то, ей-богу, запру; пускай его кверху идет, а ты уж, голубушка, здесь посиди.

Стук в двери и голос Самсона Силыча: «Эй отоприте! кто там?»
Аграфена Кондратьевна скрывается.

Поди, батюшка, поди усни, Христос с тобой!

Большов *(за дверями)*. Да что ты, старая карга, с ума, что ли, сошла?

Фоминишна. Ах, голубчик ты мой! Ах, я мымра слепая! А ведь покажись мне сдуру-то, что ты хмельной приехал. Уж извини меня, глуха стала на старости лет.

Самсон Силыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Фоминишна и Большов.

Большов. Стряпчий был?

Фоминишна. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчёна.

Большов. Да ты белены, что ль, объелась, старая дура!

Фоминишна. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала.

Большов. Пошла вон! *(Садится.)*

Фоминишна идет к двери; Подхалюзин и Тишка входят.

Фоминишна *(возвращаясь)*. Ах я дура, дура! Уж не взыщи на плохой памяти. Холодной-то поросенок совсем из ума выскочил.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Подхалюзин, Большов и Тишка.

Большов. Убирайся к свиньям!

Фоминишна уходит.

(К Тишке.) Что ты рот-то разинул! Аль тебе дела нет?

Подхалюзин *(к Тишке)*. Говорили тебе, кажется!

Тишка уходит.

Большов. Стряпчий был?

Подхалюзин. Был-с!

Большов. Говорил ты с ним?

Подхалюзин. Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с! Одно ладит — объявиться несостоятельным.

Большов. Что ж, объявиться так объявиться — один конец.

Подхалюзин. Ах, Самсон Силыч, что это вы изволите говорить!

Большов. Что ж, деньги заплатить! Да с чего же ты это взял? Да я лучше всё огнем сожгу, а уж им ни копейки не дам. Перевози товар, продавай векселя; пусть тащут, воруют кто хочет, а уж я им не плательщик.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, заведение было у нас такое превосходное, и теперь должно все в расстройство прийти.

Большов. А тебе что за дело? Не твое дело. Ты старайся только, от меня забыт не будешь.

Подхалюзин. Не нуждаюсь я ни в чем после вашего благодеяния. И напрасно вы такой сюжет обо мне имеете. Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то чтобы какой фальш сделать. Вы подвигаетесь к старости, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, и в таких годах; надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь такие обстоятельства — мало ли что может произойти из всего этого.

Большов. А что такое произойти может? Я один в ответе.

Подхалюзин. Что об вас-то толковать! Вы, Самсон Силыч, отжили свой век, слава богу, пожили; а Алимпияда-то Самсоновна, известное дело, барышня, каких в свете нет. Я вам, Самсон Силыч, по совести говорю, то есть как это все по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жалея пота-крови, прилагаю — так это все больше по тому самому, что жаль мне вашего семейства.

Большов. Полно, так ли?

Подхалюзин. Позвольте-с! Ну, положим, что это все благополучно кончится-с, хорошо-с; останется у вас чем пристроить Алимпияду Самсоновну. Ну, об этом и толковать нечего-с; были бы деньги, а женихи найдутся-с. Ну, а грех какой, сохрани господи!

как придерутся, да начнут по судам таскать, да на все семейство эдакая мораль пойдет, а еще, пожалуй, и имение-то все отнимут: должны будут они-с голод и холод терпеть и без всякого призрения, как птенцы какие беззащитные. Да это сохрани господи! это что ж будет тогда? *(Плачет.)*

Большов. Да об чем же ты плачешь-то?

Подхалюзин. Конечно, Самсон Силыч, я это к примеру говорю — в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен — горами шатает.

Большов. Что ж делать-то, братец, уж, знать, такая воля божия, против ее не пойдешь.

Подхалюзин. Это точно, Самсон Силыч! А все-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека; так уж тогда будет она по крайности как за каменной стеной-с. Да главное, чтобы была душа у человека, так он будет чувствовать. А то вон, что сватался за Алимпияду Самсоновну, благородный-то,— и оглобли назад поворотил.

Большов. Как назад? Да с чего это ты выдумал?

Подхалюзин. Я, Самсон Силыч, не выдумал; вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышал, кто его знает.

Большов. А ну его! По моим делам теперь не такого нужно.

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, возьмите в рассуждение. Я посторонний человек, не родной, а для вашего благополучия ни дня ни ночи себе покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдают барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денег еще дают-с, а он ломается да важничает, ну есть ли в нем душа после всего этого?

Большов. Ну, а не хочет, так и не надо, не заплачем!

Подхалюзин. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний совсем, да не могу же без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас не оставлю; потому не могу — сердце у меня не такое.

Большов. Да как же тебе оставить-то меня! ведь только и надежды-то теперь, что ты. Сам я стар, дела подошли тесные. Погоди: может, еще такое дело сделаем, что ты и не ожидаешь.

Подхалюзин. Да не могу же я этого сделать, Самсон Силыч! Поймите вы из этого; не такой я совсем человек! Другому, Самсон Силыч, конечно, это все равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с; сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как черт какой, убиваюсь я теперича из-за вашего дела-с; потому

что не такой я человек-с. Жалеючи вас это делается, и не столько вас, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная. Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет-с...

Большов. Неужто и в свете нет? Уж ты, брат, не того ли?..

Подхалюзин. Чего-с?.. Нет, я ничего-с...

Большов. То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори. Влюблен ты, что ли, в Алимпияду Самсоновну?

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, может, шутить изволите.

Большов. Что за шутки! Я тебя без шуток спрашиваю.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, смею ли я это подумать-с.

Большов. А что ж бы такое не сметь-то? Что она, княжна, что ли, какая?

Подхалюзин. Хотя и не княжна; да как бымши вы моим благодетелем и вместо отца родного... Да нет, Самсон Силыч, помилуйте, как же это можно-с, неужли же я этого не чувствую!

Большов. Так ты, стало быть, ее не любишь?

Подхалюзин. Как же не любить-с, помилуйте, кажется, больше всего на свете. Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с...

Большов. Так ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше всего на свете.

Подхалюзин. Да как же не любить-с! Сами извольте рассудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, известное дело, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет... Да нет, этого нельзя-с. Где же нам-с!..

Большов. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзин. Да как же можно. Самсон Силыч? Как знамши я вас, как отца родного, и Алимпияду Самсоновну-с, и опять знамши себя, что я такое значу,— где же мне с суконным-то рылом-с?

Большов. Ничего не суконное. Рыло как рыло. Был бы ум в голове, а тебе ума-то не занимать стать, этим добром бог наградил. Так что же, Лазарь, посватать тебе Алимпияду-то Самсоновну, а?

Подхалюзин. Да помилуйте, смею ли я? Алимпияда-то Самсоновна, может быть, на меня и глядеть-то не захотят-с!

Большов. Важное дело! Не плясать же мне по ее дудочке на старости лет. За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзин. Не смею я, Самсон Силыч, об этом с вами говорить-с. Не хочу быть подлецом против вас.

Б о л ь ш о в. Экой ты, братец, глупый! Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливым сделать!

П о д х а л ю з и н. А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного? Да накажи меня бог!.. Да что я за скотина!

Б о л ь ш о в. Ну, а дочь любишь?

П о д х а л ю з и н. Изныл весь-с! Вся душа-то у меня перевернулась давно-с!

Б о л ь ш о в. Ну, а коли душа перевернулась, так мы тебя поправим. Владей, Фаддей, нашей Маланьей.

П о д х а л ю з и н. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Б о л ь ш о в. Ну ее, физиономию! А вот я на тебя все имение переведу; так после кредиторы-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

П о д х а л ю з и н. Еще как пожалеют-то-с!

Б о л ь ш о в. Ну, ты ступай теперь в город, а ужотка заходи к невесте: мы над ними шутку подшутим.

П о д х а л ю з и н. Слушаю, тятенька-с!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гостиная в доме Большова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Б о л ь ш о в *(входит и садится на кресло; несколько времени смотрит по углам и зевает)*. Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Черт знает, и сам не разберешь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь; а и так-то сидеть одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать. *(Молчание.)* Вот так-то и всё: жил, жил человек, да вдруг и помер — так все прахом и пойдет. Ох, господи, господи! *(Зевает и смотрит по углам.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а и Л и п о ч к а (разряженная).

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнее, не зацепи. Посмотри-ка, Самсон Силыч, полюбуйся, сударь ты мой, как я дочку-то вырядила! Футы, прочь поди! Что твой розан пионовый! *(К ней.)* Ах ты, моя

ангелика, царевна, херувимчик ты мой! *(К нему.)* Что, Самсон Силыч, правда, что ли? Только бы ей в карете ездить шестерней.

Большов. Проедет и парочкой, не великого полета помещица!

Аграфена Кондратьевна. Уж известно, не енаральская дочь, а все, как есть, красавица!.. Да приголубь ребенката, что как медведь бурчишь!

Большов. А как мне еще приголубливать-то? Ручки, что ль, лизать, в ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднее.

Аграфена Кондратьевна. Да ты что видал-то? Так что-нибудь. А ведь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человек.

Большов. Что ж, что дочь? Слава богу, обута, одета, накормлена; чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсон Силыч, очумел, что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена! По христианскому закону всякого накормить следствует; и чужих призирают, не токмо что своих,— а ведь это и в люди сказать грех: как ни на есть, родная детища!

Большов. Знаем, что родная, да чего ж ей еще? Что ты мне притчи эти растолковываешь? Не в рамку же ее вделать! Понимаем, что отец.

Аграфена Кондратьевна. Да коли уж ты, батюшка, отец, так не будь свекором! Пора, кажется, в чувство прийти: расставаться скоро приходится, а ты и доброго слова не вымолвишь; должен бы на пользу посоветовать что-нибудь такое житейское. Нет в тебе никакого обычаю родительского!

Большов. А нет, так что ж за беда; стало быть, так бог создал.

Аграфена Кондратьевна. Бог создал! Да сам-то ты что? Ведь и она, кажется, создания божеская али нет? Не животная какая-нибудь, прости господи!.. Да спроси у нее что-нибудь.

Большов. А что я за спрос? Гусь свинье не товарищ: как хотите, так и делайте.

Аграфена Кондратьевна. Да на деле-то уж не спросим,— ты покедова-то вот. Человек приедет чужой-посторонний, все-таки, как хочешь примеривай, а мужчина не женщина — в первый-то раз наедет, не видамши-то его.

Большов. Сказано, что отстань!

Аграфена Кондратьевна. Отец ты эдакий, еще родной называешься! Ах ты, дитятко моя заброшенная, стоишь, словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступи-

лись от тебя, да и знать не хотят. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! *(Усаживает.)*

Липочка. Ах, отстаньте, маменька! измяли совсем.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я на тебя издальки посмотрю!

Липочка. Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одеться порядочно: вы тотчас расчувствуетесь.

Аграфена Кондратьевна. Так, так, дитятко! да как взгляну-то на тебя, так ведь эта жалости подобно.

Липочка. Что ж, надо ведь когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Все-таки жалко, дурочка: растили, растили, да и вырастили — да ни с того ни с сего в чужие люди отдаем, словно ты надоела нам да наскучила глупым малым ребячеством, своим кротким поведением. Вот выживем тебя из дому, словно ворога из города, а там схватимся да спохватимся, да и негде взять. Посудите, люди добрые, каково жить в чужой дальней стороне, чужим куском давишься, кулаком слезы утираючи! Да, помилуй бог, неровнюшка выйдется, не ровен дурак навяжется аль дурак какой — дурацкий сын! *(Плачет.)*

Липочка. Вот вы вдруг и расплакались! Право, как не стыдно, маменька! Что там за дурак?

Аграфена Кондратьевна *(плача)*. Да уж это так говорится — к слову пришлось.

Большов. А об чем бы ты это, слышно, разрюмилась? Вот спросить тебя, так и сама не знаешь.

Аграфена Кондратьевна. Не знаю, батюшка, ох, не знаю: такой стих нашел.

Большов. То-то вот сдуру. Слезы у вас дешевы.

Аграфена Кондратьевна. Ох, дешевы, батюшка, дешевы! и сама знаю, что дешевы, да что ж делать-то?

Липочка. Фи, маменька, как вы вдруг! Полноте! Ну, вдруг приедет — что хорошего!

Аграфена Кондратьевна. Перестану, дитятко, перестану; сейчас перестану!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна *(входя)*. Здравствуйте, золотые! Что вы невеселы, носы повесили? *(Целуются.)*

Аграфена Кондратьевна. А уж мы заждались тебя.

Л и п о ч к а. Что, Устинья Наумовна, скоро приедет?

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Виновата, сейчас провалиться, виновата! А дела-то наши, серебряные, не очень хороши!

Л и п о ч к а. Как? что такое за новости?

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Что ты еще там выдумала?

У с т и н ь я Н а у м о в н а. А то, бралиянтовые, что женихто наш что-то мнется.

Б о л ь ш о в. Ха, ха, ха! А еще сваха! Где тебе сосватать!

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Уперся, как лошадь,— ни тпру ни ну; слова от него не добьешься путного.

Л и п о ч к а. Да что ж это, Устинья Наумовна? Да как же это ты, право!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ах, батюшки! Да как же это быть-то?

Л и п о ч к а. Да давно ль ты его видела?

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Нынче утром была. Вышел как есть в одном шлафорке, а уж употчевал — можно чести приписать. И кофию велел, и ромку-то, а уж сухарей навалил — видимо-невидимо. Кушайте, говорит, Устинья Наумовна! Я было об деле-то, знаешь ли — надо, мол, чем-нибудь порешить; ты, говорю, нынче хотел ехать обзнакомиться-то: а он мне на это ничего путного не сказал. Вот, говорит, подумамши да посоветамшись, а сам только что опояску поддергивает.

Л и п о ч к а. Что ж он там спустя рукава-то сентиментальничает? Право, уж тошно смотреть, как все это продолжается.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. И в самом деле, что он ломается-то? Мы разве хуже его?

У с т и н ь я Н а у м о в н а. А, лягушка его заклюй, нешто мы другого не найдем?

Б о л ь ш о в. Ну, уж ты другого-то не ищи, а то опять то же будет. Уж другого-то я вам сам найду.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Да, найдешь, на печито сидя; ты уж и забыл, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Б о л ь ш о в. А вот увидим!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Что увидать-то! Увидать-то нечего! Уж не говори ты мне, пожалуйста, не расстраивай ты меня. *(Садится.)*

Большов хохочет. Устинья Наумовна отходит с Липочкой на другую сторону сцены. Устинья Наумовна рассматривает ее платье.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Ишь ты, как вырядилась,— платьице-то на тебе какое авантажное. Уж не сама ль смастерила?

Л и п о ч к а. Вот ужасно нужно самой! Что мы нищие, что ли, по-твоему? А мадамы-то на что?

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Фу-ты, уж и нищие! Кто тебе говорит такие глупости? Тут рассуждают об хозяйстве, что не сама ль, дескать шила,— а то, известное дело, и платье-то твое дрянь.

Л и п о ч к а. Что ты, что ты! Никак, с ума сошла? Где у тебя глаза-то? С чего это ты конфузить вздумала?

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Что это ты так разъерепенилась?

Л и п о ч к а. Вот оказия! Стану я терпеть такую напраслину. Да что я, девчонка, что ли, какая необразованная!

У с т и н ь я Н а у м о в н а. С чего это ты взяла? Откуда нашел на тебя эдакой каприз? Разве я хулю твое платье? Чем не платье — и всякий скажет, что платье. Да тебе-то оно не годится; по красоте-то твоей совсем не такое надобно,— исчезни душа, коли лгу. Для тебя золотого мало: подавай нам шитое жемчугом. Вот и улыбнулась, изумрудная! Я ведь знаю, что говорю!

Т и ш к а *(входит)*. Сысой Псович приказали спросить, можно ли, дескать, взойти. Они тамотка, у Лазаря Елизарыча.

Б о л ь ш о в. Пошел, зови его сюда и с Лазарем.

Тишка уходит.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Что ж, недаром же закуска-то приготовлена — вот и закусим. А уж тебе, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Известное дело — адмиральский час — самое настоящее время.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну, Самсон Силыч, трогайся с места-то, что так-то сидеть.

Б о л ь ш о в. Погоди, вот те подойдут, еще успеешь.

Л и п о ч к а. Я, маменька, пойду разденусь.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Поди, дитятко, поди.

Б о л ь ш о в. Погоди раздеваться-то — жених приедет.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Какой там еще жених,— полно дурачиться-то!

Б о л ь ш о в. Погоди, Липа, жених приедет.

Л и п о ч к а. Кто же это, тятенька? Знаю я его или нет?

Б о л ь ш о в. А вот увидишь, так, может, и узнаешь.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Что ты его слушаешь, какой там еще шут приедет! Так, язык чешет.

Б о л ь ш о в. Говорят тебе, что приедет, так уж я, стало быть, знаю, что говорю.

Аграфена Кондратьевна. Коли кто в самом деле приедет, так уж ты бы путем говорил, а то приедет, приедет, а бог знает, кто приедет. Вот всегда так.

Липочка. Ну, так я, маменька, останусь. *(Подходит к зеркалу и смотрится; потом к отцу.)* Тятенька!

Большов. Что тебе?

Липочка. Стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна. Что за стыд, дурочка! Говори, коли что нужно.

Устинья Наумовна. Стыд не дым — глаза не выест.

Липочка. Нет, ей-богу, стыдно!

Большов. Ну, закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна. Шляпку, что ли, новую хочется?

Липочка. Вот и не угадали, вовсе не шляпку.

Большов. Так чего ж тебе?

Липочка. Выйти замуж за военного!

Большов. Эк ведь что вывезла!

Аграфена Кондратьевна. Акстись, беспутная! Христос с тобой!

Липочка. Что ж, ведь другие выходят же.

Большов. Ну и пускай их выходят, а ты сиди у моря да жди погодки.

Аграфена Кондратьевна. Да ты у меня и заикаться не смей! Я тебе и родительского благословенья не дам.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Лазарь, Рисположенский и Фоминишна (у дверей).

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Самсон Силыч! Здравствуйте, матушка Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте!

Большов. Здравствуй, братец, здравствуй! Садиться милости просим! Садись и ты, Лазарь!

Аграфена Кондратьевна. Закусить не угодно ли? а у меня закусочка приготовлена.

Рисположенский. Отчего ж, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпил.

Большов. А вот сейчас пойдем все вместе, а теперь пока побеседуем маненько.

Устинья Наумовна. Отчего ж и не побеседовать! Вот, золотые мои, слышала я, будто в газете напечатано, правда ли, нет ли, что другой Бонапарт народился, и будто бы, золотые мои...

Б о л ь ш о в. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие божие; да не об этом теперь речь.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Так об чем же, яхонтовый?

Б о л ь ш о в. А о том, что лета наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и один создатель только ведает, что будет вперед: то и положили мы, еще при жизни своей, отдать в замужество единственную дочь нашу, и в рассуждении приданого тоже можем надеяться, что она не острамит нашего капитала и происхождения, а равномерно и перед другими прочими.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Ишь ведь как сладко рассказывает, бралиянтовый.

Б о л ь ш о в. А так как теперь дочь наша здесь налицо, и при всем том, будучи уверены в честном поведении и достаточности нашего будущего зятя, что для нас оченно чувствительно, в рассуждении божеского благословения, то и назначаем его теперича в общем лицезрении. Липа, поди сюда.

Л и п о ч к а. Что вам, тятенька, угодно?

Б о л ь ш о в. Поди ко мне, не укушу небось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

П о д х а л ю з и н. Давно готов-с!

Б о л ь ш о в. Ну, Липа, давай руку!

Л и п о ч к а. Как, что это за вздор? С чего это вы выдумали?

Б о л ь ш о в. Хуже, как силой возьму!

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Господи, да что ж это такое?

Л и п о ч к а. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противного!

Ф о м и н и ш н а. С нами крестная сила!

П о д х а л ю з и н. Видно, тятенька, не видать мне счастия на этом свете! Видно, не бывать-с по вашему желанию!

Б о л ь ш о в *(берет Липочку насильно за руку и Лазаря)*. Как же не бывать, коли я того хочу? На что ж я и отец, коли не приказывать? Даром, что ли, я ее кормил?

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Что ты! что ты! опомнись!

Б о л ь ш о в. Знай, сверчок, свой шесток! Не твое дело! Ну, Липа! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядком да потолкуйте ладком, а там честным пирком да за свадебку.

Л и п о ч к а. Как же, нужно мне очень с неучем сидеть! Вот оказия!

Б о л ь ш о в. А не сядешь, так насильно посажу да заставлю жемaниться.

Л и п о ч к а. Где это видно, чтобы воспитанные барышни выходили за своих работников?

Б о л ь ш о в. Молчи лучше! Велю, так и за дворника выдешь. *(Молчание.)*

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за беда такая!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Сама, родная, затмилась, ровно чулан какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

Ф о м и н и ш н а. Господи! Семой десяток живу, сколько свадеб праздновала, а такой скверности не видывала.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. За что ж вы это, душегубцы, девку-то опозорили?

Б о л ь ш о в. Да, очень мне нужно слушать вашу фанаберию. Захотел выдать дочь за приказчика и поставлю на своем, и разговаривать не смей; я и знать никого не хочу. Вот теперь закусить пойдемте, а они пусть побалясничают, может быть, и поладят как-нибудь.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Пойдемте, Самсон Силыч, и я с вами для компании рюмочку выпью. А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг, чтоб дети слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится.

Встают и уходят все, кроме Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны.

Л и п о ч к а. Да что же это, маменька, такое? Что я им, кухарка, что ли, досталась? *(Плачет.)*

П о д х а л ю з и н. Маменька-с! Вам зятя такого, который бы вас уважал и, значит, старость вашу покоил — окромя меня, не найтить-с.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Да как же это ты, батюшка?

П о д х а л ю з и н. Маменька-с! В меня бог вложил такое намерение, по тому самому-с, что другой вас, маменька-с, и знать не хочет, а я по гроб моей жизни *(плачет)* должен чувствовать-с.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ах, батюшки! Да как же это быть?

Б о л ь ш о в *(из двери)*. Жена, поди сюда!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Сейчас, батюшка, сейчас!

П о д х а л ю з и н. Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчас сказал.

Аграфена Кондратьевна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Липочка и Подхалюзин.
Молчание.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна-с! Алимпияда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-с! Позвольте вашу ручку поцеловать.

Липочка. Вы дурак, необразованный!

Подхалюзин. За что вы, Алимпияда Самсоновна, обижать изволите-с?

Липочка. Я вам один раз навсегда скажу, что не пойду я за вас— не пойду.

Подхалюзин. Это как вам будет угодно-с! Насильно мил не будешь. Только я вам вот что доложу-с...

Липочка. Я вас слушать не хочу, отстаньте от меня! Как бы вы были учтивый кавалер: вы видите, что я ни за какие сокровища не хочу за вас идти — вы бы должны отказаться.

Подхалюзин. Вот вы, Алимпияда Самсоновна, изволите говорить — отказаться. Только если я откажусь, что потом будет-с?

Липочка. А то и будет, что я выйду за благородного.

Подхалюзин. За благородного-с! Благородный-то без приданого не возьмет.

Липочка. Как без приданого? Что вы городите-то! Посмотрите-ка, какое у меня приданое-то — в нос бросится.

Подхалюзин. Тряпки-то-с! Благородный тряпок-то не возьмет. Благородному-то деньги нужны-с.

Липочка. Что ж! Тятенька и денег даст!

Подхалюзин. Хорошо, как даст-с! А как дать-то нечего? Вы дел-то тятенькиных не знаете, а я их оченно хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрут-с.

Липочка. Как банкрут? А дом-то, а лавки?

Подхалюзин. А дом-то и лавки — мои-с!

Липочка. Ваши?! Подите вы! Что вы меня дурачить хотите? глупее себя нашли!

Подхалюзин. А вот у нас законные документы есть! *(Вынимает.)*

Липочка. Так вы купили у тятеньки?

Подхалюзин. Купил-с!

Липочка. Где же вы денег взяли?

Подхалюзин. Денег! У нас, слава богу, денег-то побольше, чем у какого благородного.

Липочка. Что же это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкрутились! *(Молчание.)*

Подхалюзин. Ну, положим, Алимпияда Самсоновна, что вы выйдете и за благородного — да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы изволите рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. А если и выедут-то куда, так только слава что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то. Ей-богу, хуже-с. Одеваются тоже не больно пышно-с. А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с — так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с,— окромя бархатных, и надевать не станем. В рассуждении шляпок или салопов — не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! Лошадей заведем орловских. *(Молчание.)* Если вы насчет моей физиономии сумневаетесь, так это, как вам будет угодно-с: мы также и фрак наденем, и бороду обреем либо так подстрижем, по моде-с, это для нас все одно-с.

Липочка. Да вы все перед свадьбой так говорите, а там и обманете.

Подхалюзин. С места не сойти, Алимпияда Самсоновна! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-с, Алимпияда Самсоновна! Нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном ряду купим-с, распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, капидонов разных — поглядеть только будут деньги давать.

Липочка. Нынче уж капидонов-то не рисуют.

Подхалюзин. Ну, так мы пукетами пустим. *(Молчание.)* Было бы только с вашей стороны согласие, а то мне в жизни ничего не надобно. *(Молчание.)* Как я несчастлив в своей жизни, что не могу никаких комплиментов говорить.

Липочка. Для чего вы, Лазарь Елизарыч, по-французски не говорите?

Подхалюзин. А для́ того, что нам не для́ чего. *(Молчание.)* Осчастливьте, Алимпияда Самсоновна, окажите эдакое благоволение-с. *(Молчание.)* Прикажите на колени стать.

Липочка. Станьте!

Подхалюзин становится.

Вот у вас какая жилетка скверная!

Подхалюзин. Эту я Тишке подарю-с, а себе на Кузнецком мосту закажу, только не погубите! *(Молчание.)* Что же, Алимпияда Самсоновна-с?

Липочка. Дайте подумать.

Подхалюзин. Да об чем же думать-с?

Липочка. Как же можно не думать?

Подхалюзин. Да вы не думамши.

Л и п о ч к а. Знаете что, Лазарь Елизарыч!

П о д х а л ю з и н. Что прикажете-с?

Л и п о ч к а. Увезите меня потихоньку.

П о д х а л ю з и н. Да зачем же потихоньку-с, когда так тятенька с маменькой согласны?

Л и п о ч к а. Да так делают. Ну, а коли не хотите увезти — так уж, пожалуй, и так.

П о д х а л ю з и н. Алимпияда Самсоновна! позвольте ручку поцеловать! *(Целует, потом вскакивает и подбегает к двери.)* Тятенька-с!..

Л и п о ч к а. Лазарь Елизарыч, Лазарь Елизарыч! Подите сюда!

П о д х а л ю з и н. Что вам угодно-с?

Л и п о ч к а. Ах, если бы вы знали, Лазарь Елизарыч, какое мне житье здесь! У маменьки семь пятниц на неделе; тятенька как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибьет, того и гляди. Каково это терпеть образованной барышне! Вот как бы я вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всем этом. А теперь все опять пойдет по-старому.

П о д х а л ю з и н. Нет-с, Алимпияда Самсоновна, не будет этого! Мы, Алимпияда Самсоновна, как только сыграем свадьбу, так перейдем в свой дом-с. А уж мы им-то командовать не дадим-с. Нет, уж теперь кончено-с! Будет-с с них — почудили на своем веку, теперь нам пора!

Л и п о ч к а. Так смотрите же, Лазарь Елизарыч, мы будем жить сами по себе, а они сами по себе. Мы заведем все по моде, а они как хотят.

П о д х а л ю з и н. Уж это как и водится-с.

Л и п о ч к а. Ну, а теперь зовите тятеньку. *(Встает и охорашивается перед зеркалом.)*

П о д х а л ю з и н. Тятенька-с! тятенька-с! маменька-с!..

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

П о д х а л ю з и н *(идет навстречу Самсону Силычу и бросается к нему в объятия)*. Алимпияда Самсоновна согласны-с!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Бегу, батюшки, бегу!

Б о л ь ш о в. Ну, вот и дело! То-то же. Я знаю, что делаю; уж не вам меня учить.

П о д х а л ю з и н *(к Аграфене Кондратьевне)*. Маменька-с! позвольте ручку поцеловать.

Аграфена Кондратьевна. Целуй, батюшка, обе чистые. Ах ты, дитятко, да как же это давеча-то так? а? Ей-богу! Что же это такое? А уж я и не знала, как это дело и рассудить-то. Ах, ненаглядная ты моя!

Липочка. Я совсем, маменька, не воображала, что Лазарь Елизарыч такой учтивый кавалер! А теперь вдруг вижу, что он гораздо почтительнее других.

Аграфена Кондратьевна. Вот то-то же, дурочка! Уж отец тебе худа не пожелает. Ах ты, голубушка моя! Эка ведь притча-то! а? Ах, матушки вы мои! Что ж это такое? Фоминишна! Фоминишна!

Фоминишна. Бегу, бегу, матушка, бегу. *(Входит.)*

Большов. Постой ты, таранта! Вот вы садитесь рядом — а мы на вас посмотрим. Да подай-ка ты нам бутылочку шипучки.

Подхалюзин и Липочка садятся.

Фоминишна. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Устинья Наумовна и Рисположенский.

Аграфена Кондратьевна. Поздравь жениха-то с невестой, Устинья Наумовна! Вот бог привел на старости лет, дожили до радости.

Устинья Наумовна. Да чем же поздравить-то вас, изумрудные? Сухая ложка рот дерет.

Большов. А вот мы тебе горлышко промочим.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Фоминишна и Тишка (с вином на подносе).

Устинья Наумовна. Вот это дело другого рода. Ну, дай вам бог жить да молодеть, толстеть да богатеть. *(Пьет.)* Горько, бралиянтовые!

Липочка и Лазарь целуются.

Большов. Дай-ка я поздравлю. *(Берет бокал.)*

Липочка и Лазарь встают.

Живите как знаете — свой разум есть. А чтоб вам жить-то было не скучно, так вот тебе, Лазарь, дом и лавки пойдут вместо приданого, да из наличного отсчитаем.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я и так вами много доволен.

Большов. Что тут миловать-то! Свое добро, сам нажил. Кому хочу — тому и даю. Наливай еще!

Тишка наливает.

Да что тут разговаривать-то. На милость суда нет. Бери все, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.

Подхалюзин. Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся!

Большов. Говорят тебе, бери все, да и кончено дело. И никто мне не указ! Заплати только кредиторам. Заплатишь?

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, первый долг-с!

Большов. Только ты смотри — им много-то не давай. А то ты, чай, рад сдуру-то все отдать.

Подхалюзин. Да уж там, тятенька, как-нибудь сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большов. То-то же! Ты им больше десяти копеек не давай. Будет с них... Ну, поцелуйтеся!

Липочка и Лазарь целуются.

Аграфена Кондратьевна. Ах, голубчики вы мои! Да как же это так? Совсем вот как полоумная.

Устинья Наумовна.

Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночек яичко снес?

Наливает вина и подходит к Рисположенскому, Рисположенский кланяется и отказывается.

Большов. Выпей, Сысой Псоич, на радости!

Рисположенский. Не могу, Самсон Силыч, — претит.

Большов. Полно ты! Выпей на радости.

Устинья Наумовна. Еще туда же, ломается!

Рисположенский. Претит, Самсон Силыч! Ей-богу, претит. Вот я водочки рюмочку выпью! А это натура не принимает. Уж такая слабая комплекция.

Устинья Наумовна. Ах ты, проволочная шея! Ишь ты — у него натура не принимает! Да давайте я ему за шиворот вылью, коли не выпьет.

Рисположенский. Неприлично, Устинья Наумовна! Даме это неприлично. Самсон Силыч! не могу-с! Разве бы я стал

отказываться? Хе, хе, хе! да что ж я за дурак, чтобы я такое невежество сделал; видали мы людей-то, знаем, как жить; вот я от водочки никогда не откажусь, пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью! А этого не могу — потому претит. А вы, Самсон Силыч, бесчинства не допускайте; обидеть недолго, а не хорошо.

Б о л ь ш о в. Хорошенько его, Устинья Наумовна, хорошенько!

Рисположенский бежит от нее.

У с т и н ь я Н а у м о в н а *(ставит вино на стол)*. Врешь, купоросная душа, не уйдешь! *(Прижимает его в угол и хватает за шиворот.)*

Р и с п о л о ж е н с к и й. Караул!!

Все хохочут.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В доме Подхалюзина богато омеблированная гостиная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а сидит у окна в роскошном положении; на ней шелковая блуза, чепчик последнего фасона.
П о д х а л ю з и н в модном сюртуке стоит перед зеркалом.
Т и ш к а за ним обдергивает и охорашивает.

Т и ш к а. Ишь ты, как оно пригнато, в самый раз!

П о д х а л ю з и н. А что, Тишка, похож я на француза? а? Да издали погляди!

Т и ш к а. Две капли воды.

П о д х а л ю з и н. То-то, дурак! Вот ты теперь и смотри на нас! *(Ходит по комнате.)* Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! А вы хотели за офицера идти-с. Чем же мы не молодцы? Вот сертучок новенький взяли да и надели.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Да вы, Лазарь Елизарыч, танцевать не умеете.

П о д х а л ю з и н. Что ж, нешто не выучимся; еще как выучимся-то — важнейшим манером. Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших-с! Польку станем танцевать.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Уж вы, Лазарь Елизарыч, купите ту коляску-то, что смотрели у Арбатского.

П о д х а л ю з и н. Как же, Алимпияда Самсоновна-с! Надать купить, надать-с!

Олимпиада Самсоновна. А мне новую мантелью принесли, вот мы бы с вами в пятницу и поехали в Сокольники.

Подхалюзин. Как же-с, непременно поедем-с; и в парк поедем-с в воскресенье. Ведь коляска-то тысячу целковых стоит, да и лошади-то тысячу целковых и сбруя накладного серебра,— так пущай их смотрят. Тишка! трубку!

Тишка уходит.

(Садится подле Олимпиады Самсоновны.) Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! Пущай себе смотрят.

Молчание.

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, Лазарь Елизарыч, меня не поцелуете?

Подхалюзин. Как же! Помилуйте-с! С нашим удовольствием! Пожалуйте ручку-с! *(Целует. Молчание.)* Скажите, Алимпияда Самсоновна, мне что-нибудь на французском диалекте-с.

Олимпиада Самсоновна. Да что же вам сказать?

Подхалюзин. Да что-нибудь скажите— так малость самую-с. Мне все равно-с!

Олимпиада Самсоновна. Ком ву зет жоли.

Подхалюзин. А это что такое-с?

Олимпиада Самсоновна. Как вы милы!

Подхалюзин *(вскакивает со стула)*. Вот она у нас, жена-то, какая-с! Ай да Алимпияда Самсоновна! Уважили! Пожалуйте ручку!

Входит Тишка с трубкой.

Тишка. Устинья Наумовна пришла.

Подхалюзин. Зачем ее еще черт принес?

Тишка уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна. Как живете-можете, бралиянтовые?

Подхалюзин. Вашими молитвами, Устинья Наумовна, вашими молитвами.

Устинья Наумовна *(целуясь)*. Что это ты, как будто похорошела, поприпухла?

Олимпиада Самсоновна. Ах, какой ты вздор городишь, Устинья Наумовна! Ну с чего это ты взяла?

Устинья Наумовна. Что за вздор, золотая, уж к тому дело идет. Рада не рада — нечего делать!.. Люби кататься, люби и саночки возить!.. Что ж это вы меня позабыли совсем, бралиянтовые? Али еще осмотреться не успели? Все, чай, друг на друга любуетесь да миндальничаете.

Подхалюзин. Есть тот грех, Устинья Наумовна, есть тот грех!

Устинья Наумовна. То-то же: какую я тебе сударушку подсдобила!

Подхалюзин. Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Устинья Наумовна. Еще б не доволен, золотой! Чего ж тебе! Вы теперь, чай, все об нарядах хлопочете. Много еще модного-то напроказила?

Олимпиада Самсоновна. Не так чтобы много. Да и то больше оттого, что новые материи вышли.

Устинья Наумовна. Известное дело, жемчужная, нельзя ж комиссару без штанов: хоть худенькие, да голубенькие. А каких же больше настряпала — шерстяных али шелковых?

Олимпиада Самсоновна. Разных — и шерстяных и шелковых; да вот недавно креповое с золотом сшила.

Устинья Наумовна. Сколько ж всего-то-навсего у тебя, изумрудная?

Олимпиада Самсоновна. А вот считай: подвенечное блондовое на атласном чахле да три бархатных — это будет четыре; два газовых да креповое, шитое золотом — это семь; три атласных да три грогроновых — это тринадцать; гроденаплевых да гродафриковых семь — это двадцать; три марселиновых, два муслинделиновых, два шинероялевых — много ли это? — три да четыре семь, да двадцать — двадцать семь; креп-рашелевых четыре — это тридцать одно. Ну там еще кисейных, буфмуслиновых да ситцевых штук до двадцати; да там блуз да капотов — не то девять, не то десять. Да вот недавно из персидской материи сшила.

Устинья Наумовна. Ишь ты, бог с тобой, сколько нагородила! А ты поди-ка выбери мне какое пошире из гродафриковых.

Олимпиада Самсоновна. Гродафрикового не дам, у самой только три; да оно и не сойдется на твою талию; пожалуй, коли хочешь, возьми креп-рашелевое.

Устинья Наумовна. На какого мне жида трепрашельчатое-то! Ну, уж, видно, нечего с тобой делать, помирюсь и на атласном, так и быть.

Олимпиада Самсоновна. Ну и атласные тоже — как-то не того, сшиты по-бальному, открыто очень — понимаешь?

А из креп-рашелевых сыщем капот, распустим складочки, и будет в самую припорцию.

Устинья Наумовна. Ну, давай трепрашельчатое! Твое взяло, бралиянтовая! Поди отпирай шкап.

Олимпиада Самсоновна. Я сейчас, подожди немножко!

Устинья Наумовна. Подожду, золотая, подожду. Вот еще мне с супругом твоим поговорить надо.

Олимпиада Самсоновна уходит.

Что ж это ты, бралиянтовый, никак, забыл совсем свое обещание?

Подхалюзин. Как можно забыть-с, помним! *(Вынимает бумажник и дает ей ассигнацию.)*

Устинья Наумовна. Что ж это такое, алмазный?

Подхалюзин. Сто целковых-с!

Устинья Наумовна. Как так сто целковых? Да ты мне полторы тысячи обещал!

Подхалюзин. Что-о-с?

Устинья Наумовна. Ты мне полторы тысячи обещал!

Подхалюзин. Не жирно ли будет, неравно облопаетесь?

Устинья Наумовна. Что ж ты, курицын сын, шутить, что ли, со мной вздумал? Я, брат, и сама дама разухабистая.

Подхалюзин. Да за что вам деньги-то давать? Диви бы за дело за какое!

Устинья Наумовна. За дело ли, за безделье ли, а давай,— ты сам обещал!

Подхалюзин. Мало ли что я обещал? Я обещал с Ивана Великого прыгнуть, коли женюсь на Алимпияде Самсоновне,— так и прыгать?

Устинья Наумовна. Что ж ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купец второй гильдии, я сама на четырнадцатом классе сижу, какая ни на есть, все-таки чиновница.

Подхалюзин. Да хоть бы генеральша — мне все равно; я вас и знать-то не хочу,— вот и весь разговор.

Устинья Наумовна. Ан врешь — не весь: ты мне еще соболий салоп обещал.

Подхалюзин. Чего-с?

Устинья Наумовна. Соболий салоп! Что, ты оглох, что ли?

Подхалюзин. Соболий-с! Хе-хе-хе...

Устинья Наумовна. Да, соболий! Что ты смеешься-то, что горло-то пялишь!

Подхалюзин. Еще рылом не вышли-с в собольих-то салопах ходить!

Олимпиада Самсоновна выносит платье и отдает Устинье Наумовне.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Олимпиада Самсоновна.

Устинья Наумовна. Что ж это вы в самом деле — ограбить меня, что ли, хотите?

Подхалюзин. Что за грабеж, а ступайте с богом, вот и все тут.

Устинья Наумовна. Уж ты гнать меня стал; да и я-то, дура бестолковая, связалась с вами,— сейчас видно: мещанская-то кровь!

Подхалюзин. Так-с! Скажите пожалуйста!

Устинья Наумовна. А коли так, я и смотреть на вас не хочу! Ни за какие сокровища и водиться-то с вами не соглашусь! Кругом обегу тридцать верст, а мимо вас не пойду! Скорей зажмурюсь да на лошадь наткнусь, чем стану глядеть на ваше логовище! Плюнуть захочется, и то в эту улицу не заверну! Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться в тартарары, коли меня здесь увидите!

Подхалюзин. Да вы, тетенька, легонько! а то мы и за квартальным пошлем.

Устинья Наумовна. Уж я вас, золотые, распечатаю: будете знать! Я вас так по Москве-то расславлю, что стыдно будет в люди глаза показать!.. Ах, я дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием, с чином... Тьфу! Тьфу! Тьфу! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Ишь ты, расходилась дворянская-то кровь! Ах ты, господи! Туда же, чиновница! Вот пословица-то говорится: гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! Ах ты, господи! Вот и смотри на нее, дама какая!

Олимпиада Самсоновна. Охота вам была, Лазарь Елизарыч, с ней связываться!

Подхалюзин. Да помилуйте, совсем несообразная женщина!

Олимпиада Самсоновна *(глядит в окно)*. Никак, тятеньку из ямы выпустили — посмотрите, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Ну, нет-с: из ямы-то тятеньку не скоро выпустят; а надо полагать, его в конкурс выписывали, так отпросился домой... Маменька-с! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идет-с!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Где он? Где он? Родные вы мои, голубчики вы мои!

Целуются.

Подхалюзин. Тятенька, здравствуйте, наше почтение!

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! Оставил ты меня сиротой на старости лет!

Большов. Полно, жена, перестань!

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, маменька, точно по покойнике плачете! Не бог знает что случилось.

Большов. Оно точно, дочка, не бог знает что, а все-таки отец твой в яме сидит.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами.

Большов. Сидят-то сидят, да каково сидеть-то! Каково по улице-то идти с солдатом! Ох, дочка! Ведь меня сорок лет в городе-то все знают, сорок лет все в пояс кланялись, а теперь мальчишки пальцами показывают.

Аграфена Кондратьевна. И лица-то нет на тебе, голубчик ты мой! Словно ты с того света выходец!

Подхалюзин. Э, тятенька, бог милостив! Все перемелется — мука будет. Что же, тятенька, кредиторы-то говорят?

Большов. Да что: на сделку согласны. Что, говорят, тянуть-то,— еще возьмешь ли, нет ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и бог с тобой.

Подхалюзин. Отчего же не дать-с! Надать дать-с! А много ли, тятенька, просят?

Большов. Просят-то по двадцать пять копеек.

Подхалюзин. Это, тятенька, много-с!

Большов. И сам, брат, знаю, что много, да что ж делать-то? Меньше не берут.

Подхалюзин. Кабы десять копеек, так бы ладно-с. Семь с половиною на удовлетворение, а две с половиною на конкурсные расходы.

Б о л ь ш о в. Я так-то говорил, да и слышать не хотят.

П о д х а л ю з и н. Зазнались больно! А не хотят они осемь копеек в пять лет?

Б о л ь ш о в. Что ж, Лазарь, придется и двадцать пять дать, ведь мы сами прежде так предлагали.

П о д х а л ю з и н. Да как же, тятенька-с! Ведь вы тогда сами изволили говорить-с, больше десяти копеек не давать-с. Вы сами рассудите: по двадцати пяти копеек денег много. Вам, тятенька, закусить чего не угодно ли-с? Маменька! прикажите водочки подать да велите самоварчик поставить, уж и мы, для компании, выпьем-с. А двадцать пять копеек много-с!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

Б о л ь ш о в. Да что ты мне толкуешь-то: я и сам знаю, что много, да как же быть-то? Потомят года полтора в яме-то, да каждую неделю будут с солдатом по улицам водить, а еще, того гляди, в острог переместят: так рад будешь и полтину дать. От одного страма-то не знаешь, куда спрятаться.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а с водкой; Т и ш к а вносит закуску и уходит.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Голубчик ты мой! Кушай, батюшка, кушай! Чай, тебя там голодом изморили!

П о д х а л ю з и н. Кушайте, тятенька! Не взыщите, чем бог послал!

Б о л ь ш о в. Спасибо, Лазарь! Спасибо! *(Пьет.)* Пей-ка сам.

П о д х а л ю з и н. За ваше здоровье! *(Пьет.)* Маменька! не угодно ли-с? Сделайте одолжение!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. А, батюшки, до того ли мне теперь! Эдакое божеское попущение! Ах ты, господи боже мой! Ах ты, голубчик ты мой!

П о д х а л ю з и н. Э, маменька, бог милостив, как-нибудь отделаемся! Не вдруг-с!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Дай-то господи! А то уж и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Б о л ь ш о в. Ну, как же, Лазарь?

П о д х а л ю з и н. Десять копеечек, извольте, дам-с, как говорили.

Б о л ь ш о в. А пятнадцать-то где же я возьму? Не из рогожи ж мне их шить.

П о д х а л ю з и н. Я, тятенька, не могу-с! Видит бог, не могу-с!

Б о л ь ш о в. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда ж ты деньги-то дел?

П о д х а л ю з и н. Да вы извольте рассудить: я вот торговлей завожусь, домишко отделал. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вот хоть мадерцы, что ли-с? Маменька! попотчуйте тятеньку.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Кушай, батюшка Самсон Силыч! Кушай! Я тебе, батюшка, пуншик налью!

Б о л ь ш о в *(пьет)*. Выручайте, детушки, выручайте!

П о д х а л ю з и н. Вот вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дел? Как же-с? Рассудите сами: торговать начинаем, известное дело, без капитала нельзя-с, взяться нечем; вот домик купил, заведеньице всякое домашнее завели, лошадок, то, другое. Сами извольте рассудить! Об детях подумать надо.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Что ж, тятенька, нельзя же нам самим ни при чем остаться. Ведь мы не мещане какие-нибудь.

П о д х а л ю з и н. Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капитала нельзя-с, без капиталу-то немного наторгуешь.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Я у вас, тятенька, до двадцати лет жила — света не видала. Что ж, мне прикажете отдать вам деньги, да самой опять в ситцевых платьях ходить?

Б о л ь ш о в. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Ведь я у вас не милостыню прошу, а свое же добро. Люди ли вы?..

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Известное дело, тятенька, люди, а не звери же.

Б о л ь ш о в. Лазарь! да ты вспомни то, ведь я тебе все отдал, все дочиста; вот что себе оставил, видишь! Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувственный! Поил, кормил вместо отца родного, в люди вывел. А видел ли я от тебя благодарность какую? Видел ли? Вспомни то, Лазарь, сколько раз я замечал, что ты на́ руку нечист! Что ж? Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я все свое состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на нее и глядеть-то не смел.

П о д х а л ю з и н. Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-с!

Б о л ь ш о в. Чувствуешь ты! Ты бы должен все отдать, как я, в одной рубашке остаться, только бы своего благодетеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мне; ты заплати за меня только, что теперь следует.

П о д х а л ю з и н. Отчего бы не заплатить-с, да просят цену, которую совсем несообразную.

Б о л ь ш о в. Да разве я прошу! Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся, да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем,— и толковать об этом нечего.

Б о л ь ш о в. Уж ты скажи, дочка: ступай, мол, ты, старый черт, в яму! Да, в яму! В острог его, старого дурака. И за дело! Не гонись за большим, будь доволен тем, что есть. А за большим погонишься, и последнее отнимут, оберут тебя дочиста. И придется тебе бежать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку. Да и оттедова тебя за язык вытянут да в острог посадят.

Все молчат; Большов пьет.

А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то идти. Что ж мне, зажмуриться, что ли? Мне Ильинка-то теперь за сто верст покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти. Это все равно что грешную душу дьяволы, прости господи, по мытарствам тащат. А там мимо Иверской: как мне взглянуть-то на нее, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда, ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем... А что ему за это было?.. А там присутственные места, уголовная палата... Ведь я злостный— умышленный... Ведь меня в Сибирь, сошлют. Господи!.. Коли так не дадите денег, дайте Христа ради. *(Плачет.)*

П о д х а л ю з и н. Что вы, что вы, тятенька? Полноте! Бог милостив! Что это вы? Поправим как-нибудь. Все в наших руках!

Б о л ь ш о в. Денег надо, Лазарь, денег. Больше нечем поправить. Либо денег, либо в Сибирь.

П о д х а л ю з и н. И денег дадим-с, только бы отвязались! Я, так и быть, еще пять копеечек прибавлю.

Б о л ь ш о в. Эки года! Есть ли в вас христианство? Двадцать пять копеек надо, Лазарь!

П о д х а л ю з и н. Нет, это, тятенька, много-с, ей-богу много!

Б о л ь ш о в. Змеи вы подколодные! *(Опускается головой на стол.)*

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Варвар ты, варвар! Разбойник ты эдакой! Нет тебе моего благословения! Иссохнешь ведь и с деньгами-то, иссохнешь, не доживя веку. Разбойник ты, эдакой разбойник!

П о д х а л ю з и н. Полноте, маменька, бога-то гневить! Что это вы клянете нас, не разобравши дела-то! Вы видите, тятенька захмелел маненько, а вы уж и на́-поди.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Уж вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклясть в треисподнюю. Знаю я: вас па это станет. За то вам, должно быть, и других детей-то бог не дал.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Сама ты молчи, беспутная! И одну-то тебя бог в наказание послал.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. У вас все беспутные — вы одни хороши. На себя-то посмотрели бы: только что понедельничаете, а то дня не пройдет, чтоб не облаять кого-нибудь.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ишь ты! Ишь ты! Ах, ах, ах!.. Да я прокляну тебя на всех соборах!

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Проклинайте, пожалуй!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Да! Вот как! Умрешь, не сгниешь! Да!..

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Очень нужно!

Б о л ь ш о в *(встает)*. Ну, прощайте, дети!

П о д х а л ю з и н. Что вы, тятенька, посидите! Надобно же как-нибудь дело-то кончить!

Б о л ь ш о в. Да что кончать-то? Уж я вижу, что дело-то кончено. Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет! Ты уж не плати за меня ничего: пусть что хотят, то и делают. Прощайте, пора мне!

П о д х а л ю з и н. Прощайте, тятенька! Бог милостив — как-нибудь обойдется!

Б о л ь ш о в. Прощай, жена!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Прощай, батюшка Самсон Силыч! Когда к вам в яму-то пущают?

Б о л ь ш о в. Не знаю!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну так я наведаюсь: а то умрешь тут, не видамши-то тебя.

Б о л ь ш о в. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна! Ну, вот вы теперь будете богаты, заживете по-барски. По гуляньям это, по балам — дьявола тешить! А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решетками, сидят там бедные заключенные. Не забудьте нас, бедных заключенных. *(Уходит с Аграфеной Кондратьевной.)*

П о д х а л ю з и н. Эх, Алимпияда Самсоновна-с! Неловко-с! Жаль тятеньку, ей-богу, жаль-с! Нешто поехать самому поторговаться с кредиторами! Аль не надо-с? Он-то сам лучше их разжалобит. А? Аль ехать? Поеду-с! Тишка!

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Как хотите, так и делайте — ваше дело.

П о д х а л ю з и н. Тишка!

Входит Т и ш к а.

Подай старый сертук, которого хуже нет.

Тишка уходит.

А то подумают: богат, должно быть, в те поры и не сговоришь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Рисположенский и Аграфена Кондратьевна.

Рисположенский. Вы, матушка Аграфена Кондратьевна, огурчиков еще не изволили солить?

Аграфена Кондратьевна. Нет, батюшка! Какие теперь огурчики! До того ли уж мне! А вы посолили?

Рисположенский. Как же, матушка, посолили. Дороги нынче очень; говорят, морозом хватило. Лазарь Елизарыч, батюшка, здравствуйте! Это водочка? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Аграфена Кондратьевна уходит с Олимпиадой Самсоновной.

Подхалюзин. А за чем это вы к нам пожаловали, не слыхать ли?

Рисположенский. Хе, хе, хе!.. Какой вы шутник, Лазарь Елизарыч! Известное дело, за чем!

Подхалюзин. А за чем бы это, желательно знать-с?

Рисположенский. За деньгами, Лазарь Елизарыч, за деньгами! Кто за чем, а я все за деньгами!

Подхалюзин. Да уж вы за деньгами-то больно часто ходите.

Рисположенский. Да как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даете. Ведь у меня семейство.

Подхалюзин. Что ж, вам не по сту же давать.

Рисположенский. А уж отдали бы зараз, так я бы к вам и не ходил.

Подхалюзин. То-то вы ни уха ни рыла не смыслите, а еще хапанцы берете. За что вам давать-то?

Рисположенский. Как за что? Сами обещали!

Подхалюзин. Сами обещали! Ведь давали тебе — попользовался, ну и будет, пора честь знать.

Рисположенский. Как пора честь знать? Да вы мне еще тысячи полторы должны.

Подхалюзин. Должны! Тоже, должны! Словно у него документ! А за что,— за мошенничество!

Рисположенский. Как за мошенничество? за труды, а не за мошенничество!

Подхалюзин. За труды!

Рисположенский. Ну, да там за что бы то ни было, а давайте деньги, а то документ!

Подхалюзин. Чего-с? Документ! Нет, уж это после придите.

Рисположенский. Так что ж, ты меня грабить, что ли, хочешь с малыми детьми?

Подхалюзин. Что за грабеж! А вот возьми еще пять целковых, да и ступай с богом.

Рисположенский. Нет, погоди! Ты от меня этим не отделаешься!

Тишка входит.

Подхалюзин. А что ж ты со мной сделаешь?

Рисположенский. Язык-то у меня некупленный.

Подхалюзин. Что ж ты, лизать, что ли, меня хочешь?

Рисположенский. Нет, не лизать, а добрым людям рассказывать.

Подхалюзин. Об чем рассказывать-то, купоросная душа! Да кто тебе поверит-то еще?

Рисположенский. Кто поверит?

Подхалюзин. Да! Кто поверит? Погляди-тка ты на себя.

Рисположенский. Кто поверит? Кто поверит? А вот увидишь! А вот увидишь! Батюшки мои, да что ж мне делать-то? Смерть моя! Грабит меня, разбойник, грабит! Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!

Подхалюзин. Да что увидать-то?

Рисположенский. А вот что увидишь! Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Погоди!

Подхалюзин. Погоди да погоди! Уж я и так ждал довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Рисположенский. Ты думаешь, мне никто не поверит? Не поверит? Ну, пускай обижают! Я... я вот что сделаю: почтеннейшая публика!

Подхалюзин. Что ты! Что ты! Очнись!

Тишка. Ишь ты, с пьяных-то глаз куда лезет!

Рисположенский. Постой, постой!.. Почтеннейшая публика! Жена, четверо детей — вот сапоги худые!..

Подхалюзин. Все врет-с! Самый пустой человек-с! Полно ты, полно... Ты прежде на себя-то посмотри, ну куда ты лезешь!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Пусти! Тестя обокрал! И меня грабит... Жена, четверо детей, сапоги худые!

Т и ш к а. Подметки подкинуть можно!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Ты что? Ты такой же грабитель!

Т и ш к а. Ничего-с, проехали!

П о д х а л ю з и н. Ах! Ну что ты мораль-то эдакую пущаешь!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Нет, ты погоди! Я тебе припомню! Я тебя в Сибирь упеку!

П о д х а л ю з и н. Не верьте, все врет-с! Так-с, самый пустой человек-с, внимания не стоящий! Эх, братец, какой ты безобразный! Ну, не знал я тебя — ни за какие бы благополучия и связываться не стал.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Что, взял! а! что, взял! Вот тебе, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, черт с тобой! *(Уходит.)*

П о д х а л ю з и н. Какой горячий-с! *(К публике.)* Вы ему не верьте, это он, что говорил-с,— это все врет. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во сне приснилось. А вот мы магазинчик открываем: милости просим! Малого робенка пришлете— в луковице не обочтем.

1850

ГРОЗА

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ЛИЦА:

Савел Прокофьевич Дикóй, купец, значительное лицо в городе [1].
Борис Григорьевич, племянник его, молодой человек, порядочно образованный.
Марфа Игнатьевна Кабанова (Кабаниха), богатая купчиха, вдова.
Тихон Иваныч Кабанов, ее сын.
Катерина, жена его.
Варвара, сестра Тихона.
Кулигин, мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум-мобиле.
Ваня Кудряш, молодой человек, конторщик Дикóва.
Шапкин, мещанин.
Феклуша, странница.
Глаша, девка в доме Кабановой.
Барыня с двумя лакеями, старуха 70-ти лет, полусумасшедшая.
Городские жители обоего пола.

Действие происходит в городе Калинове, на берегу Волги, летом. Между 3 и 4 действиями проходит 10 дней.

[1] Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общественный сад на высоком берегу Волги; за Волгой сельский вид. На сцене две скамейки и несколько кустов.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку. Кудряш и Шапкин прогуливаются.

Кулигин *(поет)*. «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...» *(Перестает петь.)* Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу.

Кудряш. А что?

Кулигин. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряш. Нешто́!

Кулигин. Восторг! А ты: «нешто́!» Пригляделись вы, либо не понимаете, какая красота в природе разлита.

Кудряш. Ну, да ведь с тобой что толковать! Ты у нас антик, химик!

Кулигин. Механик, самоучка-механик.

Кудряш. Все одно.

Молчание.

Кулигин *(показывая в сторону)*. Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?

Кудряш. Это? Это Дико́й племянника ругает.

Кулигин. Нашел место!

К у д р я ш. Ему везде место. Боится, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорьич, вот он на нем и ездит.

Ш а п к и н. Уж такого-то ругателя, как у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за что человека оборвет.

К у д р я ш. Пронзительный мужик!

Ш а п к и н. Хороша тоже и Кабаниха.

К у д р я ш. Ну, да та хоть по крайности все под видом благочестия, а этот как с цепи сорвался!

Ш а п к и н. Унять-то его некому, вот он и воюет!

К у д р я ш. Мало у нас парней-то на мою стать, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Ш а п к и н. А что бы вы сделали?

К у д р я ш. Постращали бы хорошенько.

Ш а п к и н. Как это?

К у д р я ш. Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.

Ш а п к и н. Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать.

К у д р я ш. Хотел, да не отдал, так это все одно что ничего. Не отдаст он меня: он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею.

Ш а п к и н. Ой ли!

К у д р я ш. Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь; за что ж он меня держит? Стало быть, я ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пущай же он меня боится.

Ш а п к и н. Уж будто он тебя и не ругает?

К у д р я ш. Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он — слово, а я — десять; плюнет, да и пойдет. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.

К у л и г и н. С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть.

К у д р я ш. Ну, вот, коль ты умен, так ты его прежде учливости-то выучи, да потом и нас учи! Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.

Ш а п к и н. А то что бы?

К у д р я ш. Я б его уважил. Больно лих я на девок-то!

Проходят Д и к о й и Б о р и с. Кулигин снимает шапку.

Ш а п к и н *(Кудряшу)*. Отойдем к стороне: еще привяжется, пожалуй.

Отходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Дикóй и Борис.

Дикой. Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал! Дармоед! Пропади ты пропадом!

Борис. Праздник; что дома-то делать!

Дикой. Найдешь дело, как захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей мне навстречу попадаться»; тебе все неймется! Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты как столб стоишь-то! Тебе говорят аль нет?

Борис. Я и слушаю, что ж мне делать еще!

Дикой *(посмотрев на Бориса)*. Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом. *(Уходя.)* Вот навязался! *(Плюет и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кулигин, Борис, Кудряш и Шапкин.

Кулигин. Что у вас, сударь, за дела с ним? Не поймем мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить.

Борис. Уж какая охота, Кулигин! Неволя.

Кулигин. Да какая же неволя, сударь, позвольте вас спросить. Коли можно, сударь, так скажите нам.

Борис. Отчего ж не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

Кулигин. Ну, как не знать!

Кудряш. Как не знать!

Борис. Батюшку она ведь невзлюбила за то, что он женился на благородной. По этому-то случаю батюшка с матушкой и жили в Москве. Матушка рассказывала, что она трех дней не могла ужиться с родней, уж очень ей дико казалось.

Кулигин. Еще бы не дико! Уж что говорить! Большую привычку нужно, сударь, иметь.

Борис. Воспитывали нас родители в Москве хорошо, ничего для нас не жалели. Меня отдали в Коммерческую академию, а сестру в пансион, да оба вдруг и умерли в холеру; мы с сестрой сиротами и остались. Потом мы слышим, что и бабушка здесь умерла и оставила завещание, чтобы дядя нам заплатил часть, какую следует, когда мы придем в совершеннолетие, только с условием.

Кулигин. С каким же, сударь?

Борис. Если мы будем к нему почтительны.

Кулигин. Это значит, сударь, что вам наследства вашего не видать никогда.

Б о р и с. Да нет, этого мало, Кулигин! Он прежде наломается над нами, наругается всячески, как его душе угодно, а кончит все-таки тем, что не даст ничего или так, какую-нибудь малость. Да еще станет рассказывать, что из милости дал, что и этого бы не следовало.

К у д р я ш. Уж это у нас в купечестве такое заведение. Опять же, хоть бы вы и были к нему почтительны, не́што кто ему запретит сказать-то, что вы непочтительны?

Б о р и с. Ну да. Уж он и теперь поговаривает иногда: «У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам? Чрез это я своих обидеть должен!»

К у л и г и н. Значит, сударь, плохо ваше дело.

Б о р и с. Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил все да уехал. А то сестру жаль. Он было и ее выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здесь жизнь была, и представить страшно.

К у д р я ш. Уж само собой. Нешто они обращение понимают?

К у л и г и н. Как же вы у него живете, сударь, на каком положении?

Б о р и с. Да ни на каком: «Живи, говорит, у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год разочтет, как ему будет угодно.

К у д р я ш. У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чем свет стоит. «Ты, говорит, почем знаешь, что я на уме держу? Нешто ты мою душу можешь знать! А может, я приду в такое расположение, что тебе пять тысяч дам». Вот ты и поговори с ним! Только еще он во всю свою жизнь ни разу в такое-то расположение не приходил.

К у л и г и н. Что ж делать-то, сударь! Надо стараться угождать как-нибудь.

Б о р и с. В том-то и дело, Кулигин, что никак невозможно. На него и свои-то никак угодить не могут; а уж где ж мне!

К у д р я ш. Кто ж ему угодит, коли у него вся жизнь основана на ругательстве? А уж пуще всего из-за денег; ни одного расчета без брани не обходится. Другой рад от своего отступиться, только бы он унялся. А беда, как его поутру кто-нибудь рассердит! Целый день ко всем придирается.

Б о р и с. Тетка каждое утро всех со слезами умоляет: «Батюшки, не рассердите! голубчики, не рассердите!»

К у д р я ш. Да нешто убережешься! Попал на базар, вот и конец! Всех мужиков переругает. Хоть в убыток проси, без брани все-таки не отойдет. А потом и пошел на весь день.

Ш а п к и н. Одно слово: воин!

К у д р я ш. Еще какой воин-то!

Б о р и с. А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого он обругать не смеет; тут уж домашние держись!

К у д р я ш. Батюшки! Что смеху-то было! Как-то его на Волге, на перевозе, гусар обругал. Вот чудеса-то творил!

Б о р и с. А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам.

К у л и г и н. Что это? Никак, народ от вечерни тронулся?

Проходят несколько лиц в глубине сцены.

К у д р я ш. Пойдем, Шапкин, в разгул! Что тут стоять-то?

Кланяются и уходят.

Б о р и с. Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак.

К у л и г и н. И не привыкнете никогда, сударь.

Б о р и с. Отчего же?

К у л и г и н. Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денег наживать. Знаете, что ваш дядюшка, Савел Прокофьич, городничему отвечал? К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, говорит, Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу, да и говорит: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами об таких пустяках разговаривать! Много у меня в год-то народу перебывает; вы то поймите: недоплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, а у меня из этого тысячи составляются, так оно мне и хорошо!» Вот как, сударь! А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нем нет, обличье-то человеческое истерянно. А те им, за малую благостыню, на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних. И начнется у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям. Судятся-судятся здесь, да в губернию поедут, а там уж их и ждут да от радости руками плещут. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; водят их,

водят, волочат их, волочат; а они еще и рады этому волочению, того только им и надобно. «Я, говорит, потрачусь, да уж и ему станет в копейку». Я было хотел все это стихами изобразить...

Борис. А вы умеете стихами?

Кулигин. По-старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова, Державина... Мудрец был Ломоносов, испытатель природы... А ведь тоже из нашего, из простого звания.

Борис. Вы бы и написали. Это было бы интересно.

Кулигин. Как можно, сударь! Съедят, живого проглотят. Мне уж и так, сударь, за мою болтовню достается; да не могу, люблю разговор рассыпать! Вот еще про семейную жизнь хотел я вам, сударь, рассказать; да когда-нибудь в другое время. А тоже есть что послушать.

Входят Феклуша и другая женщина.

Феклуша. Бла-алепие, милая, бла-алепие! Красота дивная! Да что уж говорить! В обетованной земле живете! И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаяниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых.

Уходят.

Борис. Кабановых?

Кулигин. Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем.

Молчание.

Только б мне, сударь, перепету-мобиль найти!

Борис. Что ж бы вы сделали?

Кулигин. Как же, сударь! Ведь англичане миллион дают; я бы все деньги для общества и употребил, для поддержки. Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Борис. А вы надеетесь найти перпетуум-мобиле?

Кулигин. Непременно, сударь! Вот только бы теперь на модели деньжонками раздобыться. Прощайте, сударь! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Борис *(один)*. Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! Мечтает себе и счастлив. А мне, видно, так и загубить свою молодость в этой трущобе. Уж ведь совсем убитый хожу, а

тут еще дурь в голову лезет! Ну, к чему пристало! мне ли уж нежности заводить? Загнан, забит, а тут еще сдуру-то влюбляться вздумал. Да в кого! В женщину, с которой даже и поговорить-то никогда не удастся. *(Молчание.)* А все-таки нейдет она у меня из головы, хоть ты что хочешь. Вот она! Идет с мужем, ну и свекровь с ними! Ну не дурак ли я! Погляди из-за угла, да и ступай домой. *(Уходит.)*

С противоположной стороны входят Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Кабанова. Если ты хочешь мать послушать, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе приказывала.

Кабанов. Да как же я могу, маменька, вас ослушаться!

Кабанова. Не очень-то нынче старших уважают.

Варвара *(про себя)*. Не уважишь тебя, как же!

Кабанов. Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг.

Кабанова. Поверила бы я тебе, мой друг, кабы своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтение родителям от детей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болезней от детей переносят.

Кабанов. Я, маменька...

Кабанова. Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А, как ты думаешь?

Кабанов. Да когда же я, маменька, не переносил от вас?

Кабанова. Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны с нас, дураков, и взыскивать.

Кабанов *(вздыхая в сторону)*. Ах ты, господи! *(Матери.)* Да смеем ли мы, маменька, подумать!

Кабанова. Ведь от любви родители и строги-то к вам бывают, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдут детки-то по людям славить, что мать ворчунья, что мать проходу не дает, со свету сживает. А, сохрани господи, каким-нибудь словом снохе не угодить, ну и пошел разговор, что свекровь заела совсем.

Кабанов. Нешто, маменька, кто говорит про вас?

Кабанова. Не слыхала, мой друг, не слыхала, лгать не хочу. Уж кабы я слышала, я бы с тобой, мой милый, тогда не так

заговорила. *(Вздыхает.)* Ох, грех тяжкий! Вот долго ли согрешить-то! Разговор близкий сердцу пойдет, ну и согрешишь, рассердишься. Нет, мой друг, говори, что хочешь, про меня. Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут.

К а б а н о в. Да отсохни язык...

К а б а н о в а. Полно, полно, не божись! Грех! Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу.

К а б а н о в. В чем же вы, маменька, это видите?

К а б а н о в а. Да во всем, мой друг! Мать чего глазами не увидит, так у нее сердце вещун, она сердцем может чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводит от меня, уж не знаю.

К а б а н о в. Да нет, маменька! что вы, помилуйте!

К а т е р и н а. Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит.

К а б а н о в а. Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Не заступайся, матушка, не обижу небось! Ведь он мне тоже сын; ты этого не забывай! Что ты выскочила в глазах-то поюлить! Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь.

В а р в а р а *(про себя)*. Нашла место наставления читать.

К а т е р и н а. Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я все одна, ничего я из себя не доказываю.

К а б а н о в а. Да я об тебе и говорить не хотела; а так, к слову пришлось.

К а т е р и н а. Да хоть и к слову, за что ж ты меня обижаешь?

К а б а н о в а. Экая важная птица! Уж и обиделась сейчас.

К а т е р и н а. Напраслину-то терпеть кому ж приятно!

К а б а н о в а. Знаю я, знаю, что вам не по нутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит. Я давно вижу, что вам воли хочется. Ну что ж, дождетесь, поживете и на воле, когда меня не будет. Вот уж тогда делайте что хотите, не будет над вами старших. А может, и меня вспомянете.

К а б а н о в. Да мы об вас, маменька, денно и нощно бога молим, чтобы вам, маменька, бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху.

К а б а н о в а. Ну, полно, перестань, пожалуйста. Может быть, ты и любил мать, пока был холостой. До меня ли тебе: у тебя жена молодая.

К а б а н о в. Одно другому не мешает-с: жена само по себе, а к родительнице я само по себе почтение имею.

К а б а н о в а. Так променяешь ты жену на мать? Ни в жизнь я этому не поверю.

К а б а н о в. Да для чего же мне менять-с? Я обеих люблю.

К а б а н о в а. Ну да, да, так и есть, размазывай! Уж я вижу, что я вам помеха.

К а б а н о в. Думайте как хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человек на свет рожден, что не могу вам угодить ничем.

К а б а н о в а. Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нюни-то распустил? Ну, какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?

К а б а н о в. Да зачем же ей бояться? С меня и того довольно, что она меня любит.

К а б а н о в а. Как зачем бояться! Как зачем бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Ведь ты, чай, с ней в законе живешь. Али, по-вашему, закон ничего не значит? Да уж коли ты такие дурацкие мысли в голове держишь, ты бы при ней-то, по крайней мере, не болтал да при сестре, при девке; ей тоже замуж идти: этак она твоей болтовни наслушается, так после муж-то нам спасибо скажет за науку. Видишь ты, какой еще ум-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить.

К а б а н о в. Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!

К а б а н о в а. Так, по-твоему, нужно все лаской с женой? Уж и не прикрикнуть на нее, и не пригрозить?

К а б а н о в. Да я, маменька...

К а б а н о в а *(горячо)*. Хоть любовника заводи! А! И это, может быть, по-твоему, ничего? А! Ну, говори!

К а б а н о в. Да, ей-богу, маменька...

К а б а н о в а *(совершенно хладнокровно)*. Дурак! *(Вздыхает.)* Что с дураком и говорить! только грех один!

Молчание.

Я домой иду.

К а б а н о в. И мы сейчас, только раз-другой по бульвару пройдем.

К а б а н о в а. Ну, как хотите, только ты смотри, чтобы мне вас не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

К а б а н о в. Нет, маменька! Сохрани меня господи!

К а б а н о в а. То-то же! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же без Кабановой.

Кабанов. Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достается от маменьки! Вот жизнь-то моя какая!

Катерина. Чем же я-то виновата?

Кабанов. Кто ж виноват, я уж не знаю.

Варвара. Где тебе знать!

Кабанов. То все приставала: «Женись да женись, я хоть бы поглядела на тебя, на женатого»! А теперь поедом ест, проходу не дает — все за тебя.

Варвара. Так нешто она виновата! Мать на нее нападает, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мне глядеть-то на тебя. *(Отворачивается.)*

Кабанов. Толкуй тут! Что ж мне делать-то?

Варвара. Знай свое дело — молчи, коли уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь — переминаешься? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то.

Кабанов. Ну, а что?

Варвара. Известно что. К Савелу Прокофьичу хочется, выпить с ним. Что, не так, что ли?

Кабанов. Угадала, брат.

Катерина. Ты, Тиша, скорей приходи, а то маменька опять браниться станет.

Варвара. Ты проворней, в самом деле, а то знаешь ведь!

Кабанов. Уж как не знать!

Варвара. Нам тоже не велика охота из-за тебя брань-то принимать.

Кабанов. Я мигом. Подождите! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Катерина и Варвара.

Катерина. Так ты, Варя, жалеешь меня?

Варвара *(глядя в сторону)*. Разумеется, жалко.

Катерина. Так ты, стало быть, любишь меня? *(Крепко целует.)*

Варвара. За что ж мне тебя не любить-то!

Катерина. Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти.

Молчание.

Знаешь, мне что в голову пришло?

Варвара. Что?

Катерина. Отчего люди не летают!

Варвара. Я не понимаю, что ты говоришь.

Катерина. Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь? *(Хочет бежать.)*

Варвара. Что ты выдумываешь-то?

Катерина *(вздыхая)*. Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем.

Варвара. Ты думаешь, я не вижу?

Катерина. Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключóк, умоюсь, принесу с собою водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много-много. Потом пойдем с маменькой в церковь, все и странницы — у нас полон дом был странниц да богомолок. А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать: где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было!

Варвара. Да ведь и у нас то же самое.

Катерина. Да здесь все как будто из-под неволи. И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается! А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют. А то, бывало, девушка, ночью встану — у нас тоже везде лампадки горели — да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут. И об чем я молилась тогда, чего просила — не знаю; ничего мне не надобно, всего у меня было довольно. А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и всё поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не такие, как обык-

новенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то.

Варвара. А что же?

Катерина *(помолчав)*. Я умру скоро.

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то. Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю.

Варвара. Что же с тобой такое?

Катерина *(берет ее за руку)*. А вот что, Варя, быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх, такой-то на меня страх! Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что. *(Хватается за голову рукой.)*

Варвара. Что с тобой? Здорова ли ты?

Катерина. Здорова... Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от нее не уйду. Думать стану — мыслей никак не соберу, молиться — не отмолюсь никак. Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да все про такие дела нехорошие. И то мне представляется, что мне самое себя совестно сделается. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубит меня, точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы; а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо, и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду...

Варвара. Ну?

Катерина. Да что же это я говорю тебе: ты — девушка.

Варвара *(оглядываясь)*. Говори! Я хуже тебя.

Катерина. Ну, что ж мне говорить? Стыдно мне.

Варвара. Говори, нужды нет!

Катерина. Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...

Варвара. Только не с мужем.

Катерина. А ты почем знаешь?

Варвара. Еще бы не знать!..

Катерина. Ах, Варя, грех у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другова люблю?

Варвара. Что мне тебя судить! У меня свои грехи есть.

Катерина. Что же мне делать! Сил моих не хватает. Куда мне деваться; я от тоски что-нибудь сделаю над собой!

Варвара. Что ты! Что с тобой! Вот погоди, завтра братец уедет, подумаем; может быть, и видеться можно будет.

Катерина. Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани господи!

Варвара. Чего ты так испугалась?

Катерина. Если я с ним хоть раз увижусь, я убегу из дому, я уж не пойду домой ни за что на свете.

Варвара. А вот погоди, там увидим.

Катерина. Нет, нет, и не говори мне, я и слушать не хочу!

Варвара. А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай с тоски, пожалеют, что ль, тебя! Как же, дожидайся. Так какая ж неволя себя мучить-то!

Входит барыня с палкой и два лакея в треугольных шляпах сзади.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и барыня.

Барыня. Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? Весело? Красота-то ваша вас радует? Вот красота-то куда ведет. *(Показывает на Волгу.)* Вот, вот, в самый омут!

Варвара улыбается.

Что смеетесь! Не радуйтесь! *(Стучит палкой.)* Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неутолимой! *(Уходя.)* Вон, вон куда красота-то ведет! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Катерина и Варвара.

Катерина. Ах, как она меня испугала! я дрожу вся, точно она пророчит мне что-нибудь.

Варвара. На свою бы тебе голову, старая карга!

Катерина. Что она сказала такое, а? Что она сказала?

Варвара. Вздор все. Очень нужно слушать, что она городит. Она всем так пророчит. Всю жизнь смолоду-то грешила. Спроси-ка, что об ней порасскажут! Вот умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тем и других пугает. Даже все мальчишки в городе от нее прячутся,— грозит на них палкой да кричит *(передразнивая)*: «Все гореть в огне будете!»

Катерина *(зажмуриваясь)*. Ах, ах, перестань! У меня сердце упало.

Варвара. Есть чего бояться! Дура старая...

Катерина. Боюсь, до смерти боюсь! Все она мне в глазах мерещится.

Молчание.

Варвара *(оглядываясь)*. Что это братец нейдет, вон, никак, гроза заходит.

Катерина *(с ужасом)*. Гроза! Побежим домой! Поскорее!

Варвара. Что ты, с ума, что ли, сошла! Как же ты без братца-то домой покажешься?

Катерина. Нет, домой, домой! Бог с ним!

Варвара. Да что ты уж очень боишься: еще далеко гроза-то.

Катерина. А коли далеко, так, пожалуй, подождем немного; а право бы, лучше идти. Пойдем лучше!

Варвара. Да ведь уж коли чему быть, так и дома не спрячешься.

Катерина. Да все-таки лучше, все покойнее; дома-то я к образам да богу молиться!

Варвара. Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь.

Катерина. Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то, вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! страшно вымолвить!

Гром.

Ах!

Кабанов входит.

Варвара. Вот братец идет. *(Кабанову.)* Беги скорей!

Гром.

Катерина. Ах! Скорей, скорей!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната в доме Кабановых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г л а ш а (собирает платье в узлы) и Ф е к л у ш а (входит).

Ф е к л у ш а. Милая девушка, все-то ты за работой! Что делаешь, милая?

Г л а ш а. Хозяина в дорогу собираю.

Ф е к л у ш а. Аль едет куда свет наш?

Г л а ш а. Едет.

Ф е к л у ш а. На́долго, милая, едет?

Г л а ш а. Нет, не на́долго.

Ф е к л у ш а. Ну, скатертью ему дорога! А что, хозяйка-то станет выть аль нет?

Г л а ш а. Уж не знаю, как тебе сказать.

Ф е к л у ш а. Да она у вас воет когда?

Г л а ш а. Не слыхать что-то.

Ф е к л у ш а. Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то!

Молчание.

А вы, девушка, за убогой-то присматривайте, не стянула б чего.

Г л а ш а. Кто вас разберет, все вы друг на друга клеплете, что вам ладно-то не живется? Уж у нас ли, кажется, вам, странным, не житье, а вы все ссоритесь да перекоряетесь; греха-то вы не боитесь.

Ф е к л у ш а. Нельзя, матушка, без греха: в миру живем. Вот что я тебе скажу, милая девушка: вас, простых людей, каждого один враг смущает, а к нам, к странным людям, к кому шесть, к кому двенадцать приставлено; вот и надобно их всех побороть. Трудно, милая девушка!

Г л а ш а. Отчего ж к вам так много?

Ф е к л у ш а. Это, матушка, враг-то из ненависти на нас, что жизнь такую праведную ведем. А я, милая девушка, не вздорная, за мной этого греха нет. Один грех за мной есть, точно; я сама знаю, что есть. Сладко поесть люблю. Ну так что ж! По немощи моей господь посылает.

Г л а ш а. А ты, Феклуша, далеко ходила?

Ф е к л у ш а. Нет, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слыхать — много слыхала. Говорят, такие страны есть,

милая девушка, где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персидский; и суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и что ни судят они, все неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по ихнему все напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!» А то есть еще земля, где все люди с песьими головами.

Глаша. Отчего ж так, с песьими?

Феклуша. За неверность. Пойду я, милая девушка, по купечеству поброжу: не будет ли чего на бедность. Прощай покудова!

Глаша. Прощай!

Феклуша уходит.

Вот еще какие земли есть! Каких-то, каких-то чудес на свете нет! А мы тут сидим, ничего не знаем. Еще хорошо, что добрые люди есть; нет-нет да и услышишь, что на белом свету делается; а то бы так дураками и померли.

Входят Катерина и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Катерина и Варвара.

Варвара *(Глаше)*. Тащи узлы-то в кибитку, лошади приехали. *(Катерине.)* Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось; вот у тебя сердце-то и не уходилось еще.

Глаша уходит.

Катерина. И никогда не уходится.

Варвара. Отчего же?

Катерина. Такая уж я зародилась горячая! Я еще лет шести была, не больше, так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно, я выбежала на Волгу, села в лодку, да и отпихнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!

Варвара. Ну, а парни поглядывали на тебя?

Катерина. Как не поглядывать!

Варвара. Что же ты? Неужто не любила никого?

К а т е р и н а. Нет, смеялась только.

В а р в а р а. А ведь ты, Катя, Тихона не любишь.

К а т е р и н а. Нет, как не любить! Мне жалко его очень.

В а р в а р а. Нет, не любишь. Коли жалко, так не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь одного человека.

К а т е р и н а *(с испугом)*. Почем же ты заметила?

В а р в а р а. Как ты смешно говоришь! Маленькая я, что ли! Вот тебе первая примета: как ты увидишь его, вся в лице переменишься.

Катерина потупляет глаза.

Да мало ли...

К а т е р и н а *(потупившись)*. Ну, кого же?

В а р в а р а. Да ведь ты сама знаешь, что называть-то?

К а т е р и н а. Нет, назови! По имени назови!

В а р в а р а. Бориса Григорьича.

К а т е р и н а. Ну да, его, Варенька, его! Только ты, Варенька, ради бога...

В а р в а р а. Ну, вот еще! Ты сама-то, смотри, не проговорись как-нибудь.

К а т е р и н а. Обманывать-то я не умею; скрыть-то ничего не могу.

В а р в а р а. Ну, а ведь без этого нельзя; ты вспомни, где ты живешь! У нас весь дом на том держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, так его видела, говорила с ним.

К а т е р и н а *(после непродолжительного молчания, потупившись)*. Ну так что ж?

В а р в а р а. Кланяться тебе приказал. Жаль, говорит, что видеться негде.

К а т е р и н а *(потупившись еще более)*. Где же видеться! Да и зачем...

В а р в а р а. Скучный такой...

К а т е р и н а. Не говори мне про него, сделай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчик мой, ни на кого тебя не променяю! Я и думать-то не хотела, а ты меня смущаешь.

В а р в а р а. Да не думай, кто ж тебя заставляет?

К а т е р и н а. Не жалеешь ты меня ничего! Говоришь: не думай, а сама напоминаешь. Разве я хочу об нем думать; да что делать, коли из головы нейдет. Об чем ни задумаю, а он так и стоит перед глазами. И хочу себя переломить, да не могу никак.

Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять враг смущал. Ведь я было из дому ушла.

Варвара. Ты какая-то мудреная, бог с тобой! А по-моему: делай что хочешь, только бы шито да крыто было.

Катерина. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

Варвара. А не стерпится, что ж ты сделаешь?

Катерина. Что я сделаю?

Варвара. Да, что сделаешь?

Катерина. Что мне только захочется, то и сделаю.

Варвара. Сделай, попробуй, так тебя здесь заедят.

Катерина. А что мне! Я уйду, да и была таксва.

Варвара. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

Катерина. Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!

Молчание.

Варвара. Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.

Катерина. Ну зачем, Варя?

Варвара. Да нешто не все равно?

Катерина. Боюсь я в незнакомом-то месте ночевать.

Варвара. Чего бояться-то! Глаша с нами будет.

Катерина. Все как-то робко! Да я, пожалуй.

Варвара. Я б тебя и не звала, да меня-то одну маменька не пустит, а мне нужно.

Катерина *(смотря на нее)*. Зачем же тебе нужно?

Варвара *(смеется)*. Будем там ворожить с тобой.

Катерина. Шутишь, должно быть?

Варвара. Известно, шучу; а то неужто в самом деле?

Молчание.

Катерина. Где ж это Тихон-то?

Варвара. На что он тебе?

Катерина. Нет, я так. Ведь скоро едет.

Варвара. С маменькой сидят, запершись. Точит она его теперь, как ржа железо.

Катерина. За что же?

Варвара. Ни за что, так, уму-разуму учит. Две недели в дороге будет, заглазное дело! Сама посуди! У нее сердце все изноет, что он на своей воле гуляет. Вот она ему теперь и надает приказов, один другого грозней, да потом к образу поведет,

побожиться заставит, что все так точно он и сделает, как приказано.

К а т е р и н а. И на воле-то он словно связанный.

В а р в а р а. Да, как же, связанный! Он как выедет, так запьет. Он теперь слушает, а сам думает, как бы ему вырваться-то поскорей.

Входят К а б а н о в а и К а б а н о в.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же. К а б а н о в а и К а б а н о в.

К а б а н о в а. Ну, ты помнишь все, что я тебе сказала? Смотри ж, помни! На носу себе заруби!

К а б а н о в. Помню, маменька.

К а б а н о в а. Ну, теперь все готово. Лошади приехали, проститься тебе только, да и с богом.

К а б а н о в. Да-с, маменька, пора.

К а б а н о в а. Ну!

К а б а н о в. Чего изволите-с?

К а б а н о в а. Что ж ты стоишь, разве порядку не знаешь? Приказывай жене-то, как жить без тебя.

Катерина потупила глаза в землю.

К а б а н о в. Да она, чай, сама знает.

К а б а н о в а. Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай! Чтоб и я слышала, что ты ей приказываешь! А потом приедешь, спросишь, так ли все исполнила.

К а б а н о в *(становясь против Катерины)*. Слушайся маменьки, Катя!

К а б а н о в а. Скажи, чтоб не грубила свекрови.

К а б а н о в. Не груби!

К а б а н о в а. Чтоб почитала свекровь, как родную мать!

К а б а н о в. Почитай, Катя, маменьку, как родную мать!

К а б а н о в а. Чтоб сложа ручки не сидела, как барыня!

К а б а н о в. Работай что-нибудь без меня!

К а б а н о в а. Чтоб в окна глаз не пялила!

К а б а н о в. Да, маменька, когда ж она...

К а б а н о в а. Ну, ну!

К а б а н о в. В окна не гляди!

К а б а н о в а. Чтоб на молодых парней не заглядывалась без тебя!

К а б а н о в. Да что ж это, маменька, ей-богу!

К а б а н о в а *(строго)*. Ломаться-то нечего! Должен исполнять, что мать говорит. *(С улыбкой.)* Оно все лучше, как приказано-то.

К а б а н о в *(сконфузившись)*. Не заглядывайся на парней!

Катерина строго взглядывает на него.

К а б а н о в а. Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно. Пойдем, Варвара!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К а б а н о в и К а т е р и н а (стоит, как будто в оцепенении).

К а б а н о в. Катя!

Молчание.

Катя, ты на меня не сердишься?

К а т е р и н а *(после непродолжительного молчания, покачав головой)*. Нет!

К а б а н о в. Да что ты такая? Ну, прости меня!

К а т е р и н а *(все в том же состоянии, слегка покачав головой)*. Бог с тобой! *(Закрыв лицо рукою.)* Обидела она меня!

К а б а н о в. Все к сердцу-то принимать, так в чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей ведь что-нибудь надо ж говорить! Ну, и пущай она говорит, а ты мимо ушей пропущай. Ну, прощай, Катя!

К а т е р и н а *(кидаясь на шею мужу)*. Тиша, не уезжай! Ради бога, не уезжай! Голубчик, прошу я тебя!

К а б а н о в. Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!

К а т е р и н а. Ну, бери меня с собой, бери!

К а б а н о в *(освобождаясь из ее объятий)*. Да нельзя!

К а т е р и н а. Отчего же, Тиша, нельзя?

К а б а н о в. Куда как весело с тобой ехать! Вы меня уж заездили здесь совсем! Я не чаю, как вырваться-то, а ты еще навязываешься со мной.

К а т е р и н а. Да неужели же ты разлюбил меня?

К а б а н о в. Да не разлюбил; а с этакой-то неволи от какой хочешь красавицы жены убежишь! Ты подумай то: какой ни на есть, а я все-таки мужчина, всю жизнь вот этак жить, как ты видишь, так убежишь и от жены. Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, кандалов эких на ногах нет, так до жены ли мне?

К а т е р и н а. Как же мне любить-то тебя, когда ты такие слова говоришь?

К а б а н о в. Слова как слова! Какие же мне еще слова говорить! Кто тебя знает, чего ты боишься! Ведь ты не одна, ты с маменькой останешься.

К а т е р и н а. Не говори ты мне об ней, не тирань ты моего сердца! Ах, беда моя, беда! *(Плачет.)* Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться? Батюшки мои, погибаю я!

К а б а н о в. Да полно ты!

К а т е р и н а *(подходит к мужу и прижимается к нему)*. Тиша, голубчик, кабы ты остался, либо взял ты меня с собой, как бы я тебя любила, как бы я тебя голубила, моего милого! *(Ласкает его.)*

К а б а н о в. Не разберу я тебя, Катя! То от тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то так сама лезешь.

К а т е р и н а. Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть беде без тебя! Быть беде!

К а б а н о в. Ну, да ведь нельзя, так уж нечего делать.

К а т е р и н а. Ну, так вот что! Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную...

К а б а н о в. Какую клятву?

К а т е р и н а. Вот какую: чтобы не смела я без тебя ни под каким видом ни говорить ни с кем чужим, ни видеться, чтобы и думать я не смела ни о ком, кроме тебя.

К а б а н о в. Да на что ж это?

К а т е р и н а. Успокой ты мою душу, сделай такую милость для меня!

К а б а н о в. Как можно за себя ручаться, мало ль что может в голову прийти.

К а т е р и н а *(падая на колени)*. Чтоб не видать мне ни отца, ни матери! Умереть мне без покаяния, если я...

К а б а н о в *(поднимая ее)*. Что ты! Что ты! Какой грех-то! Я и слушать не хочу!

Голос К а б а н о в о й: «Пора, Тихон!»

Входят К а б а н о в а, В а р в а р а и Г л а ш а.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, К а б а н о в а, В а р в а р а и Г л а ш а.

К а б а н о в а. Ну, Тихон, пора! Поезжай с богом! *(Садится.)* Садитесь все!

Все садятся. Молчание.

Ну, прощай! *(Встает, и все встают.)*

К а б а н о в *(подходя к матери)*. Прощайте, маменька!

К а б а н о в а *(жестом показывает на землю)*. В ноги, в ноги!

Кабанов кланяется в ноги, потом целуется с матерью.

Прощайся с женою!

К а б а н о в. Прощай, Катя!

Катерина кидается ему на шею.

К а б а н о в а. Что на шею-то виснешь, бесстыдница! Не с любовником прощаешься! Он тебе муж — глава! Аль порядку не знаешь? В ноги кланяйся!

Катерина кланяется в ноги.

К а б а н о в. Прощай, сестрица! *(Целуется с Варварой.)* Прощай, Глаша! *(Целуется с Глашей.)* Прощайте, маменька! *(Кланяется.)*

К а б а н о в а. Прощай! Дальние проводы — лишние слезы.

Кабанов уходит, за ним Катерина, Варвара и Глаша.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К а б а н о в а *(одна)*. Молодость-то что значит! Смешно смотреть-то даже на них! Кабы не свои, насмеялась бы досыта. Ничего-то не знают, никакого порядка. Проститься-то путем не умеют. Хорошо еще, у кого в доме старшие есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на свою волю хотят, а выдут на волю-то, так и путаются на покор да смех добрым людям. Конечно, кто и пожалеет, а больше все смеются. Да не смеяться-то нельзя; гостей позовут, посадить не умеют, да еще, гляди, позабудут кого из родных. Смех, да и только! Так-то вот старина-то и выводится. В другой дом и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, так плюнешь да вон скорее. Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю. Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.

Входят К а т е р и н а и В а р в а р а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Кабанова, Катерина и Варвара.

Кабанова. Ты вот похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воет, лежит на крыльце; а тебе, видно, ничего.

Катерина. Не к чему! Да и не умею. Что народ-то смешить!

Кабанова. Хитрость-то не великая. Кабы любила, так бы выучилась. Коли порядком не умеешь, ты хоть бы пример-то этот сделала; все-таки пристойнее; а то, видно, на словах-то только. Ну, я богу молиться пойду; не мешайте мне.

Варвара. Я со двора пойду.

Кабанова *(ласково)*. А мне что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придет. Еще насидишься!

Уходят Кабанова и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Катерина *(одна, задумчиво)*. Ну, теперь тишина у нас в доме воцарится. Ах, какая скука! Хоть бы дети чьи-нибудь! Эко горе! Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать — ангелы ведь это. *(Молчание.)* Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка. *(Задумывается.)* А вот что сделаю: я начну работу какую-нибудь по обещанию; пойду в гостиный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным. Они за меня богу помолят. Вот и засядем шить с Варварой, и не увидим, как время пройдет; а тут Тиша приедет.

Входит Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Катерина и Варвара.

Варвара *(покрывает голову платком перед зеркалом)*. Я теперь гулять пойду; а ужо нам Глаша постелет постели в саду, маменька позволила. В саду, за малиной, есть калитка, ее маменька запирает на замок, а ключ прячет. Я его унесла, а ей подло-

жила другой, чтоб не заметила. На вот, может быть, понадобится. *(Подает ключ.)* Если увижу, так скажу, чтоб приходил к калитке.

Катерина *(с испугом отталкивая ключ)*. На что! На что! Не надо, не надо!

Варвара. Тебе не надо, мне понадобится; возьми, не укусит он тебя.

Катерина. Да что ты затеяла-то, греховодница! Можно ли это! Подумала ль ты? Что ты! Что ты!

Варвара. Ну, я много разговаривать не люблю; да и некогда мне. Мне гулять пора. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Катерина *(одна, держа ключ в руках)*. Что она это делает-то? Что она только придумывает? Ах, сумасшедшая, право, сумасшедшая! Вот погибель-то! Вот она! Бросить его, бросить далеко, в реку кинуть, чтоб не нашли никогда. Он руки-то жжет, точно уголь. *(Подумав.)* Вот так-то и гибнет наша сестра-то. В неволе-то кому весело! Мало ли что в голову-то придет. Вышел случай, другая и рада: так очертя голову и кинется. А как же это можно, не подумавши, не рассудивши-то! Долго ли в беду попасть! А там и плачься всю жизнь, мучайся; неволя-то еще горчее покажется. *(Молчание.)* А горька неволя, ох как горька! Кто от нее не плачет! А пуще всех мы, бабы. Вот хоть я теперь! Живу — маюсь, просвету себе не вижу! Да и не увижу, знать! Что дальше, то хуже. А теперь еще этот грех-то на меня. *(Задумывается.)* Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня... от нее мне и дом-то опостылел; стены-то даже противны. *(Задумчиво смотрит на ключ.)* Бросить его? Разумеется, надо бросить. И как он это ко мне в руки попал? На соблазн, на пагубу мою. *(Прислушивается.)* Ах, кто-то идет. Так сердце и упало. *(Прячет ключ в карман.)* Нет!.. Никого! Что я так испугалась! И ключ спрятала... Ну, уж, знать, там ему и быть! Видно, сама судьба того хочет! Да какой же в этом грех, если я взгляну на него раз, хоть издали-то! Да хоть и поговорю-то, так все не беда! А как же я мужу-то!.. Да ведь он сам не захотел. Да может, такого и случая-то еще во всю жизнь не выдет. Тогда и плачься на себя: был случай, да не умела пользоваться. Да что я говорю-то, что я себя обманываю? Мне хоть умереть, да увидеть его. Перед кем я притворяюсь-то!.. Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! Он мой теперь... Будь что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее!..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА 1-я

Улица. Ворота дома Кабанювых, перед воротами скамейка.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кабанова и Феклуша сидят на скамейке.

Феклуша. Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна, последние, по всем приметам последние. Еще у вас в городе рай и тишина, а по другим городам так просто содом, матушка: шум, беготня, езда беспрестанная! Народ-то так и снует, один туда, другой сюда.

Кабанова. Некуда нам торопиться-то, милая, мы и живем не спеша.

Феклуша. Нет, матушка, оттого у вас тишина в городе, что многие люди, вот хоть бы вас взять, добродетелями, как цветами, украшаются; оттого все и делается прохладно и благочинно. Ведь эта беготня-то, матушка, что значит? Ведь это суета! Вот хоть бы в Москве; бегает народ взад да вперед неизвестно зачем. Вот она суета-то и есть. Суетный народ, матушка Марфа Игнатьевна, вот он и бегает. Ему представляется-то, что он за делом бежит; торопится, бедный: людей не узнает, ему мерещится, что его манит некто; а придет на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна. И пойдет в тоске. А другому мерещится, что будто он догоняет кого-то знакомого. Со стороны-то свежий человек сейчас видит, что никого нет; а тому-то все кажется от суеты, что он догоняет. Суета-то ведь она вроде тумана бывает. Вот у вас в этакой прекрасный вечер редко кто и за вороты-то выдет посидеть; а в Москве-то теперь гульбища да игрища, а по улицам-то инда грохот идет; стон стоит. Да чего, матушка Марфа Игнатьевна, огненного змия стали запрягать: все, видишь, для-ради скорости.

Кабанова. Слышала я, милая.

Феклуша. А я, матушка, так своими глазами видела; конечно, другие от суеты не видят ничего, так он им машиной показывается, они машиной и называют, а я видела, как он лапами-то вот так *(растопыривает пальцы)* делает. Ну, и стон, которые люди хорошей жизни, так слышат.

Кабанова. Назвать-то всячески можно, пожалуй, хоть машиной назови; народ-то глуп, будет всему верить. А меня хоть ты золотом осыпь, так я не поеду.

Ф е к л у ш а. Что за крайности, матушка! Сохрани господи от такой напасти! А вот еще, матушка Марфа Игнатьевна, было мне в Москве видение некоторое. Иду я рано поутру, еще чуть брезжится, и вижу на высоком-превысоком доме, на крыше, стоит кто-то, лицом черен. Уж сами понимаете кто. И делает он руками, как будто сыпет что, а ничего не сыпется. Тут я догадалась, что это он плевелы сыпет, а народ днем в суете-то в своей невидимо и подберет. Оттого-то они так и бегают, оттого и женщины-то у них все такие худые, тела-то никак не нагуляют, да как будто они что потеряли, либо чего ищут: в лице печаль, даже жалко.

К а б а н о в а. Все может быть, моя милая! В наши времена чего дивиться!

Ф е к л у ш а. Тяжелые времена, матушка Марфа Игнатьевна, тяжелые. Уж и время-то стало в умаление приходить.

К а б а н о в а. Как так, милая, в умаление?

Ф е к л у ш а. Конечно, не мы, где нам заметить в суете-то! А вот умные люди замечают, что у нас и время-то короче становится. Бывало, лето и зима-то тянутся-тянутся, не дождешься, когда кончатся; а нынче и не увидишь, как пролетят. Дни-то и часы все те же как будто остались; а время-то, за наши грехи, все короче и короче делается. Вот что умные-то люди говорят.

К а б а н о в а. И хуже этого, милая, будет.

Ф е к л у ш а. Нам-то бы только не дожить до этого.

К а б а н о в а. Может, и доживем.

Входит Д и к о й.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Д и к о й.

К а б а н о в а. Что это ты, кум, бродишь так поздно?

Д и к о й. А кто ж мне запретит?

К а б а н о в а. Кто запретит! кому нужно!

Д и к о й. Ну и, значит, нечего разговаривать. Что я, под началом, что ль, у кого? Ты еще что тут! Какого еще тут черта водяного!..

К а б а н о в а. Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебе дорога! Ступай своей дорогой, куда шел. Пойдем, Феклуша, домой. *(Встает.)*

Д и к о й. Постой, кума, постой! Не сердись. Еще успеешь дома-то быть: дом-то твой не за горами. Вот он!

К а б а н о в а. Коли ты за делом, так не ори, а говори толком.

Д и к о й. Никакого дела нет, а я хмелён, вот что!

К а б а н о в а. Что ж ты мне теперь хвалить тебя прикажешь за это?

Д и к о й. Ни хвалить, ни бранить. А значит, я хмелён; ну, и кончено дело. Пока не просплюсь, уж этого дела поправить нельзя.

К а б а н о в а. Так ступай, спи!

Д и к о й. Куда же это я пойду?

К а б а н о в а. Домой. А то куда же!

Д и к о й. А коли я не хочу домой-то?

К а б а н о в. Отчего же это, позволь тебя спросить?

Д и к о й. А потому что у меня там война идет.

К а б а н о в а. Да кому ж там воевать-то? Ведь ты один только там воин-то и есть.

Д и к о й. Ну так что ж, что я воин? Ну, что ж из этого?

К а б а н о в а. Что? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь с бабами. Вот что.

Д и к о й. Ну, значит, они и должны мне покоряться. А то я, что ли, покоряться стану!

К а б а н о в а. Уж немало я дивлюсь на тебя: столько у тебя народу в доме, а на тебя на одного угодить не могут.

Д и к о й. Вот поди ж ты!

К а б а н о в а. Ну, что ж тебе нужно от меня?

Д и к о й. А вот что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло. Ты только одна во всем городе умеешь меня разговорить.

К а б а н о в а. Поди, Феклуша, вели приготовить закусить что-нибудь.

Феклуша уходит.

Пойдем в покои!

Д и к о й. Нет, я в покои не пойду, в покоях я хуже.

К а б а н о в а. Чем же тебя рассердили-то?

Д и к о й. Еще с утра с самого.

К а б а н о в а. Должно быть, денег просили.

Д и к о й. Точно сговорились, проклятые; то тот, то другой целый день пристают.

К а б а н о в а. Должно быть, надо, коли пристают.

Д и к о й. Понимаю я это; да что ж ты мне прикажешь с собой делать, когда у меня сердце такое! Ведь уж знаю, что надо отдать, а все добром не могу. Друг ты мне, и я тебе должен отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдам, отдам, а обругаю. Потому только заикнись мне о деньгах, у меня всю нутренную разжигать станет; всю нутренную вот разжигает, да и только; ну, и в те поры ни за что обругаю человека.

К а б а н о в а. Нет над тобой старших, вот ты и куражишься.

Д и к о й. Нет, ты, кума, молчи! Ты слушай! Вот какие со мной истории бывали. О посту как-то, о великом, я говел, а тут нелегкая и подсунь мужичонка; за деньгами пришел, дрова возил. И принесло ж его на грех-то в такое время! Согрешил-таки; изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил. Вот оно, какое сердце-то у меня! После прощенья просил, в ноги кланялся, право, так. Истинно тебе говорю, мужику в ноги кланялся. Вот до чего меня сердце доводит: тут на дворе, в грязи ему и кланялся; при всех ему кланялся.

К а б а н о в а. А зачем ты нарочно-то себя в сердце приводишь? Это, кум, нехорошо.

Д и к о й. Как так нарочно?

К а б а н о в а. Я видала, я знаю. Ты коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотят, ты возьмешь да нарочно из своих на кого-нибудь и накинешься, чтобы рассердиться; потому что ты знаешь, что к тебе сердитому никто уж не пойдет. Вот что, кум!

Д и к о й. Ну, что ж такое? Кому своего добра не жалко!

Г л а ш а входит.

Г л а ш а. Марфа Игнатьевна, закусить поставлено, пожалуйте!

К а б а н о в а. Что ж, кум, зайди! Закуси чем бог послал!

Д и к о й. Пожалуй.

К а б а н о в а Милости просим! *(Пропускает вперед Дикого и уходит за ним.)*

Глаша, сложа руки, стоит у ворот.

Г л а ш а. Никак, Борис Григорьич идет. Уж не за дядей ли? Аль так гуляет? Должно, так гуляет.

Входит Б о р и с.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г л а ш а, Б о р и с, потом К у л и г и н.

Б о р и с. Не у вас ли дядя?

Г л а ш а. У нас. Тебе нужно, что ль, его?

Б о р и с. Послали из дому узнать, где он. А коли у вас, так пусть сидит: кому его нужно. Дома-то рады-радехоньки, что ушел.

Г л а ш а. Нашей бы хозяйке за ним быть, она б его скоро прекратила. Что ж я, дура, стою-то с тобой! Прощай! *(Уходит.)*

Б о р и с. Ах ты, господи! Хоть бы одним глазком взглянуть на нее! В дом войти нельзя; здесь незваные не ходят. Вот жизнь-то! Живем в одном городе, почти рядом, а увидишься раз в неделю, и то в церкви либо на дороге, вот и все! Здесь что вышла замуж, что схоронили, все равно. *(Молчание.)* Уж совсем бы мне ее не видать: легче бы было! А то видишь урывками, да еще при людях; во сто глаз на тебя смотрят. Только сердце надрывается. Да и с собой-то не сладишь никак. Пойдешь гулять, а очутишься всегда здесь у ворот. И зачем я хожу сюда? Видеть ее никогда нельзя, а еще, пожалуй, разговор какой выдет, ее-то в беду введешь. Ну, попал я в городок! *(Идет, ему навстречу Кулигин.)*

К у л и г и н. Что, сударь? Гулять изволите?

Б о р и с. Да, так гуляю себе, погода очень хороша нынче.

К у л и г и н. Очень хорошо, сударь, гулять теперь. Тишина, воздух отличный, из-за Волги с лугов цветами пахнет, небо чистое...

Открылась бездна звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна.

Пойдемте, сударь, на бульвар, ни души там нет.

Б о р и с. Пойдемте!

К у л и г и н. Вот какой, сударь, у нас городишко! Бульвар сделали, а не гуляют. Гуляют только по праздникам, и то один вид делают, что гуляют, а сами ходят туда наряды показывать. Только пьяного приказного и встретишь, из трактира домой плетется. Бедным гулять, сударь, некогда, у них день и ночь забота. И спят-то всего часа три в сутки. А богатые-то что делают? Ну, что бы, кажется, им не гулять, не дышать свежим воздухом? Так нет. У всех давно ворота, сударь, заперты и собаки спущены. Вы думаете, они дело делают, либо богу молятся? Нет, сударь! И не от воров они запираются, а чтоб люди не видали, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят. И что слез льется за этими запорами, невидимых и неслышимых! Да что вам говорить, сударь! По себе можете судить. И что, сударь, за этими замками разврату темного да пьянства! И все шито да крыто — никто ничего не видит и не знает, видит только один бог! Ты, говорит, смотри в людях меня да на улице; а до семьи моей тебе дела нет; на это, говорит, у меня есть замки, да запоры, да собаки злые. Семья, говорит, дело тайное, секретное! Знаем мы эти секреты-то! От этих секретов-то, сударь, ему только одному весело, а остальные — волком воют. Да и что за секрет? Кто его не знает! Ограбить сирот, родственников, племянников, заколотить домашних так, чтобы ни об чем, что он там творит, пикнуть не смели. Вот и весь секрет. Ну, да бог с ними! А знаете, сударь, кто у нас гуляет? Молодые

парни да девушки. Так эти у сна воруют часик-другой, ну и гуляют парочками. Да вот пара!

Показываются К у д р я ш и В а р в а р а. Целуются.

Б о р и с. Целуются.

К у л и г и н. Это у нас нужды нет.

Кудряш уходит, а Варвара подходит к своим воротам и манит Бориса. Он подходит.

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

Б о р и с, К у л и г и н и В а р в а р а.

К у л и г и н. Я, сударь, на бульвар пойду. Что вам мешать-то? Там и подожду.

Б о р и с. Хорошо, я сейчас приду.

Кулигин уходит.

В а р в а р а *(закрываясь платком)*. Знаешь овраг за Кабановым садом?

Б о р и с. Знаю.

В а р в а р а. Приходи туда ужó попозже.

Б о р и с. Зачем?

В а р в а р а. Какой ты глупый! Приходи, там увидишь зачем. Ну, ступай скорей, тебя дожидаются.

Борис уходит.

Не узнал ведь! Пущай теперь подумает. А ужотка я знаю, что Катерина не утерпит, выскочит. *(Уходит в ворота.)*

СЦЕНА 2-я

Ночь. Овраг, покрытый кустами; наверху забор сада Кабановых и калитка; сверху тропинка.

Я В Л Е Н И Е П Е Р В О Е

К у д р я ш *(входит с гитарой)*. Нет никого. Что ж это она там! Ну, посидим да подождем. *(Садится на камень.)* Да со скуки песенку споем. *(Поет.)*

Как донской-то казак, казак вел коня поить,
Добрый молодец, уж он у ворот стоит,
У ворот стоит, сам он думу думает,

Думу думает, как будет жену губить.
Как жена-то, жена мужу возмолилася,
Во скоры́-то ноги ему поклонилася:
Уж ты, батюшка, ты ли мил сердечный друг!
Ты не бей, не губи ты меня со вечера!
Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай уснуть моим малым детушкам,
Малым детушкам, всем ближним соседушкам.

Входит Борис.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кудряш и Борис.

Кудряш *(перестает петь)*. Ишь ты! Смирен, смирен, а тоже в разгул пошел.

Борис. Кудряш, это ты?

Кудряш. Я, Борис Григорьич!

Борис. Зачем это ты здесь?

Кудряш. Я-то? Стало быть, мне нужно, Борис Григорьич, коли я здесь. Без надобности б не пошел. Вас куда бог несет?

Борис *(оглядывая местность)*. Вот что, Кудряш: мне бы нужно здесь остаться, а тебе ведь, я думаю, все равно, ты можешь идти и в другое место.

Кудряш. Нет, Борис Григорьич, вы, я вижу, здесь еще в первый раз, а у меня уж тут место насиженное, и дорожка-то мной протоптана. Я вас люблю, сударь, и на всякую вам услугу готов; а на этой дорожке вы со мной ночью не встречайтесь, чтобы, сохрани господи, греха какого не вышло. Уговор лучше денег.

Борис. Что с тобой, Ваня?

Кудряш. Да что: Ваня! Я знаю, что я Ваня. А вы идите своей дорогой, вот и все. Заведи себе сам, да и гуляй себе с ней, и никому до тебя дела нет. А чужих не трогай! У нас так не водится, а то парни ноги переломают. Я за свою... да я и не знаю, что сделаю! Горло перерву!

Борис. Напрасно ты сердишься; у меня и на уме-то нет отбивать у тебя. Я бы и не пришел сюда, кабы мне не велели.

Кудряш. Кто ж велел?

Борис. Я не разобрал, темно было. Девушка какая-то остановила меня на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришел, сзади сада Кабановых, где тропинка.

Кудряш. Кто ж бы это такая?

Борис. Послушай, Кудряш. Можно с тобой поговорить по душе, ты не разболтаешь?

К у д р я ш. Говорите, не бойтесь! У меня все одно что умерло.

Б о р и с. Я здесь ничего не знаю, ни порядков ваших, ни обычаев; а дело-то такое...

К у д р я ш. Полюбили, что ль, кого?

Б о р и с. Да, Кудряш.

К у д р я ш. Ну, что ж, это ничего. У нас насчет этого слободно. Девки гуляют себе, как хотят, отцу с матерью и дела нет. Только бабы взаперти сидят.

Б о р и с. То-то и горе мое.

К у д р я ш. Так неужто ж замужнюю полюбили?

Б о р и с. Замужнюю, Кудряш.

К у д р я ш. Эх, Борис Григорьич, бросить надоть!

Б о р и с. Легко сказать — бросить! Тебе это, может быть, все равно: ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! Уж я коли полюбил...

К у д р я ш. Ведь это, значит, вы ее совсем загубить хотите, Борис Григорьич!

Б о р и с. Сохрани господи! Сохрани меня господи! Нет, Кудряш, как можно! Захочу ли я ее погубить! Мне только бы видеть ее где-нибудь, мне больше ничего не надо.

К у д р я ш. Как, сударь, за себя поручиться! А ведь здесь какой народ! Сами знаете. Съедят, в гроб вколотят.

Б о р и с. Ах, не говори этого, Кудряш! пожалуйста, не пугай ты меня!

К у д р я ш. А она-то вас любит?

Б о р и с. Не знаю.

К у д р я ш. Да вы видались когда аль нет?

Б о р и с. Я один раз только и был у них с дядей. А то в церкви вижу, на бульваре встречаемся. Ах, Кудряш, как она молится, кабы ты посмотрел! Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится.

К у д р я ш. Так это молодая Кабанова, что ль?

Б о р и с. Она, Кудряш.

К у д р я ш. Да! Так вот оно что! Ну, честь имеем проздравить!

Б о р и с. С чем?

К у д р я ш. Да как же! Значит, у вас дело на лад идет, коли сюда приходить велели.

Б о р и с. Так неужто она велела?

К у д р я ш. А то кто же?

Б о р и с. Нет, ты шутишь! Этого быть не может. *(Хватается за голову.)*

К у д р я ш. Что с вами?

Б о р и с. Я с ума сойду от радости.

К у д р я ш. Вота! Есть от чего с ума сходить! Только вы смотрите, себе хлопот не наделайте, да и ее-то в беду не введите! Положим, хоть у нее муж и дурак, да свекровь-то больно люта.

В а р в а р а выходит из калитки.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и В а р в а р а, потом К а т е р и н а.

В а р в а р а *(у калитки поет).*

За рекою за быстрою мой Ваня гуляет,
Там мой Ванюшка гуляет...

К у д р я ш *(продолжает).*

Товар закупает.

(Свищет).

В а р в а р а *(сходит по тропинке и, закрыв лицо платком, подходит к Борису).* Ты, парень, подожди. Дождешься чего-нибудь. *(Кудряшу.)* Пойдем на Волгу.

К у д р я ш. Ты что ж так долго? Ждать вас еще! Знаешь, что не люблю!

Варвара обнимает его одной рукой, и уходят.

Б о р и с. Точно я сон какой вижу! Эта ночь, песни, свидания! Ходят обнявшись. Это так ново для меня, так хорошо, так весело! Вот и я жду чего-то! А чего жду — и не знаю, и вообразить не могу; только бьется сердце, да дрожит каждая жилка. Не могу даже и придумать теперь, что сказать-то ей, дух захватывает, подгибаются колени! Вот какое у меня сердце глупое, раскипится вдруг, ничем не унять. Вот идет.

К а т е р и н а тихо сходит по тропинке, покрытая большим белым платком, потупив глаза в землю. Молчание.

Это вы Катерина Петровна?

Молчание.

Уж как мне благодарить вас, я и не знаю.

Молчание.

Кабы вы знали, Катерина Петровна, как я люблю вас! *(Хочет взять ее за руку.)*

К а т е р и н а *(с испугом, но не подымая глаз).* Не трогай, не трогай меня! Ах, ах!

Б о р и с. Не сердитесь!

К а т е р и н а. Поди от меня! Поди прочь, окаянный человек! Ты знаешь ли: ведь мне не замолить этого греха, не замолить никогда! Ведь он камнем ляжет на душу, камнем.

Б о р и с. Не гоните меня!

К а т е р и н а. Зачем ты пришел? Зачем ты пришел, погубитель мой? Ведь я замужем, ведь мне с мужем жить до гробовой доски...

Б о р и с. Вы сами велели мне прийти...

К а т е р и н а. Да пойми ты меня, враг ты мой: ведь до гробовой доски!

Б о р и с. Лучше б мне не видать вас!

К а т е р и н а *(с волнением)*. Ведь что я себе готовлю. Где мне место-то, знаешь ли?

Б о р и с. Успокойтесь! *(Берет ее за руку.)* Сядьте!

К а т е р и н а. Зачем ты моей погибели хочешь?

Б о р и с. Как же я могу хотеть вашей погибели, когда я люблю вас больше всего на свете, больше самого себя!

К а т е р и н а. Нет, нет! Ты меня загубил!

Б о р и с. Разве я злодей какой?

К а т е р и н а *(качая головой)*. Загубил, загубил, загубил!

Б о р и с. Сохрани меня бог! Пусть лучше я сам погибну!

К а т е р и н а. Ну как же ты не загубил меня, коли я, бросивши дом, ночью иду к тебе.

Б о р и с. Ваша воля была на то.

К а т е р и н а. Нет у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я к тебе. *(Поднимает глаза и смотрит на Бориса.)*

Небольшое молчание.

Твоя теперь воля надо мной, разве ты не видишь! *(Кидается к нему на шею.)*

Б о р и с *(обнимает Катерину)*. Жизнь моя!

К а т е р и н а. Знаешь что? Теперь мне умереть вдруг захотелось!

Б о р и с. Зачем умирать, коли нам жить так хорошо?

К а т е р и н а. Нет, мне не жить! Уж я знаю, что не жить.

Б о р и с. Не говори, пожалуйста, таких слов, не печаль меня...

К а т е р и н а. Да, тебе хорошо, ты вольный казак, а я!..

Б о р и с. Никто и не узнает про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалею!

К а т е р и н а. Э! Что меня жалеть, никто виноват — сама на то пошла. Не жалей, губи меня! Пусть все знают, пусть все ви-

дят, что я делаю! *(Обнимает Бориса.)* Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда? Говорят, даже легче бывает, когда за какой-нибудь грех здесь, на земле, натерпишься.

Борис. Ну, что об этом думать, благо нам теперь-то хорошо!

Катерина. И то! Надуматься-то да наплакаться-то еще успею на досуге.

Борис. А я было испугался, я думал, ты меня прогонишь.

Катерина *(улыбаясь)*. Прогнать! Где уж! С нашим ли сердцем! Кабы ты не пришел, так я, кажется, сама бы к тебе пришла.

Борис. Я и не знал, что ты меня любишь.

Катерина. Давно люблю. Словно на грех ты к нам приехал. Как увидела тебя, так уж не своя стала. С первого же раза, кажется, кабы ты поманил меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край света, я бы все шла за тобой и не оглянулась бы.

Борис. Надолго ль муж-то уехал?

Катерина. На две недели.

Борис. О, так мы погуляем! Время-то довольно.

Катерина. Погуляем. А там... *(Задумывается.)* Как запрут на замок, вот смерть! А не запрут, так уж найду случай повидаться с тобой!

Входят Кудряш и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Кудряш и Варвара.

Варвара. Ну, что, сладили?

Катерина прячет лицо у Бориса на груди.

Борис. Сладили.

Варвара. Пошли бы погуляли, а мы подождем. Когда нужно будет, Ваня крикнет.

Борис и Катерина уходят. Кудряш и Варвара садятся на камень.

Кудряш. А это вы важную штуку придумали, в садовую калитку лазить. Оно для нашего брата оченно способно.

Варвара. Все я.

Кудряш. Уж тебя взять на это. А мать-то не хватится?..

Варвара. Э! Куда ей! Ей и в лоб-то не влетит.

Кудряш. А ну, на грех?

Варвара. У нее первый сон крепок: вот к утру, так просыпается.

Кудряш. Да ведь как знать! Вдруг ее нелегкая поднимет.

Варвара. Ну так что ж! У нас калитка-то, которая со двора, изнутри заперта, из саду; постучит, постучит, да так и пойдет. А поутру мы скажем, что крепко спали, не слыхали. Да и Глаша стережет; чуть что, она сейчас голос подаст. Без опаски нельзя! Как же можно! Того гляди, в беду попадешь.

Кудряш берет несколько аккордов на гитаре. Варвара прилегает к плечу Кудряша, который, не обращая внимания, тихо играет.

Варвара *(зевая)*. Как бы это узнать, который час?

Кудряш. Первый.

Варвара. Почем ты знаешь?

Кудряш. Сторож в доску бил.

Варвара *(зевая)*. Пора. Покричи-ка! Завтра мы пораньше выдем, так побольше погуляем.

Кудряш *(свищет и громко запевает)*.

Все домой, все домой!
А я домой не хочу.

Борис *(за сценой)*. Слышу!

Варвара *(встает)*. Ну, прощай! *(Зевает, потом целует холодно, как давно знакомого.)* Завтра смотрите приходите пораньше! *(Смотрит в ту сторону, куда пошли Борис и Катерина.)* Будет вам прощаться-то, не навек расстаетесь, завтра увидитесь. *(Зевает и потягивается.)*

Вбегают Катерина, за ней Борис.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кудряш, Варвара, Борис и Катерина.

Катерина *(Варваре)*. Ну, пойдем, пойдем! *(Всходят по тропинке. Катерина оборачивается.)* Прощай!

Борис. До завтра.

Катерина. Да, до завтра! Что во сне увидишь, скажи! *(Подходит к калитке.)*

Борис. Непременно.

Кудряш *(поет под гитару)*.

Гуляй, млада, до поры,
До вечерней до зари!
Ай-лели, до поры,
До вечерней до зари.

Варвара *(у калитки).*

А я, млада, до поры,
До утренней до зари,
Ай-лели, до поры,
До утренней до зари!
(Уходит.)

Кудряш.

Как зорюшка занялась,
А я домой поднялась
и т. д.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

На первом плане узкая галерея со сводами старинной, начинающей разрушаться постройки; кой-где трава и кусты; за арками берег и вид на Волгу.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несколько гуляющих обоего пола проходят за арками.

1 - й. Дождь накрапывает, как бы гроза не собралась?

2 - й. Гляди, сберется.

1 - й. Еще хорошо, что есть где схорониться.

Входят все под своды.

Женщина. А что народу-то гуляет на бульваре! День праздничный, все повышли. Купчихи такие разряженные.

1 - й. Попрячутся куда-нибудь.

2 - й. Гляди, что теперь народу сюда набьется!

1 - й *(осматривая стены).* А ведь тут, братец ты мой, когда-нибудь, значит, расписано было. И теперь еще местами означает.

2 - й. Ну да, как же! Само собой, что расписано было. Теперь, ишь ты, все впусте оставлено, развалилось, заросло. После пожару так и не поправляли. Да ты и пожару-то этого не помнишь, этому лет сорок будет.

1 - й. Что бы это такое, братец ты мой, тут нарисовано было; довольно затруднительно это понимать.

2 - й. Это геенна огненная.

1 - й. Так, братец ты мой!

2 - й. И едут туда всякого звания люди.

1 - й. Так, так, понял теперь.

2 - й. И всякого чину.

1- й. И арапы?

2 - й. И арапы.

1 - й. А это, братец ты мой, что такое?

2 - й. А это Литовское разорение. Битва́! видишь? Как наши с Литвой бились.

1 - й. Что ж это такое Литва?

2 - й. Так она Литва и есть.

1 - й. А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала.

2 - й. Не умею тебе сказать. С неба так с неба.

Ж е н щ и н а. Толкуй еще! Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны.

1 - й. А что, братец ты мой! Ведь это так точно.

Входят Д и к о й и за ним К у л и г и н без шапки. Все кланяются и принимают почтительное положение.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Д и к о й и К у л и г и н.

Д и к о й. Ишь ты, замочило всего. *(Кулигину.)* Отстань ты от меня! Отстань! *(С сердцем.)* Глупый человек!

К у л и г и н. Савел Прокофьич, ведь от этого, ваше степенство, для всех вообще обывателей польза.

Д и к о й. Поди ты прочь! Какая польза! Кому нужна эта польза?

К у л и г и н. Да хоть бы для вас, ваше степенство, Савел Прокофьич. Вот бы, сударь, на бульваре, на чистом месте, и поставить. А какой расход? Расход пустой: столбик каменный *(показывает жестами размер каждой вещи)*, дощечку медную, такую круглую, да шпильку, вот шпильку прямую *(показывает жестом)*, простую самую. Уж я все это прилажу, и цифры вырежу уже все сам. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять, или прочие, которые гуляющие, сейчас подойдете и видите, который час. А то этакое место прекрасное, и вид, и все, а как будто пусто. У нас тоже, ваше степенство, и проезжие бывают, ходят туда наши виды смотреть, все-таки украшение — для глаз оно приятней.

Д и к о й. Да что ты ко мне лезешь со всяким вздором! Может, я с тобой и говорить-то не хочу. Ты должен был прежде узнать, в расположении ли я тебя слушать, дурака, или нет. Что я тебе — ровный, что ли? Ишь ты, какое дело нашел важное! Так прямо с рылом-то и лезет разговаривать.

К у л и г и н. Кабы я со своим делом лез, ну, тогда был бы я виноват. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну, что значит для общества каких-нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Д и к о й. А может, ты украсть хочешь; кто тебя знает.

К у л и г и н. Коли я свои труды хочу даром положить, что же я могу украсть, ваше степенство? Да меня здесь все знают; про меня никто дурно не скажет.

Д и к о й. Ну, и пущай знают, а я тебя знать не хочу.

К у л и г и н. За что, сударь, Савел Прокофьич, честного человека обижать изволите?

Д и к о й. Отчет, что ли, я стану тебе давать! Я и поважней тебя никому отчета не даю. Хочу так думать о тебе, так и думаю. Для других ты честный человек, а я думаю, что ты разбойник, вот и все. Хотелось тебе это слышать от меня? Так вот слушай! Говорю, что разбойник, и конец! Что ж ты, судиться, что ли, со мной будешь? Так ты знай, что ты червяк. Захочу — помилую, захочу — раздавлю.

К у л и г и н. Бог с вами, Савел Прокофьич! Я, сударь, маленький человек, меня обидеть недолго. А я вам вот что доложу, ваше степенство: «И в рубище почтенна добродетель!»

Д и к о й. Ты у меня грубить не смей! Слышишь ты!

К у л и г и н. Никакой я грубости вам, сударь, не делаю, а говорю вам потому, что, может быть, вы и вздумаете когда что-нибудь для города сделать. Силы у вас, ваше степенство, много; была б только воля на доброе дело. Вот хоть бы теперь то возьмем: у нас грозы частые, а не заведем мы громовых отводов.

Д и к о й *(гордо)*. Все суета!

К у л и г и н. Да какая же суета, когда опыты были.

Д и к о й. Какие такие там у тебя громовые отводы?

К у л и г и н. Стальные.

Д и к о й *(с гневом)*. Ну, еще что?

К у л и г и н. Шесты стальные.

Д и к о й *(сердясь более и более)*. Слышал, что шесты, аспид ты этакой; да еще-то что? Наладил: шесты! Ну, а еще что?

К у л и г и н. Ничего больше.

Д и к о й. Да гроза-то что такое по-твоему, а? Ну, говори!

К у л и г и н. Электричество.

Д и к о й *(топнув ногой)*. Какое еще там елестричество! Ну как же ты не разбойник! Гроза-то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости господи, обороняться. Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А? говори! Татарин?

К у л и г и н. Савел Прокофьич, ваше степенство, Державин сказал:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю.

Д и к о й. А за эти вот слова тебя к городничему отправить, так он тебе задаст! Эй, почтенные! прислушайте-ка, что он говорит!

К у л и г и н. Нечего делать, надо покориться! А вот когда будет у меня миллион, тогда я поговорю. *(Махнув рукой, уходит.)*

Д и к о й. Что ж ты, украдешь, что ли, у кого? Держите его! Этакой фальшивый мужичонка! С этим народом какому надо быть человеку? Я уж не знаю. *(Обращаясь к народу.)* Да вы, проклятые, хоть кого в грех введете! Вот не хотел нынче сердиться, а он, как нарочно, рассердил-таки. Чтоб ему провалиться! *(Сердито.)* Перестал, что ль, дождик-то?

1 - й. Кажется, перестал.

Д и к о й. Кажется! А ты, дурак, сходи да посмотри. А то: кажется!

1 - й. *(выйдя из-под сводов)*. Перестал!

Дикой уходит, и все за ним. Сцена несколько времени пуста. Под своды быстро входит В а р в а р а и, притаившись, высматривает.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

В а р в а р а и потом Б о р и с.

В а р в а р а. Кажется, он!

Борис проходит в глубине сцены.

Сс-сс!

Борис оглядывается.

Поди сюда.

Манит рукой, Б о р и с входит.

Что нам с Катериной-то делать? Скажи на милость!

Б о р и с А что?

В а р в а р а. Беда ведь, да и только. Муж приехал, ты знаешь ли это? И не ждали его, а он приехал.

Б о р и с. Нет, я не знал.

В а р в а р а. Она просто сама не своя сделалась.

Б о р и с. Видно, только я и пожил десять деньков, пока его не было. Уж теперь и не увидишь ее!

В а р в а р а. Ах ты какой! Да ты слушай! Дрожит вся, точно ее лихорадка бьет; бледная такая, мечется по дому, точно чего

ищет. Глаза как у помешанной! Давеча утром плакать принялась, так и рыдает. Батюшки мои! что мне с ней делать?

Борис. Да, может быть, пройдет это у нее!

Варвара. Ну, уж едва ли. На мужа не смеет глаз поднять. Маменька замечать это стала, ходит да все на нее косится, так змеей и смотрит; а она от этого еще хуже. Просто мука глядеть-то на нее! Да и я боюсь.

Борис. Чего же ты боишься?

Варвара. Ты ее не знаешь! Она ведь чудная какая-то у нас. От нее все станется! Таких дел наделает, что...

Борис. Ах, боже мой! Что же делать-то? Ты бы с ней поговорила хорошенько. Неужли уж нельзя ее уговорить?

Варвара. Пробовала. И не слушает ничего. Лучше и не подходи.

Борис. Ну, как же ты думаешь, что она может сделать?

Варвара. А вот что: бухнет мужу в ноги, да и расскажет все. Вот чего я боюсь.

Борис *(с испугом)*. Может ли это быть!

Варвара. От нее все может быть.

Борис. Где она теперь?

Варвара. Сейчас с мужем на бульвар пошли, и маменька с ними. Пройди и ты, коли хочешь. Да нет, лучше не ходи, а то она, пожалуй, и вовсе растеряется.

Вдали удары грома.

Никак, гроза? *(Выглядывает.)* Да и дождик. А вот и народ повалил. Спрячься там где-нибудь, а я тут на виду стану, чтоб не подумали чего.

Входят несколько лиц разного звания и пола.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Разные лица и потом Кабанова, Кабанов, Катерина и Кулигин.

1 - й. Должно быть, бабочка-то очень боится, что так торопится спрятаться.

Женщина. Да уж как ни прячься! Коли кому на роду написано, так никуда не уйдешь.

Катерина *(вбегая)*. Ах! Варвара! *(Хватает ее за руку и держит крепко.)*

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Смерть моя!

Варвара. Да ты одумайся! Соберись с мыслями!

Катерина. Нет! Не могу. Ничего не могу. У меня уж очень сердце болит.

Кабанова *(входя)*. То-то вот, надо жить-то так, чтобы всегда быть готовой ко всему; страху-то бы такого не было.

Кабанов. Да какие ж, маменька, у нее грехи такие могут быть особенные? Все такие же, как и у всех у нас, а это так уж она от природы боится.

Кабанова. А ты почем знаешь? Чужая душа потемки.

Кабанов *(шутя)*. Уж разве без меня что-нибудь, а при мне, кажись, ничего не было.

Кабанова. Может быть, и без тебя.

Кабанов *(шутя)*. Катя, кайся, брат, лучше, коли в чем грешна. Ведь от меня не скроешься: нет, шалишь! Все знаю!

Катерина *(смотрит в глаза Кабанову)*. Голубчик мой!

Варвара. Ну что ты пристаешь! Разве не видишь, что ей без тебя тяжело.

Борис выходит из толпы и раскланивается с Кабановым.

Катерина *(вскрикивает)*. Ах!

Кабанов. Что ты испугалась! Ты думала, чужой? Это знакомый! Дядюшка здоров ли?

Борис. Слава богу!

Катерина *(Варваре)*. Чего ему еще надо от меня?.. Иль ему мало этого, что я так мучаюсь. *(Приклоняясь к Варваре, рыдает.)*

Варвара *(громко, чтобы мать слышала)*. Мы с ног сбились, не знаем, что делать с ней; а тут еще посторонние лезут! *(Делает Борису знак, тот отходит к самому выходу.)*

Кулигин *(выходит на середину, обращаясь к толпе)*. Ну чего вы боитесь, скажите на милость! Каждая теперь травка, каждый цветок радуется, а мы прячемся, боимся, точно напасти какой! Гроза убьет! Не гроза это, а благодать! Да, благодать! У вас все гроза! Северное сияние загорится — любоваться бы надобно да дивиться премудрости: «С полночных стран встает заря»! А вы ужасаетесь да придумываете, к войне это или к мору. Комета ли идет — не отвел бы глаз! красота! звезды-то уж пригляделись, всё одни и те же, а это обновка; ну смотрел бы да любовался! А вы боитесь и взглянуть-то на небо, дрожь вас берет! Изо всего-то вы себе пугал наделали. Эх, народ! Я вот не боюсь. Пойдемте, сударь!

Борис. Пойдемте! Здесь страшнее!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же без Бориса и Кулигина.

Кабанова. Ишь какие рацеи развел! Есть что послушать, уж нечего сказать! Вот времена-то пришли, какие-то учители появились. Коли старик так рассуждает, чего уж от молодых-то требовать!

Женщина. Ну, все небо обложило. Ровно шапкой, так и накрыло.

1 - й. Эко, братец ты мой, точно клубком туча-то вьется, ровно что в ней там живое ворочается. А так на нас и ползет, так и ползет, как живая!

2 - й. Уж ты помяни мое слово, что эта гроза даром не пройдет. Верно тебе говорю: потому знаю. Либо уж убьет кого-нибудь, либо дом сгорит; вот увидишь: потому, смотри! какой цвет необнакновенный!

Катерина *(прислушиваясь)*. Что они говорят? Они говорят, что убьет кого-нибудь.

Кабанов. Известно: так городят зря, что в голову придет.

Кабанова. Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знают. У старых людей на все приметы есть. Старый человек на ветер слова не скажет.

Катерина *(мужу)*. Тиша, я знаю, кого убьет.

Варвара *(Катерине тихо)*. Ты уж хоть молчи-то!

Кабанов. Ты почем знаешь?

Катерина. Меня убьет. Молитесь тогда за меня.

Входит барыня с лакеями. Катерина с криком прячется.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и барыня.

Барыня. Что прячешься! Нечего прятаться! Видно, боишься: умирать-то не хочется! Пожить хочется! Как не хотеться! видишь, какая красавица! Ха, ха, ха! Красота! А ты молись богу, чтоб отнял красоту-то! Красота-то ведь погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вот тогда и радуйся красоте-то своей. Много, много народу в грех введешь! Вертопрахи на поединки выходят, шпагами колют друг друга. Весело! Старики старые, благочестивые, об смерти забывают, соблазняются на красоту-то! А кто отвечать будет? За все тебе отвечать придется. В омут лучше с красотой-то! Да скорей, скорей!

Катерина прячется.

Куда прячешься, глупая! От бога-то не уйдешь!

Удар грома.

Все в огне гореть будете в неугасимом! *(Уходит.)*

К а т е р и н а. Ах! Умираю!

В а р в а р а. Что ты мучаешься-то, в самом деле! Стань к сторонке да помолись: легче будет.

К а т е р и н а *(подходит к стене и опускается на колени, потом быстро вскакивает)*. Ах! Ад! Ад! Геенна огненная!

Кабанова, Кабанов и Варвара окружают ее.

Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон! Грешна я перед богом и перед вами! Не я ли клялась тебе, что не взгляну ни на кого без тебя! Помнишь, помнишь! А знаешь ли, что я, беспутная, без тебя делала? В первую же ночь я ушла из дому...

К а б а н о в *(растерявшись, в слезах дергает ее за рукав)*. Не надо, не надо! не говори! Что ты! Матушка здесь!

К а б а н о в а *(строго)*. Ну, ну, говори, коли уж начала.

К а т е р и н а. И все-то десять ночей я гуляла... *(Рыдает.)*

Кабанов хочет обнять ее.

К а б а н о в а. Брось ее! С кем?

В а р в а р а. Врет она, она сама не знает, что говорит.

К а б а н о в а. Молчи ты! Вот оно что! Ну, с кем же?

К а т е р и н а. С Борисом Григорьевичем.

Удар грома.

Ах! *(Падает без чувств на руки мужа.)*

К а б а н о в а. Что, сынок! Куда воля-то ведет! Говорила я, так ты слушать не хотел. Вот и дождался!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Декорация первого действия. Сумерки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

К у л и г и н сидит на лавочке, К а б а н о в идет по бульвару.

К у л и г и н *(поет)*.

Ночною темнотою покрылись небеса,
Все люди для покою закрыли уж глаза,
и проч.

(Увидав Кабанова.) Здравствуйте, сударь! Далеко ли изволите?

К а б а н о в. Домой. Слышал, братец, дела-то наши? Вся, братец, семья в расстройство пришла.

К у л и г и н. Слышал, слышал, сударь.

К а б а н о в. Я в Москву ездил, ты знаешь? На дорогу-то маменька читала, читала мне наставления-то, а я как выехал, так загулял. Уж очень рад, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пил, и в Москве все пил, так это кучу, что на́-поди! Так, чтобы уж на целый год отгуляться. Ни разу про дом-то и не вспомнил. Да хоть бы и вспомнил-то, так мне бы и в ум не пришло, что тут делается. Слышал?

К у л и г и н. Слышал, сударь.

К а б а н о в. Несчастный я теперь, братец, человек! Так ни за что я погибаю, ни за грош!

К у л и г и н. Маменька-то у вас больно крута.

К а б а н о в. Ну да. Она-то всему и причина. А я за что погибаю, скажи ты мне на милость? Я вот зашел к Дикому, ну, выпили; думал — легче будет; нет, хуже, Кулигин! Уж что жена против меня сделала! Уж хуже нельзя...

К у л и г и н. Мудреное дело, сударь. Мудрено вас судить.

К а б а н о в. Нет, постой! Уж на что еще хуже этого. Убить ее за это мало. Вот маменька говорит: ее надо живую в землю закопать, чтоб она казнилась! А я ее люблю, мне ее жаль пальцем тронуть. Побил немножко, да и то маменька приказала. Жаль мне смотреть-то на нее, пойми ты это, Кулигин. Маменька ее по́едом ест, а она как тень какая ходит, безответная. Только плачет да тает как воск. Вот я и убиваюсь, глядя на нее.

К у л и г и н. Как бы нибудь, сударь, ладком дело-то сделать! Вы бы простили ей, да и не поминали никогда. Сами-то, чай, тоже не без греха!

К а б а н о в. Уж что говорить!

К у л и г и н. Да уж так, чтобы и под пьяную руку не попрекать! Она бы вам, сударь, была хорошая жена; гляди — лучше всякой.

К а б а н о в. Да пойми ты, Кулигин: я-то бы ничего, а маменька-то... разве с ней сговоришь!..

К у л и г и н. Пора бы уж вам, сударь, своим умом жить.

К а б а н о в. Что ж мне, разорваться, что ли! Нет, говорят, своего-то ума. И, значит, живи век чужим. Я вот возьму да последний-то, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, как с дураком, и нянчится.

К у л и г и н. Эх, сударь! Дела, дела! Ну, а Борис-то Григорьевич, сударь, что?

К а б а н о в. А его, подлеца, в Тяхту, к китайцам. Дядя к знакомому купцу какому-то посылает туда на контору. На три года его туды.

К у л и г и н. Ну, что же он, сударь?

К а б а н о в. Мечется тоже; плачет. Накинулись мы давеча на него с дядей, уж ругали, ругали — молчит. Точно дикий какой сделался. Со мной, говорит, что хотите, делайте, только ее не мучьте! И он к ней тоже жалость имеет.

К у л и г и н. Хороший он человек, сударь.

К а б а н о в. Собрался совсем, и лошади уж готовы. Так тоскует, беда! Уж я вижу, что ему проститься хочется. Ну, да мало ли чего! Будет с него. Враг ведь он мне, Кулигин! Расказнить его надобно на части, чтобы знал...

К у л и г и н. Врагам-то прощать надо, сударь!

К а б а н о в. Поди-ка поговори с маменькой, что она тебе на это скажет. Так, братец Кулигин, все наше семейство теперь врозь расшиблось. Не то что родные, а точно вороги друг другу. Варвару маменька точила-точила; а та не стерпела, да и была такова — взяла да и ушла.

К у л и г и н. Куда ушла?

К а б а н о в. Кто ее знает. Говорят, с Кудряшом с Ванькой убежала, и того также нигде не найдут. Уж это, Кулигин, надо прямо сказать, что от маменьки; потому стала ее тиранить и на замок запирать. «Не запирайте, говорит, хуже будет!» Вот так и вышло. Что ж мне теперь делать, скажи ты мне! Научи ты меня, как мне жить теперь! Дом мне опостылел, людей совестно, за дело возьмусь — руки отваливаются. Вот теперь домой иду; на радость, что ль, иду?

Входит Г л а ш а.

Г л а ш а. Тихон Иваныч, батюшка!

К а б а н о в. Что еще?

Г л а ш а. Дома у нас нездорово, батюшка!

К а б а н о в. Господи! Так уж одно к одному! Говори, что там такое?

Г л а ш а. Да хозяюшка ваша...

К а б а н о в. Ну, что ж? Умерла, что ль?

Г л а ш а. Нет, батюшка; ушла куда-то, не найдем нигде. Сбились с ног, искамши.

К а б а н о в. Кулигин! надо, брат, бежать искать ее. Я, братец, знаешь, чего боюсь? Как бы она с тоски-то на себя руки не наложила! Уж так тоскует, так тоскует, что ах! На нее-то глядя, сердце рвется. Чего ж вы смотрели-то? Давно ль она ушла-то?

Г л а ш а. Недавнушко, батюшка! Уж наш грех, недоглядели. Да и то сказать: на всякий час не остережешься.

К а б а н о в. Ну, что стоишь-то, беги!

Глаша уходит.

И мы пойдем, Кулигин!

Уходят.

Сцена несколько времени пуста. С противоположной стороны выходит К а т е р и н а и тихо идет по сцене.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К а т е р и н а *(одна)*[1]. Нет, нигде нет! Что-то он теперь, бедный, делает? Мне только проститься с ним, а там... а там хоть умирать. За что я его в беду ввела? Ведь мне не легче от того! Погибать бы мне одной! А то себя погубила, его погубила, себе бесчестье — ему вечный покор! Да! Себе бесчестье — ему вечный покор. *(Молчание.)* Вспомнить бы мне, что он говорил-то? Как он жалел-то меня? Какие слова-то говорил? *(Берет себя за голову.)* Не помню, все забыла. Ночи, ночи мне тяжелы! Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне как в могилу. Так страшно в потемках! Шум какой-то сделается, и поют, точно кого хоронят; только так тихо, чуть слышно, далеко, далеко от меня... Свету-то так рада сделаешься! А вставать не хочется, опять те же люди, те же разговоры, та же мука. Зачем они так смотрят на меня? Отчего это нынче не убивают? Зачем так сделали? Прежде, говорят, убивали. Взяли бы да и бросили меня в Волгу; я бы рада была. «Казнить-то тебя, говорят, так с тебя грех снимется, а ты живи да мучайся своим грехом». Да уж измучилась я! Долго ль еще мне мучиться!.. Для чего мне теперь жить, ну для чего? Ничего мне не надо, ничего мне не мило, и свет божий не мил! А смерть не приходит. Ты ее кличешь, а она не приходит. Что ни увижу, что ни услышу, только тут *(показывая на сердце)* больно. Еще кабы с ним жить, может быть, радость бы какую-нибудь я и видела... Что ж: уж все равно, уж душу свою я ведь погубила. Как мне по нем скучно! Ах, как мне по нем скучно! Уж коли не увижу я тебя, так хоть услышь ты меня издали! Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мне, скучно! *(Подходит к берегу и громко во весь голос.)* Радость моя, жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись! *(Плачет.)*

Входит Б о р и с.

---

[1] Весь монолог и все следующие сцены говорит, растягивая и повторяя слова, задумчиво и как будто в забытьи.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Катерина и Борис.

Борис *(не видя Катерины)*. Боже мой! Ведь это ее голос! Где же она? *(Оглядывается.)*

Катерина *(подбегает к нему и падает на шею)*. Увидела-таки я тебя! *(Плачет на груди у него.)*

Молчание.

Борис. Ну, вот и поплакали вместе, привел бог.

Катерина. Ты не забыл меня?

Борис. Как забыть, что ты!

Катерина. Ах, нет, не то, не то! Ты не сердишься?

Борис. За что мне сердиться?

Катерина. Ну, прости меня! Не хотела я тебе зла сделать; да в себе не вольна была. Что говорила, что делала, себя не помнила.

Борис. Полно, что ты! что ты!

Катерина. Ну, как же ты? Теперь-то ты как?

Борис. Еду.

Катерина. Куда едешь?

Борис. Далеко, Катя, в Сибирь.

Катерина. Возьми меня с собой отсюда!

Борис. Нельзя мне, Катя. Не по своей я воле еду: дядя посылает, уж и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотел хоть с местом-то тем проститься, где мы с тобой виделись.

Катерина. Поезжай с богом! Не тужи обо мне. Сначала только разве скучно будет тебе, бедному, а там и позабудешь.

Борис. Что обо мне-то толковать! Я вольная птица. Ты-то как? Что свекровь-то?

Катерина. Мучает меня, запирает. Всем говорит и мужу говорит: «Не верьте ей, она хитрая». Все и ходят за мной целый день и смеются мне прямо в глаза. На каждом слове все тобой попрекают.

Борис. А муж-то?

Катерина. То ласков, то сердится, да пьет все. Да постыл он мне, постыл, ласка-то его мне хуже побоев.

Борис. Тяжело тебе, Катя?

Катерина. Уж так тяжело, так тяжело, что умереть легче!

Б о р и с. Кто ж это знал, что нам за любовь нашу так мучиться с тобой! Лучше б бежать мне тогда!

К а т е р и н а. На беду я увидела тебя. Радости видела мало, а горя-то, горя-то что! Да еще впереди-то сколько! Ну, да что думать о том, что будет! Вот я теперь тебя видела, этого они у меня не отымут; а больше мне ничего не надо. Только ведь мне и нужно было увидать тебя. Вот мне теперь гораздо легче сделалось; точно гора с плеч свалилась. А я все думала, что ты на меня сердишься, проклинаешь меня...

Б о р и с. Что ты, что ты!

К а т е р и н а. Да нет, все не то я говорю; не то я хотела сказать! Скучно мне было по тебе, вот что; ну, вот я тебя увидала...

Б о р и с. Не застали б нас здесь!

К а т е р и н а. Постой, постой! Что-то я тебе хотела сказать! Вот забыла! Что-то нужно было сказать! В голове-то все путается, не вспомню ничего.

Б о р и с. Время мне, Катя!

К а т е р и н а. Погоди, погоди!

Б о р и с. Ну, что же ты сказать-то хотела?

К а т е р и н а. Сейчас скажу. *(Подумав.)* Да! Поедешь ты дорогой, ни одного ты нищего так не пропускай, всякому подай, да прикажи, чтоб молились за мою грешную душу.

Б о р и с. Ах, кабы знали эти люди, каково мне прощаться с тобой! Боже мой! Дай бог, чтоб им когда-нибудь так же сладко было, как мне теперь. Прощай, Катя! *(Обнимает ее и хочет уйти.)* Злодеи вы! Изверги! Эх, кабы сила!

К а т е р и н а. Постой, постой! Дай мне поглядеть на тебя в последний раз. *(Смотрит ему в глаза.)* Ну, будет с меня! Теперь бог с тобой, поезжай. Ступай, скорее ступай!

Б о р и с *(отходит несколько шагов и останавливается)*. Катя, нехорошо что-то! Не задумала ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебе.

К а т е р и н а. Ничего, ничего! Поезжай с богом!

Борис хочет подойти к ней.

Не надо, не надо, довольно!

Б о р и с *(рыдая)*. Ну, бог с тобой! Только одного и надо у бога просить, чтоб она умерла поскорее, чтобы ей не мучиться долго! Прощай! *(Кланяется.)*

К а т е р и н а. Прощай!

Борис уходит. Катерина провожает его глазами и стоит несколько времени задумавшись.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Катерина *(одна)*. Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу — все равно. Да, что домой, что в могилу!.. что в могилу! В могиле лучше... Под деревцом могилушка... как хорошо!.. Солнышко ее греет, дождичком ее мочит... весной на ней травка вырастет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие... всякие *(задумывается)*, всякие... Так тихо! так хорошо! Мне как будто легче! А об жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо... нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду! Придешь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это? Ах, темно стало! И опять поют где-то! Что поют? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поют? Все равно, что смерть придет, что сама... а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться... Руки крест-накрест складывают... в гробу! Да, так... я вспомнила. А поймают меня, да воротят домой насильно... Ах, скорей, скорей! *(Подходит к берегу. Громко.)* Друг мой! Радость моя! Прощай! *(Уходит.)*

Входят Кабанова, Кабанов, Кулигин и работник с фонарем.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кабанова, Кабанов и Кулигин.

Кулигин. Говорят, здесь видели.

Кабанов. Да это верно?

Кулигин. Прямо на нее говорят.

Кабанов. Ну, слава богу, хоть живую видели-то.

Кабанова. А ты уж испугался, расплакался! Есть о чем. Не беспокойся: еще долго нам с ней маяться будет.

Кабанов. Кто ж это знал, что она сюда пойдет! Место такое людное. Кому в голову придет здесь прятаться.

Кабанова. Видишь, что она делает! Вот какое зелье! Как она характер-то свой хочет выдержать!

С разных сторон собирается народ с фонарями.

Один из народа. Что, нашли?

Кабанова. То-то, что нет. Точно провалилась куда.

Несколько голосов. Эка притча! Вот оказия-то! И куда б ей деться!

Один из народа. Да найдется!
Другой. Как не найтись!
Третий. Гляди, сама придет.

Голос за сценой: «Эй, лодку!»

Кулигин *(с берега)*. Кто кричит? Что там?

Голос: «Женщина в воду бросилась!»
Кулигин и за ним несколько человек убегают.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же без Кулигина.

Кабанов. Батюшки, она ведь это! *(Хочет бежать.)*

Кабанова удерживает его за руку.

Маменька, пустите, смерть моя! я ее вытащу, а то так и сам... Что мне без нее!

Кабанова. Не пущу, и не думай! Из-за нее да себя губить, стоит ли она того! Мало нам она страму-то наделала, еще что затеяла!

Кабанов. Пустите!

Кабанова. Без тебя есть кому. Прокляну, коли пойдешь.

Кабанов *(падая на колени)*. Хоть взглянуть-то мне на нее!

Кабанова. Вытащут: взглянешь.

Кабанов *(встает, к народу)*. Что, голубчики, не видать ли чего?

1-й. Темно внизу-то, не видать ничего.

Шум за сценой.

2-й. Словно кричат что-то, да ничего не разберешь.

1-й. Да это Кулигина голос.

2-й. Вон с фонарем по берегу ходят.

1-й. Сюда идут. Вон и ее несут.

Несколько народа возвращается.

Один из возвратившихся. Молодец Кулигин! Тут близехонько в омуточке у берега; с огнем-то оно в воду-то далеко видно: он платье и увидал, и вытащил ее.

Кабанов. Жива?

Д р у г о й. Где уж жива! Высоко бросилась-то: тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная! А точно, ребяты, как живая! Только на виске маленькая ранка, и одна только, как есть одна, капелька крови.

Кабанов бросается бежать; навстречу ему К у л и г и н с н а р о д о м несут К а т е р и н у.

Я В Л Е Н И Е С Е Д Ь М О Е

Т е ж е и К у л и г и н.

К у л и г и н. Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней что хотите! Тело ее здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша: она теперь перед судией, который милосерднее вас! *(Кладет на землю и убегает.)*

К а б а н о в *(бросается к Катерине)*. Катя! Катя!

К а б а н о в а. Полно! Об ней и плакать-то грех!

К а б а н о в. Маменька, вы ее погубили! вы, вы, вы...

К а б а н о в а. Что ты? Аль себя не помнишь! Забыл, с кем говоришь!

К а б а н о в. Вы ее погубили! Вы! Вы!

К а б а н о в а *(сыну)*. Ну, я с тобой дома поговорю. *(Низко кланяется народу.)* Спасибо вам, люди добрые, за вашу услугу!

Все кланяются.

К а б а н о в. Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! *(Падает на труп жены.)*

1859

ЛЕС

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Раиса Павловна Гурмыжская, вдова, лет 50-ти с небольшим, очень богатая помещица, одевается скромно, почти в трауре, постоянно с рабочим ящиком на руке.

Аксинья Даниловна (Аксюша), ее дальняя родственница, бедная девушка лет 20-ти, одета чисто, но бедно, немного лучше горничной.

Богатые соседи Гурмыжской:

Евгений Аполлоныч Милонов, лет 45-ти, гладко причесан, одет изысканно, в розовом галстуке.

Уар Кирилыч Бодаев, лет 60-ти, отставной кавалерист, седой, гладко стриженный, с большими усами и бакенбардами, в черном сюртуке, наглухо застегнутом, с крестами и медалями по-солдатски, с костылем в руке, немного глух.

Иван Петров Восмибратов, купец, торгующий лесом.

Петр, его сын.

Алексей Сергеевич Буланов, молодой человек, недоучившийся в гимназии.

Карп, лакей Гурмыжской.

Улита, ключница.

Усадьба Гурмыжской, верстах в пяти от уездного города. Большая зала. Прямо две двери: одна выходная, другая в столовую; направо от зрителей окно и дверь в сад; налево две двери: одна во внутренние комнаты, другая в коридор. Богатая старинная мебель, трельяжи, цветы, у окна рабочий столик, налево круглый стол и несколько кресел.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп стоит у двери в сад, входит Аксюша.

Аксюша. Раиса Павловна звали меня?

Карп. Так точно-с; только теперь гости приехали, так они в саду.

Аксюша *(вынув из кармана письмо)*. Послушай, Карп Савельич, не можешь ли ты?..

К а р п. Что вам угодно-с?

А к с ю ш а. Передать. Ты уж знаешь кому.

К а р п. Да как же, барышня? Теперь ведь уж словно как неловко. Правда ль, нет ли, у тетеньки такое есть желание, чтоб вам за барчонком быть.

А к с ю ш а. Ну, не надо; как хочешь. *(Отворачивается к окну.)*

К а р п. Да уж пожалуйте. Для вас отчего же... *(Берет письмо.)*

А к с ю ш а *(глядя в окно)*. Продала Раиса Павловна лес?

К а р п. Продала Ивану Петрову. Все продаем-с, а чего ради?

А к с ю ш а. Не хочет, чтоб наследникам осталось; а деньги можно и чужим отдать.

К а р п. Надо полагать-с. Мудрено сотворено.

А к с ю ш а. Говорят, она эти деньги хочет за мной в приданое дать.

К а р п. Дай-то бог!

А к с ю ш а *(очень серьезно)*. Не дай бог, Карп Савельич!

К а р п. Ну, как угодно-с. Я к тому, что все же лучше, пусть в приданое пойдут, чем туда же, куда и прочие.

А к с ю ш а. Куда прочие... а куда же прочие?

К а р п. Ну, это вам, барышня, и понимать-то невозможно, да и язык-то не поворотится сказать вам. Алексей Сергеич идут. *(Отходит от двери.)*

Аксюша смотрит в окно, Б у л а н о в входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аксюша, Буланов, Карп, потом Улита.

Б у л а н о в *(Карпу)*. Что ж, ты набил мне папиросы?

К а р п. Никак нет-с.

Б у л а н о в. Отчего же нет? Ведь я тебе велел.

К а р п. Мало что велели! А когда мне?

Б у л а н о в. Нет, уж вы здесь зазнались очень. Вот что. Я вот Раисе Павловне скажу.

К а р п. Не скажете; вы при них и курить-то боитесь.

Б у л а н о в. Боитесь... Чтоб были набиты! Не десять раз тебе говорить! *(Увидав Аксюшу, подходит к ней и очень развязно кладет ей на плечо руку.)*

А к с ю ш а *(быстро обернувшись)*. Что вы! С ума сошли?

Буланов *(обидясь)*. Ах!! Извините! Что вы такой герцогиней смотрите, красавица вы моя?

Аксюша *(почти сквозь слезы)*. За что вы меня обижаете? Я вам ничего не сделала. Что я здесь за игрушка для всех? Я такой же человек, как и вы.

Буланов *(равнодушно)*. Нет, послушайте; вы в самом деле мне нравитесь.

Аксюша. Ах, да мне-то что до этого за дело! Какое вы имеете право трогать меня?

Буланов. Что вы все сердитесь неизвестно за что? Эка важность! Уж и тронуть нельзя! Свое, да не трогать! Кто ж мне запретит?

Аксюша *(строго)*. А если не ваше, если чужое? Тогда что?

Буланов. Что за капризы! Надоело. Этак вы все дело испортите.

Аксюша. Какое дело?

Буланов. Какое... Будто не знаете? Вот какое: Раисе Павловне угодно, чтоб я женился на вас. А что Раисе Павловне угодно...

Аксюша. Тому и быть?

Буланов. Разумеется. Мы с вами люди бедные... Дожидаться, покуда прогонят? Нет, уж покорно благодарю. Куда мне? Опять к маменьке? Бить сорóк-ворон за чужим двором?

Карп. Потише, сударь! Улита идет.

Входит Улита и чего-то ищет.

Вам чего здесь?

Улита. Я, кажется, забыла...

Карп. Ничего вы не забыли, это вы напрасно. У вас есть свой департамент, мы к вам не ходим.

Улита уходит.

Вот так-то лучше!.. Самая проклятая женщина!

Буланов. Расчет прямой; кажется, можно понять.

Аксюша. Да, я понимаю.

Буланов. Так и упрямиться нечего. Перед кем здесь неприступность-то разыгрывать? Ведь Раиса Павловна обещает много денег дать; чего ж еще? Креститься надо обеими руками.

Аксюша. Иное можно купить за деньги, а другого нельзя.

Буланов *(презрительно улыбаясь)*. Философия! *(Серьезно.)* Вы толку в деньгах не знаете, оттого так и разговариваете. Видно, нужды-то не видали? А тут впереди жизнь приятная...

За деньги-то люди черту душу закладывают, а не то чтоб отказываться.

Показывается У л и т а.

К а р п. Что вы шмыгаете взад и вперед? Не видали вас тут? Здесь комнаты чистые.

У л и т а. Уж и войти нельзя!

К а р п. Как это вы себе покою не найдете? Мечетесь вы, как угорелая кошка. Позовут вас, тогда другое дело.

Улита уходит.

А к с ю ш а. Насильно мил не будешь, Алексей Сергеич.

Б у л а н о в. Ну, да уж я добьюсь своего; у меня не отвертитесь. Ведь вам лучше меня здесь не найти.

А к с ю ш а *(тихо)*. Ошибаетесь. Захочу поискать, так найду; а может, уж и нашла. *(Карпу.)* Если Раиса Павловна спросит, я буду в своей комнате. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Б у л а н о в, К а р п.

К а р п *(подходя)*. Ах, барин, барин!

Б у л а н о в. А что, Карп?

К а р п. Молоды вы очень.

Б у л а н о в. Знаю, что молод.

К а р п. А это нехорошо.

Б у л а н о в. Что ж мне делать-то?

К а р п. Это не к пользе вашей... А вы старайтесь...

Б у л а н о в. Уж как ни старайся, а вдруг лет не прибавится: я только из гимназии.

К а р п. Да что гимназия! Другие и в гимназии не были, да какие ловкие.

Б у л а н о в. Да на что ловкие-то?

К а р п. Да на все, а уж особливо, что мимо рук-то плывет.

У л и т а показывается из коридора.

Опять? Тьфу! Брысь ты, окаянная!

У л и т а *(скрываясь)*. Обидчик!

Б у л а н о в *(задумчиво)*. Да?.. Ну, что ж?

К а р п. То-то; «да». Вы что барышню-то тревожите? Какой тут авантаж?

Б у л а н о в. Все-таки...

К а р п. Осторожнее надо, сударь; недаром Улита тут ползает, перенесет сейчас. А понравится ли барыне? Еще неизвестно, куда вас Раиса Павловна определят. Они хоть и барыня, а ведь их дело женское: никак даже невозможно этого знать, что у них на уме. Вдруг одно, и сейчас другое; у них в мыслях не то что на неделе, на дню до семи перемен бывает. Вот вы говорите: жениться; а может, что другое заставят делать! Вы своей воли не имеете; привезли вас на пропитание, так как маменька у вас в бедности... А вы хотите... Уж вы и смотри́те все в глаза.

Б у л а н о в. В глаза?

К а р п. Беспременно. Так всё ходите и смотри́те, потому от них зависимы... А там по времени, из разговора или из чего и можете понять... Барыня идут. *(Уходит.)*

Буланов поправляет волосы и покручивает усики.
Входят Г у р м ы ж с к а я, М и л о н о в и Б о д а е в.

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

Г у р м ы ж с к а я, М и л о н о в, Б о д а е в, Б у л а н о в.

Г у р м ы ж с к а я. Я вам говорила, господа, и опять повторяю: меня никто не понимает, решительно никто. Понимает меня только наш губернатор да отец Григорий...

М и л о н о в. И я, Раиса Павловна.

Г у р м ы ж с к а я. Может быть.

М и л о н о в. Раиса Павловна, поверьте мне, все высокое и все прекрасное...

Г у р м ы ж с к а я. Верю, охотно верю. Садитесь, господа!

Б о д а е в *(откашливаясь)*. Надоели.

Г у р м ы ж с к а я. Что вы?

Б о д а е в *(грубо)*. Ничего. *(Садится поодаль.)*

Г у р м ы ж с к а я *(заметив Буланова)*. Алексис, Алексис! Вы мечтаете? Господа, представляю вам молодого дворянина, Алексея Сергеича Буланова.

Буланов раскланивается.

Судьба его очень интересна, я вам сейчас расскажу. Алексис, погуляйте в саду, мой друг.

Буланов уходит, Гурмыжская и Милонов садятся у стола.

М и л о н о в. Ваш родственник, вероятно?

Г у р м ы ж с к а я. Нет, не родственник. Но разве одни родственники имеют право на наше сострадание? Все люди нам ближ-

ние. Господа, разве я для себя живу? Все, что я имею, все мои деньги принадлежат бедным;

Бодаев прислушивается.

я только конторщица у своих денег, а хозяин им всякий бедный, всякий несчастный.

Б о д а е в. Я не заплачу ни одной копейки, пока жив; пускай описывают имение.

Г у р м ы ж с к а я. Кому не заплатите?

Б о д а е в. На земство, я говорю.

М и л о н о в. Ах, Уар Кирилыч, не о земстве речь.

Б о д а е в. Никакой пользы, один грабеж.

Г у р м ы ж с к а я *(громко)*. Подвиньтесь поближе, вы нас не слышите.

Б о д а е в. Да, не слышу. *(Садится к столу.)*

Г у р м ы ж с к а я. Этот молодой человек, господа, сын одной моей приятельницы. Я встретилась с ней в прошлом году в Петербурге. Прежде, давно уж, мы жили с ней совершенно как сестры; но потом разошлись: я овдовела, а она вышла замуж. Я ей не советовала; испытавши сама, я получила отвращение к супружеству.

Б о д а е в. К супружеству, но не к мужчинам?

Г у р м ы ж с к а я. Уар Кирилыч!

Б о д а е в. Да я почем же знаю; я только спрашиваю. Ведь разные бывают характеры.

Г у р м ы ж с к а я *(шутя)*. И к мужчинам, особенно таким, как вы.

Б о д а е в *(привстает, опираясь на костыль, и кланяется)*. Премного вам за это благодарен.

М и л о н о в. Раиса Павловна строгостью своей жизни украшает всю нашу губернию; наша нравственная атмосфера, если можно так сказать, благоухает ее добродетелями.

Б о д а е в. Лет шесть тому назад, когда слух прошел, что вы приедете жить в усадьбу, все мы здесь перепугались вашей добродетели: жены стали мириться с мужьями, дети с родителями; во многих домах даже стали тише разговаривать.

Г у р м ы ж с к а я. Шути́те, шути́те. А вы думаете, мне без борьбы досталось это уважение? Но мы удаляемся от нашего разговора. Когда мы встретились в Петербурге, моя подруга уж давно овдовела и, разумеется, глубоко раскаивалась, что не послушалась моих советов. Она со слезами представила мне своего единственного сына. Мальчик, как вы видите, на возрасте.

Б о д а е в. В солдаты годится.

Г у р м ы ж с к а я. Вы не судите по наружности. Он, бедный, слаб здоровьем, и, представьте себе, какое несчастие! Он поэтому

отстал от своих товарищей, так что все еще был в гимназии и, кажется, даже еще в средних классах. У него уж и усики, и мысли совсем другие, и дамы стали им интересоваться; а он должен с мальчиками, шалунами, ходить в школу. Это унижало его, он скучал, удалялся от людей, бродил один по глухим улицам.

Бодаев. Не по Невскому ли?

Гурмыжская. Он страдал, страдала и мать; но средств помочь горю у ней не было. Имение совершенно разорено, сын должен учиться, чтоб кормить мать; а учиться прошло и время и охота. Ну, теперь, господа, судите меня как хотите. Я решилась сделать три добрых дела разом.

Бодаев. Три? Любопытно.

Гурмыжская. Успокоить мать, дать средства сыну и пристроить свою племянницу.

Бодаев. Действительно, три.

Гурмыжская. Я выписала сюда на лето молодого человека; пусть они познакомятся; потом женю их и дам за племянницей хорошее приданое. Ну, теперь, господа, я покойна, вы знаете мои намерения. Хоть я и выше подозрений, но, если б нашлись злые языки, вы можете объяснить, в чем дело.

Милонов. Все высокое и все прекрасное найдет себе оценку, Раиса Павловна. Кто же смеет...

Бодаев. Ну, отчего же не сметь? Никому не закажешь; на это цензуры нет.

Гурмыжская. Впрочем, я мало забочусь об общественном мнении; я делаю добро и буду делать, а там пусть говорят что хотят. В последнее время, господа, меня томит какое-то страшное предчувствие, мысль о близкой смерти ни на минуту не покидает меня. Господа, я умру скоро, я даже желаю, желаю умереть.

Милонов. Что вы! Что вы! Живите! Живите!

Гурмыжская. Нет, нет, и не просите.

Милонов. Ведь это будут слезы, горькие слезы.

Гурмыжская. Нет, господа, если я не нынче умру, не завтра, во всяком случае скоро. Я должна исполнить долг свой относительно наследников. Господа, помогите мне советом.

Милонов. Прекрасно, прекрасно!

Гурмыжская. У меня близких родных только племянник моего мужа. Племянницу я надеюсь пристроить еще при жизни. Племянника я не видала пятнадцать лет и не имею о нем никаких известий; но он жив, я знаю. Я надеюсь, что ничто не препятствует мне назначить его своим единственным наследником.

Милонов. Полагаю.

Бодаев. Да о чем и толковать?

Гурмыжская. Благодарю вас. Я так и сама думала. Он меня не забывает, каждый год присылает мне подарки, но писем не пишет. Где он — неизвестно, и я не могу писать к нему; а я еще ему должна. Один должник его отца принес мне старый долг; сумма хотя небольшая, но она тяготит меня. Он точно скрывается от меня; все подарки я получила из разных концов России: то из Архангельска, то из Астрахани, то из Кишинева, то из Иркутска.

Милонов. Какое же его занятие?

Гурмыжская. Не знаю. Я его готовила в военную службу. После смерти отца он остался мальчиком пятнадцати лет, почти без всякого состояния. Хотя я сама была молода, но имела твердые понятия о жизни и воспитывала его по своей методе. Я предпочитаю воспитание суровое, простое, что называется, на медные деньги; не по скупости — нет, а по принципу. Я уверена, что простые люди, неученые, живут счастливее.

Бодаев. Напрасно! На медные деньги ничего хорошего не купишь, а тем более счастия.

Гурмыжская. Но ведь он не жалуется на свое воспитание, он даже благодарит меня. Я, господа, не против образования, но и не за него. Развращение нравов на двух концах: в невежестве и в излишестве образования; добрые нравы посередине.

Милонов. Прекрасно, прекрасно!

Гурмыжская. Я хотела, чтоб этот мальчик сам прошел суровую школу жизни; я приготовила его в юнкера и предоставила его собственным средствам.

Бодаев. Оно покойнее.

Гурмыжская. Я иногда посылала ему денег, но, признаюсь вам, мало, очень мало.

Бодаев. И он стал воровать, разумеется.

Гурмыжская. Ошибаетесь. Вот посмотрите, что он писал мне. Я это письмо всегда ношу с собою. *(Вынимает письмо из коробки и подает Милонову.)* Прочитайте, Евгений Аполлоныч!

Милонов *(читает)*. «Тетенька моя и благодетельница, Раиса Павловна! Сие излагаемое мною применительно к обстоятельствам моим, жизни, письмо пишу вам, с огорчением при недостатках, но не с отчаянием. О, судьба, судьба! Под гнетом собственного своего необразования, пристыжаемый против товарищей, я предвижу неуспех в своей карьере к достижению».

Бодаев. До сих пор лестного немного для вас и для него.

Гурмыжская. Слушайте дальше.

Милонов. «Но не устрашусь! Передо мною слава, слава! Хотя скудное подаяние ваше подвергало меня не раз на край нищеты и погибели; но лобызаю вашу ручку. От юных лет несовер-

шеннолетия до совершенного возраста я был в неизвестности моих предначертаний; но теперь все передо мной открыто».

Бодаев. И вам не стыдно, что ваш племянник, дворянин, пишет, как кантонист.

Гурмыжская. Не в словах дело. По-моему, это прекрасно написано, тут я вижу чувство неиспорченное.

Входит Карп.

Карп. Иван Петров Восмибратов пришел с сыном-с.

Гурмыжская. Извините, господа, что я при вас приму мужика.

Бодаев. Только вы с ним поосторожнее, он плут большой руки.

Гурмыжская. Знаете, он такой хороший семьянин; это — великое дело.

Бодаев. Семьянин-то семьянин, а чище всякого обманет.

Гурмыжская. Не верю, не верю! не может быть!

Милонов. Мы с вами точно сговорились; я сам горячий защитник семейных людей и семейных отношений. Уар Кирилыч, когда были счастливы люди? Под кущами. Как жаль, что мы удалились от первобытной простоты, что наши отеческие отношения и отеческие меры в применении к нашим меньшим братьям прекратились! Строгость в обращении и любовь в душе — как это гармонически изящно! Теперь между нами явился закон, явилась и холодность; прежде, говорят, был произвол, но зато была теплота. Зачем много законов? Зачем определять отношения? Пусть сердце их определяет. Пусть каждый сознаёт свой долг! Закон написан в душе людей.

Бодаев. Оно так, кабы только поменьше мошенников, а то больно много.

Гурмыжская *(Карпу)*. Зови поди Ивана Петрова!

Карп уходит. Входят Восмибратов и Петр.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович!

Восмибратов *(раскланивается и садится)*. Петр, садись!

Петр садится у самой двери на край стула.

Милонов. Прикажете дочитать?

Гурмыжская. Читайте, он не помешает.

М и л о н о в *(читает)*. «Нужда, ты непостижима! Благодарю вас, благодарю. Скоро мое имя покроется бессмертием, а с ним и ваше никогда не умрет для потомства, детей и внуков. Еще раз благодарю за все, за все. Ваш покорный к услугам племянник, дитя природы, взлелеянное несчастием, Гурмыжский».

Г у р м ы ж с к а я *(принимая письмо)*. Благодарю вас, Евгений Аполлоныч! Вот спросим у простого человека; он правду скажет. Иван Петрович, хорошо это письмо написано?

В о с м и б р а т о в. Первый сорт-с! Вот ежели бы кому прошение, уж на что лучше.

М и л о н о в. Но ведь этому письму двенадцать лет; что же теперь с вашим племянником, с его громкой славой?

Г у р м ы ж с к а я. Я вам говорю, не знаю.

Б о д а е в. Вдруг удивит.

Г у р м ы ж с к а я. Как бы то ни было, я горжусь этим письмом и очень довольна, что нашла в людях благодарность. Надо сказать правду, я его очень люблю. Я вас прошу, господа, пожаловать ко мне послезавтра откушать! Вы, вероятно, не откажетесь подписаться под завещанием? Оно будет готово, я думаю; впрочем, во всяком случае, милости просим.

Б о д а е в. Приеду.

М и л о н о в. Поверьте, все высокое и все прекрасное...

Г у р м ы ж с к а я. Конечно, если судить строго, я немного виновата перед наследником; я уж кой-что продала из имения.

В о с м и б р а т о в. Да таки, сударыня, довольно: особенно как изволили проживать в столицах.

Г у р м ы ж с к а я. Я очень щедро помогаю. Для ближнего мне не жаль.

В о с м и б р а т о в. Так-с. А хоша бы и для себя; вы своему хозяйка, всякий человек живая тварь.

Г у р м ы ж с к а я. А теперь, вот уж лет семь, я живу совсем иначе.

В о с м и б р а т о в. Это точно-с; слухов никаких насчет, чтобы чего... постоянную жизнь ведете.

Г у р м ы ж с к а я. Ах, да я и прежде... да не об том речь. Я говорю, что живу очень экономно.

Б о д а е в. Извините! Не об вас речь! Вы не рассердитесь, пожалуйста! Но действительно у нас много дворянских имений вконец разорено бабами. Если мужчина мотает, все-таки в его мотовстве какой-нибудь смысл есть; а бабьей глупости меры не положено. Нужно любовнику халат подарить — она хлеб продает не вовремя за бесценок; нужно любовнику ермолку с кисточкой — она лес продает, строевой, береженый, первому плуту.

Восмибратов. Это вы, ваше высокородие, действительно. Коли им, женскому сословию, в чем воля, так добра мало.

Бодаев. Ты думаешь?

Милонов *(Восмибратову)*. Ах, Ваня, Ваня, как ты груб!

Восмибратов. Вопче говорится, сударь.

Милонов. Все-таки, Ваня, надо быть осторожнее, мой друг... А вот ты и ошибаешься; не от дам разорены имения, а оттого, что свободы много.

Бодаев. Какой свободы? Где это?

Милонов. Ах, Уар Кирилыч, я сам за свободу; я сам против стеснительных мер... ну, конечно, для народа, для нравственно несовершеннолетних необходимо... Но, согласитесь сами, до чего мы дойдем! Купцы банкротятся, дворяне проживаются... Согласитесь, что наконец необходимо будет ограничить законом расходы каждого, определить норму по сословиям, по классам, по должностям.

Бодаев. Ну, что ж, представляйте проект! Теперь время проектов, все представляют. Не удивите, не бойтесь, чай, и глупей вашего есть.

Встает, Милонов тоже. Раскланиваются. Восмибратов и Петр встают.

Гурмыжская *(провожая их)*. Господа, я вас жду послезавтра.

Милонов и Бодаев уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гурмыжская, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович!

Восмибратов *(садясь)*. Петр, садись!

Петр садится.

Изволили присылать, сударыня?

Гурмыжская. Да, мне очень нужно тебя видеть. Принес ты деньги?

Восмибратов. Нет, сударыня, признаться сказать, не захватил. Коли нужно, так прикажите, я завтра же занесу.

Гурмыжская. Пожалуйста. Ты водочки не хочешь ли?

Восмибратов. Увольте! Нам без благовременения... тоже... ведь люди, все одно.

Гурмыжская. Ты уж все принеси, как у нас уговор был.

Восмибратов. Слушаю-с.

Гурмыжская. Я не помню, кажется...

Восмибратов. Да уж не извольте беспокоиться.

Гурмыжская. Кажется, полторы тысячи. *(Роясь в ящике.)* Где записка? Неужели я ее выронила? Не найду никак.

Восмибратов. Поищите, сударыня, хорошенько.

Гурмыжская. Но, во всяком случае, мне этих денег мало. Не купишь ли у меня еще участок лесу?

Восмибратов. Да чтоб уж вам весь его продать. Куда вам его беречь-то!.. Ведь с лесом, сударыня, поверите ли, только грех один; крестьянишки воруют — судись с ними. Лес подле города, всякий беглый, всякий бродяга пристанище имеет, ну и для прислуги тоже, для женского пола... Потому как у них грибной интерес и насчет ягоды, а выходит совсем напротив.

Гурмыжская. Нет, я весь теперь не продам; что за имение без леса! Некрасиво. Может быть, со временем... а ты купи этот участок, что ближе к городу.

Восмибратов. Хошь я теперь и не при деньгах, а отчего ж не купить, коли сходно продавать будете. А я было, признаться, к вам насчет другого товару.

Гурмыжская. Не понимаю.

Восмибратов. Сродственницу имеете, девицу, небогатую...

Гурмыжская. Так что же?

Восмибратов. Видел ее, что ли, где, или здесь как встретил мой парнишка.

Петр встает.

Гурмыжская. Он?

Восмибратов. Петр-с. Парень овца, я вам скажу. По глупости его и по малодушеству и приглянулась-с. Ну, конечно, мы с ним дорогого не стоим, а если б бог дал доброму делу быть, дали бы вы тысячки на четыре лесу на разживу ему, с нас бы и довольно. Он бы и пооперился с вашей легкой руки и жить пошел.

Гурмыжская. Я очень благодарна вам; но, друзья мои, извините! У нее уже есть жених, у меня в доме живет. Может быть, в городе говорят вздор какой-нибудь, так вы знайте, что это жених.

Восмибратов *(Петру)*. Слышишь ты? А ты лезешь! Только отца в дураки ставишь. Погоди ж ты у меня!

Гурмыжская. Вы не подумайте, что я гнушаюсь вами. Для нее твой сын партия даже завидная. Если у ней теперь жених дворянин, так это по особенной милости, а она совсем его не стоит.

Восмибратов. Понимаем-с.

Гурмыжская. Это дело решенное, и кончим разговор о нем. Поговорим о лесе. Купи, Иван Петрович!

Восмибратов. Не при деньгах, не при деньгах-с.

Гурмыжская. Быть не может.

В о с м и б р а т о в. Обижать ценой не будете, так можно-с.

Г у р м ы ж с к а я. А сколько бы ты дал за него?

В о с м и б р а т о в *(подумав)*. Рубликов пятьсот-с вам довольно будет?

Г у р м ы ж с к а я. Что ты, что ты? За тот полторы, а за этот пятьсот; ведь этот больше и лучше.

В о с м и б р а т о в. Точно-с. Извините! Это я так маханально, не подумавши; да и неохота с этим делом вязаться теперь. А как ваша цена?

Г у р м ы ж с к а я. Да, по крайне мере, две тысячи. Мне эту цену давали.

В о с м и б р а т о в. Мой совет: отдавайте.

Г у р м ы ж с к а я. Да я не хотела тебя обидеть.

В о с м и б р а т о в. На этом оченно вами благодарны; только я вам вот что скажу: хлопот не стоит.

Г у р м ы ж с к а я. Иван Петрович, стыдно! я сирота. Мое дело женское. Сироту обидеть грешно. Ты не забывай бога-то!

В о с м и б р а т о в. Нам ежели бога забыть, творца нашего милосердного, нам в те поры, сударыня, податься некуда. По тому самому нам без бога нельзя; как одно, значит, у нас прибежище.

Г у р м ы ж с к а я. Ну, то-то же. Ты сам подумай, ведь мне деньги-то на доброе дело. Девушка на возрасте, ума большого не имеет, хочется заживо пристроить. Ну, что хорошего, без присмотру останется без меня; нынче народ знаешь какой! Ты сам отец, так рассудить можешь, у тебя тоже дочь, приятно ли тебе будет...

В о с м и б р а т о в. Да ежели она, шельма...

Г у р м ы ж с к а я. Иван Петрович, что за слова! Ты знаешь, я не люблю. Ну, слушай! Только для тебя пятьсот рублей уступаю, отдаю за полторы тысячи.

В о с м и б р а т о в. Барыша ничего не будет.

Г у р м ы ж с к а я. Ну, уж и говорить не хочу. А тебе стыдно, стыдно.

В о с м и б р а т о в. Дорогонько, да уж извольте-с. *(Махнув рукой.)* Так уж, что прежде от вас пользовался.

Г у р м ы ж с к а я. Только мне деньги завтра же нужны.

В о с м и б р а т о в. Еще почивать будете, принесем. А вы извольте приготовить записочку, чтобы завтра вам не беспокоиться, что за проданный на сруб лес в таких-то пустошах деньги сполна получили.

Г у р м ы ж с к а я. Значит, ты принесешь ровно три тысячи?

В о с м и б р а т о в. Что следовает, то и принесем-с. На прежние деньги у вас записочка есть; а на эти ваша воля, а по мне хоть и отказаться. Слову нашему вы не верите, на всякую малость

записки да расписки отбираете; так что ж вам сумневаться? Я человек неграмотный, другой раз и сам не знаю, что в записке-то написано. Парнишку-то замучил, все за собой вожу руку прикладывать. Прощенья просим.

Гурмыжская. Прощайте!

Восмибратов и Петр уходят. Входит Карп.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гурмыжская, Карп, потом Аксюша и Улита.

Карп. Сударыня, вы барышню спрашивать изволили, так они дожидаются.

Гурмыжская. Позови!

Карп уходит.

Хитрая и дерзкая девчонка! Никогда в ней ни благодарности, ни готовности угодить. Наказанье мне с ней.

Входит Аксюша.

Аксюша *(потупя глаза, тихо)*. Что вам угодно?

Гурмыжская. Ты, я думаю, знаешь, зачем я выписала сюда Алексея Сергеича?

Аксюша. Знаю.

Гурмыжская. Ты, пожалуйста, не возмечтай слишком много о себе! Это еще только предположение. Ты можешь расчувствоваться и потом ошибиться *(со смехом)*, мне тебя будет жаль.

Аксюша. Отчего же мне расчувствоваться?

Гурмыжская. Ах, боже мой! Для тебя ли это не партия? Она еще спрашивает! Но я погляжу прежде, будешь ли ты стоить. Я и сама всем говорю, что он твой жених, и другие пусть говорят; но я еще подумаю, слышишь ты, подумаю.

Входит Улита.

Аксюша. Надо будет и меня спросить.

Гурмыжская. Я знаю, когда тебя спросить; не учи меня. А теперь я хочу, чтоб все считали его твоим женихом, мне так нужно. Но сохрани тебя бог кокетничать с ним или позволить себе какую-нибудь вольность!

Аксюша. Какую вольность? Что вы!

Гурмыжская. Ты не обижаться ли вздумала? Это очень мило! Ты знай, душа моя, я вправе думать о тебе все, что хочу. Ты девочка с улицы, ты с мальчишками на салазках каталась.

А к с ю ш а. Не все я на салазках каталась, я с шести лет уж помогала матери день и ночь работать; а по праздникам, точно, каталась с мальчишками на салазках. Что ж, у меня игрушек и кукол не было. Но ведь я уж с десяти лет живу у вас в доме и постоянно имею перед глазами пример...

Г у р м ы ж с к а я. Дурные наклонности укореняются с детства. Потому не сердись, моя милая, если за тобой будет самый строгий надзор. *(Со смехом.)* Он хоть твой и жених, да зелен виноград.

А к с ю ш а. Жених! Кому нужен такой жених?

Г у р м ы ж с к а я. Ну, это выше твоего понятия.

А к с ю ш а. И не хорош, и не умен.

Г у р м ы ж с к а я. Вздор! Ты глупа, а он умен, хорош, образован. Скажите, скажите! Это ты нарочно. Ты не слепая. Тебе только хочется меня раздразнить.

А к с ю ш а. Да вам-то что же?

Г у р м ы ж с к а я. Как что? Это мой выбор, мой вкус. Не тебе чета, светские дамы им увлекались.

А к с ю ш а. Чести им не делает.

Г у р м ы ж с к а я. Ах, ах! Она рассуждает! И почем ты знаешь, что честь, что бесчестье?

А к с ю ш а. Я девочка с улицы, не светская дама, а не польщусь на такое сокровище.

Г у р м ы ж с к а я. А я тебе приказываю.

А к с ю ш а. Я ведь не пойду за него; так к чему же эта комедия?

Г у р м ы ж с к а я. Комедия! Как ты смеешь? Да хоть бы и комедия; я тебя кормлю и одеваю, и заставлю играть комедию. Ты не имеешь права входить в мои намерения: мне так нужно, и все тут. Он жених, ты невеста,— только ты будешь сидеть в своей комнате под надзором. Вот моя воля!

А к с ю ш а *(взглянув ей в глаза)*. Больше ничего?

Г у р м ы ж с к а я. Ничего, ступайте!

Аксюша уходит.

Нет, погоди! Были и получше тебя, да плясали по моей дудочке.

Я В Л Е Н И Е В О С Ь М О Е

Г у р м ы ж с к а я и У л и т а.

Г у р м ы ж с к а я. Поди сюда!

У л и т а. Что, матушка барыня, угодно?

Г у р м ы ж с к а я. Подойди поближе, садись, где стоишь, и слушай!

У л и т а *(подходит и садится на пол)*. Слушаю, матушка барыня.

Г у р м ы ж с к а я. Ты меня знаешь? Ты знаешь, как строго я смотрю за всем домом?

У л и т а. Знаю. Как мне не знать?

Г у р м ы ж с к а я. Я Аксюше не верю, она девчонка хитрая. Она часто встречается с Алексеем Сергеичем; мне не хотелось бы, чтоб она с ним обращалась вольно. При мне, разумеется, она не смеет, но ведь не всегда же я с ними: они могут встретиться и в саду, и в комнатах без меня. Так я прошу, даже приказываю тебе...

У л и т а. Понимаю, матушка барыня, понимаю. Пожалуйте ручку! *(Целует руку Гурмыжской.)* Уж как я вас понимаю, так это только одно удивление. Давно уж я за ними, как тень, слоняюсь, шагу без меня не ступят; где они, тут и я.

Г у р м ы ж с к а я *(подумав)*. За то я тебя и люблю, что ты догадлива.

У л и т а *(с жаром)*. Догадлива, матушка барыня, догадлива. Вчера платьишко все в тлен изорвала, по кустам ползала, изожглась вся, по крапиве елозила, все подслушивала, что они промежду себя говорят.

Г у р м ы ж с к а я. Изорвала платье? Беда не велика, ты и вперед платья не жалей, у меня много; я тебе, за твое худое, хорошее подарю.

У л и т а *(таинственно)*. Вот и здесь давеча сошлись.

Г у р м ы ж с к а я. Что же давеча?

У л и т а. Да все этот дурак Карп мешал; а все-таки кое-что заметить было можно.

Г у р м ы ж с к а я. Что же ты заметила?

У л и т а. Она-то к нему очень ласкова; а он как будто так... *(делает жест рукой)* выражал, что я, дескать, не желаю.

Г у р м ы ж с к а я. Да?.. Не ошиблась ли ты? *(Смотрит ей в глаза.)*

У л и т а. И как будто так даже *(делает жест рукой)*...

Г у р м ы ж с к а я. Ну!

У л и т а. И как будто... так можно заметить, что ему не совсем-то... чтобы уж очень...

Г у р м ы ж с к а я. Врешь ты, мне кажется.

У л и т а. Нет уж, матушка барыня, у меня глаз на это очень замечателен... И как будто у него на уме что другое...

Г у р м ы ж с к а я. Ну уж, что у него на уме, этого ты знать не можешь. Далеко ты, кажется, заехала.

У л и т а. Да уж усердие-то мое...

Гурмыжская. Уж как ни велико твое усердие, а в чужом уме ты не была, значит, и болтать по пустякам нечего.

Молчание.

Улита, мы с тобой одних лет...

Улита. Матушка барыня, я постарше буду.

Гурмыжская. Мне этого не надо, ты напрасно... И я знаю, и ты знаешь, что мы ровесницы.

Улита. Право, матушка барыня, мне все кажется... Да что нам считать: обе мы сироты, вдовы безутешные...

Гурмыжская. Ну, ты не очень безутешная. Помнишь, что у нас с тобой было? Уж я и кротостью, и строгостью, ничто не помогало.

Улита. Да, было-то, матушка, точно, было; да уж давно прошло. А вот последние лет шесть, как вы сами-то в такой тишине...

Гурмыжская. Да я не замечаю...

Улита. Вот разрази меня!

Гурмыжская. Послушай, Улита! Скажи мне, только говори откровенно... когда случается тебе видеть красивого молодого человека... не чувствуешь ли ты чего, или не приходит ли тебе в голову, что вот приятно полюбить...

Улита. Что вы это! Старухе-то? Забыла, матушка барыня, все забыла.

Гурмыжская. Ну, какая еще ты старуха! Нет, ты говори!

Улита. Уж коли приказываете...

Гурмыжская. Да, приказываю.

Улита. Разве когда мечта *(нежно)*... так иногда найдет вроде как облако.

Гурмыжская *(в задумчивости)*. Поди прочь, мерзкая!

Улита встает, отходит к стороне и искоса посматривает. Гурмыжская встает и подходит к окну.

А ведь он мальчик недурен! Он на меня сразу произвел приятное впечатление. Ах, как я еще душой молода! Мне кажется, я до семидесяти лет способна буду влюбляться... И если б не мое благоразумие... Он меня не видит... *(Делает ручкой.)* Ах, красавчик!.. Да, твердые правила в жизни много значат. *(Оборачивается и видит Улиту.)* А ты здесь еще? Ну, пойдем; я тебе вместо одного платья два подарю.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Аксюша.
Петр.
Терёнька, мальчик Восмибратова.
Геннадий Несчастливцев } пешие путешественники.
Аркадий Счастливцев }

Лес; две неширокие дороги идут с противоположных сторон из глубины сцены и сходятся близ авансцены под углом. На углу крашеный столб, на котором, по направлению дорог, прибиты две доски с надписями; на правой: «В город Калинов», на левой: «В усадьбу Пеньки, помещицы г-жи Гурмыжской». У столба широкий, низенький пень, за столбом, в треугольнике между дорогами, по вырубке мелкий кустарник не выше человеческого роста. Вечерняя заря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аксюша выходит из лесу с левой стороны и садится на пень; Петр выходит из лесу с правой стороны и потом мальчик.

Петр *(громко)*. Теренька!

Из лесу выходит мальчик.

Влезь на дерево там, с краю, и, значит, смотри по дороге в оба... Да ты не засни, а то кто-нибудь застрелит заместо тетерева. Слышишь?

Мальчик *(робко)*. Слышу.

Петр. Как, значит, тятенька, ты в те поры так и катись с дерева турманом, и прямо сюда. *(Поворачивает его и дает ему легкий подзатыльник.)* Ну, пошел.

Мальчик отходит.

Да, пожалуйста, братец, поразвязней!

Мальчик уходит в лес.

Аксюша *(подходя к Петру)*. Здравствуй, Петя!

Петр *(целуя ее)*. Здравствуй; какие дела?

Аксюша. Все те же, немножко хуже.

Петр. А мы так наслышаны, что много лучше.

Аксюша. Что ты сочиняешь!

Петр. За благородного выходите? Оно лучше-с; может, еще на разные языки знает; и то уж много превосходнее, что пальты коротенькие носит, не то что мы.

А к с ю ш а *(зажимая ему рот)*. Да полно ты, полно! Ведь знаешь, что этому не бывать, что ж прибираешь-то?

П е т р. Как же, значит, не бывать, когда тетенька сами давеча...

А к с ю ш а. Не бойся, не бойся!

П е т р. Так уж ты прямо и говори, чья ты? Своя ты или чужая?

А к с ю ш а. Своя, милый мой, своя. Да, кажется, меня и неволить не будут. Тут что-то другое.

П е т р. Отвод?

А к с ю ш а. Похоже.

П е т р. А уж я давеча натерпелся. Тятенька таки о тебе словечко закинул, а она ему напрямки: «Просватана». Так веришь ты, пока они разговаривали, меня точно кипятком шпарили. А потом тятенька два часа битых ругал; отдохнет да опять примется. Ты, говорит, меня перед барыней дураком поставил.

А к с ю ш а. Она бы рада меня с рук сбыть, да денег жаль. Что ж, отец-то твой все еще приданого ищет?

П е т р. Меньше трех тысяч не мирится. «Ежели, говорит, за тебя трех тысяч не взять, не стоило, говорит, тебя и кормить. Хоть на козе, говорит, женю, да с деньгами».

А к с ю ш а. Делать нечего, трех тысяч мне взять негде. У меня-то спрашивал ты, чья я; ты-то чей? Свой ли?

П е т р. Я-то чужой, про меня что говорить! Я каторжный, по рукам, по ногам скованный навеки нерушимо.

А к с ю ш а. Что ты такой грустный, неласковый?

П е т р. Да чему радоваться-то? Я и то уж по лесу-то хожу, да все на деревья посматриваю, который сук покрепче. Самой-то, чай, тоже не веселей моего.

А к с ю ш а. Мне ни скучно, ни весело, я уж замерла давно. А ты забудь свое горе на время-то, пока я с тобой!

П е т р. Так-то так, да все радости-то мало.

А к с ю ш а. Ах ты, глупый! Как же тебе не радость, какая девушка тебя любит.

П е т р. Да что ж меня не любить-то? Я не мордва некрещеная. Да что вам делать-то больше, как не любить? Ваша такая обязанность.

А к с ю ш а *(сердито)*. Поди ты прочь, коли так.

П е т р. Нечего сердиться-то! У меня теперь засад в голове,— третий день думаю, да мозги что-то плохо поворачиваются; и так кину, и этак...

А к с ю ш а *(все еще с сердцем)*. Об чем это ты думаешь? Ты бы обо мне-то подумал; нужно ведь подумать-то.

П е т р. О тебе-то и думаю. У меня надвое; вот одно дело: приставать к тятеньке. Нынче он, примерно, поругает, а я завтра опять за то же. Ну, завтра, будем так говорить, хоть и прибьет, а я послезавтра опять за то же; так, покудова ему не надоест ругаться. Да чтоб уж кряду, ни одного дня не пропускать. Либо он убьет меня поленом, либо сделает по-моему; по крайности развязка.

А к с ю ш а *(подумав)*. А другое-то что?

П е т р. А другое дело почудней будет. У меня есть своих денег рублев триста; да ежели закинуть горсть на счастье в тятенькину конторку, так пожалуй что денег-то и вволю будет.

А к с ю ш а. А потом что ж?

П е т р. А потом уж «унеси ты мое горе» — сейчас мы с тобой на троечку; «ой вы, милые!» Подъехали к Волге; ссь... тпру! на пароход; вниз-то бежит он ходко, по берегу-то не догонишь. Денек в Казани, другой в Самаре, третий в Саратове; жить, чего душа просит; дорогого чтоб для нас не было.

А к с ю ш а. А знакомых встретишь?

П е т р. А вот взял сейчас один глаз зажмурил, вот тебе и кривой; и не узнают. Я так тебе дня три прохожу. А то еще раз какой со мной случай, я тебе скажу. Посылал меня тятенька в Нижний за делом, да чтоб не мешкать. А в Нижнем-то нашлись приятели, заманили в Лысково съездить. Как быть? Узнают дома — беда. Вот я чужую чуйку надел, щеку подвязал, еду. На пароходе как раз тятенькин знакомый: я, знаешь, от него не прячусь, хожу смело, он все поглядывает. Вот вижу, подходит. «Вы, говорит, откуда едете?» — «Из Мышкина»,— говорю. А я там сроду и не бывал. «Что-то, говорит, лицо ваше знакомо».— «Мудреного нет»,— говорю; а сам, знаешь, мимо. Подходит он ко мне в другой раз все с тем же, подходит в третий, все пытает. Взяло меня за сердце. «Мне самому, говорю, лицо ваше знакомо. Не сидели ли мы с вами вместе в остроге в Казани?» Да при всей публике-то. Так он не знал, как откатиться от меня; ровно я его из штуцера застрелил. Встреча что!

А к с ю ш а. А проживем мы деньги, что ж потом?

П е т р. Вот тут-то я не додумал еще. Либо ехать виниться, либо выбрать яр покруче, а место поглубже, да чтоб воду-то воронкой вертело, да и по-топорному, как топоры плавают. Надо подумать еще...

А к с ю ш а. Нет, уж ты, Петя, лучше первое-то попробуй.

П е т р. Надоедать, стало быть?

А к с ю ш а. Да. Ну, а уж там, коли... там подумаем. Ты проберись завтра к нам в сад попозднее, у нас рано ложатся.

Петр. Ладно.

Вбегает мальчик.

Что?

Мальчик. Тятенька. *(Быстро убегает.)*

Петр *(проворно)*. Значит, шабаш. Бежать во все лопатки! Прощай!

Целуются и расходятся.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С правой стороны из глубины показывается Несчастливцев. Ему лет 35, но на лицо он гораздо старее, брюнет, с большими усами. Черты резкие, глубокие и очень подвижные, следы беспокойной и невоздержной жизни. На нем длинное и широкое парусиновое пальто, на голове серая, очень поношенная шляпа, с широкими полями, сапоги русские, большие, в руках толстая, суковатая палка, за спиной небольшой чемодан, вроде ранца, на ремнях. Он, видимо, утомлен, часто останавливается, вздыхает и бросает мрачные взгляды исподлобья. В то же время с другой стороны показывается Счастливцев; ему лет за 40, лицо как будто нарумяненное, волоса на голове вроде вытертого меха, усы и эспаньолка тонкие, жидкие, рыжевато-пепельного цвета, глаза быстрые, выражающие и насмешливость и робость в одно и то же время. На нем голубой галстук, коротенький пиджак, коротенькие панталоны в обтяжку, цветные полусапожки, на голове детский картузик — все очень поношенное, на плече, на палке, повешено самое легкое люстриновое пальто и узел в цветном платке. Утомлен, переводит дух тяжело и смотрит кругом с улыбкой, не то печальной, не то веселой. Сходятся.

Несчастливцев *(мрачно)*. Аркашка!

Счастливцев. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть весь тут.

Несчастливцев. Куда и откуда?

Счастливцев. Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с?

Несчастливцев. Из Керчи в Вологду. Ты пешком?

Счастливцев. На своих-с, Геннадий Демьяныч. *(Полузаискивающим-полунасмешливым тоном.)* А вы-с, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев *(густым басом)*. В карете. *(Горячо.)* Разве ты не видишь? Что спрашиваешь? Осел!

Счастливцев *(робко)*. Нет, я так-с...

Несчастливцев. Сядем, Аркадий!

Счастливцев. Да на чем же-с?

Несчастливцев *(указывая на пень)*. Я здесь, а ты где хочешь. *(Садится, снимает чемодан и кладет подле себя.)*

Счастливцев. Что это у вас за ранец-с?

Несчастливцев. Штука отличная. Сам, братец, сшил для дороги. Легко и укладисто.

Счастливцев *(садится на землю подле пня)*. Хорошо, кому есть что класть. Что же у вас там-с?

Несчастливцев. Пара платья, братец, хорошего, в Полтаве еврей сшил. Тогда я в Ильинскую, после бенефиса, много платья сделал. Складная шляпа, братец, два парика, пистолет тут у меня хороший, у черкеса в карты выиграл в Пятигорске. Замок попорчен; как-нибудь, когда в Туле буду, починить прикажу. Жаль, фрака нет; был фрак, да я его в Кишиневе на костюм Гамлета выменял.

Счастливцев. Да на что же вам фрак-с?

Несчастливцев. Как ты еще глуп, Аркашка, как погляжу я на тебя! Ну, приду я теперь в Кострому, в Ярославль, в Вологду, в Тверь, поступлю в труппу,— должен я к губернатору явиться, к полицеймейстеру, по городу визиты сделать? Комики визитов не делают, потому что они шуты, а трагики — люди, братец. А у тебя что в узле?

Счастливцев. Библиотека-с.

Несчастливцев. Большая?

Счастливцев. Пиес тридцать и с нотами.

Несчастливцев *(басом)*. Драмы есть?

Счастливцев. Только две-с, а то все водевили.

Несчастливцев. Зачем ты такую дрянь носишь?

Счастливцев. Денег стоит-с. Бутафорские мелкие вещи есть, ордена...

Несчастливцев. И все это ты стяжал?..

Счастливцев. И за грех не считаю, жалованье задерживают.

Несчастливцев. А платье у тебя где ж?

Счастливцев. Вот, что на мне-с, а то уж давно никакого нет-с.

Несчастливцев. Ну, а как же ты зимой?

Счастливцев. Я, Геннадий Демьяныч, обдержался-с. В дальнюю дорогу точно трудно-с; так ведь кто на что, а голь на выдумки. Везли меня в Архангельск, так в большой ковер закатывали. Привезут на станцию, раскатают, а в повозку садиться, опять закатают.

Несчастливцев. Тепло?

Счастливцев. Ничего, доехал-с; а много больше тридцати градусов было. Зимняя дорога-то Двиной, между берегов-то тяга; ветер-то с севера, встречу. Так вы в Вологду-с? Там теперь и труппы нет.

Несчастливцев. А ты в Керчь? И в Керчи тоже, брат, труппы нет.

Счастливцев. Что же делать-то-с, Геннадий Демьяныч, пройду в Ставрополь или в Тифлис, там уж неподалеку-с.

Несчастливцев. Мы с тобой в последний раз в Кременчуге виделись?

Счастливцев. В Кременчуге-с.

Несчастливцев. Ты тогда любовников играл; что же ты, братец, после делал?

Счастливцев. После я в комики перешел-с. Да уж очень много их развелось; образованные одолели: из чиновников, из офицеров, из университетов — все на сцену лезут. Житья нет. Из комиков-то я в суфлеры-с. Каково это для человека с возвышенной душой-то, Геннадий Демьяныч? В суфлеры!..

Несчастливцев *(со вздохом)*. Все там будем, брат Аркадий.

Счастливцев. Одна была у нас дорожка, Геннадий Демьяныч, и ту перебивают.

Несчастливцев. Оттого, что просто; паясничать-то хитрость не велика. А попробуй-ка в трагики! Вот и нет никого.

Счастливцев. А ведь игры хорошей у образованных нет, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Нет. Какая игра! Мякина!

Счастливцев. Канитель.

Несчастливцев. Канитель, братец. А как пьесы ставят, хоть бы и в столицах-то. Я сам видел: любовник тенор, резонер тенор и комик тенор; *(басом)* основания-то в пьесе и нет. И смотреть не стал, ушел. Ты зачем это эспаньолку завел?

Счастливцев. А что же-с?

Несчастливцев. Скверно. Русский ты человек али нет? Что за гадость? Терпеть не могу. Обрей совсем или уж бороду отпусти.

Счастливцев. Я пробовал бороду-с, да не выходит.

Несчастливцев. Как так? Что ты врешь?

Счастливцев. Да вместо волос-то перья растут, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Гм! Перья! Рассказывай еще! Говорю тебе, обрей. А то попадешь мне под сердитую руку... с своей эспаньолкой... смотри!

Счастливцев *(робко)*. Обрею-с.

Несчастливцев. А я, брат Аркаша, там, на юге, расстроился совсем.

Счастливцев. Отчего же так-с, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев. Характер, братец. Знаешь ты меня: лев ведь я. Подлости не люблю, вот мое несчастие. Со всеми антрепренерами перессорился. Неуважение, братец, интриги; искус-

ства не ценят, всё копеечники. Хочу у вас, на севере, счастья попробовать.

Счастливцев. Да ведь и у нас то же самое, и у нас не уживетесь, Геннадий Демьяныч. Я вот тоже не ужился.

Несчастливцев. Ты... тоже!.. Сравнял ты себя со мной.

Счастливцев *(обидясь)*. Еще у меня характер-то лучше вашего, я смирнее.

Несчастливцев *(грозно)*. Что-о?

Счастливцев *(отодвигаясь)*. Да как же, Геннадий Демьяныч-с? Я смирный, смирный-с... Я никого не бил.

Несчастливцев. Так тебя били, кому только не лень было. Ха-ха-ха! И всегда так бывает: есть люди, которые бьют, и есть люди, которых бьют. Что лучше — не знаю: у всякого свой вкус. И смеешь ты...

Счастливцев *(отодвигаясь)*. Ничего я не смею, а вы сами сказали, что не ужились.

Несчастливцев. Не ужились?.. А тебя из какого это города губернатор-то выгнал? Ну, сказывай!

Счастливцев. Что сказывать-то? Мало ли что болтают. Выгнал... А за что выгнал, как выгнал?

Несчастливцев. Как выгнал? И то слышал, и то известно, братец. Три раза тебя выбивали из города; в одну заставу выгонят, ты войдешь в другую. Наконец уж губернатор вышел из терпения: стреляйте его, говорит, в мою голову, если он еще воротится.

Счастливцев. Уж и стрелять! Разве стрелять можно?

Несчастливцев. Стрелять не стреляли, а четыре версты казаки нагайками гнали.

Счастливцев. Совсем и не четыре.

Несчастливцев. Ну, будет, Аркадий! Не раздражай ты меня, братец! *(Повелительно.)* Подвигайся! *(Встает.)*

Счастливцев. Подвигаюсь, Геннадий Демьяныч, *(Встает.)*

Несчастливцев. Да, брат Аркадий, разбился я с театром; а уж и жаль теперь. Как я играл! Боже мой, как я играл!

Счастливцев *(робко)*. Очень хорошо-с?

Несчастливцев. Да так-то хорошо, что... Да что с тобой толковать! Что ты понимаешь! В последний раз в Лебедяни играл я Велизария, сам Николай Хрисанфыч Рыбаков смотрел. Кончил я последнюю сцену, выхожу за кулисы, Николай Рыбаков тут. Положил он мне так руку на плечо... *(С силою опускает руку на плечо Счастливцеву.)*

Счастливцев *(приседая от удара)*. Ой! Геннадий Демьяныч, батюшка, помилосердуйте! Не убивайте! Ей-богу, боюсь.

Несчастливцев. Ничего, ничего, брат; я легонько, только пример... *(Опять кладет руку.)*

Счастливцев. Ей-богу, боюсь! Пустите! Меня ведь уж раз так-то убили совсем до смерти.

Несчастливцев *(берет его за ворот и держит)*. Кто? Как?

Счастливцев *(жмется)*. Бичевкин. Он Ляпунова играл, а я Фидлера-с. Еще на репетиции он все примеривался. «Я, говорит, Аркаша, тебя вот как в окно выкину: этой рукой за ворот подниму, а этой поддержу, так и высажу. Так, говорит, Каратыгин делал». Уж я его молил, молил, и на коленях стоял: «Дяденька, говорю, не убейте меня!» — «Не бойся, говорит, Аркаша, не бойся!» Пришел спектакль, подходит наша сцена; публика его принимает; гляжу: губы у него трясутся, щеки трясутся, глаза налились кровью. «Постелите, говорит, этому дураку под окном что-нибудь, чтоб я в самом деле его не убил». Ну, вижу, конец мой приходит. Как я пробормотал сцену — уж не помню; подходит он ко мне, лица человеческого нет, зверь зверем; взял меня левою рукою за ворот, поднял на воздух; а правой как размахнется, да кулаком меня по затылку как хватит... Света я невзвидел, Геннадий Демьяныч, сажени три от окна-то летел, в женскую уборную дверь прошиб. Хорошо трагикам-то! Его тридцать раз за эту сцену вызвали; публика чуть театр не разломала, а я на всю жизнь калекой мог быть, немножко бог помиловал... Пустите, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев *(держит его за ворот)*. Эффектно! Надо это запомнить. *(Подумав.)* Постой-ка! Как ты говоришь? Я попробую.

Счастливцев *(падая на колени)*. Батюшка, Геннадий Демьяныч!..

Несчастливцев *(выпускает его)*. Ну, не надо, убирайся! В другой раз... Так вот положил он мне руку на плечо. «Ты, говорит... да я, говорит... умрем, говорит»... *(Закрывает лицо и плачет. Отирая слезы.)* Лестно. *(Совершенно равнодушно.)* У тебя табак есть?

Счастливцев. Какой табак, помилуйте! Крошки нет.

Несчастливцев. Как же ты в дорогу идешь, а табаком не запасся? Глуп.

Счастливцев. Да ведь и у вас нет?

Несчастливцев. «У вас нет». Смеешь ты мне это

говорить? У меня такой был, какого ты и не видывал, одесский, первый сорт от Криона, да теперь вышел.

Счастливцев. И у меня тоже вышел-с.

Несчастливцев. А денег с тобой много?

Счастливцев. У меня и сроду много-то не было, а теперь копейки за душой нет.

Несчастливцев. Как же в дорогу без денег-то? Без табаку и без денег. Чудак!

Счастливцев. Лучше, не ограбят-с. Да разве не все равно без денег-то, что на месте сидеть, что по дороге идти?

Несчастливцев. Ну, до Воронежа, положим, ты с богомольцами дойдешь, Христовым именем пропитаешься; а дальше-то как? Землей войска Донского? Там, не то что даром, а и за деньги не накормят табачника. Облика христианского на тебе нет, а ты хочешь по станицам идти: ведь казачки-то тебя за беса сочтут — детей стращать станут.

Счастливцев. Уж вы не хотите ли мне взаймы дать, Геннадий Демьяныч? Надо правду сказать, душа-то нынче только у трагиков и осталась. Вот покойный Корнелий, бывало, никогда товарищу не откажет, последними поделится. Всем бы трагикам с него пример брать.

Несчастливцев. Ну, ты этого мне не смей говорить! И у меня тоже душа широкая; только денег я тебе не дам, самому, пожалуй, не хватит. А пожалеть тебя, брат Аркашка, я пожалею. У тебя нет тут поблизости родных или знакомых?

Счастливцев. Нет; да ведь если б и были, так они денег не дадут.

Несчастливцев. Не об деньгах речь! А хорошо бы отдохнуть с дороги, пирогов домашних, знаешь, наливочки попробовать. Как же это, братец ты мой, у тебя ни родных, ни знакомых нет? Что же ты за человек?

Счастливцев. Да ведь и у вас тоже нет.

Несчастливцев. У меня-то есть, да я было хотел мимо пройти, горд я очень. Да уж, видно, завернуть.

Счастливцев. Ведь и у родных-то тоже не велика радость нам, Геннадий Демьяныч. Мы народ вольный, гулящий,— нам трактир дороже всего. Я у родных-то пожил, знаю. У меня есть дяденька, лавочник в уездном городе, верст за пятьсот отсюда, погостил я у него, да кабы не бежал, так...

Несчастливцев. Что же?

Счастливцев. Нехорошо-с. Да вот я вам расскажу-с. Шлялся я без дела месяца три, надоело; дай, думаю, дяденьку навещу. Ну и пришел-с. Долго меня в дом не пущали, все разные лица на крыльцо выглядывали. Наконец выходит сам. «Ты,

говорит, зачем?» — «Навестить, говорю, вас, дяденька».— «Значит, ты свои художества бросил?» — «Бросил»,— говорю. «Ну, что ж, говорит, вот тебе каморка, поживи у меня, только прежде в баню сходи». Стал я у них жить. Встают в четыре часа, обедают в десять; спать ложатся в восьмом часу; за обедом и за ужином водки пей сколько хочешь, после обеда спать. И все в доме молчат, Геннадий Демьяныч, точно вымерли. Дядя с утра уйдет в лавку, а тетка весь день чай пьет и вздыхает. Взглянет на меня, ахнет и промолвит: «Бессчастный ты человек, душе своей ты погубитель!» Только у нас и разговору. «Не пора ли тебе, душе своей погубитель, ужинать; да шел бы ты спать».

Несчастливцев. Чего ж тебе лучше?

Счастливцев. Оно точно-с, я было поправился и толстеть уже стал, да вдруг как-то за обедом приходит в голову мысль: не удавиться ли мне? Я, знаете ли, тряхнул головой, чтоб она вышла, погодя немного опять эта мысль, вечером опять. Нет, вижу, дело плохо, да ночью и бежал из окошка. Вот каково нашему брату у родных-то.

Несчастливцев. Я бы и сам, братец, не пошел, да, признаться тебе сказать, устал, а еще до Рыбинска с неделю пропутешествуешь, да и дело-то найдешь ли, неизвестно. Вот, если бы нам найти актрису драматическую, молодую, хорошую...

Счастливцев. Тогда бы уж и хлопотать нечего-с, мы бы сами-с... остальных подобрать легко. Мы бы такую труппу составили... Я кассиром...

Несчастливцев. За малым дело стало, актрисы нет.

Счастливцев. Да их теперь и нигде нет-с.

Несчастливцев. Да понимаешь ли ты, что такое драматическая актриса? Знаешь ли ты, Аркашка, какую актрису мне нужно? Душа мне, братец, нужна, жизнь, огонь.

Счастливцев. Ну, уж огня-то, Геннадий Демьяныч, днем с огнем не найдешь.

Несчастливцев. Ты у меня не смей острить, когда я серьезно разговариваю. У вас, водевильных актеров, только смех на уме, а чувства ни на грош. Бросится женщина в омут головой от любви — вот актриса. Да чтоб я сам видел, а то не поверю. Вытащу из омута, тогда поверю. Ну, видно, идти.

Счастливцев. Куда-с?

Несчастливцев. Не твое дело. Пятнадцать лет, братец, не был, а ведь я чуть не родился здесь. Детские лета, невинные игры, голубятни, знаешь ли, все это в памяти. *(Опускает голову.)* Что ж, отчего ей не принять меня? Она уж старушка; ей, по самому дамскому счету, давно за пятьдесят лет. Я ее не забывал, посылал, братец, ей часто подарки. Из Карасубазара

послал ей туфли татарские, мороженную нельму из Иркутска, бирюзы — из Тифлиса, кирпичного чаю, братец, из Ирбита, балык — из Новочеркасска, малахитовые четки — из Екатеринбурга, да всего и не упомнишь. Конечно, лучше бы нам с тобой подъехать к крыльцу в карете; дворня навстречу... а теперь пешком, в рубище. *(Утирает слезы.)* Горд я, Аркадий, горд! *(Надевает чемодан.)* Пойдем, и тебе угол будет.

Счастливцев. Куда же, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев. Куда? *(Указывает на столб.)* Читай!

Счастливцев *(читает)*. В усадьбу «Пеньки», помещицы госпожи Гурмыжской.

Несчастливцев. Туда ведет меня мой жалкий жребий. Руку, товарищ.

Медленно уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Гурмыжская.
Буланов.
Несчастливцев.
Счастливцев.
Восмибратов.
Петр.
Карп.

Старый густой сад; налево от зрителей невысокая терраса барского дома, уставленная цветами; с террасы сход в три или четыре ступени.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гурмыжская на террасе. Буланов в саду.

Буланов *(увидав Гурмыжскую, помогает ей сойти с террасы и целует ее руку)*. С добрым утром, Раиса Павловна!

Гурмыжская. Здравствуй, мой друг!

Буланов *(с участием)*. Как ваше здоровье-с?

Гурмыжская. Благодарю тебя, мой милый. Я здорова и как-то особенно свежо чувствую себя сегодня, несмотря на то, что плохо ночь спала. Какое-то волнение, и такие все неприятные сны видела. Ты снам веришь?

Буланов. Как же не верить-с? Может быть, если б я поучился побольше, я б и не верил-с. *(Злобно улыбаясь.)* А ведь я не доучился-с, я и растрепанный не хожу, и умываюсь каждый день, и снам верю-с.

Гурмыжская. Бывают сны, которых целый день не выживешь из головы.

Буланов. Что же вы, Раиса Павловна, изволили видеть?

Гурмыжская. Ну, положим, что я тебе всего не скажу.

Буланов. Извините!

Гурмыжская. И вины никакой нет. Другой сон я тебе скажу, а этот нет.

Буланов. Отчего же-с?

Гурмыжская. Оттого, что рассказывать сны иногда точно то же, что рассказывать свои тайные мысли или желания; а это не всегда удобно: я — женщина, ты — мужчина.

Буланов. Так что ж, что мужчина-с?

Гурмыжская. Уж это такая невинность, что из рук вон. Ну, я тебя видела.

Буланов. Меня? Это мне очень приятно-с.

Гурмыжская. Будто?

Буланов. Значит, вы обо мне думали-с, как почивать ложились.

Гурмыжская. Скажите пожалуйста! И ты этим очень доволен?

Буланов. Да как же не доволен-с? Я все боюсь, что вы на меня рассердитесь за что-нибудь и прогоните к маменьке.

Гурмыжская. Ах, как это смешно! Да за что же мне рассердиться на тебя? Бедный, ты меня боишься?

Буланов. Как же не бояться; говорят, вы очень строги.

Гурмыжская. Это хорошо, что так говорят. Но с тобой, мой друг, я строга не буду: хуже всего для тебя, если ты меня будешь бояться.

Буланов. Хорошо-с. Вот, если б я знал...

Гурмыжская. Что?

Буланов. Как угодить вам.

Гурмыжская. Догадайся.

Буланов. Догадаться-то разве легко-с? Да у меня на это и ума нет.

Гурмыжская. На что же у тебя ум?

Буланов. На все, что прикажут; вот еще имением управлять, мужиками-с. Если б были крепостные, вам бы лучше меня управляющего не найти; нужды нет, что я молод.

Гурмыжская. Ах, этот сон! Нейдет из головы, да и только.

Буланов. Чем же он вас так беспокоит?

Гурмыжская. Довольно трудно объяснить; но с тобой я могу говорить откровенно; я вижу, что ты мне предан. Вот видишь: у меня есть племянник.

Буланов. Я знаю-с. Вы его очень любите и часто говорите про него.

Гурмыжская. Мой друг, иногда говорят одно, а думают совсем другое. Зачем я всякому стану объяснять свои чувства! Я по родству должна любить его, ну, я и говорю, что люблю.

Буланов. А в самом-то деле не любите?

Гурмыжская. Не то что не люблю, а... как тебе сказать... он теперь лишний. Я так покойна, я уж задумала, как мне распорядиться своим состоянием, и вдруг он явится. Как ему отказать! Надо будет и ему дать какую-нибудь часть, и я должна буду отнять у того, кого люблю...

Буланов. Так вы не отдавайте-с.

Гурмыжская. Да нельзя. За что ж я ему откажу, если он почтителен и ведет себя хорошо! Да я здесь так себя поставила, что отказать родственнику не могу. Ну, а если он приедет без средств? надо будет его содержать; пожалуй, захочет поселиться у меня. Ведь не выгнать же его.

Буланов. Прикажите мне, я выгоню.

Гурмыжская *(с испугом)*. Ах, сохрани тебя бог! Береги себя, береги! Вот что я видела во сне: будто он приехал и убил тебя из пистолета при моих глазах.

Буланов. Меня? Ну, еще мы это посмотрим-с. Да вы, Раиса Павловна, лучше о нем не думайте, а то он все вам будет сниться.

Гурмыжская. Он очень умен был до сих пор, пятнадцать лет сюда и не заглядывал. Желала бы я, очень желала, чтоб и еще пятнадцать лет так прошло.

Буланов. Так вы, Раиса Павловна, лучше о нем забудьте совсем и не говорите, а то, чего доброго, накличете, пожалуй.

Гурмыжская. В самом деле, как бы не накликать.

Входит Карп.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гурмыжская, Буланов, Карп.

Карп. Пожалуйте, сударыня, чай кушать, самовар готов-с.

Гурмыжская. Пойдем, Алексис!

Карп. Сударыня, сегодня ночью барин приехали.

Гурмыжская. Барин? Какой барин?

Карп. Геннадий Демьяныч-с.

Гурмыжская *(с испугом)*. Неужели? Слышишь, Алексис? *(Карпу.)* Где же он?

Карп. Я их в беседку проводил, там и почивать им приготовил-с. Они говорили, что остановились в городе в гостинице, всю поклажу там оставили, а к нам пешком из городу вместо прогулки.

Гурмыжская. Еще ничего не говорил?

Карп. Ничего-с. Они были не в духе-с.

Гурмыжская. Как не в духе?

Карп. Как вроде в забвении-с; надо полагать, с дороги-с. Требовали бумаги и чернил; долго ходили по беседке, все думали; сели к столу, написали записку и приказали вам отдать. *(Подает записку.)*

Гурмыжская. Что такое? Стихи какие-то. *(Читает.)*

Судьба моя, жестокая!
Жестокая, судьба моя!
Ах, теперь одна могила...

Что это, Алексис? Я не понимаю.

Буланов. Вы не понимаете, а мне-то где же-с?

Гурмыжская *(Карпу)*. Он спит?

Карп. Никак нет-с. Встали рано и ушли, должно быть, купаться. Я их сегодня не видал-с.

Гурмыжская. Ну, когда придет, проси в гостиную чай кушать!

Карп. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Гурмыжская *(пожимая плечами)*. Вот и не верь снам. Пойдем, Алексис.

Уходят.

Выходят: Несчастливцев, одетый очень прилично, на голове черная складная шляпа, и Счастливцев в прежнем костюме.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Несчастливцев, Счастливцев.

Несчастливцев. Ну, Аркадий, тетушка моя женщина почтенная, строгая; я не хочу, братец, чтоб она знала, что я актер, да еще провинциальный. *(Грозит пальцем.)* Смотри, не проговорись; я Геннадий Демьяныч Гурмыжский, капитан в отставке

или майор, уж как тебе угодно будет; одним словом, я барин, а ты мой лакей.

Счастливцев. Как лакей?

Несчастливцев. Так, просто, лакей, да и все тут. Нельзя ж мне тебя вести в гостиную! Как я тебя представлю тетеньке? Она женщина набожная, в доме, братец, тишина, скромность — и вдруг, представьте себе,— физиономия. А лакеем быть тебе, с твоей рожей, братец, в самый раз.

Счастливцев. Нет уж, извините! Это еще неизвестно.

Несчастливцев. Что неизвестно?

Счастливцев. Насчет рожи-то.

Несчастливцев. Нет, уж ты, брат Аркадий, не сомневайся.

Счастливцев. Да, как же!

Несчастливцев *(грозно)*. Так же, говорю я тебе! Чего тебе еще? Накормят тебя здесь хорошо, служить ты будешь только мне.

Счастливцев. Да ведь я горд, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Очень мне нужно, что ты горд. Не тебе чета, сам Мартынов играл лакеев, а ты стыдишься! Как ты, братец, глуп!

Счастливцев. Да ведь то на сцене.

Несчастливцев. Ну, и ты, братец, представь себе, что ты на сцене.

Счастливцев. Нет, я не хочу. Ишь что выдумали! Как же! Я лучше уйду, и у меня есть амбиция.

Несчастливцев. Я знаю, что амбиция есть; а паспорт есть ли?

Счастливцев. Вам что за дело?

Несчастливцев. А вот что: уйди попробуй, так увидишь. Мне, братец, только мигнуть, и пойдешь ты по этапу на место жительства, как бродяга. Я ведь знаю, ты двенадцать лет без паспорта ходишь. Вместо паспорта у тебя в кармане статья Курских губернских ведомостей, где напечатано, что приехал актер такой-то и играл очень скверно. Вот и весь твой вид. Ну, что ж ты замолчал? То-то же! А ты сделай, братец, для меня! Кто тебя просит, подумай! Ну, по-товарищески, понимаешь, по-товарищески!

Счастливцев. Если по-товарищески, я пожалуй.

Несчастливцев. Ты не подумай, братец, что я гнушаюсь своим званием. А неловко, братец; дом такой: тишина, смирение. А ведь мы с тобой почти черти, немного лучше. Сам знаешь: скоморох попу не товарищ. Только ты насчет ссоры или

драки, ну, и насчет чужого поостерегись, Аркаша! Хоть тебе и трудно будет, а постарайся, братец, вести себя, как следует порядочному лакею. Вот, во-первых, сними, братец, картуз да отойди к стороне, кто-то идет.

Входит Карп.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Несчастливцев, Счастливцев, Карп.

Карп. Здравствуйте, батюшка барин! Как почивать изволили?

Несчастливцев. Ничего, братец, соснул недурно.

Карп. Что это, сударь, как вы постарели.

Несчастливцев. Жизнь, братец...

Карп. Понимаю, сударь, как не понимать. Тоже ведь эта служба...

Несчастливцев. Да, братец, эта служба...

Карп. Опять же сударь, и походы...

Несчастливцев *(со вздохом)*. Ох, походы, походы!

Карп. С места на место, сударь...

Несчастливцев. Да, брат, с места на место. Вы как здесь поживаете?

Карп. Какая наша жизнь, сударь! Живем в лесу, молимся пенью, да и то с ленью. Пожалуйте, сударь, пожалуйте! Тетенька вас чай кушать дожидаются.

Несчастливцев *(подходя к террасе)*. Послушай, Карп, не забудь моего Аркашку, напой чайком, братец!

Карп. Слушаю, сударь, будьте покойны.

Несчастливцев уходит.

Счастливцев. Ах, черт возьми, ушел, оставил с хамом! Вот уж он и с разговором лезет.

Карп. Как вас звать?

Счастливцев. Сганарель.

Карп. Вы кто же будете? Иностранец, что ли?

Счастливцев. Иностранец буду. А вас как?

Карп. Карп Савельич.

Счастливцев. Не может быть.

Карп. Верно.

Счастливцев. Да ведь карп — рыба.

Карп. То карпия.

Счастливцев. Да что карпия, что карп — все равно. Уж лучше бы вас Сазаном Савельичем звали.

К а р п. Ну, как можно. Хотите чаю?

С ч а с т л и в ц е в. Нет.

К а р п. Как нет?

С ч а с т л и в ц е в. Так, нет.

К а р п. Так-таки совсем и не хотите?

С ч а с т л и в ц е в. Совсем и не хочу.

К а р п. Да почему же так?

С ч а с т л и в ц е в. Потому же.

К а р п. Это я не понимаю.

С ч а с т л и в ц е в. Очень просто. Оно после купанья-то лучше бы...

К а р п. Само собой, что лучше бы... только где взять?

С ч а с т л и в ц е в. Потрудитесь, Окунь Савельич!

К а р п. Да не окунь, Карп. Нешто у ключницы попросить?

С ч а с т л и в ц е в. Попросите да принесите к нам в беседку!

К а р п. Да уж постараюсь для вас.

С ч а с т л и в ц е в. Постарайтесь, Налим Савельич! *(Кланяется и уходит.)*

К а р п. Ах шут гороховый! Откуда его вывезли, из каких таких земель? Должно быть, издалёка. Вот так камардин. Да и то сказать — образование; а здесь что? Одно слово: лес.

Входят В о с м и б р а т о в и П е т р.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К а р п, В о с м и б р а т о в, П е т р.

К а р п. Вам что?

В о с м и б р а т о в. Барыню любопытно бы видеть, любезнейший.

К а р п. Дожидайтесь своего термину, когда вас позовут.

П е т р. Да чудак, ведь у нас с тятенькой дела.

К а р п. Нужда нам велика до ваших дел! Нельзя же, помилуйте! Куда же вы лезете!

П е т р. А ты все-таки поди доложь, попробуй!

К а р п. Как вы говорите доложить, коли заняты с полковником. Племянник ихний приехал.

В о с м и б р а т о в. Полковник?

К а р п. Разумеется, полковник... Пятнадцать лет не видавшись.

В о с м и б р а т о в. Надолго?

К а р п. Зачем ему надолго? Совсем приехали.

В о с м и б р а т о в *(подумав)*. Строги?

К а р п. Само собой, а то как же! Об чем говорить еще! Какое звание! Возьмите себе в ум!

В о с м и б р а т о в *(махнув рукой)*. Ну, пущай их!.. А ты все-таки в свое время... *(Уходит, за ним Петр.)*

К а р п. Учите еще!

Выходят из дому Н е с ч а с т л и в ц е в и Б у л а н о в. Карп уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Н е с ч а с т л и в ц е в и Б у л а н о в.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Какова у меня сестренка, братец?

Б у л а н о в. Да-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Женись, братец, женись!

Б у л а н о в. Вы одобряете?

Н е с ч а с т л и в ц е в. Да мне-то что за дело? Родятся люди, женятся, умирают; значит, так нужно, значит, хорошо.

Б у л а н о в. Прошу вас полюбить меня-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Да на что тебе моя любовь? Что в ней, братец, толку?

Б у л а н о в. Все-таки-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Разве наследства ждешь? Жди, братец, жди! А ты вот что: ты подыграйся к тетушке, она женщина богатая. Молод еще ты; а впрочем, как знать, эти способности рано открываются. Умеешь?

Б у л а н о в *(стыдливо)*. Умею-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Браво! Где же это ты научился в такие младенческие годы?

Б у л а н о в. Чему-с?

Н е с ч а с т л и в ц е в. Подыгрываться-то, братец, угождать, ползать-то?

Б у л а н о в. Нужда научит-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Нужда? А почем ты ее знаешь, эту нужду-то?

Б у л а н о в. Как мне не знать-с? Я в жизни очень несчастлив-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Вздор, не верю. Ты счастлив. Несчастлив тот, кто угождать и подличать не умеет. Чем ты несчастлив, говори!

Б у л а н о в. Во-первых, мне папенька мало наследства оставил.

Н е с ч а с т л и в ц е в. А тебе сколько нужно?

Б у л а н о в. Хоть бы тысячи две, три десятин земли-с, или деньгами тысяч сорок-с.

Несчастливцев. И ты был бы счастлив? Немного же тебе, братец, надо.

Буланов. Оно точно, что немного, а можно жить порядочно-с.

Несчастливцев. Ну, подожди, братец, я тебе больше оставлю.

Буланов. Вы нарочно-с?

Несчастливцев. Ну, вот еще! Родных у меня нет, ты мне очень понравился. А еще какое несчастие у тебя?

Буланов. Ученьем несчастлив-с... я даже в гимназии не кончил-с.

Несчастливцев *(снимает шляпу и кланяется)*. Уж ты меня, братец, извини, сделай милость!

Буланов. В чем же-с?

Несчастливцев. В этом я тебе помочь никак не могу. И рад бы, да не могу.

Буланов. Да ничего, помилуйте-с! Это и не нужно-с; были бы деньги. Маменька говорит, что у меня ум не такой, не для ученья-с.

Несчастливцев. Какой же?

Буланов. Практический-с.

Несчастливцев. Ну, благодари творца, что хоть какой-нибудь есть. А то часто бывает, что и никакого нет.

Буланов. Да и это ничего-с. Было бы только земли побольше, да понимать свой интерес, помещичий; а то и без ума можно прожить-с!

Несчастливцев. Да оно и лучше, голове легче. Так ума у тебя нет? Хоть папиросы есть ли?

Гурмыжская показывается на террасе.

Буланов *(смеется)*. Тоже нет-с.

Несчастливцев. Чему же ты, братец, смеешься? Да ты куришь или нет?

Буланов *(тихо)*. Я курю-с, и папиросы есть, только вот Раиса Павловна идут, а при них я никогда себе не позволяю.

Гурмыжская сходит в сад.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов, потом Карп.

Гурмыжская. Я бы тебя никак не узнала, так ты изменился. Благодарю, что ты меня не совсем забыл; а мы тебя вспоминали чуть не каждый день.

Несчастливцев. Могу ли я забыть вас! Вы не знаете моего сердца. Я помнил вас, помню и буду помнить.

Гурмыжская. Знаю, мой друг, и благодарю тебя за память. Уж ничем ты мне так не угодил, как четками.

Несчастливцев. Когда я посылал эти четки, я думал: «Добрая женщина, ты возьмешь их в руки и будешь молиться. О, помяни меня в твоих святых молитвах!»

Гурмыжская. Поминаю, мой друг, поминаю. Однако я до сих пор не спрошу у тебя. Судя по твоему платью, ты уж больше не служишь в военной службе.

Несчастливцев. Нет. Плохо здоровье, плохи силы, враг не грозит. Но, если... а!.. мне по душе кровавые потехи! Служить в мирное время для чинов, для почестей!.. Я не честолюбив.

Гурмыжская. Но я не думаю, чтоб ты мог жить без дела. Ты, вероятно, только переменил службу?

Несчастливцев. Переменил.

Гурмыжская. И ты доволен своим положением?

Несчастливцев. Моя служба, тетушка, по мне: я доволен, и мной довольны.

Гурмыжская. Ты в отпуске?

Несчастливцев. Нет, я проездом, захотелось отдохнуть.

Гурмыжская. Очень рада, что ты догадался навестить меня. Удобно ли тебе в беседке?

Несчастливцев. О, не беспокойтесь! Сад, природа, зелень, уединение! Это рай для моей души.

Входит Карп.

Карп. Сударыня, Восмибратов давно дожидается-с.

Гурмыжская. Ах да, я и забыла, что велела приходить ему пораньше. Позови его сюда!

Карп уходит.

Не хочешь ли погулять по окрестностям? Вот Алексис будет тебе товарищем.

Несчастливцев. Нет, я гуляю только ночью. *(Буланову.)* Пойдем, братец, в беседку!

Буланов. Пойдемте-с.

Уходят.

Входят Восмибратов и Петр.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гурмыжская, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Ты меня извини, я про тебя и забыла.

Восмибратов. Ничего-с. Племянничек приехал?

Гурмыжская. Да, племянник.

Восмибратов. Дело хорошее-с. Однако, сударыня, не задерживайте!

Гурмыжская. Нет, уж я теперь тебя не задержу.

Восмибратов. То-то уж, не задерживайте-с!

Гурмыжская. Нет, нет, мы сейчас.

Восмибратов. Хорошо-с!

Молчание.

Гурмыжская. Ты принес?

Восмибратов. Как же, свое дело помним-с.

Гурмыжская. Ну, так вот мы сейчас.

Восмибратов. Хорошо, хорошо-с.

Молчание.

Гурмыжская. Так как же, много ль там?

Восмибратов. Пожалуйте-с.

Гурмыжская. Что?

Восмибратов. Записочку-с, условьице-то наше.

Гурмыжская. Да как же, право; я не знаю, куда я ее дела.

Восмибратов. Поищите-с.

Гурмыжская. Где же ее искать! Я, право, не знаю; я, должно быть, ее потеряла.

Восмибратов. Как же это так-с? Ведь вы меня таким манером можете обидеть.

Гурмыжская. Что за вздор! Как я тебя обижу?

Восмибратов. Да как только вам угодно, так и обидите. Вы записочку потеряли, я тогда с вас тоже, по глупости, не взял. Вы скажете, что за десять тысяч продали: ведь уж я лес-то срубил и вывез, торговаться теперь не станешь.

Гурмыжская. Ну, вот еще! Разве ты меня не знаешь?

Восмибратов. Уж я на вас в надежде-с; потому я теперь весь в ваших руках-с.

Гурмыжская. А впрочем, что же тебе сомневаться, Иван Петрович; я тебе записку приготовила новую.

Восмибратов. Приготовили-с?

Гурмыжская. Да. Что деньги я все сполна получила.

Восмибратов. Да-с. Это дело другое-с. Много вами

благодарен. Однако же позвольте эту самую записочку полюбопытствовать.

Гурмыжская. Вот она! *(Подает записку.)* Посмотри!

Восмибратов *(принимая)*. Без очков-то я не очень-с, а в очках-то еще хуже. Да вот сын прочитает. Петр, читай! *(Отдает записку Петру.)*

Петр *(читает)*. За проданный мною калиновскому купцу, Ивану Петрову Восмибратову...

Восмибратов. Да-с, это так точно-с!

Петр *(читает)*. ...на сруб лес в пустошах: Горелой и Палёной...

Восмибратов. Они самые-с.

Петр *(читает)*. ...и две десятины в Пылаевой, деньги все сполна получила, калиновская помещица Раиса Гурмыжская.

Восмибратов *(берет записку)*. Очень хорошо-с. *(Вынимает бумажник и тщательно укладывает в него записку.)* Извольте получить-с. *(Вынимает деньги и считает.)* Тысяча... тысяча триста, пятьсот, семьсот... *(задумывается и как будто вспоминает)* восемьсот. Пожалуйте-с! *(Подает Гурмыжской.)*

Гурмыжская. Как же тысяча восемьсот? Да ведь мне нужно...

Восмибратов. Виноват-с, простите великодушно! Вот память-то! *(Вынимает деньги и подает.)* Еще двести рублей! Теперь так точно. Кажется, так? Петрушка, так? Что ж ты молчишь? *(Грозно.)* Говори, дерево стоеросовое!

Петр. Так-с!

Гурмыжская. Иван Петрович, ты шутишь со мной? Три, а не две.

Восмибратов *(обидясь)*. Какие три! Что вы, помилуйте!

Гурмыжская. Разве ты забыл? За один полторы и за другой полторы.

Восмибратов. Нельзя этому быть-с, по расчету не выходит-с.

Гурмыжская. По какому расчету?

Восмибратов. Где же у меня глаза-то-с! Нешто такой лес за три тысячи покупают? Ведь мы тоже норовим, чтоб без убытку.

Гурмыжская. Я на тебя надеялась, я тебя всем хвалила, что ты хороший, семейный человек...

Восмибратов. Это в состав не входит-с.

Гурмыжская. Если ты так, я не согласна.

Восмибратов. Как вам угодно-с. Прощения просим. Пойдем, Петр!

Гурмыжская. Да я не согласна продать тебе за эту цену Палёную и Пылаеву. Ну, рассуди сам. Ведь есть у тебя рассудок?

Восмибратов. Как не быть? Нам без него нельзя-с. Это вот вашей милости точно что рассудку не требуется, потому вы за готовым и так проживете. Если не согласны продавать, пожалуйте деньги назад; надо какой-нибудь конец сделать.

Гурмыжская. Полторы тысячи за Горелую оставлю, а пятьсот возьми.

Восмибратов. Нет, я вижу, нам долго тороговаться-с. Я за Палёную и Пылаеву меньше двух тысяч не возьму, и то с вас только.

Гурмыжская. Как не возьмешь?

Восмибратов. Да так же-с. Я их купил у вас; за что, значит, хочу, за то и продаю.

Гурмыжская. Если я тебе отдам две тысячи, мне за Горелую ничего не останется.

Восмибратов. Это уж ваше дело-с.

Гурмыжская. Нет, нет, не хочу, не хочу.

Восмибратов. Ежели бы вы для нас, так и мы бы для вас; а вы нашим родом и званием гнушаться изволите...

Петр. Тятенька!

Восмибратов. Убью.

Гурмыжская. Нет, нет. Ты возьми пятьсот рублей.

Восмибратов. Чего ежели невозможно, зачем говорить! Пойдем, Петр!

Гурмыжская. Так как же?

Восмибратов. Это и малый ребенок поймет. Лес я у вас купил, деньги вам отдал, вы мне расписочку дали; значит, лес мой, а деньги ваши. Теперь поклон, да и вон. Прощенья просим! *(Уходит; за ним Петр.)*

Гурмыжская. Что ж это такое? Денной грабеж! Удивительное дело, ничего-то мне в жизни не удалось ни купить, ни продать, чтоб меня не обманули. Видно, уж так мне на роду написано. *(Уходит на террасу.)*

Входят Несчастливцев и Буланов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов.

Буланов. Как вы фокусы делаете бесподобно-с! Как же это у вас девятка-то...

Несчастливцев. Вольт, братец!

Буланов. Научите меня вольты делать!

Несчастливцев. Зачем?

Буланов. Вот видите ли, помещики у нас кругом богатые... иногда в карты-с... что ж мне за расчет проигрывать; я человек бедный-с.

Несчастливцев. Да ты, братец, молодец совсем.

Гурмыжская *(сходя с террасы)*. Представь, Алексис, я продала Ивану Петрову лес за три тысячи, а получила только две.

Буланов. Как же это-с?

Гурмыжская. Я сама виновата: я ему вперед расписку отдала, что я все сполна получила, ну, он и дал только две.

Несчастливцев *(грозно)*. Ах, анафема!

Буланов. Зачем же вы так-с? Ах, какая жалость! Лучше бы...

Гурмыжская. Уж теперь нечего делать, мой друг; хорошо, что и две-то дал.

Несчастливцев *(с жаром)*. Как нечего? Воротить его! *(Поднимая глаза к небу.)* Что я с ним сделаю! Боже, что я с ним сделаю!

Буланов. Да ведь у него расписка.

Несчастливцев. Толкуй еще! Нужно мне очень расписки знать! Где он? Подайте его сюда! Что я с ним сделаю!

Входят Карп и Счастливцев.

Гурмыжская *(Буланову)*. Ах, какой он страшный! Пойдем, пойдем!

Буланов. Позвольте, я останусь; любопытно-с.

Гурмыжская уходит.

Ушел Иван Петров?

Карп. Нет еще, здесь, на дворе-с.

Несчастливцев. Вороти этого мошенника! Я его!.. За ворот тащи!

Карп уходит.

Аркашка, подай мои ордена!

Счастливцев уходит.

Буланов. Что же вы с ним будете говорить?

Несчастливцев. Почем я знаю, братец, что я буду говорить!

Буланов. Да разве можно против документов-с?

Несчастливцев. А вот я тебе покажу, что можно. Что мне за дело до документов, я не подьячий. Да, отстань ты от меня, мне теперь, братец, не до тебя.

Счастливцев приносит бутафорские ордена. Несчастливцев надевает их.

Буланов. Какие же это ордена-с? Иностранные?

Входят Карп, Восмибратов и Петр.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Несчастливцев, Буланов, Счастливцев, Восмибратов, Петр, Карп.

Восмибратов. Чего еще? Какая такая надобность? У нас тоже свое дело есть, разговоры-то уж нам надоели.

Карп. Пожалуйте! Мне что, коли требуют.

Буланов. Это иностранные ордена-с?

Несчастливцев. Иностранные. Оставь, братец, меня в покое! *(Восмибратову.)* Поди сюда!

Восмибратов. Желаю здравствовать, ваше высокородие! Имени, отчества не знаю-с...

Несчастливцев. Поди сюда, говорят тебе!

Восмибратов *(сыну)*. Петрушка, отдайся к стороне! Отойди маненько! Вот так-то! *(Несчастливцеву.)* Что же будет вам угодно-с?

Несчастливцев. Не могу же я с тобой за версту разговаривать.

Восмибратов. Может, на ухо крепки-с, так мы подойдем, важности не состоит.

Несчастливцев. Как же ты посмел подумать!..

Восмибратов. Позвольте-с!

Несчастливцев. Молчи! Такая женщина! И ты...

Восмибратов. Какая женщина? Позвольте-с...

Несчастливцев. Какая женщина! Он спрашивает! Молчи, говорят тебе! Женщина, перед которой все, все, даже я... я благоговею! И ты, презренный алтынник!..

Восмибратов. Насчет чего же это-с?

Несчастливцев. Не перебивай меня! Благодари бога, что у меня еще есть капля терпения! Горе тебе, если его не будет! *(Грозит пальцем.)*

Восмибратов. Петрушка! Что ты рот разинул! Стой хорошенько!

Несчастливцев. Несчастный! Не становись между львом и его...

Восмибратов. Что же вы кричите! Вы будете кричать, я буду кричать, будет базар, а толку не выдет.

Несчастливцев. Ты, ты?.. Ты будешь кричать?

Восмибратов. Да отчего ж не кричать, коли здесь такое заведение? Мы промеж себя говорим тихо, потому у нас глухих нет.

Несчастливцев *(Буланову)*. Что он говорит? Что он говорит? Что он смеет говорить?

Буланов. Да-с.

Несчастливцев. Боже великий! И он жив еще? Я еще не убил его?

Восмибратов. Это на что же-с! А вы позвольте, что вам угодно? Потому мне тут даром гостить нечего.

Несчастливцев. Что мне угодно? Он спрашивает, что мне угодно! А! Ха, ха, ха! Мне угодно сказать тебе, что ты мошенник.

Восмибратов. Нет, вы уж это оставьте! Ни к чему не ведет. По нынешнему времени это лишнее.

Петр. Какие комплименты!

Восмибратов. Петрушка, поди сюда!

Петр. Я здесь, тятенька.

Восмибратов. Коли есть дело, так говорите, а нет, так прощенья просим. Да вот что, лучше ко мне пожалуйте, мне дома-то слободнее разговаривать. Петр, пойдем!

Несчастливцев *(грозно)*. Постой!

Петр. За постой-то деньги платят.

Несчастливцев. Как же ты обманул честную женщину!

Восмибратов. Обман! Говорить-то все можно. Отчего же вы тетеньке верите, а мне нет?

Несчастливцев. Он спрашивает... Она кроткая, как ангел, и он... *(Всплеснув руками.)* Он еще разговаривает! Посмотрите на него! Одна рожа-то твоя, богопротивная, чего стоит!

Восмибратов. Петрушка, стань тут!

Петр. Однако, тятенька, уж довольно бы этих куплетов слушать...

Несчастливцев. Кротость! Олицетворенная кротость!

Восмибратов. Этого у них никто не отнимает, только что рассудку... в умалении.

Несчастливцев. Что твой рассудок! На что твой рассудок! Рассудок вершок, золотник, гран; а честь бесконечна. И ее-то у тебя нет.

Восмибратов. Нет уж, барин, ты что хочешь говори, а чести не трошь; судиться буду. Как так у меня чести нет? Коли я свои документы оправдываю — вот моя и честь. Да про меня спроси на сто верст, все тебе то же скажут. Мало тебе, я сам про себя скажу, что я — честный человек. Уж насчет там чего другого я не хвалюсь, а насчет чести я вот что скажу, барин: я не человек, я — правило.

Несчастливцев *(садится к столу и опускает голову)*. Ступай!

Восмибратов. Чего ступай?

Несчастливцев. Довольно! Пошел вон! О, люди, люди!

Восмибратов. Чего довольно? Нет, погоди. Хочешь, барин, я тебя одним словом убью?

Несчастливцев. Меня?

Восмибратов. Да, тебя. *(Подходит, вынимает бумажник и бросает на стол.)* Видал ты это?

Несчастливцев. Что такое?

Восмибратов. Может, твоя тетенька сама забыла; ну, да бог с ней, ты ей веришь, бери на свою совесть, бери, сколько хочешь! Я не препятствую, бери.

Буланов. Берите скорей!

Несчастливцев *(Буланову)*. Пошел прочь! *(Восмибратову, отдавая бумажник)*. Отдай сам!

Восмибратов. То-то сам. *(Отсчитывает деньги.)* Вот я какой человек. В поминанье меня запишите!

Несчастливцев. Руку!

Восмибратов. Чего руку! *(Подает руку.)* Давно бы так. Я какой человек? Ты, должно быть, барин, знаешь мой характер? Коли меня раздразнить, я в задор войду — все отдам. Точно, что мы торговались за три, кажись, а наверное не скажу... Документов нет, моя воля. На вот, отдай им тысячу рублей. А все-таки скажу: не порядок.

Входит Гурмыжская.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов, Счастливцев, Восмибратов, Петр и Карп.

Несчастливцев *(подавая Гурмыжской деньги)*. Вот ваши деньги, получите. *(Отходит к стороне и стоит, скрестя руки и опустя голову.)*

Гурмыжская. Очень тебе благодарна, мой друг!

Восмибратов. Получили-с? А только, если б не барин, не видать бы вам этих самых денег. Да и я-то бы против себя виноват был; потому тоже совесть.

Гурмыжская. Ты на меня не сердись, Иван Петрович! Я женщина, с меня строго взыскать нельзя. Сделай милость, приезжай ко мне завтра обедать.

Восмибратов. От хлеба, от соли не отказываются. Да там еще насчет пеньков...

Гурмыжская. Ну, и насчет пеньков.

Восмибратов. Прощения просим! Прощай, барин сердитый! Петр, пойдем. *(Уходит; за ним Петр и Карп.)*

Гурмыжская *(Несчастливцеву)*. Ах, как я тебе благодарна! А ты знаешь ли, ведь я тебе еще должна ровно такую сумму. *(Как бы спохватившись, торопливо прячет деньги.)*

Несчастливцев. Не верю.

Гурмыжская *(запирая коробку)*. Я твои деньги берегу, мой друг, берегу!

Несчастливцев. Ах, тетушка, оставьте свои хитрости! Как вам не стыдно! О, сердце женское! Вы хотите предложить мне деньги, да не знаете, как это сделать поделикатнее. Вы мне должны! Ну и прекрасно! Когда-нибудь сочтемся! Не откажите, когда буду нуждаться, а теперь мне не нужны деньги, я богат.

Гурмыжская. Ну, как хочешь, мой друг.

Счастливцев *(про себя)*. Что он ломается без копейки-то.

Гурмыжская *(взглянув на Буланова)*. Я надеюсь, что ты погостишь у нас.

Несчастливцев. Два, три дня, не больше, если позволите.

Гурмыжская. Что ж так мало?

Несчастливцев. С меня довольно. Навестить родные кусты, вспомнить дни глупого детства, беспечной юности... Кто знает, придется ли еще раз пред вратами вечности...

Гурмыжская. Не думаешь ли ты, что стеснишь меня? Напротив, я была бы очень рада!

Несчастливцев. Благородная женщина! Не расточай напрасно передо мною сокровища твоего сердца! Мой путь тернист; но я не сойду с него.

Гурмыжская *(показывает глазами Буланову, что она очень довольна)*. Как хочешь, мой друг. Я думала, что тебе будет здесь покойнее.

Несчастливцев. Мой покой в могиле. Здесь рай; я его не стою. Благодарю, благодарю! Душа моя полна благодарностью, полна любовью к вам, грудь моя полна теплых слез!

(Утирает слезы.) Довольно милостей, довольно ласк! Я сделаюсь идолопоклонником, я буду молиться на тебя! *(Закрывает лицо рукою и уходит.)*

Счастливцев идет за ним, но останавливается и смотрит из-за куста.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Гурмыжская, Буланов, Счастливцев за кустом.

Гурмыжская. Ушел. Ну, теперь я покойна, он мне не помешает. Он какой-то восторженный! Просто мне кажется, он глупый человек. А как я давеча испугалась! Как он страшен!

Буланов. Нет, это ничего-с, это с простым народом очень хорошо-с.

Гурмыжская. Все-таки ты остерегайся! Береги себя, мой друг! Этот сон у меня из головы нейдет... у него такой бешеный характер.

Буланов. Да не беспокойтесь, мы с ним подружились.

Гурмыжская. Я никак не ожидала... сам от денег отказывается! Как это мило с его стороны! И напрасно я напоминала про этот долг. С чего это я расчувствовалась! Играешь-играешь роль, ну и заиграешься. Ты не поверишь, мой друг, как я не люблю денег отдавать.

Буланов. Я не знаю, я еще молод-с; а умные люди говорят, Раиса Павловна, что скупость не глупость.

Гурмыжская. Да я не скупа; кого я полюблю, тому я всё отдам.

Буланов. А у вас много денег-с?

Гурмыжская. Много. Вот посмотри! *(Открывает коробку).*

Буланов смотрит и вздыхает.

И все эти деньги я отдам тому, кого полюблю.

Буланов *(с глубоким вздохом)*. Ох-с!

Гурмыжская. Вот что я хотела тебе сказать, Алексис! Ты держишь себя очень подобострастно, ты все еще смотришь мальчиком; это мне не нравится. Конечно, тебя нельзя судить строго; это в тебе от бедности. Ну, мы как-нибудь этому горю поможем, сделаем тебя посолиднее. Я хочу, чтоб ты был посолиднее, Алексис. На днях ты поедешь в губернский город, закажи себе побольше хорошего платья, попросторнее, купи дорогие золотые часы с цепочкой, ну, и прочее... Кроме того, нужно, чтоб у тебя постоянно было много денег в кармане; это придаст тебе aplomb.

(Вынимает из коробочки деньги, которые ей передал Несчастливцев.) Это деньги глупые, я их получила случайно. Я тебе их дарю.

Буланов *(потерявшись)*. Мне-с? *(Берет деньги.)* Благодарю-с! *(Целует руку.)* Солидным приказываете быть? Буду-с.

Гурмыжская. Пойдем, составим список, что тебе купить в городе. *(Уходят.)*

Счастливцев. Прощай, денежки! Ох, эти трагики! Благородства пропасть, а смысла никакого.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Гурмыжская.
Буланов.
Несчастливцев.
Счастливцев.
Аксюша.
Петр.
Карп.
Улита.

Другая часть сада; направо беседка, налево садовая скамья, вдали, сквозь деревья, видно озеро. Лунная ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несчастливцев и Счастливцев.

Несчастливцев. Ты, Аркадий, поужинал?

Счастливцев. Поужинал.

Несчастливцев. Хорошо тебя, братец, накормили?

Счастливцев. Отлично. Умный человек, Геннадий Демьяныч, нигде не пропадет.

Несчастливцев. Умный? Это ты про кого же?

Счастливцев. Про себя-с.

Несчастливцев. Ну, кто ж это тебе сказал, что ты умный? Ты, братец, не верь, тебя обманули.

Счастливцев. Даже очень умный-с. Вот, во-первых, я ем с барского стола, я сказал, что так приучен у вас; а во-вторых, сошелся с ключницей и по этому случаю, Геннадий Демьяныч, занял у нее денег, да еще у меня бутылка наливки в уголку подле кровати, будто вакса.

Несчастливцев. Для первого дебюта недурно, Аркашка. Ты, брат, старайся, играй свою роль хорошенько!

Счастливцев. Я-то хорошо; вы-то как?

Несчастливцев. Я нынче счастлив, Аркадий; я сделал хорошее дело.

Счастливцев. Да-с, хорошее. А еще лучше, кабы эти деньги...

Несчастливцев. Что?

Счастливцев. Ампошé.

Несчастливцев. Я тебе такое «ампоше» задам!

Счастливцев. Сколько денег в руках было! Ах, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев. Были, да сплыли.

Счастливцев. Зачем же вы их отдали?

Несчастливцев. Ты помешался, Аркашка! Как зачем? Они не мои.

Счастливцев. Вот еще важность! Сейчас «давай бог ноги»! В город, на тройку... покатили бы!.. потом на пароход в Ярославль, туда-сюда, а там в Нижний на ярмарку!

Несчастливцев. Удавить тебя, Аркашка, я так думаю, было бы и для тебя лучше, и для меня покойнее.

Счастливцев. Удавить! Вот вы говорите, что умны; а гимназист-то, видно, умнее; он здесь получше вашего роль-то играет.

Несчастливцев. Какая роль, братец. Ну, что он такое? Мальчишка, больше ничего.

Счастливцев. Какая роль? Первый любовник-с.

Несчастливцев. Любовник? *(Грозно.)* Чей?

Счастливцев *(комически-подобострастно)*. Тетеньки вашей.

Несчастливцев. Ха, ха, ха! Ну, Аркашка, у тебя не только фигура, а и душа холопская. Только ты будь осторожней, не болтай лишнего, за это вашего брата бьют.

Счастливцев. Ну да, бьют...

Несчастливцев. И очень больно.

Счастливцев. Как же не бить! *(Отходит к кустам.)* Он-то любовника играет, а вы-то... *(из-за куста)* простака.

Несчастливцев *(наступая)*. Я простака? Я?

Счастливцев *(перебегая на другую сторону)*. Над которым смеются.

Несчастливцев *(наступая)*. Надо мной смеются? Кто? кто? Говори, несчастный!

Счастливцев *(отступая)*. Да будет вам пугать-то! Я убегу... Чем же я виноват, я сам слышал, своими ушами.

Несчастливцев. Да кто? Проклятие!

Счастливцев. Тетенька с Булановым.

Несчастливцев *(хватаясь за голову)*. О!

Счастливцев. Дураком называли. *(Прячется за куст.)*

Несчастливцев. Аркашка! Иль тебе твоя гнусная жизнь надоела! Так поди удавись сам! Не заставляй меня марать рук об тебя!

Счастливцев. Были деньги, да взять не сумели: по усам текло, да в рот не попало. А еще меня в товарищи звали! Коли товарищи, так все пополам,— тут и моя часть была.

Несчастливцев. Да ведь я тебя в товарищи-то не на разбой звал.

Счастливцев. Подайте мою часть, подайте!

Несчастливцев. Аркашка! Ты пьян, что ли?

Счастливцев. Ну, так что ж, что пьян! И горжусь этим.

Несчастливцев. Нет, убить, убить, и кончено дело! И разговаривать нечего!

Счастливцев *(отступая)*. Ну, да как не убить! *(Из-за куста.)* Руки коротки! *(Убегает.)*

Несчастливцев. Он солгал, бесстыдно солгал. О, как гнусен может быть человек! Но если... Пусть лучше он лжет, чем говорит правду! Я только прибью его... Но если моя благочестивая тетушка, этот образец кротости и смирения... О, я тогда заговорю с ней по-своему. Посмеяться над чувством, над теплыми слезами артиста! Нет, такой обиды не прощает Несчастливцев! *(Уходит.)*

Входит Карп.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Карп, потом Улита.

Карп. Поужинали; барыня в спальню ушла, можно и отдохнуть. *(Садится на скамью.)*

Входит Улита и осматривается.

Погулять вышли?

Улита. Да, Карп Савельич. Ночь уж очень...

Карп. Действительно... располагает... Что ж, погуляйте! И то сказать, живой человек, а живой о живом и думает.

Улита. Вы это про что же?

Карп. Хоть бы про вас.

Улита. В каких смыслах?

Карп. Сами можете понять.

Улита. Нет, однако?

К а р п. Да мне что! Как хотите! Я вам не муж!

У л и т а. Это даже очень глупо, что вы говорите.

К а р п. Уж это как вам будет угодно.

У л и т а. Не понимаю, как люди завсегда во всем только дурное видят.

К а р п. Ничего я ни дурного, ни хорошего не вижу; а только что удивительно...

У л и т а. Что удивительно?

К а р п. При ваших таких летах...

У л и т а. Каких таких? Вы на моих крестинах не были. Нечего вам говорить-то, я вижу.

К а р п. Вас от разговору моего не убудет.

У л и т а. Сидите тут, как филин, да прибираете, что в голову придет.

К а р п. Стало быть, я вам здесь мешаю?

У л и т а. Это к чему еще? Напрасно вы так обо мне понимаете!

Входит С ч а с т л и в ц е в.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К а р п, У л и т а, С ч а с т л и в ц е в.

С ч а с т л и в ц е в. Честная компания!

У л и т а. Милости просим!

К а р п. Ваш спит?

С ч а с т л и в ц е в *(садясь)*. Кто его знает!

У л и т а. Вы долго у нас прогостите?

С ч а с т л и в ц е в. Что нам здесь делать!

К а р п. А следовало бы. Порядок другой: вот давеча Иван Петров сейчас деньги отдал.

У л и т а. Конечно, мужчина.

К а р п. А барыне где же! Добрые люди прикупают, а мы все продаем. Что одного лесу продано, что прочего! Набьет барыня полну коробку деньгами и держит их, и гроша никто не выпросит; а тут вдруг и полетят тысячи и полетят.

С ч а с т л и в ц е в. Разве летают?

К а р п. Летают.

У л и т а. Все бедным да родственникам.

С ч а с т л и в ц е в *(не слушая)*. Вот бы поймать.

К а р п. Да и ловят.

У л и т а. Все бедным да родственникам.

К а р п. Как не родственникам!

У л и т а. А кому же, по-вашему?

К а р п. Знаем мы, кому.

У л и т а. Вы бы стыдились хоть при посторонних-то!

К а р п. Что его стыдиться! Он наш брат, стало быть, чего же...

У л и т а. Кажется, уж про нас на всю губернию известно, об нашей примерной жизни.

К а р п. Я про деревню и не говорю; вот разве что дальше будет. А в Петербурге, а в Москве?

У л и т а. Все-таки вы не должны барыню осуждать.

К а р п. Да разве я осуждаю! Барыня добрая, служить нам хорошо. А правду отчего не сказать? Я деньги-то на почту вожу, так мне верней знать, кому их посылают, родственникам или нет.

С ч а с т л и в ц е в. Любопытный разговор.

У л и т а. Ничего любопытного нет. Что вы! Он все сочиняет.

К а р п. Доктору французу посылали? Итальянцу посылали? Топографу, что землю межует, посылали?

У л и т а. Ах, ах! Как это вам не стыдно!

К а р п. Ну, что еще! Какой разговор! Я правду люблю. Однако же и спать. Ну вас! Счастливо оставаться!

С ч а с т л и в ц е в. Прощайте, Осетр Савельич!

К а р п. Уж ты мне, балагур! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Счастливцев и Улита.

У л и т а. Пробовали наливочку? Не знаю, хороша ли; хотелось вам угодить, а уж, право, не знаю.

С ч а с т л и в ц е в. Очень хороша, отличная; должно быть, вы сами ее делаете.

У л и т а. Я слова эти ваши не иначе как в шутку принимаю. Хотите, я вам завтра к чаю сливок принесу?

С ч а с т л и в ц е в. Сделайте одолжение, только от бешеной коровы.

У л и т а. Ах, я вас не понимаю.

С ч а с т л и в ц е в. То есть рому. Он так у нас называется.

У л и т а. Поищу.

С ч а с т л и в ц е в. Поищите, если любите!..

У л и т а. Вот вы сказали: «если любите»! Знаете, что я вам скажу на это?

С ч а с т л и в ц е в. Нет, не знаю.

У л и т а. Вы вот это слово сказали мне в насмешку. А вы нашу сестру не судите!

С ч а с т л и в ц е в. За что же, помилуйте! Я очень доволен.

У л и т а. Мужчины завсегда довольны, потому на них ответу нет. А вы возьмите наше дело! Бывало... и вспоминать-то смерть, так жизнь-то, не живя, и коротали. Замуж тебя не пускают, любить тоже никого не приказывают... у нас насчет любви большой запрет был. Ну, одно средство: к барыне подделываешься. Ползаешь, ползаешь перед барыней-то, то есть хуже, кажется, всякой твари последней; ну, и выползаешь себе льготу маленькую; сердцу-то своему отвагу и дашь. Потому ведь оно живое, тоже своего требует. Уж и как эта крепость людей уродует! Про себя вам скажу... Да вам слушать-то будет скучно... само собой, во всем этом одна только подлость. И не хочу я расстроивать ни себя, ни вас, потому как вы мне милы. *(Оглядываясь.)* Никак, ваш барин?

С ч а с т л и в ц е в. Бить меня идет.

У л и т а. Ах, жалости какие!

С ч а с т л и в ц е в. Я присяду, а вы меня загородите; авось не заметит. *(Приседает.)* Что, идет, приближается?

У л и т а. Нет, назад пошел; только так дико посмотрел. Какой у него взгляд! Ужасти просто; так тебя в дрожь...

С ч а с т л и в ц е в *(встает)*. Варвар!

У л и т а. Как же вы, мой милый, живете у такого барина?

С ч а с т л и в ц е в. Да какой он мне барин! Я такой же, как и он. Ишь ломается, благо горло-то широко.

У л и т а. Что вы это говорите! У них барственность настоящая, врожденная. Этого отнять у них никак невозможно.

С ч а с т л и в ц е в. Кто у него отнимает! Я говорю только, что мы с ним равные, оба актеры, он — Несчастливцев, я — Счастливцев, и оба пьяницы.

У л и т а. Актеры? Ах, что вы! Что вы!

С ч а с т л и в ц е в. Больше десяти лет по России-то бродим, из театра в театр, как цыгане. Оттого он и не был у тетки, что стыдно глаза показать.

У л и т а. Ах, ужасти!

С ч а с т л и в ц е в. Вот и теперь в Вологду пешком идет с сумочкой. Нельзя ж ему без лакея показаться, он дворянин, ну и укланял меня. Так и обращайся хорошенько. Я еще на провинции-то получше его считаюсь, нынче оралы-то не в моде.

У л и т а. Что только я слышу от вас!

С ч а с т л и в ц е в. Думает здесь попользоваться чем-нибудь от тетушки. Уж просил бы прямо на бедность; так, видишь, стыдно. Давеча оплошал, не удалось зажать деньги-то; вот теперь на меня за это бесится. Самой низкой души человек! В карты давеча играл с гимназистом, заманивал его. Уж я ушел от них; обыграет его, думаю, отнимет деньги да еще прибьет. Да так и будет;

ему это не впервой! Он убьет кого-нибудь, с ним в острог попадешь. Вся ухватка-то разбойничья, Пугачев живой.

У л и т а. Хорошо, что вы мне сказали. Прощайте!

С ч а с т л и в ц е в. Адью, мон плезир.

У л и т а *(с испугом)*. Я уж пойду! Ах, страсти!

С ч а с т л и в ц е в. А, испугалась! А я так все чертей играл, прыгал вот так по сцене. *(Прыгает и кричит.)* У! У!

У л и т а. Батюшки мои! Уж вы меня извините!

С ч а с т л и в ц е в. Да что мне в твоем извинении! Провалитесь вы и с усадьбой-то! Я вот убегу от вас. Будьте вы прокляты!

Улита убегает.

Ушел бы сейчас, да боюсь; по деревне собак пропасть. Экой народ проклятый! Самим есть нечего, а собак развели. Да и лесом-то одному страшно. Придется в беседке переночевать; надо же туда идти, там библиотека и наливка осталась. А как сунешься? Он не спит еще, такой монолог прочитает! Пожалуй, вылетишь в окно, не хуже Фидлера. Пойду поброжу по саду, хоть георгины все переломаю, все-таки легче. *(Уходит.)*

П е т р робко крадется в тени кустов и осматривается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

П е т р, потом А к с ю ш а.

П е т р. Ну, кажись, все в доме спать полегли. Только этот бессчастный путается. Ну, да ему полтину серебра пожертвовать, так он отца родного продаст. Ночь-то очень светла, может, Аксюша не выйдет совсем, побоится, чтобы не увидали. А как нужно-то! Уж последний бы раз повидались, да и кончено дело. Эх ты, подневольная жизнь! Дрожит сердце, как овечий хвост, да и шабаш! Ничего с собой не сделаешь: и руки и ноги трясутся. Воровать легче! Приди в чужой дом повидаться с девушкой, не в пример тебя хуже вора сочтут. Эка эта любовь! Вон тятенька говорит, что это баловство одно, на год, на два, говорит, это занятие, не больше, а там сейчас насчет капиталу. Дожидайся, когда она пройдет, а пока что муки-то примешь. Никак, идет? И то.

Входит А к с ю ш а; увидав Петра, подбегает к нему.

А к с ю ш а. Ах, ты здесь!

П е т р. Давно уж тут путаюсь. Здравствуй! Жива ли покуда? *(Целует ее.)*

А к с ю ш а. Видишь, что жива. Ну, говори скорей! Некогда ведь, того гляди, хватятся.

П е т р. С тятенькой у нас опять разговор был.

А к с ю ш а. Ну, что ж он? Говори скорей! Душа мрет.

П е т р. Подается. Час ругал, по обнаковению. Потом: «За тебя, говорит, дурака, видно, невесту с приданым не найдешь! Хоть бы две тысячи за тебя дали, и то бы ладно». Слышишь?

А к с ю ш а. Да ведь негде их взять.

П е т р. Надо доставать.

А к с ю ш а. У Раисы Павловны не выпросишь; нечего и унижаться.

П е т р. А ты у братца попроси, у Геннадия Демьяныча!

А к с ю ш а. Ай, что ты! Страшно, да и стыд-то какой!

П е т р. Да ведь уж ау, брат! До самого нéльзя вплоть приходит.

А к с ю ш а. Надо ведь ему будет признаться во всем.

П е т р. Ну так что ж! И признайся! Он свой человек. От него нам уж последнее решение выйдет.

А к с ю ш а. Да, уж последнее.

П е т р. А ведь кто его знает! На грех мастера нет. Он с виду-то барин добрый. Да ты поскорей, завтра же чем свет; а в полдень мы с тятенькой придем, ты мне скажешь.

А к с ю ш а. Хорошо, хорошо.

П е т р. Только ты долго этого разговору не тяни; а так и так, мол, до зарезу мне; вот и конец. Либо пан, либо пропал.

А к с ю ш а. Да, да, разумеется. До стыда ли тут, когда...

П е т р. Что «когда»?

А к с ю ш а. Когда смерть приходит.

П е т р. Ну полно, что ты?

А к с ю ш а. Вот что, Петя! Мне все пусто как-то вот здесь.

П е т р. С чего же?

А к с ю ш а. Я не могу тебе сказать, с чего, я неученая. А пусто, вот и все. По-своему я так думаю, что с детства меня грызет горе да тоска; вот, должно быть, подле сердца-то у меня и выело, вот и пусто. Да все я одна; у другой мать есть, бабушка, ну хоть нянька или подруга; все-таки есть с кем слово сказать о жизни своей, а мне не с кем,— вот у меня все и копится. Плакать я не плачу, слез у меня нет, и тоски большой нет, а вот, говорю я тебе, пусто тут, у сердца. А в голове все дума. Думаю, думаю.

П е т р. А ты брось думать! Задумаешься — беда!

А к с ю ш а. Да нельзя бросить-то, сил нет. Кабы меня кто уговаривал, я бы, кажется, послушалась,— кабы держал кто! И все мне вода представляется.

П е т р. Какая вода?

А к с ю ш а. Да вот что, милый ты мой, все меня в воду тянет.

П е т р. Ой, что ты, перестань!

А к с ю ш а. Гуляю по саду, а сама все на озеро поглядываю. Уж я нарочно подальше от него хожу, а так меня и тянет, хоть взглянуть; а увижу издали, вода-то между дерев мелькнет,— так меня вдруг точно сила какая ухватит, да так и несет к нему. Так бы с разбегу и бросилась.

П е т р. Да с чего ж это с тобой грех такой?

А к с ю ш а. Сама не знаю. Вот как ты говорил вчера, так это у меня в уме-то и осталось. И дома-то я сижу, так все мне представляется, будто я на дно иду, и все вокруг меня зелено. И не то чтоб во мне отчаянность была, чтоб мне душу свою загубить хотелось — этого нет. Что ж, жить еще можно. Можно скрыться на время, обмануть как-нибудь; ведь не убьют же меня, как приду; все-таки кормить станут и одевать, хоть плохо, станут.

П е т р. Ну, что уж за жизнь!

А к с ю ш а. А что ж жизнь? Я и прежде так жила!

П е т р. Ведь так-то и собака живет, и кошка; а человеку-то, кажись, надо бы лучше.

А к с ю ш а. Ах, милый мой! Да я-то про что ж говорю? Все про то же. Что жить-то так можно, да только не стоит. И как это случилось со мной, не понимаю! Ведь уж мне не шестнадцать лет! Да и тогда я с рассудком была, а тут вдруг... Нужда да неволя уж очень душу сушили, ну и захотелось душе-то хоть немножко поиграть, хоть маленький праздничек себе дать. Вот, дурачок ты мой, сколько я из-за тебя горя терплю. *(Обнимает его.)*

П е т р. Ах ты, горькая моя! И где это ты так любить научилась? И с чего это твоя ласка так душу разнимает, что ни мать, кажется, и никто на свете... Только уж ты, пожалуйста! Ведь мне что же? Уж и мне за тобой... не миновать, выходит.

А к с ю ш а. Ну, уж это твое дело. Ведь уж мне не узнать, будешь ли ты меня жалеть или будешь смеяться надо мной. Мне с своей бедой не расстаться, а тебе дело до себя, мне легче не будет.

П е т р. Нет, уж ты лучше подожди; хоть немного, да поживем в свою волю. Да что загодя и думать-то! Еще вот что твой братец скажет?

А к с ю ш а. Конечно, коли есть случай, зачем его обегать.

П е т р. Может, и выручит.

А к с ю ш а. Может быть. Ты никого не видал в саду?

П е т р. Геннадия Демьяныча камарден тут путался.

А к с ю ш а. Так ты ступай! Время уж.

П е т р. А ты, Аксюша, домой, чтоб... а то... и боже тебя охрани!

А к с ю ш а. Домой, домой, не бойся. Что мне за охота: у меня теперь все-таки что-нибудь впереди есть.

П е т р. Ну, то-то же, смотри! *(Целуются.)* Я на тебя в надежде. *(Уходит.)*

Аксюша хочет идти домой, оборачивается и видит Н е с ч а с т л и в ц е в а, который выходит из беседки.

Я В Л Е Н И Е Ш Е С Т О Е

А к с ю ш а, Н е с ч а с т л и в ц е в, потом С ч а с т л и в ц е в.

Н е с ч а с т л и в ц е в *(про себя)*. Женщина, прекрасная женщина. *(Подходит к Аксюше.)* Ты женщина или тень?

А к с ю ш а. Братец!

Н е с ч а с т л и в ц е в. А! Я вижу, что ты женщина. А я желал бы теперь, в эту прекрасную ночь, побеседовать с загробными жителями.

А к с ю ш а. Братец!

Н е с ч а с т л и в ц е в. Много тайн, много страданий унесли они с собой в могилу. Душа моя мрачна, мне живых не надо. Мне нечего говорить с живыми! Мне нужно выходцев с того света! Прочь!

А к с ю ш а. Братец, и я много страдала, и я страдаю.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Ты?

А к с ю ш а. Я. Я очень несчастна.

Н е с ч а с т л и в ц е в. О, если ты несчастна, поди ко мне, поди на грудь мою.

Аксюша прилегает к нему на грудь.

Я два раза тебе брат: брат по крови и брат по несчастию.

А к с ю ш а *(опускаясь на колени)*. Братец, я виновата.

Н е с ч а с т л и в ц е в *(поднимая ее)*. Нет, нет, не передо мной! Можешь ли ты быть виновата? Ты, такая юная, такая прекрасная? И перед кем же? Что я? Я отребие, обноски человечества.

А к с ю ш а. Я виновата передо всеми, перед собой! Я люблю...

Н е с ч а с т л и в ц е в. Дитя мое! люби, кого хочешь. На то тебе бог дал сердце, чтоб любить.

А к с ю ш а. Ах, что вы говорите! Любить! Я люблю, не помня себя; но ведь мне нужно выйти за него замуж, нужно, нужно!

Н е с ч а с т л и в ц е в. А кто ж тебе мешает?

А к с ю ш а. Люди мешают, люди, которые власть имеют.

Несчастливцев. А ты их не слушай! Иди за того, кого любишь. И да будет над тобой мое благословение!

Аксюша. Он не женится на мне без приданого, отец ему не позволяет. Нужно приданое, а у меня его нет.

Несчастливцев. Какой вздор! Счастье дороже денег.

Аксюша. Мне нет счастья без денег.

Несчастливцев. А много ль денег нужно?

Аксюша. Две тысячи рублей.

Несчастливцев. Какие пустяки! Неужели Раиса Павловна откажет тебе в такой малости?

Аксюша. Откажет. Меня держат из милости, кормят из милости; смею ли я еще просить приданого! Корку хлеба дадут мне, а денег нет.

Несчастливцев. И от такой ничтожной суммы зависит счастие девушки, счастие молодой души...

Аксюша. Нет, не счастие, а жизнь.

Несчастливцев. Жизнь? Силы небесные! Так ли ты сказала?

Аксюша. Так, братец.

Несчастливцев. Наконец, боже! Неужели я вижу женщину? И любовь твоя не простая прихоть? И ты готова на все жертвы?

Аксюша. Много я жертв принесла этой любви; а жизнь моя так горька, так горька, что ее и жалеть не стоит.

Несчастливцев. И ты без страха?

Аксюша. Без страха, хоть сейчас...

Несчастливцев *(простирает над ней руки)*. Ангелы божии, покройте ее своими крылами!

Аксюша склоняет голову в молчании, сложа руки.
Короткая пауза.

Аксюша. Братец, не сердитесь на меня! Не подумайте обо мне дурно! Мне так тяжко сказать вам...

Несчастливцев. Говори, говори!

Аксюша. Братец, не сочтите меня за обманщицу, за бедную родственницу-попрошайку! Братец, мы жили с маменькой очень бедно; я была ребенком, но я ни разу не поклонилась, ни разу не протянула руки богатым родственникам; я работала. Теперь, братец, только вас одного я прошу, и то ночью, благо не видно стыда на щеках моих: братец, вы богаты, одиноки, дайте мне счастье, дайте мне жизнь. *(Становится на колени.)*

Несчастливцев *(поднимает ее, растроганный и с дрожью в голосе)*. Дитя мое! Дитя мое!

А к с ю ш а. Если б не страх стыда за мою грешную любовь, я бы никогда, никогда... Будьте мне отцом, я девушка добрая, честная. Я научу маленьких детей моих благословлять вас и молиться за вас.

Н е с ч а с т л и в ц е в. О, замолчи, замолчи! Я вырву все свои волосы. О, дитя мое! Я преступник! Я мог иметь деньги, мог помочь тебе, мог сделать тебя счастливой; и я промотал, прожил их беспутно; я их втоптал в грязь вместе с своей молодостью, с жизнью. И вот когда они нужны, их нет у меня. Если б я знал, если б я знал, я бы питался одним хлебом, я бы ходил в рубище и каждый рубль зашивал в это рубище. Мы пьем, шумим, представляем пошлые, фальшивые страсти, хвастаем своим кабачным геройством; а тут бедная сестра стоит между жизнью и смертью. Плачь, пьяница, плачь!

А к с ю ш а. Братец, братец!

Н е с ч а с т л и в ц е в. Прости меня, прости! Я бедней тебя, я прошел пешком сотни верст, чтобы повидаться с родными; я не берег себя, а берег это платье, чтоб одеться приличнее, чтоб меня не выгнали. Ты меня считаешь человеком, благодарю тебя! Ты у меня просишь тысячи — нет у меня их. Сестра, сестра! не тебе у меня денег просить! А ты мне не откажи в пятачке медном, когда я постучусь под твоим окном и попрошу опохмелиться. Мне пятачок, пятачок! Вот кто я!

А к с ю ш а *(хватаясь за сердце)*. Ох, ох! Еще, еще горе! еще обман моему сердцу! За что же я себя обидела! И я, глупая, понадеялась! Разве я смею надеяться! Разве есть для меня надежда! Прощайте! *(Отходит, шатаясь, потом быстрее и быстрее, и наконец бежит.)*

Н е с ч а с т л и в ц е в *(смотрит ей вслед)*. Куда она? Она бежит, бросает платок с себя, она у берега. Нет, нет, сестра! Тебе рано умирать! *(Убегает.)*

Входит С ч а с т л и в ц е в.

С ч а с т л и в ц е в. Ну, убежал куда-то. Уж не топиться ли? Вот бы хорошо-то. Туда ему и дорога! Зайду в беседку, соберу свою библиотеку, и прощайте! Посижу в кустах до свету, и марш. Деньги есть; слава богу, занял-таки, удалось наконец. Хороший это способ доставать деньги; да все как-то мне несчастливилось до сих пор, такой мнительный народ стал. Ну, теперь доберусь до какого-нибудь театра. *(Уходит в беседку.)*

Выходит Н е с ч а с т л и в ц е в, поддерживая А к с ю ш у, которая едва идет.

Несчастливцев. Нет, нет, дитя мое! Как ни велико твое горе, а умереть тебе я не дам. Тебе надо жить, ты еще так молода! Тебя заело горе, надоела тебе молодая жизнь? Забудь это горе, брось эту жизнь! Начнем новую, сестра, для славы, для искусства.

Аксюша. Я ничего не знаю, ничего не чувствую, я мертвая. Отдохнуть мне.

Несчастливцев *(сажая ее на скамью)*. Ты ничего не знаешь? Нет, дитя мое, ты знаешь больше других; ты знаешь бури, знаешь страсти — и довольно!

Аксюша. Делайте, что хотите. У меня впереди ничего нет. Куда вы меня зовете, зачем вы меня зовете, что там — я не знаю. Хуже не будет.

Несчастливцев. И там есть горе, дитя мое; но зато есть и радости, которых другие люди не знают. Зачем же даром изнашивать свою душу! Кто здесь откликнется на твое богатое чувство? Кто оценит эти перлы, эти брильянты слез? Кто, кроме меня? А там... О! Если половину этих сокровищ ты бросишь публике, театр развалится от рукоплесканий. Тебя засыплют цветами, подарками. Здесь на твои рыдания, на твои стоны нет ответа; а там за одну слезу твою заплачет тысяча глаз. Эх, сестренка! Посмотри на меня. Я нищий, жалкий бродяга, а на сцене я принц. Живу его жизнью, мучусь его думами, плачу его слезами над бедною Офелией и люблю ее, как сорок тысяч братьев любить не могут. А ты! Ты молода, прекрасна, у тебя огонь в глазах, музыка в разговоре, красота в движениях. Ты выйдешь на сцену королевой и сойдешь со сцены королевой, так и останешься.

Аксюша. Я убита, братец, убита.

Несчастливцев. Ты оживешь, сестра, первые звуки оркестра воскресят тебя.

Аксюша. А Петя?

Несчастливцев. Сестра, ты женщина, а женщины забывают скоро. Ты забудешь его, как забывают все свою первую любовь. Много молодых красавцев, много богачей будут ловить каждый твой взгляд, каждое твое слово.

Аксюша *(качая головой)*. Это нехорошо.

Несчастливцев. Тем лучше, дитя мое; тем больше чести для тебя. Ты брось, оттолкни с презрением золото богача и полюби бедного артиста. Решайся, дитя мое!

Аксюша. Как вам угодно. Я готова на все.

Несчастливцев. Ты будешь моею гордостью, моею славой. А я буду тебе отцом, дитя мое, буду твоей нянькой, твоей горничной. Пойдем ко мне! В такую ночь грешно спать. У меня

есть несколько ролей, я тебе почитаю. Эту ночь я отдаю тебе, в эту ночь я посвящаю тебя в актрисы.

А к с ю ш а. Пойдемте! *(Идут к беседке, навстречу им Счастливцев с узлом.)*

Н е с ч а с т л и в ц е в. Стой, беглец! Я великодушен, я тебя прощаю. Торжествуй, Аркашка! У нас есть актриса; мы с тобой объедем все театры и увидим всю Россию.

Уходят в беседку.

Выходят Г у р м ы ж с к а я и У л и т а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Г у р м ы ж с к а я и У л и т а.

Г у р м ы ж с к а я. Ты говорила ему?

У л и т а. Как же, сударыня, говорила и очень политично говорила. Барыня, говорю, не почивают, потому погода необнаковенная; гуляют они по саду, и даже, может, скучают, так как одни, не с кем им время провести. А вы лежите да нежитесь, какой же вы кавалер после всего этого. Он сейчас вскочил и стал одеваться.

Г у р м ы ж с к а я. Ну, хорошо.

У л и т а. Да вот еще, матушка барыня, уж и не знаю, как вам доложить.

Г у р м ы ж с к а я. Говори, что такое!

У л и т а. Барышня куда-то скрылась.

Г у р м ы ж с к а я. Ушла?

У л и т а. В комнате нет, и постель не смята.

Г у р м ы ж с к а я. И прекрасно.

У л и т а. Как же, матушка барыня?

Г у р м ы ж с к а я. Да так же. Я очень рада. Она мне уж давно надоела, я все не знала только, как ее выжить из дома. А теперь вот и причина есть; что мне ее жалеть, когда она сама себя не жалеет. Я говорила, что она его не стоит.

У л и т а. Не стоит, не стоит... Далеко ей! Уж и я немало дивилась, как этакому красавцу милому да такая...

Г у р м ы ж с к а я. Ну, это не твое дело!

У л и т а. Слушаю-с. Уж и еще я узнала кой-что, да только как-то и выговорить страшно. Как услыхала я, так всю в ужас ударило, и так даже по всем членам трясение.

Г у р м ы ж с к а я. Сколько раз тебе приказано, чтоб ты таких глупых слов не говорила. Я сама женщина нервная. Ты всегда меня прежде напугаешь до истерики, а потом скажешь какие-нибудь пустяки.

У л и т а. Пустяки, матушка барыня, пустяки, не извольте беспокоиться! Насчет Геннадия Демьяныча.

Г у р м ы ж с к а я. Что же?

У л и т а. Да ведь он вас обманул; он не барин, а актер, и родовую свою фамилию нарушил, теперь Несчастливцев прозывается. И не столько на театре они, а больше все будто пьянством. И одежонка-то вся тут, что на нем, уж я это доподлинно знаю; и пришли сюда пешком с котомочкой.

Г у р м ы ж с к а я. Так он Несчастливцев; слыхала, слыхала. Ну, это еще лучше.

У л и т а. И человек-то его тоже актер, только, матушка барыня, и из актеров-то он самый каторжный, как есть одних чертей представляет.

Г у р м ы ж с к а я. Тем лучше, тем лучше! Как все это ловко для меня устроилось.

У л и т а. Да чем же, матушка барыня, хорошо?

Г у р м ы ж с к а я. А тем, что завтра же утром их здесь не будет. У меня не гостиница, не трактир для таких господ.

У л и т а. Истинно, матушка барыня. Пожалуйте ручку. *(Тихо.)* Алексей Сергеич идут. *(Отходя.)* Уж вот, можно сказать, картинка, а не барин. *(Уходит.)*

Входит Б у л а н о в.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Г у р м ы ж с к а я и Б у л а н о в.

Б у л а н о в *(торопливо поправляясь)*. Что же вы, Раиса Павловна, мне прежде не приказали? Вы бы мне сказали-с.

Г у р м ы ж с к а я. Что?

Б у л а н о в. Что вы любите гулять по ночам-с.

Г у р м ы ж с к а я. Да тебе-то что ж за дело! Я люблю природу, а ты, может быть, не любишь?

Б у л а н о в. Я ведь как прикажете-с. Ежели вам одним скучно...

Г у р м ы ж с к а я. А тебе не скучно в такую ночь? Тебя не трогает ни луна, ни этот воздух, ни эта свежесть? Посмотри, как блестит озеро, какие тени от деревьев! Ты холоден ко всему?

Б у л а н о в. Нет-с, как холоден! Я только не знаю, что вам угодно-с, как для вас приятнее.

Г у р м ы ж с к а я. А, мой милый, ты хочешь играть наверное?

Буланов. Я бы, кажется, бог знает что дал, только б узнать, что вы любите! Я бы уж так и старался.

Гурмыжская. Ну, а как ты думаешь, что я люблю? Это любопытно будет тебя послушать.

Буланов. Луну-с.

Гурмыжская. Какой он простодушный! Ах, милый мой! я луну любила, да это уж давно прошло; мне не шестнадцать лет.

Буланов *(подумав)*. Родственников-с?

Гурмыжская. Ха-ха-ха! Прошу покорно! Он уморит меня со смеху! Ах, простота! *(Смеется.)* Как это мило: «родственников»!

Буланов. Виноват-с!

Гурмыжская. Говори, говори! я приказываю!

Буланов. Не знаю-с.

Гурмыжская. Тебя, дурак! тебя!

Буланов. Да-с... Я и сам думал, да не смел-с. Давно бы вы-с... а то что я здесь так сколько времени... Вот так-то лучше, Раисонька! Давно бы ты... *(Обнимает Гурмыжскую и хочет поцеловать.)*

Гурмыжская *(отталкивая его)*. Что ты, с ума сошел? Пошел прочь. Ты неуч, негодяй, мальчишка! *(Уходит.)*

Буланов. Что я сдуру-то наделал! Завтра же меня... отсюда... *(Кричит вслед Гурмыжской.)* Виноват-с! Завтра же меня в три шеи! Не слушает. *(Кричит громче.)* Виноват-с! Ничего знать не хочет. *(Падает на скамейку.)* Пропал, пропал, пропал!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА

Гурмыжская.
Милонов.
Бодаев.
Несчастливцев.
Счастливцев.
Буланов.
Восмибратов.
Петр.
Аксюша.
Карп.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп, потом Буланов.

Карп *(убирает чашки со стола и видит коробку Гурмыжской)*. Ишь ты, забыла свою казну, а потом искать примется. Лучше уж не трогать, пущай тут лежит.

Входит Буланов.

Геннадия Демьяныча чай кушать дожидаться не станете?

Буланов. Вот еще! Очень нужно!

Карп. Как угодно-с.

Буланов. Да когда он придет, так доложи мне, а Раису Павловну не беспокоить!

Карп. Слушаю-с.

Буланов. Я тебя прошу, Карп, исполнять мои приказания хорошенько. Я беспорядков в доме не потерплю. Я вам не Раиса Павловна; у меня все по струнке будете ходить, а то и марш со двора. У меня всякая вина виновата.

Карп. Что ж делать, сударь, будем исполнять. Мы и не то видали. Поживешь на свете-то, так всего насмотришься. Такие ли еще чудеса бывают.

Буланов. Да и не разговаривать. Я этого не люблю.

Карп. Можно и не разговаривать, оно еще и лучше. Что тут разговаривать! О чем? Дело видимое.

Буланов. Ну, и можешь идти.

Карп уходит. Входит Несчастливцев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Несчастливцев и Буланов.

Буланов. Здравствуйте, господин Несчастливцев!

Несчастливцев. Несчастливцев? Ты знаешь, что я Несчастливцев?

Буланов. Знаю.

Несчастливцев. Я очень рад, братец; значит, ты знаешь, с кем ты имеешь дело, и потому будешь вести себя осторожно и почтительно.

Буланов. Да что ж такое? Провинциальный актер, что за важность?

Несчастливцев. Ну, значит, ты не знаешь, кто такой Несчастливцев и как с ним разговаривать. Жаль! Мне придется тебя учить уму-разуму, что, разумеется, для меня будет неприятно, а для тебя еще неприятнее.

Буланов. Ну, еще неизвестно. Ведь это в древние времена физическая-то сила много значила.

Несчастливцев. Что ж, мне с тобою огнестрельное оружие, что ли, употреблять! Нет, брат, я — человек простой и люблю простые средства, натуральные.

Буланов. Оставим этот разговор. Позвольте узнать, что вам угодно?

Несчастливцев. Уж, разумеется, не тебя.

Буланов. Кого же?

Несчастливцев. Что, ты от рожденья глуп. или сегодня вдруг с тобой сделалось? Кого? Кого? Ты в этом доме то же, что в операх бывают неизвестные; а я здесь в родной семье. Я пришел чай пить к своей тетке.

Буланов. Извините.

Несчастливцев. В чем тебя извинить? Вот что: ты надень сумку через плечо, прицепи на пуговицу грифельную доску и поди доучиваться.

Буланов. Извините.

Несчастливцев. Ну, извиняю.

Буланов. Не меня; Раиса Павловна просит извинения. Она не может вас принять; она не совсем здорова и чувствует, что посещения и разные гости, хотя бы даже и родные, ей теперь очень в тягость.

Несчастливцев. Она меня гонит? Но за что же?

Буланов. Это до меня не касается. Вообще она просит вас освободить ее от вашего присутствия, которое ее расстраивает.

Несчастливцев. Ну, что делать! Я ее любил, я ее считал вместо матери. *(Отирает слезу.)* Что ж такое, что я актер? Всякий обязан делать, что умеет. Я ведь не разбойник, я честным, тяжелым трудом добываю хлеб свой. Я не милостыню пришел просить у нее, а теплого слова. Обидно!.. О, женщины! Если уж ей хотелось обидеть меня, неужели она хуже тебя никого не нашла?

Буланов *(горячо)*. Послушайте, милостивый государь!

Несчастливцев. О, боже мой! Он разговаривает! Слушай, ты, гимназист, школьник, ученик приходского училища! Из уважения к этому дому я тебя милую, но если ты мне в другом месте попадешься...

Буланов. Мы еще посмотрим!

Несчастливцев. Молчи, таблица умножения! Корнелий Непот! Пифагоровы штаны! Ты выменяй образ моего ангела и молись утром и вечером, чтобы нам не встретиться. А если где завидишь меня, так беги без оглядки, творя обеты и молитвы!

Буланов. Да что вы, в самом деле! Вы потише! Раису Павловну беспокоите.

Несчастливцев. Она сама виновата: зачем она посылает ко мне не человека, а котенка. Нельзя равнодушно разговаривать с котенком.

Буланов. Да, кажется, и не о чем разговаривать.

Несчастливцев. Есть мне о чем говорить или нет, тут твоего ума не хватит, ты еще не дорос.

Буланов. Если вы желаете что-нибудь сказать Раисе Павловне, скажите мне, я передам.

Несчастливцев. Да ты что такое? Оруженосец, паж, что ли, Раисы Павловны? Менестрель? Ну, наконец, скороход, шут? Говори.

Буланов. Что я, это вы после узнаете.

Несчастливцев. Не желаю. Ну, кто бы ты ни был, передай Раисе Павловне, что я на нее не сержусь, что я желал бы по-родственному проститься; но если она не хочет, так бог с ней.

Буланов. Хорошо, я скажу-с.

Несчастливцев *(заметив коробку, про себя)*. Ящик здесь, надо это принять к сведению. Погоди же!

Буланов. Больше ничего-с?

Несчастливцев. Ничего. Прощай, грифель! *(Уходит.)*

Входит Гурмыжская.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гурмыжская и Буланов.

Гурмыжская. Ну, уж теперь он сюда больше не заглянет. *(Садится у окна.)* А у тебя есть манера, есть тон; я, признаюсь, этого не ожидала.

Буланов *(ходит, заложа руки назад)*. Все зависит, Раиса, от обстановки. Что я такое был у тебя? Нахлебник, самое фальшивое положение. Согласись сама, что нахлебнику очень трудно вести себя с достоинством.

Гурмыжская. Однако я на тебя сердита за вчерашнее.

Буланов. Ты, Раиса, поставь себя на мое место! Я так обрадовался!

Гурмыжская. На все есть форма, мой друг. Ты только представь себе, как ты меня оскорбил своим поведением! Что ты подумал обо мне? Как ты мог себе позволить! Репутация моя тебе известна. Вся губерния уважает меня, а ты...

Буланов *(развязно целует ее руку)*. Прости меня!

Гурмыжская. Прощаю, мой друг, прощаю. Я вообще очень снисходительна, это мой недостаток. Но ты всегда уважай деликатность женщины, ее целомудренное чувство.

Буланов. Разумеется, я еще мальчишка. Что говорить! Но твоя любовь, твоя опытность помогут. Мне бы только установиться прочнее, посмотри, как я буду себя вести — я приберу в руки весь уезд. А что касается твоих интересов, Раиса, так уж поверь...

Гурмыжская. Верю, верю, мой милый. Поди прикажи позвать ко мне Аксюшу.

Буланов. Да, об этой девушке надо подумать.

Гурмыжская. Что об ней думать! Особенно тебе, мой друг! Это тебя совсем не касается. Ты уж теперь должен совершенно забыть о ней. Она убежала ночью из дому, от нее надо избавиться.

Буланов. Она была у брата, Геннадия Демьяныча; он всю ночь декламировал ей монологи.

Гурмыжская. Ты почем знаешь? Погляди мне в глаза, погляди!

Буланов. Я видел, проходя мимо беседки.

Гурмыжская. Я тебе верю. Но все-таки она оставаться здесь не может.

Буланов *(с улыбкой)*. Ты начинаешь принимать предосторожности.

Гурмыжская. Не лишнее, мой друг: ты еще так молод, что за себя отвечать не можешь, да и я не могу вполне на тебя надеяться.

Буланов. Да ведь нельзя ж ее на улицу выгнать, у нее нет никого. Ее бы выдать замуж.

Гурмыжская. Но чтоб выдать ее из нашего дома и чтоб это было прилично, нужно ей дать приданое. А с какой же стати я стану роскошничать для нее? что вдруг за щедрость такая!

Буланов. Само собой! Нет, уж теперь, пожалуйста, Раиса, никаких лишних расходов! Кабы кто взял ее без приданого.

Гурмыжская. О, тогда другое дело. Чего же лучше! И все конвенансы были бы сохранены, и издержек немного. Я была бы посаженой матерью, ты посаженым отцом; устроили бы у себя вечер, девишник, благословили бы молодых, и бог с ними. Все это было бы благодетельно и недорого.

Входит Аксюша.

Вот она сама. Поди, мой друг, поди!

Буланов уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гурмыжская и Аксюша.

Аксюша. Что вам угодно?

Гурмыжская *(встает)*. Послушай, Аксюша, мне не хочется, чтоб ты обманывалась. Ты живешь здесь и, кажется, воображаешь, что это может вечно продолжаться. В твоем заблуждении виновата я: было одно время, когда я думала отдать тебя замуж за Алексея Сергеича. Теперь ты не должна и думать о нем.

Аксюша. Я и не думаю.

Гурмыжская. Я тебе не верю; но все равно. Очень скоро я увидала, что вы не пара. Я тебе скажу прямо: ты не стоишь этого человека. Тебе даже и мечтать о нем было бы глупо. Что же ты молчишь?

Аксюша. Я слушаю.

Гурмыжская. Такие женихи не по вас, моя милая! Я не знаю, может быть, он даже за тобой и ухаживал...

Аксюша. Может быть.

Гурмыжская. Но ты пойми, что это ничего не значит. Это просто прихоть, шалость. Может быть, и ты с ним кокетничала?

Аксюша. Нет, этого не может быть.

Гурмыжская. Положим; но я должна тебе сказать — уж приятно ли тебе будет, неприятно ли, это не мое дело — ты ему не нравишься. *(Про себя.)* Вот тебе, милая.

Аксюша. Очень рада.

Гурмыжская. Рада? Однако ты хитрая девушка, но меня перехитрить трудно. *(Про себя.)* Погоди же, я тебя кольну почувствительнее. *(Аксюше.)* Я еще тебе скажу: ему нравится другая. Что? приятно тебе?

Аксюша. Что же мне за дело?

Гурмыжская. Ты не беспокойся, я ведь себя обмануть не дам! Он теперь не жених тебе, вы люди посторонние, и, следовательно, вам в одном доме жить нельзя.

Аксюша. Как вам угодно.

Гурмыжская. Ты должна будешь оставить мой дом.

Аксюша. Когда прикажете?

Гурмыжская. Но куда же ты денешься?

Аксюша. Я очень благодарна вам за ваши милости; но когда я оставлю ваш дом, я уж попрошу вас обо мне больше не беспокоиться.

Гурмыжская. Но, может быть, ты думаешь поселиться где-нибудь поблизости?

Аксюша *(про себя)*. Старушка-то ревнует.

Гурмыжская. Что ты шепчешь? Может быть, ты переедешь в город?

Аксюша. Может быть.

Гурмыжская. Но это невозможно.

Аксюша. Отчего же? Ведь город, Раиса Павловна, не в ваших владениях.

Гурмыжская. Но это ужасно! Это очень близко.

Аксюша. Да, недалеко.

Гурмыжская. Послушай, Аксюша, милая, нет ли у тебя родных где-нибудь подальше; поезжай к ним, я тебя отправлю на свой счет. Я так боюсь за тебя, моя душа, Алексис такой ветреный мальчик.

Аксюша. Да, он очень ветрен.

Гурмыжская. Ты заметила?

Аксюша. Еще бы не заметить! И если б я только захотела...

Гурмыжская. Вот ты сама говоришь. Послушай, милая! Ну, поди ко мне поближе! *(Обнимает ее.)* Ну, сделай это для меня!

Аксюша. Для вас? Это дело другое, так бы вы и говорили. А то что вам за надобность беречь меня и смотреть за мной! Просто вы ревнуете. Вы знатная барыня, а я девочка с улицы, и вы ко мне ревнуете своего любовника.

Гурмыжская. Что за слова ты говоришь!

Аксюша. Ну да. Я говорю правду. Признайтесь хоть раз в жизни! А то вы всегда и для всех святая, а мы грешные.

Гурмыжская. Душа моя, я тоже женщина.

Аксюша. Признайтесь! Признайтесь, и я убегу от вас за тысячу верст.

Гурмыжская. Ты хочешь, чтоб я открыла тебе свою слабость? *(Обнимает ее.)* Да, я ревнива.

Аксюша. Мне только и нужно. Я ухожу от вас далеко, далеко. *(Хочет поцеловать ее руку.)*

Гурмыжская. За что, за что, моя милая?

Аксюша. За хлеб-соль.

Гурмыжская. Ах, не надо, не надо! *(Целует ее.)* Дай бог тебе всякого счастья!

Аксюша. Я пойду собираться. *(Уходит.)*

Гурмыжская *(садится у окна)*. Ну, слава богу, теперь все улажено, и я могу вполне наслаждаться своим счастьем. Сколько я перенесла неприятностей за эту глупую комедию с

родственниками! И поделом. Но уж зато теперь я покойна совершенно. Алексис будет управлять имением, а я займусь только добрыми делами. Определю себе для этого сумму, конечно, небольшую, и буду совершенно в своей сфере.

Входит Карп.

Карп. Геннадий Демьяныч желает вас видеть.

Гурмыжская. Скажи, что я...

Карп. Да они здесь-с; они никаких резонов не слушают.

Гурмыжская. Боже мой, опять!

Входит Несчастливцев в дорожном платье, снимает котомку и кладет в угол, туда же ставит палку.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гурмыжская, Несчастливцев, Карп.

Несчастливцев. Поди, Карп, и не пускай никого! Скажи, что мы заняты.

Карп. Слушаю с. *(Уходит.)*

Гурмыжская. Какой костюм!

Несчастливцев. Дорожный. Мы пешие путешественники. Это пальто — мой старый друг и товарищ. В непогоду я в этом пальто бродил, как старый Лир, по степям Новороссии. Часто в бурную ночь я искал убежища, и меня принимали в этом пальто, принимали чужие теплее, чем родные. Прощайте!

Гурмыжская. Прощай, мой друг.

Несчастливцев. Два только слова, и более я вас не буду беспокоить никогда.

Гурмыжская. Я слушаю. *(Берет колокольчик.)*

Несчастливцев. Что это? Вы хотите позвонить? Рано еще. Дайте мне колокольчик! *(Берет колокольчик.)* Я сам позвоню, когда надо будет. Нам свидетелей не нужно. Напротив, тетушка, вы уж постарайтесь, чтоб к нам не вошел никто, а главное, Буланов, если только вам дорога его мизерная жизнь.

Гурмыжская. Хорошо, я не прикажу никому входить. *(Про себя.)* Ах, сон!

Несчастливцев. И прекрасно. *(Ставит колокольчик на стол и садится на стуле подле стола.)*

Гурмыжская *(заметя свою коробку на столе)*. Коробка! Я ее забыла. *(Самым ласковым тоном.)* Послушай, мой друг

Геннадий, будь так добр, потрудись передать мне эту коробку.

Несчастливцев. Не беспокойтесь! Ей и здесь хорошо.

Гурмыжская. Ну, если ты не хочешь, я сама встану за ней.

Несчастливцев *(вынимает пистолет и кладет на стол)*. Не трудитесь!

Гурмыжская. Что ты делаешь? Это ужасно! Я могу умереть со страху.

Несчастливцев. Не бойтесь! Мы будем разговаривать очень мирно, даже любезно. *(Рассматривая коробку.)* Знаете что? Подарите мне ее на память.

Гурмыжская *(с испугом)*. Ах!.. Нельзя, мой друг, тут важные бумаги, документы по имению.

Несчастливцев. Планы, купчие крепости, межевые книги? Как же они уберутся в такую коробку! Извините, я позволю себе полюбопытствовать. *(Открывает коробку.)*

Гурмыжская. Вот пытка!

Несчастливцев. Вы ошиблись, тут деньги. Злато, злато! Сколько через тебя зла-то! Ну, мы пока ее закроем. *(Закрывает коробку.)* Был один актер провинциальный, оскорбила его женщина, жена антрепренера; он смолчал, но не забыл обиды. Всю зиму он терпел; в последнее воскресенье на масленице у антрепренера был прощальный вечер для артистов. Слушайте, тетушка!

Гурмыжская. Слушаю.

Несчастливцев. По окончании вечера стали все прощаться, подходит и он к хозяйке: «Пожалуйте ручку»,— говорит; та ему подала, он ей, тетушка, было палец и откусил прочь.

Гурмыжская. К чему ты мне это говоришь?

Несчастливцев. Разумеется, он поступил глупо. Я его знаю, он дурак. Можно было сделать умнее.

Гурмыжская. Зачем мне знать все это?

Несчастливцев. На всякий случай не мешает. Другой актер поступил гораздо умнее. У одной богатой помещицы был племянник, человек с благородною душой, но бедный. Вздумал он навестить свою тетку, которую не видал лет пятнадцать. Вот собрался издалека, шел пешком долго; приходит, его принимают по-родственному. Вдруг тетка узнает, что он актер, гонит его из дому, не простясь, срамит его перед людьми, перед дворней.

Гурмыжская. Ах, нет, Геннадий...

Несчастливцев. То есть, она думала так поступить, а вышло не так. Трагик Несчастливцев не позволит играть собой. *(Открывает коробку.)* Вот, во-первых, трагику Несчастливцеву нужны деньги на дорогу, неприлично ему от богатой тетки пешком идти. Потом, у вас живет бедная девушка. Ну, что хорошего, если она, живя у вас и пользуясь вашими благодеяниями, утопится?

Гурмыжская. Что ты сочиняешь?

Несчастливцев. Я ее возьму с собой, и на ее долю нужно что-нибудь уделить. Потом, так как мы отказываемся от всякого наследства после вас,— это нам легко сделать, вы нам и так ничего не оставите, а оставите все гимназисту,— и за это нужно что-нибудь взять. *(Считает деньги.)*

Гурмыжская. Ты не томи меня; скажи, сколько тебе нужно?

Несчастливцев. Я великодушен. *(Встает, берет в одну руку пистолет, а в другую коробку с деньгами и подает ее Гурмыжской.)* Дайте сами.

Гурмыжская *(поглядывая на пистолет)*. Напрасно вся эта комедия! Я тебе должна тысячу рублей; вот твои деньги! Но если ты нуждаешься...

Несчастливцев *(берет деньги)*. Довольно! Милостыни не надо. Благодарю вас. *(Прячет деньги.)*

Гурмыжская. Ах, убери, пожалуйста, этот пистолет! У меня душа не на месте.

Несчастливцев. Да чего вы боитесь? Я ведь не Стенька Разин. В крайнем случае, если бы вы меня оскорбили очень, я бы убил этого гимназиста, а уж никак не вас. *(Кладет пистолет в карман.)* Ну-с, теперь вы меня, конечно, проводите честь честью. Мы позавтракаем и расцелуемся, как следует родственникам.

Гурмыжская. Да, разумеется.

Несчастливцев. Барином я сюда явился, барином и уеду, с честью. *(Звонит в колокольчик.)*

Входит Карп.

Пошли кого-нибудь поскорее в город нанять самую лучшую тройку до первой пароходной пристани. Да вот, братец ты мой, я уезжаю, так барыня приказывает поскорее собрать хороший завтрак. Подай вина получше, шампанского.

Карп. Слушаю-с. Завтрак готов.

Гурмыжская. Подай в столовую!

Несчастливцев. Позови Аркадия! *(Гурмыжской.)* Я его вам представлю на прощанье; вы не много потеряли, что я не познакомил вас прежде.

К а р п. Сударыня, Иван Петров с сыном дожидаются-с.

Г у р м ы ж с к а я. Скажи, чтоб он подождал в столовой.

Карп уходит.

Извини меня, любезный друг, я тебя должна оставить ненадолго.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Помилуйте! Между своими...

Г у р м ы ж с к а я. Мне нужно одеться. Я жду гостей. Поди в столовую, покушай на дорогу, я приду с тобой проститься.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Значит, мы расстаемся мирно. Вы на меня не сердитесь?

Г у р м ы ж с к а я. Нет, не сержусь; но мне кажется, что можно было бы тебе вести себя поделикатнее, я все-таки дама.

Н е с ч а с т л и в ц е в. О, боже! Я вас оскорбил? Скажите, оскорбил я вас? Я не прощу себе. Я застрелюсь при ваших глазах. *(Вынимает пистолет.)*

Г у р м ы ж с к а я. Ах, нет, нет!

Н е с ч а с т л и в ц е в. Нет, вы мне скажите, обидел я вас? О, я!..

Г у р м ы ж с к а я. Ах, нет, нисколько! напротив. *(Уходит.)*

Н е с ч а с т л и в ц е в. Вот так-то лучше... Я уж теперь и сам не разберу, Несчастливцев я или Ротшильд.

Входит С ч а с т л и в ц е в.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Несчастливцев и Счастливцев.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Ну, Аркадий, теперь можно будет нам и отдохнуть. Денег, братец, у меня много. *(Показывает пачку ассигнаций.)* Поедем мы с тобой до Волги в хорошем экипаже, а потом на пароходе в первом классе.

С ч а с т л и в ц е в. Геннадий Демьяныч, бесподобно! Ах, бесподобно! Уж как я комфорт люблю, кабы вы знали.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Сделают нам выгодные предложения, так мы с тобой примем, будем играть, а нет, так и не надо. Поедем в Нижний на ярмарку за бенефисом; да бенефис чтоб в начале августа, а в сентябре, шалишь, не возьму! Покутим, братец.

С ч а с т л и в ц е в. И уж товарища вам лучше меня не найти: я, знаете, я, Геннадий Демьяныч, рожден для такой жизни. А бедность что! В бедности-то всякий жить умеет; нет, ты умей

прожить деньги с эффектом; тут много ума нужно, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев. А теперь, брат, пойдем, выпьем доброго вина, закусим на дорогу, по стакану, по другому шампанского.

Счастливцев. Вот жизнь, Геннадий Демьяныч! Вот это я понимаю. А то что: пешком... сам себя презираешь. Не знаю, как вы, а я презираю такую жизнь. Я всегда за богатых людей. Кто шампанское пьет, хорошие сигары курит, тот и человек, а остальное — ничтожество. Так ведь, Геннадий Демьяныч?

Уходят в столовую. Входит Аксюша.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аксюша, потом Петр и Несчастливцев.

Аксюша. Где же братец? *(Заглядывает в дверь.)* Он в столовой, и Петя там. Как бы его вызвать! Мне бы только хоть два слова сказать на прощанье, при людях неловко будет. *(Тихо.)* Петя! Петя! Услыхал, идет.

Петр тихо боком прокрадывается в дверь.

Петр. А, это ты?

Аксюша. Тише, ради бога, тише! Кончено дело, у братца денег нет; я еду с ним далеко и навсегда. *(Берет его голову, прижимает к себе и целует.)* Прощай! Ступай! ступай!

Петр. Едешь? Куда, зачем?

Аксюша. В театр, в актрисы.

Петр. Что ты, опомнись, с ума ты сошла!

Аксюша. Решено, решено. Ступай, ступай!

Петр. Что ты! У меня сердце упало, ровно кто меня камнем в грудь-то ушиб. А ведь я с тятенькой опять говорил.

Аксюша *(робко и оглядываясь)*. Ну, что же?

Петр. Сначала, известно, два часа ругал без отдыха; потом говорит: «Хоть бы тысячу за тебя, дурака, дали».

Аксюша. Я на прощанье словечко закину тетеньке; а впрочем, надежды мало. Ну, ступай! *(Целует его.)* Прощай! Ужо не прощайся! Стыдно. Глазами только проводи, я на тебя все глядеть буду.

Петр. Ах ты, жизнь! Вот бы когда в омут-то с великим моим удовольствием.

Входит Несчастливцев.

Несчастливцев. А! Попались!

А к с ю ш а. Братец, потише!

Петр уходит.

Одно слово, одно слово, братец! Утопающий за соломинку хватается. Попросите тетушку, может быть, она сжалится надо мной; теперь только тысячу рублей нужно, только тысячу.

Н е с ч а с т л и в ц е в. А что ж в актрисы-то, дитя мое? С твоим-то чувством...

А к с ю ш а *(прилегая к нему, нежно)*. Братец... чувство... оно мне дома нужно.

Н е с ч а с т л и в ц е в *(басом)*. Поколебалась! Что на земле незыблемо теперь? Пойдем, меня ждет компания. Дай мне хорошенько вдохновить себя, а то я поговорю. *(Уходит в столовую.)*

Выходят М и л о н о в, Б о д а е в и К а р п.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

М и л о н о в, Б о д а е в, К а р п, потом Г у р м ы ж с к а я и Б у л а н о в.

К а р п. Пожалуйте-с! Они сейчас выдут.

М и л о н о в. Что это у вас, Карпуша, нынче как-то особенно парадно?

К а р п. Не могу знать.

Выходит Г у р м ы ж с к а я, очень нарядно и молодо одетая, под руку с Б у л а н о в ы м.

Г у р м ы ж с к а я. Извините, господа, что я заставила вас ждать!

Б о д а е в. Да мы ничего и не ждали.

М и л о н о в *(целуя руку)*. Вы прекрасны. *(Отходит и смотрит издали.)* Прекрасны! Вы все молодеете.

Г у р м ы ж с к а я. Мне и нужно молодеть. Господа, я вас звала для подписания завещания, но обстоятельства несколько изменились. Я выхожу замуж. Рекомендую вам будущего моего мужа.

М и л о н о в. Прекрасно! Прекрасно!

Б о д а е в. Я так и ожидал.

Г у р м ы ж с к а я *(садясь)*. Прошу покорнейше садиться!

Милонов и Бодаев садятся.

Алексис, садись!

Буланов *(целуя ее руку)*. Ах, Раиса, позволь, я буду стоять подле тебя.

Гурмыжская. Не правда ли, он мил? Господа, я вижу, что в душе вы осуждаете меня. Прежде выслушайте, потом судите. Господа, у меня оправданий много. Я была беззащитна, имение расстроено; я думала поручить управление племяннику; но он меня поразил, поразил... Знаете, какую он карьеру избрал? Он актер провинциальный...

Милонов. Ужас, ужас, ужас!

Бодаев. Что такое?

Буланов. О племяннике...

Бодаев. А? Ну, не мое дело.

Гурмыжская. И ведет жизнь самую беспорядочную. Он здесь, у меня; вы можете его видеть.

Милонов. А ваша племянница?

Гурмыжская. Я недовольна ее поведением. Что же мне оставалось делать? я вас спрашиваю. При всем моем желании остаться навсегда вдовой *(томно)* и даже отказаться совсем от света, я решилась пожертвовать собой. Я выхожу замуж, чтоб устроить имение и чтоб оно не досталось в дурные руки.

Милонов. Это геройский подвиг! Вы героиня!

Бодаев. Ну, какая героиня? Просто блажит.

Милонов. Давно бы вам, давно бы...

Гурмыжская. Ах, Евгений Аполлоныч, надо было найти человека. Это так трудно нынче, так трудно. Ведь это что за человек, кабы вы знали! *(Нежно взглядывает на Буланова.)* Ах, друг мой!

Буланов *(целуя ее руку)*. Раиса, ты меня конфузишь.

Милонов *(грозя пальцем)*. Только смотрите, Раиса Павловна, смотрите за ним хорошенько! Он так еще молод.

Гурмыжская. Ах, нет. Он дал мне клятву, страшную клятву.

Буланов. Господа, поверьте, что я постараюсь быть достойным той чести, которую мне делает Раиса Павловна, избирая меня своим супругом. Что касается интересов Раисы Павловны, то, господа, в самом скором времени само дело будет говорить за меня; вы увидите наше имение в цветущем положении.

Милонов. Каков? каков? Прекрасно, молодой человек, прекрасно!

Гурмыжская. Я вам говорила...

Бодаев. Все врет, все промотает.

Буланов. Господа, хотя я и молод, но я очень близко к сердцу принимаю не только свои, но и общественные дела и желал бы служить обществу. Поверьте, что вы найдете во мне самого горячего защитника наших интересов и привилегий.

Милонов. А вот мы жаловались, что людей-то нет. Для новых учреждений нужны новые люди, а их нет. Вот они!

Бодаев. Что ж, пожалуй; пусть служит, мы неразборчивы.

Буланов *(пожимая плечами)*. Вот только года мои... я не понимаю, к чему эти стеснения! Если я чувствую себя способным...

Милонов. Ну, что ж, мы подождем годика два; а там и в управу или другую почетную должность найдем.

Гурмыжская. Господа, кушать сегодня мы будем поздно; а теперь можно по бокалу шампанского. Карп, подай шампанского.

Карп. Слушаю-с. Честь имею поздравить, сударыня. *(Про себя.)* Пойти оповестить! *(Уходит.)*

Милонов. Но откуда такой ум, такая сила в молодом человеке?

Гурмыжская. Ах, он много страдал, бедный! Мать его была богатая женщина, и он с детства был приучен к неге, к раболепству прислуги и всех окружающих; потом они обеднели, и он узнал страшную нужду. Ужасно! Он рожден повелевать, а его заставляли чему-то учиться в гимназии.

Входит Карп с бутылкой шампанского и бокалами. Все встают.

Милонов *(принимая бокал)*. Все высокое и все прекрасное основано на разнообразии, на контрастах. Возьмем самые изящные сочетания в природе, и что ж мы видим? Суровый гранит и меланхолический плющ, несокрушимый дуб и нежную повилику. И теперь перед нашими глазами: непоколебимая добродетель, житейская мудрость, укрепленная опытом, в союзе с нежной, молодой отраслью благородного питомника. Раиса Павловна, Алексей Сергеич! Желаю вам многолетней, безмятежной жизни, на радость вам, на утешение ваших друзей и на пользу всего окрестного населения до самых отдаленных пределов!

В столовой «ура!».

Гурмыжская. Что такое?

Карп. Геннадий Демьяныч изволят... за ваше здоровье.

Милонов. Господа, я не могу говорить: все прекрасное и все высокое заставляет молчать уста мои и вызывает горячие и обильные слезы на мои ресницы. *(Пьет.)*

Гурмыжская *(жмет ему руку)*. Благодарю, благодарю вас.

В столовой «ура!».

Бодаев *(с бокалом)*. Поздравляю! Постарайтесь жить счастливо, и я первый буду очень рад! *(Пьет.)*

Гурмыжская. Покорно вас благодарю! *(Буланову.)* Какой грубый человек!

Садятся.

В столовой «ура!». Двери из столовой растворяются, выходит Несчастливцев, остаются в дверях Счастливцев, Восмибратов, Петр и Аксюша.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Буланов, Несчастливцев, Счастливцев, Восмибратов, Петр, Аксюша, Карп.

Несчастливцев. Тетушка, поздравляю! Замуж выходите? Время, тетушка, время! И для вас хорошо, и для родственников приятно. Это делает вам честь, а нам удовольствие. Я, с своей стороны, очень рад и одобряю ваш союз. *(Обращаясь к дверям.)* Господа, что же вы стали!

Счастливцев и Восмибратов подходят.

Тетушка, рекомендую: друг мой, Аркадий Счастливцев!

Гурмыжская. Очень приятно!

Милонов. Это ваш племянник?

Несчастливцев *(Милонову)*. Честь имею рекомендоваться: Геннадий Гурмыжский. *(Бодаеву.)* Гурмыжский, Геннадий!

Милонов и Бодаев встают, подают ему руки и садятся.

Восмибратов *(Гурмыжской)*. Доброе дело-с. Значит, по закону, как следует. Чего же лучше-с. Оченно приятно-с.

Гурмыжская. Ну, как тебе, Иван Петрович, нравится мой жених?

Восмибратов. Ничего-с, жених во вкусе-с. Ежели насчет малоумия, так это от малодушества, со временем проходит-с.

Несчастливцев *(Счастливцеву и Восмибратову)*. Господа, покорнейше прошу садиться. Тетушка, позвольте мне распорядиться, как дома. Карп, подай, братец, нам вина, да побольше! Ты не жалей; такие случаи редки, ведь тетушка не каждый год замуж выходит. *(Садится с правой стороны.)*

Там же садятся Счастливцев и Восмибратов, Карп уходит.

Продолжайте, господа, ваш разговор, мы вам не мешаем.

Милонов. Нам интересно вас послушать.

Несчастливцев. С величайшим удовольствием, господа. Мне очень приятно говорить в таком благородном обществе. Тетушка, вы счастливы, вы безмерно счастливы?

Гурмыжская. Да, мой друг, я счастлива.

Несчастливцев. В счастии человек делается добрее, благороднее. Не так ли я говорю? Правда, господа?

Милонов. Совершенно справедливо; прекрасно, прекрасно!

Несчастливцев. Тетушка, у вас есть племянница, милое, кроткое создание; у ней есть тоже жених. Он не так красив и смел, как ваш, но она его любит. А вот его тятенька.

Гурмыжская. Знаю, мой друг.

Несчастливцев. Он, то есть тятенька, человек русский, господа, благочестивый, но по душе совершеннейший коканец и киргиз-кайсак. Он человек семейный, очень любит своих детей, любит женить сыновей; но непременно желает получить приданого тысячу рублей, по своей жадности и по своему невежеству.

Восмибратов. Это точно, барин, что по невежеству: только нам без этого невежества никак нельзя, потому на нем весь круг держится.

Несчастливцев. Вот, тетушка, для вас прекрасный случай сделать доброе дело.

Гурмыжская. Ах, нет, нет. Что еще за новости! Оставь, пожалуйста! Это не твое дело. Я и так издержала очень много, потом впереди большие расходы.

Буланов. Нам с Раисой теперь нельзя тратить ничего лишнего. Я хочу конный завод завести, пруды надо чистить, копать канавы.

Несчастливцев. Так не дадите?

Гурмыжская. Деньги невелики; но согласитесь, господа, что бывают обстоятельства...

Несчастливцев. Да зачем деньги? Довольно вашего благородного слова в присутствии вот этих господ.

Восмибратов. Для нас ваше слово лучше векселя.

Гурмыжская. Нет, нет! Это неделикатно даже, вдруг, при посторонних... Такое требование... Это насилие... У вас комплот![1]

Буланов. Да ты, Раиса, откажи решительно.

Гурмыжская. Ну, согласитесь, господа, ведь нельзя же так вдруг... Я решительно отказываю.

Несчастливцев. Так не дадите?

Гурмыжская. Извини, мой друг, не могу.

Несчастливцев *(Восмибратову)*. Почтенный, скинь что-нибудь! Уважь! Уступи!

Восмибратов. Не расчет, барин. И то уж так, что из хорошего дома, а то бы и внимания не взяли.

Несчастливцев *(встает)*. Тетушка, Раиса Павловна! Благодетельница рода человеческого! Не роняйте себя перед почтенным обществом! Не стыдите фамилию Гурмыжских. Я краснею за вас. У вас только и родных — я да она; она уж больше не попросит, а мне приданого не нужно. Гурмыжская не может отказать в такой сумме! Вы женщина богатая, что значит для вас эта малость! Я бедный труженик; но если б у меня были... *(Ударяет себя в грудь.)* А? Что такое? Да они есть. *(Вынимает из кармана деньги.)* Вот они! Признаться, не грех бы бедняге Несчастливцеву и покутить на эти деньги; не мешало бы ему, старому псу, и поберечь их на черный день.

Счастливцев *(дергая его за руку)*. Что вы делаете?

Несчастливцев. Молчи, Аркашка! Так не дадите?

Гурмыжская. Я уж сказала.

Несчастливцев. Ну, если богатая помещица отказывает бедной девушке в приданом, так не откажет бедный артист. *(Аксюше.)* Поди сюда, дитя мое!

Счастливцев. А говорили, на тройке поедем! Вот тебе и тройка! Вот и на пароход.

Несчастливцев. Молчи, Аркашка!

Аксюша подходит.

Вот тебе, дитя мое! Бери!

Аксюша. Что вы, что вы, братец! Не надо!

Несчастливцев. Бери, говорят тебе! Я что задумал — не передумываю, что сделал — не переделываю.

Аксюша *(обнимая его)*. Братец! Братец!

Карп приносит бутылку вина и стаканы и ставит на стол.

---

[1] Комплот — заговор *(от франц.* complot*)*.

Несчастливцев. Ну, довольно; я могу заплакать; а это нехорошо,— стыдно.

Аксюша. Как мне благодарить вас?

Несчастливцев. Как благодарить? Скажи «спасибо», и все тут. Вот теперь выпьем! *(Подходит к столу и наливает два стакана.)*

Аксюша отдает деньги Петру.

Петр *(отдавая деньги отцу)*. Извольте получить-с!

Восмибратов отходит к стороне и считает.

Гурмыжская *(Несчастливцеву)*. Это очень великодушно с твоей стороны!

Несчастливцев. Надеюсь! Поди, Аркадий, выпей!

Счастливцев подходит и пьет.

Гурмыжская *(Аксюше)*. Я очень рада, моя милая, что так устроилось, и готова способствовать твоему счастию всем, чем могу; я даже не откажусь быть твоей посаженой матерью.

Аксюша кланяется.

Восмибратов. Много вами благодарны-с. Уж у нас, сударыня, без вас дело не обойдется. Вы у нас на свадьбе-с — пятьдесят процентов к приданому, вот как мы вас ценим. А уж банкет я сделаю для вашей милости, так месяца на два в городе разговору хватит. Пущай по крайности знают.

Милонов *(подходя к столу)*. Прекрасно, прекрасно! Ваш поступок надо напечатать в газетах.

Несчастливцев. Что тут за газеты! Давай выпьем брудершафт!

Милонов. Но, мой милый... нельзя же...

Несчастливцев. А не хочешь, не надо. Убирайся! Пошел прочь. Выпьем, Аркадий.

Милонов отходит.

Бодаев *(Буланову)*. Кто он такой? А?

Буланов. Актер.

Бодаев. Актер? Ах, черт его возьми! Браво, браво! *(Подходит к Несчастливцеву.)* Вашу руку! То-то я слушаю, кто так хорошо говорит, благородно. Это такая редкость у нас. *(Указывая на Счастливцева.)* А он тоже актер?

Несчастливцев. Актер.

Бодаев. Он ничего не говорит?

Несчастливцев. Нет, говорит.

Бодаев. Что же он говорит?

Счастливцев. Скворцом свищу, сорокой прыгаю.

Бодаев. А, браво, браво! *(Отходит и сейчас же возвращается к Несчастливцеву.)* Я ему пенковую трубку подарю. Заходите ко мне, милости прошу.

Несчастливцев. Забавлять-то тебя? Шутов заведи! Давай брудершафт выпьем!

Бодаев. Что? Ха-ха-ха! Он забавный! *(Отходит.)*

Гурмыжская *(Буланову)*. Его надо как-нибудь выжить; он бог знает что наделает.

Буланов. Вы, кажется, ехать собираетесь?

Несчастливцев. Давно я, брат, сбираюсь.

Буланов. Так не пора ли вам?

Несчастливцев. Аркадий, нас гонят. И в самом деле, брат Аркадий, зачем мы зашли, как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов? Что им мешать! Пусть их живут, как им хочется! Тут все в порядке, братец, как в лесу быть следует. Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятся от горького житья у своих родных: лес, братец.

Гурмыжская *(пожимая плечами)*. Комедианты.

Несчастливцев. Комедианты? Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты — вы. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете. Вы комедианты, шуты, а не мы. Когда у меня деньги, я кормлю на свой счет двух-трех таких мерзавцев, как Аркашка, а родная тетка потяготилась прокормить меня два дня. Девушка бежит топиться; кто ее толкает в воду? Тетка. Кто спасает? Актер Несчастливцев! «Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слезы — вода! Ваши сердца — твердый булат! Поцелуи — кинжалы в грудь! Львы и леопарды питают детей своих, хищные враны заботятся о птенцах, а она, она!.. Это ли любовь за любовь? О, если б я мог быть гиеною! О, если б я мог остервенить против этого адского поколения всех кровожадных обитателей лесов!»

Милонов. Но позвольте, за эти слова можно вас и к ответу!

Буланов. Да просто к становому. Мы все свидетели!

Несчастливцев *(Милонову)*. Меня? Ошибаешься. *(Вынимает пьесу Шиллера «Разбойники».)* Цензуровано. Смотри! Одобряется к представлению. Ах ты, злокачественный мужчина! Где же тебе со мной разговаривать! Я чувствую и говорю, как Шиллер, а ты — как подьячий! Ну, довольно! В дорогу, Аркашка! Прощайте! *(Кланяется всем.)* Тетушка, пожалуйте ручку!

Гурмыжская *(прячет руку)*. Ах, нет, нет...

Буланов. Позвольте ему, он скорее уйдет.

Несчастливцев. Не укушу, не бойтесь.

Милонов. Разумеется, не укусит.

Буланов. Разумеется...

Гурмыжская. Ах, нет, вы не знаете.

Несчастливцев. О, люди, люди! *(Идет в угол, надевает котомку.)*

Аксюша помогает ему и целует его. Берет в руки палку.

Ну, Аркадий, мы с тобой попировали, пошумели, братец; теперь опять за работу! *(Выходит на середину сцены, подзывает Карпа и говорит ему с расстановкой и внушительно.)* Послушай, Карп! Если приедет тройка, ты вороти ее, братец, в город; скажи, что господа пешком пошли. Руку, товарищ! *(Подает руку Счастливцеву и медленно удаляется.)*

1870

СНЕГУРОЧКА

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА
В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ С ПРОЛОГОМ

Действие происходит в стране берендеев, в доисторическое время. Пролог на Красной горке, вблизи Берендеева посада, столицы царя Берендея. Первое действие в заречной слободе Берендеевке. Второе действие во дворце царя Берендея. Третье действие в заповедном лесу. Четвертое действие в Ярилиной долине.

ПРОЛОГ

ЛИЦА:

Весна-Красна.
Дед Мороз.
Девушка Снегурочка.
Леший.
Масленица — соломенное чучело.
Бобыль Бакула.
Бобылиха, его жена.
Берендеи обоего пола и всякого возраста.
Свита Весны, птицы: журавли, гуси, утки, грачи, сороки, скворцы, жаворонки и другие.

Начало весны. Полночь. Красная горка, покрытая снегом. Направо кусты и редкий безлистный березник; налево сплошной частый лес больших сосен и елей с сучьями, повисшими от тяжести снега; в глубине, под горой, река; полыньи и проруби обсажены ельником. За рекой Берендеев посад, столица царя Берендея; дворцы, дома, избы — все деревянные, с причудливою раскрашенною резьбой; в окнах огни. Полная луна серебрит всю открытую местность. Вдали кричат петухи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Л е ш и й сидит на сухом пне. Все небо покрывается прилетевшими из-за моря птицами. В е с н а - К р а с н а на журавлях, лебедях и гусях спускается на землю, окруженная свитой птиц.

Леший

Конец зиме, пропели петухи,
Весна-Красна спускается на землю.
Полночный час настал, сторожку Леший
Отсторожил,— ныряй в дупло и спи!
(Проваливается в дупло.)

Весна-Красна спускается на Красную горку в сопровождении птиц.

В е с н а - К р а с н а

В урочный час обычной чередою
Являюсь я на землю берендеев.
Нерадостно и холодно встречает
Весну свою угрюмая страна.
Печальный вид: под снежной пеленою,
Лишенные живых веселых красок,
Лишенные плодотворящей силы,
Лежат поля остылые. В оковах
Игривые ручьи, в тиши полночи
Не слышно их стеклянного журчанья.
Леса стоят безмолвны, под снегами
Опущены густые лапы елей,
Как старые нахмуренные брови.
В малинниках, под соснами, стеснились
Холодные потемки, ледяными
Сосульками янтарная смола
Висит с прямых стволов. А в ясном небе,
Как жар, горит луна, и звезды блещут
Усиленным сиянием. Земля,
Покрытая пуховою порошей,
В ответ на их привет холодный кажет
Такой же блеск, такие же алмазы
С вершин дерев и гор, с полей пологих,
Из выбоин дороги прилощенной.
И в воздухе повисли те же искры,
Колеблются, не падая, мерцают.
И всё лишь свет, и всё лишь блеск холодный.
И нет тепла. Не так меня встречают
Счастливые долины юга; там

Ковры лугов, акаций ароматы,
И теплый пар возделанных садов,
И млечное, ленивое сиянье
От матовой луны на минаретах,
На тополях и кипарисах черных.
Но я люблю полунощные страны,
Мне любо их могучую природу
Будить от сна и звать из недр земных
Родящую таинственную силу,
Несущую беспечным берендеям
Обилье жит неприхотливых. Любо
Обогревать для радостей любви,
Для частых игр и празднеств убирать
Укромные кустарники и рощи
Шелковыми коврами трав цветных.
(Обращаясь к птицам, которые дрожат от холода.)
Товарищи: сороки-белобоки,
Веселые болтушки-щекотуньи,
Угрюмые грачи, и жаворóнки,
Певцы полей, глашатаи весны,
И ты, журавль, с своей подругой цаплей,
Красавицы лебедушки, и гуси
Крикливые, и утки-хлопотуньи,
И мелкие пичужки,— вы озябли?
Хоть стыдно мне, а надо признаваться
Пред птицами. Сама я виновата,
Что холодно и мне, Весне, и вам.
Шестнадцать лет тому, как я для шутки
И теша свой непостоянный нрав,
Изменчивый и прихотливый, стала
Заигрывать с Морозом, старым дедом,
Проказником седым; и с той поры
В неволе я у старого. Мужчина
Всегда таков: немножко воли дай,
А он и всю возьмет; уж так ведется
От древности. Оставить бы седого,
Да вот беда, у нас со старым дочка —
Снегурочка. В глухих лесных трущобах,
В нетающих лядинах возращает
Старик свое дитя. Любя Снегурку,
Жалеючи ее в несчастной доле,
Со старым я поссориться боюсь;
А он и рад тому — знобит, морозит
Меня, Весну, и берендеев. Солнце,

Ревнивое, на нас сердито смотрит
И хмурится на всех; и вот причина
Жестоких зим и холодов весенних.
Дрожите вы, бедняжки? Попляшите,
Согреетесь! Видала я не раз,
Что пляскою отогревались люди.
Хоть нехотя, хоть с холоду, а пляской
Отпразднуем прилет на новоселье.

Одни птицы принимаются за инструменты, другие запевают, третьи пляшут.

Хор птиц

Сбирались птицы,
Сбирались певчи
Стадами, стадами.
Садились птицы,
Садились певчи
Рядами, рядами.
А кто у вас, птицы,
А кто у вас, певчи,
Большие, большие?
А кто у вас, птицы,
А кто у вас, певчи,
Меньшие, меньшие?
Орел воевода,
Перепел подьячий.
Подьячий, подьячий.
Сова воеводша,
Желтые сапожки,
Сапожки, сапожки.
Гуси бояре,
Утята дворяне,
Дворяне, дворяне.
Чирята крестьяне,
Воробьи холопы,
Холопы, холопы.
Журавель у нас сотник
С долгими ногами,
Ногами, ногами.
Петух целовальник,
Чечет гость торговый,
Торговый, торговый.
Ласточки молодки,
Касатки девицы,
Девицы, девицы

Дятел у нас плотник,
Рыболов харчевник,
Харчевник, харчевник.
Блинница цапля,
Кукушка кликушка,
Кликушка, кликушка.
Красная рожа
Ворона пригожа,
Пригожа, пригожа.
Зимой по дорогам,
Летом по застрехам,
Застрехам, застрехам.
Ворона в рогоже,
Нет ее дороже,
Дороже, дороже.

Из лесу на пляшущих птиц начинает сыпаться иней, потом хлопья снега, подымается ветер, набегают тучи, закрывают луну, мгла совершенно застилает даль. Птицы с криком жмутся к Весне.

Весна-Красна
(птицам)

В кусты скорей, в кусты! Шутить задумал
Старик Мороз. До утра подождите,
А завтра вам растают на полях
Проталинки, на речке полыньи.
Погреетесь на солнышке немного
И гнездышки начнете завивать.

Птицы уходят в кусты, из леса выходит Мороз.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Весна-Красна и Дед Мороз.

Мороз

Весна-Красна́, здорово ли вернулась?

Весна

И ты здоров ли, Дед Мороз?

Мороз

Спасибо.
Живется мне не худо. Берендеи

О нынешней зиме не позабудут,
Веселая была; плясало солнце
От холоду на утренней заре,
А к вечеру вставал с ушами месяц.
Задумаю гулять, возьму дубинку,
Повыясню, повысеребрю ночку,
Уж то-то мне раздолье и простор.
По богатым посадским домам
Колотить по углам,
У ворот вереями скрипеть,
Под полозьями петь
Любо мне,
Любо, любо, любо.
Из леску по дорожке за̀ возом воз,
На ночлег поспешает скрипучий обоз.
Я обоз стерегу,
Я вперед забегу,
По край-поля, вдали,
На морозной пыли
Лягу маревом,
Средь полночных небес встану заревом,
Разольюсь я, Мороз,
В девяносто полос,
Разбегутся столбами, лучами несметными,
Разноцветными.
И толкутся столбы и спираются,
А под ними снега загораются.
Море свету-огня, яркого,
Жаркого,
Пышного;
Там сине, там красно, а там вишнево.
Любо мне,
Любо, любо, любо.
Еще злей я о ранней поре,
На румяной заре.
Потянуся к жильям из оврагов полянами,
Подкрадусь, подползу я туманами.
Над деревней дымок завивается,
В одну сторону погибается;
Я туманом седым
Заморожу дым.
Как он тянется,
Так останется,

По-над по́лем, по-над лесом,
Перевесом,
Любо мне,
Любо, любо, любо.

Весна

Не дурно ты попировал, пора бы
И в путь тебе, на север.

Мороз

Не гони,
И сам уйду. Не рада старику,
Про старое скоренько забываешь.
Вот я, старик, всегда один и тот же.

Весна

У всякого свой норов и обычай.

Мороз

Уйду, уйду, на утренней заре,
По ветерку, умчусь к сибирским тундрам.
Я соболий треух на уши,
Я оленью доху на плечи,
Побрякушками пояс увешаю;
По чу́мам, по юртам кочевников,
По зимовкам зверовщиков
Захожу, заброжу, зашаманствую,
Будут мне в пояс кланяться.
Владычество мое в Сибири вечно,
Конца ему не будет. Здесь Ярило
Мешает мне, и ты меня меняешь
На глупую породу празднолюбцев.
Лишь праздники считать да браги парить
Корчажные, да ва́ри вёдер в сорок
Заваривать медовые умеют.
Весеннего тепла у солнца просят.
Зачем — спроси? Не вдруг пахать возьмется,
Не лажена соха. Кануны править
Да бражничать, веснянки петь, кругами
Ходить всю ночь с зари и до зари —
Одна у них забота.

Весна

На кого же
Снегурочку оставишь?

Мороз

Дочка наша
На возрасте, без нянек обойдется.
Ни пешему, ни конному дороги
И следу нет в ее терем. Медведи-
Овсянники и волки матерые
Кругом двора дозором ходят; филин
На маковке сосны столетней ночью,
А днем глухарь вытягивают шеи,
Прохожего, захожего блюдут.

Весна

Тоска возьмет меж филинов и леших
Одной сидеть.

Мороз

А теремная челядь?
В прислужницах у ней на побегушках
Лукавая лисица-сиводушка;
Зайчата ей капустку добывают;
Чем свет бежит на родничок куница
С кувшинчиком; грызут орехи белки,
На корточках усевшись; горностайки
В приспешницах сенных у ней на службе.

Весна

Да все ж тоска, подумай, дед!

Мороз

Работай,
Волну пряди, бобровою опушкой
Тулупчик свой и шапки обшивай.
Строчи пестрей оленьи рукавички.
Грибы суши, бруснику да морошку
Про зимнюю бесхлебицу готовь;
От скуки пой, пляши, коль есть охота,
Чего еще?

Весна

Эх, старый! Девке воля
Милей всего. Ни терем твой точеный,
Ни соболи, бобры, ни рукавички
Строченые не дороги; на мысли
У девушки Снегурочки другое:

С людьми пожить; подружки нужны ей
Веселые да игры до полночи,
Весенние гулянки да горелки
С ребятами, покуда...

Мороз

Что покуда?

Весна

Покуда ей забавно, что ребята
Наперебой за ней до драки рвутся.

Мороз

А там?

Весна

А там полюбится один.

Мороз

Вот то-то мне и нелюбо.

Весна

Безумный
И злой старик! На свете все живое
Должно любить. Снегурочку в неволе
Не даст тебе томить родная мать.

Мороз

Вот то-то ты некстати горяча,
Без разума болтлива. Ты послушай!
Возьми на миг рассудка! Злой Ярило,
Палящий бог ленивых берендеев,
В угоду им поклялся страшной клятвой
Губить меня, где встретит. Топит, плавит
Дворцы мои, киоски, галереи,
Изящную работу украшений,
Подробностей мельчайшую резьбу,
Плоды трудов и замыслов. Поверишь,
Слеза проймет. Трудись, корпи, художник,
Над лепкою едва заметных звезд —
И прахом все пойдет. А вот вчера
Из-за моря вернулась птица баба,
Уселася на полынье широкой
И плачется на холод диким уткам,
Ругательски бранит меня. А разве
Моя вина, что больно тороплива,

Что с теплых вод, не заглянувши в святцы,
Без времени, пускается на север.
Плела-плела, а утки гоготали,
Ни дать ни взять в торговых банях бабы;
И что же я подслушал! Между сплетен
Такую речь сболтнула птица баба,—
Что, плавая в заливе Ленкоранском,
В гилянских ли озерах, уж не помню,
У пьяного оборвыша факира
И солнышка горячий разговор
Услышала о том, что будто Солнце
Сбирается сгубить Снегурку; только
И ждет того, чтоб заронить ей в сердце
Лучом своим огонь любви; тогда
Спасенья нет Снегурочке, Ярило
Сожжет ее, испепелит, растопит,
Не знаю как, но умертвит. Доколе ж
Младенчески чиста ее душа,
Не властен он вредить Снегурке.

Весна

Полно!
Поверил ты рассказам глупой птицы!
Недаром же ей кличка — баба.

Мороз

Знаю
Без бабы я, что зло Ярило мыслит.

Весна

Отдай мою Снегурочку!

Мороз

Не дам!
С чего взяла, чтоб я такой вертушке
Поверил дочь?

Весна

Да что ж ты, красноносый,
Ругаешься!

Мороз

Послушай, помиримся!
Для девушки присмотр всего нужнее
И строгий глаз, да не один, а десять.

И некогда тебе и неохота
За дочерью приглядывать, так лучше
Отдать ее в слободку, Бобылю
Бездетному, наместо дочки. Будет
Заботы ей по горло, да и парням
Корысти нет на Бобылеву дочку
Закидывать глаза. Согласна ты?

Весна

Согласна, пусть живет в семье бобыльской,
Лишь только бы на воле.

Мороз

Дочь не знает
Любви совсем, в ее холодном сердце
Ни искры нет губительного чувства;
И знать любви не будет, если ты
Весеннего тепла томящей неги,
Ласкающей, разымчивой...

Весна

Довольно!
Покличь ко мне Снегурочку.

Мороз

Снегурка!
Снегурушка, дитя мое!

Снегурочка
(выглядывая из лесу)

Ау!
(Подходит к отцу.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Весна, Мороз, Снегурочка, потом Леший.

Весна

Ах, бедная Снегурочка, дикарка,
Поди ко мне, тебя я приголублю.
(Ласкает Снегурочку.)
Красавица, не хочешь ли на волю?
С людьми пожить?

Снегурочка

Хочу, хочу, пустите!

Мороз

А что манит тебя покинуть терем
Родительский, и что у берендеев
Завидного нашла?

Снегурочка

Людские песни.
Бывало, я, прижавшись за кустами
Колючими, гляжу не нагляжуся
На девичьи забавы. Одинокой
Взгрустнется мне, и плачу. Ах, отец!
С подружками по алую малину,
По черную смородину ходить,
Аукаться; а зорькою вечерней
Круги водить под песни, вот что мило
Снегурочке. Без песен жизнь не в радость.
Пусти, отец! Когда, зимой холодной,
Вернешься ты в свою лесную глушь,
В сумеречки тебя утешу, песню
Под наигрыш метели запою
Веселую. У Леля перейму
И выучусь скорехонько.

Мороз

А Леля
Узнала ты откуда?

Снегурочка

Из кусточка
Ракитова; пасет в лесу коровок
Да песенки поет.

Мороз

Почем же знаешь,
Что это Лель?

Снегурочка

К нему девицы ходят,
Красавицы, и по головке гладят,
В глаза глядят, ласкают и целуют,

И Лелюшком и Лелем называют,
Пригоженьким и миленьким.

Весна

А разве
Пригожий Лель горазд на песни?

Снегурочка

Мама,
Слыхала я и жаворонков пенье,
Дрожащее над нивами, лебяжий
Печальный клич над тихими водами,
И громкие раскаты соловьев,
Певцов твоих любимых; песни Леля
Милее мне. И дни и ночи слушать
Готова я его пастушьи песни.
И слушаешь, и таешь...

Мороз
(Весне)

Слышишь: таешь!
Ужасный смысл таится в этом слове.
Из разных слов, придуманных людьми,
Страшней всего Морозу слово: таять.
Снегурочка, беги от Леля, бойся
Речей его и песен. Ярым солнцем
Пронизан он насквозь. В полдневный зной,
Когда бежит от солнца все живое
В тени искать прохлады, гордо, нагло
На припеке лежит пастух ленивый,
В истоме чувств дремотной подбирает
Лукавые заманчивые речи,
Коварные обманы замышляет
Для девушек невинных. Песни Леля
И речь его — обман, личина, правды
И чувства нет под ними; то лишь, в звуки
Одетые, палящие лучи.
Снегурочка, беги от Леля! Солнца
Любимый сын пастух, и так же ясно,
Во все глаза, бесстыдно, прямо смотрит,
И так же зол, как Солнце.

Снегурочка

Я, отец,
Послушное дитя; но ты уж очень

Сердит на них, на Леля с Солнцем; право,
Ни Леля я, ни Солнца не боюсь.

Весна

Снегурочка, когда тебе взгрустнется,
Иль ну́жда в чем,— девицы прихотливы,
О ленточке, о перстенечке плакать
Серебряном готовы,— ты приди
На озеро, в Ярилину долину,
Покличь меня. Чего б ни попросила,
Отказу нет тебе.

Снегурочка

Спасибо, мама,
Красавица.

Мороз

Вечернею порой
Гуляючи, держися ближе к лесу.
А я отдам приказ тебя беречь.
Ау, дружки! Лешутки, лесовые!
Заснули, что ль? Проснитесь, отзовитесь
На голос мой!

В лесу голоса леших.

Ау, ау!

Из сухого дупла вылезает Л е ш и й, лениво потягиваясь и зевая.

Леший

Ау!

Мороз

Снегурочку блюдите! Слушай, Леший,
Чужой ли кто, иль Лель-пастух пристанет
Без отступа, аль силой взять захочет,
Чего умом не может; заступись.
Мани его, толкай его, запутай
В лесную глушь, в чащу́! — засунь в цепыжник
Иль по пояс в болото втисни.

Леший

Ладно.

(Складывает над головой руки и проваливается в дупло.)

Вдали слышны голоса.

Весна

Валит толпа веселых берендеев.
Пойдем, Мороз! Снегурочка, прощай!
Живи, дитя, счастливо!

Снегурочка

Мама, счастья
Найду иль нет, а поищу.

Мороз

Прощай,
Снегурочка, дочурка! Не успеют
С полей убрать снопов, а я вернусь,
Увидимся.

Весна

Пора бы гнев на милость
Переменить. Уйми метель! Народом
Везут ее, толпами провожают
Широкую...

(Уходит.)

Вдали крики: «Честная Масленица!» Мороз, уходя, машет рукой; метель унимается, тучи убегают. Ясно, как в начале действия. Толпы берендеев: одни подвигают к лесу сани с чучелой Масленицы, другие стоят поодаль.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Снегурочка, Бобыль, Бобылиха и берендеи.

1-й хор берендеев
(везущих Масленицу)

Раным-рано куры́ запели,
Про весну обвестили.
Прощай, Масленица!
Сладко, воложно нас кормила,
Суслом, бражкой поила.
Прощай, Масленица!
Пито, гуляно было вволю,
Пролито того боле.
Прощай, Масленица!
Мы зато тебя обрядили
Рогозиной, рединой.
Прощай, Масленица!

Мы честно тебя проводили,
На дровнях волочили.
Прощай, Масленица!
Завезем тебя в лес подале,
Чтоб глаза не видали.
Прощай, Масленица!
(Подвинув санки в лес, отходят.)

2-й хор

Честна́я Масленица!
Веселенько тебя встречать, привечать,
Трудно-нудно со двора провожать.
Уж и как нам тебя вертать, ворочать?
Воротись, Масленица, воротися!
Честна́я Масленица!
Воротися хоть на три денечка!
Не воротишься на три денечка,
Воротися к нам на денечек!
На денечек, на малый часочек!
Честна́я Масленица!

1-й хор

Масленица мокрохвостка!
Поезжай долой со двора,
Отошла твоя пора!
У нас с гор потоки,
Заиграй овражки,
Выверни оглобли,
Налаживай соху!
Весна-Красна́,
Наша ладушка, пришла.
Масленица мокрохвостка,
Поезжай долой со двора,
Отошла твоя пора.
Телеги с повети,
Улья из клети.
На поветь санки,
Запоем веснянки!
Весна-Красна́,
Наша ладушка, пришла!

2-й хор

Прощай, честна́я Маслена!
Коль быть живым, увидимся.

Хоть год прождать, да ведать-знать,
Что Маслена придет опять.

Чучело Масленицы

Минует лето красное,
Сгорят огни купальные.
Пройдет и осень желтая
С снопом, с скирдом и с бра́тчиной,
Потемки, ночи темные,
Карачуна проводите.
Тогда зима изломится,
Медведь переворотится.
Придет пора морозная,
Морозная-колядная:
Овсень-коляду кликати.
Мороз пройдет, метель нашлет.
Во вьюгах с перевеями
Прибудет день, убудет ночь.
Под крышами, застрехами
Воробки зашевелятся.
Из лужицы, из наледи
Напьется кочет с курами.
К пригреву, на завалинки
С ледяными сосульками
Из изб ребята высыпят.
На солнышке, на припеке,
Коровий бок нагреется.
Тогда и ждать меня опять.
(Исчезает.)

Бобыль хватается за пустые сани, Бобылиха за Бобыля.

Бобылиха

Пойдем домой!

Бобыль

Постойте! Как же это?
Неужто вся она? Кажись бы, мало
Погуляно и попито чужого.
Чуть только я маленько разгулялся,
Голодная утробишка чуть-чуть
Заправилась соседскими блинами,
Она и вся — прикончилась. Печаль

Великая, несносная. Как хочешь
Живи теперь да впроголодь и майся
Без Масленой. А можно ль бобылю?
Никак нельзя. Куда тебе деваться,
Бобыльская хмельная голова?

(Поет и пляшет.)

У Бакулы-Бобыля
Ни кола, ни двора,
Ни кола, ни двора,
Ни скота, ни живота.

Бобылиха

Домой пора, бесстыжий, люди смотрят.

Берендеи

Не тронь его!

Бобылиха

Шатался всю неделю;
С чужих дворов нейдет,— своя избенка
Нетоплена стоит.

Бобыль

Аль дров не стало?

Бобылиха

Да где ж им быть? Они не ходят сами
Из лесу-то.

Бобыль

Давно бы ты сказала.
Не скажет ведь, такая, право... я бы...
Топор со мной, охапки две нарубим
Березовых, и ладно. Подожди!

Идет в лес и видит Снегурочку, кланяется и смотрит несколько времени с удивлением. Потом возвращается к жене и манит ее в лес. В это время Снегурочка отходит и из-за куста смотрит на берендеев; на ее место у дупла садится Л е ш и й.

Бобыль

(Бобылихе)

Смотри, смотри! Боярышня.

Бобылиха

Да где?

(Увидав Лешего.)

Ах, чтоб тебя! Вот невидаль какая.

(Возвращаясь.)

У! пьяница! Убила бы, кажись.

Снегурочка опять возвращается на свое место, Леший уходит в лес.

Один берендей

Да что у вас за споры?

Бобыль

Поглядите!
Диковина, честные берендеи.

Все подходят к дуплу.

Берендеи
(с удивлением)

Боярышня! живая ли? живая.
В тулупчике, в сапожках, в рукавичках.

Бобыль

(Снегурочке)

Дозволь спросить, далеко ль держишь путь
И как зовут тебя и величают?

Снегурочка

Снегурочкой. Куда идти — не знаю.
Коль будете добры, с собой возьмите.

Бобыль

К царю отвесть прикажешь, к Берендею
Премудрому в палаты?

Снегурочка

Нет, у вас
В слободке я пожить хочу.

Бобыль

Спасибо
На милости! А у кого ж?

Снегурочка

Кто первый
Нашел меня, тому и буду дочкой.

Бобыль

Да точно ль так, да вправду ли ко мне?

Снегурочка кивает головою.

Ну, чем же я, Бакула, не боярин!
Вались, народ, на мой широкий двор,
На трех столбах да на семи подпорках!
Пожалуйте, князья, бояре, просим.
Несите мне подарки дорогие
И кланяйтесь, а я ломаться буду.

Бобылиха

И как это, живешь-живешь на свете,
А все себе цены не знаешь, право.
Возьмем, Бобыль, Снегурочку, пойдем!
Дорогу нам, народ! Посторонитесь.

Снегурочка

Прощай, отец! Прощай, и мама! Лес,
И ты прощай!

Голоса из леса

Прощай, прощай, прощай!

Деревья и кусты кланяются Снегурочке. Берендеи в ужасе разбегаются, Бобыль и Бобылиха уводят Снегурочку.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Девушка Снегурочка.
Бобыль Бакула.
Бобылиха.
Лель-пастух.
Мураш, богатый слобожанин.
Купава, молодая девушка, дочь Мураша.
Мизгирь, торговый гость из посада Берендеева.
Радушка, Малуша } слободские девушки.
Брусило, Малыш, Курилка } парни.
Бирюч.
Слуги Мизгиря.
Слобожане: старики, старухи, парни и девки.

Заречная слободка Берендеевка; с правой стороны бедная изба Бобыля с пошатнувшимся крыльцом, перед избой скамья; с левой стороны большая раскрашенная изба Мураша; в глубине улица, через улицу хмельник и пчельник Мураша, между ними тропинка к реке.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Снегурочка сидит на скамье перед домом Бобыля и прядет. Из улицы идет бирюч, надевает шапку на длинный шест и поднимает высоко; со всех сторон сходятся слобожане. Бобыль и Бобылиха выходят из дому.

Бирюч

Слушайте-послушайте,
Государевы люди,
Слободские берендеи!
По царскому наказу,
Государеву приказанью,
Старому, исконному обычью,
Собиратися вам на завтрее
На вечерней на зорюшке,
Теплой, тихой, погодливой,
В государев заповедный лес,
На гульбище, на игрище, на позорище,
Венки завивать,
Круги водить, играть-тешиться
До ранней зорьки, до утренней.

Напасены про вас, наготовлены
Пива́-браги ячные,
Старые меды стоялые.
А на ранней заре утренней
Караулить, встречать солнце восхожее,
Кланяться Яриле светлому.

(Снимает шапку с шеста, кланяется на все четыре стороны и уходит.)

Слобожане расходятся. Бобыль и Бобылиха подходят к Снегурочке и смотрят на нее, качая головами.

Б о б ы л ь

Хе-хе, хо-хо!

Б о б ы л и х а

Ахти, Бобыль Бакула!

Б о б ы л ь

Хохонюшки!

Б о б ы л и х а

На радость взяли дочку,
Все ждем-пождем, что счастье поплывет.
Поверил ты чужому разговору,
Что бедному приемыши на счастье,
Да вот и плачь — достался курам на смех
Под старость лет.

Б о б ы л ь

Скудаться нам до веку,
Таскать кошель на плечах на роду
Написано. За что Бобыль Бакула
Ни хватится, ничто ему не впрок.
Нашел в лесу девичку, мол, подспорье
В сиротский дом беру,— не тут-то было:
Ни на волос не легче.

С н е г у р о ч к а

Сам ленив,
Так нечего пенять на бедность. Бродишь
Без дела день-деньской, а я работы
Не бегаю.

Бобыль

Да что твоя работа!
Кому нужна? От ней богат не будешь,
А только сыт; так можно, без работы,
Кусочками мирскими прокормиться.

Бобылиха

Помаялись, нужда потерла плечи,
Пора бы нам пожить и в холе.

Снегурочка

Кто же
Мешает вам? Живите.

Бобыль

Ты мешаешь.

Снегурочка

Так я уйду от вас. Прощайте!

Бобылиха

Полно!
Живи себе! Да помни и об нас,
Родителях названых! Мы не хуже
Соседей бы пожить умели. Дай-ка
Мошну набить потолще, так увидишь:
Такую-то взбодрю с рогами кику,
Что только ах, да прочь поди.

Снегурочка

Откуда ж
Богатству быть у девушки-сиротки?

Бобылиха

Краса твоя девичья то ж богатство.

Бобыль

Богатства нет, за ум возьмись! Недаром
Пословица, что ум дороже денег.
С огнем ищи по свету, не найдешь

Счастливее тебя: от свах и сватов
Отбою нет, пороги отоптали.
Житье-то бы, жена!

Бобылиха

Ну, что уж! Было,
Да мимо рта прошло.

Бобыль

А парни наши
С ума сошли; оравами, стадами
Без памяти кидались за тобой,
Покинули невест, перебранились,
Передрались из-за тебя. Жена,
Житье-то бы!

Бобылиха

Не говори, Бакула,
Не огорчай! В руках богатство было,
А хвать-похвать, меж пальцами ушло.

Бобыль

И всех-то ты отвадила суровым,
Неласковым обычаем своим.

Снегурочка

Зачем они гонялись вслед за мною,
За что меня покинули — не знаю,
Напрасно ты зовешь меня суровой;
Стыдлива я, смирна, а не сурова.

Бобыль

Стыдлива ты? Стыдливость-то к лицу
Богатенькой. Вот так всегда у бедных:
Что надо — нет, чего не надо — много.
Иной богач готов купить за деньги
Для дочери стыдливости хоть малость,
А нам она не ко двору пришла.

Снегурочка

Чего же вы, завистливые люди,
От девочки Снегурочки хотите?

Бобыль

Приваживай, ласкай ребят.

Снегурочка

А если
Не по́ сердцу придется?

Бобыль

Поневольсь.
Не по́ сердцу, а парня ты мани,
А он прильнет и не отстанет, будет
Похаживать.

Бобылиха

Да матери подарки
Понашивать.

Бобыль

Отца медком да бражкой
Попаивать. Уж долго ль, коротко ли
Поводится с тобой, а нам барыш.
Соскучишься с одним, поприглядится,
Повытрясет кису, мани другого,
Поманивай!

Бобылиха

А мне опять подарки.

Бобыль

А мне медок да бражка с хохолком.
Что день, то пир, что утро, то похмелье,-
Вот самое законное житье!

Снегурочка

Моя беда, что ласки нет во мне.
Толкуют все, что есть любовь на свете,
Что девушке любви не миновать;
А я любви не знаю; что за слово
Сердечный друг и что такое милый —
Не ведаю. И слезы при разлуке,
И радости при встрече с милым другом
У девушек видала я; откуда ж
Берут они и смех, и слезы, право,
Додуматься Снегурочка не может.

Бобыль

Беды тут нет, что ты любви не знаешь,
Пожалуй, так и лучше.

Бобылиха

Вот уж правда!
Полюбится, на грех, бедняк, и майся
Всю жизнь, как я с Бакулой Бобылем.

Бобыль

Ребята все равно тебе не милы —
И всех ласкай равно, да на досуге
Присматривай, который побогаче,
Да сам большой, без старших, бессемейный.
А высмотришь, так замуж норови,
Да так веди, чтоб Бобылю Бакуле
На хлебах жить, в чести у зятя.

Бобылиха

Теще
Хозяйкой быть над домом и над вами.

Снегурочка

Коль правда то, что девку не минует
Пора любви и слез по милом, ждите,
Придет она.

Бобыль

Ну, девка.

За сценой пастуший рожок.

Бобылиха

Чу, рожок!
Пригнал пастух скотину. Нет своих,
Хоть на чужих коровок полюбуюсь.
(Уходит.)

Входят Лель и один из берендеев-слобожан и подходят к избе Мураша. Мураш сходит с крыльца.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бобыль, Снегурочка, Лель, Мураш и берендей.

Берендей

Куда его вести? Черед за нами.

Мураш

Не надо мне.

Берендей

И мне ведь не корысть.

Мураш

А вон Бобыль! Сведем к нему!

Лель
(низко кланяясь)

Да что вы,
Родимые, как словно от чумы,
Хоронитесь от пастуха?

Мураш

Поди-ка,
Поклонами обманывай других,
А мы тебя, дружка, довольно знаем.
Что бережно, то цело, говорят.

Подходят к Бобылю.

Берендей
(Лелю)

Иди к нему, ночуй у Бобыля!

Бобыль

Какая есть моя возможность! Что ты?
Забыл аль нет, что миром порешили
Освободить меня от всех накладов,
По бедности моей сиротской? Что ты!

Мураш

Накладу нет с тебя, отправь постой!

Бобыль

Поужинать запросит? Сам не евши
Который день, а пастуха корми.

Мураш

Об ужине и слова нет, накормим,
А твой ночлег, тебе убытку нет.

Бобыль

Освободить нельзя ли, братцы?

Лель
(кланяясь)

Дядя,
Пусти меня!

Бобыль

Диви б жалели хлеба,
А места он не пролежит у вас.

Берендей

Да видишь, тут такое вышло дело;
Сомнительно пускать-то Леля,— дочка
На возрасте, на выданье у свата.
(Показывая на Мураша.)

Бобыль

У свата дочь, а у тебя?

Мураш
(показывая на берендея)

Жена
Красавица, да часом малодушна.
Избавь-ка нас от Леля и напредки,
За наш черед пускай к себе. Заплатим.
Кажись, рубля не жаль.

Бобыль

И есть за что.
Да вот что, друг, и у меня капустка,
Пустить козла и мне не прибыль.

Мураш

Полно,
Чего тебе бояться? Не похожа
Снегурочка на наших баб и девок.

Бобыль

Куда ни шло, останься, Лель.

Мураш

Спасибо.
Сторгуемся, не постоим, заплатим.

Мураш и берендей уходят.

Лель
(Бобылю)

За ласковый прием, за теплый угол
Пастух тебе заплатит добрым словом
Да песнями. Прикажешь, дядя, спеть?

Бобыль

До песен я не больно падок, девкам
Забава та мила, а Бобылю
Ведерный жбан сладимой, ячной браги
Поставь на стол, так будешь друг. Коль хочешь,
Играй и пой Снегурочке; но даром
Кудрявых слов не трать — скупа на ласку,
У ней любовь и ласка для богатых,
А пастуху: «Спасибо да прощай!»
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Снегурочка и Лель.

Лель

Прикажешь петь?

Снегурочка

Приказывать не смею,
Прошу тебя покорно. Слушать песни
Одна моя утеха. Если хочешь,
Не в труд тебе, запой! А за услугу
Готова я служить сама. Накрою
Кленовый стол ширинкой браной, стану
Просить тебя откушать хлеба-соли,
Покланяюсь, попотчую; а завтра
На солнечном восходе разбужу.

Лель

Не стбю я твоих поклонов.

Снегурочка

Чем же
Платить тебе за песни?

Лель

Добрым словом,
Приветливым.

Снегурочка

Какая ж это плата?
Со всеми я приветлива.

Лель

За песни
Не платы жду. Мальчонка-пастушонка
Убогого за песню приголубят
Поласковей, когда и поцелуют.

Снегурочка

За поцелуй поешь ты песни? Разве
Так дорог он? При встрече, при прощанье
Целуюсь я со всяким,— поцелуи
Такие же слова: «Прощай и здравствуй!»
Для девушки споешь ты песню, платит
Она тебе лишь поцелуем; как же
Не стыдно ей так дешево платить,
Обманывать пригоженького Леля!
Не пой для них, для девушек, не знают
Цены твоим веселым песням. Я
Считаю их дороже поцелуев
И целовать тебя не стану, Лель.

Лель

Сорви цветок с травы и подари,
За песенку с меня довольно.

Снегурочка

Шутишь.
Смеешься ты. На что тебе цветочек?
А нужен он, и сам сорвешь.

Лель

Цветок
Не важность есть, а дорог мне подарок
Снегурочки.

Снегурочка

К чему такие речи?
Зачем меня обманываешь, Лель?
Не все ль равно, где б не взял ты цветочек,
Понюхаешь и бросишь.

Лель

Вот увидишь,
Давай его!

Снегурочка
(подавая цветок)

Возьми!

Лель

На видном месте
Приткну его. Пусть девки смотрят. Спросят,
Откуда взял, скажу, что ты дала.
(Поет.)

Земляничка-ягодка
Под кусточком выросла;
Сиротинка-девушка
На го́ре родилася.
Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка
Без пригреву вызрела,
Сиротинка-девушка
Без призору выросла.
Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка
Без пригреву вызябнет,
Сиротинка-девушка
Без привету высохнет.
Ладо, мое Ладо!

Снегурочка, почти плача, кладет свою руку на плечо Леля. Лель вдруг запевает весело.

Как по лесу лес шумит,
За лесом пастух поет,
Раздолье мое!
Ельник мой, ельничек,
Частый мой березничек,
Приволье мое!
По частым по кустикам,
По малой тропиночке
Девушка бежит,
Ой, бежит, торопится,
Два венка с собой несет —
Себе да ему.
Студеной колодезь мой,
По мхам, по болотинкам
Воды не разлей.
Не мешай по тропочкам,
По стежкам, дороженькам
Девушке бежать.
Не шуми, зеленый лес,
Не шатайтесь, сосенки,
Во чистом бору!
Не качайтесь, кустики,
Не мешайте девушке
Два слова сказать.

Две девушки издали манят Леля. Он вынимает цветок, данный Снегурочкой, и бросает и идет к девушкам.

Снегурочка

Куда бежишь? Зачем цветок бросаешь?

Лель

На что же мне завялый твой цветок!
Куда бегу? Смотри, вон села птичка
На деревце! Немножко попоет
И прочь летит; удержишь ли ее?
Вон видишь, ждут меня и ручкой манят.
Побегаем, пошутим, посмеемся,
Пошепчемся у тына под шумок,
От матушек сердитых потихоньку.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Снегурочка — одна.

Снегурочка

Как больно здесь, как сердцу тяжко стало!
Тяжелою обидой, словно камнем,
На сердце пал цветок, измятый Лелем
И брошенный. И я как будто тоже
Покинута и брошена, завяла
От слов его насмешливых. К другим
Бежит пастух; они ему милее;
Звучнее смех у них, теплее речи,
Податливей они на поцелуи;
Кладут ему на плечи руки, прямо
В глаза глядят и смело, при народе,
В объятиях у Леля замирают.
Веселье там и радость.
(Прислушивается.)
Чу, смеются!
А я стою и чуть не плачу с горя,
Досадую, что Лель меня оставил.
А как винить его? Где веселее,
Туда его и тянет сердце. Прав
Пригожий Лель. Беги туда, где любят,
Ищи любви, ее ты сто́ишь. Сердце
Снегурочки, холодное для всех,
И для тебя любовью не забьется.
Но отчего ж обидно мне, досада
Сжимает грудь, томительно тоскливо
Глядеть на вас, глядеть на вашу радость,
Счастливые подружки пастуха?
Отец Мороз, обидел ты Снегурку.
Но дело я поправлю: меж безделок,
Красивых бус, дешевых перстеньков
У матери Весны возьму немного,
Немножечко сердечного тепла,
Чтоб только лишь чуть теплилось сердечко.

На улице показываются Малуша, Радушка, Малыш, Брусило, Курилка, Лель и другие парни и девушки, потом Купава. Парни с поклоном подходят к девушкам.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Снегурочка, Купава, Малуша, Радушка, Малыш, Брусило, Курилка, Лель и берендеи.

Малуша
(парням)

Оставьте нас! Подите, подлещайтесь
К Снегурочке своей!

Радушка
(Брусилу)

Не подходи,
Бесстыжие глаза твои!

Брусило

Доколе ж
Томиться нам, скажите!

Курилка

Порешите
Хоть чем-нибудь!

Радушка

К Снегурочке подите!
Сменяли раз подруг своих заветных
На новую, так веры нет.

Малуша

Найдите
Получше нас, коль мы нехороши.

Брусило

А если нам от новой взятки гладки,
Куда ж тогда?

Радушка

Не плакать же об вас.

Брусило

Уж каялись; не век же распинаться;
Пора забыть про старое.

Радушка

Не вдруг
Забудем мы, не дожидайтесь.
(Малуше.)

Прямо
В глаза тебе смеются, вынимают
Ретивое из белой груди, после
И ластятся, как путные ребята;
Мол, так пройдет, как будто ничего,
Забудется.

Малуша

Ни в жизнь не позабудем.

Брусило

Покорствуем, повинную приносим,
А жалости не видим над собой.

Радушка

Умри в глазах, и то не пожалею.

Брусило

Все дело врозь да надвое.

Курилка

Ау!
Хоть волком вой.

Брусило

А врозь так врозь; и сами
Стоскуются без нас, на мировую
Потянутся.

Радушка

Слепой сказал: посмотрим.

Девушки и парни расходятся в разные стороны.

Купава

(подходя к Снегурочке)

Снегурочка, одна стоишь, бедняжка!
Оставили тебя, забыли парни,
Хоть Леля бы ласкала.

Снегурочка

Лель не любит
Скучать со мной, ему веселье нужно,
Горячих ласк, а я стыдлива.

Купава

Я-то,
Снегурочка, а я-то как счастлива!

От радости и места не найду,
Вот так бы я ко всякому на шею
И кинулась, про радость рассказала,
Да слушать-то не все охочи. Слушай,
Снегурочка, порадуйся со мной!
Сбирала я цветы на Красной горке,
Навстречу мне из лесу молодец,
Хорош-пригож, румяный, круглолицый,
Красён, кудряв, что маковый цветок.
Сама суди, не каменное сердце,
Без милого не проживешь; придется
Кого-нибудь любить, не обойдешься,
Так лучше уж красавца, чем дурного.
Само собой, по скромности девичей,
Стараешься ретивое сердечко
Удерживать немного; ну, а все же
На всякий час не опасешься. Парень
Пригож собой, жениться обещает,
Да так-то скор, да так-то скор, что, право,
Скружит совсем, ума не соберешь.
Ну что и как... уж долго ль, коротко́ ли,
А только мы сдружились. Он богатый
Отецкий сын, по имени Мизгирь,
Торговый гость из царского посада.
Родители мои, конечно, рады
Моей судьбе; а он уж так-то клялся
В Ярилин день, па солнечном восходе,
В глазах царя венками обменяться
И взять меня женой; тогда прощайте.
В его дому, в большом посаде царском,
На всем виду, богатою хозяйкой
Забарствую. Сегодня мой Мизгирь
Приедет к нам в слободку спознаваться
С девицами и парнями. Увидишь,
Порадуйся со мной.

Снегурочка ее целует.

Повеселимся,
Круги водить пойдем на Красной горке.
Да вот и он!
(Бежит и прячется между девушек.)

Входит Мизгирь, за ним двое слуг с мешками. Снегурочка прядет.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Снегурочка, Купава, Малуша, Радушка, Мизгирь, Малыш, Брусило, Курилка, Лель, слуги Мизгиря и берендеи.

Купава

Голубушки-девицы,
Пришел красы девичей погубитель,
С подружками, с родными разлучитель.
Не выдайте подружку, схороните!
А выдайте, так за великий выкуп.

Мизгирь
(учтиво кланяясь)

Красавицы-девицы, между вами
Не прячется ль красавица Купава?

Радушка

Красавица Купава нам, девицам,
Самим нужна. Отдать, так не с кем будет
Круги водить и вечера сидеть,
И тайности девичьи говорить.

Мизгирь

Красавицы, подружка вам нужна,
А мне нужней. Одним-один гуляю,
Хозяйки нет; кому я золотые
Ключи отдам от кованых ларцов?

Радушка
(девушкам)

Отдать иль нет?

Малуша

Не отдавай подружку,
У нас еще и песни не допеты,
И игры мы не доиграли с ней.

Мизгирь

Красавицы, подружка вам нужна,
А мне нужней того. Сиротским делом
Кому ласкать меня, лелеять, нежить,
Кому чесать и холить кудри русы?

Радушка

Отдать иль нет подружку?

Малуша

Разве выкуп
Великий даст.

Радушка

Рублем или полтипой,
А жаль рубля, хоть золотою гривной
Дари девиц, Купаву отдадим.

Мизгирь

Не жаль для вас ни гривны, ни полтины,
Не жаль рубля девицам подарить.

(Берет у слуги из мешка деньги и раздает девушкам.)

Орехов вам и пряников печатных
Корабль пришел.

(Отдает мешок с орехами и пряниками.)

Парни окружают Купаву.

Малыш

Не вдруг возьмешь Купаву,
Без выкупа не отдадим. Ребята,
Горой стоять! Не выдавайте даром!
А то у нас всех девок поберут,
А нам самим в слободке недостача.

Мизгирь

К девицам я и лаской и приветом,
А с вами речь иную поведу!
Отсыплю вам — давайте берендейку —
Пригоршни две, и разговор короток.

Малыш подставляет шапку-берендейку, Мизгирь сыплет две пригоршни и берет Купаву.

Купава

Сердечный друг, свою девичью волю,
Подруг, родных на милого дружка

Сменяла я; не обмани Купаву,
Не погуби девического сердца.

Отходят и садятся на крыльце избы Мураша.

Брусило

Однако нам Мизгирь в глаза смеется.
Ну, братцы, жаль, не на меня напал,
Не очень-то со мной разговоришься.
Не стал бы я терпеть обидных слов,
Своих ребят чужому-чуженину
Не выдал бы на посмеянье.

Малыш

Ой ли?
А что ж бы ты?

Брусило

Да не тебе чета.
Уж, кажется...
(Засучивает рукав.)

Малыш

Начни, а мы посмотрим.

Брусило

Крутенек я и на руку тяжел.
Уж лучше вы меня свяжите, братцы,
Чтоб не было беды какой.

Малыш

Смотри,
Коль сунешься, не пяться.

Брусило

Невозможно.
Попотчую, небитым из слободки
Не выпущу. Курилка, задирай!

Курилка
(Мизгирю)

Эй ты, Мизгирь, послушай, брат, робята
Обиделись.

Мизгирь
(встает с крыльца)

На что?

Курилка

На грубость.

Мизгирь

Будто?

Курилка

Уж верно так.

Мизгирь
(подходя к Курилке)

А ты обижен тоже?
Ну, что ж молчишь!

Курилка

Да я-то ничего.

Мизгирь

Так прочь поди; да поумней пошлите
Кого-нибудь.

Курилка

А я небось дурак,
По-твоему?

Мизгирь

Дурак и есть.

Курилка

За дело ж
Сбирается тебя побить Брусило.

Мизгирь

Брусило? Где? Какой такой? Кажите!
Давай его!

Малыш
(удерживает Брусила)

Куда же ты? Постой

Мизгирь

Брусило ты? Поди сюда поближе!

Брусило

(парням, которые его подталкивают)

Да полно вам!

(Мизгирю.)

Не слушай, государь!
Известно, так дурачимся, для шутки,
Промеж себя.

Радушка

Ах, горе-богатырь!
Да так тебе и надо.

Малуша

Ништо им!
У них в глазах и нас возьмут чужие.

Курилка

А мы пойдем за девками чужими.

Радушка

А мы об вас и думать позабыли.

Девки и парни расходятся врозь.

Купава
(парням)

Не стыдно ль вам! К девице-слобожанке
Жених пришел, его приветить нужно;
А вы на брань и драку лезть готовы.

Малыш

Брусило здесь зажига.

Брусило

Не порядок —
Чужих ребят пускать в слободку. Сами
Вспокаетесь,— останемся без девок,
Купаву взять и без него умели б.

Купава

Умел бы ты, да я-то не умею
Любить тебя, вот горе.
(Девушкам.)
Запевайте,
Подруженьки, веселую погромче!
Пойдем в лужок да заведем кружок!

Девушки запевают «Ай, во поле липонька» и уходят; парни за ними, поодаль, Лель садится подле Снегурочки и оплетает рожок берестой. Купава с Мизгирем подходят к Снегурочке.

Купава

Снегурочка, потешь свою подружку
В последний раз, в останешний, пойдем
Круги водить, играть на Красной горке.
Не долго мне резвиться-веселиться,
Последний день моей девичей воли,
Снегурочка, последний.

Снегурочка

Я, Купава,
Иду с тобой, возьмем и Леля. Пряжу
Снесу домой и побегу за вами.
(Уходит в избу.)

Купава
(Мизгирю)

Сердечный друг, пойдем! Они догонят.

Мизгирь

Постой, постой!

Купава

Девицы за слободкой
Полком стоят и ждут.

Мизгирь

Твоя подружка
Снегурочка; а Лель у вас при чем?

Снегурочка выходит, за ней Бобыль и Бобылиха.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Снегурочка, Купава, Мизгирь, Лель, Бобыль и Бобылиха.

Купава

Снегурочке без Леля будет скучно.

Мизгирь

Да правда ли? Не веселей ли будет
Снегурочке со мной идти?

Купава

А я-то?

Мизгирь

А ты возьми хоть Леля.

Купава

Как же, милый?
Ведь я твоя, твоя; одна могила
Разлучит нас.

Мизгирь

Пойдешь ли ты, иль нет,
А я останусь здесь.

Бобыль

Покорно просим.

Купава

Закрой сперва сыпучими песками
Глаза мои, доской тяжелой сердце
У бедненькой Купавы раздави,
Тогда бери другую. Очи видеть
Разлучницы не будут, горя злого
Ревнивое сердечко не учует.
Снегурочка, завистница, отдай
Дружка назад!

Снегурочка

Подружка дорогая,
И ты, дружок ее, оставьте нас.
Слова твои обидно, больно слушать.

Снегурочка чужая вам. Прощайте!
Ни счастьем вы пред нами не хвалитесь,
Ни в зависти меня не упрекайте!
(Хочет идти.)

Мизгирь
(удерживая ее)

Снегурочка, останься! Кто счастливец
Любовник твой?

Снегурочка

Никто.

Мизгирь

Так буду я.
(Купаве.)
Смотри туда, Купава! Видишь, солнце
На западе, в лучах зари вечерней,
В пурпуровом тумане утопает!
Воротится ль оно назад?

Купава

Для солнца
Возврата нет.

Мизгирь

И для любви погасшей
Возврата нет, Купава.

Купава

Горе, горе!
Голубушки-подружки, воротитесь!
(Убегает.)

Мизгирь

Люби меня, Снегурочка! Дарами
Бесценными красу твою осыплю
Бесценную.

Снегурочка

Любви моей не купишь.

Мизгирь

И жизнь свою отдам в придачу. Слуги,
Казну мою несите!

Бобылиха
(Снегурочке)

Ты, с ума-то
Великого, не вздумай отказаться!

Бобыль

Мешки тащат, Снегурочка, попомни
Родителей!

Бобылиха

Не пронесли бы мимо.
А так в глазах и заплясала кика
Рогатая с окатным жемчугом.

Снегурочка

Сбирайте дань, завистливые люди,
С подружкина несчастья, богатейте
Моим стыдом. Не жалуйтесь, согласна
Притворствовать для ваших барышей.

Бобыль

Попотчевал бы гостя, да не знаю,
Чего подать: сотов медовых, меду
Стоялого серебряную стопу,
Коврижку ли медовую да бражки?

Мизгирь

Чего не жаль, того и дай.

Бобыль

Помилуй,
Жалею ль я. Чего душе угодно?

Мизгирь

Подай медку!

Бобыль

Какой тебе по нраву:
Малиновый аль ви́шневый, инбирный?

Мизгирь

Какой-нибудь.

Бобыль

И всякого довольно,
Да не у нас, а у соседей. Веришь,
Шаром кати — ни корки хлеба в доме,
Ни зернушка в сусеке, ни копейки
Железной нет в мошне у Бобыля.

Мизгирь

Бери мешок, старик; пойдет в задаток
За дочь твою.

Бобыль

Тащи в избу, старуха,
Корпи над ним! Покорно благодарствуй.
Теперь медком и бражкой разживемся,
Попотчую тебя и сам напьюсь.

Мизгирь

Давать казну, так знать за что. Уж Леля
Подальше ты держи, а то разладим,
Рассоримся, старик.

Бобыль

Такое ль дело,
Чтоб ссориться! Велик ли Лель, помилуй!
Да как тебе угодно, так и будет,
Велишь прогнать — прогоним.

Мизгирь

Прогони!

Бобыль

Снегурочка! Не полюбилось гостю,
Что Лель торчит перед глазами. Дочка,
Скажи ему, чтоб он гулял кругом
Да около, сторонкой обходил
Бобыльский двор! А у избы толочься
Не для чего, мол, друг любезный, так-то!

Снегурочка

Поди от нас, уйди подальше, Лель!
Не я гоню, нужда велит.

Лель

Прощайте!

Снегурочка

О чем же ты заплакал? Эти слезы
Об чем? скажи.

Лель

Когда сама заплачешь,
Узнаешь ты, о чем и люди плачут.
(Отходит.)

Мизгирь
(обнимая Снегурочку)

Не знаешь ты цены своей красе.
По свету я гулял торговым гостем,
На пестрые базары мусульман
Заглядывал; со всех сторон красавиц
Везут туда армяне и морские
Разбойники, но красоты подобной
На свете мне встречать не приходилось.

Входит Купава с девушками и парнями. Мураш сходит с крыльца.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Снегурочка, Мизгирь, Бобыль, Лель, Купава, Мураш, Радушка, Малуша, Малыш, Брусило, Курилка, берендеи и берендейки.

Купава

Голубушки-подружки, поглядите,
Отец, гляди, в слезах твоя Купава,
Тоска ее за горло душит, сухи
Уста ее горячие; а он —
С разлучницей веселый, прямо в очи
Уставился, глядит не наглядится.

Мураш

Да как же так?

Малыш

Диковина, ребята.

Радушка

Обидел он Купаву кровно.

Малуша

Всех,
Обидел всех девиц.

Мураш

Такова дела
Не слыхано у честных берендеев.

Купава

Скажи, злодей, при всем честном народе,
Тогда ли ты обманывал Купаву,
Когда в любви ей клялся? Или вправду
Любил ее и обманул теперь,
Позарившись несытыми очами
На новую добычу? Говори!

Мизгирь

К чему слова! Для сердца нет указки.
Немало клятв безумных приберешь
В пылу любви, немало обещаний;
Да разве их запомнишь после? Клятвы
Цепями ты считаешь, я — словами;
Не помню их, и сердца не вяжу:
Вольно ему любить и разлюбить;
Любил тебя, теперь люблю другую,
Снегурочку.

Радушка

Обидно берендейкам
Такую речь от берендея слышать.

Брусило

Чего еще! Уж хуже не бывает.

Мураш

Давно живу, и старые порядки
Известны мне довольно. Берендеи,
Любимые богами, жили честно.
Без страха дочь мы парню поручали,
Венок для нас — порука их любви

И верности до смерти. И ни разу
Изменою венок поруган не был,
И девушки не ведали обмана,
Не ведали обиды.

Радушка

Всем обида,
Обида всем девицам-берендейкам!

Купава

За что же ты Купаву разлюбил?

Мизгирь

Влюбленному всего дороже скромность
И робкая оглядка у девицы;
Сам-друг она оставшись с милым, ищет
Как будто где себе защиты взором.
Опущены стыдливые глаза,
Ресницами покрыты; лишь украдкой
Мелькнет сквозь них молящий нежно взор.
Одной рукой ревниво держит друга,
Другой его отталкивает прочь.
А ты меня любила без оглядки,
Обеими руками обнимала
И весело глядела.

Купава

Ах, обида!

Мизгирь

И думал я, твое бесстыдство видя,
Что ты меня сменяешь на другого.

Купава

Ах, ах! Отец, родные, заступитесь!

Все стоят пораженные.

Защиты нет Купаве?

Все молчат. Купава, подняв руки, обращается к пчельнику.

Пчелки, пчелки,
Крылатые! летите ярым роем,
Оставьте вы соты медовы, впейтесь
В бесстыжие глаза! Не заикнулся ж

Язык его, не поперхнулось горло
Сказать, что я девица без стыда,
И пристыдить родимых. Залепите
Лицо его и песий взгляд лгуна!
(Обращаясь к хмельнику.)
Хмелинушко, тычинная былинка,
Высоко ты по жердочке взвился,
Широко ты развесил яры шишки.
(Становится на колени.)
Молю тебя, кудрявый ярый хмель,
Отсмей ему, насмешнику, насмешку
Над девушкой! За длинными столами,
Дубовыми, за умною беседой,
В кругу гостей почетных, поседелых,
Поставь его, обманщика, невежей
Нетесаным и круглым дураком.
Домой пойдет, так хмельной головою
Ударь об тын стоячий, прямо в лужу
Лицом его бесстыжим урони!
О реченька, студеная водица,
Глубокая, проточная, укрой
Тоску мою и вместе с горем лютым
Ретивое сердечко утопи!
(Бежит к реке, Лель ее удерживает, почти бесчувственную.)

Л е л ь

Зачем топить ретивое сердечко!
Пройдет тоска, и сердце оживет.

М у р а ш

За девушек обманутых заступник
Великий царь. Проси царя, Купава.

В с е

За всех сирот заступник Берендей.

К у п а в а

Постылый ты, постылый человек!
(Падает на руки Леля.)

М у р а ш

Дождался ты проклятья от Купавы.
Не долго ждать погибельного гнева
От праведно карающих богов.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Царь Берендей.
Бермята, ближний боярин.
Елена Прекрасная, его жена.
Снегурочка.
Купава.
Бобыль.
Бобылиха.
Мизгирь.
Лель.

Бояре, боярыни, гусляры, слепые, скоморохи, отроки, бирючи, берендеи всякого звания, обоего пола.

Открытые сени во дворце Берендея; в глубине, за точеными балясами переходов, видны вершины деревьев сада, деревянные резные башни и вышки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Царь Берендей сидит на золотом стуле, расписывает красками один из столбов. У ног царя сидят на полу два скомороха; несколько поодаль — слепые гусляры с гуслями; на переходах и у дверей стоят царские отроки.

Гусляры
(поют)

Вещие, звонкие струны рокочут
Громкую славу царю Берендею.
Долу опустим померкшие очи,
Ночи
Мрак безрассветный смежил их навечно,
Зрячею мыслью, рыскучей оглянем
Близких соседей окрестные царства.

Что́ мне звенит по заре издалече?
Слышу и трубы, и ржание ко́ней,
Глухо стези под копытами стонут.
Тонут
В сизых туманах стальные шеломы,
Звонко бряцают кольчатые брони,
Птичьи стада по степям пробуждая.

Луки напряжены, тулы открыты,
Пашут по ветру червленые стяги,

Рати с зарания по полю скачут.
Плачут
Жены на стенах и башнях высоких:
Лад своих милых не видеть нам боле,
Милые гибнут в незнаемом поле.

Стоны по градам, притоптаны нивы.
С у́тра до ночи, и с ночи до свету
Ратаи черными вранами рыщут.
Прыщут
Стрелы дождем по щитам вороненым,
Гремлят мечи о шеломы стальные,
Сулицы скрозь прободают доспехи,

Чести и славы князьям добывая,
Ломят и гонят дружины дружины,
Топчут комонями, копьями нижут.
Лижут
Звери лесные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитых,
Тугой поникли деревья и травы.

Веселы грады в стране берендеев,
Радостны песни по рощам и долам,
Миром красна Берендея держава.
Слава
В роды и роды блюстителю мира!
Струны баянов греметь не престанут
Славу златому столу Берендея.

Царь знаком благодарит слепых, их уводят.

1-й скоморох

Что ж это, царь: к чему, скажи, пристало,-
Внизу столба коровью ногу пишет?

2-й скоморох

Аль ты ослеп? Да где ж она, коровья?

1-й скоморох

Какая же?

2-й скоморох

Какая! Видишь: песья.

1-й скоморох

Коровья, шут.

2-й скоморох

Ан, песья.

1-й скоморох

Ан, коровья,
С копытами.

2-й скоморох

Да песья ж.

1-й скоморох

Сам ты пес,
Собачий нос!

2-й скоморох

А ты корова.

1-й скоморох

Я-то?

Дерутся.

Так я тебя рогами забоду!

2-й скоморох

А я тебя зубами загрызу!

Встают на ноги и расходятся, приготовляясь биться на кулачки.

Царь

На место, вы!

Скоморохи садятся.

Ни песья, ни коровья,
А крепкая нога гнедого тура.
Палатное письмо имеет смысл.
Небесными кругами украшают
Подписчики в палатах потолки
Высокие; в простенках узких пишут
Утеху глаз — лазоревы цветы

Меж травами зелеными; а турьи
Могучие и жилистые ноги
На притолках дверных, припечных турах,
Подножиях прямых столбов, на коих
Покоится тяжелых матиц груз.
В преддверия́х, чтоб гости веселее
Вступали в дом, писцы живописуют
Таких, как вы, шутов и дураков.
Ну, поняли, глупцы?

1-й скоморох

Скажи, который
Из нас двоих глупее.

2-й скоморох

Вот задача!
Нехитрому уму не разгадать.

Царь

Приятно ум чужой своим примерить,
На меру взять и на́ вес; глупость мерить —
Напрасно труд терять.

Входит Бермята.

Подите вон!

Скоморохи уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Царь Берендей и Бермята.

Бермята

Великий царь счастливых берендеев,
Живи вовек! От радостного утра,
От подданных твоих и от меня
Привет тебе! В твоем обширном царстве
Покуда все благополучно.

Царь

Правда ль?

Бермята

Воистину.

Ц а р ь

Не верю я, Бермята.
В суждениях твоих заметна легкость.
Не раз тебе и словом и указом
Приказано, и повторяю вновь,
Чтоб глубже ты смотрел на вещи, в сущность
Проникнуть их старался, в глубину.
Нельзя ж легко, порхая мотыльком,
Касаться лишь поверхности предметов:
Поверхностность — порок в почетных лицах,
Поставленных высоко над народом.
Не думай ты, что все благополучно,
Когда народ не голоден, не бродит
С котомками, не грабит по дорогам.
Не думай ты, что если нет убийства
И воровства...

Б е р м я т а

Воруют понемножку.

Ц а р ь

И ловите?

Б е р м я т а

Зачем же их ловить,
Труды терять? Пускай себе воруют,
Когда-нибудь да попадутся; в силу
Пословицы народной: «Сколько вору
Ни воровать — кнута не миновать».

Ц а р ь

Конечно, грех неправого стяжанья
По мелочи не очень-то велик
Сравнительно, а все же не мешает
Искоренять его. Не уклонимся ж
От главного предмета разговора.
Благополучие — велико слово!
Не вижу я его давно в народе,
Пятнадцать лет не вижу. Наше лето,
Короткое, год от году короче
Становится, а весны холодней —
Туманные, сырые, точно осень,
Печальные. До половины лета
Снега лежат в оврагах и лядинах.

Из них ползут туманы по утрам,
А к вечеру выходят злые сестры,
Трясучие и бледные кумохи,
И шляются по деревням, ломая,
Знобя людей. Недавно мы гуляли
С женой твоей, Прекраспою Еленой,
В саду моем тенистом. Под кустами,
От зорких глаз садовников скрываясь,
Таилася подтаявшая льдинка;
Беспечные, как дети, мы шутили,
Резвилися с Прекрасною Еленой;
Но холодок, вияся тонкой струйкой,
Лица ее прекрасного коснулся;
И вздулись вдруг малиновые губы
И правая румяная щека,
Гора горой, мгновенно исказилась
Улыбка уст медовых. Нет, Бермята,
Не все у нас благополучно, друг.
Пятнадцать лет не кажется Ярило
На наш призыв, когда, встречая Солнце,
В великий день Ярилин, мы напрасно
Тьмотысячной толпой к нему взываем
И песнями его величье славим.
Сердит на нас Ярило.

Б е р м я т а

Царь премудрый,
За что б ему сердиться?

Ц а р ь

Есть за что.
В сердцах людей заметил я остуду
Немалую; горячности любовной
Не вижу я давно у берендеев.
Исчезло в них служенье красоте;
Не вижу я у молодежи взоров,
Увлаженных чарующею страстью;
Не вижу дев задумчивых, глубоко
Вздыхающих. На глазках с поволокой
Возвышенной тоски любовной нет,
А видятся совсем другие страсти:
Тщеславие, к чужим нарядам зависть
И прочее. В женатых охлажденье
Заметнее еще: на жен-красавиц

Диковинных, с сокольими очами,
На пышную лебяжью белизну
Упругих плеч — супруги-берендеи,
Сонливые, взирают равнодушно.
Кажись бы я... эх, старость, старость! Где вы,
Минувшие веселые года
Горячих чувств и частых увлечений?
Чудесные дела недуг любовный
Творил в душе моей: и добр и нежен
Бывал тогда счастливый Берендей,
И всякого готов принять в объятья
Открытые. Теперь и стар и сед,
А все-таки не понимаю, можно ль
Холодным быть, бесстрастным оставаться
При виде жен румяных, полногрудых.
Но в сторону не будем уклоняться,
На прежнее воротимся. А жены!
Нельзя сказать, что потеряли вовсе
Горячую привязанность к мужьям,
А все ж таки супружеская верность
Утратила немного, так сказать,
Незыблемость свою и несомненность.
Короче, друг, сердечная остуда
Повсюдная,— сердца охолодели,
И вот тебе разгадка наших бедствий
И холода: за стужу наших чувств
И сердится на нас Ярило-Солнце
И стужей мстит. Понятно?

Бермята

Понимаю,
Великий царь, но горю пособить
Не вижу средств.

Царь

А средства быть должны.
Подумай-ка, Бермята!

Бермята

Царь премудрый,
Издай указ, чтоб жены были верны,
Мужья нежней на их красу глядели,
Ребята все чтоб были поголовно
В невест своих безумно влюблены,

А девушки задумчивы и томны...
Ну, словом, как хотят, а только б были
Любовники.

Царь

Весьма нехитрый способ.
А пользы-то дождемся?

Бермята

Никакой.

Царь

К чему ж тогда указы?

Бермята

Перед Солнцем
Очистка нам: приказано, мол, было,
Не слушают, так их вина; нельзя же
По сторожу ко всякому приставить.

Царь

Придумано неглупо, но некстати.
Мольбами лишь смягчают гнев богов
И жертвами. Бессонницей томимый,
Продумал я всю ночь, до утра вплоть,
И вот на чем остановился: завтра,
В Ярилин день, в заповедном лесу,
К рассвету дня сойдутся берендеи.
Велим собрать, что есть в моем народе,
Девиц-невест и парней-женихов
И всех зараз союзом неразрывным
Соединим, лишь только Солнце брызнет
Румяными лучами по зеленым
Верхам дерев. И пусть тогда сольются
В единый клич привет навстречу Солнцу
И брачная торжественная песнь.
Угодней нет Яриле жертвы!

Бермята

Мудрый,
Великий царь, уж как ни весела,
Ни радостна такая встреча Солнцу,
Да только жаль, что невозможна.

Царь

Что?
Чего нельзя, Бермята? Невозможно
Исполнить то, чего желает царь?
В уме ли ты?

Бермята

Не гневайся! Невесты
Рассорились до драки с женихами.
Уж где женить! На сажень маховую
Не подведешь друг к другу.

Царь

Из чего?

Бермята

Какая-то в заречной слободе
Снегурочка недавно объявилась.
Передрались все парни за нее.
На женихов накинулись невесты
Из ревности, и брань идет такая —
Усобица, что только руки врозь.

Царь

Во-первых, я не верю; во-вторых,
Быть может, ты и прав, тогда старайся
Уладить всех и примирить до завтра.
Решение мое неперменимо.

Входит отрок.

Отрок

Девушка красная
Просится, кучится
Взнесть челобитьице.

Царь

Разве для девушек
Входы заказаны,
Двери затворены?

Отрок вводит Купаву.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Царь Берендей, Бермята, Купава, отроки.

Купава
(кланяясь)

Батюшка, светлый царь!

Царь
(ласково подымая ее)

Сказывай, слушаю!

Купава

Батюшка, светлый царь!
Нешто так водится?
Где ж это писано,
Где же показано?
Сердце-то вынувши...
(Плачет.)

Царь

Сказывай, слушаю.

Купава

Сердце-то вынувши,
Душу-то вызнобив,
Девичей лаской
Вдосталь натешившись,
Вдоволь нахваставшись,
При людях девицу
Назвал бесстыжею.

Царь

Слышу я, девица,
Слезную жалобу,
Горе-то слышится,
Правда-то видится,
Толку-то, милая,
Мало-малёхонько.
Сказывай по́ряду,
Что и как деялось,
Чем ты обижена,
Кем опозорена!

Купава
(плача)

Сказывать, светлый царь?

Царь

Сказывай, умница!

Купава

Время весеннее,
Праздники частые,
Бродишь, гуляючи,
По лугу, по лесу,
Долго ли встретиться,
Долго ль знакомиться
Девушке с парнями?
Вот я и встретилась.

Царь

С кем же ты встретилась?
С кем познакомилась?

Купава

Встретилась с юношей,
Чину торгового,
Роду Мизгирьего.

Царь

Знаю, красавица.

Купава
(плача)

Сказывать, светлый царь?

Царь

Сказывай, сказывай!

Купава

Дай-ка спрошу тебя,
Батюшка, светлый царь,
Клятвы-то слушать ли,
В совесть-то верить ли.
Али уж в людях-то
Вовсе извериться?

Ц а р ь

Как же не верить-то,
Милая девушка!
Чем же и свет стоит?
Правдой и совестью
Только и держится.

К у п а в а
(плача)

Я и поверила.
Сказывать, светлый царь?

Ц а р ь

Сказывай, умница!

К у п а в а

Дай-ка еще спрошу!
Парень приглянется,
Парень полюбится,
Думаешь век прожить
В счастье да в радости;
Парень-то ласковый,
Надо ль любить его?

Ц а р ь

Надо, красавица.

К у п а в а
(плача)

Так я и сделала.
Сказывать, светлый царь?

Ц а р ь

Сказывай, сказывай!

К у п а в а

Всех-то забыла я,
Батюшку ро́дного,
Близких и сродников,
Милых подруженек,
Игры веселые,
Речи заветные.
Знаю да помню лишь

Друга любезного.
Встретясь, целуемся,
Сядем, обнимемся,
В очи уставимся,
Смотрим, любуемся.
Батюшка, светлый царь,
Видно, людское-то
Счастье не на́долго.
Вздумали, в лес пошли,
Взяли подруженек,
Звали Снегурочку.
Только завидел он
Злую разлучницу,
Коршуном воззрился,
Соколом кинулся,
Подле разлучницы
Вьется, ласкается,
Гонит, срамит меня,
Верную, прежнюю.
Сам же он выкланял,
Выплакал, вымолил
Сердце у девушки,
Сам же корит, бранит;
При людях девушку
Назвал бесстыжею...

Ц а р ь

Бедная девушка,
За сердце трогают
Речи нехитрые,
Горе правдивое.

К у п а в а

Слушала, слушала,
Свету невзвидела,
Ноги-то резвые
Ровно подкошены,
Так и валюсь снопом.
Веришь ли, светлый царь,
Так вот и падаю,
Вот хоть сейчас гляди,
Так вот точнехонько
Оземь и грянулась.

(Хочет упасть, царь ее поддерживает.)

Ц а р ь

Красавица, поверь, что если б громы,
Средь ясного, безоблачного неба,
Раскатами внезапно возгремели,
Не так бы я дивился, как дивлюсь
Словам твоим бесхитростным. Смеяться
Над девушкой покинутой, над сердцем,
Ребячески доверчивым! Ужасно!
Неслыханно, Бермята! Страшно верить!
Приспешники, ищите по посаду
Преступника, поставьте Мизгиря
На суд царев.

Приспешники уходят.

Глашатаи, по вышкам
Скликать народ с базаров и торгов
На царский двор, на царский грозный суд.
А кликать клич учтиво, честно, складно,
Чтоб каждому по чину величанье,
По званию и летам был почет;
Да кланяйтесь почаще да пониже.

Глашатаи по переходам бегут на вышки.

1-й б и р ю ч
(кричит с вышки)

Государевы люди:
Бояре, дворяне,
Боярские дети,
Веселые головы,
Широкие бороды!
У вас ли, дворяне,
Собаки борзые,
Холопы босые!

2-й б и р ю ч
(с другой вышки)

Гости торговые,
Шапки бобровые,
Затылки толсты́е,
Бороды густые,
Кошели тугие.

1-й бирюч

Молодые молодицы,
Дочери отецкие,
Жены молодецкие!
У вас ли мужья сердитые,
Ворота браные,
Рукава шитые,
Затылки битые.

2-й бирюч

Дьяки, подьячие,
Парни горячие,
Ваше дело: волочить, да жать,
Да руку крючком держать.

1-й бирюч

Старые старички,
Честные мужички,
Подполатные жители,
Бабьи служители!

2-й бирюч

Старые старушки,
Совьи брови,
Медвежьи взгляды,
Ваше дело: намутить, наплесть,
Сына со снохой развесть.

1-й бирюч

Молодые молодцы,
Удалые удальцы,
Молодо-зелено,
Погулять велено,
Люди за дело,
Вы за безделье.
Ваше дело по теремам поглядывать,
Девок выманивать.

2-й бирюч

Красные девицы,
Криночные баловницы,
Горшечные пагубницы,
Ваше дело: лоб лощить,

Дом врозь тащить,
Лепешки печь, под забор хоронить
Да ребят кормить.

1-й бирюч

Слушайте-послушайте,
Государевы люди,
Государеву волю!
Идите в красные ворота
На красный царский двор!
Вереи точены,
Ворота золочены.
С красного двора в новы сени,
На частые ступени,
В дубовые двери,
В государевы палаты,
Суд судить, ряд рядить.

Сходят с вышек.

Царь

Любезна мне игра ума и слова:
Простая речь жестка. Уборы красят
Красивых жен; высокие палаты
Прикрасами красны, а речи складом,
Теченьем в лад и шуткой безобидной.
Сбирается народ?

Отрок
(с переходов)

Валит толпами,
Великий царь.

Царь
(Купаве)

Девица, не тужи!
Печаль темнит лица живые краски,
Забывчиво девичье горе, сердце
Отходчиво: как в угольке, под пеплом
Таится в нем огонь для новой страсти.
Обидчика забудь! А за обиду
Отмститель суд да царь.

Из внутренних покоев выходят Прекрасная Елена и боярыни; из наружных дверей и с лестницы — народ; между народом Мураш и Лель. Приспешники приводят Мизгиря.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Царь Берендей, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мураш, Лель, Мизгирь, царские отроки, народ.

Царь
(Елене Прекрасной)

Привет тебе,
Краса дворца, Прекрасная Елена!

Прекрасная Елена

Привет тебе, великий Берендей,
От жен и дев, от юных берендеек,
От всех сердец, лелеющих любовь.

Хор народа

Привет тебе, премудрый,
Великий Берендей,
Владыка среброкудрый,
Отец земли своей.
Для счастия народа
Богами ты храним,
И царствует свобода
Под скипетром твоим,
Владыка среброкудрый,
Отец земли своей.
Да здравствует премудрый,
Великий Берендей!

Царь

Спасибо вам! В приводе ль виноватый?

Бермята

Виновный здесь, смиренно ждет суда.

Царь
(народу)

Вина его известна вам?

Народ

Известна.

Царь
(Мизгирю)

В вине своей винишься ль ты?

Мизгирь

Винюсь.

Царь

Вина его ужасна, берендеи,
Для милости закроем наше сердце
На этот раз. К злодеям сожаленье
Грозит бедой: разгневанные боги
Вину его на нас обрушат, карой
Падет она на берендеев. Мщенье
Преступнику грозящий гнев смиряет.
Поругана любовь! Благое чувство,
Великий дар природы, счастье жизни,
Весенний цвет ее! Любовь невесты
Поругана! Распуколка души,
Раскрывшейся для первых чувств, цветок
Невинности благоуханный! Срам
И стыд моим серебряным сединам!
Чему Мизгирь повинен, говорите!

Бермята

Заставь его жениться на девице
Обиженной!

Мураш

Заставь молить прощенья
У ног ее, а если не захочет,
Тогда карай грозой своей.

Царь

Мизгирь,
Желаешь ты загладить грех, Купаву
Понять в жену?

Мизгирь

У Мизгиря невеста
Снегурочка.

Бермята

Его заставить можно,
Премудрый царь.

Ц а р ь

Не терпит принужденья
Свободный брак.

М у р а ш

Не дай ему ругаться,
Обидчику! Спроси сперва Купаву,
Желает ли она сама?

Ц а р ь

Купава!

К у п а в а

Великий царь, любви Купава ищет.
Хочу любить, а как его полюбишь?
Обижено, разбито сердце им;
Лишь ненависть к нему до гроба будет
В груди моей. Не надо мне его.

Ц а р ь

Честной народ, достойна смертной казни
Вина его; но в нашем уложенье
Кровавых нет законов; пусть же боги
Казнят его по мере преступленья,
А мы судом народным Мизгиря
На вечное изгнанье осуждаем.
Иди от нас, преступник, поругатель
Горячности доверчивой любви,
Внушенной нам природой и богами.
Гоните прочь его от каждой двери,
От каждого жилья, где свято чтутся
Обычаи честны́е старины!
В пустыню, в лес его гоните! Звери —
Товарищи тебе по сердцу; сердце
Звериное с зверями тешь, Мизгирь!

М и з г и р ь

Ни слова я не молвлю в оправданье;
Но если б ты, великий царь, увидел
Снегурочку...

Н а р о д

Снегурочка идет.

Входит С н е г у р о ч к а, за ней Б о б ы л ь и Б о б ы л и х а, одета богато, в большой рогатой кичке.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Царь Берендей, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мураш, Лель, Мизгирь, Снегурочка, Бобыль, Бобылиха, царские отроки, народ.

Снегурочка
(оглядывая дворец)

Какой простор, как чисто все, богато!
Смотри-ка, мать! Лазоревый цветочек —
Живехонек.
(Садится на пол и рассматривает цветок на столбе.)

Бобылиха

Да ты бы поклонилась
Вперед всего! И нам поклон отвесят,
Ведь тоже мы не из последних.
(Толкает Снегурочку локтем и говорит тихо.)
Смотрят
На кику-то?

Снегурочка

Дивуются, глядят.

Бобылиха

Ну, кланяйся.

Снегурочка

Забыла, не взыщите!
Ну, здравствуйте, честны́е берендеи!

Бобылиха

Боярыни стоят, гляди! А кики
Попроще, чай, моей?

Снегурочка

Твоя рогатей.

Бобылиха

Ну, то-то же, пускай глядят да сохнут
От зависти.

Снегурочка
(указывая на царя)

А это кто? Кафтан-то
Узорчатый, обвязка золотая
И по пояс седая борода.

Бобылиха

Да это царь.

Снегурочка

Ах! Мама, страшно стало
Снегурочке. Пойдем на волю.

Бобыль

Ну-ка,
С добра ума какую речь сказала!
Впервóй пришлось Бакуле Бобылю
На царские палаты любоваться,
Да вон идти! Какая нам неволя!
Побарствуем, покуда не погонят.

Бобылиха

Невежа ты! Глазеешь, рот разиня,
По сторонам, а батюшка, великий
Премудрый царь, дивится, что за дура
В высокие хоромы забежала,
Незваная. Деревня ты, деревня.
Поди к нему, не бойся, не укусит,
Да кланяйся пониже!

Снегурочка
(подойдя к царю, кланяется)

Здравствуй, царь!

Царь
(берет ее за руку)

Полна чудес могучая природа!
Дары свои обильно рассыпая,
Причудливо она играет: бросит
В болотинке, в забытом уголке
Под кустиком, цветок весны жемчужный,
Задумчиво склоненный ландыш, брызнет
На белизну его холодной пылью

Серебряной росы,— и дышит цветик
Неуловимым запахом весны,
Прельщая взор и обонянье.

Снегурочка

Жалко,
Что ландыши так скоро отцвели!
Сказал бы ты, что любишь их, так я уж
Давно б тебе пучочек нарвала
Хорошеньких. Не всякий место знает,
А я в лесу, как дома; если хочешь,
Пойдем со мной, я место укажу.

Царь

Не плачу я, что цветики увяли,
Такой цветок цветет перед очами,
Что я смотрю, смотрю, да и не верю:
Во сне иль въявь цветок передо мной.

Снегурочка с довольным видом смотрит на всех и охорашивается.

Ее краса поможет нам, Бермята,
Ярилин гнев смягчить. Какая жертва
Готовится ему! При встрече Солнца
Вручим ее счастливому супругу.
Снегурочка, пришла твоя пора,
Ищи себе по сердцу друга!

Снегурочка

Где же
Искать его, не знаю.

Царь

Сердце скажет.

Снегурочка

Молчит мое сердечко.

Царь
(отводя Снегурочку)

Не стыдись!
Преклонные лета равняют старца
С девицею. Стыдливость неуместна

Пред старыми потухшими глазами.
Откройся мне: кого порой вечерней
На зыбкое крылечко поджидаешь?
Кого вдали, прикрывши ручкой глазки,
На полотне зари румяной ищешь?
Кого бранишь за медленность, кому
Навстречу шлешь и радости улыбку,
И слез поток, и брань, и поцелуй?
Кому? скажи, девица!

Снегурочка

Никому.

Бермята

Великий царь, она любви не знает.

Царь

С ее красой любви не знать, Бермята?
Не верю я. Таких чудес на свете
Не слыхано. Природой неизменно
Положена пора любви для всех.
Не верю я. Но если правда, как же
Не гневаться подателю тепла?
Удвоим же старания исправить
Невольный грех. Ужли из берендеев
На мой призыв никто не отзовется?
Кому из вас Снегурочка милее?
Кто может в ней младенческую душу
Желанием любви зажечь? скажите.

Бобыль

Немало уж пытались, только даром
Потратили труды.

Бобылиха

Немало было
И плачущих и пляшущих, да толку
Ни на́ волос не вышло.

Царь

Берендеи,
Кому из вас удастся до рассвета
Снегурочку увлечь любовью, тот
Из рук царя, с великим награжденьем,

Возьмет ее и лучшим гостем будет
За царскими столами на пирах,
На празднике Ярилы.

Бермята

Царь великий,
Молчат они.

Царь
(Елене)

Прекрасная Елена,
Хочу спросить у вас, у женщин, лучше
Известны вам сердечные дела.
Ужли совсем не стало той отваги
В сердцах мужчин, не стало тех речей,
Пленительно-лукавых, смелых взоров,
Которыми неотразимо верно,
Бывало, мы девиц и жен прельщали?
Прекрасная Елена, укажи,
Кого избрать из юных берендеев,
Способного свершить желанный подвиг!

Прекрасная Елена

Великий царь, стыдливость наблюдая
Обычную, могла бы я, конечно,
Незнанием отговориться; но
Желание служить для пользы общей
Стыдливостью пожертвовать велит.
Из юношей цветущих, берендеев,
Известных мне, один лишь только может
Внушить любовь девице, сердце жен
Поколебать, хотя бы наша верность
Крепка была, как сталь,— и это Лель.

Царь

Какая честь тебе, пастух.

Лель

Не мне,
Великий царь, а Солнцу подобает
Такая честь. Лелеяло измлада
Оно меня — учило песни петь;
Его тепло в речах моих, и слушать
Охотятся девицы речи Леля.

Тепло его в крови моей и в сердце,
И теплится в лице румянцем смуглым,
И светится весенней сладкой негой
Из глаз моих. Снегурочка, пойдем
Свивать венки со мною вместе, будем
Встречать зарю и солнечный восход!
Смотрите ей в глаза! Она полюбит
К рассвету дня,— меня или другого,
Снегурочка полюбит непременно,
Поверьте мне; а бедный пастушонка,
Кудрявый Лель, в угоду богу Солнцу
И светлому царю, поможет ей!

Мизгирь

Великий царь, отсрочь мое изгнанье,
Огонь любви моей воспламенит
Снегурочки нетронутое сердце.
Клянусь тебе великими богами,
Снегурочка моей супругой будет,
А если нет — пускай меня карает
Закон царя и страшный гнев богов.

Царь

Мизгирь и Лель, при вашем обещанье
Покоен я и беспечально встречу
Ярилин день. Вечернею зарей,
В заповедном лесу моем, сегодня
Сберемся мы для игр и песен. Ночка
Короткая минует незаметно,
На розовой заре, в венке зеленом,
Среди своих ликующих детей
Счастливый царь пойдет на встречу Солнца.

Народ

Да здравствует премудрый,
Великий Берендей,
Владыка среброкудрый,
Отец земли своей!
Для счастия народа
Богами ты храним,
И царствует свобода
Под скипетром твоим!

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Царь Берендей.
Бермята.
Елена Прекрасная.
Снегурочка.
Бобыль.
Бобылиха.
Мизгирь.
Лель.
Мураш.
Купава.
Радушка.
Малуша.
Брусило.
Курилка.
Леший.

Скоморохи, гудочники, волынщики, свита царя и народ.

Просторная поляна в лесу; справа и слева сплошной лес стеной; перед лесом, по обе стороны, невысокие кусты. Вдали, меж кустами, видны богатые шатры. Вечерняя заря догорает.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Молодые берендеи водят круги; один круг ближе к зрителям, другой поодаль. Девушки и парни в венках. Старики и старухи кучками сидят под кустами и угощаются брагой и пряниками. В первом кругу ходят: Купава, Радушка, Малуша, Брусило, Курилка, в середине круга: Лель и Снегурочка. Мизгирь, не принимая участия в играх, то показывается между народом, то уходит в лес. Бобыль пляшет под волынку. Бобылиха, Мураш и несколько их соседей сидят под кустом и пьют пиво. Царь со свитой смотрят издали на играющих.

Девушки и парни
(водя круги, поют)

Ай, во поле липонька,
Под липою бел шатер,
В том шатре стол стоит,
За тем столом девица.
Рвала цветы со травы,
Плела венок с яхонты.
Кому венок износить?
Носить венок милому.

Снегурочка надевает венок на Леля. Круг расходится, все смотрят на Бобыля, который пляшет под волынку.

Бобылиха
(потчуя Мураша)

Пожалуйте! И наша не щербата
Копеечка — и мы поразжились.

Мураш

Отказу нет. Да мужа-то попотчуй!
Намаялся, хоть душу отведет.

Бобыль перестает плясать.

Бобылиха
(подавая Бобылю жбан пива)

На праздниках тяжеле всех Бакуле,
Хлопот ему по горло: пляшет, пляшет,
Надсадится, а не отстанет. Жаден
До пляски-то. Смотреть-то жалость, право!
Того гляди, умрет когда с надсады,
Допляшется.

Мураш

Старательный мужик.

Царь
(проходит между гуляющими)

Веселое гулянье! Сердцу радость
Глядеть на вас. Играйте, веселитесь,
Заботы прочь гоните, для заботы
Своя пора. Народ великодушный
Во всем велик — мешать с бездельем дело
Не станет он — трудиться так трудиться.
Плясать и петь — так вдоволь, до упаду.
Взглянув на вас разумным оком, скажешь,
Что вы народ честной и добрый; ибо
Лишь добрые и честные способны
Так громко петь и так плясать отважно.
Спасибо вам на песнях и на пляске!
Уж тешиться так тешиться!
(Скоморохам.)
Пляшите,
Кувыркайтесь, ломайтесь, дураки!

Скоморохи пляшут.

Заря чиста, и утро будет ясно.
Уходит день веселый, догорают
Последние лучи зари, все выше
И выше свет малиновый; потемки
Цепляются за сучья и растут,
Преследуя зари румяный отблеск,
И скоро ночь в росящемся лесу
С вершинами деревьев станет вровень.
Пора к шатрам, в кругу гостей веселых
Окончить день и встретить новый. Песню
Последнюю пропой, пригожий Лель!

Л е л ь
(поет)

Туча со громом сговаривалась:
Ты, гром, греми, а я дождь разолью,
Вспрыснем-ка землю весенним дождем!
То-то цветочки возрадуются,
Выдут девицы за ягодками,
Парни за ними увяжутся.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

В роще подруженьки врозь разбрелись,
Кто по кустам, кто по ельничку.
Ягодки брали, аукалися,
Милой подруженьки нет как нет,
Все-то девицы расплакалися:
Нашу подружку не волк ли заел.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

Встретился девушкам чуж-чуженин,
Чуж-чуженинушка, стар-старичок.
Глупые девки, с ума вы сбрели,
Что вам за радость аукаться,
Что ей за прибыль откликнуться?
Вы б по кустам-то пошарили.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

Туча со громом сговаривалась:
Ты, гром, греми, а я дождь разолью,
Вспрыснем-ка землю весенним дождем!
То-то цветочки возрадуются.
Вымочим девушек-ягодниц,
Вымочим их, да и высушим.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

Ц а р ь

Спасибо, Лель! Девицы, не стыдитесь!
Не верю я. Ну, статочное ль дело
В частых кустах подружку потерять!
Потешил ты царево сердце, Лель.
Потешь еще! В кругу подруг стыдливых
Красавицу девицу выбирай,
Веди ко мне, и, всем на погляденье,
Пускай она за песню наградит
Певца любви горячим поцелуем.

Лель идет к девушкам.

С н е г у р о ч к а
(тихо Лелю)

Возьми меня!

Л е л ь

Изволь. Поди к сторонке.
Девичий круг нельзя не обойти,
Для виду хоть. За что же их обидеть!

Снегурочка отходит, весело смотрит, оправляется и охорашивается. Лель берет Купаву, подводит к царю и целует. Снегурочка в слезах убегает в кусты.

Ц а р ь

Теплом проник до старикова сердца
Отчетливый и звонкий поцелуй,—
Как будто я увесистую чашу
Стоялого хмельного меду выпил.
А кстати я о хмеле вспомнил. Время
К столам идти, Прекрасная Елена,
И хмелю честь воздать. Его услады
И старости доступны. Поспешим!
Желаю вам повеселиться, дети.

Уходит с Бермятой и Прекрасной Еленой. Некоторые берендеи, и в том числе Лель, уходят за царем.

Б р у с и л о

Все Лель да Лель! Ему такое счастье!
А чем же мы не молодцы? Не хуже
Сплясать да спеть умеем.

Р а д у ш к а

А Купаве
За что про что такая честь? Красавиц,
Не ей чета, найдется между нами.

К у р и л к а

Вот мы ему докажем, только сто́ит
Осмелиться да захотеть.

Б р у с и л о

Докажем,
Осмелимся, сыграем при народе
Игру свою, что два года учили,
Тишком от всех, в овинах хоронясь.
(Поет песню, а Курилка представляет бобра.)

Купался бобер,
Купался черно́й,
На речке быстро́й.
Ай, лели-лели!
Не выкупался,
Лишь выпачкался,
В грязи вывалялся.
Ай, лели-лели!
На горку всходил,
Отряхивался,
Охорашивался.
Ай, лели-лели!
Осматривался,
Нейдет ли кто,
Не сыщет ли что.
Ай, лели-лели!
Охотнички свищут,
Собаки-то рыщут,
Черна бобра ищут.
Ай, лели-лели!
Хотят шубу шить,
Бобром опушить,
Девкам подарить.
Ай, лели-лели!
Девки чернобровы,
На них шубы новы,
Опушки бобровы.
Ай, лели-лели!
(Перестает петь.)

Не ладно ль, что ль, пропето?

Курилка

Ай да мы!

Радушка

Уж видно, нам мириться с вами, парни.
Ребята вы других не хуже. Пусть же
Узнает Лель, и мы ему докажем,
Что парни нас не обегают. Рад бы
Обнять когда и Радушку, да поздно:
У ней дружок, ему и поцелуи
От Радушки.

Малуша

Малушкины Курилке.

Брусило

(обнимая Радушку)

Любезное житье!

Курилка

(обнимая Малушу)

Чего же лучше:
Подружка есть, так сердце дома. Братцы,
Пойдем смотреть на царские шатры.

Уходят все — парни с девушками, Купава с Мурашом, Бобыль с Бобылихой. Снегурочка выходит из кустов, Лель с противоположной стороны.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лель и Снегурочка.

Лель

Куда она девалась-запропала!
Купавушка! Да не она ли?
(Подходит к Снегурочке.)
Нет,
Снегурочка, одна, в слезах. О чем
Тоскуешь ты? Девицы веселятся,
Во всем лесу веселый гул идет:
То песенки, то звонкий смех, то шепот
Воркующий, то робости и счастья
Короткий вздох, отрывистый. А ты
Одна, в слезах.

Снегурочка

Ужли тебе не жалко
Сиротку так обидеть?

Лель

Я не знаю,
Какую ты нашла обиду.

Снегурочка

Как же?
Красавица Снегурочка иль нет?

Лель

Красавица.

Снегурочка

А ты берешь Купаву,
Ведешь к царю, целуешь. Разве лучше
Снегурочки Купава? Вот обида,
Какой забыть нельзя.

Лель

(обнимая Снегурочку)

За что сердиться,
Снегурочка? Не дорог поцелуй
При всем честном народе, втихомолку
Ценнее он и слаще.

Снегурочка

Я не верю.
Не сладко мне украдкой целоваться.
Подумай ты, когда теперь дождешься,
Чтоб царь велел из всех девиц-красавиц
Красавицу поставить напоказ!

Лель

Не долго ждать тебе.

Снегурочка

Опять обманешь,
Опять возьмешь другую.

Лель

Как же быть-то?
Возьмешь тебя, обидятся другие;
Другую взять, тебя обидеть. Скоро
Румяная забрезжится заря,

Народ с царем пойдет на встречу Солнца,
А мне вперед идти и запевать
С подружкою. Кого бы взять? Не знаю.

Снегурочка

Пригожий Лель, возьми меня!

Лель

Другая
За эту честь души не пожалеет.

Снегурочка

Чего тебе угодно, все на свете
Снегурочка отдаст.

Лель

Люби меня!

Снегурочка

И рада б я душой, да не умею.
Пригоженький, когда настанет время
Снегурочке любить, уж никого-то,
Опричь тебя, не полюблю.

Лель

Посмотрим.

Снегурочка

Хорошенький-пригоженький, возьми.

Лель

Уж, видно, взять.

Снегурочка

Пригоженький, послушай!
Коль хочешь ты, чтоб сердце не болело
У бедненькой Снегурочки, с другими
Девицами водиться перестань!
Ласкаешь их, а мне сердечко больно,
Целуешь их, а я гляжу да плачу.

Лель

Без ласки жить нельзя же пастушонку!
Не пашет он, не сеет; с малолетства
На солнышке валяется; лелеет
Весна его, и ветерок ласкает.

И нежится пастух на вольной воле.
В уме одно: девичья ласка, только
И думаешь о ней.

Снегурочка

Ласкай меня,
Целуй меня, пригоженький! Пусть видят,
Что я твоя подружка. Горько, больно
Одной бродить! Глядят как на чужую
И девушки и парни. Вот пошла бы
На царские столы смотреть, а с кем?
Подружки все с дружками, косо смотрят,
Сторонятся: отстань, мол, не мешай!
С старушками пойти и с стариками —
Насмешками да бранью докорят.
Одной идти, так страшно. Будь дружком,
Пригоженький!

Лель

Сама же виновата,
Немало я любил тебя, горючих
Немало слез украдкой пролил.

Снегурочка

Все-то
Глупа еще; прости, пригожий Лель!

Лель

А стоило хоть словом приласкать
Поласковей, и ты б закабалила
Меня навек и волю отняла.

Снегурочка

Про старое не помни, Лель пригожий!
Люби меня немножко; дожидайся,
Снегурочка сама тебя полюбит.
Сведи меня смотреть шатры царевы
И солнышко встречать возьми подружкой!
Хорошенький-пригоженький, возьми!

Лель

Дождись меня, возьму. Пойду к ребятам.
Не ужинал еще — как раз вернусь.

(Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Снегурочка, потом Мизгирь.

Снегурочка

Вот любо-то! Вот радость! Не в народе,
В густой толпе, из-за чужой спины,
Снегурочка смотреть на праздник будет,
Вперед пойдет. И царь и люди скажут:
Такой четы на диво поискать!
(Снимает венок.)
Завял венок; наутро надо новый
Сплести себе из тонких зыбких веток;
Вплету туда цветочки василечки.
(В задумчивости запевает.)
Ах, цветочки василечки!

Выходит Мизгирь.

Мизгирь

Снегурочка, тебя давно ищу я.
(Берет ее за руку.)

Снегурочка
(с испугом)

Ах, нет. Уйди! Не надо.

Мизгирь

Не оставлю
Твоей руки, пока в мольбах и стонах
Не выскажу тебе, как ноет сердце,
Какой тоской душа больна. Не знала
До сей поры она любви страданий,
Утехи лишь известны ей; а сердце
Приказывать привыкло, не молило,
Не плакало оно. Перед тобою
В слезах стоит не мальчик, гордый духом
Смиряется. Доселе я не плакал,
И даже слов не тратил много; только
Рукой манил девиц делить любовь
И золото бросал за ласки; ныне
Сломился я под гнетом жгучей страсти
И слезы лью. Смотри, колена клонит
Перед девчонкой гордый человек.
(Падает на колени.)

Снегурочка

Зачем, зачем? Вставай, Мизгирь!

Мизгирь

Полюбишь,
Полюбишь ты меня, скажи!

Снегурочка

О нет!
Слова твои пугают, слезы страшны;
Чего-то я боюсь с тобой. Уйди!
Оставь меня, прошу! Пусти! Ты добрый,
Зачем пугать Снегурочку?
(Старается вырвать руку.)

Мизгирь

Постой!
Что страшен я, то правда. Не напрасно ж
Румяный стыд прорезал полосами
Лицо мое; за горечь униженья
Заплатишь ты.

Снегурочка

О, если все такая
Живет любовь в народе, не хочу,
Не буду я любить!

Мизгирь

Поищем средства
Желанного достичь по доброй воле.
Снегурочка, у острова Гурмыза,
Где теплое бушующее море
На камни скал прибрежных хлещет пену,
Пускаются без страха водолазы
Отважные искать по дну морскому
Прибыточной добычи. Я пытался,
Удачи ждал; давал большую цену
За жизнь людей и посылал на дно
За жемчугом проворных водолазов.
И вынес мне один зерно такое,
Какого нет в коронах у царей,
Ни у цариц в широких ожерельях.

Купить его нельзя; полцарства сто́ит
Жемчужина. Сменяться? Вещи равной
Не подберешь. Ценой ему равна,
Снегурочка, одна любовь твоя.
Сменяемся, возьми бесценный жемчуг,
А мне любовь отдай.

Снегурочка

Бесценный жемчуг
Себе оставь; не дорого ценю я
Свою любовь, но продавать не стану:
Сменяюсь я любовью на любовь,
Но не с тобой, Мизгирь.

Мизгирь

Отдашь и даром.
Довольно слов, довольно убеждений!
Бросай венок девичий! Ты жена,
Снегурочка. Поклялся я богами
Перед царем и клятву исполняю.

Снегурочка

Оставь! Пусти! Беги, спасай Снегурку,
Пригожий Лель!

Мизгирь

О! Если Лель... так прежде
Возьмет Мизгирь, что хочет взять пастух.

Л е ш и й сзади обнимает Мизгиря; Снегурочка вырывается и бежит по поляне. Леший оборачивается пнем. Мизгирь хочет бежать за Снегурочкой — между ним и ею встает из земли лес. В стороне показывается п р и з р а к Снегурочки. Мизгирь бежит к нему — призрак исчезает, на месте его остается пень с двумя прилипшими, светящимися, как глаза, светляками.

Безумец я, любовью опьяненный,
Сухой пенек за милый образ принял,
Холодный блеск зеленых светляков —
За светлые Снегурочкины глазки.

Из лесу показывается п р и з р а к Снегурочки и манит Мизгиря. Кусты и сучья дерев принимают меняющиеся фантастические образы. Мизгирь бежит за призраком.

Л е ш и й

Броди всю ночь за призраком бегущим!
Лови мечты манящей воплощенье!
Лишь светлый день твои рассеет грезы.

(Уходит.)

Поляна принимает прежний вид. Выходит Л е л ь, за ним П р е к р а с н а я Е л е н а.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Л е л ь и П р е к р а с н а я Е л е н а.

П р е к р а с н а я Е л е н а

Пленительный пастух, куда стремишься?
Умильный взгляд обороти назад!

Л е л ь

Прекрасная Елена!

П р е к р а с н а я Е л е н а

Ты дивишься,
Что в поздний час одна в лесу блуждаю,
Пригожий Лель; меня взманило пенье
Певца весны; гремящий соловей,
С куста на куст перелетая, манит
Раскрытое для увлечений сердце
И дальше в лес опасный завлекает
Прекрасную Елену.

Л е л ь

Недалеко
От царского шатра блуждаешь ты.
Вернись к нему открытою поляной!
Опасности не встретишь.

П р е к р а с н а я Е л е н а

Злой пастух,
Не хочешь ты Прекрасную Елену
В густом лесу тенистом проводить
Уютною тропинкой.

Л е л ь

Провожатым
Пошел бы я, да сердце не на месте:

В гулянках я все стадо растерял,
Ищу теперь по кустикам овечек.

Прекрасная Елена

По кустикам? Противный, чует сердце,
Какую ты в лесу овечку ловишь.
Ах, бедная овечка, прячься дальше!
Отыщет Лель и сетью льстивой речи
Запутает в такую же напасть,
В какую ввел Прекрасную Елену.
Заставил ты несчастную ревниво
Следить тебя в печальном размышленьи:
Как вредно вам вверяться, пастухам.

Лель

Спеши к шатрам, Прекрасная Елена,
Отсутствие твое заметят скоро.

Прекрасная Елена

Ах, милый Лель, боюсь!

Лель

Чего, Елена
Прекрасная, боишься ты?

Прекрасная Елена
(прижимаясь к Лелю)

Ах, Лель,
Всего боюсь! Смотри, в кустах мелькают
И светятся двойчаткой, точно свечки,
Глаза волков кровавые. А вот
На дереве повис, как кошка, леший,—
Скосив глаза и высунув язык,
Старается удавленника скорчить.
А вот другой, для глупой шутки лапу
Лохматую в колючий куст просунув,
Зажмурясь, ждет, чтоб ферязь разорвать
И сделать в ней прореху где не надо.
Всего боюсь, и света и потемков,
Страшит меня и зверь, и человек,
И леший, злой проказник. Только Лелю
Пригожему, закрыв глаза, без страха
Холодного, себя вверяю.
(Зажмурясь, ложится на грудь Лелю.)

Сладко
В объятиях твоих лежать и млеть.

Входит Бермята. Лель передает ему Прекрасную Елену и уходит.

Но пламень чувств моих не зажигает
Огня в груди у Леля.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Прекрасная Елена и Бермята.

Бермята

Лель пригожий
От пламенной любви твоей бежит.

Прекрасная Елена

Какой удар!

Бермята

Пенять и удивляться
Не стану я; прекрасную супругу
Не в первый раз в чужих объятьях вижу.
Пойдем со мной! В лесу ночной порою
И встретит кто, так все ж пристойней с мужем
Бродить тебе, чем с Лелем.

Прекрасная Елена

Милый муж,
Разбойник Лель удваивает нежность
Жены твоей к тебе. Его поступок
Прекрасную Елену убеждает,
Что юноши все нагло-бессердечны,
Зато мужья и милы и добры.

Уходят. Входит Лель. Снегурочка выходит из кустов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лель и Снегурочка.

Снегурочка

Велел, и жду тебя; велел, и жду.
Пойдем к царю! А я веночек новый
Сплела себе, смотри. Пригожий Лель,
Возьми с собой! Обнимемся! Покрепче

Прижмусь к тебе от страха. Я дрожу,
Мизгирь меня пугает: ищет, ловит.
И что сказал, послушай! Что Снегурка
Его жена. Ну, статочное ль дело:
Снегурочка — жена! Какое слово
Нескладное!

Лель
(завидев бегущую Купаву)

Да здесь ли нам сжидаться?
Не там ли вон, смотри!

Снегурочка

Да здесь ли, там ли,
Ведь ты со мной. Чего ж еще!

Лель

Подпасок
Бежит сюда по тайности словечко
Сказать со мной. Дождись вон там!

Снегурочка

Изволь!
(Уходит на другую сторону в кусты.)

Прибегает Купава.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лель, Купава и Снегурочка.

Купава

Насилу я нашла тебя, желанный,
Сердечный друг, голубчик сизокрылый!
Не в глазки, нет, не в щечки целовать,—
У ног лежать, голубчик сизокрылый,
У ног лежать должна Купава.

Лель

Полно!
Летят и льнут к соте медовой мухи,
К воде листок, к цветочку пчелка льнет,
К Купаве Лель.

Купава

Голубчик сизокрылый,
Тепло мое сердечко, благодарной

Навек тебе останусь; ты от сраму,
От жгучих игл насмешки и покоров
Купаве спас девическую гордость.
При всем честном народе поцелуем
Сравнял меня, забытую, со всеми.

Лель

Да разве я не знал, какое сердце
Куплю себе, тебя целуя. Если
У глупого мальчонки-пастуха
Рассудка нет, так вещим сердцем сыщет
Подружку он.

Купава

Подружку? Нет, собачку.
Мани меня, когда ласкать захочешь,
Гони и бей, коль ласка надоест.
Без жалобы отстану, только взглядом
Слезящимся скажу тебе, что я, мол,
Приду опять, когда поманишь.

Лель

Радость
Души моей, Купава, сиротинка
Свою гульбу-свободу отгулял,
Победная головка докачалась
До милых рук, долюбовались очи
До милых глаз, домаялось сердечко
До теплого приюта.

Купава

Лель пригожий,
Надолго ли любовь твоя, не знаю;
Моя любовь до веку и до часу
Последнего, голубчик сизокрылый!

Лель

Идем скорей! Бледнеют тени ночи.
Смотри, заря чуть видною полоской
Прорезала восточный неба край,
Растет она, яснее ширясь: это
Проснулся день и раскрывает веки
Светящих глаз. Пойдем. Пора приспела
Встречать восход Ярила-Солнца. Гордо

Перед толпой покажет Солнцу Лель
Любимую свою подругу.

Снегурочка выбегает из кустов.

Снегурочка

Стойте!
Обманщик Лель, зачем же я ждала,
Плела венок? Ведь не затем, чтоб после
Смочить его слезами. Ты уж так бы
Сказал тогда: Снегурочка, плети,
Плети венок и плачь, роняй слезинки
На каждый лист, на каждый лепесток!
А ты манил.

Купава

Снегурочка, да чем же
Встречать тебе восход Ярила-Солнца?
Когда его встречаем, жизни сила,
Огонь любви горит у нас в очах.
Любовь и жизнь — дары Ярила-Солнца:
Его ж дары ему приносят девы
И юноши; а ты сплела венок,
Надела бус на шейку, причесалась,
Пригладилась — и запон, и коты
Новехоньки — тебе одна забота,
Как глупому ребенку, любоваться
На свой наряд да забегáть вперед,
Поодаль стать,— в глазах людей вертеться
И хвастаться обновками.

Снегурочка

Купава,
Разлучница! Твое же это слово;
Сама меня разлучницей звала,
Сама же ты и разлучаешь с Лелем.

Лель

Снегурочка, подслушивай почаще
Горячие Купавы речи! Время
Узнать тебе, как сердце говорит,
Когда оно любовью загорится.
Учись у ней любить и знай, что Лелю
Не детская любовь нужна. Прощай!
(Убегает с Купавой.)

Снегурочка

Обманута, обижена, убита
Снегурочка. О мать, Весна-Красна!
Бегу к тебе и с жалобой и с просьбой:
Любви прошу, хочу любить. Отдай
Снегурочке девичье сердце, мама!
Отдай любовь иль жизнь мою возьми!
(Убегает.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Царь Берендей.
Снегурочка.
Мизгирь.
Лель.
Весна-Красна.
Все берендеи, свита Весны, цветы.

Ярилина долина: слева (от зрителей) отлогая покатость, покрытая невысокими кустами; справа — сплошной лес; в глубине озеро, поросшее осокой и водяными растениями с роскошными цветами; по берегам цветущие кусты с повисшими над водой ветвями; с правой стороны озера голая Ярилина гора, которая оканчивается острою вершиной. Утренняя заря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Призрак Снегурочки несется, едва касаясь земли. Мизгирь идет за ним.

Мизгирь

Всю ночь в глазах мелькает милый образ.
Снегурочка, постой одно мгновенье!
(Убегает за призраком в лес.)

Снегурочка сходит с горы.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Снегурочка, потом Весна.

Снегурочка
(обращаясь к озеру)

Родимая, в слезах тоски и горя
Зовет тебя покинутая дочь.

Из тихих вод явись услышать стоны
И жалобы Снегурочки твоей.

Из озера поднимается В е с н а, окруженная ц в е т а м и.

В е с н а

Снегурочка, дитя мое, о чем
Мольбы твои? Великими дарами
Могу тебя утешить на прощанье.
Последний час Весна с тобой проводит.
С рассветом дня вступает бог Ярило
В свои права и начинает лето.
(Подходит к Снегурочке.)
Чего тебе недостает?

С н е г у р о ч к а

Любви.
Кругом меня все любят, все счастливы
И радостны, а я одна тоскую;
Завидно мне чужое счастье, мама.
Хочу любить; но слов любви не знаю,
И чувства нет в груди; начну ласкаться —
Услышу брань, насмешки и укоры
За детскую застенчивость, за сердце
Холодное. Мучительную ревность
Узнала я, любви еще не зная.
Отец Мороз, и ты, Весна-Красна́,
Дурное мне, завистливое чувство
Взамен любви в наследство уделили;
В приданое для дочки положили
Бессонные томительные ночи
И встречу дня без радости. Сегодня,
На ключике холодном умываясь,
Взглянула я в зеркальные струи
И вижу в них лицо свое в слезах,
Измятое тоской бессонной ночи.
И страшно мне: краса моя увянет
Без радости. О мама, дай любви!
Любви прошу, любви девичей.

В е с н а

Дочка,
Забыла ты отцовы опасенья.
Любовь тебе погибель будет.

Снегурочка

Мама,
Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слез.

Весна

Изволь, дитя,— любовью поделиться
Готова я; родник неистощимый
Любовных сил в венке моем цветном.
Сними его! Присядь ко мне поближе!

Весна садится на траву. Снегурочка подле нее. Цветы окружают их.

Смотри, дитя, какое сочетанье
Цветов и трав, какие переливы
Цветной игры и запахов приятных!
Один цветок, который ни возьми,
Души твоей дремоту пробуждая,
Зажжет в тебе одно из новых чувств,
Незнаемых тобой,— одно желанье,
Отрадное для молодого сердца;
А вместе все, в один венок душистый
Сплетясь пестро, сливая ароматы
В одну струю,— зажгут все чувства разом.
И вспыхнет кровь, и очи загорятся,
Окрасится лицо живым румянцем,
Играющим,— и заколышет грудь
Желанная тобой любовь девичья.

Зорь весенних цвет душистый
Белизну твоих ланит,
Белый ландыш, ландыш чистый,
Томной негой озарит.
Барской спеси бархат алый
Опушит твои уста,
Даст улыбку цветик малый —
Незабудка-красота.
Роза розой заалеет
На груди и на плечах,
Василечек засинеет
И просветится в очах.
Кашки мед из уст польется
Чарованием ума,
Незаметно проберется
В душу липкая Дрема.
Мак сердечко отуманит,

Мак рассудок усыпит,
Хмель ланиты нарумянит
И головку закружит.
(Надевает венок на голову Снегурочки.)

Снегурочка

Ах, мама, что со мной? Какой красою
Зеленый лес оделся! Берегами
И озером нельзя налюбоваться.
Вода манит, кусты зовут меня
Под сень свою; а небо, мама, небо!
Разлив зари зыбучими волнами
Колышется.

Весна

Снегурочка, прощай,
Дитя мое! Любовным ароматом
Наполнилась душа твоя. Кипучий
Восторг страстей тебя охватит скоро;
Красой лугов и озером зеркальным
Дотоле ты любуешься, пока
На юношу не устремятся взоры.
Тогда лишь ты вполне узнаешь силу
И власть любви над сердцем. С первой встречи
Счастливца ты даришь любовью, кто бы
Ни встретился тебе. Но, радость-дочка,
Таи любовь от глаз Ярила-Солнца,
Спеши домой, не медля: не любуйся
Багряными потоками рассвета.
Вершины гор покрылись позолотой,
И скоро царь светил осветит землю.
Беги домой тропинками лесными
В тени кустов и избегая встречи;
Предчувствие тревожит сердце мне.
Прощай, дитя, до нового свиданья,
И матери советов не забудь.
(Опускается в озеро.)

Снегурочка

Какое я сокровище храню
В груди моей! Ребенком прибежала
Снегурочка в зеленый лес — выходит
Девицею с душой счастливой, полной
Отрадных чувств и золотых надежд.

Снесу мой клад тропинкой неизвестной;
Одна лишь я по ней бродила, лешим
Протоптана она между болотом
И озером. Никто по ней не ходит,
Лишь лешие, для шутки, горьких пьяниц
Манят по ней, чтоб завести в трясину
Без выхода.

(Идет в лес.)

Навстречу ей выходит Мизгирь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Снегурочка и Мизгирь.

Мизгирь

Снегурочка!

Снегурочка

Ах, встреча!

Мизгирь

Снегурочка, мои слабеют силы,
Всю ночь ловлю тебя. Остановись!
Боишься ты?

Снегурочка

О нет, Мизгирь, не страхом
Полна душа моя. Какая прелесть
В речах твоих! Какая смелость взора!
Высокого чела отважный вид
И гордая осанка привлекают,
Манят к тебе. У сильного — опоры,
У храброго — защиты ищет сердце
Стыдливое и робкое. С любовью
Снегурочки трепещущая грудь
К твоей груди прижмется.

Мизгирь
(обнимая ее)

Жадным слухом
Ловлю твои слова, боюсь поверить
Блаженству я, Снегурочка.

Снегурочка

О милый,
Прости меня! Чего-то я боялась,
Смешно самой и стыдно, берегла
Какое-то сокровище, не зная,
Что все, что есть на свете дорогого,
Живет в одном лишь слове. Это слово:
Любовь.

Мизгирь

Еще отрадных слов, еще,
И счастию не будет меры.

Снегурочка

Милый,
Позволь взглянуть в твое лицо, в огонь
Твоих очей вглядеться. Слушай, прежде
Считала я девичью миловидность,
Сребристый пух ланит и нежность кожи
За лучшую красу. Не понимаю;
Слепа, глупа была. Да разве можно
Красу девиц равнять с твоей красою?
Незрелый цвет девичей нежной кожи
Равнять с мужским румянцем загрубелым?
Снегурочка твоя, бери в свой дом
Жену свою — любить и нежить буду,
Ловить твой взгляд, предупреждать желанья.
Но, милый мой, бежим скорее, спрячем
Любовь свою и счастие от Солнца,
Грозит оно погибелью. Бежим,
Укрой меня! Зловещие лучи
Кровавые страшат меня. Спасай,
Спасай свою Снегурочку!

Мизгирь

Дитя,
Спасать тебя? Любовь твоя — спасенье
Изгнаннику. На солнечном восходе
Мизгирь тебя супругою покажет,
И царский гнев правдивый укротится,
И, милостью богатый, Берендей
Младой чете свою окажет ласку.

Снегурочка
(на коленях)

Завет отца и матери, о милый,
Не смею я нарушить. Вещим сердцем
Почуяли они беду — таить
Велели мне мою любовь от Солнца.
Погибну я! Спаси мою любовь,
Спаси мое сердечко! Пожалей
Снегурочку!

Мизгирь

Покорными сердцами
Привыкла ты владеть, привыкла тешить
Угодами обычай прихотливый.
Но сердцем я не мальчик — и любить
И приказать умею; оставайся!

Снегурочка

Не прихоть, нет. В руках твоих погибнет
Снегурочка.

Мизгирь

Оставь ребячьи страхи
Неведомой беды! Но если вправду
Беда придет — тогда погибнем вместе.

Снегурочка

Смотри, смотри! Все ярче и страшнее
Горит восток. Сожми меня в объятьях,
Одеждою, руками затени
От яростных лучей, укрой под тенью
Склонившихся над озером ветвей.
(Становится под тень куста.)

Из лесу по горе сходит народ; впереди гусляры играют на гуслях и пастухи на рожках, за ними царь со свитой, за царем попарно женихи и невесты в праздничных одеждах, далее все берендеи. Сойдя в долину, народ разделяется на две стороны.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Снегурочка, Мизгирь, царь Берендей, Лель и весь народ. Все с ожиданием смотрят на восток и при первых лучах солнца запевают.

Общий хор

Одна сторона

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой Дид-Ладо, сеяли, сеяли.

Другая сторона

А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой Дид-Ладо, вытопчем, вытопчем.

1-я

А чем же вам вытоптать, вытоптать,
Ой Дид-Ладо, вытоптать, вытоптать?

2-я

А мы коней выпустим, выпустим,
Ой Дид-Ладо, выпустим, выпустим.

1-я

А мы коней переймем, переймем.
Ой Дид-Ладо, переймем, переймем.

2-я

А мы коней выкупим, выкупим,
Ой Дид-Ладо, выкупим, выкупим.

1-я

А чем же вам выкупить, выкупить,
Ой Дид-Ладо, выкупить, выкупить?

2-я

А мы дадим девицу, девицу,
Ой Дид-Ладо, девицу, девицу.

1-я

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дид-Ладо, прибыло, прибыло.

2 - я

А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дид-Ладо, убыло, убыло.

При пении обе стороны сближаются медленными шагами под размер песни. При конце песни женихи берут невест и кланяются царю.

Царь

Да будет ваш союз благословен
Обилием и счастием! В богатстве
И радости живите до последних
Годов своих в семье детей и внуков!
Печально я гляжу на торжество
Народное: разгневанный Ярило
Не кажется, и лысая вершина
Горы его покрыта облаками.
Недоброе сулит Ярилин гнев:
Холодные утра и суховеи,
Медвяных рос убыточные порчи,
Неполные наливы хлебных зерен,
Ненастную уборку — недород,
И ранние осенние морозы,
Тяжелый год и житниц оскуденье.

Мизгирь
(подводя Снегурочку к царю)

Великий царь, твое желанье было
Законом мне, и я его исполнил:
С Снегурочкой на брак благослови,
Прости вину мою и гнев на милость
Перемени.

Голоса из народа

О, диво! полюбила
Снегурочка!

Царь

Охотой ли, девица
Снегурочка, вручаешь жениху
Судьбу свою? С твоей рукою вместе
Даешь ли ты любовь ему?

Снегурочка

О царь!
Спроси меня сто раз,— сто раз отвечу,

Что я люблю его. При бледном утре
Открыла я избраннику души
Любовь свою и кинулась в объятья.
При блеске дня теперь, при всем народе,
В твоих глазах, великий Берендей,
Готова я для жениха и речи
И ласки те сначала повторить.

Яркий луч солнца прорезывает утренний туман и падает на Снегурочку.

Но что со мной? Блаженство или смерть?
Какой восторг! Какая чувств истома!
О мать Весна, благодарю за радость,
За сладкий дар любви! Какая нега
Томящая течет во мне! О Лель,
В ушах твои чарующие песни,
В очах огонь... и в сердце... и в крови
Во всей огонь. Люблю и таю, таю
От сладких чувств любви. Прощайте, все
Подруженьки, прощай, жених! О милый,
Последний взгляд Снегурочки тебе.

(Тает.)

Мизгирь

Снегурочка, обманщица, живи,
Люби меня! Не призраком лежала
Снегурочка в объятиях горячих:
Тепла была; и чуял я у сердца,
Как сердце в ней дрожало человечье,
Любовь и страх в ее душе боролись.
От света дня бежать она молила.
Не слушал я мольбы — и предо мною
Как вешний снег растаяла она.
Снегурочка, обманщица не ты:
Обманут я богами; это шутка
Жестокая судьбы. Но если боги
Обманщики, не сто́ит жить на свете!

(Убегает на Ярилину гору и бросается в озеро.)

Царь

Снегурочки печальная кончина
И страшная погибель Мизгиря
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье —
Холодная Снегурочка погибла.

Пятнадцать лет она жила меж нами,
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.
Теперь, с ее чудесною кончиной,
Вмешательство Мороза прекратилось.
Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу.
И верю я, оно приветно взглянет
На преданность покорных берендеев.
Веселый Лель, запой Яриле песню
Хвалебную, а мы к тебе пристанем.
Палящий бог, тебя всем миром славим!
Пастух и царь тебя зовут, явись!

Л е л ь
(запевает)

Свет и сила,
Бог Ярило.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

О б щ и й х о р

Свет и сила,
Бог Ярило.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

На вершине горы на несколько мгновений рассеивается туман, показывается Я р и л о в виде молодого парня в белой одежде, в правой руке светящаяся голова человечья, в левой — ржаной сноп. По знаку царя п р и с л у ж н и к и несут целых быков и баранов с вызолоченными рогами, бочонки и ендовы с пивом и медом, разную посуду и все принадлежности пира.

Х о р
(допевает)

Даруй, бог света,
Теплое лето.
Красное Солнце наше,
Нет тебя в мире краше.
Краснопогодное,
Лето хлебородное.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

1873

БЕСПРИДАННИЦА

ДРАМА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Харита Игнатьевна Огудалова, вдова, средних лет; одета изящно, но смело и не по летам.

Лариса Дмитриевна, ее дочь, девица, одета богато, но скромно.

Мокий Парменыч Кнуров, из крупных дельцов последнего времени, пожилой человек, с громадным состоянием.

Василий Данилыч Вожеватов, очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы, по костюму европеец.

Юлий Капитоныч Карандышев, молодой человек, небогатый чиновник.

Сергей Сергеич Паратов, блестящий барин, из судохозяев, лет за 30.

Робинзон.

Гаврило, клубный буфетчик и содержатель кофейной на бульваре.

Иван, слуга в кофейной.

Действие происходит в настоящее время, в большом городе Бряхимове, на Волге.

Городской бульвар на высоком берегу Волги, с площадкой перед кофейной. Направо (от актеров) — вход в кофейную, налево — деревья; в глубине низкая чугунная решетка, за ней — вид на Волгу, на большое пространство: леса, села и проч. На площадке столы и стулья: один стол на правой стороне, подле кофейной, другой — на левой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г а в р и л о стоит в дверях кофейной, И в а н приводит в порядок мебель на площадке.

И в а н. Никого народу-то нет на бульваре.

Г а в р и л о. По праздникам всегда так. По старине живем: от поздней обедни все к пирогу да ко щам, а потом, после хлебасоли, семь часов отдых.

И в а н. Уж и семь! Часика три-четыре. Хорошее это заведение.

Г а в р и л о. А вот около вечерень проснутся, попьют чайку до третьей тоски...

И в а н. До тоски! Об чем тосковать-то?

Г а в р и л о. Посиди за самоваром поплотнее, поглотай часа два кипятку, так узнаешь. После шестого пота она, первая-то тоска, подступает... Расстанутся с чаем и выползут на бульвар раздышаться да разгуляться. Теперь чистая публика гуляет: вон Мокий Парменыч Кнуров проминает себя.

И в а н. Он каждое утро бульвар-то меряет взад и вперед, точно по обещанию. И для чего это он так себя утруждает?

Г а в р и л о. Для моциону.

И в а н. А моцион для чего?

Г а в р и л о. Для аппетиту. А аппетит нужен ему для обеду. Какие обеды-то у него! Разве без моциону такой обед съешь!

И в а н. Отчего это он все молчит?

Г а в р и л о. «Молчит». Чудак ты... Как же ты хочешь, чтоб он разговаривал, коли у него миллионы! С кем ему разговаривать? Есть человека два-три в городе, с ними он разговаривает, а больше не с кем; ну, он и молчит. Он и живет здесь не подолгу от этого от самого; да и не жил бы, кабы не дела. А разговаривать он ездит в Москву, в Петербург да за границу, там ему просторнее.

И в а н. А вот Василий Данилыч из-под горы идет. Вот тоже богатый человек, а разговаривает.

Г а в р и л о. Василий Данилыч еще молод; малодушеством занимается; а в лета войдет, такой же идол будет.

Слева выходит К н у р о в, не обращая внимания на поклоны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает. Справа входит В о ж е в а т о в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К н у р о в, В о ж е в а т о в, Г а в р и л о, И в а н.

В о ж е в а т о в *(почтительно кланяясь)*. Мокий Парменыч, честь имею кланяться!

К н у р о в. А! Василий Данилыч! *(Подает руку.)* Откуда?

В о ж е в а т о в. С пристани. *(Садится.)*

Гаврило подходит ближе.

К н у р о в. Встречали кого-нибудь?

В о ж е в а т о в. Встречал, да не встретил. Я вчера от Сергея Сергеича Паратова телеграмму получил. Я у него пароход покупаю.

Г а в р и л о. Не «Ласточку» ли, Василий Данилыч?

В о ж е в а т о в. Да, «Ласточку». А что?

Г а в р и л о. Резво бегает, сильный пароход.

В о ж е в а т о в. Да вот обманул Сергей Сергеич, не приехал.

Г а в р и л о. Вы их с «Самолетом» ждали, а они, может, на своем приедут, на «Ласточке».

И в а н. Василий Данилыч, да вон еще пароход бежит с верху.

В о ж е в а т о в. Мало ль их по Волге бегает.

И в а н. Это Сергей Сергеич едут.

В о ж е в а т о в. Ты думаешь?

И в а н. Да похоже, что они-с... Кожухи-то на «Ласточке» больно приметны.

В о ж е в а т о в. Разберешь ты кожухи за семь верст.

И в а н. За десять разобрать можно-с... Да и ходко идет, сейчас видно, что с хозяином.

В о ж е в а т о в. А далеко?

И в а н. Из-за острова вышел. Так и выстилает, так и выстилает.

Г а в р и л о. Ты говоришь, выстилает?

И в а н. Выстилает. Страсть! Шибче «Самолета» бежит, так и меряет.

Г а в р и л о. Они едут-с.

В о ж е в а т о в *(Ивану)*. Так ты скажи, как приставать станут.

И в а н. Слушаю-с... Чай, из пушки выпалят.

Г а в р и л о. Беспременно.

В о ж е в а т о в. Из какой пушки?

Г а в р и л о. У них тут свои баржи серёд Волги на якоре.

В о ж е в а т о в. Знаю.

Г а в р и л о. Так на барже пушка есть. Когда Сергея Сергеича встречают или провожают, так всегда палят. *(Взглянув в сторону за кофейную.)* Вон и коляска за ними едет, извозчицкая, Чиркова-с! Видно, дали знать Чиркову, что приедут. Сам хозяин Чирков на козлах. Это за ними-с.

В о ж е в а т о в. Да почем ты знаешь, что за ними?

Г а в р и л о. Четыре иноходца в ряд, помилуйте, за ними. Для кого же Чирков такую четверню сберет! Ведь это ужасти смотреть... как львы... все четыре на трензелях! А сбруя-то, сбруя-то! За ними-с.

И в а н. И цыган с Чирковым на козлах сидит, в парадном казакине, ремнем перетянут так, что, того гляди, переломится.

Г а в р и л о. Это за ними-с. Некому больше на такой четверке ездить. Они-с.

К н у р о в. С шиком живет Паратов.

В о ж е в а т о в. Уж чего другого, а шику довольно.

К н у р о в. Дешево пароход-то покупаете?

В о ж е в а т о в. Дешево, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Да, разумеется; а то что за расчет покупать. Зачем он продает?

В о ж е в а т о в. Знать, выгоды не находит.

К н у р о в. Конечно, где ж ему! Не барское это дело. Вот вы выгоду найдете, коли дешево-то купите.

В о ж е в а т о в. Нам кстати: у нас на низу грузу много.

К н у р о в. Не деньги ль понадобились... он ведь мотоват.

В о ж е в а т о в. Его дело. Деньги у нас готовы.

К н у р о в. Да, с деньгами можно дела делать, можно. *(С улыбкой.)* Хорошо тому, Василий Данилыч, у кого денег-то много.

В о ж е в а т о в. Дурно ли дело! Вы сами, Мокий Парменыч, это лучше всякого знаете.

К н у р о в. Знаю, Василий Данилыч, знаю.

В о ж е в а т о в. Не выпьем ли холодненького, Мокий Парменыч?

К н у р о в. Что вы, утром-то! Я еще не завтракал...

В о ж е в а т о в. Ничего-с. Мне один англичанин — он директор на фабрике — говорил, что от насморка хорошо шампанское натощак пить. А я вчера простудился немного.

К н у р о в. Каким образом? Такое тепло стоит.

В о ж е в а т о в. Да все им же и простудился: холодно очень подали.

К н у р о в. Нет, что хорошего; люди посмотрят, скажут: ни свет ни заря — шампанское пьют.

В о ж е в а т о в. А чтоб люди чего дурного не сказали, так мы станем чай пить.

К н у р о в. Ну, чай — другое дело.

В о ж е в а т о в *(Гавриле)*. Гаврило, дай-ка нам чайку моего, понимаешь?.. *Моего!*

Г а в р и л о. Слушаю-с. *(Уходит.)*

К н у р о в. Вы разве особенный какой пьете?

В о ж е в а т о в. Да все то же шампанское, только в чайники он разольет и стаканы с блюдечками подаст.

К н у р о в. Остроумно.

В о ж е в а т о в. Нужда-то всему научит, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Едете в Париж-то, на выставку?

В о ж е в а т о в. Вот куплю пароход да отправлю его вниз за грузом и поеду.

К н у р о в. И я на днях: уж меня ждут.

Г а в р и л о приносит на подносе два чайника с шампанским и два стакана.

В о ж е в а т о в *(наливая)*. Слышали новость, Мокий Парменыч? Лариса Дмитриевна замуж выходит.

К н у р о в. Как замуж? Что вы! За кого?

В о ж е в а т о в. За Карандышева.

К н у р о в. Что за вздор такой! Вот фантазия! Ну, что такое Карандышев! Не пара ведь он ей, Василий Данилыч!

В о ж е в а т о в. Какая уж пара! Да что ж делать-то, где взять женихов-то? Ведь она бесприданница.

К н у р о в. Бесприданницы-то и находят женихов хороших.

В о ж е в а т о в. Не то время. Прежде женихов-то много было, так и на бесприданниц хватало; а теперь женихов-то в самый обрез; сколько приданых, столько и женихов, лишних нет — бесприданницам-то и недостает. Разве бы Харита Игнатьевна отдала за Карандышева, кабы лучше были.

К н у р о в. Бойкая женщина.

В о ж е в а т о в. Она, должно быть, не русская.

К н у р о в. Отчего?

В о ж е в а т о в. Уж очень проворна.

К н у р о в. Как это она оплошала? Огудаловы все-таки фамилия порядочная, и вдруг за какого-то Карандышева!.. Да с ее-то ловкостью... всегда полон дом холостых...

В о ж е в а т о в. Ездить-то к ней — все ездят,— потому что весело очень: барышня хорошенькая, играет на разных инструментах, поет, обращение свободное, оно и тянет... Ну, а жениться-то надо подумавши.

К н у р о в. Ведь выдала же она двух.

В о ж е в а т о в. Выдать-то выдала, да надо их спросить, сладко ли им жить-то. Старшую увез какой-то горец, кавказский князек. Вот потеха-то была... Как увидал, затрясся, заплакал даже — так две недели и стоял подле нее, за кинжал держался да глазами сверкал, чтоб не подходил никто. Женился и уехал, да, говорят, не довез до Кавказа-то, зарезал на дороге от ревности. Другая тоже за какого-то иностранца вышла, а он после оказался совсем не иностранец, а шулер.

К н у р о в. Огудалова разочла не глупо: состояние небольшое, давать приданое не из чего, так она живет открыто, всех принимает.

В о ж е в а т о в. Любит и сама пожить весело. А средства у нее так невелики, что даже и на такую жизнь недостает.

К н у р о в. Где же она берет?

В о ж е в а т о в. Женихи платятся. Как кому понравилась дочка, так и раскошеливайся... Потом на приданое возьмет с жениха, а приданого не спрашивай.

К н у р о в. Ну, я думаю, не одни женихи платятся, а и вам, например, частое посещение этого семейства недешево обходится.

В о ж е в а т о в. Не разорюсь, Мокий Парменыч! Что ж делать, за удовольствия платить надо: они даром не достаются; а бывать у них в доме большое удовольствие.

К н у р о в. Действительно, удовольствие, это вы правду говорите.

В о ж е в а т о в. А сами почти никогда не бываете.

К н у р о в. Да неловко: много у них всякого сброду бывает, потом встречаются, кланяются, разговаривать лезут. Вот, например, Карандышев, ну, что за знакомство для меня!

В о ж е в а т о в. Да, у них в доме на базар похоже.

К н у р о в. Ну, что хорошего! Тот лезет к Ларисе Дмитриевне с комплиментами, другой с нежностями, так и жужжат, не дают с ней слова сказать. Приятно с ней одной почаще видеться — без помехи.

В о ж е в а т о в. Жениться надо.

К н у р о в. Жениться! Не всякому можно, да не всякий и захочет; вот я, например, женатый.

В о ж е в а т о в. Так уж нечего делать... Хорош виноград, да зелен, Мокий Парменыч.

К н у р о в. Вы думаете?

В о ж е в а т о в. Видимое дело. Не таких правил люди: мало ль случаев-то было, да вот не польстились, хоть за Карандышева, да замуж.

К н у р о в. А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку.

В о ж е в а т о в. Да, не скучно будет, прогулка приятная. Какие у вас планы-то, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Да и у вас этих планов-то не было ли тоже?

В о ж е в а т о в. Где мне! Я простоват на такие дела. Смелости у меня с женщинами нет: воспитание, знаете ли, такое, уж очень нравственное, патриархальное получил.

К н у р о в. Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость — великое дело. Да и денег не пожалеете; дешево па-

роход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле «Ласточки» обошлось бы.

В о ж е в а т о в. Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч! Я хоть молод, а не зарвусь: лишнего не передам.

К н у р о в. Не ручайтесь! Долго ли с вашими летами влюбиться; а уж тогда какие расчеты!

В о ж е в а т о в. Нет, как-то я, Мокий Парменыч, в себе этого совсем не замечаю.

К н у р о в. Чего?

В о ж е в а т о в. А вот что любовью-то называют.

К н у р о в. Похвально, хорошим купцом будете. А все-таки вы с ней гораздо ближе, чем другие.

В о ж е в а т о в. Да в чем моя близость! Лишний стаканчик шампанского потихоньку от матери иногда налью, песенку выучу, романы вожу, которые девушкам читать не дают.

К н у р о в. Развращаете, значит, понемножку.

В о ж е в а т о в. Да мне что! Я ведь насильно не навязываю... Что ж мне об ее нравственности заботиться! Я не опекун.

К н у р о в. Я все удивляюсь, неужели у Ларисы Дмитриевны, кроме Карандышева, женихов не было?

В о ж е в а т о в. Были; да ведь она простовата.

К н у р о в. Как простовата? То есть глупа?

В о ж е в а т о в. Не глупа, а хитрости нет, не в матушку. У той все хитрость да лесть, а эта вдруг, ни с того ни с сего, и скажет, что не надо.

К н у р о в. То есть правду?

В о ж е в а т о в. Да, правду; а бесприданницам так нельзя. К кому расположена, нисколько этого не скрывает. Вот Сергей Сергеич Паратов в прошлом году появился, наглядеться на него не могла, а он месяца два поездил, женихов всех отбил, да и след его простыл, исчез неизвестно куда.

К н у р о в. Что ж с ним сделалось?

В о ж е в а т о в. Кто его знает; ведь он мудреный какой-то. А уж как она его любила, чуть не умерла с горя. Какая чувствительная! *(Смеется.)* Бросилась за ним догонять, уж мать со второй станции воротила.

К н у р о в. А после Паратова были женихи?

В о ж е в а т о в. Набегали двое: старик какой-то с подагрой да разбогатевший управляющий какого-то князя, вечно пьяный. Уж Ларисе и не до них, а любезничать надо было: маменька приказывает.

К н у р о в. Однако положение ее незавидное.

В о ж е в а т о в. Да, смешно даже. У ней иногда слезинки на глазах, видно, поплакать задумала, а маменька улыбаться

велит. Потом вдруг проявился этот кассир. Вот бросал деньгами-то, так и засыпал Хариту Игнатьевну. Отбил всех, да недолго покуражился: у них в доме его и арестовали. Скандалище здоровый! *(Смеется.)* С месяц Огудаловым никуда глаз показать было нельзя. Тут уж Лариса наотрез матери объявила: «Довольно, говорит, с нас сраму-то; за первого пойду, кто посватается, богат ли, беден ли, разбирать не буду». А Карандышев и тут как тут с предложением.

К н у р о в. Откуда взялся этот Карандышев?

В о ж е в а т о в. Он давно у них в доме вертится, года три. Гнать не гнали, а и почету большого не было. Когда перемежка случалась, никого из богатых женихов в виду не было, так и его придерживали, слегка приглашивали, чтоб не совсем пусто было в доме. А как, бывало, набежит какой-нибудь богатенький, так просто жалость было смотреть на Карандышева; и не говорят с ним, и не смотрят на него. А он-то, в углу сидя, разные роли разыгрывает, дикие взгляды бросает, отчаянным прикидывается. Раз застрелиться хотел, да не вышло ничего, только насмешил всех... А то вот потеха-то: был у них как-то, еще при Паратове, костюмированный вечер; так Карандышев оделся разбойником; взял в руки топор и бросал на всех зверские взгляды, особенно на Сергея Сергеича.

К н у р о в. И что же?

В о ж е в а т о в. Топор отняли и переодеться велели; а то, мол, пошел вон!

К н у р о в. Значит, он за постоянство награжден. Рад, я думаю.

В о ж е в а т о в. Еще как рад-то, сияет, как апельсин. Что смеху-то! Ведь он у нас чудак. Ему бы жениться поскорей да уехать в свое именьишко, пока разговоры утихнут, так и Огудаловым хотелось; а он таскает Ларису на бульвар, ходит с ней под руку, голову так высоко поднял, что, того гляди, наткнется на кого-нибудь. Да еще очки надел зачем-то, а никогда их не носил. Кланяется — едва кивает; тон какой взял; прежде и не слыхать его было, а теперь все «я да я, я хочу, я желаю».

К н у р о в. Как мужик русский: мало радости, что пьян, надо поломаться, чтоб все видели. Поломается, поколотят его раза два, ну он и доволен, и идет спать.

В о ж е в а т о в. Да, кажется, и Карандышеву не миновать.

К н у р о в. Бедная девушка; как она страдает, на него глядя, я думаю.

В о ж е в а т о в. Квартиру свою вздумал отделывать, вот чудит-то. В кабинете ковер грошовый на стену прибил, кинжалов,

пистолетов тульских навешал: уж диви бы охотник, а то и ружье-то никогда в руки не брал. Тащит к себе, показывает; надо хвалить, а то обидишь — человек самолюбивый, завистливый. Лошадь из деревни выписал, клячу какую-то разношерстную; кучер маленький, а кафтан на нем с большого. И возит на этом верблюде-то Ларису Дмитриевну; сидит так гордо, будто на тысячных рысаках едет. С бульвара выходит, так кричит городовому: «Прикажи подавать мой экипаж!» Ну, и подъезжает этот экипаж с музыкой, все винты, все гайки дребезжат на разные голоса, а рессоры-то трепещутся, как живые.

Кнуров. Жаль бедную Ларису Дмитриевну, жаль...

Вожеватов. Что это вы очень жалостливы стали?

Кнуров. Да разве вы не видите, что эта женщина создана для роскоши. Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует.

Вожеватов. И хорошего ювелира.

Кнуров. Совершенную правду вы сказали. Ювелир — не простой мастеровой, он должен быть художником. В нищенской обстановке, да еще за дураком мужем, она или погибнет, или опошлится.

Вожеватов. А я так думаю, что бросит она его скорехонько. Теперь еще она как убитая; а вот оправится да поглядит на мужа попристальнее, каков он... *(Тихо.)* Вот они, легки на помине-то...

Входят Карандышев, Огудалова, Лариса. Вожеватов встает и кланяется, Кнуров вынимает газету.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кнуров, Вожеватов, Карандышев, Огудалова; Лариса в глубине садится на скамейку у решетки и смотрит в бинокль за Волгу. Гаврило, Иван.

Огудалова *(подходя к столу)*. Здравствуйте, господа!

Карандышев подходит за ней. Вожеватов подает руку Огудаловой и Карандышеву. Кнуров, молча и не вставая с места, подает руку Огудаловой, слегка кивает Карандышеву и погружается в чтение газеты.

Вожеватов. Харита Игнатьевна, присядьте, милости просим! *(Подвигает стул.)*

Огудалова садится.

Чайку не прикажете ли?

Карандышев садится поодаль.

Огудалова. Пожалуй, чашку выпью.

Вожеватов. Иван, подай чашку да прибавь кипяточку!

Иван берет чайник и уходит.

Карандышев. Что за странная фантазия пить чай в это время? Удивляюсь.

Вожеватов. Жажда, Юлий Капитоныч, а что пить — не знаю. Посоветуйте — буду очень благодарен.

Карандышев *(смотрит на часы)*. Теперь полдень, можно выпить рюмочку водки, съесть котлетку, выпить стаканчик вина хорошего,— я всегда так завтракаю.

Вожеватов *(Огудаловой)*. Вот жизнь-то, Харита Игнатьевна, позавидуешь! *(Карандышеву.)* Пожил бы, кажется, хоть денек на вашем месте. Водочки да винца! Нам так нельзя-с, пожалуй, разум потеряешь. Вам можно все: вы капиталу не проживаете, потому его нет, а уж мы такие горькие зародились на свет, у нас дела очень велики, так нам разума-то терять и нельзя.

Иван подает чайник и чашку.

Пожалуйте, Харита Игнатьевна! *(Наливает и подает чашку.)* Я и чай-то холодный пью, чтобы люди не сказали, что я горячие напитки употребляю.

Огудалова. Чай-то холодный, только, Вася, ты мне крепко налил.

Вожеватов. Ничего-с. Выкушайте, сделайте одолжение! На воздухе не вредно.

Карандышев *(Ивану)*. Приходи ко мне сегодня служить за обедом.

Иван. Слушаю-с, Юлий Капитоныч!

Карандышев. Ты, братец, почище оденься.

Иван. Известно дело, фрак; нешто не понимаем-с.

Карандышев. Василий Данилыч, вот что: приезжайте-ка вы ко мне обедать сегодня!

Вожеватов. Покорно благодарю... Мне тоже во фраке прикажете?

Карандышев. Как вам угодно, не стесняйтесь. Однако дамы будут.

Вожеватов *(кланяясь)*. Слушаю-с. Надеюсь не уронить себя.

Карандышев *(переходит к Кнурову)*. Мокий Парменыч, не угодно ли вам будет сегодня отобедать у меня?

Кнуров *(с удивлением оглядывает его)*. У вас?

Огудалова. Мокий Парменыч, это все равно, что у нас,— этот обед для Ларисы.

К н у р о в. Да, так это вы приглашаете? Хорошо, я приеду.

К а р а н д ы ш е в. Так уж я буду надеяться.

К н у р о в. Уж я сказал, что приеду. *(Читает газету.)*

О г у д а л о в а. Юлий Капитоныч мой будущий зять, я выдаю за него Ларису.

К н у р о в *(продолжая читать)*. Это ваше дело.

К а р а н д ы ш е в. Да-с, Мокий Парменыч, я рискнул. Я вообще всегда был выше предрассудков...

Кнуров закрывается газетой.

В о ж е в а т о в *(Огудаловой)*. Мокий Парменыч строг...

К а р а н д ы ш е в *(отходя от Кнурова к Вожеватову)*. Я желаю, чтоб Ларису Дмитриевну окружали только избранные люди.

В о ж е в а т о в. Значит, и я к избранному обществу принадлежу? Благодарю, не ожидал. *(Гавриле.)* Гаврило, сколько с меня за чай?

Г а в р и л о. Две порции изволили спрашивать?

В о ж е в а т о в. Да, две порции.

Г а в р и л о. Так уж сами знаете, Василий Данилыч, не в первый раз... Тринадцать рублей-с...

В о ж е в а т о в. То-то, я думал, что подешевле стало.

Г а в р и л о. С чего дешевле-то быть? Курсы, пошлина, помилуйте!

В о ж е в а т о в. Да ведь я не спорю с тобой, что ты пристаешь! Получай деньги и отстань! *(Отдает деньги.)*

К а р а н д ы ш е в. За что так дорого, я не понимаю.

Г а в р и л о. Кому дорого, а кому нет... Вы такого чаю не кушаете.

О г у д а л о в а *(Карандышеву)*. Перестаньте вы, не мешайтесь не в свое дело!

И в а н. Василий Данилыч, «Ласточка» подходит.

В о ж е в а т о в. Мокий Парменыч, «Ласточка» подходит, не угодно ли взглянуть? Мы вниз не пойдем, с горы посмотрим.

К н у р о в. Пойдемте. Любопытно. *(Встает.)*

О г у д а л о в а. Вася, я доеду на твоей лошади.

В о ж е в а т о в. Поезжайте, только пришлите поскорей! *(Подходит к Ларисе и говорит с ней тихо.)*

О г у д а л о в а *(подходит к Кнурову)*. Мокий Парменыч, затеяли мы свадьбу, так не поверите, сколько хлопот...

К н у р о в. Да...

О г у д а л о в а. И вдруг такие расходы, которых никак нельзя было ожидать... Вот завтра рожденье Ларисы, хотелось бы что-нибудь подарить...

К н у р о в. Хорошо, я к вам заеду.

Огудалова уходит.

Л а р и с а *(Вожеватову)*. До свидания, Вася!

Вожеватов и Кнуров уходят. Лариса подходит к Карандышеву.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К а р а н д ы ш е в, Л а р и с а.

Л а р и с а. Я сейчас все за Волгу смотрела; как там хорошо, на той стороне! Поедемте поскорей в деревню!

К а р а н д ы ш е в. Вы за Волгу смотрели. А что с вами Вожеватов говорил?

Л а р и с а. Ничего, так, пустяки какие-то. Меня так и манит за Волгу, в лес... *(Задумчиво.)* Уедемте, уедемте отсюда!

К а р а н д ы ш е в. Однако это странно! Об чем он мог с вами разговаривать?

Л а р и с а. Ах, да об чем бы он ни говорил, что вам за дело!

К а р а н д ы ш е в. Называете его Васей. Что за фамильярность с молодым человеком?

Л а р и с а. Мы с малолетства знакомы; еще маленькие играли вместе; ну, я и привыкла.

К а р а н д ы ш е в. Вам надо старые привычки бросить. Что за короткость с пустым, глупым мальчиком. Нельзя же терпеть того, что у вас до сих пор было.

Л а р и с а *(обидясь)*. У нас ничего дурного не было.

К а р а н д ы ш е в. Был цыганский табор-с, вот что было.

Лариса утирает слезы.

Чем же вы обиделись, помилуйте!

Л а р и с а. Что ж, может быть, и цыганский табор; только в нем было, по крайней мере, весело. Сумеете ли вы дать мне что-нибудь лучше этого табора?

К а р а н д ы ш е в. Уж конечно.

Л а р и с а. Зачем вы постоянно попрекаете меня этим табором? Разве мне самой такая жизнь нравилась? Мне было приказано, так нужно было маменьке, значит, волей или неволей, я должна была вести такую жизнь... Колоть беспрестанно мне глаза цыганской жизнью или глупо, или безжалостно. Если б я не искала тишины, уединения, не захотела бежать от людей, разве бы я пошла за вас? Так умейте это понять и не приписывать моего выбора своим достоинствам, я их еще не вижу. Я еще только хочу полюбить вас, меня манит скромная, семейная жизнь, она мне кажется каким-то раем. Вы видите, я стою на распутье: поддержи-

те меня, мне нужно ободрение, сочувствие; относитесь ко мне нежно, с лаской! Ловите эти минуты и не пропустите их!

Карандышев. Лариса Дмитриевна, я совсем не хотел вас обидеть, это я сказал так.

Лариса. Что значит «так»? То есть не подумавши; вы не понимаете, что в ваших словах обида, так, что ли?

Карандышев. Конечно, я без умыслу.

Лариса. Так это еще хуже. Надо думать, о чем говоришь. Болтайте с другими, если вам нравится, а со мной говорите осторожнее. Разве вы не видите, что положение мое очень серьезно? Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сделалась очень чутка и впечатлительна.

Карандышев. В таком случае, я прошу извинить меня.

Лариса. Да бог с вами, только вперед будьте осторожнее! *(Задумчиво.)* Цыганский табор... Да, это, пожалуй, правда... но в этом таборе были и хорошие, и благородные люди.

Карандышев. Кто же эти благородные люди? Уж не Сергей ли Сергеич Паратов?

Лариса. Нет, я прошу вас, вы не говорите о нем.

Карандышев. Да почему же-с?

Лариса. Вы его не знаете, да хоть бы и знали, так... извините, не вам о нем судить.

Карандышев. Об людях судят по поступкам. Разве он хорошо поступил с вами?

Лариса. Это уж мое дело. Если я боюсь и не смею осуждать его, так не позволю и вам.

Карандышев. Лариса Дмитриевна, скажите мне, только, прошу вас, говорите откровенно!

Лариса. Что вам угодно?

Карандышев. Ну, чем я хуже Паратова?

Лариса. Ах, нет, оставьте.

Карандышев. Позвольте, отчего же?

Лариса. Не надо, не надо! Что за сравнения!

Карандышев. А мне бы интересно было слышать от вас.

Лариса. Не спрашивайте, не нужно!

Карандышев. Да почему же?

Лариса. Потому что сравнение не будет в вашу пользу. Сами по себе вы что-нибудь значите: вы хороший, честный человек, но от сравнения с Сергеем Сергеичем вы теряете все.

Карандышев. Ведь это только слова, нужны доказательства. Вы разберите нас хорошенько.

Лариса. С кем вы равняетесь? Возможно ли такое ослепление... Сергей Сергеич... это идеал мужчины. Вы понимаете, что

такое идеал? Быть может, я ошибаюсь, я еще молода, не знаю людей; но это мнение изменить во мне нельзя, оно умрет со мною!

Карандышев. Не понимаю-с, не понимаю, что в нем особенного; ничего, ничего не вижу. Смелость какая-то, дерзость... Да это всякий может, если захочет.

Лариса. Да вы знаете, какая это смелость?

Карандышев. Да какая ж такая, что тут необыкновенного? Стоит только напустить на себя.

Лариса. А вот какая, я вам расскажу один случай. Проезжал здесь один кавказский офицер, знакомый Сергея Сергеича, отличный стрелок; были они у нас, Сергей Сергеич и говорит: «Я слышал, вы хорошо стреляете».— «Да, недурно»,— говорит офицер. Сергей Сергеич дает ему пистолет, ставит себе стакан на голову и отходит в другую комнату, шагов на двенадцать. «Стреляйте»,— говорит.

Карандышев. И он стрелял?

Лариса. Стрелял и, разумеется, сшиб стакан, но только побледнел немного. Сергей Сергеич говорит: «Вы прекрасно стреляете, но вы побледнели, стреляя в мужчину и человека вам не близкого. Смотрите, я буду стрелять в девушку, которая для меня дороже всего на свете, и не побледнею». Дает мне держать какую-то монету, равнодушно, с улыбкой, стреляет на таком же расстоянии и выбивает ее.

Карандышев. И вы послушали его?

Лариса. Да разве можно его не послушать?

Карандышев. Разве уж вы были так уверены в нем?

Лариса. Что вы? Да разве можно быть в нем неуверенной?

Карандышев. Сердца нет, оттого он так и смел.

Лариса. Нет, и сердце есть. Я сама видела, как он помогал бедным, как отдавал все деньги, которые были с ним.

Карандышев. Ну, положим, Паратов имеет какие-нибудь достоинства, по крайней мере, в глазах ваших; а что такое этот купчик Вожеватов, этот ваш Вася?

Лариса. Вы не ревновать ли? Нет, уж вы эти глупости оставьте. Это пошло, я не переношу этого, я вам заранее говорю. Не бойтесь, я не люблю и не полюблю никого.

Карандышев. А если б явился Паратов?

Лариса. Разумеется, если б явился Сергей Сергеич и был свободен, так довольно одного его взгляда... Успокойтесь, он не явился, а теперь хоть и явится, так уж поздно. Вероятно, мы никогда и не увидимся более.

На Волге пушечный выстрел.

Что это?

К а р а н д ы ш е в. Какой-нибудь купец-самодур слезает с своей баржи, так в честь его салютуют.

Л а р и с а. Ах, как я испугалась!

К а р а н д ы ш е в. Чего, помилуйте!

Л а р и с а. У меня нервы расстроены. Я сейчас с этой скамейки вниз смотрела, и у меня закружилась голова. Тут можно очень ушибиться?

К а р а н д ы ш е в. Ушибиться! Тут верная смерть: внизу мощено камнем. Да впрочем, тут так высоко, что умрешь прежде, чем долетишь до земли.

Л а р и с а. Пойдемте домой, пора!

К а р а н д ы ш е в. Да и мне нужно: у меня ведь обед.

Л а р и с а *(подойдя к решетке)*. Подождите немного. *(Смотрит вниз.)* Ай, ай, держите меня!

К а р а н д ы ш е в *(берет Ларису за руку)*. Пойдемте, что за ребячество!

Уходят.

Г а в р и л о, И в а н выходят из кофейной.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г а в р и л о, И в а н.

И в а н. Пушка! Барин приехал, барин приехал, Сергей Сергеич.

Г а в р и л о. Я говорил, что он. Уж я знаю: видно сокола по полету.

И в а н. Коляска пустая в гору едет, значит, господа пешком идут... Да вон они! *(Убегает в кофейную.)*

Г а в р и л о. Милости просим. Чем только их потчевать-то, не сообразишь.

Входят П а р а т о в (черный однобортный сюртук в обтяжку, высокие лаковые сапоги, белая фуражка, через плечо дорожная сумка), Р о б и н з о н (в плаще, правая пола закинута на левое плечо, мягкая высокая шляпа надета набок), К н у р о в, В о ж е в а т о в. И в а н выбегает из кофейной с веничком и бросается обметать Паратова.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

П а р а т о в, Р о б и н з о н, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Г а в р и л о, И в а н.

П а р а т о в *(Ивану)*. Да что ты! Я с воды... на Волге-то не пыльно.

И в а н. Все-таки, сударь, нельзя же... порядок требует. Целый год-то вас не видали, да чтобы... с приездом, сударь...

П а р а т о в. Ну, хорошо, спасибо! На! *(Дает ему рублевую бумажку.)*

И в а н. Покорнейше благодарим-с. *(Отходит.)*

П а р а т о в. Так вы меня, Василий Данилыч, с «Самолетом» ждали?

В о ж е в а т о в. Да ведь я не знал, что вы на своей «Ласточке» прилетите; я думал, что она с баржами идет.

П а р а т о в. Нет, я баржи продал. Я думал нынче рано утром приехать, мне хотелось обогнать «Самолет», да трус машинист. Кричу кочегарам: «Шуруй!» — а он у них дрова отнимает. Вылез из своей мурьи: «Если вы, говорит, хоть полено еще подкинете, я за борт выброшусь». Боялся, что котел не выдержит, цифры мне какие-то на бумажке выводил, давление рассчитывал. Иностранец, голландец он, душа коротка; у них арифметика вместо души-то. А я, господа, и позабыл познакомить вас с моим другом. Мокий Парменыч, Василий Данилыч, рекомендую — Робинзон.

Робинзон важно раскланивается и подает руку Кнурову и Вожеватову.

В о ж е в а т о в. А как их по имени и отчеству?

П а р а т о в. Так, просто, Робинзон, без имени и отчества.

Р о б и н з о н *(Паратову)*. Серж!

П а р а т о в. Что тебе?

Р о б и н з о н. Полдень, мой друг, я стражду.

П а р а т о в. А вот погоди, в гостиницу приедем.

Р о б и н з о н *(показывая на кофейную)*. Voilà![1]

П а р а т о в. Ну, ступай, черт с тобой!

Робинзон идет в кофейную.

Гаврило, ты этому барину больше одной рюмки не давай; он характера непокойного.

Р о б и н з о н *(пожимая плечами)*. Серж! *(Уходит в кофейную, Гаврило за ним.)*

П а р а т о в. Это, господа, провинциальный актер, Счастливцев Аркадий.

В о ж е в а т о в. Почему же он Робинзон?

П а р а т о в. А вот почему: ехал он на каком-то пароходе, уж не знаю, с другом своим, с купеческим сыном Непутевым, разумеется, оба пьяные, до последней возможности. Творили они, что только в голову придет, публика все терпела. Наконец, в довершение безобразия, придумали драматическое представление: разделись, разрезали подушку, вывалялись в пуху и начали изо-

[1] Вот! *(франц.)*

бражать диких; тут уж капитан, по требованию пассажиров, и высадил их на пустой остров. Бежим мы мимо этого острова, гляжу, кто-то взывает, поднявши руки кверху. Я сейчас «стоп», сажусь сам в шлюпку и обретаю артиста Счастливцева. Взяв его на пароход, одел с ног до головы в свое платье, благо у меня много лишнего. Господа, я имею слабость к артистам... Вот почему он Робинзон.

Вожеватов. А Непутевый на острове остался?

Паратов. Да, на что он мне; пусть проветрится. Сами посудите, господа, ведь в дороге скука смертная, всякому товарищу рад.

Кнуров. Еще бы, конечно.

Вожеватов. Это такое счастье, такое счастье! Вот находка-то золотая!

Кнуров. Одно только неприятно: пьянством одолеет.

Паратов. Нет, со мной, господа, нельзя, я строг на этот счет. Денег у него нет, без моего разрешения давать не велено, а у меня как попросит, так ему в руки французские разговоры, на счастье нашлись у меня; изволь прежде страницу выучить, без того не дам... Ну и учит сидит. Как старается!

Вожеватов. Эко вам счастье, Сергей Сергеич! Кажется, ничего б не пожалел за такого человека, а нет как нет. Он хороший актер?

Паратов. Ну, нет, какой хороший! Он все амплуа прошел и в суфлерах был; а теперь в оперетках играет. Ничего, так себе, смешит.

Вожеватов. Значит, веселый?

Паратов. Потешный господин.

Вожеватов. А пошутить с ним можно?

Паратов. Ничего, он не обидчив... Вот отводите свою душу, могу его вам дня на два, на три предоставить.

Вожеватов. Очень благодарен. Коли придет по нраву, так не останется в накладе.

Кнуров. Как это вам, Сергей Сергеич, не жаль «Ласточку» продавать?

Паратов. Что такое «жаль», этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

Вожеватов. Приданое хорошее.

Паратов. Но достается оно мне не дешево; я должен проститься с моей свободой, с моей веселой жизнью. Поэтому надо постараться как можно повеселее провести последние дни.

В о ж е в а т о в. Будем стараться, Сергей Сергеич, будем стараться.

П а р а т о в. Отец моей невесты важный чиновный господин, старик строгий: он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем; даже не любит, кто много курит табаку. Тут уж надевай фрак и parlez français![1] Вот я теперь и практикуюсь с Робинзоном. Только он, для важности, что ли, уж не знаю, зовет меня: «ля Серж», а не просто «Серж». Умора!

На крыльце кофейной показывается Р о б и н з о н, что-то жует, за ним Г а в р и л о.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

П а р а т о в, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Р о б и н з о н, Г а в р и л о, И в а н.

П а р а т о в *(Робинзону)*. Que faites-vous là? Venez![2]

Р о б и н з о н *(с важностью)*. Comment?[3]

П а р а т о в. Что за прелесть! Каков тон, господа? *(Робинзону.)* Оставь ты эту вашу скверную привычку бросать порядочное общество для трактира.

В о ж е в а т о в. Да, это за ними водится.

Р о б и н з о н. Ля Серж, ты уж успел... Очень нужно было.

П а р а т о в. Да, извини, я твой псевдоним раскрыл.

В о ж е в а т о в. Мы, Робинзон, тебя не выдадим, ты у нас так за англичанина и пойдешь.

Р о б и н з о н. Как, сразу на «ты»? Мы с вами брудершафт не пили.

В о ж е в а т о в. Это все равно... Что за церемонии!

Р о б и н з о н. Но я фамильярности не терплю и не позволяю всякому...

В о ж е в а т о в. Да я не всякий...

Р о б и н з о н. А кто же вы?

В о ж е в а т о в. Купец.

Р о б и н з о н. Богатый?

В о ж е в а т о в. Богатый.

Р о б и н з о н. И тороватый?

В о ж е в а т о в. И тороватый.

Р о б и н з о н. Вот это в моем вкусе. *(Подает руку Вожеватову.)* Очень приятно. Вот теперь я могу тебе позволить обращаться со мной запросто.

---

[1] говорите по-французски! *(франц.)*

[2] Что вы там делаете? Идете сюда! *(франц.)*

[3] Как? *(франц.)*

В о ж е в а т о в. Значит, приятели: два тела — одна душа.

Р о б и н з о н. И один карман. Имя, отчество? То есть одно имя, отчества не надо.

В о ж е в а т о в. Василий Данилыч.

Р о б и н з о н. Так вот, Вася, для первого знакомства заплати за меня.

В о ж е в а т о в. Гаврило, запиши! Сергей Сергеич, мы нынче вечером прогулочку сочиним за Волгу. На одном катере цыгане, на другом — мы; приедем, усядемся на коврике, жженочку сварим.

Г а в р и л о. А у меня, Сергей Сергеич, два ананасика давно вас дожидаются, надо их нарушить для вашего приезда.

П а р а т о в *(Гавриле)*. Хорошо, срежь! *(Вожеватову.)* Делайте, господа, со мной что хотите.

Г а в р и л о. Да уж я, Василий Данилыч, все заготовлю, что требуется; у меня и кастрюлечка серебряная водится для таких оказий, уж я и своих людей с вами отпущу.

В о ж е в а т о в. Ну, ладно. Чтобы к шести часам все было готово; коли что лишнее припасешь, взыску не будет, а за недостачу ответишь.

Г а в р и л о. Понимаем-с.

В о ж е в а т о в. А назад поедем, на катерах разноцветные фонарики зажжем.

Р о б и н з о н. Давно ли я его знаю, а уж полюбил, господа. Вот чудо-то!

П а р а т о в. Главное, чтоб весело. Я прощаюсь с холостой жизнью, так чтоб было чем ее вспомнить. А откушать сегодня, господа, прошу ко мне.

В о ж е в а т о в. Эка досада! Ведь нельзя, Сергей Сергеич...

К н у р о в. Отозваны мы.

П а р а т о в. Откажитесь, господа!

В о ж е в а т о в. Отказаться-то нельзя: Лариса Дмитриевна выходит замуж, так мы у жениха обедаем.

П а р а т о в. Лариса выходит замуж! *(Задумывается.)* Что ж... Бог с ней!.. Это даже лучше. Я немножко виноват перед ней, то есть так виноват, что не должен бы и носу к ним показывать; ну, а теперь она выходит замуж, значит, старые счеты покончены, и я могу опять явиться, поцеловать ручки у ней и у тетеньки. Я Хариту Игнатьевну, для краткости, тетенькой зову. Ведь я было чуть не женился на Ларисе,— вот бы людей-то насмешил! Да, разыграл было дурака. Замуж выходит... это очень мило с ее стороны; все-таки на душе у меня немного полегче... и дай ей бог здоровья и всякого благополучия! Заеду я к ним, заеду; любопытно, очень любопытно поглядеть на нее.

Вожеватов. Уж наверное, и вас пригласят.

Паратов. Само собой, как же можно без меня!

Кнуров. Я очень рад, все-таки будет с кем хоть слово за обедом перемолвить.

Вожеватов. Там и потолкуем, как нам веселее время провести, может, и еще что придумаем.

Паратов. Да, господа, жизнь коротка, говорят философы, так надо уметь ею пользоваться... N'est ce pas[1], Робинзон?

Робинзон. Вуй[2], ля Серж!

Вожеватов. Постараемся, скучать не будете, на том стоим. Мы третий катер прихватим, полковую музыку посадим.

Паратов. До свидания, господа! Я в гостиницу... Марш, Робинзон!

Робинзон *(поднимая шляпу)*.

Да здравствует веселье!
Да здравствует Услад!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Огудалова.
Лариса.
Карандышев.
Паратов.
Кнуров.
Вожеватов.
Робинзон.
Илья, цыган.
Лакей Огудаловой.

Комната в доме Огудаловой. Две двери: одна, в глубине входная; другая налево (от актеров); направо — окно; мебель приличная; фортепьяно, на нем лежит гитара.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Огудалова одна, подходит к двери налево, с коробочкой в руках.

Огудалова. Лариса, Лариса!

Лариса за сценой: «Я, мама, одеваюсь».

Погляди-ка, какой тебе подарок Вася привез!

Лариса за сценой: «После погляжу!»

[1] Не правда ли *(франц.)*.
[2] Да (от *франц.* oui).

Какие вещи — рублей пятьсот стоят. «Положите, говорит, завтра поутру в ее комнату и не говорите, от кого». А ведь знает, плутишка, что я не утерплю — скажу. Я его просила посидеть, не остался; с каким-то иностранцем ездит, город ему показывает. Да ведь шут он, у него не разберешь, нарочно он или вправду. «Надо, говорит, этому иностранцу все замечательные трактирные заведения показать!» Хотел к нам привезти этого иностранца. *(Взглянув в окно.)* А вот и Мокий Парменыч! Не выходи, я лучше одна с ним потолкую.

Входит Кнуров.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Огудалова, Кнуров.

Кнуров *(в дверях)*. У вас никого нет?

Огудалова. Никого, Мокий Парменыч!

Кнуров *(входит)*. Ну и прекрасно.

Огудалова. На чем записать такое счастие! Благодарна, Мокий Парменыч, очень благодарна, что удостоили. Я так рада, растерялась, право... не знаю, где и посадить вас.

Кнуров. Все равно, сяду где-нибудь. *(Садится.)*

Огудалова. А Ларису извините: она переодевается. Да ведь можно ее поторопить.

Кнуров. Нет, зачем беспокоить!

Огудалова. Как это вы вздумали?

Кнуров. Брожу ведь я много пешком перед обедом-то, ну, вот и зашел.

Огудалова. Будьте уверены, Мокий Парменыч, что мы за особенное счастье поставляем ваш визит; ни с чем этого сравнить нельзя.

Кнуров. Так выдаете замуж Ларису Дмитриевну?

Огудалова. Да, замуж, Мокий Парменыч!

Кнуров. Нашелся жених, который берет без денег?

Огудалова. Без денег, Мокий Парменыч! Где ж нам взять денег-то?

Кнуров. Что ж он, средства имеет большие, жених-то ваш?

Огудалова. Какие средства! Самые ограниченные!

Кнуров. Да... А как вы полагаете, хорошо вы поступили, что отдаете Ларису Дмитриевну за человека бедного?

Огудалова. Не знаю, Мокий Парменыч! Я тут ни при чем: ее воля была.

К н у р о в. Ну, а этот молодой человек, как, по-вашему, хорошо поступает?

О г у д а л о в а. Что ж, я нахожу, что это похвально с его стороны.

К н у р о в. Ничего тут нет похвального, напротив, это непохвально. Пожалуй, с своей точки зрения, он не глуп; что он такое... кто его знает, кто на него обратит внимание! А теперь весь город заговорит про него, он влезает в лучшее общество, он позволяет себе приглашать меня на обед, например... Но вот что глупо: он не подумал или не захотел подумать, как и чем ему жить с такой женой. Вот об чем поговорить нам с вами следует.

О г у д а л о в а. Сделайте одолжение, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Как вы думаете о вашей дочери, что она такое?

О г у д а л о в а. Да уж я не знаю, что и говорить; мне одно осталось: слушать вас.

К н у р о в. Ведь в Ларисе Дмитриевне земного, этого житейского, нет. Ну, понимаете, тривиального, что нужно для бедной семейной жизни?

О г у д а л о в а. Ничего нет, ничего.

К н у р о в. Ведь это эфир?

О г у д а л о в а. Эфир, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Она создана для блеску!

О г у д а л о в а. Для блеску, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Ну, а может ли ваш Карандышев доставить ей этот блеск?

О г у д а л о в а. Нет, где же!

К н у р о в. Бедной полумещанской жизни она не вынесет. Что ж остается ей? Зачахнуть, а потом, как водится,— чахотка.

О г у д а л о в а. Ах, что вы, что вы! Сохрани бог!

К н у р о в. Хорошо, если она догадается поскорее бросить мужа и вернуться к вам.

О г у д а л о в а. Опять беда, Мокий Парменыч, чем мне жить с дочерью!

К н у р о в. Ну, эта беда поправимая. Теплое участие сильного, богатого человека...

О г у д а л о в а. Хорошо, как найдется это участие.

К н у р о в. Надо постараться приобресть. В таких случаях доброго друга, солидного, прочного, иметь необходимо.

О г у д а л о в а. Уж как необходимо-то.

К н у р о в. Вы можете мне сказать, что она еще и замуж-то не вышла, что еще очень далеко то время, когда она может разой-

тись с мужем. Да, пожалуй, может быть, что и очень далеко, а ведь может быть, что и очень близко. Так лучше предупредить вас, чтоб вы еще не сделали какой-нибудь ошибки, чтоб знали, что я для Ларисы Дмитриевны ничего не пожалею... Что вы улыбаетесь?

О г у д а л о в а. Я очень рада, Мокий Парменыч, что вы так расположены к нам.

К н у р о в. Вы, может быть, думаете, что такие предложения не бывают бескорыстны?

О г у д а л о в а. Ах, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Обижайтесь, если угодно, прогоните меня!

О г у д а л о в а *(конфузясь)*. Ах, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Найдите таких людей, которые посулят вам десятки тысяч даром, да тогда и браните меня. Не трудитесь напрасно искать; не найдете. Но я увлекся в сторону, я пришел не для этих разговоров. Что это у вас за коробочка?

О г у д а л о в а. Это я, Мокий Парменыч, хотела дочери подарок сделать...

К н у р о в *(рассматривая вещи)*. Да...

О г у д а л о в а. Да дорого, не по карману.

К н у р о в *(отдает коробочку)*. Ну, это пустяки, есть дела поважнее. Вам нужно сделать для Ларисы Дмитриевны хороший гардероб, то есть мало сказать хороший — очень хороший. Подвенечное платье, ну, и все там, что следует.

О г у д а л о в а. Да, да, Мокий Парменыч.

К н у р о в. Обидно будет видеть, если ее оденут кой-как. Так вы закажите все это в лучшем магазине, да не рассчитывайте и не копейничайте! А счеты пришлите ко мне: я заплачу.

О г у д а л о в а. Право, даже уж и слов-то не подберешь, как благодарить вас.

К н у р о в. Вот зачем, собственно, я зашел к вам. *(Встает.)*

О г у д а л о в а. А все-таки мне завтра хотелось бы дочери сюрприз сделать. Сердце матери, знаете...

К н у р о в *(берет коробочку)*. Ну, что там такое? Что стоит?

О г у д а л о в а. Оцените, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Что тут ценить! Пустое дело! Триста рублей это стоит. *(Достает из бумажника деньги и отдает Огудаловой.)* До свиданья! Я пойду еще побродить... Я нынче на хороший обед рассчитываю. За обедом увидимся. *(Идет к двери.)*

О г у д а л о в а. Очень, очень вам благодарна за все, Мокий Парменыч, за все!

Кнуров уходит. Входит Л а р и с а с корзинкой в руке.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Огудалова, Лариса.

Лариса *(ставит корзинку на стол и рассматривает вещи в коробочке)*. Это Вася-то подарил? Недурно. Какой милый!

Огудалова. «Недурно»! Это очень дорогие вещи. Будто ты не рада?

Лариса. Никакой особенной радости не чувствую.

Огудалова. Ты поблагодари Васю, так шепни ему на ухо: «Благодарю, мол». И Кнурову тоже.

Лариса. А Кнурову за что?

Огудалова. Уж так надо; я знаю, за что.

Лариса. Ах, мама, все-то у тебя секреты да хитрости.

Огудалова. Ну, ну, хитрости! Без хитростей на свете не проживешь.

Лариса *(берет гитару, садится к окну и запевает)*.

Матушка, голубушка, солнышко мое,
Пожалей, родимая, дитятко твое.

Юлий Капитоныч хочет в мировые судьи баллотироваться.

Огудалова. Ну, вот и прекрасно! В какой уезд?

Лариса. В Заболотье.

Огудалова. Ай, в лес ведь это? Что ему вздумалось такую даль?

Лариса. Там кандидатов меньше: наверно выберут.

Огудалова. Что ж, ничего,— и там люди живут.

Лариса. Мне хоть бы в лес, да только поскорей отсюда вырваться.

Огудалова. Да оно и хорошо в захолустье пожить, там и твой Карандышев мил покажется, пожалуй, первым человеком в уезде будет, вот помаленьку и привыкнешь к нему.

Лариса. Да он и здесь хорош; я в нем ничего не замечаю дурного.

Огудалова. Ну, что уж! Такие ль хорошие-то бывают!

Лариса. Конечно, есть и лучше; я сама это очень хорошо знаю.

Огудалова. Есть, да не про нашу честь.

Лариса. Теперь для меня и этот хорош... Да что толковать, дело решенное.

Огудалова. Я ведь только радуюсь, что он тебе нравится. Слава богу! Осуждать его перед тобой я не стану, а и притворяться-то нам друг перед другом нечего — ты сама не слепая.

Лариса. Я ослепла, я все чувства потеряла, да и рада. Давно уж точно во сне вижу, что кругом меня происходит. Нет,

уехать надо, вырваться отсюда. Я стану приставать к Юлию Капитонычу. Скоро и лето пройдет, а я хочу гулять по лесам, собирать ягоды, грибы...

О г у д а л о в а. Вот для чего ты корзиночку-то приготовила. Понимаю теперь. Ты уж и шляпу соломенную с широкими полями заведи, вот и будешь пастушкой.

Л а р и с а. И шляпу заведу. *(Запевает.)*

Не искушай меня без нужды...

Там спокойствие, тишина.

О г у д а л о в а. А вот сентябрь настанет, так не очень тихо будет: ветер-то загудит в окно.

Л а р и с а. Ну, что ж такое?

О г у д а л о в а. Волки завоют на разные голоса.

Л а р и с а. Все-таки лучше, чем здесь. Я, по крайней мере, душой отдохну.

О г у д а л о в а. Да разве я тебя отговариваю? Поезжай, сделай милость, отдыхай душой! Только знай, что Заболотье не Италия. Это я обязана тебе сказать, а то как ты разочаруешься, так меня же будешь винить, что я тебя не предупредила.

Л а р и с а. Благодарю тебя... Но пусть там и дико, и глухо, и холодно; для меня после той жизни, которую я здесь испытала, всякий тихий уголок покажется раем. Что это Юлий Капитоныч медлит, я не понимаю.

О г у д а л о в а. До деревни ль ему! Ему покрасоваться хочется. Да и не удивительно: из ничего, да в люди попал.

Л а р и с а *(напевает)*.

Не искушай меня без нужды...

Экая досада, не налажу никак. *(Взглянув в окно.)* Илья, Илья! Зайди на минутку! Наберу с собой в деревню романсов и буду играть да петь от скуки.

Входит И л ь я.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Огудалова, Лариса, Илья.

И л ь я. С праздником! Дай бог здорово да счастливо! *(Кладет фуражку на стул у двери.)*

Л а р и с а. Илья, наладь мне: «Не искушай меня без нужды». Все сбиваюсь. *(Подает гитару.)*

И л ь я. Сейчас, барышня! *(Берет гитару и подстраивает.)* Хороша песня; она в три голоса хороша, тенор надо: второе колено делает... Больно хорошо. А у нас беда, ах, беда!

О г у д а л о в а. Какая беда?

И л ь я. Антон у нас есть, тенор поет...

О г у д а л о в а. Знаю, знаю.

И л ь я. Один тенор и есть, а то все басы. Какие басы, какие басы! А тенор один Антон!

О г у д а л о в а. Так что ж?

И л ь я. Не годится в хор,— хоть брось.

О г у д а л о в а. Нездоров?

И л ь я. Нет, здоров, совсем невредимый.

О г у д а л о в а. Что же с ним?

И л ь я. Пополам перегнуло набок, совсем углом, так глаголем и ходит... другая неделя... ах, беда! Теперь в хоре всякий лишний человек дорого стоит, а без тенора как быть! К дохтору ходил, дохтор и говорит: «Через неделю, через две отпустит, опять прямой будешь». А нам теперь его надо.

Л а р и с а. Да ты пой!

И л ь я. Сейчас, барышня... Секунда фальшивит. Вот беда, вот беда! В хоре надо браво стоять, а его набок перегнуло.

О г у д а л о в а. От чего это с ним?

И л ь я. От глупости.

О г у д а л о в а. От какой глупости?

И л ь я. Такая есть глупость в нас. Говорил: «Наблюдай, Антон, эту осторожность!» А он не понимает.

О г у д а л о в а. Да и мы не понимаем.

И л ь я. Ну, не вам будь сказано: гулял. Так гулял, так гулял! Я говорю: «Антон, наблюдай эту осторожность!» А он не понимает. Ах, беда, ах, беда! Теперь сто рублей человек сто́ит, вот какое дело у нас, такого барина ждем, а Антона набок свело. Какой прямой цыган был, а теперь кривой! *(Запевает басом.)* «Не искушай...»

Г о л о с в о к н е: «Илья, Илья, ча одари́к! ча сегёр!» [1]

Палсо? Со туке требе? [2]

Г о л о с с у л и ц ы: «Иди, барин приехал!»

Хохавеса! [3]

Г о л о с с у л и ц ы: «Верно приехал!»

---

[1] Поди сюда! иди скорей!
[2] Зачем? Что тебе?
[3] Обманываешь!

Некогда, барышня, барин приехал! *(Кладет гитару и берет фуражку.)*

О г у д а л о в а. Какой барин?

И л ь я. Такой барин, ждем не дождемся: год ждали — вот какой барин! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Огудалова, Лариса.

О г у д а л о в а. Кто ж бы это приехал? Должно быть, богатый и, вероятно, Лариса, холостой, коли цыгане так ему обрадовались. Видно, уж так у цыган и живет. Ах, Лариса, не прозевали ли мы жениха? Куда торопиться-то было?

Л а р и с а. Ах, мама, мало, что ли, я страдала? Нет, довольно унижаться.

О г у д а л о в а. Эко страшное слово сказала: «унижаться»! Испугать, что ли, меня вздумала? Мы люди бедные, нам унижаться-то всю жизнь. Так уж лучше унижаться смолоду, чтоб потом пожить по-человечески.

Л а р и с а. Нет, не могу, тяжело, невыносимо тяжело.

О г у д а л о в а. А легко-то ничего не добудешь, всю жизнь и останешься ничем.

Л а р и с а. Опять притворяться, опять лгать.

О г у д а л о в а. И притворяйся, и лги! Счастье не пойдет за тобой, если сама от него бегаешь.

Входит К а р а н д ы ш е в.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Огудалова, Лариса, Карандышев.

О г у д а л о в а. Юлий Капитоныч, Лариса у нас в деревню собралась, вот и корзинку для грибов приготовила.

Л а р и с а. Да, сделайте для меня эту милость, поедемте поскорей!

К а р а н д ы ш е в. Я вас не понимаю; куда вы торопитесь, зачем?

Л а р и с а. Мне так хочется бежать отсюда.

К а р а н д ы ш е в *(запальчиво)*. От кого бежать? Кто вас гонит? Или вы стыдитесь за меня, что ли?

Л а р и с а *(холодно)*. Нет, я за вас не стыжусь. Не знаю, что дальше будет, а пока вы мне еще повода не подали.

К а р а н д ы ш е в. Так зачем бежать, зачем скрываться от людей? Дайте мне время устроиться, опомниться, прийти в себя! Я рад, я счастлив. Дайте мне возможность почувствовать всю приятность моего положения.

О г у д а л о в а. Повеличаться.

К а р а н д ы ш е в. Да, повеличаться, я не скрываю. Я много, очень много перенес уколов для своего самолюбия, моя гордость не раз была оскорблена; теперь я хочу и вправе погордиться и повеличаться.

Л а р и с а. Вы когда же думаете ехать в деревню?

К а р а н д ы ш е в. После свадьбы когда вам угодно, хоть на другой день. Только венчаться непременно здесь, чтобы не сказали, что мы прячемся, потому что я не жених вам, не пара, а только та соломинка, за которую хватается утопающий.

Л а р и с а. Да ведь последнее-то почти так, Юлий Капитоныч, вот это правда.

К а р а н д ы ш е в *(с сердцем)*. Так правду эту вы знайте про себя! *(Сквозь слезы.)* Пожалейте вы меня хоть сколько-нибудь! Пусть хоть посторонние-то думают, что вы любите меня, что выбор ваш был свободен.

Л а р и с а. Зачем это?

К а р а н д ы ш е в. Как зачем? Разве вы уж совсем не допускаете в человеке самолюбия?

Л а р и с а. Самолюбие! Вы только о себе! Все себя любят! Когде же меня-то будет любить кто-нибудь? Доведете вы меня до погибели?!

О г у д а л о в а. Полно, Лариса, что ты?

Л а р и с а. Мама, я боюсь, я чего-то боюсь. Ну, послушайте; если уж свадьба будет здесь, так, пожалуйста, чтобы поменьше было народу, чтобы как можно тише, скромнее.

О г у д а л о в а. Нет, ты не фантазируй! Свадьба так свадьба! Я Огудалова, я нищенства не допущу. Ты у меня заблестишь так, что здесь и не видывали!

К а р а н д ы ш е в. Да и я ничего не пожалею.

Л а р и с а. Ну, я молчу. Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите.

К а р а н д ы ш е в. Вот и обед сегодня для меня обойдется недешево.

О г у д а л о в а. А этот обед ваш я считаю уж совсем лишним — напрасная трата.

К а р а н д ы ш е в. Да если б он стоил мне вдвое, втрое, я б не пожалел денег.

О г у д а л о в а. Никому он не нужен.

К а р а н д ы ш е в. Мне нужен.

Л а р и с а. Да зачем, Юлий Капитоныч?

К а р а н д ы ш е в. Лариса Дмитриевна, три года я терпел унижения, три года я сносил насмешки прямо в лицо от ваших знакомых, надо же и мне, в свою очередь, посмеяться над ними!

О г у д а л о в а. Что вы еще придумываете! Ссору, что ли, затеять хотите? Так мы с Ларисой и не поедем.

Л а р и с а. Ах, пожалуйста, не обижайте никого.

К а р а н д ы ш е в. Не обижайте! А меня обижать можно? Да успокойтесь, никакой ссоры не будет: все будет очень мирно. Я предложу за вас тост и поблагодарю вас публично за счастие, которое вы делаете мне своим выбором, за то, что вы отнеслись ко мне не так, как другие, что вы оценили меня и поверили в искренность моих чувств. Вот и все, вот и вся моя месть!

О г у д а л о в а. И все это совсем не нужно.

К а р а н д ы ш е в. Нет, уж эти фаты одолели меня своим фанфаронством. Ведь не сами они нажили богатство, что же они им хвастаются. По пятнадцати рублей за порцию чаю бросают!

О г у д а л о в а. Все это вы на бедного Васю нападаете.

К а р а н д ы ш е в. Да не один Вася, все хороши. Вон посмотрите, что в городе делается, какая радость на лицах. Извозчики все повеселели, скачут по улицам, кричат друг другу: «Барин приехал, барин приехал...» Половые в трактирах тоже сияют, выбегают на улицу, из трактира в трактир перекликаются: «Барин приехал, барин приехал!» Цыгане с ума сошли, все вдруг галдят, машут руками. У гостиницы съезд, толпа народу. Сейчас к гостинице четыре цыганки разряженные в коляске подъехали, поздравить с приездом... Чудо, что за картина! А барин-то, я слышал, промотался совсем, последний пароходишко продал. Кто приехал? Промотавшийся кутила, развратный человек, и весь город рад. Хороши нравы!

О г у д а л о в а. Да кто приехал-то?

К а р а н д ы ш е в. Ваш Сергей Сергеич Паратов.

Лариса в испуге встает.

О г у д а л о в а. А, так вот кто!

Л а р и с а. Поедемте в деревню, сейчас поедемте!

К а р а н д ы ш е в. Теперь-то и не нужно ехать.

О г у д а л о в а. Что ты, Лариса, зачем от него прятаться? Он не разбойник!

Л а р и с а. Что вы меня не слушаете! Топите вы меня, толкаете в пропасть.

О г у д а л о в а. Ты сумасшедшая!

К а р а н д ы ш е в. Чего вы боитесь?

Л а р и с а. Я не за себя боюсь.

К а р а н д ы ш е в. За кого же?

Л а р и с а. За вас.

К а р а н д ы ш е в. О, за меня не бойтесь! Я в обиду не дамся. Попробуй он только задеть меня, так увидит...

О г у д а л о в а. Нет, что вы! Сохрани вас бог! Это ведь не Вася. Вы поосторожнее с ним, а то жизни не рады будете.

К а р а н д ы ш е в *(у окна)*. Вот, изволите видеть, к вам подъехал; четыре иноходца в ряд и цыган на козлах с кучером. Какую пыль в глаза пускает. Оно, конечно, никому вреда нет, пусть тешится, а в сущности и гнусно, и глупо.

Л а р и с а *(Карандышеву)*. Пойдемте, пойдемте ко мне в комнату. Мама, прими сюда, пожалуйста, отделайся от его визитов!

Лариса и Карандышев уходят. Входит П а р а т о в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Огудалова, Паратов.

П а р а т о в *(всю сцену ведет в шутливо-серьезном тоне)*. Тетенька, ручку!

О г у д а л о в а *(протягивая руку)*. Ах, Сергей Сергеич! Ах, родной мой!

П а р а т о в. В объятия желаете заключить? Можно! *(Обнимаются и целуются.)*

О г у д а л о в а. Каким ветром занесло? Проездом, вероятно?

П а р а т о в. Нарочно сюда, и первый визит к вам, тетенька!

О г у д а л о в а. Благодарю. Как поживаете, как дела ваши?

П а р а т о в. Гневить бога нечего, тетенька, живу весело, а дела неважны.

О г у д а л о в а *(поглядев на Паратова)*. Сергей Сергеич, скажите, мой родной, что это вы тогда так вдруг исчезли?

П а р а т о в. Неприятную телеграмму получил, тетенька.

О г у д а л о в а. Какую?

П а р а т о в. Управители мои и управляющие свели без меня домок мой в ореховую скорлупку-с. Своими операциями довели было до аукционной продажи мои пароходики и все движимое и недвижимое имение. Так я полетел тогда спасать свои животики-с.

О г у д а л о в а. И, разумеется, все спасли и все устроили.

П а р а т о в. Никак нет-с; устроил, да не совсем, брешь порядочная осталась. Впрочем, тетенька, духу не теряю и веселого расположения не утратил.

О г у д а л о в а. Вижу, что не утратил.

П а р а т о в. На одном потеряем, на другом выиграем, тетенька, вот наше дело какое.

О г у д а л о в а. На чем же вы выиграть хотите? Новые обороты завели?

П а р а т о в. Не нам, легкомысленным джентльменам, новые обороты заводить! За это в долговое отделение, тетенька. Хочу продать свою волюшку.

О г у д а л о в а. Понимаю: выгодно жениться хотите? А во сколько вы цените свою волюшку?

П а р а т о в. В полмиллиона-с.

О г у д а л о в а. Порядочно.

П а р а т о в. Дешевле, тетенька, нельзя-с, расчету нет, себе дороже, сами знаете.

О г у д а л о в а. Молодец мужчина!

П а р а т о в. С тем возьмите.

О г у д а л о в а. Экой сокол! Глядеть на тебя да радоваться.

П а р а т о в. Очень лестно слышать от вас. Ручку пожалуйте. *(Целует руку.)*

О г у д а л о в а. А покупатели, то есть покупательницы-то, есть?

П а р а т о в. Поискать, так найдутся.

О г у д а л о в а. Извините за нескромный вопрос!

П а р а т о в. Коли очень нескромный, так не спрашивайте, я стыдлив.

О г у д а л о в а. Да полно тебе шутить-то! Есть невеста или нет? Коли есть, так кто она?

П а р а т о в. Хоть зарежьте, не скажу.

О г у д а л о в а. Ну, как знаешь.

П а р а т о в. Я бы желал засвидетельствовать свое почтение Ларисе Дмитриевне. Могу я ее видеть?

О г у д а л о в а. Отчего же... Я ее сейчас пришлю к вам. *(Берет футляр с вещами.)* Да вот, Сергей Сергеич, завтра Ларисы рождение, хотелось бы подарить ей эти вещи, да денег много не хватает.

П а р а т о в. Тетенька, тетенька! ведь уж человек с трех взяли? Я тактику-то вашу помню.

О г у д а л о в а *(берет Паратова за ухо)*. Ах ты, проказник!

П а р а т о в. Я завтра сам привезу подарок, получше этого.

О г у д а л о в а. Я позову к вам Ларису. *(Уходит.)*

Входит Л а р и с а.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Паратов, Лариса.

Паратов. Не ожидали?

Лариса. Нет, теперь не ожидала. Я ждала вас долго, но уж давно перестала ждать.

Паратов. Отчего же перестали ждать?

Лариса. Не надеялась дождаться. Вы скрылись так неожиданно, и ни одного письма.

Паратов. Я не писал потому, что не мог сообщить вам ничего приятного.

Лариса. Я так и думала.

Паратов. И замуж выходите?

Лариса. Да, замуж.

Паратов. А позвольте вас спросить, долго вы меня ждали?

Лариса. Зачем вам знать это?

Паратов. Мне не для любопытства, Лариса Дмитриевна, меня интересуют чисто теоретические соображения. Мне хочется знать, скоро ли женщина забывает страстно любимого человека: на другой день после разлуки с ним, через неделю или через месяц... имел ли право Гамлет сказать матери, что она «башмаков еще не износила» и так далее...

Лариса. На ваш вопрос я вам не отвечу, Сергей Сергеич, можете думать обо мне, что вам угодно.

Паратов. Об вас я всегда буду думать с уважением, но женщины вообще, после вашего поступка, много теряют в глазах моих.

Лариса. Да какой мой поступок? Вы ничего не знаете.

Паратов. Эти «кроткие, нежные взгляды», этот сладкий любовный шепот, когда каждое слово чередуется с глубоким вздохом, эти клятвы!.. И все это через месяц повторяется другому, как выученный урок. О, женщины!

Лариса. Что «женщины»?

Паратов. Ничтожество вам имя!

Лариса. Ах, как вы смеете так обижать меня? Разве вы знаете, что я после вас полюбила кого-нибудь? Вы уверены в этом?

Паратов. Я не уверен, но полагаю.

Лариса. Чтобы так жестоко упрекать, надо знать, а не полагать.

Паратов. Вы выходите замуж?

Лариса. Но что меня заставило?.. Если дома жить нельзя, если во время страшной, смертельной тоски заставляют любезничать, улыбаться, навязывают женихов, на которых без отвраще-

ния нельзя смотреть, если в доме скандалы, если надо бежать и из дому, и даже из города?

П а р а т о в. Лариса, так вы?..

Л а р и с а. Что «я»? Ну, что вы хотели сказать?

П а р а т о в. Извините! Я виноват перед вами. Так вы не забыли меня, вы еще... меня любите?

Лариса молчит.

Ну, скажите, будьте откровенны!

Л а р и с а. Конечно, да. Нечего и спрашивать.

П а р а т о в *(нежно целует руку Ларисы)*. Благодарю вас, благодарю.

Л а р и с а. Вам только и нужно было: вы — человек гордый.

П а р а т о в. Уступить вас я могу, я должен по обстоятельствам, но любовь вашу уступить было бы тяжело.

Л а р и с а. Неужели?

П а р а т о в. Если б вы предпочли мне кого-нибудь, вы оскорбили бы меня глубоко, и я нелегко бы простил вам это.

Л а р и с а. А теперь?

П а р а т о в. А теперь я во всю жизнь сохраню самое приятное воспоминание о вас, и мы расстанемся как лучшие друзья.

Л а р и с а. Значит, пусть женщина плачет, страдает, только бы любила вас?

П а р а т о в. Что делать, Лариса Дмитриевна! В любви равенства нет, это уж не мной заведено. В любви приходится иногда и плакать.

Л а р и с а. И непременно женщине?

П а р а т о в. Уж, разумеется, не мужчине.

Л а р и с а. Да почему?

П а р а т о в. Очень просто, потому что если мужчина заплачет, так его бабой назовут, а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобресть ум человеческий.

Л а р и с а. Кабы любовь-то была равная с обеих сторон, так слез-то бы не было. Бывает это когда-нибудь?

П а р а т о в. Изредка случается. Только уж это какое-то кондитерское пирожное выходит, какое-то безе.

Л а р и с а. Сергей Сергеич, я сказала вам то, чего не должна была говорить; я надеюсь, что вы не употребите во зло моей откровенности.

П а р а т о в. Помилуйте, за кого же вы меня принимаете! Если женщина свободна, ну, тогда другой разговор... Я, Лариса Дмитриевна, человек с правилами, брак для меня дело священное. Я этого вольнодумства терпеть не могу. Позвольте узнать: ваш будущий супруг, конечно, обладает многими достоинствами?

Л а р и с а. Нет, одним только.

П а р а т о в. Немного.

Л а р и с а. Зато дорогим.

П а р а т о в. А именно?

Л а р и с а. Он любит меня.

П а р а т о в. Действительно, дорогим; это для домашнего обихода очень хорошо.

Входят О г у д а л о в а и К а р а н д ы ш е в.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

П а р а т о в, Л а р и с а, О г у д а л о в а, К а р а н д ы ш е в, потом л а к е й.

О г у д а л о в а. Позвольте вас познакомить, господа! *(Паратову.)* Юлий Капитоныч Карандышев! *(Карандышеву.)* Сергей Сергеич Паратов!

П а р а т о в *(подавая руку Карандышеву)*. Мы уж знакомы. *(Кланяясь.)* Человек с большими усами и малыми способностями. Прошу любить и жаловать. Старый друг Хариты Игнатьевны и Ларисы Дмитриевны.

К а р а н д ы ш е в *(сдержанно)*. Очень приятно.

О г у д а л о в а. Сергей Сергеич у нас в доме, как родной.

К а р а н д ы ш е в. Очень приятно.

П а р а т о в *(Карандышеву)*. Вы не ревнивы?

К а р а н д ы ш е в. Я надеюсь, что Лариса Дмитриевна не подаст мне никакого повода быть ревнивым.

П а р а т о в. Да ведь ревнивые люди ревнуют без всякого повода.

Л а р и с а. Я ручаюсь, что Юлий Капитоныч меня ревновать не будет.

К а р а н д ы ш е в. Да, конечно, но если бы...

П а р а т о в. О да, да. Вероятно, это было бы что-нибудь очень ужасное.

О г у д а л о в а. Что вы, господа, затеяли! Разве нет других разговоров, кроме ревности!

Л а р и с а. Мы, Сергей Сергеич, скоро едем в деревню.

П а р а т о в. От прекрасных здешних мест?

К а р а н д ы ш е в. Что же вы находите здесь прекрасного?

П а р а т о в. Ведь это как кому; на вкус, на цвет образца нет.

О г у д а л о в а. Правда, правда. Кому город нравится, а кому деревня.

П а р а т о в. Тетенька, у всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой — свиной хрящик.

О г у д а л о в а. Ах, проказник! Откуда вы столько пословиц знаете?

П а р а т о в. С бурлаками водился, тетенька, так русскому языку выучишься.

К а р а н д ы ш е в. У бурлаков учиться русскому языку!

П а р а т о в. А почему ж у них не учиться?

К а р а н д ы ш е в. Да потому, что мы считаем их...

П а р а т о в. Кто это: мы?

К а р а н д ы ш е в *(разгорячась)*. Мы, то есть образованные люди, а не бурлаки.

П а р а т о в. Ну-с, чем же вы считаете бурлаков? Я судохозяин и вступаюсь за них, я сам такой же бурлак.

К а р а н д ы ш е в. Мы считаем их образцом грубости и невежества.

П а р а т о в. Ну, далее, господин Карандышев!

К а р а н д ы ш е в. Все, больше ничего.

П а р а т о в. Нет, не все, главного недостает: вам нужно просить извинения.

К а р а н д ы ш е в. Мне — извиняться!

П а р а т о в. Да, уж нечего делать, надо.

К а р а н д ы ш е в. Да с какой стати? Это мое убеждение.

П а р а т о в. Но-но-но-но! Отвилять нельзя.

О г у д а л о в а. Господа, господа, что вы!

П а р а т о в. Не беспокойтесь, я за это на дуэль не вызову: ваш жених цел останется; я только поучу его. У меня правило: никому ничего не прощать; а то страх забудут, забываться станут.

Л а р и с а *(Карандышеву)*. Что вы делаете? Просите извинения сейчас, я вам приказываю.

П а р а т о в *(Огудаловой)*. Кажется, пора меня знать. Если я кого хочу поучить, так на неделю дома запираюсь да казнь придумываю.

К а р а н д ы ш е в *(Паратову)*. Я не понимаю...

П а р а т о в. Так выучитесь прежде понимать, да потом и разговаривайте!

О г у д а л о в а. Сергей Сергеич, я на колени брошусь перед вами; ну, ради меня, извините его!

П а р а т о в *(Карандышеву)*. Благодарите Хариту Игнатьевну. Я вас прощаю. Только, мой родной, разбирайте людей! Я еду-еду, не свищу, а наеду — не спущу!

Карандышев хочет отвечать.

О г у д а л о в а. Не возражайте, не возражайте! А то я с вами поссорюсь. Лариса, вели шампанского подать да налей им по стаканчику — пусть выпьют мировую.

Лариса уходит.

И уж, господа, пожалуйста, не ссорьтесь больше. Я женщина мирного характера; я люблю, чтоб все дружно было, согласно.

П а р а т о в. Я и сам мирного характера, курицы не обижу; я никогда первый не начну, за себя я вам ручаюсь.

О г у д а л о в а. Юлий Капитоныч, вы — еще молодой человек, вам надо быть поскромнее, горячиться не следует. Извольте-ка вот пригласить Сергея Сергеича на обед, извольте непременно! Нам очень приятно быть с ним вместе.

К а р а н д ы ш е в. Я и сам хотел. Сергей Сергеич, угодно вам откушать у меня сегодня?

П а р а т о в *(холодно)*. С удовольствием.

Входит Л а р и с а, за ней ч е л о в е к с бутылкой шампанского и с стаканами на подносе.

Л а р и с а *(наливает)*. Господа, прошу покорно.

Паратов и Карандышев берут стаканы.

Прошу вас быть друзьями.

П а р а т о в. Ваша просьба для меня равняется приказу.

О г у д а л о в а *(Карандышеву)*. Вот и вы берите пример с Сергея Сергеича!

К а р а н д ы ш е в. Про меня нечего и говорить: для меня каждое слово Ларисы Дмитриевны — закон.

Входит В о ж е в а т о в.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

О г у д а л о в а, Л а р и с а, П а р а т о в, К а р а н д ы ш е в, В о ж е в а т о в, потом Р о б и н з о н.

В о ж е в а т о в. Где шампанское, там и мы. Каково чутье! Харита Игнатьевна, Лариса Дмитриевна, позвольте белокурому в комнату войти!

О г у д а л о в а. Какому белокурому?

В о ж е в а т о в. Сейчас увидите. Войди, белокур!

Р о б и н з о н входит.

Честь имею представить нового друга моего: лорд Робинзон.

О г у д а л о в а. Очень приятно.

В о ж е в а т о в *(Робинзону)*. Целуй ручки!

Робинзон целует руки у Огудаловой и Ларисы.

Ну, милорд, теперь поди сюда!

О г у д а л о в а. Что это вы как командуете вашим другом?

В о ж е в а т о в. Он почти не бывал в дамском обществе, так застенчив. Все больше путешествовал, и по воде, и по суше, а вот недавно совсем было одичал на необитаемом острове. *(Карандышеву.)* Позвольте вас познакомить! Лорд Робинзон, Юлий Капитоныч Карандышев!

К а р а н д ы ш е в *(подавая руку Робинзону)*. Вы уж давно выехали из Англии?

Р о б и н з о н. Yes (Йес) [1].

В о ж е в а т о в *(Паратову)*. Я его слова три по-английски выучил, да, признаться, и сам-то не много больше знаю. *(Робинзону)*. Что ты на вино-то поглядываешь? Харита Игнатьевна, можно?

О г у д а л о в а. Сделайте одолжение.

В о ж е в а т о в. Англичане ведь целый день пьют вино, с утра.

О г у д а л о в а. Неужели вы целый день пьете?

Р о б и н з о н. Yes.

В о ж е в а т о в. Они три раза завтракают да потом обедают с шести часов до двенадцати.

О г у д а л о в а. Возможно ли?

Р о б и н з о н. Yes.

В о ж е в а т о в *(Робинзону)*. Ну, наливай!

Р о б и н з о н *(налив стаканы)*. If you please! (Иф ю плиз!)[2]

Пьют.

П а р а т о в *(Карандышеву)*. Пригласите и его обедать. Мы с ним везде вместе, я без него не могу.

К а р а н д ы ш е в. Как его зовут?

П а р а т о в. Да кто ж их по именам зовет? Лорд, милорд...

К а р а н д ы ш е в. Разве он лорд?

П а р а т о в. Конечно, не лорд; да они так любят. А то просто: сэр Робинзон.

К а р а н д ы ш е в *(Робинзону)*. Сэр Робинзон, прошу покорно сегодня откушать у меня.

Р о б и н з о н. I thank you (Ай сенк ю) [3].

К а р а н д ы ш е в *(Огудаловой)*. Харита Игнатьевна, я отправлюсь домой, мне нужно похлопотать кой о чем. *(Кланяясь всем.)* Я вас жду, господа. Честь имею кланяться! *(Уходит.)*

---

[1] Да *(англ.)*

[2] Пожалуйста! *(англ.)*

[3] Я благодарю вас *(англ.)*.

Паратов *(берет шляпу)*. Да и нам пора, надо отдохнуть с дороги.

Вожеватов. К обеду приготовиться.

Огудалова. Погодите, господа, не все вдруг.

Огудалова и Лариса уходят за Карандышевым в переднюю.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Паратов, Вожеватов и Робинзон.

Вожеватов. Понравился вам жених?

Паратов. Чему тут нравиться! Кому он может нравиться! А еще разговаривает, гусь лапчатый!

Вожеватов. Разве было что?

Паратов. Был разговор небольшой. Топорщился тоже, как и человек, петушиться тоже вздумал. Да погоди, дружок, я над тобой, дружок, потешусь. *(Ударив себя по лбу.)* Ах, какая мысль блестящая! Ну, Робинзон, тебе предстоит работа трудная, старайся...

Вожеватов. Что такое?

Паратов. А вот что... *(Прислушиваясь.)* Идут! После скажу, господа.

Входят Огудалова и Лариса.

Честь имею кланяться!

Вожеватов. До свидания!

Раскланиваются.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Евфросинья Потаповна, тетка Карандышева.
Карандышев.
Огудалова.
Лариса.
Паратов.
Кнуров.
Вожеватов.
Робинзон.
Иван.
Илья, цыган.

Кабинет Карандышева. Комната, меблированная с претензиями, но без вкуса; на одной стене прибит над диваном ковер, на котором развешано оружие. Три двери: одна посредине, две по бокам.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Евфросинья Потаповна, Иван (выходит из двери налево).

Иван. Лимонов пожалуйте!

Евфросинья Потаповна. Каких лимонов, аспид?

Иван. Мессинских-с.

Евфросинья Потаповна. На что они тебе понадобились?

Иван. После обеда которые господа кофей кушают, а которые чай, так к чаю требуются.

Евфросинья Потаповна. Вымотали вы из меня всю душеньку нынче. Подай клюковного морсу, разве не все равно. Возьми там у меня графинчик; ты поосторожнее, графинчик-то старенький, пробочка и так еле держится, сургучиком подклеена. Пойдем, я сама выдам. *(Уходит в среднюю дверь, Иван за ней.)*

Входят Огудалова и Лариса слева.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Огудалова, Лариса.

Лариса. Ах, мама, я не знала, куда деться.

Огудалова. Я так и ожидала от него.

Лариса. Что за обед, что за обед! А еще зовет Мокия Парменыча! Что он делает?

Огудалова. Да, угостил, нечего сказать.

Лариса. Ах, как нехорошо! Нет хуже этого стыда, когда приходится за других стыдиться... Вот мы ни в чем не виноваты, а стыдно, стыдно, так бы убежала куда-нибудь. А он как будто не замечает ничего, он даже весел.

Огудалова. Да ему и заметить нельзя: он ничего не знает, он никогда и не видывал, как порядочные люди обедают. Он еще думает, что удивил всех своей роскошью; вот он и весел. Да разве ты не замечаешь? Его нарочно подпаивают.

Лариса. Ах, ах! останови его, останови его!

Огудалова. Как остановить! он — не малолетний, пора без няньки жить.

Лариса. Да ведь он не глуп, как же он не видит этого!

Огудалова. Не глуп, да самолюбив. Над ним подтрунивают, вина похваливают, он и рад; сами-то только вид делают, что пьют, а ему подливают.

Лариса. Ах! я боюсь, всего боюсь. Зачем они это делают?

Огудалова. Да так просто, позабавиться хотят.

Л а р и с а. Да ведь они меня терзают-то?

О г у д а л о в а. А кому нужно, что ты терзаешься. Вот, Лариса, еще ничего не видя, а уж терзание; что дальше-то будет?

Л а р и с а. Ах, дело сделано, можно только жалеть, а поправить нельзя.

Входит Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

О г у д а л о в а, Л а р и с а и Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Уж откушали? А чаю не угодно?

О г у д а л о в а. Нет, увольте.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. А мужчины-то что?

О г у д а л о в а. Они там сидят, разговаривают.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Ну, покушали и вставали бы; чего еще дожидаются? Уж достался мне этот обед; что хлопот, что изъяну! Поваришки разбойники, в кухню-то точно какой победитель придет, слова ему сказать не смей!

О г у д а л о в а. Да об чем с ним разговаривать? Коли он хороший повар, так учить его не надо.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Да не об ученье речь, а много очень добра изводят. Кабы свой материал, домашний, деревенский, так я бы слова не сказала, а то купленный, дорогой, так его и жалко. Помилуйте, требует сахару, ванилю, рыбьего клею; а ваниль этот дорогой, а рыбий клей еще дороже. Ну и положил бы чуточку для духу, а он валит зря: сердце-то и мрет, на него глядя.

О г у д а л о в а. Да, для расчетливых людей, конечно...

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Какие тут расчеты, коли человек с ума сошел. Возьмем стерлядь: разве вкус-то в ней не один, что большая, что маленькая? А в цене-то разница, ох, велика! Полтинничек десяток и за глаза бы, а он по полтиннику штуку платил.

О г у д а л о в а. Ну, этим, что были за обедом, еще погулять по Волге да подрасти бы не мешало.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Ах, да ведь, пожалуй, есть и в рубль, и в два; плати, у кого деньги бешеные. Кабы для начальника какого высокого али для владыки, ну, уж это так и полагается, а то для кого! Опять вино хотел было дорогое покупать, в рубль и больше, да купец честный человек попался: берите, говорит, кругом по шести гривен за бутылку, а ерлыки наклеим, какие прикажете! Уж и вино отпустил! Можно сказать, что на

чести. Попробовала я рюмочку, так и гвоздикой-то пахнет, и розаном пахнет, и еще чем-то. Как ему быть дешевым, когда в него столько дорогих духов кладется! И деньги немалые: шесть гривен за бутылку; а уж и стоит дать. А дороже платить не из чего, жалованьем живем. Вот у нас сосед женился, так к нему этого одного пуху: перин да подушек, возили-возили, возили-возили, да все чистого; потом пушного: и лисица, и куница, и соболь! Все это в дом, так есть из чего ему тратиться. А вот рядом чиновник женился, так всего приданого привезли фортепьяны старые. Не разживешься. Все равно и нам форсить некстати.

Л а р и с а *(Огудаловой)*. Бежала б я отсюда куда глаза глядят.

О г у д а л о в а. Невозможно, к несчастию.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Да коли вам не по себе, так пожалуйте ко мне в комнату, а то придут мужчины, накурят так, что не продохнешь. Что я стою-то! Бежать мне серебро сосчитать да запереть, нынче народ без креста.

Огудалова и Лариса уходят в дверь направо, Евфросинья Потаповна в среднюю. Из двери налево выходят П а р а т о в, К н у р о в, В о ж е в а т о в.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

П а р а т о в, К н у р о в и В о ж е в а т о в.

К н у р о в. Я, господа, в клуб обедать поеду, я не ел ничего.

П а р а т о в. Подождите, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Со мной первый раз в жизни такой случай. Приглашает обедать известных людей, а есть нечего... Он человек глупый, господа.

П а р а т о в. Мы не спорим. Надо ему отдать справедливость: он действительно глуп.

К н у р о в. И сам прежде всех напился.

В о ж е в а т о в. Мы его порядочно подстроили.

П а р а т о в. Да, я свою мысль привел в исполнение. Мне еще давеча в голову пришло накатить его хорошенько и посмотреть, что выйдет.

К н у р о в. Так у вас было задумано?

П а р а т о в. Мы прежде условились. Вот, господа, для таких случаев Робинзоны-то и дороги.

В о ж е в а т о в. Золото, а не человек!

П а р а т о в. Чтобы напоить хозяина, надо самому пить с ним вместе; а есть ли возможность глотать эту микстуру, которую он вином величает. А Робинзон — натура выдержанная на заграничных винах ярославского производства, ему нипочем. Он пьет

да похваливает, пробует то одно, то другое, сравнивает, смакует с видом знатока, но без хозяина пить не соглашается; тот и попался. Человек непривычный, много ль ему надо, скорехонько и дошел до восторга.

Кнуров. Это забавно; только мне, господа, не шутя есть хочется.

Паратов. Еще успеете. Погодите немного, мы попросим Ларису Дмитриевну спеть что-нибудь.

Кнуров. Это другое дело. А где ж Робинзон?

Вожеватов. Они там еще допивают.

Входит Робинзон.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон *(падая на диван)*. Батюшки, помогите! Ну, Серж, будешь ты за меня богу отвечать.

Паратов. Что ж ты, пьян, что ли?

Робинзон. Пьян! Разве я на это жалуюсь когда-нибудь? Кабы пьян, это бы прелесть что такое — лучше бы и желать ничего нельзя. Я с этим добрым намерением ехал сюда, да с этим намерением и на свете живу. Это цель моей жизни.

Паратов. Что ж с тобой?

Робинзон. Я отравлен, я сейчас караул закричу.

Паратов. Да ты что пил-то больше, какое вино?

Робинзон. Кто ж его знает? химик я, что ли! Ни один аптекарь не разберет.

Паратов. Да что на бутылке-то, какой этикет?

Робинзон. На бутылке-то «бургонское», а в бутылке-то «киндер-бальзам»[1] какой-то. Не пройдет мне даром эта специя, уж я чувствую.

Вожеватов. Это случается: как делают вино, так переложат лишнее что-нибудь против пропорции. Ошибиться долго ли? человек — не машина. Мухоморов не переложили ли?

Робинзон. Что тебе весело! Человек погибает, а ты рад.

Вожеватов. Шабаш! Помирать тебе, Робинзон.

Робинзон. Ну, это вздор, помирать я не согласен... Ах, хоть бы знать, какое увечье-то от этого вина бывает.

Вожеватов. Один глаз лопнет непременно, ты так и жди.

За сценой голос Карандышева: «Эй, дайте нам бургонского».

[1] детский бальзам — сладкая слабая спиртовая настойка (от *нем.* Kinderbalsam).

Робинзон. Ну, вот, изволите слышать, опять бургонского! Спасите, погибаю! Серж, пожалей хоть ты меня! Ведь я в цвете лет, господа, я подаю большие надежды. За что ж искусство должно лишиться...

Паратов. Да не плачь, я тебя вылечу; я знаю, чем помочь тебе; как рукой снимет.

Входит Карандышев с ящиком сигар.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон и Карандышев.

Робинзон *(взглянув на ковер)*. Что это у вас такое?

Карандышев. Сигары.

Робинзон. Нет, что развешано-то? Бутафорские вещи?

Карандышев. Какие бутафорские вещи? Это турецкое оружие.

Паратов. Так вот кто виноват, что австрийцы турок одолеть не могут.

Карандышев. Как? что за шутки! Помилуйте, что это за вздор! Чем я виноват?

Паратов. Вы забрали у них все дрянное, негодное оружие; вот они с горя хорошим английским и запаслись.

Вожеватов. Да, да, вот кто виноват! теперь нашлось. Ну, вам австрийцы спасибо не скажут.

Карандышев. Да чем оно негодное? Вот этот пистолет, например. *(Снимает со стены пистолет.)*

Паратов *(берет у него пистолет)*. Этот пистолет?

Карандышев. Ах, осторожнее, он заряжен!

Паратов. Не бойтесь! Заряжен ли он, не заряжен ли, опасность от него одинаковая: он все равно не выстрелит. Стреляйте в меня в пяти шагах, я позволяю.

Карандышев. Ну нет-с, и этот пистолет пригодиться может.

Паратов. Да, в стену гвозди вколачивать. *(Бросает пистолет на стол.)*

Вожеватов. Ну нет, не скажите! По русской пословице: «На грех и из палки выстрелишь».

Карандышев *(Паратову)*. Не угодно ли сигар?

Паратов. Да ведь, чай, дорогие? Рублей семь сотня, я думаю.

Карандышев. Да-с, около того: сорт высокий, очень высокий сорт.

Паратов. Я этот сорт знаю: Регалия капустиссима dos amigos[1], я его держу для приятелей, а сам не курю.

Карандышев *(Кнурову)*. Не прикажете ли?

Кнуров. Не хочу я ваших сигар — свои курю.

Карандышев. Хорошенькие сигары, хорошенькие-с.

Кнуров. Ну, а хорошие, так и курите сами.

Карандышев *(Вожеватову)*. Вам не угодно ли?

Вожеватов. Для меня эти очень дороги; пожалуй, избалуешься. Не нашему носу рябину клевать: рябина — ягода нежная.

Карандышев. А вы, сэр Робинзон, курите?

Робинзон. Я-то? Странный вопрос! Пожалуйте пяточек! *(Выбирает пять штук, вынимает из кармана бумажку и тщательно завертывает.)*

Карандышев. Что же вы не закуриваете?

Робинзон. Нет, как можно! Эти сигары надо курить в природе, в хорошем местоположении.

Карандышев. Да почему же?

Робинзон. А потому, что если их закурить в порядочном доме, так, пожалуй, прибьют, чего я терпеть не могу.

Вожеватов. Не любишь, когда бьют?

Робинзон. Нет, с детства отвращение имею.

Карандышев. Какой он оригинал! А, господа, каков оригинал! Сейчас видно, что англичанин. *(Громко.)* А где наши дамы? *(Еще громче)*. Где дамы?

Входит Огудалова.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Огудалова.

Огудалова. Дамы здесь, не беспокойтесь. *(Карандышеву тихо.)* Что вы делаете? Посмотрите вы на себя!

Карандышев. Я, помилуйте, я себя знаю. Посмотрите, все пьяны, а я только весел. Я счастлив сегодня, я торжествую.

Огудалова. Торжествуйте, только не так громко. *(Подходит к Паратову.)* Сергей Сергеич, перестаньте издеваться над Юлием Капитонычем! Нам больно видеть: вы обижаете меня и Ларису.

Паратов. Ах, тетенька, смею ли я!

---

[1] Для друзей *(исп.)*.

О г у д а л о в а. Неужели вы еще не забыли давешнюю ссору? Как не стыдно!

П а р а т о в. Что вы! Я, тетенька, не злопамятен. Да извольте, я для вашего удовольствия все это покончу одним разом. Юлий Капитоныч!

К а р а н д ы ш е в. Что вам угодно?

П а р а т о в. Хотите брудершафт со мной выпить?

О г у д а л о в а. Вот это хорошо. Благодарю вас!

К а р а н д ы ш е в. Брудершафт, вы говорите? Извольте, с удовольствием.

П а р а т о в *(Огудаловой)*. Да попросите сюда Ларису Дмитриевну! Что она прячется от нас!

О г у д а л о в а. Хорошо, я приведу ее. *(Уходит.)*

К а р а н д ы ш е в. Что же мы выпьем? Бургонского?

П а р а т о в. Нет, уж от бургонского увольте! Я человек простой.

К а р а н д ы ш е в. Так чего же?

П а р а т о в. Знаете что: любопытно теперь нам с вами коньячку выпить. Коньяк есть?

К а р а н д ы ш е в. Как не быть! У меня все есть. Эй, Иван, коньяку!

П а р а т о в. Зачем сюда, мы там выпьем; только велите стаканчиков дать, я рюмок не признаю.

Р о б и н з о н. Что ж вы прежде не сказали, что у вас коньяк есть? Сколько дорогого времени-то потеряно!

В о ж е в а т о в. Как он ожил!

Р о б и н з о н. С этим напитком я обращаться умею, я к нему применился.

Паратов и Карандышев уходят в дверь налево.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Р о б и н з о н *(глядит в дверь налево)*. Погиб Карандышев. Я начал, а Серж его докончит. Наливают, устанавливаются в позу; живая картина. Посмотрите, какая у Сержа улыбка! Совсем Бертрам. *(Поет из «Роберта».)* «Ты мой спаситель».— «Я твой спаситель!» — «И покровитель».— «И покровитель». Ну, проглотил. Целуются. *(Поет.)* «Как счастлив я!» — «Жертва моя!» Ай, уносит Иван коньяк, уносит! *(Громко.)* Что ты, что ты, оставь! Я его давно дожидаюсь. *(Убегает.)*

Из средней двери выходит И л ь я.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Кнуров, Вожеватов, Илья, потом Паратов.

Вожеватов. Что тебе, Илья?

Илья. Да наши готовы, собрались совсем, на бульваре дожидаются. Когда ехать прикажете?

Вожеватов. Сейчас все вместе поедем, подождите немного!

Илья. Хорошо. Как прикажете, так и будет.

Входит Паратов.

Паратов. А, Илья, готовы?

Илья. Готовы, Сергей Сергеич!

Паратов. Гитара с тобой?

Илья. Не захватил, Сергей Сергеич.

Паратов. Гитару нужно, слышишь?

Илья. Сейчас сбегаю, Сергей Сергеич! *(Уходит.)*

Паратов. Я хочу попросить Ларису Дмитриевну спеть нам что-нибудь, да и поедемте за Волгу.

Кнуров. Не весела наша прогулка будет без Ларисы Дмитриевны. Вот если бы... Дорого можно заплатить за такое удовольствие...

Вожеватов. Если бы Лариса Дмитриевна поехала, я бы с радости всех гребцов по рублю серебром оделил.

Паратов. Представьте, господа, я и сам о том же думаю; вот как мы сошлись.

Кнуров. Да есть ли возможность?

Паратов. На свете нет ничего невозможного, говорят философы.

Кнуров. А Робинзон, господа, лишний. Потешились, и будет. Напьется он там до звериного образа — что хорошего! Эта прогулка дело серьезное, он нам совсем не компания. *(Указывая в дверь.)* Вон он как к коньяку-то прильнул.

Вожеватов. Так не брать его.

Паратов. Увяжется как-нибудь.

Вожеватов. Погодите, господа, я от него отделаюсь. *(В дверь.)* Робинзон!

Входит Робинзон.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон. Что тебе?

Вожеватов *(тихо)*. Хочешь ехать в Париж?

Робинзон. Как в Париж, когда?

Вожеватов. Сегодня вечером.

Робинзон. А мы за Волгу сбирались.

Вожеватов. Как хочешь; поезжай за Волгу, а я в Париж.

Робинзон. Да ведь у меня паспорта нет.

Вожеватов. Это уж мое дело.

Робинзон. Я пожалуй.

Вожеватов. Так отсюда мы поедем вместе; я тебя завезу домой к себе; там и жди меня, отдохни, усни. Мне нужно заехать по делам места в два.

Робинзон. А интересно бы и цыган послушать.

Вожеватов. А еще артист! Стыдись! Цыганские песни, ведь это невежество. То ли дело итальянская опера или оперетка веселенькая! Вот что тебе надо слушать. Чай, сам играл!

Робинзон. Еще бы! я в «Птичках певчих» играл.

Вожеватов. Кого?

Робинзон. Нотариуса.

Вожеватов. Ну, как же такому артисту да в Париже не побывать! После Парижа тебе какая цена-то будет!

Робинзон. Руку!

Вожеватов. Едешь?

Робинзон. Еду!

Вожеватов *(Паратову)*. Как он тут пел из «Роберта». Что за голос!

Паратов. А вот мы с ним в Нижнем на ярмарке дел наделаем.

Робинзон. Еще поеду ли я, спросить надо.

Паратов. Что так?

Робинзон. Невежества я и без ярмарки довольно вижу.

Паратов. Ого, как он поговаривать начал!

Робинзон. Нынче образованные люди в Европу ездят, а не по ярмаркам шатаются.

Паратов. Какие же государства и какие города Европы вы осчастливить хотите?

Робинзон. Конечно, Париж, я уж туда давно собираюсь.

Вожеватов. Мы с ним сегодня вечером едем.

Паратов. А, вот что! Счастливого пути! В Париж тебе действительно надо ехать. Там только тебя и недоставало. А где же хозяин?

Робинзон. Он там, он говорил, что сюрприз нам готовит.

Входят справа Огудалова и Лариса; слева Карандышев и Иван.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Огудалова, Лариса, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев, Иван, потом Илья и Евфросинья Потаповна.

Паратов *(Ларисе)*. Что вы нас покинули?

Лариса. Мне что-то нездоровится.

Паратов. А мы сейчас с вашим женихом брудершафт выпили. Теперь уж друзья навек.

Лариса. Благодарю вас. *(Жмет руку Паратову.)*

Карандышев *(Паратову)*. Серж!

Паратов *(Ларисе)*. Вот видите, какая короткость! *(Карандышеву.)* Что тебе?

Карандышев. Тебя кто-то спрашивает.

Паратов. Кто там?

Иван. Цыган Илья.

Паратов. Так зови его сюда.

Иван уходит.

Господа, извините, что я приглашаю Илью в наше общество. Это мой лучший друг. Где принимают меня, там должны принимать и моих друзей. Это мое правило.

Вожеватов *(тихо Ларисе)*. Я новую песенку знаю.

Лариса. Хорошая?

Вожеватов. Бесподобная! «Веревьюшки веревью, на барышне башмачки».

Лариса. Это забавно.

Вожеватов. Я вас выучу.

Входит Илья с гитарой.

Паратов *(Ларисе)*. Позвольте, Лариса Дмитриевна, попросить вас осчастливить нас! Спойте нам какой-нибудь романс или песенку! Я вас целый год не слыхал, да, вероятно, и не услышу уж более.

Кнуров. Позвольте и мне повторить ту же просьбу!

Карандышев. Нельзя, господа, нельзя. Лариса Дмитриевна не станет петь.

Паратов. Да почем ты знаешь, что не станет? А может быть, и станет.

Лариса. Извините, господа, я и не расположена сегодня, и не в голосе.

Кнуров. Что-нибудь, что вам угодно!

Карандышев. Уж коли я говорю, что не станет, так не станет.

Паратов. А вот посмотрим. Мы попросим хорошенько, на колени станем.

Вожеватов. Это я сейчас, я человек гибкий.

Карандышев. Нет, нет, и не просите, нельзя; я запрещаю!

Огудалова. Что вы! Запрещайте тогда, когда будете иметь право, а теперь еще погодите запрещать, рано.

Карандышев. Нет, нет! я положительно запрещаю.

Лариса. Вы запрещаете? так я буду петь, господа.

Карандышев, надувшись, отходит в угол и садится.

Паратов. Илья!

Илья. Что будем петь, барышня?

Лариса. «Не искушай».

Илья *(подстраивая гитару)*. Вот третий голос надо! Ах, беда! Какой тенор был! От своей от глупости. *(Поют в два голоса.)*

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей!
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.

Все различным образом выражают восторг. Паратов сидит, запустив руки в волоса. Ко второму куплету слегка пристает Робинзон.

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не хочу предаться вновь
Раз обманувшим сновиденьям.

Илья *(Робинзону)*. Вот спасибо, барин. Выручил.

Кнуров *(Ларисе)*. Велико наслаждение видеть вас, а еще больше наслаждения слушать вас.

Паратов *(с мрачным видом)*. Мне кажется, я с ума сойду. *(Целует руку Ларисы.)*

Вожеватов. Послушать, да и умереть — вот оно что! *(Карандышеву.)* А вы хотели лишить нас этого удовольствия.

Карандышев. Я, господа, не меньше вашего восхищаюсь пением Ларисы Дмитриевны. Мы сейчас выпьем шампанского за ее здоровье.

Вожеватов. Умную речь приятно и слышать.

Карандышев *(громко)*. Подайте шампанского!

Огудалова *(тихо)*. Потише! Что вы кричите!

Карандышев. Помилуйте, я у себя дома. Я знаю, что делаю. *(Громко.)* Подайте шампанского!

Входит Евфросинья Потаповна.

Евфросинья Потаповна. Какого тебе еще шампанского? Поминутно то того, то другого.

Карандышев. Не мешайтесь не в свое дело! Исполняйте, что вам приказывают!

Евфросинья Потаповна. Так поди сам! А уж я ноги отходила; я еще, может быть, не евши с утра. *(Уходит.)*

Карандышев идет в дверь налево.

Огудалова. Послушайте, Юлий Капитоныч... *(Уходит за Карандышевым.)*

Паратов. Илья, поезжай! Чтоб катера были готовы! Мы сейчас приедем.

Илья уходит в среднюю дверь.

Вожеватов *(Кнурову)*. Оставим его одного с Ларисой Дмитриевной. *(Робинзону.)* Робинзон, смотри, Иван коньяк-то убирает.

Робинзон. Да я его убью. Мне легче с жизнью расстаться!

Уходят налево Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Лариса и Паратов.

Паратов. Очаровательница! *(Страстно глядит на Ларису.)* Как я проклинал себя, когда вы пели!

Лариса. За что?

Паратов. Ведь я — не дерево; потерять такое сокровище, как вы, разве легко?

Лариса. Кто же виноват?

Паратов. Конечно, я, и гораздо более виноват, чем вы думаете. Я должен презирать себя.

Лариса. За что же, скажите!

Паратов. Зачем я бежал от вас? На что променял вас?

Лариса. Зачем же вы это сделали?

Паратов. Ах, зачем! Конечно, малодушие. Надо было поправить свое состояние. Да бог с ним, с состоянием! Я проиграл больше, чем состояние, я потерял вас; я и сам страдаю, и вас заставил страдать.

Лариса. Да, надо правду сказать, вы надолго отравили мою жизнь.

Паратов. Погодите, погодите винить меня! Я еще не совсем опошлился, не совсем огрубел; во мне врожденного тор-

гашества нет; благородные чувства еще шевелятся в душе моей. Еще несколько таких минут, да... еще несколько таких минут...

Лариса *(тихо)*. Говорите!

Паратов. Я брошу все расчеты, и уж никакая сила не вырвет вас у меня; разве вместе с моею жизнью.

Лариса. Чего же вы хотите?

Паратов. Видеть вас, слушать вас... Я завтра уезжаю.

Лариса *(опустя голову)*. Завтра.

Паратов. Слушать ваш очаровательный голос, забывать весь мир и мечтать только об одном блаженстве.

Лариса *(тихо)*. О каком?..

Паратов. О блаженстве быть рабом вашим, быть у ваших ног.

Лариса. Но как же?

Паратов. Послушайте: мы едем всей компанией кататься по Волге на катерах — поедемте!

Лариса. Ах! а здесь? Я не знаю, право... как же здесь?

Паратов. Что такое «здесь»? Сюда сейчас приедут: тетка Карандышева, барыни в крашеных шелковых платьях, разговор будет о соленых грибах.

Лариса. Когда же ехать?

Паратов. Сейчас.

Лариса. Сейчас?

Паратов. Сейчас или никогда.

Лариса. Едемте.

Паратов. Как, вы решаетесь ехать за Волгу?

Лариса. Куда вам угодно.

Паратов. С нами, сейчас?

Лариса. Когда вам угодно.

Паратов. Ну, признаюсь, выше и благородней этого я ничего и вообразить не могу. Очаровательное создание! Повелительница моя!

Лариса. Вы — мой повелитель!

Входят Огудалова, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Иван с подносом, на котором стаканы шампанского.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Огудалова, Лариса, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Иван.

Паратов *(Кнурову и Вожеватову)*. Она поедет.

Карандышев. Господа, я предлагаю тост за Ларису Дмитриевну.

Все берут стаканы.

Господа, вы сейчас восхищались талантом Ларисы Дмитриевны. Ваши похвалы — для нее не новость; с детства она окружена поклонниками, которые восхваляют ее в глаза при каждом удобном случае. Да-с, талантов у нее действительно много. Но не за них я хочу похвалить ее. Главное, неоцененное достоинство Ларисы Дмитриевны то, господа... то, господа...

Вожеватов. Спутается.

Паратов. Нет, вынырнет, выучил.

Карандышев. То, господа, что она умеет ценить и выбирать людей. Да-с, Лариса Дмитриевна знает, что не все то золото, что блестит. Она умеет отличать золото от мишуры. Много блестящих молодых людей окружало ее; но она мишурным блеском не прельстилась. Она искала для себя человека не блестящего, а достойного...

Паратов *(одобрительно)*. Браво, браво!

Карандышев. И выбрала...

Паратов. Вас! Браво, браво!

Вожеватов и Робинзон. Браво, браво!

Карандышев. Да, господа, я не только смею, я имею право гордиться и горжусь! Она меня поняла, оценила и предпочла всем. Извините, господа, может быть, не всем это приятно слышать; но я счел своим долгом поблагодарить публично Ларису Дмитриевну за такое лестное для меня предпочтение. Господа, я сам пью и предлагаю выпить за здоровье моей невесты!

Паратов, Вожеватов и Робинзон. Ура!

Паратов *(Карандышеву)*. Еще есть вино-то?

Карандышев. Разумеется, есть; как же не быть! что ты говоришь? Уж я достану.

Паратов. Надо еще тост выпить.

Карандышев. Какой?

Паратов. За здоровье счастливейшего из смертных, Юлия Капитоныча Карандышева.

Карандышев. Ах, да. Так ты предложишь? Ты и предложи, Серж! А я пойду похлопочу; я достану. *(Уходит.)*

Кнуров. Ну, хорошенького понемножку. Прощайте! Я заеду, закушу и сейчас же на сборный пункт. *(Кланяется дамам.)*

Вожеватов *(указывая на среднюю дверь)*. Здесь пройдите, Мокий Парменыч! Тут прямо выход в переднюю, никто вас и не увидит.

Кнуров уходит.

Паратов *(Вожеватову)*. И мы сейчас едем. *(Ларисе.)* Собирайтесь.

Лариса уходит направо.

Вожеватов. Не дождавшись тоста?
Паратов. Так лучше.
Вожеватов. Да чем же?
Паратов. Смешнее.

Выходит Лариса со шляпой в руках.

Вожеватов. И то смешнее. Робинзон! Едем!
Робинзон. Куда?
Вожеватов. Домой, сбираться в Париж.

Робинзон и Вожеватов раскланиваются и уходят.

Паратов *(тихо Ларисе)*. Едем! *(Уходит.)*
Лариса. Прощай, мама!
Огудалова. Что ты! Куда ты!
Лариса. Или тебе радоваться, мама, или ищи меня в Волге.
Огудалова. Бог с тобой! Что ты!
Лариса. Видно, от своей судьбы не уйдешь! *(Уходит.)*
Огудалова. Вот наконец до чего дошло: всеобщее бегство! Ах, Лариса!.. Догонять мне ее иль нет? Нет, зачем!.. Что бы там ни было, все-таки кругом нее люди... А здесь, хоть и бросить, так потеря не велика!

Входят Карандышев и Иван с бутылкой шампанского.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Огудалова, Карандышев, Иван, потом Евфросинья Потаповна.

Карандышев. Я, господа... *(Оглядывает комнату.)* Где ж они? Уехали? Вот это учтиво, нечего сказать! Ну, да тем лучше! Однако когда ж они успели? И вы, пожалуй, уедете! Нет, уж вы-то с Ларисой Дмитриевной погодите! Обиделись? — понимаю. Ну, и прекрасно. И мы останемся в тесном семейном кругу... А где же Лариса Дмитриевна? *(У двери направо.)* Тетенька, у вас Лариса Дмитриевна?
Евфросинья Потаповна *(входя)*. Никакой у меня твоей Ларисы Дмитриевны нет.
Карандышев. Однако что ж это такое, в самом деле! Иван, куда девались все господа и Лариса Дмитриевна?

И в а н. Лариса Дмитриевна, надо полагать, с господами вместе уехали... Потому как господа за Волгу сбирались, вроде как пикник у них.

К а р а н д ы ш е в. Как за Волгу?

И в а н. На катерах-с. И посуда, и вина, все от нас пошло-с; еще давеча отправили; ну, и прислуга — всё как следует-с.

К а р а н д ы ш е в *(садится и хватается за голову)*. Ах, что же это, что же это!

И в а н. И цыгане, и музыка с ними — всё как следует.

К а р а н д ы ш е в *(с горячностью)*. Харита Игнатьевна, где ваша дочь? Отвечайте мне, где ваша дочь?

О г у д а л о в а. Я к вам привезла дочь, Юлий Капитоныч; вы мне скажите, где моя дочь!

К а р а н д ы ш е в. И все это преднамеренно, умышленно — все вы вперед сговорились... *(Со слезами.)* Жестоко, бесчеловечно жестоко!

О г у д а л о в а. Рано было торжествовать-то!

К а р а н д ы ш е в. Да, это смешно... Я смешной человек... Я знаю сам, что я смешной человек. Да разве людей казнят за то, что они смешны? Я смешон — ну, смейся надо мной, смейся в глаза! Приходите ко мне обедать, пейте мое вино и ругайтесь, смейтесь надо мной — я того стою. Но разломать грудь у смешного человека, вырвать сердце, бросить под ноги и растоптать его! Ох, ох! Как мне жить! Как мне жить!

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Да полно ты, перестань! Не о чем сокрушаться-то!

К а р а н д ы ш е в. И ведь это не разбойники, это почетные люди... Это всё приятели Хариты Игнатьевны.

О г у д а л о в а. Я ничего не знаю.

К а р а н д ы ш е в. Нет, у вас одна шайка, вы все заодно. Но знайте, Харита Игнатьевна, что и самого кроткого человека можно довести до бешенства. Не все преступники — злодеи, и смирный человек решится на преступление, когда ему другого выхода нет. Если мне на белом свете остается только или повеситься от стыда и отчаяния, или мстить, так уж я буду мстить. Для меня нет теперь ни страха, ни закона, ни жалости; только злоба лютая и жажда мести душат меня. Я буду мстить каждому из них, каждому, пока не убьют меня самого. *(Схватывает со стола пистолет и убегает.)*

О г у д а л о в а. Что он взял-то?

И в а н. Пистолет.

О г у д а л о в а. Беги, беги за ним, кричи, чтоб остановили.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Паратов.
Кнуров.
Вожеватов.
Робинзон.
Лариса.
Карандышев.
Илья.
Гаврило.
Иван.
Цыгане и цыганки.

Декорация первого действия. Светлая летняя ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Робинзон с мазиком [1] в руке и Иван (выглядывает из кофейной).

Иван. Мазик-то пожалуйте!

Робинзон. Не отдам. Ты играй со мной! Отчего ты не играешь?

Иван. Да как же играть с вами, когда вы денег не платите!

Робинзон. Я после отдам. Мои деньги у Василья Данилыча, он их увез с собой. Разве ты не веришь?

Иван. Как же вы это с ними на пикник не поехали?

Робинзон. Я заснул; а он не посмел меня беспокоить, будить, ну, и уехал один. Давай играть!

Иван. Нельзя-с, игра не равна: я ставлю деньги, а вы нет; выигрываете — берете, а проигрываете — не отдаете. Ставьте деньги-с!

Робинзон. Что ж, разве мне кредиту нет? Это странно! Я первый город такой вижу; я везде, по всей России все больше в кредит.

Иван. Это я оченно верю-с. Коли спросить чего угодно, мы подадим; знавши Сергея Сергеича и Василья Данилыча, какие они господа, мы обязаны для вас кредит сделать-с; а игра денег требует-с.

Робинзон. Так бы ты и говорил. Возьми мазик и дай мне бутылку... чего бы?..

Иван. Портвейн есть недурен-с.

Робинзон. Я ведь дешевого не пью.

---

[1] бильярдным кием (от итал. *mazza*).

И в а н. Дорогого подадим-с.

Р о б и н з о н. Да вели мне приготовить... знаешь, этого... как оно...

И в а н. Дупелей зажарить можно; не прикажете ли?

Р о б и н з о н. Да, вот именно дупелей.

И в а н. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Р о б и н з о н. Они пошутить захотели надо мной; ну, и прекрасно, и я пошучу над ними. Я с огорчения задолжаю рублей двадцать, пусть расплачиваются. Они думают, что мне общество их очень нужно — ошибаются; мне только бы кредит; а то я и один не соскучусь, я и solo могу разыграть очень веселое. К довершению удовольствия, денег бы занять...

Входит И в а н с бутылкой.

И в а н *(ставит бутылку)*. Дупеля заказаны-с.

Р о б и н з о н. Я здесь театр снимаю.

И в а н. Дело хорошее-с.

Р о б и н з о н. Не знаю, кому буфет сдать. Твой хозяин не возьмет ли?

И в а н. Отчего не взять-с!

Р о б и н з о н. Только у меня — чтоб содержать исправно! И, для верности, побольше задатку сейчас же!

И в а н. Нет, уж он учен, задатку не дает: его так-то уж двое обманули.

Р о б и н з о н. Уж двое? Да, коли уж двое...

И в а н. Так третьему не поверит.

Р о б и н з о н. Какой народ! Удивляюсь. Везде поспеют; где только можно взять, все уж взято, непочатых мест нет. Ну, не надо, не нуждаюсь я в нем. Ты ему не говори ничего, а то он подумает, что и я хочу обмануть; а я горд.

И в а н. Да-с, оно, конечно... А как давеча господин Карандышев рассердились, когда все гости вдруг уехали! Очень гневались, даже убить кого-то хотели, так с пистолетом и ушли из дому.

Р о б и н з о н. С пистолетом? Это нехорошо.

И в а н. Хмельненьки были; я полагаю, что это у них постепенно пройдет-с. Они по бульвару раза два проходили... да вон и сейчас идут.

Р о б и н з о н *(оробев)*. Ты говоришь, с пистолетом? Он кого убить-то хотел — не меня ведь?

И в а н. Уж не могу вам сказать. *(Уходит.)*

Входит К а р а н д ы ш е в, Робинзон старается спрятаться за бутылку.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Робинзон, Карандышев, потом Иван.

Карандышев *(подходит к Робинзону)*. Где ваши товарищи, господин Робинзон?

Робинзон. Какие товарищи? У меня нет товарищей.

Карандышев. А те господа, которые обедали у меня с вами вместе?

Робинзон. Какие ж это товарищи! Это так... мимолетное знакомство.

Карандышев. Так не знаете ли, где они теперь?

Робинзон. Не могу сказать, я стараюсь удаляться от этой компании; я человек смирный, знаете ли... семейный...

Карандышев. Вы семейный?..

Робинзон. Очень семейный... Для меня тихая семейная жизнь выше всего; а неудовольствие какое или ссора — это боже сохрани; я люблю и побеседовать, только чтоб разговор умный, учтивый, об искусстве, например... Ну, с благородным человеком, вот как вы, можно и выпить немножко. Не прикажете ли?

Карандышев. Не хочу.

Робинзон. Как угодно. Главное дело, чтобы неприятности не было.

Карандышев. Да вы должны же знать, где они.

Робинзон. Кутят где-нибудь: что ж им больше-то делать!

Карандышев. Говорят, они за Волгу поехали.

Робинзон. Очень может быть.

Карандышев. Вас не звали с собой?

Робинзон. Нет; я человек семейный.

Карандышев. Когда же они воротятся?

Робинзон. Уж это они и сами не знают, я думаю. К утру вернутся.

Карандышев. К утру?

Робинзон. Может быть, и раньше.

Карандышев. Все-таки надо подождать; мне кой с кем из них объясниться нужно.

Робинзон. Коли ждать, так на пристани; зачем они сюда пойдут! С пристани они прямо домой проедут. Чего им еще? Чай, и так сыты.

Карандышев. Да на какой пристани? Пристаней у нас много.

Робинзон. Да на какой угодно, только не здесь; здесь их не дождетесь.

Карандышев. Ну, хорошо, я пойду на пристань. Прощайте! *(Подает руку Робинзону.)* Не хотите ли проводить меня?

Робинзон. Нет, помилуйте, я человек семейный.

Карандышев уходит.

Иван, Иван!

Входит Иван.

Накрой мне в комнате и вино перенеси туда!

Иван. В комнате, сударь, душно. Что за неволя!

Робинзон. Нет, мне на воздухе вечером вредно; доктор запретил. Да если этот барин спрашивать будет, так скажи, что меня нет. *(Уходит в кофейную.)*

Из кофейной выходит Гаврило.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гаврило и Иван.

Гаврило. Ты смотрел на Волгу? Не видать наших?

Иван. Должно быть, приехали.

Гаврило. Что так?

Иван. Да под горой шум, эфиопы загалдели. *(Берет со стола бутылку и уходит в кофейную.)*

Входит Илья и хор цыган.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гаврило, Илья, цыгане и цыганки.

Гаврило. Хорошо съездили?

Илья. И, хорошо! Так хорошо, не говори!

Гаврило. Господа веселы?

Илья. Разгулялись, важно разгулялись, дай бог на здоровье! Сюда идут; всю ночь, гляди, прогуляют.

Гаврило *(потирая руки)*. Так ступайте, усаживайтесь! Женщинам велю чаю подать; а вы к буфету — закусите!

Илья. Старушкам к чаю-то ромку вели — любят.

Илья, цыгане, цыганки, Гаврило уходят в кофейную.
Выходят Кнуров и Вожеватов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кнуров и Вожеватов.

Кнуров. Кажется, драма начинается.

Вожеватов. Похоже.

Кнуров. Я уж у Ларисы Дмитриевны слезки видел.

Вожеватов. Да ведь у них дешевы.

Кнуров. Как хотите, а положение ее незавидное.

Вожеватов. Дело обойдется как-нибудь.

Кнуров. Ну, едва ли.

Вожеватов. Карандышев посердится немножко, поломается, сколько ему надо, и опять тот же будет.

Кнуров. Да она-то не та же. Ведь чтоб бросить жениха чуть не накануне свадьбы, надо иметь основание. Вы подумайте: Сергей Сергеич приехал на один день, и она бросает для него жениха, с которым ей жить всю жизнь. Значит, она надежду имеет на Сергея Сергеича; иначе зачем он ей!

Вожеватов. Так вы думаете, что тут не без обмана, что он опять словами поманил ее?

Кнуров. Да непременно. И, должно быть, обещания были определенные и серьезные, а то как бы она поверила человеку, который уж раз обманул ее!

Вожеватов. Мудреного нет; Сергей Сергеич ни над чем не задумается: человек смелый.

Кнуров. Да ведь как ни смел, а миллионную невесту на Ларису Дмитриевну не променяет.

Вожеватов. Еще бы! Что за расчет!

Кнуров. Так посудите, каково ей, бедной!

Вожеватов. Что делать-то! Мы не виноваты, наше дело сторона.

На крыльце кофейной показывается Робинзон.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Вожеватов. А, милорд! Что во сне видел?

Робинзон. Богатых дураков; то же, что и наяву вижу.

Вожеватов. Ну, как же ты, бедный умник, здесь время проводишь?

Робинзон. Превосходно! Живу в свое удовольствие и притом в долг, на твой счет. Что может быть лучше!

Вожеватов. Позавидуешь тебе. И долго ты намерен наслаждаться такой приятной жизнью?

Робинзон. Да ты — чудак, я вижу. Ты подумай: какой же мне расчет отказываться от таких прелестей!

Вожеватов. Что-то я не помню; как будто я тебе открытого листа не давал?

Робинзон. Так ты в Париж обещал со мной ехать — разве это не все равно?

Вожеватов. Нет, не все равно. Что я обещал, то исполню; для меня слово — закон, что сказано, то свято. Ты спроси: обманывал ли я кого-нибудь?

Робинзон. А покуда ты сбираешься в Париж, не воздухом же мне питаться?

Вожеватов. Об этом уговору не было. В Париж хоть сейчас.

Робинзон. Теперь поздно; поедем, Вася, завтра.

Вожеватов. Ну, завтра так завтра. Послушай, вот что: поезжай лучше ты один, я тебе прогоны выдам взад и вперед.

Робинзон. Как один? Я дороги не найду.

Вожеватов. Довезут.

Робинзон. Послушай, Вася, я по-французски не совсем свободно... Хочу выучиться, да все времени нет.

Вожеватов. Да зачем тебе французский язык?

Робинзон. Как же, в Париже да по-французски не говорить?

Вожеватов. Да и не надо совсем, и никто там не говорит по-французски.

Робинзон. Столица Франции, да чтоб там по-французски не говорили! Что ты меня за дурака, что ли, считаешь?

Вожеватов. Да какая столица! Что ты, в уме ли! О каком Париже ты думаешь? Трактир у нас на площади есть «Париж», вот я куда хотел с тобой ехать.

Робинзон. Браво, браво!

Вожеватов. А ты полагал, в настоящий? Хоть бы ты немножко подумал. А еще умным человеком считаешь себя! Ну, зачем я тебя туда возьму, с какой стати? Клетку, что ли, сделать да показывать тебя?

Робинзон. Хорошей ты школы, Вася, хорошей; серьезный из тебя негоциант выйдет.

Вожеватов. Да ничего; я стороной слышал, одобряют.

Кнуров. Василий Данилыч, оставьте его! Мне нужно вам сказать кой-что.

Вожеватов *(подходя)*. Что вам угодно?

Кнуров. Я все думал о Ларисе Дмитриевне. Мне кажется, она теперь находится в таком положении, что нам, близким людям, не только позволительно, но мы даже обязаны принять участие в ее судьбе.

Робинзон прислушивается.

Вожеватов. То есть вы хотите сказать, что теперь представляется удобный случай взять ее с собой в Париж?

К н у р о в. Да, пожалуй; если угодно: это одно и то же.

В о ж е в а т о в. Так за чем же дело стало? Кто мешает?

К н у р о в. Вы мне мешаете, а я вам. Может быть, вы не боитесь соперничества? Я тоже не очень опасаюсь; а все-таки неловко, беспокойно; гораздо лучше, когда поле чисто.

В о ж е в а т о в. Отступного я не возьму, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Зачем отступное? Можно иначе как-нибудь.

В о ж е в а т о в. Да вот, лучше всего. *(Вынимает из кармана монету и кладет под руку.)* Орел или решетка?

К н у р о в *(в раздумье)*. Если скажу: орел, так проиграю; орел, конечно, вы. *(Решительно.)* Решетка.

В о ж е в а т о в *(поднимая руку)*. Ваше. Значит, мне одному в Париж ехать. Я не в убытке; расходов меньше.

К н у р о в. Только, Василий Данилыч, давши слово, держись; а не давши, крепись! Вы купец, вы должны понимать, что значит слово.

В о ж е в а т о в. Вы меня обижаете. Я сам знаю, что такое купеческое слово. Ведь я с вами дело имею, а не с Робинзоном.

К н у р о в. Вон Сергей Сергеич идет с Ларисой Дмитриевной! Войдемте в кофейную, не будем им мешать.

Кнуров и Вожеватов уходят в кофейную. Входят П а р а т о в и Л а р и с а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

П а р а т о в, Л а р и с а и Р о б и н з о н.

Л а р и с а. Ах, как я устала. Я теряю силы, я насилу взошла на гору. *(Садится в глубине сцены на скамейку у решетки.)*

П а р а т о в. А, Робинзон! Ну, что ж ты, скоро в Париж едешь?

Р о б и н з о н. С кем это? С тобой, ля Серж, куда хочешь; а уж с купцом я не поеду. Нет, с купцами кончено.

П а р а т о в. Что так?

Р о б и н з о н. Невежи!

П а р а т о в. Будто? Давно ли ты догадался?

Р о б и н з о н. Всегда знал. Я всегда за дворян.

П а р а т о в. Это делает тебе честь, Робинзон. Но ты не по времени горд. Применяйся к обстоятельствам, бедный друг мой! Время просвещенных покровителей, время меценатов прошло; теперь торжество буржуазии, теперь искусство на вес золота ценится, в полном смысле наступает золотой век. Но, уж не взыщи, подчас и ваксой напоят, и в бочке с горы, для собственного удо-

вольствия, прокатят — на какого Медичиса нападешь. Не отлучайся, ты мне будешь нужен!

Робинзон. Для тебя в огонь и в воду. *(Уходит в кофейную.)*

Паратов *(Ларисе)*. Позвольте теперь поблагодарить вас за удовольствие — нет, этого мало.— за счастие, которое вы нам доставили.

Лариса. Нет, нет, Сергей Сергеич, вы мне фраз не говорите! Вы мне скажите только: что я — жена ваша или нет?

Паратов. Прежде всего, Лариса Дмитриевна, вам нужно ехать домой. Поговорить обстоятельно мы еще успеем завтра.

Лариса. Я не поеду домой.

Паратов. Но и здесь оставаться вам нельзя. Прокатиться с нами по Волге днем — это еще можно допустить; но кутить всю ночь в трактире, в центре города, с людьми, известными дурным поведением! Какую пищу вы дадите для разговоров.

Лариса. Что мне за дело до разговоров! С вами я могу быть везде. Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой.

Паратов. Вы поедете на моих лошадях — разве это не все равно?

Лариса. Нет, не все равно. Вы меня увезли от жениха; маменька видела, как мы уехали — она не будет беспокоиться, как бы мы поздно ни возвратились... Она покойна, она уверена в вас, она только будет ждать нас, ждать... чтоб благословить. Я должна или приехать с вами, или совсем не являться домой.

Паратов. Что такое? Что значит: «совсем не являться»? Куда деться вам?

Лариса. Для несчастных людей много простора в божьем мире: вот сад, вот Волга. Здесь на каждом сучке удавиться можно, на Волге — выбирай любое место. Везде утопиться легко, если есть желание да сил достанет.

Паратов. Какая экзальтация! Вам можно жить и должно. Кто откажет вам в любви, в уважении! Да тот же ваш жених: он будет радехонек, если вы опять его приласкаете.

Лариса. Что вы говорите! Я мужа своего, если уж не любить, так хоть уважать должна; а как могу я уважать человека, который равнодушно сносит насмешки и всевозможные оскорбления! Это дело кончено: он для меня не существует. У меня один жених: это вы.

Паратов. Извините, не обижайтесь на мои слова! Но едва ли вы имеете право быть так требовательными ко мне.

Лариса. Что вы говорите! Разве вы забыли? Так я вам опять повторю все сначала. Я год страдала, год не могла забыть вас, жизнь стала для меня пуста; я решилась наконец выйти за-

муж за Карандышева, чуть не за первого встречного. Я думала, что семейные обязанности наполнят мою жизнь и помирят меня с ней. Явились вы и говорите: «Брось все, я твой». Разве это не право? Я думала, что ваше слово искренне, что я его выстрадала.

П а р а т о в. Все это прекрасно, и обо всем этом мы с вами потолкуем завтра.

Л а р и с а. Нет, сегодня, сейчас.

П а р а т о в. Вы требуете?

Л а р и с а. Требую.

В дверях кофейной видны К н у р о в и В о ж е в а т о в.

П а р а т о в. Извольте. Послушайте, Лариса Дмитриевна! Вы допускате мгновенное увлечение?

Л а р и с а. Допускаю. Я сама способна увлечься.

П а р а т о в. Нет, я не так выразился; допускаете ли вы, что человек, скованный по рукам и по ногам неразрывными цепями, может так увлечься, что забудет все на свете, забудет и гнетущую его действительность, забудет и свои цепи?

Л а р и с а. Ну, что же! И хорошо, что он забудет.

П а р а т о в. Это душевное состояние очень хорошо, я с вами не спорю; но оно непродолжительно. Угар страстного увлечения скоро проходит, остаются цепи и здравый рассудок, который говорит, что этих цепей разорвать нельзя, что они неразрывны.

Л а р и с а *(задумчиво)*. Неразрывные цепи! *(Быстро.)* Вы женаты?

П а р а т о в. Нет.

Л а р и с а. А всякие другие цепи — не помеха! Будем носить их вместе, я разделю с вами эту ношу, бóльшую половину тяжести я возьму на себя.

П а р а т о в. Я обручен.

Л а р и с а. Ах!

П а р а т о в *(показывая обручальное кольцо)*. Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь.

Л а р и с а. Что же вы молчали? Безбожно, безбожно! *(Садится на стул.)*

П а р а т о в. Разве я в состоянии был помнить что-нибудь! Я видел вас, и ничего более для меня не существовало.

Л а р и с а. Поглядите на меня!

Паратов смотрит на нее.

«В глазах, как на небе, светло...» Ха, ха, ха! *(Истерически смеется.)* Подите от меня! Довольно! Я уж сама об себе подумаю. *(Опирает голову на руку.)*

К н у р о в, В о ж е в а т о в и Р о б и н з о н выходят на крыльцо кофейной.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Паратов, Лариса, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Паратов *(подходя к кофейной)*. Робинзон, поди сыщи мою коляску! Она тут у бульвара. Ты свезешь Ларису Дмитриевну домой.

Робинзон. Ля Серж! Он тут, он ходит с пистолетом.

Паратов. Кто «он»?

Робинзон. Карандышев.

Паратов. Так что ж мне за дело!

Робинзон. Он меня убьет.

Паратов. Ну вот, велика важность! Исполняй, что приказывают! Без рассуждений! Я этого не люблю, Робинзон.

Робинзон. Я тебе говорю: как он увидит меня с ней вместе, он меня убьет.

Паратов. Убьет он тебя или нет — это еще неизвестно; а вот если ты не исполнишь сейчас же того, что я тебе приказываю, так я тебя убью уж наверное! *(Уходит в кофейную.)*

Робинзон *(грозя кулаком)*. О варвары, разбойники! Ну, попал я в компанию! *(Уходит.)*

Вожеватов подходит к Ларисе.

Лариса *(взглянув на Вожеватова)*. Вася, я погибаю!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, голубушка моя! Что делать-то! Ничего не поделаешь.

Лариса. Вася, мы с тобой с детства знакомы, почти родные; что мне делать — научи!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, уважаю я вас и рад бы... я ничего не могу. Верьте моему слову!

Лариса. Да я ничего и не требую от тебя, прошу только пожалеть меня. Ну, хоть поплачь со мной вместе!

Вожеватов. Не могу, ничего не могу.

Лариса. И у тебя тоже цепи?

Вожеватов. Кандалы, Лариса Дмитриевна.

Лариса. Какие?

Вожеватов. Честное купеческое слово. *(Отходит в кофейную.)*

Кнуров *(подходит к Ларисе)*. Лариса Дмитриевна, выслушайте меня и не обижайтесь! У меня и в помышлении нет вас обидеть. Я только желаю вам добра и счастия, чего вы вполне заслуживаете. Не угодно ли вам ехать со мной в Париж, на выставку?

Лариса отрицательно качает головой.

И полное обеспечение на всю жизнь?

Лариса молчит.

Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит; я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления.

Лариса поворачивает голову в другую сторону.

Я бы ни на одну минуту не задумался предложить вам руку, но я женат.

Лариса молчит.

Вы расстроены, я не смею торопить вас ответом. Подумайте! Если вам будет угодно благосклонно принять мое предложение, известите меня; и с той минуты я сделаюсь вашим самым преданным слугой и самым точным исполнителем всех ваших желаний и даже капризов, как бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможного мало. *(Почтительно кланяется и уходит в кофейную.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лариса одна.

Лариса. Я давеча смотрела вниз через решетку, у меня закружилась голова, и я чуть не упала. А если упасть, так, говорят... верная смерть! *(Подумав.)* Вот хорошо бы броситься! Нет, зачем бросаться!.. Стоять у решетки и смотреть вниз, закружится голова и упадешь... Да, это лучше... в беспамятстве, ни боли... ничего не будешь чувствовать! *(Подходит к решетке и смотрит вниз. Нагибается, крепко хватается за решетку, потом с ужасом отбегает.)* Ой, ой! Как страшно! *(Чуть не падает, хватается за беседку.)* Какое головокружение! Я падаю, падаю, ай! *(Садится у стола подле беседки.)* Ох, нет!.. *(Сквозь слезы.)* Расставаться с жизнью совсем не так просто, как я думала. Вот и нет сил! Вот я какая несчастная! А ведь есть люди, для которых это легко. Видно, уж тем совсем жить нельзя, их ничто не прельщает, им ничто не мило, ничего не жалко. Ах, что я!.. Да ведь и мне ничто не мило, и мне жить нельзя, и мне жить незачем! Что ж я не решаюсь? Что меня держит над этой пропастью? Что мешает? *(Задумывается.)* Ах, нет, нет... не Кнуров... Роскошь, блеск... нет, нет... я далека от суеты... *(Вздрогнув.)* Разврат... ох, нет... Просто решимости не имею. Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня убил кто-нибудь... Как хорошо умереть... пока еще упрекнуть себя не в чем. Или захворать и уме-

реть... Да я, кажется, захвораю. Как дурно мне!.. Хворать долго, успокоиться, со всем примириться, всем простить и умереть... Ах, как дурно, как кружится голова. *(Подпирает голову рукой и сидит в забытьи.)*

Входят Робинзон и Карандышев.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Лариса, Робинзон и Карандышев.

Карандышев. Вы говорите, что вам велено отвезти ее домой?

Робинзон. Да-с, велено.

Карандышев. И вы говорили, что они оскорбили ее?

Робинзон. Уж чего еще хуже, чего обиднее?

Карандышев. Она сама виновата: ее поступок заслуживал наказания. Я ей говорил, что это за люди; наконец она сама могла, она имела время заметить разницу между мной и ими. Да, она виновата, но судить ее, кроме меня, никто не имеет права, а тем более оскорблять. Это уж мое дело: прощу я ее или нет; но защитником ее я обязан явиться. У ней нет ни братьев, ни близких; один я, только один я обязан вступиться за нее и наказать оскорбителей. Где она?

Робинзон. Она здесь была. Вот она!

Карандышев. При нашем объяснении посторонних не должно быть; вы будете лишний. Оставьте нас!

Робинзон. С величайшим удовольствием. Я скажу, что вам сдал Ларису Дмитриевну. Честь имею кланяться. *(Уходит в кофейную.)*

Карандышев подходит к столу и садится против Ларисы.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лариса и Карандышев.

Лариса *(поднимая голову)*. Как вы мне противны, кабы вы знали! Зачем вы здесь?

Карандышев. Где же быть мне?

Лариса. Не знаю. Где хотите, только не там, где я.

Карандышев. Вы ошибаетесь, я всегда должен быть при вас, чтобы оберегать вас. И теперь я здесь, чтобы отмстить за ваше оскорбление!

Лариса. Для меня самое тяжкое оскорбление — это ваше покровительство; ни от кого и никаких других оскорблений мне не было.

К а р а н д ы ш е в. Уж вы слишком невзыскательны. Кнуров и Вожеватов мечут жребий, кому вы достанетесь, играют в орлянку — и это не оскорбление? Хороши ваши приятели! Какое уважение к вам! Они не смотрят на вас, как на женщину, как на человека,— человек сам располагает своей судьбой; они смотрят на вас как на вещь. Ну, если вы вещь, это другое дело. Вещь, конечно, принадлежит тому, кто ее выиграл, вещь и обижаться не может.

Л а р и с а *(глубоко оскорбленная)*. Вещь... да, вещь. Они правы, я вещь, а не человек. Я сейчас убедилась в том, я испытала себя... я вещь! *(С горячностью.)* Наконец слово для меня найдено, вы нашли его. Уходите! Прошу вас, оставьте меня!

К а р а н д ы ш е в. Оставить вас? Как я вас оставлю, на кого я вас оставлю?

Л а р и с а. Всякая вещь должна иметь хозяина, я пойду к хозяину.

К а р а н д ы ш е в *(с жаром)*. Я беру вас, я ваш хозяин. *(Хватает ее за руку.)*

Л а р и с а *(оттолкнув его)*. О нет! Каждой вещи своя цена есть... Ха, ха, ха... я слишком, слишком дорога для вас.

К а р а н д ы ш е в. Что вы говорите! Мог ли я ожидать от вас таких бесстыдных слов?

Л а р и с а *(со слезами)*. Уж если быть вещью, так одно утешение — быть дорогой, очень дорогой. Сослужите мне последнюю службу: подите пошлите ко мне Кнурова.

К а р а н д ы ш е в. Что вы, что вы, опомнитесь!

Л а р и с а. Ну, так я сама пойду.

К а р а н д ы ш е в. Лариса Дмитриевна! Остановитесь! Я вас прощаю, я все прощаю.

Л а р и с а *(с горькой улыбкой)*. Вы мне прощаете? Благодарю вас. Только я-то себя не прощаю, что вздумала связать судьбу свою с таким ничтожеством, как вы.

К а р а н д ы ш е в. Уедемте, уедемте сейчас из этого города, я на все согласен.

Л а р и с а. Поздно. Я вас просила взять меня поскорей из цыганского табора, вы не умели этого сделать; видно, мне жить и умереть в цыганском таборе.

К а р а н д ы ш е в. Ну, я вас умоляю, осчастливьте меня!

Л а р и с а. Поздно. Уж теперь у меня перед глазами заблестело золото, засверкали бриллианты.

К а р а н д ы ш е в. Я готов на всякую жертву, готов терпеть всякое унижение для вас.

Л а р и с а *(с отвращением)*. Подите, вы слишком мелки, слишком ничтожны для меня.

К а р а н д ы ш е в. Скажите же: чем мне заслужить любовь вашу? *(Падает на колени.)* Я вас люблю, люблю.

Л а р и с а. Лжете. Я любви искала и не нашла. На меня смотрели и смотрят, как на забаву. Никогда никто не постарался заглянуть ко мне в душу, ни от кого я не видела сочувствия, не слыхала теплого, сердечного слова. А ведь так жить холодно. Я не виновата, я искала любви и не нашла... ее нет на свете... нечего и искать. Я не нашла любви, так буду искать золота. Подите, я вашей быть не могу.

К а р а н д ы ш е в *(вставая)*. О, не раскайтесь! *(Кладет руку за борт сюртука.)* Вы должны быть моей.

Л а р и с а. Чьей ни быть, но не вашей!

К а р а н д ы ш е в *(запальчиво)*. Не моей?

Л а р и с а. Никогда.

К а р а н д ы ш е в. Так не доставайся ж ты никому! *(Стреляет в нее из пистолета.)*

Л а р и с а *(хватаясь за грудь)*. Ах! Благодарю вас! *(Опускается на стул.)*

К а р а н д ы ш е в. Что я, что я... ах, безумный! *(Роняет пистолет.)*

Л а р и с а *(нежно)*. Милый мой, какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда на стол! Это я сама... сама... Ах, какое благодеяние!.. *(Поднимает пистолет и кладет на стол.)*

Из кофейной выходят П а р а т о в, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Р о б и н з о н, Г а в р и л о и И в а н.

Я В Л Е Н И Е Д В Е Н А Д Ц А Т О Е

Л а р и с а, К а р а н д ы ш е в, П а р а т о в, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Р о б и н з о н, Г а в р и л о и И в а н.

В с е. Что такое, что такое?

Л а р и с а. Это я сама... Никто не виноват, никто... Это я сама.

За сценой цыгане запевают песню.

П а р а т о в. Велите замолчать! Велите замолчать!

Л а р и с а *(постепенно слабеющим голосом)*. Нет, нет, зачем!... Пусть веселятся, кому весело... Я не хочу мешать никому! Живите, живите все! Вам надо жить, а мне надо... умереть... Я ни на кого не жалуюсь, ни на кого не обижаюсь... вы все хорошие люди... я вас всех... всех люблю. *(Посылает поцелуй.)*

Громкий хор цыган.

1878

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Александра Николаевна Негина, актриса провинциального театра, молодая девица.

Домна Пантелевна, мать ее, вдова, совсем простая женщина, лет за 40, была замужем за музыкантом провинциального оркестра.

Князь Ираклий Стратоныч Дулебов, важный барин старого типа, пожилой человек.

Григорий Антоныч Бакин, губернский чиновник на видном месте, лет 30-ти.

Иван Семеныч Великатов, очень богатый помещик, владелец отлично устроенных имений и заводов, отставной кавалерист, человек практического ума, ведет себя скромно и сдержанно, постоянно имеет дела с купцами и, видимо, старается подражать их тону и манерам; средних лет.

Петр Егорыч Мелузов, молодой человек, кончивший курс в университете и ожидающий учительского места.

Нина Васильевна Смельская, актриса, постарше Негиной.

Мартын Прокофьич Нароков, помощник режиссера и бутафор, старик, одет очень прилично, но бедно; манеры хорошего тона.

Действие в губернском городе. В первом действии в квартире актрисы Негиной: налево (от актеров) окно, в глубине, в углу, дверь в переднюю, направо перегородка с дверью в другую комнату; у окна стол, на нем несколько книг и тетрадей; обстановка бедная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Домна Пантелевна (одна).

Домна Пантелевна *(говорит в окно)*. Зайди денька через три-четыре; после бенефиста все тебе отдадим! А? Что? О, глухой! Не слышит. Бенефист у нас будет; так после бенефиста все тебе отдадим. Ну, ушел. *(Садится.)* Что долгу, что долгу!

Туда рубль, сюда два... А каков еще сбор будет, кто ж его знает. Вот зимой бенефист брали, всего сорок два с полтиной в очистку-то вышло, да какой-то купец полоумный серьги бирюзовые преподнес... Очень нужно! Эка невидаль! А теперь ярмарка, сотни две уж всё возьмем. А и триста рублей получишь, нешто их в руках удержишь; все промежду пальцев уйдут, как вода. Нет моей Саше счастья! Содержит себя очень аккуратно, ну, и нет того расположения промежду публики: ни подарков каких особенных, ничего такого, как прочим, которые... ежели... Вот хоть бы князь... ну, что ему стоит! Или вот Иван Семеныч Великатов... говорят, сахарные заводы у него не один миллион стоят... Что бы ему головки две прислать: нам бы надолго хватило... Сидят, по уши в деньгах зарывшись, а нет, чтобы бедной девушке помочь. Я уж про купечество и не говорю — с тех что взять! Они и в театр-то не ходят; разве какой уж ошалеет совсем, так его словно ветром туда занесет... так от таких чего ожидать, окромя безобразия.

Входит Нароков.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Домна Пантелевна и Нароков.

Домна Пантелевна. А, Прокофьич, здравствуй!

Нароков *(мрачно)*. Здравствуй, Прокофьевна!

Домна Пантелевна. Я не Прокофьевна, я Пантелевна, что ты!

Нароков. И я не Прокофьич, а Мартын Прокофьич.

Домна Пантелевна. Ах, извините, господин аркист!

Нароков. Коли хотите быть со мной на «ты», так зовите просто Мартыном; все-таки приличнее. А что такое «Прокофьич»! Вульгарно, мадам, очень вульгарно!

Домна Пантелевна. Люди-то мы с тобой, батюшка, маленькие, что нам эти комплименты разводить.

Нароков. «Маленькие»? Я не маленький человек, извините!

Домна Пантелевна. Так неужели большой?

Нароков. Большой.

Домна Пантелевна. Так теперь и будем знать. Зачем же ты, большой человек, к нам, к маленьким людям, пришел?

Нароков. Так, в этом тоне и будем продолжать, Домна Пантелевна? Откуда это в вас озорство такое?

Домна Пантелевна. Озорство во мне есть, это уж греха нечего таить! Подтрунить люблю, и чтобы стеснять себя в разговоре с тобой, так я не желаю.

Нароков. Да откуда оно в вас, это озорство-то? От природы или от воспитания?

Домна Пантелевна. Ах, батюшки, откуда? Ну, откуда... Да откуда чему другому-то быть? Жила всю жизнь в бедности, промежду мещанского сословия: ругань-то каждый божий день по дому кругом ходила, ни отдыху, ни передышки в этом занятии не было. Ведь не из пансиона я, не с мадамами воспитывалась. В нашем звании только в том и время проходит, что все промеж себя ругаются. Ведь это у богатых деликатности разные придуманы.

Нароков. Резон. Понимаю теперь.

Домна Пантелевна. Так неужто ж со всяким нежничать, всякому, с позволения сказать... Сказала б я тебе словечко, да обижать не хочу. Неужто всякому «вы» говорить?

Нароков. Да, в простонародии все на «ты»...

Домна Пантелевна. «В простонародии»! Скажите, пожалуйста! А ты что за барин?

Нароков. Я барин, я совсем барин... Ну, давай на «ты», мне это не в диковину.

Домна Пантелевна. Да какая диковина; обыкновенное дело. В чем же твоя барственность?

Нароков. Я могу сказать тебе, как Лир: каждый вершок меня — барин. Я человек образованный, учился в высшем учебном заведении, я был богат.

Домна Пантелевна. Ты-то?

Нароков. Я-то!

Домна Пантелевна. Да ужли?

Нароков. Ну, что ж, божиться тебе, что ли?

Домна Пантелевна. Нет, зачем? Не божись, не надо; я и так поверю. Отчего же ты шуфлером служишь?

Нароков. Я не chou-fleur и не siffleur, мадам, и не суфлер даже, а помощник режиссера. Здешний-то театр был мой.

Домна Пантелевна *(с удивлением)*. Твой? Скажите на милость!

Нароков. Я его пять лет держал, а Гаврюшка-то был у меня писарем, роли переписывал.

Домна Пантелевна *(с большим удивлением)*. Гаврила Петрович, ампренер здешний?

Нароков. Он самый.

Домна Пантелевна. Ах ты, горький! Так вот что. Значит, тебе в этом театрашном деле счастья бог не дал, что ли?

Нароков. Счастья! Да я не знал, куда девать счастье-то, вот сколько его было!

Домна Пантелевна. Отчего ж ты в упадок-то пришел? Пил, должно быть? Куда ж твои деньги девались?

Нароков. Никогда я не пил. Я все свои деньги за счастьето и заплатил.

Домна Пантелевна. Да какое ж такое счастье у тебя было?

Нароков. А такое и счастье, что я делал любимое дело. *(Задумчиво.)* Я люблю театр, люблю искусство, люблю артистов, понимаешь ты? Продал я свое имение, денег получил много и стал антрепренером. А? Разве это не счастье? Снял здешний театр, отделал все заново: декорации, костюмы; собрал хорошую труппу и зажил, как в раю... Есть ли сборы, нет ли, я на это не смотрел, я всем платил большое жалованье аккуратно. Поблаженствовал я так-то пять лет, вижу, что деньги мои под исход; по окончании сезона рассчитал всех артистов, сделал им обед прощальный, поднес каждому по дорогому подарку на память обо мне...

Домна Пантелевна. Ну, а что ж потом-то?

Нароков. А потом Гаврюшка снял мой театр, а я пошел в службу к нему; платит он мне небольшое жалованье да помаленьку уплачивает за мое обзаведение. Вот и все, милая дама.

Домна Пантелевна. Тем ты только и кормишься?

Нароков. Ну нет, хлеб-то я себе всегда достану; я уроки даю, в газеты корреспонденции пишу, перевожу; а служу у Гаврюшки, потому что от театра отстать не хочется, искусство люблю очень. И вот я, человек образованный, с тонким вкусом, живу теперь между грубыми людьми, которые на каждом шагу оскорбляют мое артистическое чувство. *(Подойдя к столу.)* Что это за книги у вас?

Домна Пантелевна. Саша учится, к ней учитель ходит.

Нароков. Учитель? Какой учитель?

Домна Пантелевна. Студент. Петр Егорыч. Чай, знаешь его?

Нароков. Знаю. Кинжал в грудь по самую рукоятку!

Домна Пантелевна. Что больно строго?

Нароков. Без сожаленья.

Домна Пантелевна. Погоди колоть-то: он жених Сашин.

Нароков *(с испугом)*. Жених?

Домна Пантелевна. Там еще, конечно, что бог даст, а все-таки женихом зовем. Познакомилась она с ним где-то, ну и стал к нам ходить. Как же его назвать-то? Ну и говоришь,

что, мол, жених; а то соседи-то что заговорят! Да и отдам за него, коли место хорошее получит. Где ж женихов-то взять? Вот кабы купец богатый; да хороший-то не возьмет; а которые уж очень-то безобразны, тоже радость не велика. А за него что ж не отдать, парень смирный, Саша его любит.

Нароков. Любит? Она его любит?

Домна Пантелевна. Отчего ж его не любить? Что, в самом деле, по театрам-то трепаться молодой девушке! Никакой основательности к жизни получить себе нельзя!

Нароков. И это ты говоришь?

Домна Пантелевна. Я говорю, и уж давно говорю. Ничего хорошего, окромя дурного.

Нароков. Да ведь твоя дочь талант, она рождена для сцены.

Домна Пантелевна. Для сцены-то для сцены, это точно, это уж что говорить! Она еще маленькая была, так, бывало, не вытащить ее из театра; стоит за кулисами, вся трясется. Муж-то мой, отец-то ее, был музыкант, на флейте играл; так, бывало, как он в театр, так и она за ним. Прижмется к кулисе, да и стоит не дышит.

Нароков. Ну, вот видишь. Ей только па сцене и место.

Домна Пантелевна. Уж куда какое место прекрасное!

Нароков. Да ведь у нее страсть, пойми ты, страсть! Сама же ты говоришь.

Домна Пантелевна. Хоша бы и страсть, да хорошего-то в этом нет, похвалить-то нечего. Это вот вам, бездомовым да беспутным.

Нароков. О, невежество! Кинжал в грудь по рукоятку!

Домна Пантелевна. Да ну тебя с кинжалами! У вас путного-то на сцене немного; а я держу свою дочь на замужней линии. Со всех сторон там к ней лезут, да подлипают, да глупости разные в уши шепчут... Вот князь Дулебов повадился, тоже на старости лет ухаживать вздумал... Хорошо это? Как ты скажешь?

Нароков. Князь Дулебов! Кинжал в грудь по рукоятку!

Домна Пантелевна. Ох, уж много ты очень народу переколол.

Нароков. Много.

Домна Пантелевна. И все живы?

Нароков. А то как же? Конечно, живы, и все в добром здоровье, продли им, господи, веку. На-ка, вот, отдай! *(Подает тетрадку.)*

Домна Пантелевна. Это что ж такое?

Нароков. Роль. Это я сам переписал для нее.

Домна Пантелевна. Да что ж это за парад такой? На тонкой бумаге, связано розовой ленточкой!

Нароков. Ну, да уж ты ей отдай! Что тут разговаривать!

Домна Пантелевна. Да к чему ж эти нежности при нашей бедности? Небось ведь за ленточку-то последний двугривенный отдал?

Нароков. Хоть и последний, так что ж из этого? Ручки у нее хорошенькие, душка еще лучше; нельзя же ей грязную тетрадь подать.

Домна Пантелевна. Да к чему, к чему это?

Нароков. Что ты удивляешься? Все это очень просто и естественно; так и должно быть, потому что я в нее влюблен.

Домна Пантелевна. Ах, батюшки! Час от часу не легче! Да ведь ты старик, ведь ты старый шут; какой ты еще любви захотел?

Нароков. Да ведь она хороша? говори: хороша?

Домна Пантелевна. Ну, хороша; так тебе-то что ж?

Нароков. Кто ж хорошее не любит? Ведь и ты тоже хорошее любишь. Ты думаешь, коли человек влюблен, так сейчас гам... и съел? Из тонких парфюмов соткана душа моя. Где ж тебе это понять!

Домна Пантелевна. А ведь ты чудак, как посмотрю я на тебя.

Нароков. Слава богу, догадалась. Я и сам знаю, что чудак. Что ж ты меня обругать, что ли, этим словом-то хотела?

Домна Пантелевна *(у окна)*. Никак, князь подъехал? И то он.

Нароков. Ну, так я уйду тут, через кухню. Адье, мадам.

Домна Пантелевна. Адье, мусье!

Нароков уходит за перегородку. Входят Дулебов и Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Домна Пантелевна, Дулебов, Бакин.

Домна Пантелевна. Дома нет, ваше сиятельство, уж извините! В гостиный двор пошла.

Дулебов. Ну, ничего, я подожду.

Домна Пантелевна. Как угодно, ваше сиятельство.

Дулебов. Вы делайте свое дело, не беспокойтесь, пожалуйста, я подожду.

Домна Пантелевна уходит.

Бакин. Вот мы и съехались, князь.

Дулебов. Ну, что же, здесь не тесно и для двоих.

Бакин. Но, во всяком случае, один из нас лишний, и этот лишний — я. Уж такое мне счастье: заехал к Смельской, там Великатов сидит, молчит.

Дулебов. А вы бы разговаривали. Вы разговаривать умеете, значит, шансы на вашей стороне.

Бакин. Не всегда, князь. Великатов и молчит-то гораздо убедительнее, чем я говорю.

Дулебов. Да почему же?

Бакин. Потому что богат. А так как, по русской пословице: «С богатым не тянись, а с сильным не борись»,— то я и ретируюсь. Великатов богат, а вы сильны своей любезностью.

Дулебов. Ну, а вы-то чем же хотите взять?

Бакин. Смелостью, князь. Смелость, говорят, города берет.

Дулебов. Города-то, пожалуй, легче... А впрочем... уж это ваше дело. Коли не боитесь проигрыша, так отчего ж и смелость не попробовать.

Бакин. Я лучше готов потерпеть неудачу, чем пускаться в любезности.

Дулебов. У всякого свой вкус.

Бакин. Ухаживать, любезничать, воскрешать времена рыцарства — уж это не много ли чести для наших дам!

Дулебов. У всякого свой взгляд.

Бакин. Мне кажется, очень довольно вот такой декларации: «Я вот таков, как вы меня видите, предлагаю вам то-то и то-то; угодно вам любить меня?»

Дулебов. Да, но ведь это оскорбительно для женщины.

Бакин. А уж это их дело, оскорбляться или нет. По крайней мере, я не обманываю; ведь не могу же я, при таком количестве дел, заниматься любовью серьезно: зачем же я буду притворяться влюбленным, вводить в заблуждение, возбуждать, может быть, какие-нибудь несбыточные надежды! То ли дело договор.

Дулебов. У всякого свой характер. Скажите, пожалуйста, что за человек Великатов?

Бакин. Я об нем знаю столько же, сколько и вы. Очень богат; великолепное имение в соседней губернии, свекловичный завод, да еще конный, да, кажется, винокуренный. Сюда приезжает он на ярмарку; продавать ли, покупать ли лошадей, уж я не знаю. Как он разговаривает с барышниками, я тоже не знаю; но в нашем обществе он больше молчит.

Дулебов. Он деликатный человек?

Б а к и н. Даже очень: никогда не спорит, со всеми соглашается, и никак не разберешь, серьезно он говорит или мистифирует тебя.

Д у л е б о в. Но он очень учтивый человек.

Б а к и н. Уж слишком даже: в театре решительно всех по именам знает, и кассира, и суфлера, и даже бутафора, всем руку подает. А уж старух обворожил совсем; все-то он знает; во все их интересы входит; ну, одним словом, для каждой старухи сын самый почтительный и предупредительный.

Д у л е б о в. А из молодых он, кажется, никому особого предпочтения не дает и держится как-то в стороне от них.

Б а к и н. С этой стороны, князь, будьте покойны, он вам соперник не опасный; он как-то сторонится от молодых и никогда первый не заговаривает: когда обратятся к нему, так у него только и слов: «Что прикажете? что угодно?»

Д у л е б о в. А может быть, это рассчитанная холодность, он хочет заинтересовать собою?

Б а к и н. Да на что ему рассчитывать! Он завтра или послезавтра уезжает.

Д у л е б о в. Да... разве?

Б а к и н. Наверное. Он мне сам говорил; у него уж все приготовлено к отъезду.

Д у л е б о в. Жаль! Он очень приятный человек, такой ровный, спокойный.

Б а к и н. Мне кажется, его спокойствие происходит от ограниченности; ума не скроешь, он бы в чем-нибудь выказался; а он молчит, значит, не умен; но и не глуп, потому что считает за лучшее молчать, чем говорить глупости. У него ума и способностей ровно столько, сколько нужно, чтобы вести себя прилично и не прожить того, что папенька оставил.

Д у л е б о в. В том-то и дело, что папенька оставил ему имение разоренное, а он его устроил.

Б а к и н. Ну, прибавим ему еще несколько практического смысла и расчетливости.

Д у л е б о в. Пожалуй, придется и еще что-нибудь прибавить, и выйдет очень умный, практический человек.

Б а к и н. Как-то верить не хочется. А впрочем, мне все равно, умен ли он, глуп ли; вот что богат очень, это немножко досадно.

Д у л е б о в. Неужели?

Б а к и н. Право. Как-то невольно в голову приходит, что было бы гораздо лучше, если бы я был богат, а он беден.

Д у л е б о в. Да, это для вас лучше, ну а для него-то?

Б а к и н. А мне черт его возьми; что мне до него! Я про себя

говорю. Однако пора и за дело. Уступаю вам место без бою. До свиданья, князь!

Дулебов *(подавая руку)*. Прощайте, Григорий Антоныч!

Бакин уходит. Входит Домна Пантелевна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дулебов и Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Ушли, не дождались?

Дулебов. Вы что за эту квартиру платите?

Домна Пантелевна. Двенадцать рублей, ваше сиятельство.

Дулебов *(указывая в угол)*. Тут сыро, должно быть?

Домна Пантелевна. По деньгам и квартира.

Дулебов. Надо будет переменить. *(Отворяя дверь направо.)* А там что?

Домна Пантелевна. Спальня Саши, а направо-то моя комната, а там кухня.

Дулебов *(про себя)*. Мизерно. Да... конечно, так невозможно.

Домна Пантелевна. По средствам, ваше сиятельство.

Дулебов. Пожалуйста, не говорите, чего не понимаете. Хорошей актрисе нельзя так жить, ну, нельзя, я вам говорю, невозможно. Это неприлично.

Домна Пантелевна. Какие же достатки?

Дулебов. Что такое за слово: «достатки»?

Домна Пантелевна. Из каких доходов, ваше сиятельство?

Дулебов. Какое же нам дело до ваших доходов?

Домна Пантелевна. Да где ж взять-то, ваше сиятельство?

Дулебов. Ну, «где взять»! Кому нужно! Никому до этого дела нет; где хотите, там и берите. Только так нельзя, это... это... ну, просто неприлично, да и все тут.

Домна Пантелевна. Вот кабы жалованье...

Дулебов. Ну, там жалованье или что другое, это уж ваше дело.

Домна Пантелевна. Бенефисты очень плохи берем.

Дулебов. А кто виноват? Чтобы брать большие бенефисы, нужно знакомство хорошее, нужно уметь его выбрать, уметь обходиться... Я могу вам назвать лиц десять, которых нужно

привлечь на свою сторону; вот и великолепные бенефисы будут: и призы и подарки. Это дело простое, давно всем известное. Нужно принимать у себя порядочных людей... А где же тут! Что это такое? Кто сюда поедет?

Домна Пантелевна. А ведь, кажется, публика ее любит, а вот в бенефист так... ничем не заманишь.

Дулебов. Какая публика? Гимназисты, семинаристы, лавочники, мелкие чиновники! Они рады все руки себе отхлопать, по десяти раз вызывают Негину, а уж ведь он, каналья, лишнего гроша не заплатит.

Домна Пантелевна. Что правда, то правда, ваше спятельство. Конечно, кабы знакомство, так уж совсем другое дело.

Дулебов. Само собой. Публику винить нельзя, публика никогда виновата не бывает; это тоже общественное мнение, а на него жаловаться смешно. Надо уметь заслужить любовь публики. Надо, чтоб постоянно окружала вашу дочь богатая молодежь, ну, а главными-то, собственно, ее друзьями были бы мы, солидные люди. Все мы целый день заняты, кто семейными и хозяйственными делами, кто общественными, у нас свободны только несколько часов вечером; где же удобнее, как не у молодой актрисы отдохнуть, так сказать, от бремени забот, одному — хозяйственных, а другому — о вверенном его управлению ведомстве или районе.

Домна Пантелевна. Уж это очень мудрено для меня, ваше сиятельство. Вы вот эти-то слова Саше и скажите.

Дулебов. Да, скажу, непременно скажу, я за этим и приехал.

Домна Пантелевна. Да вот, кажется, и она бежит.

Дулебов. Только уж вы нам не мешайте!

Домна Пантелевна. Ах, помилуйте, да разве я своему детищу враг.

Входит Негина.

Что ты так долго? Князь тебя давно дожидается. *(Берет у дочери шляпку, зонтик, плащ и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дулебов и Негина.

Дулебов *(подходит и целует руку Негиной)*. Ах, моя радость, я вас заждался.

Негина. Извините, князь! с бенефисом все хлопочу, такая мука... *(Задумывается.)*

Дулебов *(садясь)*. Скажите, пожалуйста, мой дружочек...

Негина *(выходя из задумчивости)*. Что вам угодно?

Дулебов. Как эта пьеса, что вы в последний раз играли?..

Негина. «Уриель Акоста».

Дулебов. Да, да... Прекрасно вы играли, прекрасно. Сколько чувств, благородства! Не шутя вам говорю.

Негина. Благодарю вас, князь.

Дулебов. Странные пьесы нынче пишут; не поймешь ничего.

Негина. Да она уже давно написана.

Дулебов. Давно? Чья же она, Каратыгина или Григорьева?

Негина. Нет, Гуцкова.

Дулебов. А! Гуцкова... знаю, знаю. Еще у него есть комедия, прекрасная комедия: «Русский человек добро помнит».

Негина. То Полевого, князь.

Дулебов. Ах, да... я смешал... Полевого... Николай Полевой. Он из мещан... По-французски выучился самоучкой, ученые книги писал, всё с французского брал... Только он тогда заспорил с кем-то... с учеными или с профессорами. Ну где же, возможно ли, да и прилично ли! Ну, ему и не велели ученых книг писать, приказали водевили сочинять. После сам был благодарен, большие деньги получал. «Мне бы, говорит, и не догадаться». Что вы так печальны?

Негина. Много хлопот, князь.

Дулебов. Вам, моя красавица, надо веселее быть, вам еще рано задумываться; старайтесь развлекать себя, утешать чем-нибудь. Вот мы сейчас с вашей матушкой говорили...

Негина. Об чем, князь?

Дулебов. Разумеется, о вас, мое сокровище, а то о чем же! Вот квартира у вас нехороша... Нельзя актрисе, хорошенькой девушке, в такой избе жить; это неприлично.

Негина *(несколько обидясь)*. Не хороша квартира? Ну, так что же? Я и сама знаю, что бывают квартиры лучше этой... Вам бы, князь, пожалеть меня, не напоминать мне о моей бедности, я и без вас ее чувствую каждый час, каждую минуту.

Дулебов. Да разве я вас не жалею? Я вас очень жалею, красавица моя.

Негина. Так вы жалейте про себя, ваше сиятельство! Мне нет никакой пользы от ваших сожалений, а слышать их неприятно. Вы находите, что моя квартира не хороша; а я нахожу, что она удобна для меня, и мне лучше не надо. Вам моя квартира не нравится, вам неприятно бывать в такой квартире, так ведь никто вас не принуждает.

Дулебов. Не горячитесь, не горячитесь, моя радость! Вы не дослушаете, да и сердитесь на человека, который вам предан всей душой... Так нельзя...

Негина. Извольте говорить, я слушаю.

Дулебов. Я человек деликатный, я никогда никого не оскорбляю, я известен своей деликатностью. Я бы никогда не посмел осуждать вашу квартиру, если б не имел в виду...

Негина. Чего, князь?

Дулебов. Предложить вам другую, лучше гораздо.

Негина. За ту же цену?

Дулебов. Ну, какое вам дело до цены?

Негина. Я что-то не понимаю, князь.

Дулебов. Вот видите ли, мое блаженство, я человек очень добрый, нежный — это тоже всем известно... я, несмотря на свои лета, до сих пор сохранил всю свежесть чувства... я еще до сих пор могу увлекаться, как юноша...

Негина. Я очень рада; но какое же отношение имеет все это к моей квартире?

Дулебов. Очень просто. Разве вы не замечаете? Я люблю вас... Лелеять вас, баловать... это было бы для меня наслаждением... это моя потребность; у меня очень много нежности в душе, мне нужно ласкать кого-нибудь, я без этого не могу. Ну, подойдите же ко мне, мой птенчик!

Негина *(встает)*. Вы с ума сошли!

Дулебов. Грубо, мой друг, грубо!

Негина. Да с чего вы вздумали? Помилуйте! Я вам никакого повода не подавала... Как вы осмелились выговорить?

Дулебов. Потише, потише, мой дружочек!

Негина. Это что ж такое! Приехать в чужой дом и ни с того ни с сего затеять глупый, обидный разговор.

Дулебов. Потише, потише, пожалуйста! Вы еще очень молоды, чтобы так разговаривать.

Негина. Вот это мило! «Вы еще молоды»! Значит, молодых можно обижать сколько угодно, и они должны молчать.

Дулебов. Да какая тут обида? В чем обида? Дело самое обыкновенное. Вы не знаете ни жизни, ни порядочного общества и осмеливаетесь осуждать почтенного человека! Что вы, в самом деле! Вы меня обижаете!

Негина *(в слезах)*. Ах, боже мой! Нет, это выше сил...

Дулебов. На все есть приличная форма, сударыня! В вас совсем нет благовоспитанности; не нравится вам мое предложение, вы должны были все-таки поблагодарить меня и высказать ваше нежелание учтиво или как-нибудь на шутку свести.

Негина. Ах, оставьте меня, пожалуйста! Не нужно мне ваших нравоучений. Я сама знаю, что мне делать, сама знаю, что хорошо, что дурно. Ах, боже мой!.. Да не желаю я вас слушать.

Дулебов. Да что же вы кричите?

Негина. Отчего ж мне не кричать? Я у себя дома, кого ж мне бояться?

Дулебов. Прекрасно! Только вы помните, моя радость, что я обиды не забываю.

Негина. Ну, хорошо, хорошо, буду помнить.

Дулебов. Извините, я думал, что вы девица благовоспитанная; я никак не мог ожидать, что вы от всякой малости расплачетесь и расчувствуетесь, как кухарка.

Негина. Да ну, хорошо; ну я кухарка, только я желаю быть честной.

Домна Пантелевна показывается из дверей.

Дулебов. И поздравляю вас! Только честности одной мало, надо быть и поумнее, и поосторожнее, чтобы потом не плакать. Билета мне не присылайте, я не поеду на ваш бенефис, мне некогда; а если вздумаю, так пошлю взять в кассе. *(Уходит.)*

Входит Домна Пантелевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Негина и Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Что такое? Что тут у вас? Князь уехал? Уж не рассердился ли он?

Негина. Да пускай его сердится!

Домна Пантелевна. Что ты! Опомнись! Перед бенефистом-то? Да в уме ли ты?

Негина. Да ведь невозможно! Что он говорит! Кабы вы послушали!

Домна Пантелевна. А тебе что! Пускай говорит. От его слов тебя не убудет.

Негина. Да ведь вы не знаете, что он говорил; что ж вы мешаетесь не в свое дело?

Домна Пантелевна. Очень я знаю, оченно прекрасно все это знаю, что мужчины говорят.

Негина. И можно это слушать равнодушно?

Домна Пантелевна. А что ж такое! Городи, сколько хочешь. Пусть его мелет в свое удовольствие, а ты знай посмеивайся!

Негина. Ах, не учите! Оставьте, пожалуйста! Я знаю, как вести себя.

Домна Пантелевна. Уж и видно, что знаешь: перед самым бенефистом побранилась ты с таким человеком!

Негина. Маменька, да разве вы не видите, что я расстроена? Я дрожу вся, а вы ко мне пристаете.

Домна Пантелевна. Нет, ты погоди! Ты выслушай от матери резон! Как же это перед бенефистом браниться, ежели которые люди тебе нужные?.. Не могла ты подождать-то? Ну, после бенефиста бранись сколько хочешь, я тебе ни слова не скажу. Потому нельзя тоже им и волю давать; ограничить следует. Ах, мол, ты пугало огородное!..

Негина. Маменька, да довольно уж...

Домна Пантелевна. Нет, постой! А перед бенефистом ты должна была учтиво...

Негина. Да я и не бранилась, я только обиделась и сказала, чтоб он оставил меня в покое.

Домна Пантелевна. Вот и глупа, вот и глупа! Ты бы, как можно, старалась учтивее. «Мол, ваше сиятельство, мы завсегда вами оченно довольны и завсегда вами благодарны; только подлостев таких мы слушать не желаем. Мы, мол, совсем напротив того, как вы об нас понимаете». Вот как надо сказать! Потому честно, благородно и учтиво.

Негина. Что сделано, то сделано; нечего теперь об этом толковать!

Домна Пантелевна. Я вот и не ученая, да знаю, как с людьми разговаривать; а тебя еще учитель учит...

Негина. Что вы еще об учителе?.. Ведь не понимаете вы этого ничего, так нечего вам и мешаться не в свое дело.

Домна Пантелевна. Да чего понимать-то? Обнаковенно студент... Эка важность какая, скажите пожалуйста! Не барон какой-нибудь!.. Видали мы этого звания-то довольно. Только на разговоре их и взять... Голь на голи да голью погоняет. Только один форс, а сертучишка нет порядочного.

Негина. Что он вам сделал... ну, за что вы? За что вы и меня-то мучаете?

Домна Пантелевна. Ну, да как же, эка особа! И говорить про него не смей! Нет, матушка, никто мне не запретит, захочу вот, так и обругаю, в глаза обругаю. Самые что ни есть обидные слова подберу, да так-таки прямо ему и отпечатаю... Вот ты и знай, как с матерью спорить, как с матерью разговаривать.

Негина. Уйдите!

Домна Пантелевна. Вот еще: «Уйдите»! Да уходи сама, коли тебе со мной тесно.

Негина. Вон кто-то подъехал, кажется... Уйдите, маменька! Кому интересно наши с вами умные разговоры слушать!

Домна Пантелевна. Так вот не уйду же. Ишь ты... Сама разобидит мать как нельзя хуже, да еще разные претен-

зии представляет... «Умные разговоры». Не глупее я тебя с студентом-то с твоим, с лохматым.

Негина *(взглянув в окно)*. Великатов! В первый раз к нам... а у нас тут...

Домна Пантелевна. Не беспокойтесь, сударыня, мамзель Негина, знаменитая актриса, обращение не хуже вас знаем... Только я тебе это припомню.

Негина. Смельская с ним.

Домна Пантелевна. Да-с, вот люди умеют же...

Негина. Какие лошади, какие лошади!

Домна Пантелевна. Смельская-то катается, а мы пешечком ходим.

Входят Смельская и Великатов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Негина, Домна Пантелевна, Смельская и Великатов.

Домна Пантелевна. Пожалуйте, пожалуйте, Нина Васильевна!

Смельская. Здравствуйте, Домна Пантелевна! Гостя к вам привезла, Ивана Семеныча Великатова.

Великатов кланяется.

Домна Пантелевна. Ах, очень приятно познакомиться. Давно я вас знаю, в театре часто видала, а познакомиться не приводилось.

Смельская. Здравствуй, Саша! Я сбиралась к тебе, уж и шляпу надела, а Иван Семеныч и заехал; ну, и увязался со мной. Ты не сердишься? Она ведь у нас затворница.

Негина *(подает руку Великатову)*. Ах, что ты! Я очень рада. Вам бы давно догадаться, Иван Семеныч.

Великатов. Не смел, Александра Николавна; я человек робкий.

Смельская. Да, уж робкий — похоже!

Негина. Скажите лучше, гордый.

Домна Пантелевна. Вот уж это ты напрасно; Иван Семеныч человек обходительный со всеми, я сама это видала. Гордости этой в них совсем нет.

Великатов. Совсем нет, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Я люблю правду говорить.

Великатов. Я тоже, Домна Пантелевна.

Негина. Садитесь, Иван Семеныч.

Великатов. Не беспокойтесь, сделайте одолжение! У вас, вероятно, какие-нибудь дела есть; вы на нас не обращайте внимания. Я с Домной Пантелевной побеседую. *(Садится у стола.)*

Негина и Смельская говорят шепотом.

Негина *(Смельской)*. Вот что, Нина...

Смельская. Неужели?

Негина. Да. Не знаю, что и делать.

Смельская. Как же быть-то? Да ты бы... *(Говорит шепотом.)*

Домна Пантелевна. Да что вы, в самом деле, шепчетесь? Нешто это учтиво?

Великатов. Не мешайте им! У всякого свои дела.

Домна Пантелевна. Какие дела! Всё пустяки. Ведь я знаю, про что говорят. О тряпках. Вот у них дела-то какие!

Великатов. Для нас с вами тряпки — пустяки, а для них — важное дело.

Домна Пантелевна. Платьишка нет к бенефисту, да и денег-то.

Великатов. Ну, вот видите! А вы говорите, что пустяки. *(Взглянув в окно.)* Курочки-то это ваши?

Домна Пантелевна. Которые?

Великатов. А вот кохинхинские.

Домна Пантелевна. Нет, где уж нам кохетинских разводить! Были две гилянки да две шпанки, а петух русский; орел, а не петух — да всех разворовали.

Великатов. А вы любите курочек-то, Домна Пантелевна?

Домна Пантелевна. До страсти, батюшка, всякую птицу люблю.

Входит Мелузов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Негина, Смельская, Домна Пантелевна, Великатов и Мелузов.

Негина *(Великатову)*. Позвольте вас познакомить! Петр Егорыч Мелузов. Иван Семеныч Великатов.

Смельская. Ах, знаете ли, Иван Семеныч, ведь Петр Егорыч — студент; он жених Сашин.

Великатов *(подавая руку)*. Очень приятно с вами познакомиться.

Мелузов. Что же тут приятного для вас? Ведь это фраза. Ну, познакомились, так и будем знакомы. Вот и все.

Великатов *(почтительно)*. Совершенно справедливо: очень много говорится пустых фраз, я с вами согласен; но то, что я сказал, извините, не фраза. Мне приятно, что артистки выходят замуж за порядочных людей.

Мелузов. Да, коли так... благодарю вас! *(Подходит и горячо жмет руку Великатову.)*

Негина. Пойдем, Нина, я тебе покажу платье! Посмотри, можно ли из него сделать что-нибудь! *(Великатову.)* Извините, что мы вас оставляем! Но я знаю, что вам не будет скучно: вы будете разговаривать с образованным человеком, это не то, что с нами. Маменька, пойдемте! Отоприте шкаф!

Уходят Негина, Смельская и Домна Пантелевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Великатов и Мелузов.

Великатов *(заметив на столе книги)*. Книжки и тетрадки.

Мелузов. Да, учимся понемножку.

Великатов. И успехи есть?

Мелузов. Некоторые, так сказать, относительные.

Великатов. И того довольно. Времени у Александры Николавны мало: чуть не каждый день новая пьеса, надо и рольку подготовить, и о костюме подумать. Не знаю, как вы полагаете, а мне кажется, что это довольно затруднительно: учить и роли и грамматику вместе.

Мелузов. Да, удобств больших не представляет.

Великатов. По крайней мере, есть стремление, есть охота, и то уж великое дело. Честь вам и слава.

Мелузов. Да за что же слава-то, например?

Великатов. За благородные намерения. Кому же в голову придет актрису грамматике учить!

Мелузов. Да вы смеетесь, может быть?

Великатов. Нисколько, помилуйте; я никогда себе не позволю. Я очень люблю молодых людей.

Мелузов. Уж будто?

Великатов. Очень люблю их слушать... это освежает душу. Такие благородные, высокие замыслы... даже завидно.

Мелузов. Чему же тут завидовать? Кто ж вам мешает иметь благородные, высокие замыслы?

Великатов. Нет, где же нам, помилуйте! Нас проза жизни одолела. И рад бы в рай, да грехи не пускают.

Мелузов. Какие же грехи за вами водятся?

Великатов. Тяжкие. Практические соображения, материальные расчеты — вот наши грехи. Постоянно вращаешься в сфере возможного, достижимого; ну, душа-то и мельчает, уж высоких, благородных замыслов и не приходит в голову.

Мелузов. Да что вы называете благородными замыслами?

Великатов. А такие замыслы, в которых очень много благородства и очень мало шансов на успех.

Входят Негина, Смельская и Домна Пантелевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Великатов, Мелузов, Негина, Смельская и Домна Пантелевна.

Смельская *(Негиной.)* Все это, душа моя, не годится.

Негина. Я и сама вижу. Новое делать — будет очень дорого.

Смельская. Да как же быть-то! ведь нельзя же... Поедемте, Иван Семеныч!

Великатов. К вашим услугам. *(Подает руку Негиной.)* Честь имею кланяться!

Негина. Какие у вас лошади! Вот бы прокатиться как-нибудь.

Великатов. Когда вам угодно, прикажите только. *(Подает руку Мелузову, потом Домне Пантелевне.)* Домна Пантелевна, мое почтение! А как вы на мою тетеньку похожи.

Домна Пантелевна. Да ужли?

Великатов. Ведь это удивительно... такое сходство... чуть не назвал вас тетенькой.

Домна Пантелевна. Да зовите, за чем дело стало!

Смельская. Ну, едемте! Прощай, Саша! Прощайте! *(Кланяется всем.)*

Великатов *(Домне Пантелевне)*. До свидания, тетенька!

Уходят Смельская и Великатов. Домна Пантелевна провожает их до двери.

Домна Пантелевна. Ах, прокурат! *(Негиной.)* А ты говоришь, он гордый! ничего не гордый. Уж на что еще обходительнее. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Негина и Мелузов.

Негина *(у окна)*. Как покатили! Что за прелесть! Счастливая эта Нина; вот характер завидный.

Мелузов обнимает ее.

Ах, медвежьи объятья!.. До смерти не люблю. Нет, Петя, оставь меня!

Мелузов. Саша, да ведь я от тебя еще ни одной ласки не видал. Хороши жених с невестой!

Негина. После, Петя, после. Дай мне немного успокоиться! Мне теперь не до того.

Мелузов. А коли не до того, так давай учиться!

Негина. Какое ученье! У меня бенефис из головы нейдет; платья нет, вот моя беда.

Мелузов. Не о платье же мы будем говорить, это не мой предмет; по этой части я в преподаватели не гожусь.

Негина. Ох, мне теперь не преподавание нужно, а деньги.

Мелузов. Ну, и по этой части я тоже швах. Вот получу место, запрягусь; тогда будем жить безбедно. Ну, что ж мы будем делать? А вот что, Саша: давай примемся за исповедь!

Негина. Ах, мне всегда это как-то неловко!

Мелузов. Ты меня стыдишься?

Негина. Нет, а как-то вот тяжело... неприятно.

Мелузов. Надо побороть в себе это неприятное чувство. Ведь ты меня просила учить тебя жить; ну, как же я стану тебя учить, не лекции же читать? А вот ты мне говоришь, что ты чувствовала, говорила и делала; а я тебе говорю, как надо чувствовать, говорить и поступать. Так ты постепенно и улучшаешься и со временем будешь...

Негина. Что буду, милый мой?

Мелузов. Будешь совсем хорошей женщиной, такой, какой надо, как это нынче требуется от вашего брата.

Негина. Да, я тебе благодарна. Я уж и так много лучше стала, я сама это чувствую... А все тебе обязана, голубчик... Ну, изволь.

Мелузов *(садится у стола)*. Садись со мной рядом!

Негина *(садится подле, Мелузов обнимает ее одной рукой)*. Ну, вот слушай! Нынче утром заезжал ко мне князь Дулебов. Говорил, что у меня квартира нехороша, что так жить неприлично; ну, я немножко обиделась, сказала, что коли моя квартира ему не нравится, так никто его не принуждает бывать здесь.

Мелузов. Молодец, Саша! Далее!

Негина. Далее, предложил мне переехать на другую квартиру, хорошую.

Мелузов. Зачем это ему?

Негина. А затем, что у него очень много нежности в душе и что ему, видишь ты, ласкать некого.

Мелузов *(хохочет)*. Вот силлогизм неожиданный! Так как мне ласкать некого, а ласкать нужно, то эта квартира не хороша, и вы должны переехать на новую квартиру. *(Хохочет.)* Ай да князь! Одолжил.

Негина. Ты вот смеешься, тебе весело, а я расплакалась.

Мелузов. Так и надо: мне смеяться, а тебе плакать.

Негина. Да почему же это?

Мелузов. Да ты подумай! Если бы от таких разговоров тебе очень весело было, а я бы заплакал, хорошо ли бы это было?

Негина *(подумав)*. Да, уж это было бы очень нехорошо. Ах ты, головка! *(Гладит его по голове.)* Скажи мне, Петя, отчего ты такой умный?

Мелузов. Умный или нет, еще это вопрос; но что я умней многих вас, в этом нет сомнения. И умней оттого, что я больше думаю, чем говорю; а вы больше говорите, чем думаете.

Негина. Ну, теперь уж я тебе скажу самую сокровенную вещь... Только ты, пожалуйста, не сердись! это уж наш порок женский. Я сегодня позавидовала.

Мелузов. Кому ты можешь завидовать, милая? В чем?

Негина. Да только ты не сердись! Смельской... что она так весело живет, катается на таких лошадях. Дурно, знаю, что дурно.

Мелузов. Зависть да ревность — опасные чувства: мужчины это знают хорошо и пользуются вашей слабостью. Из зависти да из ревности женщина много дурного способна натворить.

Негина. Знаю, знаю, видала примеры. Мне так это на минуту в голову пришло, я потом одумалась.

Мелузов. Надо уж что-нибудь одно, Саша. Мы с тобой хотим честную, трудовую жизнь вести, так об лошадях ли нам думать!

Негина. Да, конечно! Ведь и в трудовой жизни есть свои удовольствия, Петя? Ведь бывают?

Мелузов. Еще бы!

Негина. Ты у нас пообедай! После обеда я тебе роль почитаю, так и проведем целый день вместе. Будем привыкать к тихой семейной жизни.

Мелузов. Бесподобно!

Негина *(прислушиваясь)*. Это что такое? Подъехал кто-то.

Входит Смельская с двумя свертками в руках.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Негина, Мелузов и Смельская.

Смельская. Вот, Саша, на! *(Подает один сверток.)* Это Иван Семеныч купил нам по платью. Это тебе, а это мне.

Развертывают и смотрят оба куска.

Мелузов. Да какое же он имеет право делать подарки Александре Николавне?

Смельская. Ах, оставьте, пожалуйста, ваши рассуждения! Ваша философия теперь не к месту. Это совсем не подарок, это он ей за билет в бенефис.

Мелузов. А вам за что?

Смельская. А вам какое дело! За то, что любит меня.

Негина. Именно то, что мне нужно, Нина. Ах, как мило!

Смельская. Ведь я выбирала; уж я знаю, что тебе требуется. Ну, едем, Саша, едем скорей!

Негина. Куда?

Смельская. Кататься, я на лошадях Ивана Семеныча, а потом обедать в вокзал. Он звал всю труппу, хочет проститься со всеми; он скоро уезжает.

Негина *(задумчиво)*. Право, не знаю.

Смельская. Да что ты, помилуй! Об чем тут думать! разве отказаться можно? Должна же ты поблагодарить его.

Мелузов. Весьма любопытно, как вы поступите в этом случае?

Негина. Знаете что, Петр Егорыч? Я думаю, что мне надо ехать, а то неучтиво. Можно вооружить против себя всю публику; князь уж сердится, да и Великатов может обидеться.

Мелузов. А когда же мы будем к тихой семейной жизни привыкать?

Смельская. Это уж после бенефиса, Петр Егорыч. Время ли теперь о семейной жизни думать. Это смешно даже. Еще семейная-то жизнь успеет надоесть; а теперь нужно пользоваться случаем.

Негина *(решительно)*. Нет, Петр Егорыч, я поеду. В самом деле, отказываться нехорошо.

Мелузов. Как вам угодно; это ваше дело.

Негина. Тут не в том дело, угодно ли мне; может быть, мне и неугодно; а необходимо ехать; конечно, необходимо, и рассуждать нечего.

Мелузов. Так поезжайте!

Смельская. Сбирайся, сбирайся!

Негина. Я сейчас. *(Уходит за перегородку со свертком.)*

С м е л ь с к а я. Вы не ревновать ли вздумали? Так успокойтесь, он через день уезжает, да и я не уступлю его Саше.

М е л у з о в. «Не уступлю». Вы меня извините, я таких отношений между мужчинами и женщинами не понимаю.

С м е л ь с к а я. Да где же еще вам понимать! Ведь вы жизни совсем не знаете. А вот поживите между нами, так научитесь все понимать.

Входит Н е г и н а одетая.

Ну, идем! Прощайте! *(Уходит.)*

Н е г и н а. Петя, ты приходи вечером; мы будем учиться; я буду умница; я буду тебя слушаться всегда во всем, а теперь прости меня! Ну, прости, милый! *(Целует его и убегает.)*

М е л у з о в *(нахлобучивает шляпу)*. Гм! *(Подумав.)* Зашагаем ко дворам! Ничего не поделаешь!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Н е г и н а.
С м е л ь с к а я.
Князь Д у л е б о в.
В е л и к а т о в.
Б а к и н.
М е л у з о в.
Н а р о к о в.
Г а в р и л о П е т р о в и ч М и г а е в — антрепренер.
Е р а с т Г р о м и л о в — трагик.
В а с я, молодой купчик, приятной наружности и с приличными манерами.
П у б л и к а разного рода, более купеческая.

Городской сад. Направо (от актеров) задний угол театра (деревянного) с входной дверью на сцену; ближе к авансцене садовая скамья; налево, на первом плане, под деревьями, скамейка и стол; в глубине под деревьями столики и садовая мебель.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Т р а г и к сидит у стола, опустив голову на руки; из театра выходит Н а р о к о в.

Т р а г и к. Мартын, антракт?

Н а р о к о в. Антракт. А ты уж опять «за Уралом за рекой»?

Т р а г и к. Где мой Вася? Где мой Вася?

Н а р о к о в. А я почем знаю.

Трагик. Мартын, поди сюда!

Нароков *(подходя)*. Ну, пришел сюда, ну, что?

Трагик. Деньги есть?

Нароков. Ни крейцера.

Трагик. Мартын... для друга! Велико это слово!

Нароков. Pas un sou;[1] хоть вывороти карманы.

Трагик. Скверно.

Нароков. На что хуже.

Трагик *(покачав головой)*. О люди, люди!..

Молчание.

Мартын!

Нароков. Что еще?

Трагик. Займи поди!

Нароков. У кого прикажете? Кредит-то у нас с тобой необширный.

Трагик. О люди, люди!

Нароков. Да, уж действительно, «о люди, люди»!

Трагик. И ты, Мартын, возроптал?

Нароков. Какая-то гнусная, дьявольская интрига затевается.

Трагик *(грозно)*. Интрига? Где? Против кого?

Нароков. Против Александры Николавны!

Трагик *(еще грознее)*. Кто он? Где он? Скажи ему от меня, что он со мной будет иметь дело, с Ерастом Громиловым!

Нароков. Ничего ты не сделаешь. Замолчи! Не раздражай меня! Я и так расстроен, а ты шумишь без толку. Мука мне с вами! У всех у вас и много лишнего, и многого не хватает. Я измаялся, глядя на вас. У комиков много лишнего комизма, а у тебя много лишнего трагизма; а не хватает у вас грации... грации, меры. А мера-то и есть искусство... Вы не актеры, вы шуты гороховые!

Трагик. Нет, Мартын, я благороден... Ах, как я благороден! Одно, брат Мартын, обидно, что благороден-то я только в пьяном виде... *(Опускает голову и трагически рыдает.)*

Нароков. Ну, вот и шут, ну, вот и шут!

Трагик. Мартын! говорят, что ты сумасшедший; скажи мне, правда это или нет?

Нароков. Правда, я согласен; но только с одним условием: если вы все здесь умные, так я сумасшедший, я тогда спорить не стану.

Трагик. Знаешь, Мартын, на что мы с тобой похожи?

Нароков. На что?

Трагик. Ты знаешь Лира?

---

[1] Ни одного су *(франц.)*.

Нароков. Знаю.

Трагик. Так помнишь, там, в лесу, в бурю... Я — Лир, а ты — мой дурак.

Нароков. Нет, не заблуждайся, Лиров нет меж нами; а кто из нас дурак, это я предоставляю тебе самому догадаться.

Из театра выходит Негина.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Трагик, Нароков и Негина.

Негина. Что ж это такое, Мартын Прокофьич? Что они со мной делают?

Нароков *(хватаясь за голову)*. Не знаю, не знаю, не спрашивайте меня.

Негина. Да ведь это обидно до слез.

Нароков. О, не плачьте; они не стоят ваших слез. Вы белый голубь в черной стае грачей, вот они и клюют вас. Белизна, чистота ваша им обидна.

Негина *(сквозь слезы)*. Послушайте, Мартын Прокофьич, ведь при вас, при вас, помните, он обещал дать мне сыграть перед бенефисом. Я жду, я целую неделю не играла, сегодня последний спектакль перед бенефисом; а он, противный, что же делает! Назначает «Фру-фру» со Смельской.

Нароков. Кинжал в грудь по рукоятку!

Негина. Устраивают ей овации накануне моего бенефиса, подносят букеты; а меня публика и забыла совсем. Какой же у меня может быть сбор!

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Я стала ему говорить, он только шутит да смеется в глаза.

Нароков. Дерево он у нас, дерево, дуб, осина.

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Мартын Прокофьич, вы только одни меня любите.

Нароков. О да, больше жизни, больше света.

Негина. Я вас понимаю и сама люблю.

Нароков. Понимаете, любите? Ну, вот я и счастлив, да, да... *(тихо смеется)* как ребенок, счастлив.

Негина. Мартын Прокофьич, сделайте одолжение, попщите Петра Егорыча; скажите ему, чтобы он ко мне на сцену пришел.

Нароков. Я так счастлив, что с удовольствием позову и приведу к вам вашего любовника.

Негина. Он жених, Мартын Прокофьич, а не любовник.

Нароков. Все равно, все равно, голубь мой белый! Жених, муж; но если вы его любите, так он ваш любовник. Но я ему не завидую, я сам счастлив.

Негина. Да зайдите в кассу, узнайте, берут ли на мой бенефис. Я подожду вас в уборной: будем чай пить.

Нароков уходит.

Трагик. Коли с ромом, так и я буду.

Негина. Нет, без рому. *(Уходит на сцену.)*

Трагик. Где мой Вася? где мой Вася? *(Уходит в глубину сада.)*

Входят князь Дулебов и Мигаев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дулебов и Мигаев.

Дулебов. Негина нам не годится, говорю я вам. Вы обязаны угождать благородной публике, светской, а не райку. Ну, а нам она не по вкусу, слишком проста, ни манер, ни тону.

Мигаев. Гардеробу не имеет хорошего, а талант большой-с.

Дулебов. Ну, талант! Много вы, мой милый, понимаете!

Мигаев. Действительно, ваше сиятельство, я понимаю не очень много; но ведь мы судим... извините, ваше сиятельство, по карману: делает сборы большие, так и талант.

Дулебов. Ну да, конечно; вы материалисты.

Мигаев. Совершенно справедливо изволили сказать, ваше сиятельство, мы материалисты.

Дулебов. Вы не понимаете этого... тонкого... как это сказать... этого шику.

Мигаев. Не понимаем, ваше сиятельство. Но позвольте вам доложить, я в прошлом году выписал знаменитость с шиком на великосветские роли...

Дулебов. Ну, что же?

Мигаев. Убыток, ваше сиятельство. Ни красы, ни радости.

Дулебов. Красы не было? Ну, как это возможно сказать, как можно позволить себе сказать, что красы не было!

Мигаев. Виноват, ваше сиятельство. Краса действительно была: бывало, когда она одевается, так вся труппа подле уборной, кто в двери, кто в щелочки. Ведь у нас уборные прозрачные, ажур устроены.

Дулебов *(хохочет)*. Ха, ха, ха! Вот видите! Ну и радость тоже.

Мигаев. Так точно-с, и радость была... для вашего сиятельства, а для меня горе.

Дулебов. Ха, ха, ха! Ты каламбурист.

Мигаев. Нельзя же без этого, всего есть понемножку, а то пропадешь; наше звание такое, ваше сиятельство.

Дулебов. Ты бы водевили писал. Извините, я вам говорю «ты»... Но это только знак расположения, мой милый.

Мигаев. А из чего же мы и бьемся, как не из расположения. Только осчастливьте, ваше сиятельство... А там «ты» ли, «вы» ли — это решительно все равно.

Дулебов. Нет, зачем же! Я учтив, я всегда деликатен. Так что ж вы водевилей не пишете?

Мигаев. Пробовал, ваше сиятельство.

Дулебов. Ну, что же?

Мигаев. Театрально-литературный комитет не одобряет.

Дулебов. Странно. Отчего же так?

Мигаев. Не могу знать, ваше сиятельство.

Дулебов. А вы в другой раз, коли напишете, так скажите мне. Я вам сейчас... у меня там. Ну, да что тут. Только скажите.

Мигаев. Слушаю, ваше сиятельство.

Дулебов. А я уж это сейчас!.. у меня там... ну, да что толковать, только скажите... А я вам, вместо Негиной, выпишу актрису настоящую; и собой *(разводит руками)* уж, мое почтение! Пальчики оближете.

Мигаев. Пальчики облизать, это ничего, это еще можно стерпеть, не пришлось бы кулаком слезы утирать, ваше сиятельство?

Дулебов. Ха, ха, ха! Вы каламбурист! Нет, право, пишите водевили, пишите, я советую. А актриса, я вам говорю, прелесть.

Мигаев. Цена, ваше сиятельство?

Дулебов. Ну, цена, конечно, подороже.

Мигаев. Из каких же доходов, ваше сиятельство? Где взять прикажете? И так год от году на них цена растет; а сборы все хуже да хуже. Платим жалованье, очертя голову, точно миллионщики. Разве исполу, ваше сиятельство?

Дулебов. Что такое «исполу»! Как так исполу?

Мигаев. Пополам, половину жалованья вы, половину я.

Дулебов. Ха, ха, ха! Ну, пожалуй... Ну, что такое Негина? Какая это первая актриса! с ней скучно, мой милый, она не оживляет общества, она наводит на нас уныние.

М и г а е в. Что же делать! уж если так угодно вашему сиятельству, так я с ней контракта не возобновлю.

Д у л е б о в. Да, непременно.

М и г а е в. У нее контракт кончается.

Д у л е б о в. Ну, вот и прекрасно. Вся наша публика будет вам благодарна.

М и г а е в. Да публики-то вашей, ваше сиятельство, только первый ряд кресел.

Д у л е б о в. Зато мы даем тон.

М и г а е в. Как бы не прогадать.

Д у л е б о в. О нет, не беспокойтесь! Публика к ней охладела; вот посмотрите, в бенефис у ней совсем сбору не будет. Хотите пари?

М и г а е в. Спорить не смею.

Д у л е б о в. Да и нельзя со мной спорить; я лучше вас знаю публику и понимаю дело. А я такую актрису выпишу, что она здесь всех одушевит. Мы тогда заживем припеваючи.

М и г а е в. Припеваючи? Волком бы не завыть, ваше сиятельство.

Д у л е б о в. Ха, ха, ха! Нет, ты каламбурист, решительно каламбурист. Ах, извините. Это у меня, когда уж очень я разговорюсь, в дружеской беседе, а то я вообще деликатен... я даже и с прислугой... *(Вынимает портсигар.)* Хочешь сигару?

М и г а е в. Пожалуйте, ваше сиятельство. *(Берет сигару.)* Дорогие-с?

Д у л е б о в. Я дешевых не курю.

М и г а е в. А у меня горе, ваше сиятельство.

Д у л е б о в. Что такое?

М и г а е в. Трагик запил. Вон он бродит по саду.

Д у л е б о в. А паспорт у него в порядке?

М и г а е в. Когда ж у них в порядке бывают, ваше сиятельство.

Д у л е б о в. Так можно пугнуть: что, мол, по этапу на место жительства.

М и г а е в. Нет, уж пугать-то их, ваше сиятельство, не приходится: себе дороже.

Д у л е б о в. А что?

М и г а е в. Душа у них очень широка, ваше сиятельство. Мне, говорит, хоть в Камчатку, а ты — мерзавец! Да так он это слово, ваше сиятельство, выразительно выговорит, что не до разговоров, а только подумываешь, как бы ноги унести.

Д у л е б о в. Да, в таком случае лучше лаской.

М и г а е в. Уж и то ласкою. Удивляются, ваше сиятельство, что укротители ко львам в клетку ходят; нас этим не удивишь.

Я скорей соглашусь ко льву подойти, чем к трагику, когда он не в духе или пьян.

Дулебов. Ха, ха ха! Однако задали они вам страху. Я пойду поищу своих. *(Уходит за театр.)*

Входит трагик.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мигаев и трагик.

Мигаев *(подает сигару)*. Хочешь сигару?

Трагик. Грошовая? От тебя ведь хорошей не дождешься.

Мигаев. Нет, хорошая, княжеская.

Трагик. А что ж сам не куришь?

Мигаев. Да у меня свои-то лучше. *(Вынимает серебряный портсигар.)*

Трагик. Вот какой портсигар у тебя, а говоришь, денег нет.

Мигаев. Да, чудак, давно б я его заложил, да нельзя — дареный, в знак памяти, пуще глазу его берегу. Видишь надпись: «Гавриилу Петровичу Мигаеву от публики».

Трагик. Ефиоп!

Мигаев. Толкуй с тобой, коли ты резонов не понимаешь. Вон публика; должно быть, акт кончился. *(Уходит.)*

Трагик *(вслед ему)*. Ефиоп! *(Садится к столу.)* О люди, люди! *(Опускает голову на руки.)*

Входят Дулебов, Великатов, Бакин и Вася.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Трагик, Дулебов, Великатов, Бакин и Вася.

Бакин. Это прекрасно; так их и надо учить, вперед умнее будут. Я в кассу заходил, справлялся; сбору четырнадцать рублей.

Вася. Капитал небольшой-с. Еще завтра поторгуют утром да вечером; оно и понаберется.

Бакин. Сто рублей. Больше не будет.

Вася. И то деньги-с.

Бакин. Не велики. Ведь, чай, и должишки есть, за тряпочки за разные. Без этого актрисы не живут. *(Васе.)* Вам не должна?

Вася. Мы в кредит не отпускаем-с.

Бакин. Скрываете. Я это люблю, это очень приятно, когда общественное мнение так дружно высказывается. *(Великатову.)* Как вы полагаете?

Великатов. Совершенно согласен с вами.

Бакин. Она в лице князя оскорбила наше общество; а общество платит ей за это равнодушием, дает понять, что оно забыло о ее существовании. Вот когда придется ей зубы на полку положить, так и выучится приличному обхождению.

Вася. Чем же госпожа Негина оскорбила его сиятельство?

Бакин. Да вы знаете князя Ираклия Стратоныча? Вот он!

Вася. Как же нам не знать-с, и кто ж в наших палестинах не знает их сиятельства!

Дулебов. Да, мы с ним знакомы давно, я еще и отца его...

Бакин *(Васе)*. Значит, вы знаете, что это за человек? Это человек в высшей степени почтенный, это наш аристарх, душа нашего общества, человек с большим вкусом, умеющий хорошо пожить, человек, любящий искусство и тонко его понимающий, покровитель всех художников, артистов, а преимущественно артисток...

Дулебов. Не довольно ли?

Бакин. Каждому по заслугам, князь. И кроме того, человек щедрый, гостеприимный, отличный семьянин. Господа, заметьте это! Это редкость в наше время. Ну, одним словом, человек почтеннейший во всех отношениях. Так я говорю?

Вася. Точно так-с.

Бакин *(Великатову)*. Кажется, тут двух мнений быть не может?

Великатов. Совершенно с вами согласен.

Бакин. И этот, господа, почтеннейший во всех отношениях человек и отличный семьянин пожелал осчастливить своей благосклонностью девицу, и именно Негину. Что тут дурного, я вас спрашиваю. Он очень учтиво говорит ей: «Хотите, душенька, идти ко мне на содержание?» А она изволила обидеться и расплакаться.

Дулебов. Нет уж, Григорий Антоныч, оставьте, сделайте одолжение!

Бакин. Почему же, князь?

Дулебов. Вы когда начнете хвалить кого-нибудь, так у вас выходит, что почтенный во всех отношениях человек оказывается совсем непочтенным.

Бакин. Как вам угодно. Я не знаю... я всегда говорю правду. Позвольте, князь, я продолжу немножко. Так, изволите видеть, госпожа Негина обиделась. Ей бы и в голову не пришло обижаться, по крайней мере, своим умом ей бы никак до этого не дойти, потому что, в сущности, тут для нее нет ничего обидного. Оказывается постороннее влияние.

Дулебов. Да, я слышал.

Б а к и н. У этой барышни нашелся наставник студент, значит, дело объясняется просто.

Д у л е б о в. И в театр проникли.

Б а к и н. Знали бы свое дело, резали бы собак да лягушек; а то вздумали актрис просвещать. Ученая пропаганда между актрисами — дело опасное; против нее надо принять неотложные меры.

Д у л е б о в. Конечно.

Б а к и н. Ну, как они просветят их в самом деле; куда ж нам тогда с князем деться?

Д у л е б о в. Ну, уж довольно: прошу вас!

Б а к и н. Извольте, я кончил. *(Великатову.)* Вы, кажется, хотели уехать сегодня?

В е л и к а т о в. Не всегда можно рассчитывать наверное. Я действительно хотел уехать сегодня: но теперь мне представляется одна операция, на которую я прежде не рассчитывал.

Б а к и н. Нажива манит?

В е л и к а т о в. Это дело рискованное: можно и нажить, а очень легко и потерять.

Б а к и н. Хорошо бы сегодня поужинать вместе.

В е л и к а т о в. Что ж, я не прочь.

Б а к и н. Князь, как вы?

Д у л е б о в. Да, пожалуй, поедемте.

Б а к и н. Сойдемся здесь по окончании спектакля, да и поедем куда-нибудь! Теперь что там? Дивертисмент?

В а с я. Рассказчик какой-то рассказывает.

Д у л е б о в. Что ж, пойдемте посмеемтесь.

Б а к и н. Коли есть чему, прибавьте, князь.

Бакин, Дулебов и Великатов уходят.

Т р а г и к. Где мой Вася?

В а с я *(подходя)*. Здесь Вася. Что тебе?

Т р а г и к. Где ты, братец, пропадаешь?

В а с я. Да тебе что нужно-то от меня; говори скорее!

Т р а г и к. Что нужно! Уважение нужно. Разве ты своей обязанности не знаешь?

В а с я. Ну, подожди немножечко; уважу. Ведь уж долго ждал, так немножко-то подождать можешь. Я пойду рассказчика послушаю: все наши там. Ну, будь друг, не держи меня!

Т р а г и к. Ступай! Я благороден.

Вася уходит.

Со сцены выходят Н е г и н а, С м е л ь с к а я и М е л у з о в; у него на руке плед и накидка Негиной.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Трагик, Негина, Смельская и Мелузов.

Смельская. Да, Саша, твое положение очень неприятное; я понимаю; только я тут ни в чем не виновата. Ах, Саша, и я в большом затруднении.

Негина. Не может быть: какие у тебя затруднения! Я не верю. Тебе так легко, хорошо живется на свете.

Смельская. А вот видишь. *(Отводит Негину к стороне.)* За мной очень ухаживает князь.

Негина. Так что ж! Уж это твое дело.

Смельская. Конечно, мое дело, я это знаю; но мне и Великатова не хочется упустить.

Негина *(с некоторым волнением)*. А разве Великатов тоже за тобой ухаживает?

Смельская. Он странный какой-то: каждый день бывает у меня, исполняет все мои желания, а ничего не говорит... Он робок, должно быть. Ведь бывают такие характеры. Как мне теперь поступить, уж я и не знаю. Показать князю холодность — наживешь врага; а Великатов, пожалуй, уедет завтра, и его потеряешь. Любезничать с князем будет и неблагодарно с моей стороны, да и Великатов мне гораздо больше нравится.

Негина. Еще бы! Конечно... Кому он не понравится!

Смельская. Ты находишь? А что я узнала про него! Ведь у него миллионное состояние; он только прикидывается таким простым. Уж и не знаю, что мне делать. Поверишь ли, Саша, измучилась.

Негина. Я ведь ничего не понимаю в этих делах; спроси вон Петра Егорыча.

Смельская. Что ты! А он-то что понимает? Он будет городить свою философию; нужно очень. И ты, милая Саша, напрасно его слушаешь! Не слушай, не слушай ты его, коли добра себе желаешь. Он тебя только с толку сбивает. Философия-то хороша в книжках; а он поживи-ка попробуй на нашем месте! Уж есть ли что хуже нашего женского положения! Ты домой, так пойдем!

Негина. Мне бы хотелось поговорить с Гаврилом Петровичем, я его дожидаюсь.

Смельская. Так и я подожду.

Подходят к Мелузову, который смотрит на трагика.

Трагик *(поднимая голову, Мелузову)*. Кто ты такой? Зачем ты здесь?

Негина. Он со мной пришел.

Трагик. Александра Николавна!.. Саша! Офелия! Зачем он здесь?

Негина. Это мой жених, мой учитель.

Трагик. Учитель! Чему же он тебя учит?

Негина. Всему хорошему.

Трагик *(Мелузову)*. Ну, поди сюда!

Мелузов подходит.

Давай руку!

Мелузов подает руку.

Я сам тоже учитель, да, учитель. Что ты на меня смотришь? Я учу богатого купца.

Мелузов. А позволено ли мне будет спросить?..

Трагик. Спрашивай!

Мелузов. Чему, например, вы учите?

Трагик. Благородству.

Мелузов. Предмет серьезный.

Трагик. Я думаю, да-с... я думаю. Это не то, что твоя география какая-нибудь. Значит, мы с тобой учителя, ну, и прекрасно. По этому случаю пойдем в буфет, выпьем и, разумеется, на твой счет.

Мелузов. Ну, уж извините! На этом поприще я вам не товарищ, я не пью.

Трагик. Саша, Саша! Александра! К нам, к артистам, в храм муз, кого ты водишь с собой!

Мелузов. Да пойдемте! Вы будете пить вино, а я стакан воды выпью.

Трагик. Пошел ты к черту! Уберите его! *(Опускает голову.)* Где мой Вася?

Входят Дулебов, Великатов, Бакин, Вася, за ним лакей из буфета с бутылкой портвейна и рюмками; несколько лиц из публики, которые остаются в глубине сцены.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дулебов садится на скамейку с правой стороны, с ним рядом садится Смельская, неподалеку от них Мелузов и Негина; к ним подходят с левой стороны Великатов и Бакин. Трагик сидит в прежнем положении, к нему подходит Вася и лакей из буфета, который ставит бутылку и рюмки на стол и отходит к стороне. Публика частию стоит, а частию садится за столики в глубине. Потом Мигаев.

Вася *(трагику, наливая рюмку вина)*. Покорнейше прошу, пожалуйте!

Трагик. Не проси, и так выпью. К чему много слов: «Покорнейше прошу, пожалуйте!» Скажи: пей! Видишь, как просто — всего только одно слово; а какая мысль глубокая.

Из театра выходит Мигаев.

Негина. Гаврило Петрович, пожалуйте сюда!

Мигаев *(подходя к Негиной)*. Что вам угодно?

Негина. На сцене вы всё бегали от меня; я желаю теперь поговорить с вами здесь, при посторонних.

Мелузов. Да, интересно будет выслушать от вас мотивы ваших поступков.

Мигаев. Каких поступков-с?

Мелузов. Вы назначили бенефис Александры Николаевны в самом конце ярмарки.

Мигаев. Самое лучшее время-с. По контракту я обязан дать бенефис госпоже Негиной во время ярмарки; но там не сказано, в начале или в конце; это уж мое дело-с.

Мелузов. Вы стоите на почве закона; это я понимаю. Но, кроме закона, существуют еще для человека нравственные обязанности.

Мигаев. Это какие же такие-с, и к чему весь этот разговор?

Мелузов. А вот послушайте: вы отодвинули бенефис до последнего дня, поздно выпустили афиши и не дали Александре Николавне сыграть перед бенефисом. Это ваши поступки.

Мигаев. Точно так-с.

Мелузов. Но Александра Николавна этого не заслужила, потому что в продолжение ярмарки доставляла вам всегда полные сборы, чего другие не делали. Вот и потрудитесь оправдать свое поведение.

Трагик. Ефиоп!

Мигаев. Сколько мне известно, вы у нас в театре не служите; а посторонним я в своих делах отчета не даю-с.

Дулебов. Разумеется. Что за допрос! Он хозяин в театре, он поступает, соображаясь с своими расчетами и выгодами.

Мелузов. Тем не менее такие поступки называются неблаговидными, и господин, позволяющий себе подобный образ действий, не имеет права считать себя честным человеком. О чем я и имею честь объявить вам перед публикой. И затем мы считаем себя удовлетворенными.

Мигаев. Как вам угодно-с, как вам угодно-с, мне все равно. У публики вкусы разные, на всех не угодишь: вам мои поступки не нравятся, а князь их одобряет.

Мелузов. Какое мне дело до князя! Нравственные-то законы для всех одинаковы.

Мигаев подходит к князю.

Бакин. Вот охота людям даром терять красноречие, проповедовать Мигаеву об честности! Уж это очень наивно. Честность он давно считает предрассудком, и для него разницы между чест-

ным и бесчестным поступком не существует, пока его не побили. А вот плюхи две-три влетит, тогда он задумается: должно быть, мол, я какую-нибудь мерзость сделал, коли меня бьют.

Трагик. Да и влетит, и дождется, уж это я ему давно пророчу.

Мигаев *(подойдя к Негиной)*. Значит, вы, госпожа Негина, изволите быть на меня в претензии?

Негина. Конечно. И вы еще спрашиваете.

Мигаев. В таком случае, что же вас заставляет служить у меня? Контракт ваш кончается.

Негина. Да, но ведь вы сами просили, чтоб я его возобновила.

Мигаев. Извините, передумал-с. По требованию публики должен на ваше место пригласить другую артистку.

Негина стоит в изумлении.

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Вы должны были предупредить меня заранее; у меня были приглашения от других антрепренеров, я всем отказывала, я верила вашему слову.

Мигаев. Словам-то вы напрасно верите. Мы за каждое свое слово отвечать никак не можем,— мы зависим от публики и должны исполнять ее желания.

Негина. Куда же мне теперь, я и не знаю; вы меня поставили в такое положение...

Мигаев. Виноват-с. С другой бы артисткой я так и не сделал; но вы такой талант, для вас никакого ущерба не будет, вас везде примут с радостью.

Негина *(сквозь слезы)*. Вы еще смеетесь надо мной... Но хорошо еще, что вы мне это сказали накануне моего бенефиса... я завтра прощусь с публикой... которая меня так любит... Надо напечатать, что я играю в последний раз.

Вася. Мы и без афиш везде разблаговестим.

Негина *(Великатову)*. Вы, Иван Семеныч, не уедете до завтра?

Великатов. Нет, еще не уеду-с.

Негина. Значит, будете в театре?

Великатов. Непременно.

Бакин. Только вы этого на свой счет не принимайте: он остается не для вашего бенефиса, у него еще не кончены дела — есть в виду какая-то операция.

Великатов. Действительно есть. Эта операция не секрет, господа; я ее не скрою от вас; я хочу купить бенефис у Александры Николавны. Может быть, и наживу что-нибудь.

Негина. Как? Вы хотите купить мой бенефис? Вы не шутите? Это еще новая обида, новая насмешка надо мной?

Великатов. Нисколько не шучу. Как вы цените ваш бенефис, что вам угодно получить за него?

Негина. Я ни во что его не ценю, он ничего не стоит. Дай бог, чтобы убытку не было.

Вася. Напрасно изволите беспокоиться, ваш бенефис очень можно купить-с.

Великатов. Сколько может получить бенефициант, если театр полон и цены большие? Ведь брал же кто-нибудь очень хорошие бенефисы?

Трагик *(ударяя кулаком по столу)*. Я.

Вася. Мы с ним в начале ярмарки триста пятьдесят рублей взяли.

Великатов. Угодно вам получить триста пятьдесят рублей?

Негина. Я не могу; это очень много, это подарок... я не желаю получать подарков, это не в моих правилах.

Великатов. Как приятно слышать такие речи от молодой артистки! Сейчас видно, что у вас есть хороший руководитель, человек с честными, благородными убеждениями.

Вася. Да ничего не дорого, Александра Николавна, помилуйте-с! Уж коли Иван Семеныч берутся за это дело, так у вас завтра вся ярмарка будет. Я пятьдесят рубликов накину; угодно взять четыреста рублей?

Великатов. Нет, извините, я не уступлю, я предлагаю Александре Николавне пятьсот рублей.

Вася. Шабаш, дальше не пойду; цена настоящая.

Негина. Да что вы делаете, господа? Ведь у меня бенефис половинный, да еще расходы.

Вася. В убытке не будем-с; люди коммерческие; завтра к одиннадцати часам ни одного билета не останется. *(Великатову.)* Позвольте в долю войти! Пожалуйте два бельэтажа и дюжину кресел!

Великатов. Возьмите у кассира да скажите ему, чтобы он деньги за билеты, которые продал, и все оставшиеся билеты, исключая верхних, доставил мне сейчас же! Я здесь подожду.

Вася. Хорошо, я скажу-с. Извольте получить за два бельэтажа и двенадцать кресел. *(Отдает деньги.)*

Великатов *(принимая деньги)*. Тут сто рублей.

Вася. Так точно, в расчете-с. Позвольте, тут наших есть человека четыре, так, может, найдутся охотники; я сейчас сбегаю. *(Уходит в глубь сцены.)*

В е л и к а т о в. Я еще не получил вашего согласия, Александра Николавна.

Н е г и н а *(Мелузову)*. Как мне поступить, Петр Егорыч! Я не знаю; как вы скажете, так я и сделаю.

М е л у з о в. И я не знаю: я в таких вопросах не компетентен. Покуда, кажется, все в законных формах. Соглашайтесь.

Н е г и н а *(Великатову)*. Я согласна, благодарю вас.

В е л и к а т о в. Благодарить не за что, я наживу деньги: я должен вас благодарить.

М и г а е в *(Дулебову)*. А вы, ваше сиятельство, пари предлагали.

Д у л е б о в. Ну, кто же мог ожидать. Это совсем особенный случай.

Б а к и н *(Великатову)*. Мне билетик оставьте! Любопытное это будет зрелище.

В а с я возвращается.

В а с я. Билеты и деньги кассир сейчас принесет, только кассу подсчитает. Я еще взял десять кресел по пяти рублей. Извольте получить. *(Отдает Великатову 50 рублей.)*

В е л и к а т о в. Не дорого ли это?

В а с я. Ничего не дорого; сейчас четыре билета по пяти рублей продал, а завтра у меня пойдет первый ряд по десяти, да на подарок беру по десяти рублей с рыла.

Д у л е б о в. Уж это надо быть совсем дураком, чтобы в провинциальном театре платить по десяти рублей за кресло.

В а с я. Да уж в первом-то ряду, ваше сиятельство, у кассира только одно место осталось.

Д у л е б о в. В таком случае, Иван Семеныч, оставьте его за мной.

В е л и к а т о в. За десять рублей, князь?

Д у л е б о в. Что ж делать, коли все с ума сошли.

В а с я. Ну, Гаврило Петрович, закрывай лавочку! Как Александра Николавна уедет, тебе больше не торговать! Баста! Калачом в театр не заманишь. Так ты и ожидай!

Н е г и н а. Дайте мне пальто, Петр Егорыч! До свиданья, господа! Благодарю вас! Вы меня утешили, а уж я плакать собиралась, право, господа, так обидно, так обидно...

Мелузов подает ей пальто, Негина надевает его.

Т р а г и к. Вася, спрашивай шампанского!

В а с я. Да разве нужно?

Т р а г и к. Да как же, чудак; ты поступил благородно, так надо тебя поздравить, братец.

В а с я. Так давно бы ты сказал. Человек, бутылку шампанского!

Н е г и н а. Прощайте, господа!

В е л и к а т о в. Позвольте вам предложить мою коляску.

С м е л ь с к а я. Предлагаете коляску и себя, конечно, в провожатые?

В е л и к а т о в. Нет, зачем же! Александра Николавна поедет с своим женихом. *(Мелузову.)* Кстати уж и вас кучер завезет домой; а потом вы его пришлите.

М е л у з о в. Обо мне-то уж ваши заботы я считаю, извините, лишними. *(Закутывается пледом. Великатов ему помогает.)* Вы напрасно беспокоитесь, я привык обходиться без чужой помощи. Это мой принцип.

В е л и к а т о в. Но его трудно выдержать: без взаимной помощи люди не обходятся.

Н е г и н а *(Великатову)*. Вы такой благородный человек, такой деликатный... Я вам так благодарна, я не знаю, как и выразить... Я вас поцелую завтра.

В е л и к а т о в. Очень буду счастлив.

С м е л ь с к а я. Завтра? Это долго ждать. *(Дулебову.)* Князь, а я вас поцелую сегодня, сейчас.

Д у л е б о в. Готов служить, моя прелесть. Распоряжайтесь мной как угодно?

Смельская целует Дулебова.

Н е г и н а. Ну, прощайте, господа, прощайте! *(Посылает рукой поцелуи.)*

Т р а г и к. Офелия! о нимфа! помяни меня в твоих святых молитвах.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Негина.
Домна Пантелевна.
Великатов.
Бакин.
Мелузов.
Нароков.
Вася.
Трагик.
Матрена, кухарка Негиной.

Декорация первого действия. Вечер, на столе две свечи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Матрена, потом Домна Пантелевна.

Матрена *(у двери)*. Кто там?

За сценой голос Домны Пантелевны:
«Это я, Матрена!»

Сейчас отпираю.

Входит Домна Пантелевна.

Киатра-то разошлась?

Домна Пантелевна. Нет еще, не совсем, с полчаса пройдет. Я нарочно пораньше; надо чай приготовить. Саша приедет, так чтобы ей не дожидаться. Самовар-то готов у тебя?

Матрена. Развела, гляди, зашумит скоро.

Домна Пантелевна. А зашумит, так прикрой.

Матрена. Что его прикрывать-то! Наш самовар и зашумит, так не скоро кипеть-то сберется; уж он поет-поет на разные голоса, надсажается-надсажается, а все толку мало; а раздувать примешься, так он хуже, ровно тебе на смех. У меня с ним брани немало бывает.

Домна Пантелевна. Измучилась я в театре-то; жара, духота, радехонька, что выкатилась.

Матрена. Да, вестимо, летнее дело в четырех стенах сидеть, а народу, поди, много?

Домна Пантелевна. Полнехонек театр, как есть; кажется, яблоку упасть негде.

Матрена. Ишь ты! Чай, в ладоши-то трепали-трепали?

Домна Пантелевна. Всего было. Поди-ка погляди самовар-то да сбери в ее комнате! Постой-ка, кто-то подъехал. Саше бы еще рано.

Матрена отворяет дверь, входит Великатов. Матрена уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Домна Пантелевна и Великатов.

Великатов. Здравствуйте, Домна Пантелевна!

Домна Пантелевна. Здравствуйте, Иван Семеныч! Что это вы вздумали...

Великатов. Дело есть, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Так до завтра бы. А то поздно, неловко как-то, у нас об эту пору мужчины не бывают.

Великатов. Не беспокойтесь, Домна Пантелевна, я Александру Николавну дожидаться не стану; а про нас с вами никто дурного не скажет.

Домна Пантелевна. Ах вы, проказник!..

Великатов. Стало быть, тетенька, вам и опасаться нечего.

Домна Пантелевна. Да какая я вам тетенька?

Великатов. А что ж, разве бы я в племянники вам не годился?

Домна Пантелевна. Да уж чего еще лучше! Совсем молодец, поискать этакого красавца!

Великатов. А я вам, Домна Пантелевна, деньги привез за бенефис.

Домна Пантелевна. Вот благодарю, вот уж покорно благодарю! Самое это для нас нужное, самое необходимое; потому, Иван Семеныч, первое дело: долги. Как без них проживешь? Возможно ли?

Великатов. Невозможно, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Все мы люди.

Великатов. Все человеки, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Они, долги-то, у нас хотя и маленькие, а все-таки, ежели который человек с совестью, так беспокойство.

Великатов. Беспокойство, Домна Пантелевна, беспокойство. *(Передавая пакет с деньгами.)* Вот, отдайте Александре Николавне.

Домна Пантелевна. Благодарны, оченно вами благодарны, Иван Семеныч! Чаю не прикажете ли?

Великатов. Покорно благодарю; не могу, увольте от чаю, Домна Пантелевна! Как-то в душу ничего нейдет, особенно чай; так все словно тоска какая-то, Домна Пантелевна, все словно я не в себе.

Домна Пантелевна. Пахондрия.

Великатов. Действительно. Домна Пантелевна, пахондрия.

Домна Пантелевна. Денег много, а дела нет, вот она и привяжется.

Великатов. Как раз угадали; от этого от самого.

Домна Пантелевна. А то отчего ж бы вам тосковать-то.

Великатов. Это точно, что не от чего. А тоскую, Домна Пантелевна, вот и мечешься на ярмарке-то из трактира в трактир.

Поверите ли, вот уж другую неделю все два раза в день пьян... Так думаю, Домна Пантелевна: либо это на меня напущено, либо уж богу так угодно.

Домна Пантелевна. Одиночество.

Великатов. Одиночество, Домна Пантелевна; золотые ваши слова; и разговору больше нет, что одиночество.

Домна Пантелевна. Изберите подругу жизни!

Великатов. Где взять прикажете?

Домна Пантелевна. Женитесь, возьмите барышню хорошую; за вас всякая пойдет, хоша бы самого высокого роду.

Великатов. Боюсь, тетенька.

Домна Пантелевна. Что вы, помилуйте, чего бояться, что тут страшного?

Великатов. Скучнее станет.

Домна Пантелевна. Ах, нет, это вы напрасно. Как же можно! Совсем разница женатый человек, нежели холостой.

Великатов. На фортепианах они очень любят играть; а я этого терпеть не могу.

Домна Пантелевна. Все-таки музыка. Ну, а холостому какое удовольствие? Окромя, что выпить с приятелями, никакой ему другой радости нет в жизни.

Великатов. А хозяйство, Домна Пантелевна? Как вы об этом скажете?

Домна Пантелевна. Ну, конечно, ежели кто хозяйство свое ведет...

Великатов. За мной этот грех водится. У меня в деревне домик хороший, комнат в сорок, лошадей довольно, садик разведен чуть не на версту, с беседками, с прудами...

Домна Пантелевна. Значит, все заведение вполне, как следует быть у хорошего помещика?

Великатов. Все вполне, Домна Пантелевна. Коли скучно, выдешь на крыльцо, индейские петухи по двору ходят, все белые.

Домна Пантелевна. Белые! Ах, скажите, пожалуйста!

Великатов. Закричишь им: «Здорово, ребята!» Они тебе отвечают: «Здравия желаем, ваше благородие!»

Домна Пантелевна. Приучены?

Великатов. Приучены. Ну, и утешаешься. По крышам, по заборам павлины сидят, хвосты-то на солнышке так и играют.

Домна Пантелевна. И павлины? Ах, батюшки мои!

Великатов. Выдешь в парк погулять, по озеру лебеди плавают, всё парочками, всё парочками, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Да неужто лебеди? Вот рай-то! Хоть бы глазком взглянула.

Великатов *(взглянув на часы)*. Так мы хорошо, приятно с вами, тетенька, разговорились, что расставаться не хочется; поговорил бы и еще, да некогда, извините, дело есть.

Домна Пантелевна. Уж и я бы поговорила, такой вы для меня приятный... Этакого милого, обходительного человека я и в жизнь не видывала...

Великатов. От бенефиса вашего я, Домна Пантелевна, деньги нажил, так позвольте вам подарочек предложить. *(Уходит в переднюю и выносит сверток в бумаге и подает Домне Пантелевне.)*

Домна Пантелевна. Что же это такое?

Великатов. Платочек.

Домна Пантелевна *(развернув бумагу)*. Да какой платочек, помилуйте — скажите, это целая шаль, я сроду такой и не нашивала. Да сколько ж она стоит-то?

Великатов. Не знаю, мне даром досталась, у купца у знакомого взял по-приятельски.

Домна Пантелевна. Батюшка, да за что же это? Право, уж я и не знаю, что мне... Да уж я вас поцелую, уж позвольте, родной мой... душа моя не вытерпит.

Великатов. Сделайте одолжение, сколько вам угодно.

Домна Пантелевна целует его.

Прощайте! Александре Николавне засвидетельствуйте мое почтение. Может быть, не увидимся. *(Уходит.)*

Домна Пантелевна провожает его в переднюю, потом возвращается.

Домна Пантелевна. Откуда этакие люди берутся! Батюшки мои! *(Надевает платок.)* Да я его и не сниму теперь. *(Смотрит в зеркало.)* Барыня, ну как есть барыня! Вот человек-то! А то что у нас за люди! Не глядели б глаза мои на них. Ведь вот есть же люди. *(Прислушивается.)* Кто там еще?

Входит Нароков с венками и букетами.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Домна Пантелевна и Нароков.

Нароков. Вот бери, на! Вот лавры твоей дочери! Гордись!

Домна Пантелевна. Эка невидаль! Куда нам эти веники-то! На что они!

Нароков. Невежество! Эти венки — знак восторга, знак признательности таланту за счастие, которое он доставляет. Лавры — это диплом на почет, на уважение.

Домна Пантелевна. Сколько небось истрачено на этот хворост! Лучше бы деньгами. Деньгам-то уж мы бы место нашли, а этот ворох... куда его? В печку, только и всего.

Нароков. Деньги-то ты проживешь, а это у тебя всегда на память останется.

Домна Пантелевна. Ну да, как же, нужно очень всякий хлам беречь! Нынче же за окно выкину. Ты вот смотри! *(Показывает ему шаль и поворачивается перед ним.)* Вот это подарок! Мило, прелестно, деликатно.

Нароков. Ну, всякому свое, я тебе не завидую; вот дочери твоей завидую. Я себе несколько листиков на память возьму. *(Отрывает несколько листков.)*

Домна Пантелевна. Да хоть все бери, не запла́чу.

Нароков *(вынимает из кармана лист бумаги)*. А вот это передай Александре Николавне.

Домна Пантелевна. Что еще? Записка от кого-нибудь? Уж и так надоели с этими глупостями.

Нароков. Это от меня... это стихи... И я в Аркадии родился.

Домна Пантелевна. Где, Прокофьич, где?

Нароков. Далеко: ты там не бывала и не будешь никогда. *(Показывает Домне Пантелевне стихи свои.)* Вот видишь, бордюрчик: незабудки, анютины глазки, васильки, колосья. Видишь вот: пчелка сидит, бабочка летает... Я целую неделю рисовал.

Домна Пантелевна. Так ты бы сам и отдал.

Нароков. Стыдно. Вот смотри! *(Указывает на свою голову.)* Седая, лысая! А тут чувства молодые, свежие, юношеские, вот и стыдно. Вот, отдай! Да только ты не брось! Ведь ты грубая женщина, в тебе чувства нет. Для вас, грубых людей, удовольствие бросить, растоптать ногами все нежное, все изящное.

Домна Пантелевна. Да ну тебя! Ишь ты какой чувствительный. Не всем таким быть. Вот положи на стол; она приедет и увидит.

Нароков *(кладет бумагу на стол)*. Да, я чувствительный. Прощай! *(Уходит.)*

Домна Пантелевна. Вот сумасшедший-то! А ничего, добрый, я его не боюсь. Другие хуже чудят: кто посуду бьет, кто на людей мечется, кусается; а этот смирный. Подъехал кто-то. Вот Саша, должно быть. *(Идет к двери.)*

Входит Негина с букетом и коробочкой в руках.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Домна Пателевна и Негина.

Негина *(кладет букет и коробочку на стол)*. Ох, устала! *(Садится у стола.)*

Домна Пантелевна. Извозчика-то отпустить?

Негина. Нет, зачем! Я вот отдохну, да прокатиться поедемте, подышать свежим воздухом. Еще не поздно. Ведь он на весь вечер панят.

Домна Пантелевна. И то, что ж, пусть подождет, не задаром же деньги-то платить!

Негина. Что это на вас за шаль?

Домна Пантелевна. Великатов подарил; от бенефиста, говорит, деньги нажил. А что, хороша?

Негина. Отличная шаль, дорогая.

Домна Пантелевна. Он говорит, что даром досталась.

Негина. Верьте вы ему!Он все так говорит. Так он был здесь?

Домна Пантелевна. Да, заезжал и деньги привез.

Негина. Что ж он со мной не повидался?

Домна Пантелевна. Не знаю, торопится куда-то, уж не уезжает ли.

Негина. Может быть. Какой он странный, не поймешь его никак. *(Задумчиво.)* А вот этакий мужчина, кабы захотел, кажется, сразу мог бы увлечь женщину.

Домна Пантелевна. Ну, да что уж толковать! Да и не осудишь женщину-то. Как ее осудить! Сердце-то не камень: а таких молодцов немного, пожалуй, другого-то такого и всю жизнь не встретишь. Смиренничай да смиренничай — и проживешь всю жизнь так, ни за что; и вспомянуть будет нечем. Он мне про свою усадьбу рассказывал. Какое у него хозяйство диковинное!

Негина. Что ж мудреного; он очень богат.

Домна Пантелевна. Ты чаю не хочешь ли?

Негина. Нет, погодите немного. *(Взглянув на стол.)* А это что такое?

Домна Пантелевна. Это Прокофьич принес тебе на знак памяти.

Негина *(рассматривая бумагу)*. Ах, как мило! Какой он добрый, милый старик!

Домна Пантелевна. Да, добрый, хороший человек; да вот опанкрутился и свихнулся. Ну, как же мы с тобой теперь об деньгах рассудим?

Негина. Что рассуждать-то! Прежде всего надо долги заплатить, а что останется, на то и жить.

Домна Пантелевна. Да немного останется-то, не разживешься.

Негина. Да, теперь труднее будет, без жалованья-то. А куда поедешь, кого я знаю? Опять же гардеробу у меня нет.

Домна Пантелевна. Сотни две, а то и полторы, больше не останется, вот ты их и повертывай, как знаешь. Надо на них все лето прожить. По три денежки в день, куда хочешь, туда день. Осенью-то нас в Москву зовут, там актрисы нужны стали.

Негина. Бросить разве сцену да выйти замуж,— так Петр Егорыч еще места не нашел. Кабы работать что-нибудь.

Домна Пантелевна. Ну вот еще, бросить сцену! Ты вот в один день получила, чего в три года не выработаешь.

Негина. Много мы получаем, да и проживать много надо.

Домна Пантелевна. Эх, как ни кинь, Саша, а все жизнь-то наша с тобой не сладка. Уж, признаться сказать, надоело нищенство-то.

Негина. Надоело... да... надоело... Я думала, думала, да уж и думать перестала. Ну, утро вечера мудренее, завтра потолкуем.

Домна Пантелевна. Само собой: а теперь давай чай пить. *(Прислушивается.)* Кого еще бог несет?

Входит Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Негина, Домна Пантелевна и Бакин

Бакин. Я к вам чай пить, Александра Николавна!

Негина. Ах, извините, я не могу вас принять, я очень устала, мне надо отдохнуть, я хочу одна быть, успокоиться.

Бакин. Ну, полчаса, ну что такое полчаса!

Негина. Право, не могу, я так измучена.

Бакин. Ну, я зайду минут через десять или через четверть часа, вы успеете отдохнуть.

Негина. Нет, нет, сделайте одолжение! Завтра приезжайте, ну когда хотите, только не сегодня.

Бакин. Александра Николавна, я как-то не люблю изменять свои намерения, мне всегда хочется исполнить то, что я задумал, и с моей настойчивостью мне удается.

Негина. Очень рада, что вам удается, но, извините, я вас оставлю, я очень устала.

Бакин. Ну, уходите, а я здесь останусь, в этой комнате, я вот на этом стуле всю ночь просижу.

Негина. Ну, перестаньте шутить! Довольно уж.

Бакин. Не верите? Так я вам докажу, я человек решительный.

Домна Пантелевна. И я, батюшка, женщина решительная, я ведь и караул закричу.

Бакин *(Негиной)*. Послушайте, вы боитесь, что меня у вас застанет кто-нибудь?

Негина. Никого и ничего я не боюсь.

Бакин. Все ваши обожатели теперь ужинают в вокзале, и князь, и Великатов, и Смельская с ними, и просидят там до утра.

Негина. Да что мне за дело!

Бакин. А жених ваш спит, вероятно; да я и не верю, что вы его любите.

Негина. Ах, боже мой, это невыносимо! Я вас и не уверяю ни в чем.

Бакин. Вы его держите при себе только для защиты от ухаживанья, а понравится вам кто-нибудь, ведь вы его бросите, это всегда так бывает.

Негина. Ну, хорошо, хорошо.

Бакин. Вы уж очень разборчивы; чего вы дожидаетесь, какой благодати? Перед вами человек образованный, обеспеченный... Что я не ухаживаю за вами, не говорю нежностей, не объясняюсь в любви, так это не в моих правилах. Мы не дети, зачем нам притворяться! Будем говорить, как совершеннолетние.

Негина. Прощайте. *(Уходит.)*

Домна Пантелевна. Ну, батюшка, поговорили, да и будет. Пора людям покой дать! А то, коли хотите разговаривать, так говорите со мной, я за словом в карман не полезу.

Бакин *(громко)*. А я все-таки еще зайду. *(Уходит.)*

Домна Пантелевна. Запру сени, уж теперь никого не пущу, хоть умирай там. *(Уходит.)*

За сценой слышен крупный разговор. Выходит Негина.

Негина. Что там такое?

Входит Домна Пантелевна, Вася с бутылкой шампанского и трагик.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Негина, Домна Пантелевна, Вася и трагик.

Домна Пантелевна. Вот беспутные, право, беспутные! Насильно вломились, никаких резонтов не слушают.

Вася. Да нельзя, Домна Пантелевна, надо же за здоровье Александры Николавны выпить; уж миновать этого дела никак невозможно. А что ж такое! мы честно, благородно, со всем нашим уважением! Никакого безобразия, помилуйте!

Трагик. Еще бы! Коли я тут.

Негина. Да напрасно вы беспокоитесь, я пить не стану.

Вася. Это как вам угодно-с. Нам больше останется, мы и одни выпьем. *(Кричит за перегородку.)* Милая, умница, дай-ка стаканчиков!

Домна Пантелевна. Да давай уж, я откупорю. *(Берет бутылку и уходит.)*

Трагик *(Негиной)*. Ты говоришь, что пить не станешь; а вот я посмотрю, как ты у меня не выпьешь!

Вася. Неволить не надо-с.

Трагик. Я неволить не стану, я буду просить.

Выходит Домна Пантелевна, ставит бутылку и стаканы на стол.

Вася *(наливает)*. С вас и начинать, по старшинству-с.

Домна Пантелевна. Не знаю, пить ли, боюсь, захмелею.

Вася. А что ж такое! чего бояться-то? Дело к ночи-с. Хоть и захмелеете, не велика беда. Мы вот с ним этого не боимся.

Домна Пантелевна *(берет стакан)*. Ну, Саша, поздравляю тебя! *(Пьет.)*

Вася *(подносит стакан Негиной)*. Теперь позвольте вас просить.

Негина. Уж я сказала, что не буду пить.

Вася. Нельзя-с, за что ж обижать? Мы со всем расположением. Хоть половину-с!

Трагик *(падая на колени.)* Саша, Александра! Ты смотри, кто тебя просит! Смотри, кто у ног твоих! Громилов, сам Ераст Громилов!

Негина. Ну, извольте, я немного выпью; только уж больше ни за что не стану. *(Пьет.)*

Вася *(помогая трагику подняться)*. Сколько угодно-с. *(Берет стакан.)* Остальное мы допьем и ваши мысли узнаем. *(Наливает стаканы.)* Теперь мы выпьем-с. *(Подает стакан трагику.)*

Т р а г и к. Поздравляй за двоих, у меня сегодня красноречие не в порядке.

В а с я. Честь имею поздравить-с с успехом-с. Сто лет жизни и миллион денег-с! *(Чокаются с трагиком и пьют.)*

Т р а г и к *(подавая стакан)*. Наливай еще! *(Вася наливает, трагик пьет.)* Вся?

В а с я *(показывая бутылку)*. Вся.

Т р а г и к. Ну, поедем!

В а с я *(Негиной)*. Прощенья просим! Пожалуйте ручку-с! Извините за невежество-с. Спасибо этому дому, теперь пойдем к другому.

Уходят.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Вот путаники! Точно их вихрем по городу-то носит. Теперь уж запру, одолели. *(Уходит и скоро возвращается.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Негина, Домна Пантелевна.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ну, уж теперь давай чай пить!

Н е г и н а. Я выпью с удовольствием.

Д о м н а П а н т е л е в н а *(у перегородки)*. Матрена, налей-ка нам по чашечке. *(Негиной.)* Дай-ка подарок-то!

Н е г и н а *(подавая коробочку)*. Да ведь вы видели, серьги и брошка.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да я убрать хочу. Ведь тоже не малых денег стоит. *(Прячет в карман.)* Тем эти вещи хороши, приятны, что, случись нужда, сейчас и заложить можно. Не то что вот эти веники.

М а т р е н а приносит две чашки чаю и уходит.

Н е г и н а *(прихлебывая чай)*. А какой мне букет Великатов поднес. Посмотрите!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ну, что букет! букет как букет. Даром деньги брошены, я так считаю. *(Пьет чай.)*

Н е г и н а. Нет, вы посмотрите! Цветы все дорогие, и где он их взял?

Д о м н а П а н т е л е в н а *(рассматривая букет)*. Да, хорош, уж нечего сказать. *(Находит записку.)* А это что ж такое?

Н е г и н а *(читает про себя записку)*. Ах, ах!

Домна Пантелевна. Что такое?

Негина *(хватаясь за голову)*. Ах, нет, погоди! У меня другая есть. А я и забыла. *(Достает из кармана записку.)* Это от Петра Егорыча, он мне на подъезде дал. *(Читает про себя.)*

Домна Пантелевна. Читай вслух! что еще за секреты от матери!

Негина *(читает.)* «Да, милая Саша, искусство не вздор, я начинаю понимать это. Сегодня в игре твоей я нашел так много теплоты и искренности, что, просто тебе сказать, пришел в удивление. Я очень рад за тебя. Это редкие и дорогие качества души. После спектакля у тебя, вероятно, будет кто-нибудь; при твоих гостях я всегда чувствую что-то неприятное, не то смущение, не то досаду, и вообще мне как-то неловко. Все они смотрят на меня или враждебно, или с насмешкой, чего я, как ты сама знаешь, не заслуживаю. По всем этим соображениям я после театра к тебе не зайду, но если ты найдешь минуты две-три свободных, так выбеги в ваш садик, я там подожду тебя. Конечно, я мог бы зайти к тебе и завтра утром; но извини, душа полна через край, сердце хочет перелиться...» *(Отирает слезы.)*

Домна Пантелевна. Ну-ка, прочти другое-то!

Негина. Да нет, маменька, не нужно, стыдно!

Домна Пантелевна. Ну, вот еще, стыдно! Мало ли ты получаешь записок, которые читать стыдно, да ведь читаешь ты их мне.

Негина. Ну, мама, соберись с силами. *(Читает.)* «Я полюбил вас с первого взгляда. Видеть и слышать вас для меня невыразимое наслаждение. Извините, что я объясняюсь с вами на письме; по врожденной робости я никогда не осмелился бы передать вам мои чувства словами. Теперь мое счастье от вас зависит. А счастье мое, о котором я мечтаю, обожаемая Александра Николавна, вот какое: в моей усадьбе, в моем роскошном дворце, моих палатах есть молодая хозяйка, которой все поклоняется, все, начиная с меня, рабски повинуется. Так проходит лето. Осенью мы с очаровательной хозяйкой едем в один из южных городов, она вступает на сцену в театре, который совершенно зависит от меня, вступает с полным блеском; я наслаждаюсь и горжусь ее успехами. О дальнейшем я не мечтаю, поживем — увидим. Не сердитесь за мои мечты, мечтать каждому позволительно. Приговор мой я прочту завтра в ваших глазах, если вы меня примете; если же не примете, я с разбитым сердцем, но безропотно удалюсь, наказанный вашим презрением за мою дерзость. Ваш Великатов». *(Сквозь слезы.)* Мама, да что же это такое? Что он, противный, пишет? Кто ж это ему позволил?

Домна Пантелевна. Что позволил?

Негина. Да так... полюбить меня.

Домна Пантелевна. А разве на это спрашивается позволенье-то, глупая!

Негина. Так бы вот и убила его.

Молчание.

Домна Пантелевна *(в задумчивости)*. Лебеди... Лебеди, говорит, плавают на озере.

Негина. Ах, да что мне за дело!

Молчание.

Домна Пантелевна. Саша, Сашутка, ведь никогда еще мы с тобой серьезно не говорили; вот он серьез-то начинается. Живешь, бедствуешь, а тут богатство! Ах, батюшки мои, какая напасть? Вот соблазн-то, вот соблазн-то! Уж не дьявол ли он, прости господи, тут подвернулся? В самый-то вот раз... только что мы про свою нужду-то раздумывали. Ну, как есть дьявол. А уж что ласки-то в нем, что этой всякой добродетели! Да давай же говорить о деле-то серьезно, вертушка!

Негина. «Серьезно», об таком-то деле серьезно! Да за кого ж вы меня принимаете! Разве это «дело»? Ведь это позор! Ты помнишь, что он-то говорил, он, мой милый, мой Петя! Как тут думать, об чем думать, об чем разговаривать! А коли есть в тебе сомнение, так возьми что-нибудь, да и погадай!. Ведь я твоя. Чет или нечет, вот и конец. *(Берет записку Мелузова.)*

Домна Пантелевна. Да что ты! как я могу!.. Это твое дело. Да сохрани меня господи! Да меня бог и люди...

Негина *(дочитывает записку Мелузова)*. «Но если ты найдешь минуты две-три свободных, так выбеги в ваш садик, я там подожду тебя». Ах, бедный, бедный! Как я его мало любила! Вот когда я чувствую, что люблю его всей душой. *(Берет письмо Наркова.)* Ах, вот и это! И это надо сохранить на всю жизнь! Уж так меня никто любить не будет. Дайте-ка шаль! Я пойду.

Домна Пантелевна. Куда ты? куда ты? что ты!

Негина. Ах, отстаньте, не ваше дело!

Домна Пантелевна. Как не мое! Да и ты-то моя.

Негина. Ну, я ваша, что хотите со мной делайте; да душа у меня своя. Я к Пете. Ведь он меня любит, он меня жалеет, он нас с вами добру учил.

Домна Пантелевна. Да как же дело-то? Уж скажи что-нибудь!

Негина. Ах, дело, дело! Ну, завтра, завтра, оставим до завтра. А теперь не мешайте мне. Я теперь такая добрая, такая че-

стная, какой никогда еще не была и, может быть, завтра уж не буду. На душе у меня теперь очень хорошо, очень честно, не надо этому мешать.

Домна Пантелевна. Ну, ну, как хочешь, как хочешь.

Негина *(покрываясь шалью)*. Я не знаю, может быть, сейчас ворочусь, может быть, до утра... Но чтоб ни словом, ни взглядом...

Домна Пантелевна. Да что ты, разве я не мать тебе, разве я не женщина! Не понимаю я нешто, что мешать тебе нельзя; души, что ль, у меня нет?

Негина. Ну, я иду.

Домна Пантелевна. Да постой, покройся хорошенько, не простудись! Эко сердце-то у тебя золотое. А я все-таки запирать не стану, буду чай пить да тебя поджидать.

Негина уходит. Домна Пантелевна уходит за перегородку. Сцена несколько времени пуста, потом входит Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бакин (один).

Бакин. Никого нет, и дверь не заперта, и какая-то тень проскользнула мимо меня — это она; но куда, к кому? Если к жениху, так незачем, он сюда может прийти. Вероятно, пошла погулять в сад, подышать свежим воздухом. Я ее здесь подожду; ну, не прогонит же она, все-таки позволит хоть с полчаса посидеть. Я подержал пари с Великатовым, что буду у ней чай пить и просижу до утра. Проиграть не хочется. Я хотел его уведомить, примет она меня или нет. А! так я вот что сделаю, я пошлю кучера сказать, что я здесь остался. Если прогонит, то я прошатаюсь где-нибудь до света. *(Отворяет окно.)*

В это время входят Мелузов и Негина, которая проходит за перегородку.

Иван, поезжай в вокзал, скажи, что я здесь остался.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бакин и Мелузов.

Мелузов. Нет, вы не останетесь здесь. Велите кучеру подождать, вы сейчас выйдете! Что же вы? Ну, так я прикажу. *(В окно.)* Иван, останься! Барин сейчас выйдет.

Бакин. Какое право вы имеете распоряжаться в чужой квартире? Я вас не знаю и знать не хочу.

Мелузов. Нет, позвольте, зачем вы лжете? И лжете с дурным намерением. Вам хочется ославить девушку?

Бакин. «Ославить»? визит после театра разве значит «ославить»? Ну, что вы знаете!

Мелузов. Хорошо; да зачем посылать кучера объявлять, что вы здесь остались?

Бакин. Вы посетитель райка, разве вы можете понимать отношения между артистами и той публикой, которая занимает первые ряды кресел!

Мелузов. Я вот что понимаю: что вы, посетитель первого ряда кресел, уйдете отсюда, а я, посетитель райка, останусь здесь.

Бакин. Вы здесь останетесь?

Мелузов. Да, останусь.

Бакин. Вот это хорошо! По крайней мере, я сделал открытие, которым могу поделиться...

Мелузов. С кем угодно.

Бакин. Впрочем, вы, может быть, сгоряча-то, немножко прихвастнули?

Мелузов. Нет, уж будьте покойны, я останусь.

Входит Негина, одетая в пальто.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Бакин, Мелузов и Негина.

Негина *(кладет Мелузову руку на плечо)*. Да, он останется.

Мелузов. Ну, теперь сомнения ваши кончились, значит, вам остается только одно...

Негина. Удалиться.

Мелузов. И чем скорее, тем лучше.

Бакин. Лучше, лучше! Я сам знаю, что мне лучше.

Мелузов. Нет, не знаете, вы мне не дали договорить. Скорее уйти вам потому лучше, что можете уйти в дверь, а если долго будете собираться, тогда отправитесь в пространство посредством окна.

Негина *(обнимая Мелузова)*. Ах, милый!

Бакин. Ну, молодой человек, запомните вы это! *(Уходит.)*

Негина. Ах, милый Петя, голубчик мой, поедем сейчас кататься на всю ночь: лошади здесь.

Мелузов. Куда, Саша?

Негина. Куда хочешь, куда только тебе угодно, все, все в твоей воле вплоть до утра. Мама, прощай, запирай дверь! Мы едем.

Мелузов и Негина уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Негина.
Домна Пантелевна.
Дулебов.
Смельская.
Великатов.
Бакин.
Мелузов.
Нароков.
Вася.
Трагик.
Обер-кондуктор.
Кондуктор.
Человек, служащий в вокзале.
Разного рода пассажиры и вокзальная прислуга.

Вокзал железной дороги, зала для пассажиров первого класса; направо (от актеров) дверь в виде арки, ведущая в другую залу; прямо стеклянная дверь, за ней видна платформа и вагоны; на середине, поперек комнаты, длинный стол, на нем приборы, бутылки, канделябры и ваза с цветами.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Трагик сидит у стола. Потом человек. С платформы слышны голоса: «Станция. Город Бряхимов, поезд стоит двадцать минут, буфет»; «Бряхимов! Поезд стоит двадцать минут».

Трагик. Где мой Вася? Человек! *(Стучит по столу.)*

Человек входит.

Человек. Что прикажете?

Трагик. Где мой Вася?

Человек. Да помилуйте, который раз уж вы спрашиваете! Почем же мы знаем.

Трагик. Ну, так поди вон, братец!

Человек уходит.

Где мой Вася?

Входит Вася.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Трагик и Вася.

Вася. Ну, вот Вася, ну, что тебе?

Трагик. Где ты, братец, пропадаешь?

Вася. Вот еще! Стало быть, дело есть. Ты говори, что тебе нужно!

Т р а г и к. Чего мы, братец, с тобой сегодня не пили?

В а с я. Чего? Да уж, кажется, все, окромя купоросу. А вот что! Довольно бы, перегодим!

Т р а г и к. Да ты любишь меня или нет?

В а с я. Ну, вот еще разговаривать-то.

Т р а г и к. За что ты меня любишь?

В а с я. За то, что у нас в доме безобразие, а ты талант. Ну, и кончен разговор. Только послушай! что все вино да вино! Дадим ему отдохнуть немножко.

Т р а г и к. Ну, пусть его отдохнет.

В а с я. Я приказчика отправляю в Харьков, так нужно растолковать ему все как следует. Пойдем в третий класс, разгуляйся малость!

Т р а г и к. Ну, пойдем. *(Встает.)*

Идут к двери, навстречу им из другой залы выходят Н а р о к о в и М е л у з о в.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Трагик, Вася, Нароков и Мелузов.

Н а р о к о в *(останавливая Васю)*. Постойте, постойте! Вот вам мои часы. *(Снимает с себя карманные часы и отдает Васе.)*

В а с я. Да на что мне твои часы, Мартын Прокофьич?

Н а р о к о в. Дайте мне десять рублей, дайте, прошу вас.

В а с я. Да часов-то мне твоих не надо, чудак человек.

Н а р о к о в. Сделайте милость, сделайте милость! мне крайность.

В а с я. А коли крайность, я тебе и так поверю.

Н а р о к о в. Не надо, не надо. Возьмите часы: я их выкуплю, они дорогие; я их скоро выкуплю.

В а с я. Да на что тебе деньги? Скажи, откройся!

Н а р о к о в. Ах, за что вы меня мучаете? Скажите мне, дадите вы или нет?

В а с я. Любопытно, братец, что у тебя за дела, что за коммерция.

Н а р о к о в. Извините, что побеспокоил. Не надо мне.

В а с я. Да изволь, изволь. *(Прячет часы в карман и достает из бумажника деньги.)* На вот, получай! Процентов не возьму, не бойся.

Н а р о к о в *(берет деньги и жмет руку Васе)*. Благодарю вас, благодарю, вы меня выручили.

Вася и трагик уходят в другую залу.

Мелузов. Их нет и здесь; вы ошиблись, должно быть.

Нароков. Нет, знаю, знаю, да и сердце мне говорит, что она уезжает. Вы видите, что я еще не могу прийти в себя.

Мелузов. Да, невероятно. Зачем же ей скрывать от меня, зачем меня обманывать! Сегодня утром я получил от нее записку вот какого содержания. *(Вынимает записку и читает.)* «Петя, нынче ты не приходи к нам, сиди дома, жди меня, я сама зайду к тебе вечером».

Нароков. Да, непонятно; но они уезжают, это верно. Я заходил к ним, меня не пустили. Вышла Домна Пантелевна и закричала на меня: «Не до тебя нам, не до тебя, мы сейчас едем на железную дорогу». Я видел чемоданы, саквояжи, узлы... Я побежал к вам.

Мелузов. Пойдемте посмотрим в той зале, подождем их у входа.

Нароков. Я потерял память. Что же теперь, утро или вечер? Я ничего не знаю. Когда отходит поезд?

Мелузов. В семь часов вечера, еще минут двадцать осталось.

Нароков. О, так они еще приедут. Пойдем.

Уходят в другую залу.

Из стеклянной двери выходят Негина, на ней дорожная сумка, Домна Пантелевна, Смельская, Дулебов, Бакин и Матрена с подушками и узлами.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Негина и Смельская проходят вперед, Дулебов и Бакин садятся к столу. Матрена кладет узлы и подушки на диван подле двери. Домна Пантелевна перебирает узлы и что-то прячет в них.

Смельская. Как ты скоро собралась, Саша, и никому ничего не сказала.

Негина. Когда же мне было! Я сегодня получила телеграмму и сейчас же стала собираться.

Смельская. Если б мы с князем не заехали на вокзал, так бы ты и уехала, не простясь.

Негина. Мне некогда было: я ни с кем не простилась, я собралась вдруг и хотела написать вам из Москвы.

Смельская. Так ты в Москву едешь?

Негина. Да.

Смельская. На каких условиях?

Негина. Предлагают очень хорошие, но я еще не решилась, я тебе оттуда напишу.

Дулебов *(Бакину)*. Мне представилось, что нынче должен отправиться Великатов, вот я и приехал захватить его; выпью, мол, с него бутылку шампанского в наказание за то, что он уезжает украдкой.

Бакин. И я за тем же.

Дулебов. Однако поезд уж пришел, а его нет еще, должно быть, остался в городе.

Бакин. Ведь эти господа миллионщики любят являться прямо к третьему звонку.

Смельская. *(Негиной)*. А как же Петр Егорыч?

Негина. Ах, не говори об нем, пожалуйста!

Смельская. Ты ему сказала?

Негина. Нет, он не знает. Я боюсь, что он сюда приедет, уж ехать бы скорей.

Бакин. Вот и Иван Семеныч!

Из другой залы входят Великатов и обер-кондуктор и останавливаются у двери.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Негина, Смельская, Дулебов, Бакин, Домна Пантелевна, Матрена, Великатов, обер-кондуктор, потом человек и кондуктор.

Обер-кондуктор *(Великатову)*. Начальник станции приказал прицепить особый вагон с семейным отделением.

Великатов. Да, это я его просил. *(Кланяется Дулебову и Бакину.)*

Бакин. Вы едете?

Великатов. Нет, я провожаю Александру Николавну и Домну Пантелевну. *(Обер-кондуктору.)* Когда будет готово, так распорядитесь, чтобы перенесли эти вещи! Уж похлопочите, чтобы все было хорошо и удобно.

Обер-кондуктор. Будьте покойны.

Домна Пантелевна. Иван Семеныч, взяли билеты-то?

Великатов. Взял, Домна Пантелевна, и всю кладь вашу сдал.

Домна Пантелевна. Так дайте мне билеты-то, а то без билетов не пустят.

Великатов. Я вам после отдам, когда будете в вагон садиться.

Домна Пантелевна. Как бы не опоздать, Иван Семеныч; пожалуй, без нас уедут, у меня сердце не на месте.

О б е р - к о н д у к т о р. Не беспокойтесь; я за вами приду и сам посажу вас, а уж без меня поезд не тронется. А за вещами я сейчас пришлю.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да уж пришлите, только кого понадежнее, чтобы все в сохранности.

В е л и к а т о в. Так вы распорядитесь!

О б е р - к о н д у к т о р *(прикладывая руку к шапке)*. Сейчас прикажу. *(Уходит.)*

В е л и к а т о в. Надо, господа, на проводах бутылочку выпить, я уж приказал подать. Александра Николавна, Нина Васильевна, прошу покорно!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да, уж перед отъездом всем нужно присесть. Матрена, и ты садись!

Все усаживаются у стола со стороны, противоположной арке. Ч е л о в е к входит с бутылкой шампанского, ставит на стол и уходит. Великатов наливает вино в бокалы.

В е л и к а т о в *(поднимая бокал)*. Счастливого пути, Александра Николавна! Домна Пантелевна!

Дулебов и Бакин привстают и кланяются.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Счастливо оставаться, господа!

С м е л ь с к а я *(целуя Негину)*. Желаю тебе счастья, Саша! Пиши, пожалуйста!

Входит к о н д у к т о р.

К о н д у к т о р. Какие вещи прикажете брать?

Д о м н а П а н т е л е в н а. Вон, батюшка! Матрена, покажи ему, да поди за ним, пригляди хорошенько.

Кондуктор забирает вещи.

Кондуктор!

К о н д у к т о р. Что угодно?

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ты подушки-то поосторожнее, там по полу не валяйте их!

Н е г и н а. Маменька!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Что «маменька»! Прикажешь-то, так лучше. *(Кондуктору.)* Не трожь этот мешочек-то, крайний-то! Говорю, не трожь, там баранки, еще рассыплешь, пожалуй!

Дулебов и Бакин смеются.

Н е г и н а. Маменька!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да что! Понадейся на них!

Н е г и н а. Берите всё, берите всё!

На платформе звонок.

Домна Пантелевна *(быстро встает со стула)*. Ай! Поехали.

Великатов. Успокойтесь, Домна Пантелевна, без вас не уедут.

Кондуктор. Это звонок третьему классу, еще времени много осталось. *(Уходит. Матрена за ним.)*

Домна Пантелевна. Напугали до смерти. Они этими звонками проклятыми всю душу вымотают.

Входят из другой залы Нароков, за ним человек с бутылкой, Мелузов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Негина, Смельская, Домна Пантелевна, Великатов, Бакин, Дулебов. Нароков садится на конце стола, к арке. Человек ставит перед ним бутылку, Мелузов останавливается у двери.

Негина *(подходит к Мелузову)*. Ни слова, ради бога, ни слова! Если только любишь меня, молчи; я тебе после все скажу. *(Отходит и садится на свое место.)*

Нароков *(человеку)*. Ты сомневался, ты сомневался, глядя на меня, заплачу ли я тебе? Хорошо! ты хороший слуга! Вот тебе за добродетель награда! *(Дает десять рублей.)* Получи за вино, а сдачу себе возьми!

Человек. Покорнейше благодарю-с! *(Уходит.)*

Мелузов садится рядом с Нароковым, который, налив бокалы себе и Мелузову, встает.

Бакин. Спич, спич, господа! Послушаем.

Нароков. Александра Николавна! первый бокал за ваш талант! Я горжусь тем, что первый заметил его. Да и кому ж здесь, кроме меня, заметить и оценить дарование! Разве здесь понимают искусство? Разве здесь искусство нужно? Разве здесь... о, проклятие!

Бакин. Запутался, Мартын Прокофьич.

Нароков *(с сердцем)*. Нет, я не запутался. В робких шагах дебютантки, в первом, еще наивном лепете, я угадал будущую знаменитость. У вас есть талант, берегите его, растите его! Талант есть лучшее богатство, лучшее счастие человека! За ваш талант! *(Пьет.)*

Негина. Благодарю вас, Мартын Прокофьич!

Бакин. Браво!

Дулебов. А он говорит довольно складно.

Нароков *(Мелузову)*. Налейте мне и себе.

Мелузов наливает. Нароков поднимает бокал.

Второй бокал за вашу красоту!

Негина *(встает)*. Ах, что вы! Зачем!

Нароков. Вы не признаете за собой красоты? Нет, вы красавица. Для меня, где талант, там и красота! Я всю жизнь поклонялся красоте и буду ей поклоняться до могилы... За вашу красоту! *(Пьет и ставит бокал.)* Теперь позвольте мне на прощанье поцеловать вашу руку! *(Становится на колени перед Негиной и целует ее руку.)*

Негина *(сквозь слезы)*. Встаньте, Мартын Прокофьич, встаньте!

Великатов. Довольно, Мартын Прокофьич! Вы расстраиваете Александру Николавну!

Нароков. Да; довольно! *(Встает делает несколько шагов к стеклянной двери и останавливается.)*

В дверях из другой залы появляются обер-кондуктор, прислуга и несколько пассажиров.

Не горе и слезы,
Не тяжкие сны,
А счастия розы
Тебе суждены.
Те розы прекрасны,
То рая цветы.
И, верь, не напрасны
Поэта мечты.
Но в радостях света,
В счастливые дни,
Страдальца поэта
И ты вспомяни!

(Отходит к самой двери.)

Судьбою всевластной
Нещадно гоним,
Он счастлив, несчастный,
Лишь счастьем твоим [1].

(Идет к дверям.)

Великатов и Негина. Мартын Прокофьич, Мартын Прокофьич!

Нароков. Нет, довольно, довольно, больше не могу. *(Уходит.)*

---

[1] Подлинные стихи одного неизвестного артиста сороковых годов.

Негина *(знаком подзывает обер-кондуктора)*. Скажите, что пора ехать! Прошу вас.

Обер-кондуктор *(взглянув на часы)*. Еще немножко рано, а впрочем, как вам угодно. Господа, не угодно ли в вагоны садиться?

Домна Пантелевна. Ах, пустите меня вперед, господа! пустите, а то не поспею.

Обер-кондуктор. Пожалуйте направо, в последний вагон!

Уходят Домна Пантелевна, за ней обер-кондуктор, Негина, Смельская и Великатов, за ними Дулебов и Бакин. Негина скоро возвращается.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мелузов, Негина, потом Великатов и обер-кондуктор.

Негина. Ну, Петя, прощай! судьба моя решена.

Мелузов. Как? Что? Что ты?

Негина. Я не твоя, мой милый! Нельзя, Петя.

Мелузов. Чья же ты?

Негина. Ну, что тебе знать! Все равно тебе. Так надо, Петя. Я долго думала, мы обе с маменькой думали... Ты хороший человек, очень хороший! Все, что ты говорил, правда, все это правда; а нельзя... Уж сколько я плакала, сколько себя бранила... Ты этого не понимаешь. Вот видишь ты; уж всегда так, уж так заведено, уж ведь... ну... все так; что ж, вдруг я одна... это даже смешно.

Мелузов. Смешно? Неужели смешно?

Негина. Да, конечно. Все правда, все правда, что ты говорил, так и надо жить всем, так и надо... А если талант... если у меня впереди слава? Что ж мне, отказаться, а? А потом жалеть, убиваться всю жизнь... Если я родилась актрисой?..

Мелузов. Что ты, что ты, Саша! разве талант и разврат нераздельны?

Негина. Да нет, не разврат! Ах, какой ты! *(Плачет.)* Ты ничего не понимаешь... и не хочешь меня понять. Ведь я актриса; а ведь, по-твоему, нужно быть мне героиней какой-то. Да разве всякая женщина может быть героиней? Я актриса... Если б я и вышла за тебя замуж, я бы скоро бросила тебя и ушла на сцену, хотя за маленькое жалованье, да только бы на сцене быть. Разве я могу без театра жить?

Мелузов. Это для меня новость, Саша.

Негина. Новость! Потому и новость, что ты до сих пор ду-

ши моей не знал. Ты думал, что я могу быть героиней; а я не могу... да и не хочу. Что ж мне быть укором для других? Вы, мол, вот какие, а я вот какая... честная!.. Да другая, может быть, и не виновата совсем; мало ль какие обстоятельства, ты сам посуди: или родные... или там обманом каким... А я буду укорять? Да сохрани меня господи!

Мелузов. Саша, Саша, да разве честная жизнь укор для других? Честная жизнь — хороший пример для подражания.

Негина. Ну, вот видишь ты; значит, я глупа, значит, ничего не понимаю... А мы с маменькой так рассудили... мы поплакали, да и рассудили... А ты хочешь, чтоб я была героиней. Нет, уж мне куда же бороться... Какие мои силы! А все, что ты говорил, правда. Я никогда тебя не забуду.

Мелузов. Не забудешь? И за то спасибо!

Негина. Это были лучшие дни в моей жизни, уж у меня больше таких не будет. Прощай, милый!

Мелузов. Прощай, Саша!

Негина. Я как сбиралась, все плакала о тебе. На вот! *(Достает из дорожной сумки волосы, завернутые в бумажку.)* Я у себя отрезала полкосы для тебя. Возьми на память!

Мелузов *(кладет в карман)*. Благодарю, Саша.

Негина. Если хочешь, я еще отрежу, хоть сейчас. *(Достает из сумки ножницы.)* На, отрежь сам!

Мелузов. Не надо, не надо.

Великатов отворяет дверь.

Великатов. Александра Николавна, пожалуйте! Сейчас последний звонок.

Негина. Сейчас, сейчас! Уйдите!

Великатов уходит.

Ну, прощай! только ты не сердись на меня! Не брани меня! Ну, прости меня! А то мне тяжело будет, у меня никакой радости не будет. Прости меня! Я на коленях буду умолять тебя.

Мелузов. Не надо, не надо. Живи, как хочешь, как умеешь! Я одного только желаю, чтоб ты была счастлива. Только сумей быть счастлива, Саша! Ты обо мне и об моих словах забудь; а хоть как-нибудь, уж по-своему, сумей найти себе счастье. Вот и все, и вопрос жизни решен для тебя.

Негина. Так ты не сердишься? Ну, вот и хорошо... ах, хорошо! Только послушай, Петя. Если ты будешь нуждаться, напиши!

Мелузов. Что ты, Саша!

Негина. Нет, пожалуйста, не откажись. Я, как сестра... я, как сестра, Петя. Ну, доставь ты мне эту радость!.. Как сестра... Чем же я тебе за все добро твое?..

Входит обер-кондуктор.

Обер-кондуктор. Я за вами пришел. Пожалуйте садиться; сейчас поезд отходит!

Негина *(бросается на шею Мелузову)*. Прощай, Петя! Прощай, милый, голубчик! *(Вырывается из объятий и бежит к двери.)* Напиши, Петя, напиши! *(Уходит; за ней обер-кондуктор.)*

Мелузов смотрит в растворенную дверь. Звонок. Слышен свисток кондуктора, потом свист машины, поезд трогается. Из другой залы выходят трагик и Вася.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мелузов, трагик и Вася.

Трагик. Что ты сказал? Она уехала?

Вася. Да, брат, уехала наша Александра Николавна. Прощай! Только и видели.

Трагик. Ну что ж; мы с тобой будем плакать в одну урну и заочно пожелаем ей счастливого пути.

Входят Смельская, Дулебов и Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мелузов, трагик, Вася, Смельская, Дулебов и Бакин.

Бакин *(хохочет)*. Это бесподобно! Я ему кричу: «Выходите, а то вас увезут!» А он говорит: «Пусть увезут, я нисколько не обижусь. До свиданья, господа!» Бесподобно! Значит, он их повез в свою усадьбу!

Смельская. Это очень заметно было; я сейчас догадалась. Разве Негина может ехать в семейном вагоне? Из каких доходов? Ей с маменькой место в третьем классе, прижавшись в уголку.

Бакин. Так зачем же он врет, что провожает?

Смельская. Чтоб избежать разговоров; скажи он, что едет вместе с ними, сейчас бы пошли насмешки, остроты; да вы первые бы начали. А он стыдится, что ли, или просто не любит таких разговоров, я уж не знаю. Он сделал очень умно.

Дулебов. Я вам говорил, что он человек умный.

Б а к и н. А мы-то желаем счастливого пути госпоже Негиной! Да чего уж счастливее. Ну, если б я знал это, я бы от души пожелал Великатову голову сломать. А ведь бывает же, князь, что иногда стрелочник пьян напьется... Вот теперь встречный поезд проходит; вдруг на разъезде трах!

Мелузов бросается к двери.

Что вы, куда вы? Спасать? Не поспеете. Да и не бойтесь! Такие люди, как Великатов, не погибают, они невредимо и огонь и воду проходят.

Мелузов останавливается.

Побеседуемте, молодой человек! Или вы, может быть, застрелиться торопитесь? Так я вам не помешаю, стреляйтесь, стреляйтесь! Ведь студенты при всяких неудачах стреляются.

М е л у з о в. Нет, я не застрелюсь.

Б а к и н. Пистолета не на что купить? Так я вам куплю на свой счет.

М е л у з о в. Покупайте для себя.

Б а к и н. Что же вы теперь, за какое дело приметесь? Опять учить?

М е л у з о в. Да. Что же больше делать? Это наше занятие, наша обязанность.

Б а к и н. И опять актрису?

М е л у з о в. Хоть бы и актрису.

Б а к и н. И опять влюбитесь, опять мечтать будете, женихом себя считать?

М е л у з о в. Смейтесь надо мной, я не сержусь, я этого заслуживаю. Я вас обезоружу, я сам вместе с вами буду смеяться над собой. Ведь смешно, действительно смешно. Бедняк, на трудовые деньги выучился трудиться: ну и трудись! А он вздумал любить! Нет, этой роскоши нам не полагается.

С м е л ь с к а я. Ах, какой милый! *(Посылает рукой поцелуй.)*

М е л у з о в. У нас, у горемык, у тружеников, есть свои радости, которых вы не знаете, которые вам недоступны. Дружеские беседы за стаканом чаю, за бутылкой пива о книжках, которых вы не читаете, о движении науки, которой вы не знаете, об успехах цивилизации, которыми вы не интересуетесь. Что ж нам еще! А я вторгся, так сказать, в чужое владение, в область беспечального пребывания, беззаботного времяпровождения, в сферу красивых, веселых женщин, в сферу шампанского, букетов, дорогих подарков. Ну, как же не смешно! Конечно, смешно.

С м е л ь с к а я. Ах, какой он милый!

Б а к и н. Вы не обидчивы; а я думал, что вы меня на дуэль вызовете.

М е л у з о в. Дуэль? Зачем? У нас с вами и так дуэль, постоянный поединок, непрерывная борьба. Я просвещаю, а вы развращаете.

Т р а г и к. Благородно! *(Васе.)* Спрашивай шампанского!

М е л у з о в. Вот и давайте бороться: вы свое дело делайте, а я буду свое. И посмотрим, кто скорее устанет. Вы скорее бросите свое занятие; в легкомыслии немного привлекательного; придете в солидный возраст, совесть зазрит. Бывают, конечно, и такие счастливые натуры, что до глубокой старости сохраняют способность с удивительною легкостью перелетать с цветка на цветок; но это исключения. Я же свое дело буду делать до конца. А если я перестану учить, перестану верить в возможность улучшать людей или малодушно погружусь в бездействие и махну рукой на все, тогда покупайте мне пистолет, спасибо скажу. *(Надвигает шляпу и закутывается пледом.)*

В а с я. Шампанского!

Т р а г и к. Полдюжины!

1881

А. ГРИБОЕДОВ

ГОРЕ ОТ УМА

В первой редакции — «Горе — уму».

Дата «1822—1824 гг.» относится лишь к периоду самого написания комедии, между тем как время, затраченное Грибоедовым на создание «Горя от ума», было более длительным. Замысел комедии, по-видимому, возник в канун Отечественной войны, и в 1812 году, по мемуарному свидетельству, уже читались какие-то стихи, являющиеся «начатками» «Горя от ума». В 1816 году уже существовал план комедии и отдельные сцены, впоследствии переделанные.

При жизни автора (1795—1829) комедия не печаталась (не считая отрывков, опубликованных в альманахе «Русская Талия на 1825 год») и к постановке на сцене разрешена не была.

Творческий процесс создания комедии «Горе от ума» был сложным. Судя по наброску предисловия к неосуществившемуся изданию, комедия в первом ее начертании имела характер «сценической поэмы», то есть произведения в духе романтических трагедий Байрона. Затем замысел был преобразован в четырехактную комедию типа «высоких комедий» классического репертуара.

Как свидетельствуют мемуаристы, к 1819 году, то есть к тому времени, когда Грибоедов отправился на Восток по своей дипломатической службе, комедия «Горе от ума» уже частично была написана. Отдельные ее сцены и монологи читались друзьям. Служебные занятия помешали Грибоедову приступить вплотную к свершению своего замысла до конца 1821 года.

Весной 1823 года Грибоедов привез в Москву два первых акта «Горя от ума» и во время отпуска, к концу года, написал остальные. Он продолжал работать над комедией вплоть до осени 1824 года, пока надеялся напечатать и поставить ее на сцене. Работа заключалась и в совершенствовании пьесы, и в автоцензурных исправлениях, согласно замечаниям цензоров. Грибоедов писал в июне 1824 года своему другу С. Н. Бегичеву: «...представь себе, что

я с лишком восемьдесят стихов, или, лучше сказать, рифм, переменил, теперь гладко, как стекло. Кроме того, по дороге мне пришло в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечою над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались...» (Грибоедов. Сочинения. М.—Л., Гослитиздат, 1959, с. 544). Грибоедов здесь упоминает о сцене объяснения Молчалина с Лизанькой (д. IV, явл. 12), которой не было в первой редакции. Между тем не все поправки были на пользу комедии, и в том же письме Грибоедов жалуется Бегичеву: «Надеюсь, жду, урезываю, меняю дело на вздор, так что во многих местах моей драматической картины яркие краски совсем пополовели, сержусь и восстановляю стертое, так что, кажется, работе конца не будет... будет же, добьюсь до чего-нибудь...» (там же).

Уже осенью того же 1823 года Грибоедов, однако, убеждается в том, что все труды его были напрасными и пьеса цензурного разрешения не получит. Окончательный запрет высшей инстанции — начальника тайной полиции и цензуры М. Я. фон Фока — был объявлен Грибоедову в конце октября 1824 года. По этому поводу Грибоедов писал Н. И. Гречу: «Напрасно, брат, все напрасно. Я что приехал от Фока, то с помощию негодования своего и Одоевского изорвал в клочки не только эту статью...»[1] (письмо около 24 октября 1824 г.— Там же, с. 554). Но несмотря на запрет комедия, с 1824 г. распространявшаяся во множестве списков, имела огромное общественное влияние, и оценка ее сложилась раньше появления в печати и театре.

26 января 1831 года, то есть через три года после смерти Грибоедова, комедия была поставлена на петербургской сцене, однако не целиком, а с большими цензурными изъятиями и сокращениями. Этот же цензурованный, неполный текст напечатан в 1833 году. Полностью комедия опубликована за границей в 1858 году, в России — в 1862 году, через тридцать восемь лет после написания пьесы.

Цензурный запрет постановки комедии на сцене оказал влияние на исполнение ролей. В результате Грибоедов не имел возможности сделать актерам необходимые указания. Мемуары свидетельствуют о неудаче первых спектаклей в Петербурге и в Москве (27 ноября 1831 г. тот же цензурный текст комедии исполнялся на сцене Малого театра). Первыми исполнителями ролей Чацкого были В. А. Каратыгин (в Петербурге), П. С. Мочалов (в Москве); Молчалина — Н. О. Дюр (в Петербурге), Д. Т. Ленский (в Москве); Софьи — Е. С. Семенова (в Петербурге), Потанчикова (в Москве); Фамусова — В. И. Рязанцев (в Петербурге), М. С. Щепкин (в Москве). Судя по воспоминаниям современников, наиболее впечатляющим было исполнение ролей Репетилова — И. И. Сосницким и Загорецкого — П. А. Каратыгиным в

[1] По-видимому, «статья», которую Грибоедов отдавал в цензуру и изорвал в «клочки», была предисловием к изданию «Горя от ума» (предположение современного исследователя В. Н. Орлова).

петербургском спектакле, что объясняли беседами этих актеров с Грибоедовым в то время, когда он еще надеялся увидеть свою пьесу на сцене.

Комедия «Горе от ума» печатается по тексту издания: А. С. Грибоедов. Сочинения в стихах (Большая серия «Библиотеки поэта»). Л., «Советский писатель», 1967.

Стр. 38. *Ох! зелье, баловница* — резвая, шустрая. Зелье — порох (старин.).

Стр. 42. *А все Кузнецкий мост и вечные французы, || Оттуда моды к нам, и авторы, и музы...*— На Кузнецком мосту (одной из центральных улиц Москвы) были сосредоточены модные магазины дамских нарядов, книжные лавки и лучшие кондитерские. Торговля находилась преимущественно в руках французов.

Стр. 43. *Берем же побродяг, и в дом и по билетам...*— Для обучения языкам, музыке, танцам и рисованию в дворянские дома брали иностранцев, в основном — французов, часто безграмотных, искавших в России легких заработков (*побродягами* такого рода гувернеров называет и Фонвизин в своей комедии «Выбор гувернера», 1792). В городских условиях эти учителя иногда и не жили при своих воспитанниках, а являлись на уроки, причем им выдавались квитанции *(билеты)*, по которым расплачивались. Таких преподавателей в богатые дома приглашали множество, в соответствии с преподаваемыми предметами.

Стр. 44. *Дал чин асессора и взял в секретари...*—Чин коллежского асессора соответствовал, по табелю о рангах, военному чину капитана. Исхлопотав Молчалину этот чин, Фамусов определил его на ту службу, где состоял и сам (в качестве управляющего в казенном месте, которое мог вовсе не посещать) — в Московский архив старых дел. По этому департаменту и шла служебная карьера Молчалина, при том, что фактически он состоял при своем начальнике в качестве личного секретаря.

Стр. 45. *Тут с громом распахнули двери || Какие-то не люди и не звери...*— Сон, рассказанный Софией, является пересказом сюжета русской народной сказки-повести об Алеше Поповиче (см. аналогичный пересказ той же сказки в сне Татьяны, в XVI—XVII строфах 5 гл. «Евгения Онегина», 1826).

Стр. 48. *Остер, умен, красноречив...*— и след. три стиха являются формулой характеристики Чацкого как типа молодого человека 1810-х — начала 1820-х гг., так или иначе примкнувшего к общественной деятельности и связанного с декабристскими кругами.

Лечился, говорят, на кислых он водах...— Речь идет о кавказских минеральных водах. В конце 1810-х — начале 1820-х годов там, в Пятигорске, ежегодно собиралось большое общество светских людей Москвы и Петербурга (см. об этом у Пушкина в «Отрывках из путешествия Онегина»).

Стр. 50. *Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря, || Верст больше седьмисот пронесся...*— Чацкий, судя по данным ранних вариантов, ехал в Москву не из Петербурга (лучшая из дорог), а из-за границы через Смоленск—

Вязьму и сообщал Софии о последнем, тяжелом, в бурю, перегоне. Ездили тогда на перекладных, почтовых (казенных лошадях, менявшихся на почтовых станциях). Ездили и на так называемых вольных лошадях, по договоренности с ямщиками. Скорость езды по шоссейным и грунтовым дорогам была установлена казною (не свыше 12 верст в час зимой, летом до 10, а весной и осенью до 7—8 верст). Гоном добивались и 15—16 верст в час. Именно так, видимо, ехал Чацкий, так как умудрился за двое суток промчаться больше семисот верст. Не удивительно, что он несся не вздремнув *(глаз мигом не прищуря)* и что сани, зарываясь в наметанные снежной бурей сугробы, валились набок, вываливая седоков и поклажу *(и растерялся весь, и падал...)*.

В мемуарной литературе грибоедовского времени неоднократно упоминаются ужасы дорог того времени: «такие ямы, что мозг трясется и на мостовой, а как начнет толкать из ямы в яму, только держись... смотри, чтобы головы не сломать...» (см. в «Евгении Онегине» — «Теперь у нас дороги плохи, Мосты забытые гниют...»).

Стр. 51. *Где время то? Где возраст тот невинный...*— Фраза является несколько измененной цитатой из «Пролога в театре» трагедии Гете «Фауст»: «So gib mir auch die Zeiten wieder». См. также стихи: *На всех московских есть особый отпечаток...* (II, 5); *Всегда готовые к журьбе, || Поют всё песнь одну и ту же...* (II, 5); *урок, который им из детства натвержен...* (III, 22); *Там стены, воздух — все приятно...* и т. д. (III, 2); *Ах! голова горит, вся кровь моя в волнении...* (IV, 10); *Муж-мальчик, муж-слуга...* (IV, 14) и соответствующие стихи трагедии «Фауст»: «Auerbachs Keller in Leipzig» (стих 104); «Studierzimmer» (стихи 25—29 и 442—444); «Abend» (стихи 10—14 и 33—34); «Marthens Garten» (стихи 120—122). Глубокий интерес Грибоедова к «Фаусту» — даты его высказываний о пьесе Гете и перевод «Пролога», дошедший до нас отрывком,— совпадает со временем писания «Горя от ума».

Или ваш батюшка с мадамой за пикетом...— Фамусов играл с гувернанткой своей дочери (madame — *франц.*) в азартную карточную игру (piquet — *франц.*) с 32-мя картами между двумя партнерами.

Все тот же толк, и те ж стихи в альбомах.— Чацкий говорит об однообразии светской болтовни и светских, дамских альбомов с поучительными афоризмами, стихами и рисунками (см. о такого рода альбомах в «Евгении Онегине», гл. 4, строфы XXVIII—XXIX).

Ну что ваш батюшка? все Английского клоба||Старинный, верный член до гроба? — Членство в Английском клубе (по избранию) давало дворянину вес принадлежности к светскому обществу и занимало праздное время мужчин (женщины в клуб не допускались) узнаванием политических новостей, сплетен (декабрист Н. И. Тургенев говорил, что у членов клуба «ремесло знать обо всем, кроме того, что дома делается»), беседами, игрой в карты и обильной, изысканной едой. Английский клуб, учрежденный англичанами (1770) в Москве и Петербурге, поначалу привлекал русских либералов-англоманов, и членство в нем свидетельствовало об интеллектуальных интересах и значитель-

ности. В 1810—1820-х гг. этот характер был утрачен, и завсегдатаями клуба стали такие, как Фамусов и те говоруны, о которых говорит Репетилов в 4—5 сценах четвертого действия. «Оппозиционный дух, который тут находим, совсем неопасен для правительства: он... не что иное, как совершенный вздор»,— писал об Английском клубе мемуарист Вигель («Записки», т. 2. М., 1928, с. 315).

Стр. 52. *А трое из бульварных лиц...*— Так именует Чацкий лица, примелькавшиеся на ежедневных гуляньях на Тверском бульваре, что составляло в то время «хороший тон». Светские дамы, щеголи и богачи собирались для прогулки к полудню на Тверском бульваре— выставке невест, нарядов, месте городских сплетен.

А наше солнышко? наш клад? || На лбу написано: Театр и Маскерад...— Современники угадывали в высмеянном любителе театрального искусства и всяческих затей П. А. Познякова, жившего в 1800-х гг. в своем великолепном доме на Малой Никитской. Поэт Вяземский писал: «Нет сомнения, что о нем говорится в «Горе от ума»... Позняков приехал в первопрестольную столицу потешать ее своими рублями и крепостным театром... устроил... зимний сад, театральную залу с ложами». Дом этот славился среди других барских домов окружавшей его оранжереей и росписью стен, к ней примыкавших, изображением аллей парков и дальних перспектив *(Дом зеленью раскрашен в виде рощи...)*.

А тот чахоточный, родня вам, книгам враг...— По-видимому, имеется в виду знаменитый «гаситель просвещения» М. Л. Магницкий (личность желчная и болезненная), прославившийся созданием так называемого Ученого комитета при департаменте министерства духовных дел и народного просвещения. Ученый комитет ставил своей целью «внушить отвращение... к произвольному умствованию, несовместному с повиновением верховной и духовной власти», и занимался установлением программ высших учебных заведений, увольнением и приемом соответствующих реакционному духу профессоров и изъятием книг, в которых усматривалось вольнодумство.

И дым отечества нам сладок и приятен!—Цитата (слегка измененная) из стихотворения Державина «Арфа» (1798): «Отечества и дым нам сладок и приятен». Афоризм восходит к античной поговорке: «И дым отечества сладок».

А тетушка? все девушкой, Минервой?..— Здесь сатирическое сравнение престарелой фрейлины, с ее многочисленной домашней свитой, судьба которой находится в ее руках,— с богиней правосудия Афиной-Палладой (в р и м с к. м и ф.— Минерва).

Стр. 53. *Как с ранних пор привыкли верить мы, || Что нам без немцев нет спасенья!* — Имеется в виду немецкий образец, с которым были связаны реформы и предприятия Петра I. Ко многим из них Грибоедов относился критически, ценя самобытность русской культуры. Эта патриотическая оппозиция была характерна для умонастроений многих декабристов, исторические взгляды которых разделяет Чацкий.

В замечании Чацкого содержится и злободневный намек на казарменные преобразования прусского образца, которыми был увлечен Александр I, и на

его послевоенную дружбу с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III, в результате чего началось проникновение немцев во все поры государственной жизни, в военные учреждения и департаменты.

А Гильоме, француз, подбитый ветерком? — Меткое словцо Чацкого о типе гувернера-француза подтверждается мемуарными характеристиками (см. у Пушкина в «Капитанской дочке»: «Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel (чтобы быть учителем.— *И. М.*), не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности...» См. также в «Евгении Онегине» — «*Monsieur l'Abbé*, француз убогой...» и т. д.).

Господствует еще смешенье языков: ||*Французского с нижегородским...*— Речь идет об укоренившейся в светском обществе привычке перебивать русскую речь французской, пересыпать ее французскими словечками, сочетавшимися с диалектизмами, в зависимости от языковых особенностей тех мест, где находились родовые имения помещика.

Стр. 54. *А впрочем, он дойдет до степеней известных,* || *Ведь нынче любят бессловесных.* — Здесь словесная игра с именем Молчалина, намек на молчаливо-угодливого чиновника, пришедшего в русские департаменты послевоенного времени. Любовь Софии к Молчалину заставила ее, как это видно из ее реплик Чацкому, раздраженно обидеться на эти слова Чацкого. Между тем как он, не ведая о привязанности Софии, недооценивает желчи своего острословия.

Звонками только что гремя...— Чацкий имеет в виду звонки колокольчиков, подвязанных к дугам лошадей.

Стр. 56. *Где был? Скитался столько лет!* — Из отдельных замечаний Чацкого и других лиц в комедии явствует, что Чацкий отсутствовал три года *(Неужли так меня три года изменили?)*, что он жил и пытался служить в Петербурге *(Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,* || *Из Петербурга воротясь,* || *С министрами про вашу связь,* ||*Потом разрыв...)*, что после этих разочарований в возможности государственной деятельности Чацкий болел или тосковал и ездил на Кислые воды, после чего *объехал целый свет*, то есть, по-видимому, путешествовал по Европе, откуда и вернулся в Москву.

Стр. 57. *...Достань-ка календарь...*—Речь идет о «Месяцеслове» (издавался с 1728 по 1860 г.), адрес-календаре, который объединял собой календари ежемесячные и различные годовые сводки астрономического, религиозного, исторического и политического характера, а также сведения о продвижении по службе крупных чиновников, состоявших на русской государственной службе. Каждый месяц занимал в календаре две страницы. Слева находилось подпевное перечисление имен святых, которые праздновала церковь. Справа месяц был разделен на четыре недели, с указанием дней и чисел каждой. Между этими двумя страницами был вставлен лист чистой бумаги для записей; вот на таком листе Петрушка и должен был записать продиктованное Фамусовым, а затем читать с чувством, толком и расстановкой содержащиеся в «Месяцеслове» сведения о том, что: «Король великобританский возвратился из Ирландии на английский берег» (август 1821 г.), или о том, что «В Рио-Янейро

было возмущение, которое не иначе укрощено быть могло, как только военною силою...» (апрель 1821 г.) и т. п. сведения, которых Фамусову вполне могло хватить для поддержания беседы с гостем или в Английском клубе.

С ключом, и сыну ключ умел доставить.— Камергерам присваивался золотой ключ, являвшийся символом этого звания (украшал задний карман придворного мундира).

Стр. 59. *Езжал-то вечно цугом...*— Торжественная важность выезда в экипаже была едва ли не главным отличительным признаком вельможества; самым богатым выездом считалась упряжь в шесть лошадей, шедших цугом, то есть пара за парой.

Тупеем не кивнут... — Речь идет об едва заметном кивке головой, производимом вельможей, по моде екатерининского времени, носившим парик с высоким начесом, своего рода чубом — тупеем (от *франц.* Toupet).

Вельможа в случае — тем паче... — Имеется в виду смена любимцев из числа вельмож, окружавших Екатерину II, и особое могущество этих временных избранников, фаворитов.

На куртаге ему случилось обступиться... — Речь идет о дне больших приемов во дворце, тогда именовавшихся куртагами (слово состоит из *франц.* cour — двор, и *нем.* Tag — день).

Стр. 60. *Век нынешний и век минувший...*—Содержание отповеди Чацкого Фамусову выражает сущность исторической оценки века Екатерины, ее внутренней политики и системы фаворитизма (как метода назначений на государственные посты). Из этого эталона деспотического произвола декабристы исходили в своей критике подобных же явлений во внутренней политике Александра I послевоенного периода. Сравнивая *век нынешний* с *минувшим*, Чацкий исходит не столько из реальной русской действительности, сколько из прогрессивных идей, характеризующих время национально-освободительного движения в Европе и реформ, подготовлявшихся (но неосуществившихся) в России.

Ах, боже мой! он карбонари! — Здесь слово карбонари (carbonaro — *итал.*) — лишь синоним вольнодумца, человека, который *вольность хочет проповедать*. Карбонарийская революционная организация конца 1810-х — начала 1820-х годов вызывала живой интерес в кругах декабристов и была своего рода пугалом реакции.

Стр. 65. *Позвольте нам своими счесться,||Хоть дальними,—наследства не делить...*— Фамусов почти цитирует известную поговорку: «Хоть наследства и не делить, а все надо своими счесться». Счесться родными, то есть найти общих родственников, являлось немаловажной заботой в стародворянском быту. Это почти всегда удавалось, так как большая часть дворян находилась друг с другом если не в родстве, то в свойстве (при помощи браков). Связями этими дорожили нечиновные, мелкопоместные в целях иметь покровительство в служебной карьере, устройстве детей в казенные учебные заведения и т. п. Покровители же были заинтересованы в том, чтобы их родственники занимали приличные должности, то есть не срамили родство. Об этом старинном обычае

счесться родней при новом знакомстве немало рассказов и анекдотов в мемуарах на тему поговорки: «А ну сочтемся своими: бабушкин внучатый козел тещиной курице как пришелся?»

В тринадцатом году мы отличились с братом...— Те из офицеров, которые пополнили армию после героических потерь двенадцатого года, прославились не столько военными подвигами, сколько выслугой перед начальством, и, в этом смысле, обозначение года здесь характеризует Скалозуба, который получил орденок *за третье августа*, то есть за парадный смотр армии во время перемирия, продолжавшегося с 29 июня по 10 августа 1813 г.

Ему дан с бантом, мне на шею.— Один и тот же орден различался по способу ношения (*на шею* — более высокая степень).

Стр. 66. *Однако за полком два года поводили.* — То есть звания полковника Скалозуб добивался два года.

Стр. 67. *...по отцу и сыну честь;*||*Будь плохенький, да если наберется*||*Душ тысячки две родовых...*— Речь идет о наследственных имениях с принадлежащими к ним крепостными крестьянами. Фамусов определяет тот выше среднего (однако не высший, вельможный) уровень дворянина, который он считает приемлемым для жениха его дочери. Здесь Грибоедов как бы продолжает сатирическую характеристику Фонвизина в его комедии «Бригадир» (1769), где отец привлекательной невесты Советник рассуждает: «Однако, ежели у кого есть две тысячи душ, то мне кажется, они все пороки наградить могут. Две тысячи душ и без помещичьих достоинств всегда две тысячи душ, а достоинствы без них — какие к черту достоинствы...» (д. III, явл. 6).

Стр. 68. *Его величество король был прусский здесь...*— Летом 1818 г., по приглашению Александра I, Москву посетил прусский король Фридрих-Вильгельм III.

Пожар способствовал ей много к украшенью.— После пожара и разорения 1812 г. Москва была перестроена по новым планам, утвержденным в Петербурге, и ее допожарный усадебный характер, дворянские дома-поместья со службами и садами, со связью с определенными церковными приходами, сохранился лишь на окраинах. Вернувшиеся после войны москвичи по-разному относились к преобразованиям на петербургский лад; одни негодовали (*Не поминайте нам, уж мало ли крехтят;*||*С тех пор дороги, тротуары,*||*Дома и всё на новый лад*), другие радовались упорядоченности. Так, московская барыня в своих воспоминаниях писала: «...нет худа без добра: после пожара Москва стала гораздо лучше... улицы стали шире; те, которые были кривы, выпрямились, и дома начали строить больше все каменные...» (Д. Благово. Рассказы бабушки. СПб., 1885, с. 198).

Стр. 69. *И где не воскресят клиенты-иностранцы*||*Прошедшего житья подлейшие черты...*— Здесь имеется в виду эмигрантская знать, хлынувшая в Россию во время Французской революции и принятая в домах многих русских вельмож, быт которых напоминал «клиентам» старый режим Франции.

Стр. 70. *На них он выменял борзые три собаки...*— В произволе помещиков, распоряжавшихся жизнью крепостных крестьян, бывали случаи, которые

считались из ряду вон выходящими и у завзятых крепостников. Таковы были случаи проигрывания крепостных в карты, обмен их на охотничьих собак и т. п. Таким обменом «прославился» некий генерал Измайлов. С его именем и связывали современники *Нестора негодяев знатных.*

Или вон тот еще, который для затей||На крепостной балет согнал на многих фурах...— Речь идет о характерном для крупноусадебного быта явлении — устройстве театра и музыкальных оркестров силами принадлежавших помещику крепостных. Современники усматривали в словах Чацкого сатиру на рязанского помещика Ржевского, у которого была балетная труппа в Москве, в его доме на Малой Никитской, где он устроил театр. На роскошный балет Ржевский истратил свое громадное состояние.

Распроданы поодиночке...— Продажа крепостных *поодиночке*, с отторжением их от семьи и земли, где было их хозяйство, являлась тем наиболее возмущавшим злом крепостничества, по поводу которого неоднократно поднимался вопрос в сенате и различных законодательных комиссиях. Со стороны правительства была даже сделана попытка ограничений продажи крепостных без земли.

...к мундиру та же страсть!||Я сам к нему давно ль от нежности отрекся...— Здесь Грибоедов, отождествляя себя с Чацким, говорит о том стремлении в армию, какое было характерно для него самого и всего декабристского поколения во время Отечественной войны, вспоминает горячий патриотический подъем, с каким были встречены воины после победы, а затем — о своем разочаровании *(от нежности отрекся)* в военной службе, при виде того, что «вся поэзия великих подвигов исчезает», а на смену ей являются одни «искательства» («Отрывок трагедии о 1812 годе», 1822), то есть карьеризм, представителем которого и явился тип Скалозубов.

Стр. 80. *Хрипун, удавленник, фагот...*— Хрипунами именовали в грибоедовское время заносчивых армейских офицеров (по словам П. А. Вяземского, за «хвастовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хриплостью голоса»). Отсюда сравнение с духовым инструментом — фаготом.

Стр. 82. *Есть на земле такие превращенья||Правлений, климатов, и нравов, и умов...*— Кроме иронии по поводу возможного превращения Молчалина в умного человека, здесь характерное для Чацкого переключение к темам политическим. В подтексте слов Чацкого содержится явный намек на *превращенья*, которые произошли в России силой петровских реформ, причем Чацкий выражает то критическое отношение к преобразованиям Петра I, которое являлось характерным для исторических взглядов декабристов. Оценивая огромные заслуги Петра I во внешней политике и общий культурный сдвиг в России, которому содействовали интенсивные связи с Западной Европой, эти историки считали некоторые реформы Петра I противоестественными, противоречащими природным условиям России *(климатов)*, традициям исконной русской культуры *(нравов и умов)*. Эти непрестанно занимавшие Чацкого мысли (см. *Пускай меня отъявят старовером...*) о противоречиях в развитии русской культуры (разрыве между народом и привилегированным

слоем общества) были неразделимы для молодых людей декабристского поколения с их отношением к реальной действительности. В многозначном замечании Чацкого имеются в виду и те *превращенья*, которые произошли в политике Александра I после войны, когда царь оказался во власти реакционных идей Священного Союза и начал устранять государственных деятелей начала царствования, работавших над проектами различных реформ (Сперанский и др.), заменяя их такими, как Аракчеев, Голицын и др. *(Есть люди важные, слыли ва дураков...).*

Стр. 87. *С министрами про вашу связь,* ||*Потом разрыв...*— После Отечественной войны молодежь декабристского поколения устремилась было к государственной деятельности в различных департаментах, но новая реакционная политика Александра I не имела ничего общего с начинаниями довоенного времени. С этим были связаны перемены в министерствах, в лучшем случае сводившиеся к изменению взглядов прежних либералов, занимавших министерские посты.

Стр. 88. *Балы дает нельзя богаче,* ||*От рождества и до поста,* ||*И летом праздники на даче.*— Время балов и вечеров светского стародворянского общества регламентировалось прежде всего пребыванием в городе и деревне. С ранней весны московская знать удалялась в свои родовые поместья и *дачи* (имения, иногда не менее обширные, чем родовые, обычно давались (*дача* — выдача) придворным вельможам в виде царской милости поблизости от местонахождения царского двора или, по крайней мере, вблизи столиц). Подмосковные дачи Шереметевых, Юсуповых, Разумовских и других магнатов отличались особой пышностью дворцов, парков, оранжерей и т. д. Празднества на этих дачах обычно происходили летом, во время пребывания там хозяев. Балы в домах дворянской знати обычно начинались не сразу после возвращения в город, а минуя предрождественский пост, и могли устраиваться вплоть до так называемой масленой недели.

Стр. 91. *Конечно был бы он московским комендантом.*— Должность московского коменданта в глазах московской светской дамы того времени была пределом мечтаемой военной карьеры, так как, сохраняя блеск мундира, не грозила отъездом из столицы и имела отчасти характер придворной службы (под наблюдением московского коменданта находился Кремль с его дворцовыми помещениями и церемониями во время пребывания в Москве царской фамилии).

Стр. 92. *Ты обер или штаб?*— Давно не видавший Горича, Чацкий спрашивает приятеля, в каком чине он вышел в отставку — *обер*-офицера (младший офицерский чин, от прапорщика до капитана) или *штаб*-офицера (от майора до полковника).

Стр. 95. *Нет, если б видели мой тюрлюрлю атласный!* — Изображая представительниц высшего света, Грибоедов не пожалел сатирического яду. Здесь светская дама употребляет французское арготическое словцо, неупотребимое в высшем обществе Франции, но ходовое среди французского ремесленного люда, в частности, у искусниц модных лавок Кузнецкого моста, сбываю-

щих свои товары (в том числе атласные накидки, обладательницей которой явилась супруга Горича). В старофранцузском языке словцо *turlurette* (производное от глагола *turluter*, как бы имитирующего трель птичьего пения) означало и гитару, и ту странствующую уличную певицу, которая носила эту гитару под своей накидкой.

Стр. 99. *Час битый ехала с Покровки...*— Покровка (ныне улица Чернышевского), где жила Хлестова, еще в 1820-х гг. была сугубо усадебной частью Москвы. Там находились обширные барские усадьбы с огромными парками, оранжереями и дворцового типа домами. В послепожарной Москве еще и в ту пору оставались руины, а вновь построенные дома подчас перекрывали привычный проезд, что и вызывало воркотню Хлестовой, которая добиралась до Фамусова *час битый*.

От скуки я взяла с собой || Арапку-девку да собачку...— Хлестова именует *арапкой* негритянку. Негры, в то время находившиеся в положении рабов в Америке, фактически являлись живым товаром международных рынков; в частности, открытый торг неграми шел на рынке Стамбула. В Россию этому товару проникать было тем проще, что велась торговля и русскими крепостными крестьянами.

Купил, он говорит, чай, в карты сплутовал...— Картежная игра в русской дворянской среде шла с большими ставками, заменяемыми иногда и ставками в виде живых крепостных (по существующим расценкам). Кем-то, где-то купленная арапка вполне могла быть выиграна Загорецким в его шулерской игре.

Стр. 100. *...забился там, в портретной...*— В вельможных и барских домах бывали особые залы, где находилась галерея предков. Такие *портретные* заводили у себя и баре, не принадлежащие к высокой знати, как Фамусов.

Моя невестушка...— В народном и стародворянском разговорном языке невесткой именовали не только жену сына (общеупотребительное название: сноха), но и жену брата, хотя бы не родного, а двоюродного или троюродного. Степень свойства Фамусова с Хлестовой могла быть минимальнейшей.

Стр. 104. *Схватили, в желтый дом, и на́ цепь посадили.*— То есть посадили в сумасшедший дом (в те времена больницу для умалишенных красили в ярко-желтый цвет, отличающий это здание). В этих казенных больницах буйно помешанных сажали на цепь.

Стр. 107. *Тесак ему да ранец, ||В солдаты!* — Разжалование людей офицерского чина в солдаты (носивших ранец с амуницией и маленький топорик-*тесак*) было распространенным методом наказания еще во времена Павла I, а затем в период аракчеевщины, наступившей в 1810-х гг.

Стр. 109. *Да от ланкартачных взаимных обучений...*— Речь идет о ланкастерской (по имени Ланкастера, выдающегося английского педагога начала XIX в.) системе обучения слабых учеников сильными. В России эта система, дающая возможность обучения грамоте в армии, пользовалась популярностью у декабристов. В 1819 г. было учреждено «С.-Петербургское Общество взаимного обучения по системе Ланкастера», а в 1822 г. опытная при нем школа

для бедных мальчиков. Управление этим делом попало в руки декабристов: Ф. Н. Глинки и Ф. П. Толстого, членов Союза благоденствия, а еще раньше, в 1817 г.,— в руки генерала М. Ф. Орлова, члена тайного общества. Последний, в качестве начальника Киевского военного округа, был распорядителем военных школ южных аракчеевских военных поселений. Генерал Орлов придавал этим школам большое значение и разработал для них особую систему обучения, основанную на политической пропаганде с особыми азбучными таблицами, о которых поэт Жуковский шутливо писал Орлову:

Ты по ланкастерской методе
Мальчишек учишь говорить
О славе, пряниках, природе,
О кубарях и о свободе...

Тема славы и свободы явилась основой просвещения и в тех военных частях, коими командовали офицеры-декабристы (В. Ф. Раевский и др.). Слух о ланкастерских школах тревожил реакционные круги общества, и в этой ликвидации народной неграмотности видели подрыв основ крепостнического строя.

Стр. 110. *Нет, в Петербурге Институт*||*Пе-да-го-гический...*— В конце 1816 г. был учрежден новый устав Главного педагогического института, в котором была установлена огромная программа, в которую входили: «математика чистая, астрономия, физика, химия, естественная история... ботаника». Это перечисление дает понятие, о чем говорит княгиня Тугоуховская, с ужасом восклицавшая: «Он химик, он ботаник...» Современники в князе Федоре, племяннике Тугоуховской, предполагали А. Я. Яковлева, родного дядю Герцена, которого именовали *химиком*, возмущаясь занятиями принадлежавшего высшему свету дворянина, который устроил у себя дома лабораторию, обставился книгами и совершенно пренебрег светскими связями.

...есть проект насчет лицеев, школ, гимназий...— Скалозуб имеет в виду аракчеевский проект военизации юношества, учащихся штатских учебных заведений.

Был острый человек, имел душ сотни три.— Хлестова говорит о сравнительном материальном благополучии Чацкого, владельца поместия с тремястами крепостных, что, впрочем, в ее представлении отнюдь не соответствовало имущественному цензу светских людей равного с нею достоинства (см. *Душ тысячки две родовых...*).

Стр. 112. *Французик из Бордо, надсаживая грудь,*||*Собрал округ себя род веча...*— Галломания высшего русского общества не исчезла и после Отечественной войны, изменился лишь социальный облик привлекаемых в русские гостиные французов. После Французской революции в высшем русском обществе были приняты и обласканы эмигранты — представители старого режима, а в конце 1810-х — начале 1820-х гг. явилась и наполеоновская «знать», представители буржуазных кругов, по большей части уже не обладавшие образованностью аристократии. Грубо-меркантильного, крикливо-нахального француза (здесь понятно и уничижительное: *французик*) сатириче-

ски изображает Чацкий. Мера сатирического яду, отпущенная Грибоедовым французику, определяется тем, что прибыл он именно из города Бордо (Bordeaux). Поэт играет словом, нагнетая сатирическую характеристику. Так, нет сомнения, что имеется в виду и репутация Бордо как города виноторговли, как центра виноделия, но одновременно идет игра на смысле слова «бордо» (bordeau), как нарицательного, арготического в значении: мелочи, ничтожества (например: маленькой сигарки), а также старофранцузского, в смысле: кабака, вертепа, публичного дома. В этом значении слово «бордо» встречается во французской поэзии вплоть до XVII в. (например, в сатирах Матюрена Ренье).

Стр. 113. *Пускай меня отъявят старовером...*— Староверами, «славянороссами» именовали любителей русской старины, объединившихся в обществе «Беседа», хотя мысль, которую развивает Чацкий, по своему пафосу ничего общего не имеет с реакционным славянофильством, а выражает историко-политические взгляды декабристов. В основе их — осуждение Петра I за утверждение тиранического самовластия, самодовлеющей государственности и крепостного права, за пренебрежение к исконным правовым началам и народной культурной традиции ради «пустых немецких нововведений» (бритья бород, обязательного ношения западноевропейского платья и т. д.). Во всем этом декабристская мысль искала первопричин рокового для русского прогресса разобщения народных масс с верхними слоями общества. Помимо размышлений историко-политических, в монологе Чацкого — тревога о сегодняшних мероприятиях правительства, о пресловутых аракчеевских поселениях, возмущавших передовую мысль, о крестьянах, которых принуждали «к бритью и стрижке волос и бород», чтобы стать военными поселянами и облачиться в мундиры (см. *Как с ранних лет привыкли верить мы...* и *Есть на земле такие превращенья...*).

Чтоб умный, бодрый наш народ...— Здесь в устах Чацкого — некая формула, сопутствующая характеристике народных масс, какую давали декабристы. Так в «Дневнике» Н. И. Тургенева за 1819 г. мы находим фразу: «Неужели славный, умный, добрый наш народ никогда не возвысится до истинного своего достоинства?» Слово «добрый», бывшее в ранней редакции комедии, Грибоедов заменил словом «бодрый», имеющим двузначность. Здесь и терпеливая бодрость духа («...в несчастии бодр» — «Гимн лиро-эпический» (1812) Державина), и бодрость в старинном значении — храбрости, смелости («О росский бодрственный народ» — «Вельможа» Державина). Под «бодростью» русского народа имеется в виду прежде всего стойкая храбрость, проявленная им в Отечественную войну.

...Ну как перевести мадам и мадмуазель?..— Вопрос о русской лексике и фразеологии в разговорном языке высшего общества был в грибоедовское время одним из актуальнейших. В литературных сферах дебатировались проблемы сохранения некоторых основ древней письменности и народной поэзии, а также засоренности современного языка галлицизмами.

Стр. 119. *Я сам, как схватятся об камерах, присяжных...*— Темы, которые являются «дежурными» у болтунов Английского клуба, были злободнев-

ными в 1821—1822 гг. Разговоры о *камерах* — палатах депутатов (*лат.* camera) восходят к «Проекту конституции», написанному Никитой Михайловичем Муравьевым в 1821—1822 гг. (гл. VII, где говорится «О палате представителей»). И хотя сам проект Муравьева не был широко известен, однако многие его положения обсуждались в кругах околодекабристских. Связанным с законодательством являлось и чрезвычайно важное, в глазах декабристов, установление судопроизводства, которое давало возможность вести судебное дело не самому истцу или ответчику и не частному ходатаю по его делам, который за деньги утверждал право сильного и бесправие бедняка,— а представителю особой юридической корпорации, *присяжному* поверенному. Здесь видели некоторую гарантию правовых норм для неимущих.

О Бейроне, ну о матерьях важных...— Одной из тем, волнующих передовых людей того времени, была революционная деятельность Байрона — поэта, «властителя дум» передовой молодежи всего мира. Байрон, который навсегда покинул Англию в 1816 г., принял участие в движении итальянских карбонариев в Равенне (1820—1822), а затем преследовался вместе с другими заговорщиками; в середине 1822 г. посвятил себя делу греческого восстания, отплыв в Грецию.

Стр. 120. *Век с англичанами, вся áнглийская складка...*— Англомания в 1810-х—1820-х гг. отчасти сменила галломанию в среде высшего дворянства. Она выражалась не только в преклонении перед конституционными установлениями Англии, но и в подражании манерам и облику английских аристократов (вид независимости).

А! нон лашьяр ми, но, но, но...— русская транскрипция итальянской фразы из арии Дидоны в опере «Покинутая Дидона» (1768) композитора Галуппи на слова поэта Метастазио с характерной для его оперных текстов установкой на какую-либо одну лейтмотивную арию. Опера имела шумный успех в дореволюционной Европе и стала «гвоздем» сезона 1821 г. в Москве, где гастролировала итальянская труппа.

Его отрывок, взгляд и нечто...— В журналах того времени часто помещались отрывки каких-то неопределенных сочинений, с заглавиями: «Взгляд на...»; «Нечто на тему...», которые содержали мысли самые неопределенные, но казавшиеся передовыми.

Не надо называть, узнаешь по портрету...— Здесь речь идет о графе Федоре Ивановиче Толстом (1782—1846), личности, наделавшей много скандального шуму в светском кругу своей шулерской игрой в карты, дуэлями и приключениями разного характера. От преследующего его закона Толстой бежал на Камчатку, затем на Алеутские острова, за что и был прозван «алеутом» и «американцем». Существует список «Горя от ума», в котором рукой Толстого к стиху *И крепко на руку нечист* написан вариант: «В картишках на руку нечист» — чтоб не подумали, что ворует табакерки со стола».

И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу...—Устами Репетилова, наивно рассказывающего о вымученном характере каламбуров, из которых затем лепятся водевили, Грибоедов сатирически обличает тогдашний театральный

репертуар, наполненный подобного рода легковесными пьесками на злобу дня, потрафляющими обывательскому вкусу.

Стр. 122. *Я князь-Григорию и вам* || *Фельдфебеля в Вольтеры дам...* — В злобной реплике Скалозуба отражены мероприятия времени, когда осуществлялся и разгром высших учебных заведений с удалением мыслящей профессуры, и сдача в солдаты тех студентов, которые под их влиянием составляли вольнодумную оппозицию. Дворянскую молодежь, согласно этим казарменным идеям, собирались полностью охватить «фельдфебельским» надзором, уча ее шагистике и дисциплинируя военной муштровкой.

С его женой и с ним пускался в реверси... — Речь идет о карточной игре, именовавшейся «reversi» (*франц.*), состоявшей в том, что выигрывал тот, кто умел привести партнера к наибольшему количеству взяток, оставаясь при минимальной.

Он на Фонтанке жил, я возле дом построил. — Набережная реки Фонтанки в Петербурге в той ее части, которая примыкает одним концом к Невскому, а другим — к Летнему саду, считалась так же, как Дворцовая набережная Невы, с примыкающими к ней улицами, «царством лучшего общества, местом жителей высшего круга». В конце 1780 гг. там начали возникать огромные, дворцового характера здания.

Все вышли в знать, все нынче важны, || *Гляди-ка адрес-календарь...* — На страницах адрес-календарей помещали назначения на должности крупных чиновников.

Стр. 133. *В работу вас, на поселенье вас...* — Провинившихся дворовых людей помещики обычно отсылали на черные работы *(в работу)* в деревню, а в особых случаях — на поселенье в Сибирь. (До 1809 г. помещик имел право самочинно отправить на каторгу, но затем это было запрещено, и на поселенье отправляли крепостных по ходатайству помещика через Губернское правление.)

А. СУХОВО-КОБЫЛИН. ПЬЕСЫ

Трилогия, состоящая из пьес «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина», написана в 1852—1869 годах. Напечатана с заглавием: «Картины прошедшего. Писал с патуры А. Сухово-Кобылин». М., 1869. С эпиграфом на титульном листе:

Wer die Natur mit Vernunft ansieht, den sieht sie auch vernünftig an.
Hegel. Logik[1].

Как аукнется, так и откликнется.
Русский перевод

[1] Кто с разумом рассматривает природу, на того и она взирает разумно. — *Гегель, Логика (нем.).*

В конце книги было напечатано следующее «Послесловие» Сухово-Кобылина:

«Если бы, за всем этим, мне предложен был вопрос: где же это я так-таки такие Картины видел?.. то я должен сказать, положа руку на сердце: Нигде!! ...и — везде...

Wer die Natur mit Vernunft ansieht, den sieht sie auch vernünftig an.

Как аукнется, так и откликнется».

Об единстве трилогии Александр Васильевич Сухово-Кобылин (1817—1903) писал в связи с желанием напечатать «Дело» «вместе с Кречинским, во-первых, чтобы восстановить его в долженствующем свете, во-вторых, чтобы всунуть в рот публике одно целое, а не два разрозненные. И, в-третьих, потому, что относительно пиес, самих по себе, они действительно суть целое. Мне хочется их обе озаглавить одним именем — только не приберу» (Дневник Сухово-Кобылина. Запись от 19 февраля 1861 г.— Цит. по кн.: И. К л е й н е р. Драматургия Сухово-Кобылина. М., «Советский писатель», 1961, с. 132).

Впервые полностью (пьеса за пьесой) трилогия была поставлена В. Э. Мейерхольдом в Александринском театре в январе — апреле 1917 года (с Юрьевым в роли Кречинского и Давыдовым в роли Расплюева). Пьесы шли в их полном, не искаженном цензурой тексте.

Трилогия печатается по тексту издания: А. В. С у х о в о - К о б ы л и н. Трилогия. М., Гослитиздат, 1955.

СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО

Премьера в Малом театре, в Москве (28 ноября 1855 г.) прошла с успехом, который возрастал во время последующих спектаклей. Роли исполняли: С. В. Шумский (Кречинский), П. М. Садовский (Расплюев), М. С. Щепкин (Муромский), Воронова (Лидочка), Н. В. Рыкалова (Атуева). Сухово-Кобылин в дневнике так записал свои чувства и впечатления: «Скоро зашумел и занавес, и вот она — вот моя пиеса, вот слова, писанные в тиши кабинета, — вот они громко, ясно и отчетливо гремят в безмолвной, несколько сумрачной и полной головами зале. Щепкин был несколько сконфужен — Рыкалова скверна — и я, сидя сзади сестры, считал число палочных, получаемых мною ударов... Я ничего не ждал от первого акта, это экспозиция, пролог — и вещь легкая, — я дожидался второго акта... Явился Садовский — его выход был превосходен — игра великолепна — несколько тяжела — он старался... Сцена Расплюева с Федором двинула публику. Сцена Расплюева с Муромским разразилась страшным, могучим залпом хохота» (запись цитируется по книге: К. Р у д н и ц к и й. А. В. Сухово-Кобылин. М., «Искусство», 1957, с. 55-56).

Стр. 159. *...всех в изделье!*—То есть на сдельщину, вместо определенного налога (оброка), менее обременительного для крепостных крестьян.

Стр. 176. *Вот стразовую побрякушку ухватил...*— то есть подделку под бриллиант; название по имени ювелира, изобретшего соответствующее гранение стекла.

Стр. 180. *Зажги карсели...*—Карсель — лампа, в которой особым механизмом нагнеталось горючее.

Напевает из «Волшебного стрелка» — из оперы немецкого композитора Карла Вебера, популярной в России с 1820-х гг.

Стр. 182. *Нас сцапают, и по Владимирке*—шоссе, идущее из Москвы на Владимир, по которому гнали (по этапам) в Сибирь, на каторгу.

...серую сибирку с бубновым тузом на спине...— Одежда каторжника.

Стр. 185. *...профессор натуральной магии и египетских таинств господин Боско* — итальянский фокусник, в 1840-х гг. приезжавший в Россию.

ДЕЛО

Напечатана автором в Лейпциге в мае 1861 года в количестве 25 экземпляров вместе с комедией «Свадьба Кречинского», в качестве ее продолжения.

Цензура не пропускала драму ни в печать, ни на сцену без кардинальных переделок, на которые автор частично соглашался. Однако и в переделанном виде, и с новым заглавием «Отжитое время. Из архива порешенных дел» при повторном рассмотрении пьеса вызвала следующие реплики цензора III Отделения: «Мы на себя руку поднять не можем! Здесь все осмеяно... Да кто же не поймет, что это Министерство, Министр, его товарищ — правитель дел и т. д.» (запись в дневнике Сухово-Кобылина от 25 июня 1863 г.— Цит. по кн.: К. Рудницкий. А. В. Сухово-Кобылин. М., «Искусство», 1957, с. 154).

В искаженном автоцензурой и купюрами виде пьеса наконец (через 21 год) достигла сцены, и образы ее были воплощены такими мастерами, как И. В. Самарин (Муромский), Г. Н. Федотова (Лидочка), Н. М. Медведева (Атуева) — в Малом театре в Москве, и В. Н. Давыдов (Муромский) и К. А. Варламов (Варравин) в петербургском Александринском театре (премьера — 13 августа 1882 г.).

Критик Ю. Беляев писал о петербургской постановке: «Вся драма, ужасная, дышащая нескрываемой злобой драма, в желчном негодовании сатирического таланта, бичующего российское бюрократство, захватила внимание всего театра и буквально приковала к сцене» (Ю. Беляев, «Мельпомена», СПб., с. 115).

Без цензурных изъятий с заглавием «Дело» драма была впервые исполнена в 1917 году в Александринском театре как вторая часть «Трилогии» по режиссерскому замыслу В. Э. Мейерхольда.

Событийным спектаклем явилось исполнение драмы во втором МХАТе (1927), где М. Чехов создал проникновенный, особо значительный образ такого Муромцева, в котором просыпается борец за правое дело.

Стр. 213. *Говорит, как Демосфен, именно тогда, когда последний клал себе в рот камни.*— Древнегреческий оратор Демосфен (ок. 384—322 до н. э.) в юности был косноязычен. По преданию, стремясь преодолеть физические недостатки речи, во время морского прибоя декламировал, набрав в рот мелкие камешки.

Стр. 214. *Бонвиван, супер и приятель всех и никого.*— Бонвиван — человек, любящий пожить в свое удовольствие (от *франц.* bon vivant). Супер — компанейский человек, всегда готовый поддержать веселую компанию, буквально: ужинающий (от *франц.* soupeur).

...изваянная высоким резцом покойного М. С. Щепкина...— Михаил Семенович Щепкин (1788—1863) — знаменитый артист, исполнявший роль Муромского в комедии «Свадьба Кречинского».

Стр. 225. *Поселился скромно, au quartier Latin.*— В Латинском квартале Парижа селились студенты, начинающие художники и писатели. В то время университетский квартал славился дешевым жильем.

Стр. 228. *...к Ваалову-то идолу* — языческое божество на Востоке (у финикиян), которому поклонялись и евреи, несмотря на преследования со стороны иудейских священников. Жертвоприношения кумиру позлащенному были несметно богатыми и часто кровавыми.

Стр. 237. *Неокентаврий.* — Здесь в смысле: чудовище (в греческой мифологии кентавр — полуконь-получеловек).

...напевает арию из «Elisir.— Тарелкин, перевирая, поет фразу: «Cielo si puó morir di piú non chiedo, non chiedo» («Небо, если б я мог умереть, то я большего бы не просил»)—из арии Неморино, героя комической оперы итальянского композитора Гаэтано Доницетти «Любовный напиток» («L'Elisire d'amore»). Фраза эта в устах Тарелкина имеет еще и ту комическую подоплеку, что этот персонаж изображает свою смерть в пьесе, являющейся третьей частью трилогии («Смерть Тарелкина»).

Стр. 238. *Как, бывало, Сальви... а Марио до него далеко.*— Лоренцо Сальви (1810—1879) и Джованни Марио (1810—1883) — теноры итальянской оперы, которых слышали в Петербурге и в Москве в 1840-х гг.

Постойте, постойте ...из «Гугенотов»...— Хор чиновников во главе с Тарелкиным скандирует на мотив хора из оперы «Гугеноты» (1836) Джакомо Мейербера.

Нет, свои гугеноты — доморощенные. — Шило сравнивает мучения, которым департамент подверг Муромских, с избиением французских протестантов, «гугенотов», которое католики устроили в так называемую «Варфоломеевскую» ночь (24 августа 1572 г.).

Стр. 258. *Не изыдеши оттуда, дóндеже не отдаси последний кодрант.*— То есть не уйдешь, пока не отдашь последнюю монету. Иван Сидоров цитирует евангельское изречение.

Стр. 259. *...или даже куньими деньгами...*— шутка Тарелкина, вспомнившего ходовую «монету» средневековой Руси — шкурки куниц.

Стр. 268. *Съезжий дом* — полицейский участок.

Стр. 270. *Меледа́* — канитель, возня.

Стр. 274. *Все чиновники (вместе насыкаются с бумагами)* — кидаются, суются, поднося начальнику бумаги *(старин. диалектн.)*.

Стр. 290. *...Бурцев, буйный забияка* — перепутанная цитата из послания Дениса Давыдова Бурцову («Бурцов, ера, забияка...»).

СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА

Создавалась в течение двенадцати лет (1857—1869). Вошла в книгу Сухово-Кобылина «Картины прошедшего», М., 1869, в качестве третьей пьесы трилогии.

Систематически запрещалась цензурой к исполнению на сцене до 1900 года, когда с купюрами и переделками, по требованиям цензуры, была исполнена (15 сентября) в Петербурге в Суворинском театре. В 1906 году пьеса вновь была запрещена. Разрешена к игре (полный текст) в 1917 году, когда, уже после Февральской революции, вслед за двумя пьесами трилогии исполнялась в Александринском театре при режиссерском участии В. Э. Мейерхольда.

Сухово-Кобылин считал третью пьесу трилогии самым лучшим своим произведением. Уже незадолго до смерти, в 1900 году, он писал о комедии: «Дальнобойность этой пьесы превосходит «Свадьбу Кречинского». В «Кречинском» нет такой страницы, какая явилась в «Веселых днях» [1] в крике чиновника: «Все наше!!» Я могу смело сказать, что такой страницы в России не писано. Тем более что современные политические дела говорят то же самое. Чиновники уходили и разорили страну» (письмо к Н. В. Минину.— Цит. по кн.: К. Р у д н и ц к и й. А. В. Сухово-Кобылин, М., «Искусство», 1957, с. 315).

В предисловии к изданию 1869 года «К читателю» Сухово-Кобылин стремился создать иллюзию несерьезности, развлекательности третьей части трилогии (отсюда и наименование: комедия-шутка), которая якобы введена была в состав пьес больше для счета, «ради любезного числа три». Для этого будто бы и были созданы в разное время написанные сцены, связанные, «как говорится, на живую нитку». Эти сведения, сообщаемые автором, не соответствуют самому существу пьесы, строго подчиненной единому замыслу, вытекающему из второй части трилогии (как сказано в том же предисловии, пьеса имеет «своим мотивом последний монолог Тарелкина в драме «Дело»), и даны, несомненно, для цензуры, которая сильно сомневалась в несерьезности «Смерти Тарелкина».

Первоначальный замысел пьесы был связан с литературным прототипом Тарелкина — Хлестаковым, и пьеса была обозначена в дневниковых записях Сухово-Кобылина названием «Хлестаков, или Долги». По-видимому, перво-

[1] Сценическое название пьесы.

начально тема Тарелкина сводилась к его *тарантасу*, то есть к непрерывному укрытию от преследующих кредиторов, а выманивание взятки у Муромского подогревалось страстным желанием разделаться с долгами. При углублении замысла «укрывание» подсказывает Тарелкину идею мнимой смерти, но стимулом уже является не только разделка с кредиторами, но и жажда мести обманувшему его надежды Варравину. Так возникает сюжет «интимнейших бумаг», которые Тарелкин крадет у своего начальника и при помощи которых надеется выжимать у него деньги. Жажда мести выливается у Тарелкина в своеобразное обличение уже не только Варравина, но всей системы, тем более ядовитое, что сам обличитель есть «особая гадина, этой системой порожденная». Объединение силы департамента с полицейской *палкой* вводит в пьесу Расплюева, что и округляет замысел всей трилогии. Эта последняя стадия работы над замыслом относится уже к 1860-м годам, когда и в заглавие вводится Расплюев, как фигура в пьесе важнейшая («Расплюевская механика», «Расплюевские веселые дни», «Расплюевские красные денечки»).

Последующую за свершением замысла в его полном объеме стадию работы Сухово-Кобылина над пьесой можно назвать «уничтожающей», так как она сводилась к уменьшению сатирического пафоса пьесы, к приближению сатиры к шутке. Эту работу Сухово-Кобылин продолжал почти до конца жизни, так как и постановка пьесы в театре Суворина в 1900 году, и (более удачное) исполнение пьесы в московском театре «Аквариум» в 1901 году, потребовали новых переделок.

Сухово-Кобылин так выразился о цензурной истории трилогии: «Каждая из моих пиес есть процесс, который я должен выиграть против цензуры и прессы» («Театр», 1938, № 5, с. 122). И эти слова более всего соответствуют «судебному делу» пьесы «Смерть Тарелкина». Цензура с однообразной последовательностью начала отклонять разрешение ставить пьесу на сцене с момента ее первого представления в цензурный комитет в 1869 году. В начале 1883 года пьесу рассматривал Театрально-литературный комитет при дирекции императорских театров, отклонивший пьесу со следующим объяснением: «Полицейское управление изображено в главных чертах такими красками, которые в связи с неправдоподобностью фабулы умаляют силу самой задачи и явно действуют во вред художественности» (П. П. Г н е д и ч, Книга жизни, Л., 1929, с. 129). В 1892 году Управление печатью решительно запрещает пьесу, и высшее начальство сообщает автору, что пьеса «не возбудит смеха, а произведет содрогание» и что она является «несправедливой и жестокой сатирой». Сухово-Кобылин пытается объясниться, для чего пишет развернутую «Записку», главная цель которой утверждение, что «Смерть Тарелкина» обличает не сегодняшнее, а высмеивает недавнее, дореформенное прошлое. Эти объяснения не были приняты во внимание цензурой, но «Записка» (опубликованная в кн. И. Клейнера «Драматургия Сухово-Кобылина», М., 1961, с. 261—264) интересна своим полемическим выпадом в части общей цензурной оценки пьесы. Так, Сухово-Кобылин пишет, что сочувствует «...предсказанию

цензуры относительно содрогания, потому что этим она утверждает *нравственный* [1] характер самой ею запрещаемой пьесы».

В 1890-х годах цензурный запрет на пьесу не был снят, и Сухово-Кобылин писал о несчастной судьбе пьесы актеру В. Н. Давыдову: «Озлобление цензуры на нее большое — она обречена на вечный запрет — то есть для меня на вечный, ибо мне 74 года — скоро умирать!»

Наконец в 1900 году состоялась премьера пьесы, написанной более чем за тридцать лет до постановки. Текст был сильно цензурован. (Монолог Тарелкина в 1-м явлении первого действия дан отдельными фразами. Отсутствует безобразная свалка эпизода «Складчина». Сокращена «заупокойная» речь Тарелкина.) Но и в таком виде пьеса была запрещена для народных театров. «...Пьеса эта для народных театров совершенно непригодна, представляет из себя сатиру на администрацию вообще и полицию в частности»,— писал цензор в 1905 году; а в 1906 году пьеса была вновь запрещена, причем цензура объясняла запрет тем, что фраза: «Всю Россию под арест» — слишком современна» («Театр и искусство», 1906, № 31, с. 469).

Сложность комедии, в которой объединены фантастика и шарж с реализмом, сделала ее трудной для исполнителей. Наиболее блестящей была постановка, сделанная знаменитым актером В. Н. Давыдовым с группой актеров петербургского Александринского театра — в Москве в июне 1901 года (в помещении театра «Аквариум»). В. Н. Давыдов играл Расплюева, и как писал рецензент спектакля в газете «Русское слово» (от 11 июля 1901 г.): «Все сцены с г. Давыдовым проходили при гомерическом хохоте, достигшем высших границ в знаменитой картине, где Расплюев является в качестве следователя...»

Стр. 299. *Николаю Дмитриевичу Шепелеву.*— Н. Д. Шепелев — двоюродный брат Сухово-Кобылина, был знатоком и любителем театра, эрудированным в мировой драматургии.

...на высотах Альбано, в памятной нам Locanda Emiliana...— Речь идет о пребывании Сухово-Кобылина в Италии в 1839—1840 гг. (Альбано находится в 30 км. от Рима, в горах, на берегу озера).

...и зачитывались Гоголем до упаду.— Чтение Гоголя и увлечение им могли быть усугублены встречей Сухово-Кобылина с Гоголем на палубе корабля на пути в Италию весной 1839 г.

Стр. 300. *... забыть ту Злобу, которая, по словам Писания, каждому Дневи довлеет* — слова из Библии (Новый завет). «Довлеет дневи злоба его»— означает: каждый день имеет свои заботы.

Стр. 327. *Спросите у него вид* — то есть документ, соответствующий паспорту.

Стр. 329. *...крепости адамантовой.*— Адамант — алмаз, бриллиант *(греч.)*.

---

[1] Подчеркнуто самим Сухово-Кобылиным.

Стр. 336. *...как Суворов Прагу — штурмом взял...*— Речь идет о штурме предместья Варшавы Праги (1794), встретившем сильное сопротивление.

Стр. 342. *Это — это фрей масон?* — Фреймасоны (от *англ.* free-mason), или франкмасоны — название членов философского мистического общества, возникшего в конце XVIII в. и имевшего целью нравственное совершенствование и единение на началах правды и братской любви. Было связано и с политическим реформизмом, что вызывало в России гонения на масонов еще в конце XVIII в. и запрет общества в канун декабристского восстания.

Стр. 351. *...для тягол.*— Тягло — крепостная повинность, барщина или оброк с крестьянской семьи.

А. ОСТРОВСКИЙ. ПЬЕСЫ

Пьесы Александра Николаевича Островского (1823—1886) печатаются по тексту издания: А. Н. Островский. Собрание сочинений в десяти томах. М., Гослитиздат, 1959.

СВОИ ЛЮДИ – СОЧТЕМСЯ!

Начальные названия комедии: «Несостоятельный должник», затем — «Банкрут». Напечатана в журнале «Москвитянин», 1850, № 6.

К постановке была запрещена драматической цензурой, которая в рапорте от 23 ноября 1849 года резко отозвалась о содержании комедии, найдя ее «обидной для русского купечества». Представители московского купечества подали на Островского жалобу на высочайшее имя, и Николай I отослал пьесу на рассмотрение Особого цензурного комитета (Бутурлинского). Последовало заключение о непригодности пьесы для печати и сцены ввиду отсутствия противостоящих положительных персонажей и должного финала, в котором автору надлежало показать, что «злодеяние должно понести кару еще на земле». Доклад комитета был скреплен рескриптом Николая I (30 марта 1850 г.): «Совершенно справедливо, напрасно печатано, играть же запретить». Островского было велено «иметь под присмотром», а попечителю Московского учебного округа было поручено вразумить драматурга. Островский ответил объяснительным письмом от 26 апреля 1850 года, в котором писал: «Согласно понятиям моим об изящном, считая комедию лучшею формою к достижению нравственных целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме, я должен был написать комедию или ничего не написать. Твердо убежденный, что всякий талант дается богом для известного служения, что всякий талант налагает обязанности, которые честно и прилежно должен исполнять человек, я не смел оставаться в бездействии. Будет час, когда спросится у каждого: где талант твой?» Ответ этот, по-видимому, хотели поддержать влиятельные литераторы, о чем можно судить по статье П. О. Морозова «Литературные дебюты А. Н. Островского» (журнал «Образование», 1896, № 4), где написано, что сохранилась записка Гоголя,

наскоро написанная по этому поводу карандашом графине Ростопчиной. В этой в настоящее время утраченной записке Гоголь писал: «Я тоже нахожу ответ Островского очень благоразумным. Дай ему бог успехов во всех будущих трудах и полного уменья выражать ясней их благонамеренность, чтобы ни в ком не оставалось какое-нибудь на этот счет сомненье. При внутреннем усовершенствовании это приходит само собою. Самое главное, что есть талант, а он везде слышен» (цит. по тексту статьи В. Я. Лакшина «Новое об Островском».— «Литературная газета» от 16 октября 1972 г.). Однако реабилитации Островского не произошло, и для включения запрещенной пьесы в свое первое собрание сочинений (1859) Островский вынужден был внести в текст множество автоцензурных изменений, умноженных затем цензурой. Финал комедии был изменен; введена была сцена с квартальным надзирателем, который арестовывает Подхалюзина для представления «к следственному приставу, по делу о сокрытии имущества несостоятельного купца Большова». Островский по этому поводу говорил друзьям: «Чувство, которое я испытывал, перекраивая «Своих людей» по указанной мерке... можно сравнить разве только с тем, если бы мне велели самому себе отрубить руку или ногу» (А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. X. Изд. «Просвещение», с. XXXIV). Вынужденное у автора искажение пьесы нарушило главную идею ее, которую Добролюбов определил со всей четкостью («В «Своих людях» мы видим... несколько степеней угнетения, указывается некоторая система в распределении самодурства, дается очерк его истории».— Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 5, М.—Л., Гослитиздат, 1962, с. 40).

В 1861 году пьеса появилась на сцене Александринского театра в Петербурге (16 января); главные роли играли: Большова — Ф. А. Бурдин, Подхалюзина — П. В. Васильев. Одновременно (с 31 января) в том же цензурованном виде пьеса пошла в Малом театре в Москве, где роль Большова играл М. С. Щепкин, а Подхалюзина — П. С. Садовский.

В 1881 году комедия была впервые сыграна в первоначальной, нецензурованной редакции в Московском частном (Пушкинском) театре в исполнении В. Н. Андреева-Бурлака (Подхалюзин), М. И. Писарева (Большов) и др.

Стр. 378. *С городовыми лучше не связывайся...*— Имеются в виду купцы из провинциальных городов.

...другая красная — лавка с красным товаром, то есть продающая ткани.

Вязка — отступное, уплачиваемое с тем, чтобы лица, могущие быть конкурентами на торгах, не портили цены.

Стр. 388. *...голицами торговал на Балчуге.*— Речь идет о Балчугском рынке (Замоскворечье), где в качестве товара для простонародья продавались и голицы, или голяки: прутяные, жесткие метелки для подметания дворов или для протирки (скоблежки) некрашеных полов.

Стр. 413. *Конкурс* (Конкурсное управление) — учреждение, представлявшее собой собрание заимодавцев для рассмотрения дел несостоятельного должника.

Напечатана впервые в «Библиотеке для чтения», 1860, № 1.

Замысел связан с экспедиционной поездкой Островского в верховья Волги (от истоков до Нижнего Новгорода), где он по заданию Морского ведомства собирал материалы по изучению быта, нравов и промыслов. Собранные материалы и непосредственные впечатления вдохновили Островского на создание «целого ряда пьес под общим заглавием «Ночи на Волге», о чем он писал Некрасову 25 сентября 1857 года, предполагая печатать свой цикл в журнале «Современник». Однако материальные затруднения не дали возможности Островскому сосредоточиться на задуманном и посвятить все время на исторические разыскания, необходимые в связи с тем, что в «Ночи на Волге» должны были войти и исторические волжские хроники (в числе их, по-видимому, написанные лишь в 1860-х годах «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», 1861, и «Воевода. Сон на Волге», 1865). Принадлежность к волжскому циклу придает драме «Гроза» особый акцент общего замысла, связанного с идеей вольнолюбивого Поволжья.

И. С. Тургенев назвал «Грозу» «удивительнейшим, великолепнейшим произведением русского могучего, вполне овладевшего собою таланта» (письмо к А. А. Фету от 28 ноября 1859 г.).

«Гроза» имела огромное влияние на развитие русского сценического искусства, явившись (более чем все другие пьесы Островского) основанием для самого понятия: «Театр Островского». Роль Катерины содействовала всемирной славе таких актрис, как М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова.

Впервые «Гроза» была представлена в Москве, на сцене Малого театра 16 ноября 1859 года. Главные роли играли тогдашние знаменитости: Л. П. Никулина-Косицкая (Катерина), Н. В. Рыкалова (Кабанова), П. М. Садовский (Дикой), С. В. Васильев (Тихон), В. И. Дмитревский (Кулигин), В. Ленский (Кудряш).

Стр. 437. *Уж у нас ли, кажется, вам, странным, не житье...* — То есть нищим странникам, которые, странствуя по монастырям по всей России, подолгу жили у богомольных богачей, в купеческих домах и в дворянских поместьях.

Стр. 451. *Открылась бездна звезд полна,||Звездам числа нет, бездне — дна.*— Цитата из оды М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о божием величестве по случаю великого северного сияния» (1743).

Стр. 454. *Девки гуляют себе, как хотят, отцу с матерью и дела нет. Только бабы взаперти сидят.*— Путешествуя по городам и селам верховья Волги, Островский отметил любопытный обычай девичьей свободы и строгого затворничества замужних женщин. По этому поводу один из членов волжской экспедиции 1856 г., в которой участвовал и Островский,— этнограф С. Максимов писал: «На городском бульваре и на улицах (Торжка.— *И. М.*) по вечерам наш автор видал еще стройных новоторок в бархатных шубейках ряд-

ком и обок с своими «предметами» — добрыми молодцами, с которыми обычай разрешал открыто целоваться и миловаться» («Русская мысль», 1890, № 2).

Стр. 462. *Я телом в прахе истлеваю...*— Стихи из оды Г. Р. Державина «Бог» (1784).

Стр. 464. *С полночных стран встает заря...*— Стих из оды М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о божием величестве по случаю великого северного сияния».

Стр. 466. *Ночною темнотою покрылись небеса* и далее.— Кулигин поет народный романс на текст стихотворения М. В. Ломоносова (1747).

ЛЕС

Напечатано в «Отечественных записках», 1871, № 1, январь.

Островский считал «Лес» лучшей своей комедией. Напечатавший ее в своем и Салтыкова-Щедрина журнале, Некрасов назвал комедию «вещью великолепной». Однако в игровом отношении комедия оказалась трудной. Первое исполнение в Александринском театре в Петербурге (1 ноября 1871 г.) было неудачным. Вскоре затем исполненная в Москве (в Малом театре), даже и при руководстве самого Островского, при таких актерах, как Н. М. Медведева (Гурмыжская), С. В. Шумский (Счастливцев), тоже не имела должной цельности. Вполне «прочитана» была пьеса со всеми тонкостями ее в идейно-стилевом плане лишь в наше время, причем разными театрами в своей манере — Театром драмы им. Пушкина (1936) в Ленинграде, Малым театром (1937), МХАТом (1948) и театром Мейерхольда (1924) в Москве.

Стр. 500. *Играл я Велизария...*— Велизарий — герой одноименной драмы немецкого драматурга Эдуарда Шенка (1788—1841).

Рыбаков Николай Хрисанфович (1811—1876) — знаменитый русский актер-трагик, выступавший в провинции.

Стр. 501. *Ляпунов... Фидлер...*— персонажи драмы Н. Кукольника (1809—1868) «Князь Михайло Васильевич Скопин-Шуйский».

Стр. 502. *Землей войска Донского? Там, не то что даром, а и за деньги не накормят табачника.*— Среди казаков некоторых округов Области войска Донского было много старообрядцев, строго осуждавших куренье табака.

Стр. 508. *Не тебе чета, сам Мартынов играл лакеев, а ты стыдишься.*— Мартынов А. Е. (1816—1860) — знаменитый артист Александринского театра; исполнял роль Осипа в «Ревизоре».

Стр. 509. *Сганарель* — роль слуги в комедиях Мольера «Дон-Жуан», «Лекарь поневоле», «Брак поневоле».

Стр. 540. *Ты выменяй образ моего ангела...*— то есть добудь икону того святого, именем которого человек назван (икону нельзя купить, ее можно только выменять, хотя бы на деньги).

Стр. 557. *Люди, люди! Порождение крокодилов!* и далее — монолог Карла Моора из 2 сцены I действия трагедии Ф. Шиллера «Разбойники» (1781).

Напечатана в «Вестнике Европы», 1873, № 9, сентябрь.

Пьеса создавалась на основе сказочного, песенного и песеннообрядового материала русской народной поэзии. Основными источниками для Островского были «Народные русские сказки» Афанасьева, «Песни, собранные Рыбниковым», «Сборник русских народных песен» И. Прача (игровые песни в сценах в заповедном лесу и в Ярилиной долине). Среди бумаг Островского имеются записи «Песни о хмеле» в нескольких вариантах и др.

Музыка к пьесе писалась П. И. Чайковским по мере присылки ему отдельных сцен, над которыми работал Островский. Отсылая Чайковскому второе действие, начинающееся с хора слепых гусляров во дворце у Берендея, Островский писал композитору: «Посылаю Вам песнь слепых гусляров... ритм, кажется, подходит к словам, я его извлек из поэмы XII века «Слово о полку Игореве» (А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XV. М., Гослитиздат, 1953, с. 10). В отношении *ритма* в «Слове о полку Игореве» Островский проявил солидарность с поэтом А. Майковым, чей перевод «Слова», вышедший в 1870 г., драматург и взял за основу для текста хора гусляров. По поводу интерпретации образов древнерусского памятника, связанных с поэзией «Снегурочки», современный исследователь «Слова» пишет: «В небольшом по объему тексте (хора гусляров.— *И. М.*) А. Н. Островский сумел передать наиболее яркие поэтические образы почти всего «Слова» — здесь и вещие рокочущие струны гуслей, и картины битвы, и образ плачущих по убитым жен, и удачное переосмысление яркого противопоставления в «Слове» битвы — мирному труду ратаев» (Л. А. Дмитриев. «Слово о полку Игореве» и русская литература.— В кн.: «Слово о полку Игореве». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1967, с. 84).

Впервые «Снегурочка» была исполнена на сцене Большого театра в Москве 11 мая 1873 года. Роль девушки Снегурочки исполняла Г. Н. Федотова. Спектакль потребовал от Островского огромной работы с актерами, но по необычности своей не вполне удался.

Наибольшим успехом драматическая сказка Островского пользовалась в исполнении Московского Художественного театра в постановке К. С. Станиславского, который писал: «Снегурочка» — сказка, мечта, национальное предание, написанное, рассказанное в великолепных звучных стихах Островского. Можно подумать, что этот драматург, так называемый реалист и бытовик, никогда ничего не писал, кроме чудесных стихов, и ничем другим не интересовался, кроме чистой поэзии и романтики» (К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М.—Л., 1948, с. 287). Пьеса была поставлена в сопровождении музыки Гречанинова 20 сентября 1900 года. Роль Снегурочки была исполнена М. П. Лилиной, роль Леля — М. Ф. Андреевой, Берендея — В. И. Качаловым, и спектакль был одним из лучших созданий МХАТа. Горький писал А. П. Чехову: «Снегурочка» — это событие! Огромное собы-

тие — поверьте!.. Чудно, великолепно ставят художники эту пьесу, изумительно хорошо!.. Все хороши, один другого лучше, и — ей-богу — они как ангелы, посланные с неба рассказывать людям глубины красоты и поэзии... Вам, по-моему, не следует ехать в Москву — захвораете. Но ради «Снегурочки» — стоит поехать хоть на Северный полюс, право» (М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 28. М., Гослитиздат, 1954, с. 130).

Стр. 567. *Ярило* — по верованиям древних славян, бог солнца, плодородия и любви.

Стр. 628. *Раскуполка души* — здесь: первая любовь (раскуполка — цветочная почка).

БЕСПРИДАННИЦА

Драма задумана в 1874 году, написана в 1878 году (в 1876 г., сообщая актеру Ф. А. Бурдину, о том, что «пишет комедию «Правда — хорошо, а счастье лучше», Островский прибавляет: «Все мое внимание и все мои силы устремлены на следующую большую пьесу, которая задумана больше года тому назад и над которой беспрерывно работал» (А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XV, М., Гослитиздат, 1953, с. 74).

Напечатана в «Отечественных записках», 1879, № 1.

Островский, ценя эту свою драму (помеченную в черновике как «Opus 40»), писал, что даже «лица и враждебно к нему расположенные...» все единогласно признали «Бесприданницу» лучшим из его произведений, и удивлялся, что Бурдин, для которого он писал роль Кнурова, «спокойную и типичную, то есть живую», не оценил этой роли (письмо к Ф. А. Бурдину от 3 ноября 1878 г. — Там же, с. 128).

Первый, кто сыграл роль Ларисы, была Г. Н. Федотова (в Москве, в Малом театре, 10 ноября 1878 г., с М. П. Садовским, А. П. Ленским, И. В. Самариным и Н. М. Медведевой — в ролях Карандышева, Паратова, Кнурова и Огудаловой). Прославленной Ларисой вслед за тем стала М. Н. Ермолова, а в Петербурге, в Александринском театре, где пьеса пошла с 22 ноября 1878 года — М. Г. Савина. Позднее роль Ларисы явилась величайшим сценическим образом, созданным В. Ф. Комиссаржевской, углубившейся в душевную трагедию своей героини и пренебрегшей эффектами огудаловского «цыганского табора», соблазнявшими многих актрис.

Стр. 669. *Кожухи-то на «Ласточке» больно приметны.*— Кожухи — покрышки над гребными колесами пароходов.

Стр. 670. *...у нас на низу* — то есть в низовьях Волги, тогда как Бряхимов (вымышленный «большой город», где происходит действие) находится в верховьях реки.

Стр. 715. *Не искушай меня без нужды...*— романс М. Глинки на слова элегии Е. Баратынского «Разуверение».

Стр. 728. *...на какого Медичиса нападешь* — шуточное сопоставление забавляющегося искусством русского купчика со знаменитыми флорентинскими меценатами эпохи Возрождения из рода Медичи; из них Лоренцо, по прозванию Великолепный (1449—1492), особенно прославился покровительством науке и искусству.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Напечатана в «Отечественных записках», 1882, № 1.

Первоначальные названия — «Фантазеры», затем — «Мечтатели».

Островский писал по поводу своей новой комедии: «У меня выходит пьеса очень эффектная, с богатой ролью для Савиной» (письмо Ф. А. Бурдину от 10 сентября 1881 г.— Там же, т. XVI, с. 23).

И действительно — роль Негиной была одной из знаменитых в исполнении М. Г. Савиной (впервые актриса играла 6 января 1882 г. с В. Н. Давыдовым, прославившим роль Нарокова). Первой Негиной была М. Н. Ермолова, игравшая эту роль, начиная с 20 декабря 1881 года, с Мелузовым — М. П. Садовским, Великатовым — А. П. Ленским, и Домной Пантелевной — О. О. Садовской.

Роль Мелузова оказалась в центре внимания тогдашней интеллигенции. Художник М. О. Микешин писал по этому поводу Островскому: «...не могу удержаться и не высказать тебе своего полного и глубокого уважения за то, что я, как и вся публика, видит в твоем типе *студента*. У меня нет слов, чтобы выразить тебе свою художественную и *гражданскую* благодарность за ту серьезную услугу, какую ты этим типом оказал и обществу, и многострадальному «московскому студенчеству» (Неизданные письма к Островскому, М.—Л., 1932, с. 246).

Письмо это и восторги, выраженные публикой при появлении на сцене Садовского в роли Мелузова, вылились тогда в своеобразную демонстрацию, понятную в свете событий 1881 года (убийство Александра II и репрессии, в этой связи предпринятые правительством).

Стр. 739. *Я не chou-fleur и не siffleur...*— каламбур Нарокова в связи с тем, что Домна Пантелевна вместо «суфлер» произнесла «шуфлер» (chou-fleur — цветная капуста, *франц.*; siffleur — свистун, *франц.*).

Стр. 759. *Ты знаешь Лира?* — Речь идет о диалоге короля Лира с шутом в трагедии В. Шекспира «Король Лир» (д. 3, сц. 2).

Стр. 760. *Офелия, удались от людей!* — Трагик цитирует слова Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (сцена 1, действие 3).

И. Медведева

СОДЕРЖАНИЕ

И. Медведева. Три драматурга 5

А. ГРИБОЕДОВ

ГОРЕ ОТ УМА. *Комедия в четырех действиях, в стихах* . . . 35

А. СУХОВО-КОБЫЛИН

СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО. *Комедия в трех действиях* 139
ДЕЛО. *Драма в пяти действиях* 209
СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА. *Комедия-шутка в трех действиях* . . . 297

А. ОСТРОВСКИЙ

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ! *Комедия в четырех действиях* . . 359
ГРОЗА. *Драма в пяти действиях* 421
ЛЕС. *Комедия в пяти действиях* 475
СНЕГУРОЧКА. *Весенняя сказка в четырех действиях с прологом* 559
БЕСПРИДАННИЦА. *Драма в четырех действиях* 665
ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ. *Комедия в четырех действиях* . . 735
Примечания *И. Медведевой* 803

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ВТОРАЯ
Том 79

Александр Сергеевич
Грибоедов
ГОРЕ ОТ УМА

Александр Васильевич
Сухово-Кобылин
ПЬЕСЫ

Александр Николаевич
Островский
ПЬЕСЫ

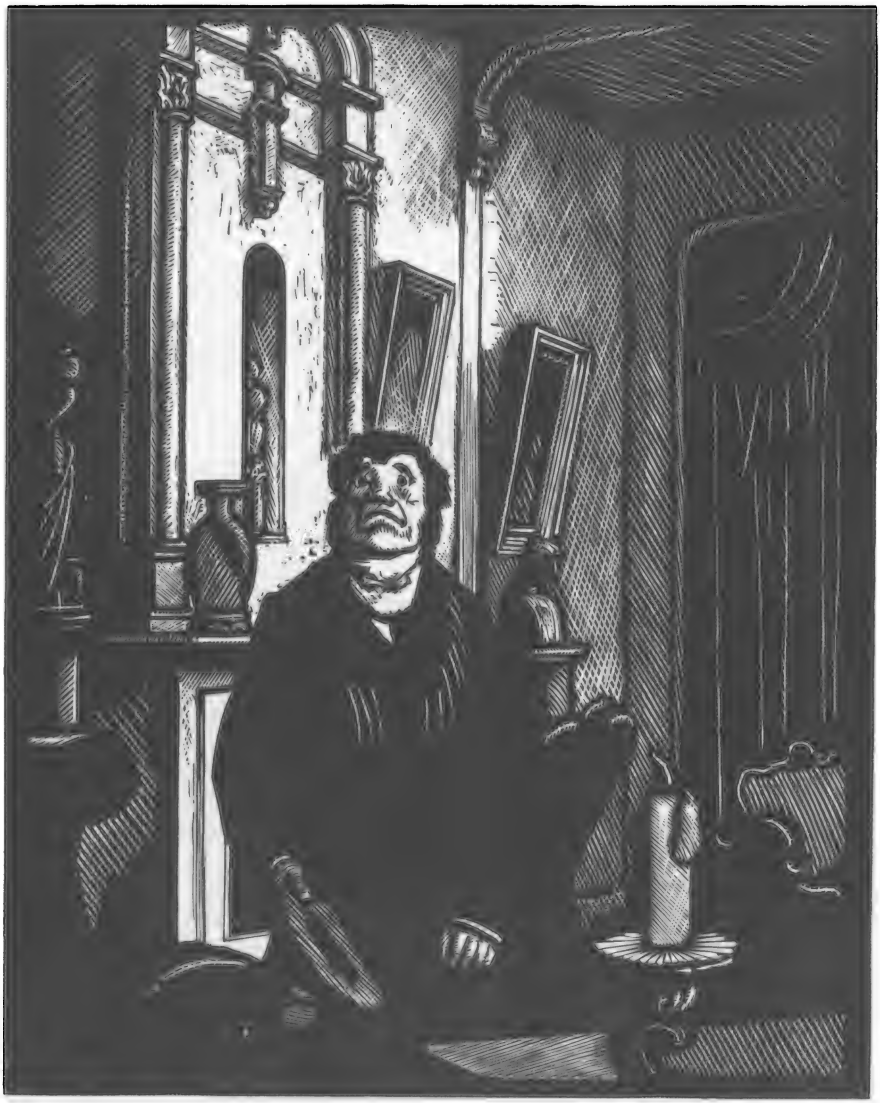
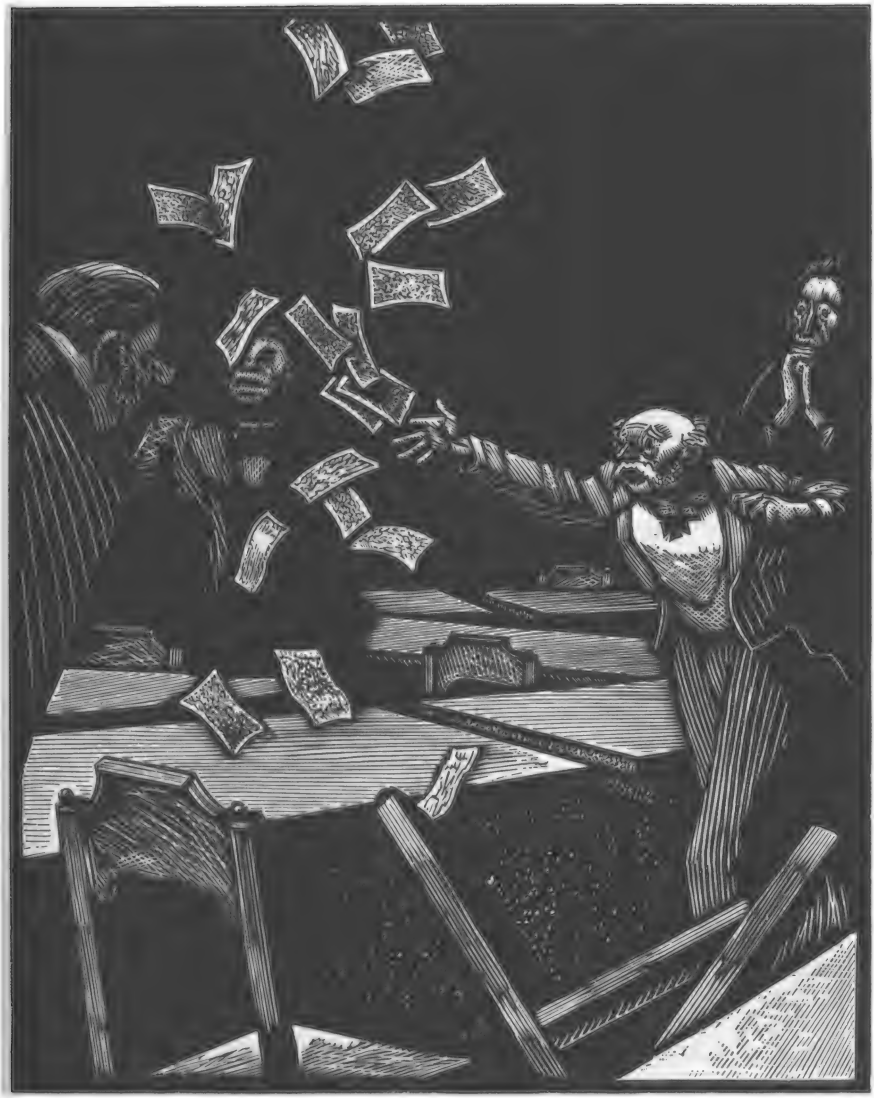
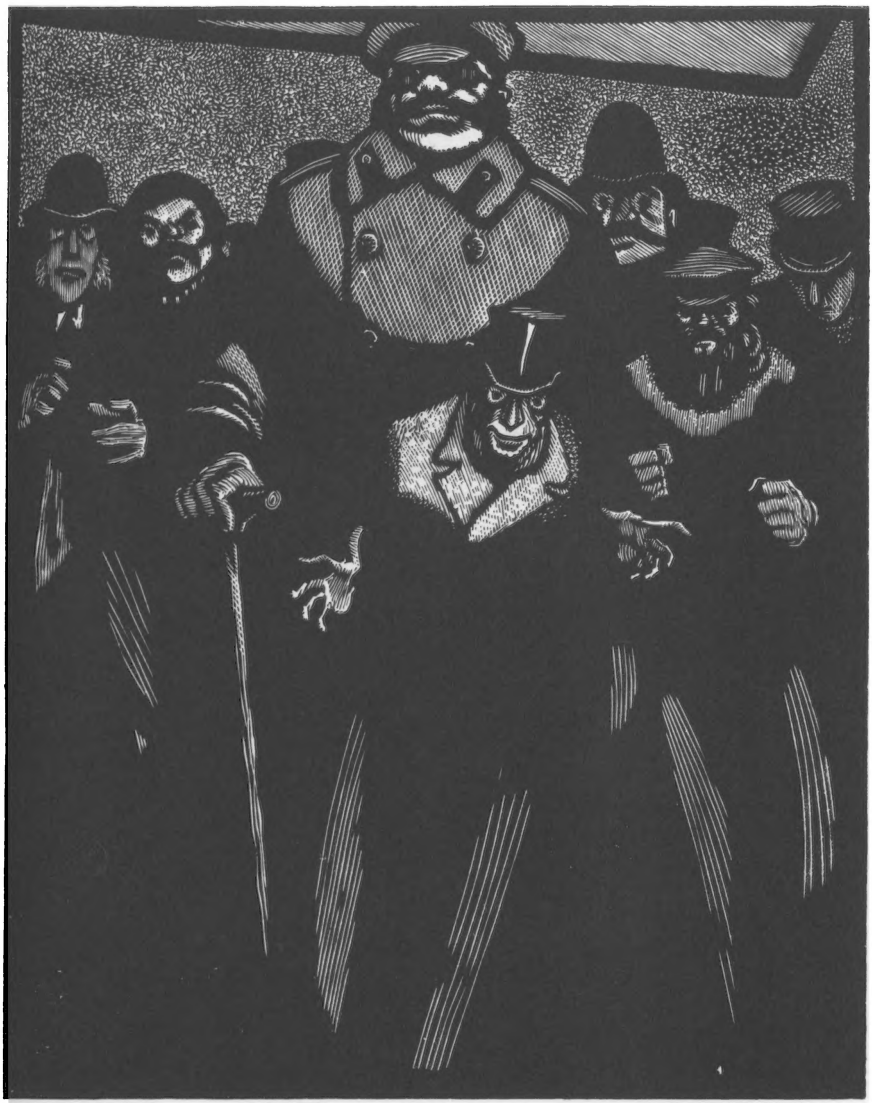
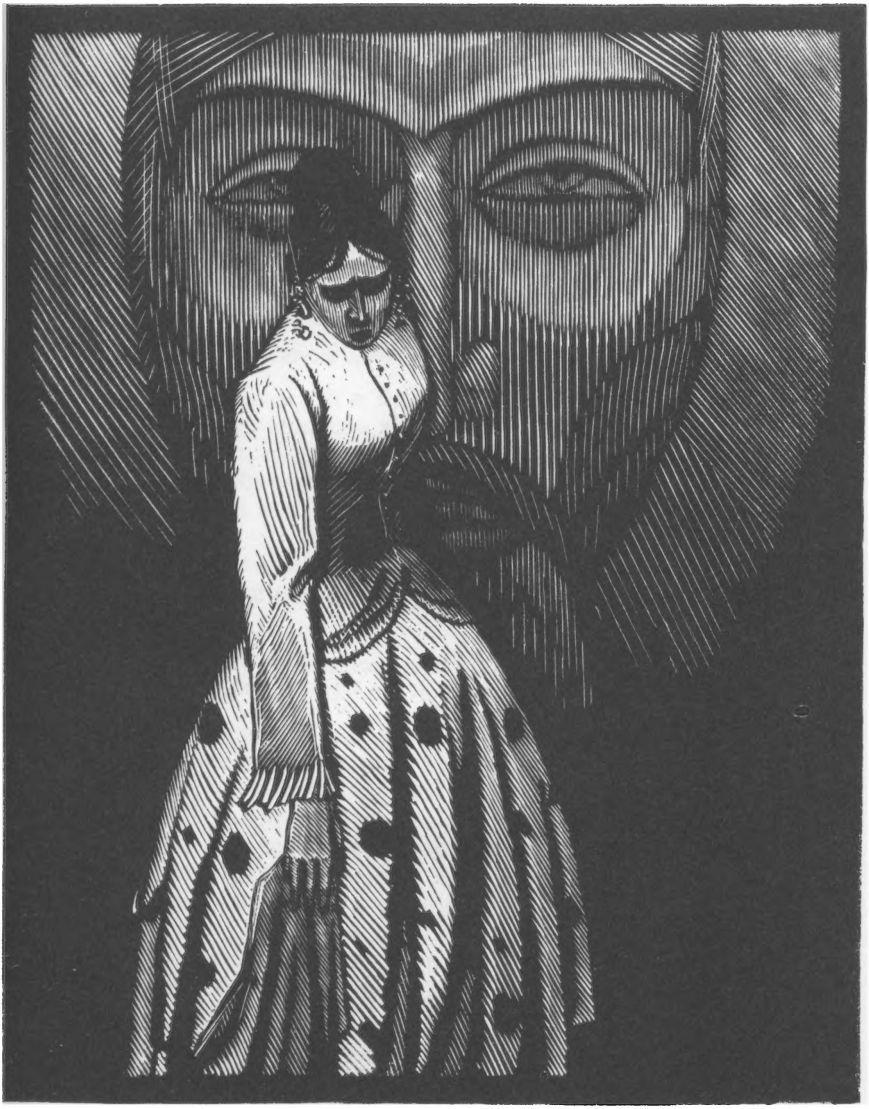
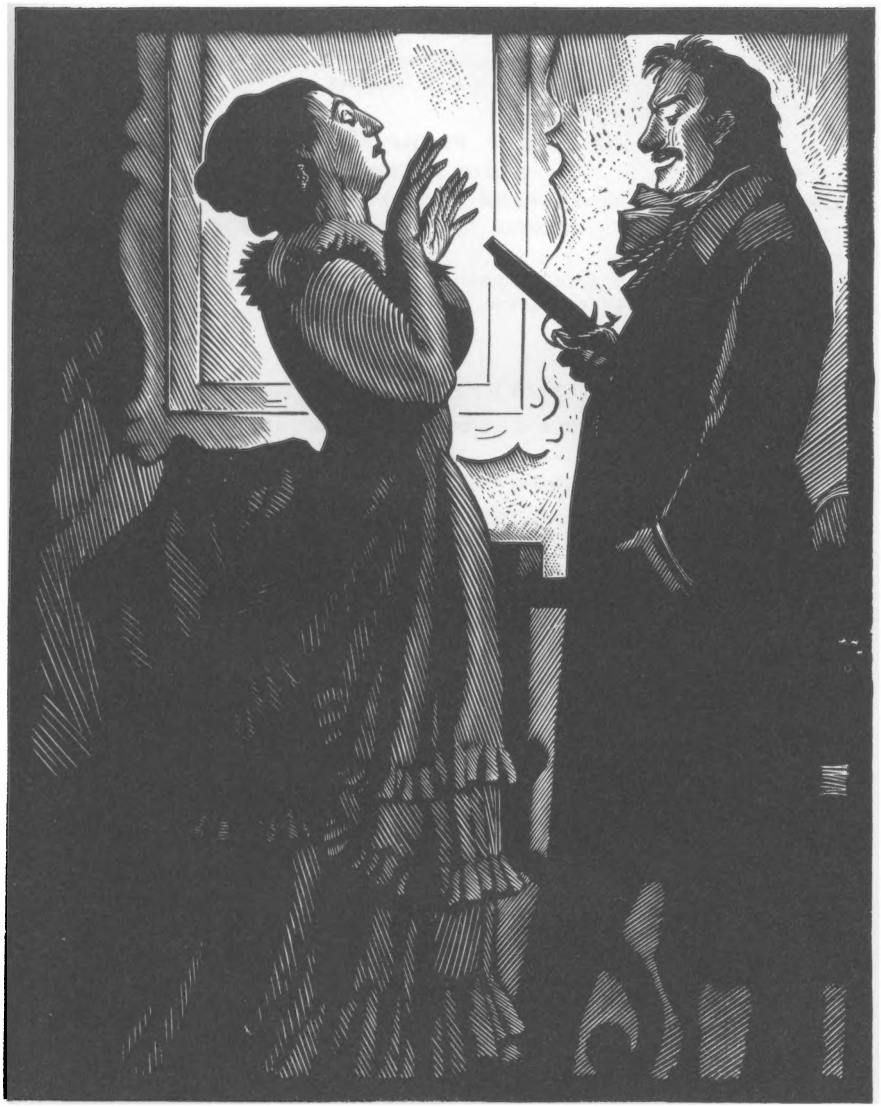
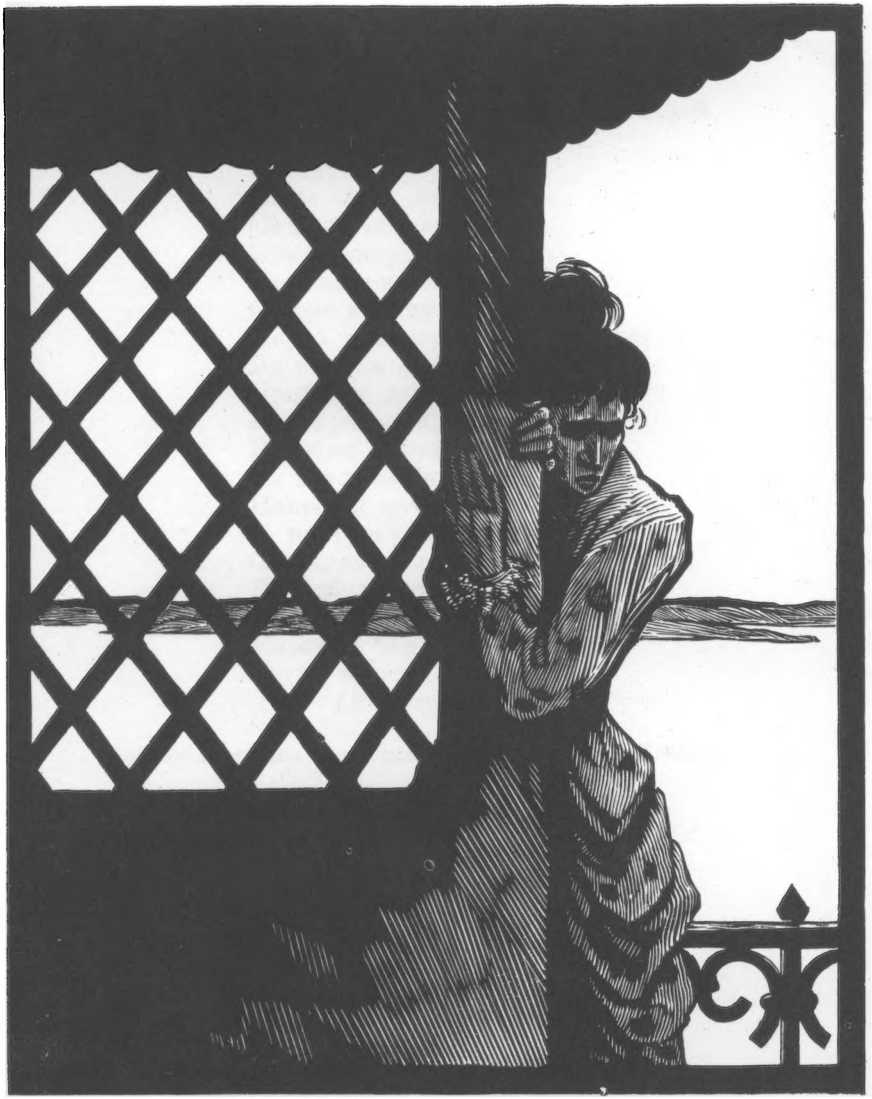
*

Редактор С. Чулков
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
В. Кулагина
Корректоры
Р. Пунга и А. Юрьева

*

Сдано в набор 16/III 1973 г. Подписано к печати 20/VIII 1973 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 52 печ. л. 48,52 усл. печ. л. 46,51+4 нак.= =46,95 уч.-изд. л. Тираж 303 000. Заказ № 235. Цена 2 р. 33 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая 28